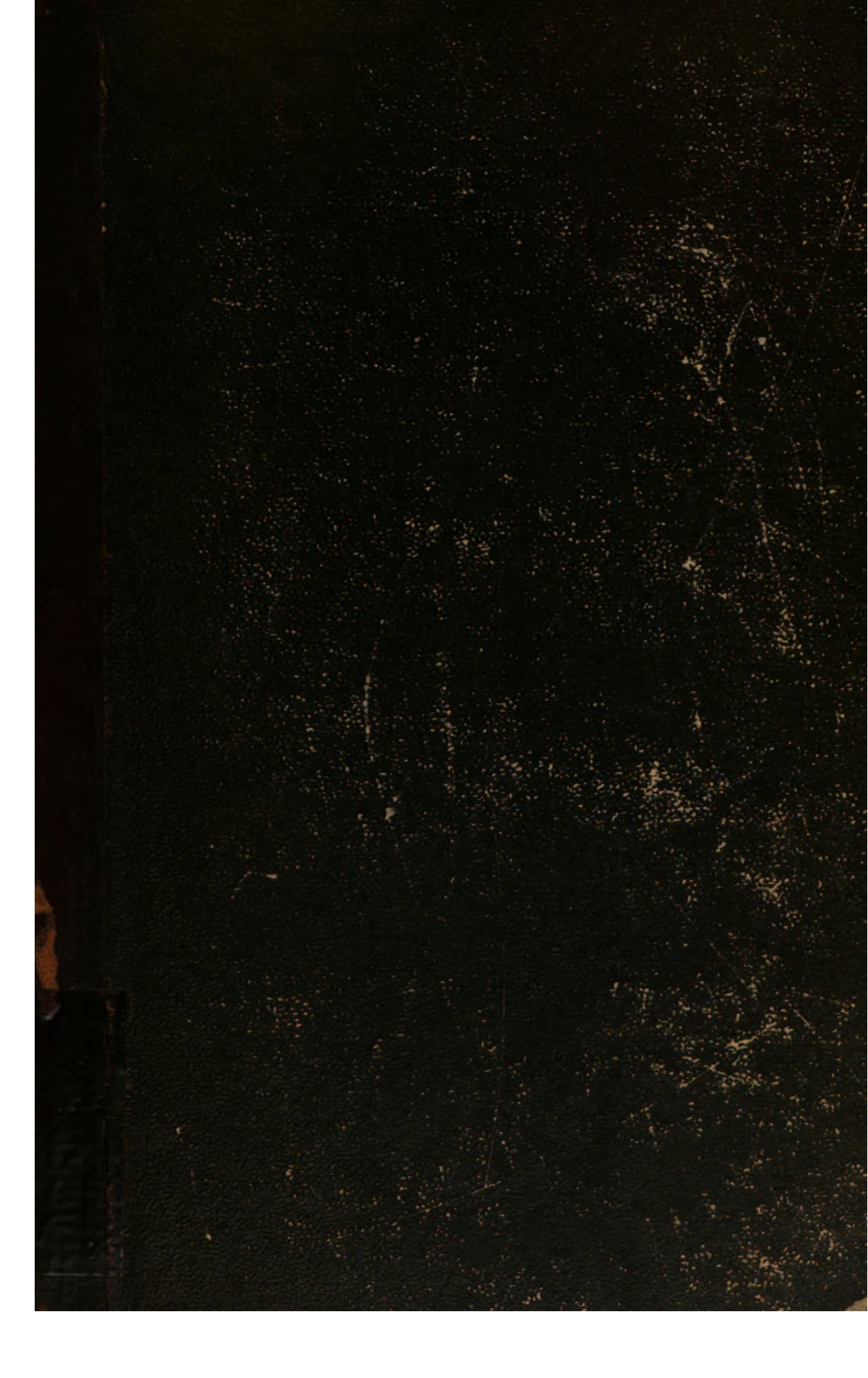
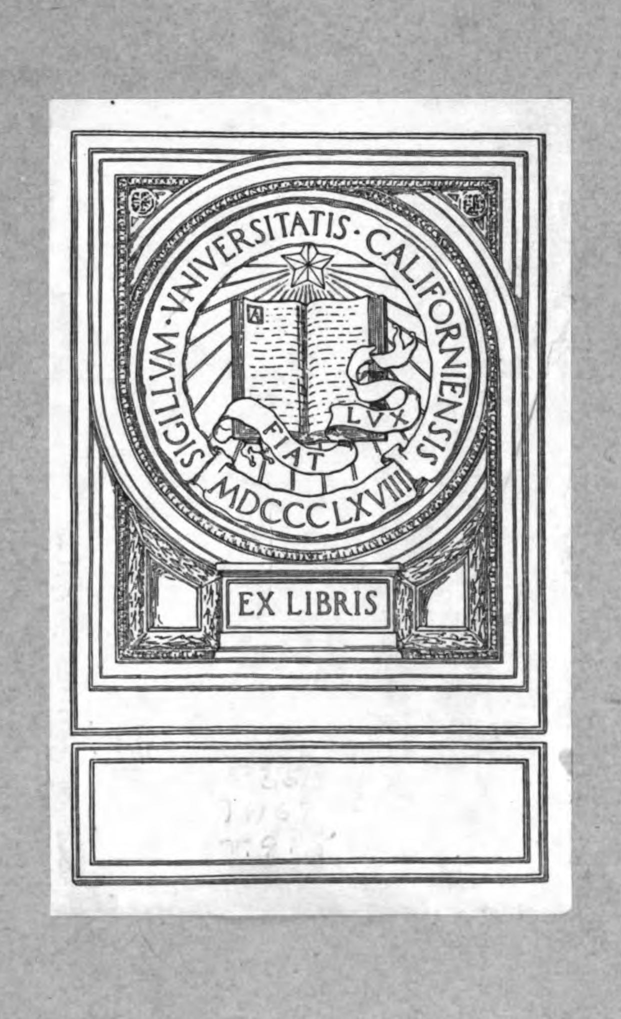



SIGILLVM · VNIVERSITATIS · CALIFORNIENSIS
LVX
FIAT
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS

Годъ IX-й. № 8-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

АВГУСТЪ

1900 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская 43).
1900.

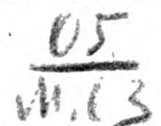
СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Годъ IX-й. **№ 8-й.**

МІРЪ БОЖІЙ



ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

АВГУСТЪ

1900 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1900.

Дозволено цензурою 27-го іюля 1900 года. С.-Петербургъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

ВЪ СИБИРЬ ЗА ЗЕМЛЕЙ И СЧАСТЬЕМЪ.

I.

Переселеніе крестьянъ въ Сибирь—крупное и не новое явленіе въ нашей соціальной жизни, а между тѣмъ до начала 80-хъ годовъ и общество, и правительство едва удѣляли свое вниманіе этому факту. До 80-хъ годовъ тихо и незамѣтно, точно совершая незаконный поступокъ, сначала сотни, а затѣмъ и тысячи людей по веснѣ перебирались за Уралъ, ища тамъ земли и лучшаго будущаго. Находили ли они искомое, или погибали въ Сибири въ неравной борьбѣ съ суровой природой, никто объ этомъ не зналъ, а если кто изъ знавшихъ и говорилъ, то голосъ его оставался вопіющимъ въ пустынѣ. И только когда десятки тысячъ побѣжали въ Сибирь, былъ назначенъ рядъ коммиссій, и общество громко заговорило о необходимости правильной организаціи переселеній. Отвѣтомъ на этотъ говоръ черезъ девять лѣтъ появился законъ 89 года, стремившійся уменьшить переселенческую волну и направить ее по законному ложу. Но кривая переселенческаго движенія не упала послѣ этого внизъ, а, напротивъ, волна, наростая все больше и больше, побѣжала стороной отъ предначертаннаго законодателемъ пути. Очевидно, въ нѣдрахъ народной жизни совершалось нѣчто, заставлявшее русскаго мужика предпочитать неопредѣленное будущее и незаконное скитаніе привычному пребыванію на родинѣ и спокойной жизни подъ сѣнью дѣдовскихъ устоевъ. Дѣдовскіе устои, очевидно, сильно поколебались: жить тамъ, гдѣ жили, хотя и тужили, отцы, стало больше не въ моготу. И чѣмъ дальше шло время, чѣмъ труднѣе становилось крестьянину жить на Руси, чѣмъ устои все больше расшатывались, тѣмъ все больше народа стало бѣжать въ Азію. Всероссійскій голодный 91 годъ—событіе, давно ожидаемое немногими и полная неожиданность для большинства, естественно долженъ былъ снова выдвинуть вопросъ о крестьянствѣ, о его бѣдности и о средствахъ помощи. Урегулированіе переселеній одинъ лишь аккордъ въ длинной симфоніи печальниковъ земли русской; хотя звучалъ онъ какъ-то громче другихъ, но цѣли своей не достигъ: переселенія не урегулировались, а за Уралъ ежегодно шли уже десятки тысячъ людей. Что гонитъ ихъ изъ Россіи и что дѣлается съ

ними тамъ, въ Сибири, объ этомъ едва-едва знали, и, быть можетъ, не скоро бы узнали, если бы не настало время заселить районъ строющейся великой сибирской дороги. Со времени учрежденія комитета начинается болѣе точное и толковое знакомство со всѣмъ, что дѣлается по сю и по-ту сторону великой магистрали. Но пока идетъ это ознакомленіе, передняя Сибирь незамѣтно успѣла заселиться, и приходящимъ вновь изъ Россіи толпамъ бѣглецовъ какъ будто бы и нѣтъ уже мѣста въ сибирскихъ многоземельныхъ равнинахъ и горахъ по сю сторону рѣки Оби. А переселенческая волна все растетъ, и въ 1898 году, легко перекатившись черезъ Обь, Енисей, Байкалъ, разсыпалась мелкими брызгами по восточной Сибири. Въ слѣдующіе года (1897—99) русскіе люди еще дальше на востокъ пошли искать и земли, и счастья, и воли. Земли въ Азіи много, но найдется ли въ ней для нихъ счастье и воля?..

Судьбѣ этихъ «искателей» и посвящены слѣдующія строки. Останавливаясь, главнымъ образомъ, на переселенцахъ 1896 года, именно на той сорокатысячной группѣ, которая пошла искать лучшаго будущаго за рѣку Обь, авторъ имѣетъ въ виду подѣлиться съ читателемъ нѣкоторыми своими наблюденіями надъ переселенческой массой въ первые моменты ея сибирской жизни, дополняя картину, нарисованную на основаніи личныхъ впечатлѣній, данными той регистраціи, матеріаломъ для которой послужили «объекты» и его наблюденія. Хотя, въ силу того, что вся четырехмѣсячная жизнь автора лѣтомъ 1896 года въ Кривощековѣ состояла въ постоянной быстрой, безпорядочной смѣнѣ лицъ, впечатлѣній и положеній, его наблюденія безсистемны и непродолжительны, но думается, что и эти «отрывки» стоятъ вниманія: въ нихъ рѣчь идетъ если и о небольшомъ кусочкѣ жизни не малаго числа людей, то все же о тѣхъ людяхъ, которые сами про себя ничего не раскажутъ.

Правда, про нихъ многое разсказываетъ недавно обнародованный «цифровой матеріалъ для изученія переселеній въ Сибирь, извлеченный изъ книгъ общей регистраціи переселенцевъ, проходившихъ въ Сибирь и возвращавшихся изъ Сибири черезъ Челябинскъ въ 1896 году» *), но, къ сожалѣнію, этотъ матеріалъ почти недоступенъ для публики, благодаря отсутствію текста къ таблицамъ. Не задаваясь цѣлью вполнѣ обработать эти прекрасныя таблицы и тѣмъ вдохнуть жизнь въ стройные, но подъ часъ мало сами по себѣ говорящіе ряды цифръ, авторъ данныя работы положилъ въ основу объективной части своего разсказа.

Конечно, случайность привела автора въ Сибирь въ 1896 году; конечно, случайность, что самый полный цифровой матеріалъ (обнародованный) относится къ этому же году, но этотъ годъ, когда Россія вы-

*) Издано съ разрѣшенія М. В. Д., подъ руководствомъ Г. А. Примайка. Москва. 1899 г.

бросила въ Сибирь 180.000 своихъ гражданъ (не бывалая раньше цифра)—не случайность въ исторіи нашего переселенческаго движенія.

Сибирь издавна привлекала къ себѣ русскихъ людей и туда также издавна ссылало правительство своихъ преступныхъ сыновъ. Но не смотря на то, что мы отстоимъ отъ начала переселеній и ссылки на разстояніи почти трехъ вѣковъ, населеніе этой огромной страны едва превосходитъ 5.000.000, причемъ цифра эта стала сильно округляться только со второй половины текущаго столѣтія: однихъ переселившихся въ Сибирь за періодъ съ 1846 по 1899 г. опубликованные данные насчитываютъ болѣе $1^1/_2$ милліона душъ. Вѣроятно, эта цифра нѣсколько ниже дѣйствительной, но при незначительности общаго населенія Сибири и $1^1/_2$ милліона слишкомъ много: поистинѣ, Россія пошла мирно завоевывать Азію. И характерно здѣсь собственно не число всѣхъ переселившихся, а то, что цифра выселявшихся изъ Европейской Россіи росла съ каждымъ годомъ все съ большей и большей быстротой. Въ первую четверть вѣка послѣ освобожденія въ среднемъ въ годъ переселялось не болѣе десяти тысячъ, но въ 1890 году за Уралъ перешло уже 48.000. Число переселенцевъ еще болѣе возрасло съ 1894 года—момента открытія движенія по строющейся сибирской дороги: въ прошломъ десятилѣтіи за пять лѣтъ съ 1881 по 1885 г. прошло въ три раза меньше, чѣмъ за одно лѣто 1895 г. (53.000 и 150.000).

За послѣдніе двадцать лѣтъ политика правительства нѣсколько разъ круто мѣнялась: до 1885 г. правительство почти не принимаетъ участія въ дѣлѣ переселенія, съ этого года нѣсколько больше прилагается вниманія къ нарѣзкѣ участковъ переселенцамъ, но ни льготъ, ни пособій переселяющіеся не получаютъ, а между тѣмъ число переселенцевъ правильно растетъ съ каждымъ годомъ. Законъ 13-го іюля 1899 г., освобождающій переселенцевъ, идущихъ съ разрѣшенія правительства, въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ по водвореніи, отъ платежа повинностей и дающій возможность бѣднѣйшимъ получить отъ казны пособія на дорогу и обзаведеніе, безъ сомнѣнія, долженъ былъ увеличить число переселенцевъ, но значеніе этогого факта въ общемъ ходѣ событій значительно блѣднѣетъ, если сопоставить число получившихъ разрѣшеніе (ибо только на этихъ послѣднихъ распространяется законъ 89 года) съ самовольными переселенцами. За три года, 1889, 1890, 1891, выдано разрѣшеній на переселеніе 17.287 семьямъ, а между тѣмъ за эти годы прошло за Уралъ 28.911 семей. И когда 6-го мая 1892 г. циркулярно была пріостановлена выдача разрѣшеній на переселеніе, то это препятствіе не остановило переселенческой волны: въ слѣдующіе за циркуляромъ года въ Сибирь идутъ все большія и большія толпы. Не въ льготахъ и пособіяхъ, слѣдовательно, причина наплыва переселенцевъ въ Сибири, не они привлекаютъ русское крестьянство въ эту страну. Законъ 13-го іюля 1889 г. не былъ распространенъ на земли алтайскаго горнаго округа, но ни одно мѣсто не привлекало до сихъ поръ

*

столько переселенцевъ, сколько этотъ округъ,—перлъ въ русской коронѣ по климату и обилію естественныхъ богатствъ. Вотъ нѣсколько цифръ. Въ 1886 г. переселилось на Алтай *) 16.890 душъ, въ 1888—15.821 душъ, въ 1890—17.296 д. (больше половины всѣхъ переселенцевъ въ Сибирь). Чѣмъ объяснить сравнительное уменьшеніе числа переселившихся въ 1888 г.? Справка съ положеніемъ дѣлъ въ Европейской Россіи объяснитъ причину—годъ былъ урожайный, тогда какъ неурожай и голодъ 1891 г. вызвалъ усиленный приливъ переселенцевъ въ 92 году. Если половина переселенцевъ идетъ на свой страхъ и рискъ на земли, гдѣ новоселъ не пользуется никакими льготами и пособіями; если, не смотря на запрещеніе переселяться безъ разрѣшенія правительства, количество самовольныхъ растетъ съ каждымъ годомъ и доходитъ до половины всѣхъ, то не въ разрѣшеніи или запрещеніи найдемъ объясненіе интересующаго насъ факта. Переселенческая волна родилась въ глубинѣ Россіи и, начавшись въ центрѣ, разошлась по периферіи и только постепенно достигла Сибири, предварительно наполнивъ переселенцами ближайшія къ ней европейскія губерніи. Да и въ самой Сибири замѣтна эта постепенность—сосѣднія съ Россіей губерніи заселяются раньше другихъ, сначала Тобольская, потомъ Томская.

Гдѣ же «переселенческій центръ» великой пространствомъ и обильной населеніемъ страны?

Въ началѣ 80-хъ годовъ въ переселеніи участвуютъ только 22—25 русскихъ губерній, а въ 1896 году уже 60 губерній выдѣляютъ изъ себя переселенцевъ. Но на сколько равномѣрно представлены эти губерніи выселенія?

Почти половину всѣхъ переселенцевъ за послѣдній періодъ 1896 года дала земледѣльческая полоса Европейской Россіи, почти четверть 3 малороссійскія губерніи. 100.000 человѣкъ (21%) выселилось изъ двухъ районовъ—Уральскаго и Нижневолжскаго. Промышленный районъ успѣлъ выдѣлить изъ себя лишь 8.000 (около 2%), а Новороссія и юго-западъ и еще меньше. Группируя данныя за изслѣдуемый періодъ по губерніямъ, получимъ нѣсколько иную картину. 12 губерній—Курская, Полтавская, Тамбовская, Воронежская, Вятская, Черниговская, Пензенская, Пермская, Рязанская, Харьковская, Орловская и Саратовская—дали почти 87% всѣхъ переселенцевъ.

Первый потокъ полился изъ ближайшихъ къ Сибири губерній Вятской и Пермской, и 1885 годъ больше всего видѣлъ переселенцевъ изъ этихъ губерній. Но въ 1886 году на первое мѣсто въ тріо становится Курская и сохраняетъ свое первенство до 1890 года, постепенно увеличивая число своихъ переселенцевъ, въ то время какъ въ Пермской и Вятской губерніяхъ число ихъ съ каждымъ годомъ все падаетъ. 1891 годъ выдвигаетъ на первый планъ Тамбовскую, а 1892

*) Сборникъ «Алтай», ст. «Колонизація и переселенческое дѣло».

годъ Воронежскую, а Вятская и Пермская постепенно оттѣсняются. Съ 1892 года на сцену появляется Полтавская губернія, давшая, вмѣсто 124 душъ въ 1891 году, въ 1892 году—8.107. Въ слѣдующіе два года количество переселенцевъ изъ нея растетъ и въ 1894 году она занимаетъ первое мѣсто, но не надолго. Въ 1895 году изъ Пермской губерніи выселилось 20.448 чел. и Полтавской (16.635) пришлось занять второе мѣсто. Словомъ, если только можно дѣлать какіе-нибудь выводы изъ данныхъ за такой небольшой періодъ, какъ десятилѣтіе, то невольно бросается въ глаза интересное явленіе. Наши переселенія носятъ какой-то вулканическій характеръ: то Курская губернія вдругъ выброситъ изъ себя тысячи человѣкъ, то Вятка и Пермь, посылая сначала тысячи въ Сибирь, черезъ какой-нибудь одинъ годъ не могутъ выдѣлить нѣсколькихъ десятковъ. Но характернѣе всѣхъ Полтавская и Пензенская губерніи. Вмѣсто 124 чел. въ 1891 году, первая выслала за Уралъ въ 1892 году 8.107, а въ 1895 году—около 17.000, а вторая сразу съ 2.951 въ 1893 году перескочила въ 1895 году на 20.048 душъ обоего пола (въ 1896 году эта губернія дала только 5.198 душъ). Точно такое же взрывчатое вещество постепенно и незамѣтно накопляется внутри губерніи, моментъ—и масса народа спѣшитъ покинуть родину, но проходитъ очень немного времени и опять лишь очень немногіе рѣшаются оставить родныя могилы.

Въ 1896 году Полтавская губернія снова занимаетъ первое мѣсто по числу высланныхъ переселенцевъ—38.649. Вулканъ здѣсь не только не потухъ, но сила его чувствуется и въ сосѣднихъ губерніяхъ: Черниговская, вмѣсто 3.612 чел. въ 1893 году, въ 1896 году посылаетъ почти въ 10 разъ больше. Почти то же наблюдаемъ въ Орловской (вмѣсто 2.049 чел.—15.165), Курской (4.100 чел.—12.966), Харьковской (1.800 чел.—9,471), Витебская—шлетъ 6.948 душъ, Тамбовская—6.549, Тульская, Воронежская и Пензенская—каждая даетъ переселенцевъ больше чѣмъ по 5.000. Больше 3.000 переселенцевъ приходится на долю каждой изъ слѣдующихъ губерній: Смоленской, Самарской, Херсонской и Саратовской. Эти 14 губерній дали почти $^5/_6$ всего числа переселенцевъ. Если исключить двѣ губерніи — Витебскую и Черниговскую, то окажется, что главная масса переселенцевъ 1896 года вышла изъ той полосы Европейской Россіи, которая носитъ общее названіе—черноземной. Прибавивъ къ числу выходцевъ изъ названныхъ выше 12 губерній переселенцевъ изъ другихъ губерній «чернозема», найдемъ, что изъ 177.168 переселенцевъ, зарегистрованныхъ въ 1806 году въ Челябинскѣ, выходцевъ изъ черноземной полосы 156.778—8%. Остальныя губерніи выслали всего лишь 20.400 душъ, да и то больше, чѣмъ половина этой суммы приходится на долю только двухъ губерній—Смоленской и Витебской.

«Переселенческій центръ» найденъ: главный контингентъ переселенцевъ—крестьяне земледѣльческой полосы. Познакомиться съ усло-

віями европейской жизни выходцевъ этого района значитъ понять основную причину, порождающую наши переселенія.

II.

Въ 1896 году изъ 28.631 зарегистрованныхъ семей переселенцевъ 18.512 семей—64°/о или вовсе не имѣли надѣльной земли, или имѣли ее въ недостаточномъ размѣрѣ до 3 десятинъ на семью.

Среди выходцевъ этого года безземельныхъ 19°/о, не имѣвшихъ на родинѣ совершенно никакого скота 22°/о.

42.547 душъ обоего пола—24°/о—переѣхали Уралъ, не имѣя никакого «количества провезеннаго ими багажа».

Переселеніе—посильный отвѣтъ современнаго русскаго крестьянства на жестокій вопросъ, что дѣлать безъ земли, съ большимъ количествомъ рукъ, для которыхъ нѣтъ нигдѣ приложенія, съ еще большимъ количествомъ ртовъ, которымъ нечего ѣсть. И Сибирь — тотъ бассейнъ, куда выливается народное горе; Сибирь—мечта тѣхъ, кому живется плохо на Руси, но чья мысль уже заработала. Изучая рядъ цифръ количества ежегодно переселяющихся, подмѣчаешь соотвѣтствіе между увеличеніемъ числа переселенцевъ и ухудшеніемъ условій существованія русскаго крестьянства. Просвѣтлѣло небо по сю сторону Урала, явилась надежда на перемѣну тяжелаго положенія и въ пустыняхъ Сибири появляется меньше русскихъ крестьянъ. Въ теченіе десяти лѣтъ съ 1852—1863 гг. въ Томскую губернію перечислилось 18.340 душъ. Наибольшее число приходится на года до Крымской кампаніи; война естественно уменьшаетъ наплывъ; окончилась она и снова прежній потокъ. Но спустя 2—3 года послѣ крымскаго пораженія, въ народѣ начинаетъ распространяться слухъ о скоромъ освобожденіи. Слухъ этотъ растетъ, переходитъ въ увѣренность и кривая переселенческаго движенія падаетъ внизъ. Наступаетъ знаменитый годъ освобожденія и приноситъ чающимъ не то, что ждали; для многихъ освобожденіе отъ помѣщика было освобожденіемъ отъ земли—и съ этихъ поръ кривая начинаетъ идти все вверхъ и вверхъ, но скачками. Съ начала до середины семидесятыхъ годовъ скачки эти небольшого размѣра—и тяжесть жизни, вѣроятно, не такъ уже тяжела, и еще не совсѣмъ вывѣтрились изъ головы народа мечты о «черномъ передѣлѣ». Но годы идутъ; земли становится все меньше и меньше, а податныя тяготы все растутъ, въ городѣ и на фабрикѣ далеко не всѣ находятъ работу,—и крестьянская мысль начинаетъ искать выхода. Сибирь, гдѣ Царь раздаетъ даромъ землю — вотъ одинъ изъ отвѣтовъ на вопросъ. Земли такъ много, она Царская и мы Царскіе— вотъ реальный смыслъ слова Сибирь. Это слово облетаетъ Россію и популярность его растетъ съ каждымъ годомъ. Туманная мечта о черномъ передѣлѣ превратилась въ не менѣе туманную «Сибирь», но

та удерживала людей на мѣстѣ, а эта гонитъ ихъ съ родины въ невѣдомый непонятный край, имя котораго еще недавно внушало страхъ, какъ мѣсто, куда ссылаютъ въ наказаніе. Кривая 80-хъ годовъ растетъ быстро вверхъ—въ Россіи положеніе крестьянъ въ этотъ періодъ все ухудшается. Наконецъ, настаетъ всероссійскій голодный 1891 годъ, и цифра переселенцевъ въ 1892 году достигаетъ небывалыхъ размѣровъ—92.000. Въ слѣдующіе два года дѣло идетъ на пониженіе, а затѣмъ снова подъемъ и подъемъ сильный. И если всѣ наши разсужденія справедливы, то сдѣлаемъ послѣдній выводъ: положеніе русскаго крестьянства за послѣдніе годы не улучшилось, а ухудшилось, и Сибирь все еще носится передъ нимъ въ золотистомъ туманѣ.

Здѣсь плохо—вотъ основной тонъ психологіи народной массы, непосредственно заинтересованной въ переселеніи... но гдѣ-то, когда-то будетъ хорошо, звучитъ рядомъ съ нимъ. «Гдѣ же это хорошо?»—спрашиваетъ крестьянинъ.—«Въ Сибири», — отвѣчаетъ ему ходокъ, самолично осматривавшій участки; «въ Сибири»,—читаетъ онъ въ письмахъ родственниковъ о новыхъ мѣстахъ. Въ Сибирь на новыя земли зоветъ и Царь, такъ толкуетъ народъ и законъ 1889 года. Сибирь—синонимъ лучшаго будущаго, это лучшее будущее заключается въ возможности имѣть землю, много земли, гдѣ можно будетъ заняться тѣмъ, что такъ дорого и привычно жителю черноземной полосы. Что земли въ Сибири много, про это говорятъ рѣшительно всѣ источники, откуда крестьянинъ черпаетъ всѣ свои свѣдѣнія, даже богомолки. Но какого качества земля, какіе порядки обработки и пользованія землей, на этотъ счетъ показанія нѣсколько расходятся: иные ходоки хвалятъ землю, другіе подвергаютъ строгой критикѣ; въ однихъ письмахъ лаконически утверждаютъ—«хорошо: былъ два года урожай»; въ другихъ категорическое заключеніе—«нѣтъ способовъ съ землей». Этимъ свѣдѣніямъ свято вѣрятъ, принимая ихъ съ буквальной точностью, хотя не прочь по своему понять смыслъ отрицательныхъ о Сибири свѣдѣній: «а все же хуже не будетъ». Это «хуже не будетъ», по своимъ практическимъ послѣдствіямъ, равносильно «хорошо», и неопредѣленное рѣшеніе куда-нибудь уйти у большинства хотѣвшихъ бы переселиться принимаетъ оформленный видъ въ мечтѣ о сибирскомъ многообиліи.

Въ 1896 году изъ 28.631 семей за ходоками шло въ Сибирь 9.181 сем. «По слухамъ» пришло 11.957 сем. Наконецъ, 7.493 сем. пошло искать новой жизни по письмамъ.

Слухи и письма, конечно, передаютъ свѣдѣнія очень не точно и партіи, идущія на основаніи этого источника, въ сущности, бредутъ не зная куда. Но и ходокамъ, посылаемымъ отъ общества, не всегда можно вѣрить: не говоря уже о томъ, что ихъ оцѣнка можетъ быть иногда завѣдомо ложна—факты говорятъ, что и такіе ходоки находи-

лись—она въ большинствѣ случаевъ очень субъективна. Кромѣ того, участокъ, осмотрѣнный ходоками, пришедшими въ Сибирь безъ разрѣшенія, не всегда остается за ихъ партіей. Если это такъ, то добрая половина переселенцевъ ѣхала на авось, въ невѣдомую страну на неизвѣстныя условія. Но здѣсь же нужно замѣтить, что чѣмъ дальше шло время, тѣмъ все больше крестьянство пыталось придать своимъ переселеніямъ видъ осмысленнаго движенія. Присутствіе въ числѣ ходоковъ интеллигентныхъ и полу-интеллигентныхъ лицъ, говоритъ за это; но, оставляя совершенно въ сторонѣ это явленіе, остановимся на другомъ фактѣ: ежегодное возростаніе числа ходоковъ, идущихъ смотрѣть землю по порученію своей семьи, показываетъ, что болѣе разумный и цѣлесообразный способъ исканія лучшаго будущаго постепенно смѣняетъ царившую доселѣ стихійность. Въ 1896 г. изъ общаго числа 11.910 пришедшихъ въ Сибирь ходоковъ 11.482 были посланы отдѣльными семьями *).

Но все же, несмотря на нѣкоторый прогрессъ въ переселенческомъ движеніи, оно и до сихъ поръ въ общемъ носитъ чисто стихійный характеръ: туманъ надъ Сибирью еще не разсѣялся.

Въ 1896 г. 16.161 семья шла съ законными документами на переселеніе, 9.626 сем. имѣли законные документы на отлучку, но не на переселеніе; наконецъ 2.834 семьи не имѣли права ни на переселеніе, ни на отлучку.

III.

Начиная въ центрѣ Россіи мелкими ручейками, потокъ переселенческаго движенія, постепенно сливаясь, образуетъ у Челябинска громадную рѣку. Въ 1896 г. Челябинскъ принялъ и зарегистрировалъ $^{9}/_{10}$ всѣхъ переселенцевъ этого года. Изъ 28.631 семей, прошедшихъ мимо Челябинска, почти половина приходится на долю одного мая мѣсяца, въ теченіе же апрѣля, мая и іюня Челябинскъ посѣтили 85% его гостей-переселенцевъ.

Я пріѣхалъ въ Челябинскъ 25 апрѣля раннимъ утромъ. Солнце еще не взошло, но лагерь уже проснулся: переселенцы, ночевавшіе подъ открытымъ небомъ, разводили костры. На большомъ переселенческомъ дворѣ началась жизнь: изъ растворенныхъ дверей теплыхъ бараковъ выходили заспанные люди... Пунктъ—довольно большая площадь въ верстѣ отъ станціи ж. д., застроенная безпорядочно разбросанными зданіями: здѣсь больница, столовая и бараки. Грязный дворъ. Одиноко торчащія березы. Я заглянулъ въ одинъ изъ теплыхъ бараковъ. Проснувшіеся или занимались своимъ туалетомъ, или спѣшили поскорѣе уйти изъ этой спальни на свѣжій воздухъ, но большинство еще спало. На грязныхъ нарахъ масса человѣческихъ тѣлъ; у одихъ

---

*) Число всѣхъ ходоковъ еще въ 1893 году едва превышало 1.000.

подъ головами мѣшки съ бѣльемъ, друіе же спятъ, подложивъ подъ голову руки; взрослые, поворачиваясь во снѣ, невольно давятъ и своихъ, и чужихъ дѣтей. Но на нарахъ тѣла уложены въ извѣстномъ порядкѣ, подъ нарами же и на дорогѣ—голова одного чувствуетъ на себѣ тяжесть сапоговъ сосѣда, и если на нарахъ грязь, то на полу, по которому цѣлый день топтались тысячи грязныхъ сапогъ, нѣчто ужасное. Чтобы добраться до средины барака мнѣ пришлось переступить черезъ нѣсколько тѣлъ, но здѣсь, вдали отъ дверей, воздухъ былъ настолько спертый и гнилой, что я невольно поспѣшилъ уйти. Также переполнены, вонючи и грязны были и остальные два барака и около десятка юртъ (войлочное сооруженіе кочевниковъ киргизовъ). Нѣсколько сотенъ семей ночевало на дворѣ.

Не смотря на большую вѣроятность наплыва многихъ тысячъ гостей, я въ Челябинскѣ не замѣтилъ никакихъ приготовленій къ ихъ пріему. Прежде всего меня удивило то, что здѣсь не было даже переселенческаго чиновника, а всѣмъ дѣломъ руководилъ медицинскій отрядъ, состоящій изъ молодыхъ врачей и студентовъ-медиковъ, москвичей. Товарищей я (авторъ студентъ-медикъ ѣхалъ къ мѣсту своей службы въ Кр.) нашелъ спящими въ нетопленой избѣ на шинеляхъ, постланныхъ на голомъ полу. За массой работы имъ, очевидно, некогда было думать о себѣ: рабочій день челябинскаго персонала, вѣдавшаго въ то время за отсутствіемъ чиновниковъ и обязанности послѣднихъ, начинался въ 6—8 часовъ утра и оканчивался позднею ночью. Молодые люди, еще вчера сидѣвшіе на школьной скамьѣ, или еще сидящіе на ней, начали работу почти безъ всякихъ указаній со стороны свѣдущихъ людей, не имѣя ни инструкцій, ни личнаго опыта. Невольно очутившись въ роли руководителей народа, они растерялись. Къ тому же, отсутствіе оффиціальныхъ полномочій и денегъ еще болѣе должно было смущать ихъ. Работать приходилось безъ плана—ощупью; безъ денегъ и власти—лишь обѣщать тому, кому необходимо было помочь, и просить тамъ, гдѣ въ интересахъ дѣла надо было требовать. Конечно, при такомъ положеніи дѣла прежде всего должны были страдать интересы переселенцевъ. Понимая это, молодые люди напрягали всѣ силы, желая количествомъ работы загладить ея плохое качество. Они хотѣли бы дѣлать дѣло хорошо, но жизнь не давала опомниться: запросы живыхъ людей, поставленныхъ волею судебъ подъ ихъ начало, должны быть удовлетворены и притомъ немедленно. Завтра пріѣдетъ еще тысяча человѣкъ изъ Россіи, нужно сегодня поскорѣе отправить изъ Челябинска всѣхъ желающихъ; завтра можетъ появиться эпидемія—нужно сегодня какъ можно скорѣе осмотрѣть лагерь, вычистить бараки, изолировать больныхъ. Но бараки никогда не бываютъ пусты, и нужна полицейская сила, чтобы очистить «спальни» отъ ихъ постояльцевъ или заставить ихъ прибрать послѣ себя. Конечно, осматривать больного полминуты—значитъ, смѣяться надъ нимъ, но нужно спѣшить—

десятки ожидаютъ своей очереди. И кипитъ безпорядочная работа. «Зеленые» люди, чѣмъ только умѣютъ, стараются помочь «сѣрымъ» людямъ, толпящимся вокругъ нихъ. А эти люди, не знающіе, что и какъ имъ дѣлать, хотятъ ѣхать безъ очереди, у врача просятъ пособіе на дорогу, а администратора зовутъ на роды, писарю даютъ взятку, чтобы скорѣе записалъ ихъ, а по ночамъ воруютъ изъ больницы дифтеритныхъ дѣтей. Сотни просителей у окна столовой, конторы, у больницы. Иногда ихъ трудно понять, нерѣдко имъ совершенно нельзя помочь, но почти всегда ихъ некогда слушать... желаніе всѣмъ помочь и все сдѣлать невольно разбивается о неопытность и безправіе. Благодаря всему этому, челябинскій день—сплошная сутолока: точно пораженная армія готовится къ поспѣшному отступленію, а между тѣмъ по лагерю бродили люди, пришедшіе въ Сибирь искать земли, счастья и воли...

Челябинскій пунктъ не въ первый годъ принимаетъ въ своихъ грязныхъ баракахъ гостей изъ Россіи, но главнымъ переселенческимъ пунктомъ онъ сдѣлался только съ 1894 года—съ тѣхъ поръ, какъ главная масса переселенцевъ начала направляться въ глубь Сибири не водой, а по желѣзной дорогѣ, открытой въ 1895 г. до Омска, а въ 1896 г. уже до Кривощекова, что на лѣвомъ берегу р. Оби. До постройки Сибирской жел. д. главнымъ сборнымъ мѣстомъ переселенцевъ была Тюмень. Но, начиная съ 90-хъ годовъ, по мѣрѣ постройки жел. дор., Челябинскъ быстро пріобрѣтаетъ первенство и пропускаетъ въ 1895 году мимо себя 150.000 человѣкъ, въ то время, какъ черезъ Тюмень въ этотъ годъ прошло лишь нѣсколько тысячъ. Движеніе черезъ Тюмень отошло въ область преданій, но переселенцы не забудутъ этотъ «водный путь» и долго будутъ поминать его, хотя и не добрымъ словомъ.

Не добрымъ словомъ помянуть и Челябинскъ посѣтившіе его въ 1896 году.

11 часовъ. Отходитъ переселенческій поѣздъ. Въ ожиданіи звонка тысяча человѣкъ столпилась на небольшой площадкѣ. Отъѣзжающіе расположились по національностямъ. Полулежа на скудномъ багажѣ, матери теплотой своего тѣла согрѣваютъ дѣтей, сами кутаясь въ этотъ ясный апрѣльскій день въ зимнюю одежду. Студентъ быстро обходитъ партіи, осматривая дѣтей. Находитъ больного ребенка, но если у него нѣтъ сыпи, то больной предоставляется на произволъ судьбы: и мѣста въ больницѣ нѣтъ, да и мать ради больного ребенка не отстанетъ отъ партіи.

Раздается звонокъ. Толпа, до этихъ поръ довольно неподвижная, бросается къ вагонамъ. По узкимъ доскамъ, на которыхъ прибитъ рядъ палокъ, прямо съ земли взбираются и женщины, и дѣти, и старики. Давка, ругань...

Для меня не было новостью, что переселенческій вагонъ синонимъ товарнаго, но я былъ пораженъ, когда въ первый разъ вошелъ въ

этотъ вагонъ. Здѣсь только полчаса были люди, но у меня въ первую же минуту закружилась голова: въ вагонѣ, гдѣ возятъ только 8 лошадей, набилось болѣе сорока людей съ багажемъ. Подлинно «живой багажъ». Это не метафора. Въ день моего пріѣзда въ Челябинскъ изъ Россіи прибыла курьезная партія: 87 человѣкъ проѣхали тысячи верстъ съ клочками бумажекъ вмѣсто билетовъ. За эти клочки со штемпелемъ «багажъ» переселенцы, по ихъ словамъ, заплатили деньги, какъ слѣдуетъ. Во время пути ихъ билеты попадали въ руки разнаго начальства: одно смѣялось, другое ругалось, но денегъ никто вторично уже не бралъ... Поистинѣ Европа идетъ на Азію...

На другой день я уѣхалъ дальше въ глубь Сибири, увозя съ собой тяжелое ощущеніе. Дорогой это чувство не разсѣялось: тридцать товарныхъ вагоновъ, вплотную набитыхъ людьми, едва-едва ползли по сибирскимъ степямъ. Ночи холодныя, а между тѣмъ печи есть только въ трехъ вагонахъ. При закрытыхъ дверяхъ вонь; откроютъ, и сидящіе у дверей начинаютъ протестовать, но этотъ протестъ по необходимости остается безплоднымъ, если въ вагонѣ есть дезинтеричные... Какія мученія должны были испытывать эти больные, принужденные десятки часовъ сидѣть въ вагонѣ, гдѣ нѣтъ не только клозетовъ, но даже ступенекъ. На пунктахъ, встрѣчавшихся на пути, тоже ничего утѣшительнаго не было: въ Пѣтуховѣ больные валялись на полу—въ больницѣ не было кроватей, въ Петропавловскѣ я нашелъ товарища, заболѣвшаго дифтеритомъ, мелькнулъ Омскъ, а за нимъ еще тысяча верстъ и ни одного готоваго пункта. А поѣздъ, хотя и медленно, но все же везетъ впередъ тысячу людей и сотни изъ нихъ высаживаются на станціяхъ, надѣясь, что въ Барабинской степи они лучше будутъ жить, чѣмъ въ Россіи. Будемъ думать, что жизнь не обманетъ ихъ ожиданій, а пока плохо приходится имъ подъ открытымъ небомъ проводить холодныя ночи и туманные дни, и «ощупью» искать того, ради чего покинули они родину — уголка земли.

Тумана нѣтъ, но вся безконечная равнина Барабинской степи окутана какой-то дымкой, сквозь которую едва пробиваются слабые лучи солнца. Переѣздъ между станціями тянется безконечно долго. Куда ни взглянешь—вездѣ голая степь; мѣстами пылаетъ «палево»; жилья нѣтъ, не видно и людей. Вдругъ дорога прерывается: рядъ домиковъ, поставленныхъ на цѣлинѣ, изображаютъ станцію. Вокругъ та же пустыня, а линія желѣзной дороги, прорѣзывая эту пустыню, бѣжитъ все впередъ гладкой, безконечной лентой. Какъ-то жутко среди этого однообразія и безлюдія... Станція Татарка. Стою на площадкѣ служебнаго вагона. Мимо меня идутъ переселенцы. Среди нихъ изнуренная работой женщина; въ лѣвой рукѣ у нея ребенокъ, въ правой мѣшокъ съ багажемъ. Она посмотрѣла на меня, потомъ на мой вагонъ, нѣсколько пріостановилась и раздраженнымъ сердитымъ голосомъ бросила мнѣ въ глаза упрекъ: «дитя отъ холода посинѣло, а тутъ всего одна людина».—

«Развѣ они люди?» — прибавилъ шедшій рядомъ съ ней мужчина, — «одно слово дьяволы безхвостые».

Съ такимъ напутствіемъ пріѣхалъ я въ Кривощеково, гдѣ и провелъ четыре лѣтнихъ мѣсяца, завѣдуя отправкой переселенцевъ на пароходахъ въ Томскъ и Барнаулъ и по желѣзной дорогѣ въ восточную Сибирь, регистрируя паспорта и проходные свидѣтельства и исполняя въ лагерѣ всѣ обязанности «старшо́го» до разбора уголовныхъ дѣлъ включительно. Я ѣхалъ въ Сибирь въ качества студента, который долженъ былъ взять на себя завѣдываніе санитаріей на Кривощековскомъ пунктѣ, но «санитаръ» на другой день по пріѣздѣ превратился въ «невольнаго» переселенческаго чиновника». Не имѣя ни полномочій, ни знаній, ни денегъ, я очутился во главѣ тысячъ людей. При другой обстановкѣ это былъ бы только комическій выходъ, но здѣсь, въ Сибири, вышло иначе... Та стихійная сила, что заставляетъ тысячи русскихъ людей покидать насиженныя мѣста, бросаться въ Сибирь за поисками лучшаго будущаго, ощупью искать его, она же увлекла и меня, столкнула съ этими людьми, заставила проникнуться ихъ интересами, и не замѣтно взвалить на свои плечи совершенно непосильную работу. День побѣжалъ за днемъ, за необходимой работой не оставалось времени для мысли, для анализа. А когда это время пришло, переселенцевъ въ Кривощековѣ уже не было: стихійная сила увлекла ихъ дальше, а я стоялъ уже внѣ ея вліянія...

Черезъ Кривощеково въ теченіе мая, іюня и іюля 1896 г. прошло болѣе 40.000 тысячъ душъ, изъ нихъ 21.570 ч. направились въ Енисейскую, Иркутскую губ. и въ Амурскую область, остальные же поселились въ Томской губ., отчасти на казенныхъ земляхъ, но главнымъ образомъ въ Алтайскомъ горномъ округѣ. Движеніе на Алтай совершалось отъ Кривощекова исключительно на пароходахъ; небольшое число переселенцевъ воднымъ путемъ по Оби пробралось въ Томскъ; наконецъ, нѣсколько сотъ семей поѣхали дальше отъ насъ на лошадяхъ. Вся же остальная масса направилась вглубь Сибири по средне-сибирской ж. д., въ этомъ году, и то только съ 29 мая, впервые предложившей свои услуги переселенцамъ. Благодаря этому, пріѣхавшіе въ Кривощеково въ теченіе мая мѣсяца должны были болѣе мѣсяца ожидать здѣсь дальнѣйшей отправки. Это обстоятельство и придало Кривощековскому пункту особый, своеобразный отпечатокъ.

До 2-го мая въ густомъ лѣсу на правомъ высокомъ берегу Оби въ 3-хъ верстахъ отъ поселка Ново-Николаевскаго и въ $^1/_2$ верстѣ отъ начальной станціи Средне-сибирской ж. д.—Оби—жили только плотники, тщетно пытаясь въ теченіе двухъ недѣль сколотить кое-какія сооруженія для пріема гостей. Перебравшись 2-го мая ночью съ первой переселенческой партіей съ лѣваго берега Оби на правый съ помощью небольшого пароходика и баржи (такъ какъ желѣзно-дорожный мостъ только строился, то въ теченіе всего лѣта это былъ единственный спо-

собъ сообщеній съ конечной станціей западной Сибирской ж. д.), мы нашли въ лѣсу готовыми только два зданія — двѣ кухни. Одна изъ нихъ, довольно большая, была приспособлена нами подъ аптеку, амбулаторію и свое помѣщеніе. Здѣсь въ теченіе первой недѣли была и больница, и пріютъ для зябнувшихъ въ сосновомъ лѣсу на берегу большой рѣки дѣтей. Больницу мы скоро перевели въ другую кухню, а дѣтей на пунктѣ стало такъ много, что для того, чтобы согрѣть всѣхъ ихъ понадобился бы десятокъ такихъ кухонъ. Остальныя три функціи эта по плану «бѣлая кухня» исполняла во все время горячей работы. Другая готовая изба была превращена въ больницу, если только этимъ именемъ можно назвать помѣщеніе, гдѣ на полу на сѣнникахъ, въ шубахъ или на шубахъ, валялись больные инфлуенцой, воспаленіемъ легкихъ. Только недѣли черезъ три были готовы стѣны настоящей (по плану) больницы, но и здѣсь первое время больные должны были лежать на полу, чѣмъ, быть можетъ, и можно объяснить случаи нерѣдкихъ побѣговъ изъ больницы. Другія зданія были еще только на срубу и выросли изъ земли только въ концѣ іюля и началѣ августа, т.-е. тогда, когда надобность въ нихъ для лѣтнихъ переселенцевъ 1896 г. миновала, говоря иначе, когда они снесли на погостъ больше дѣтей, чѣмъ слѣдовало: нами былъ отмѣченъ фактъ, что послѣ каждаго ночного дождя смертность среди дѣтей Кривощековскаго лагеря значительно увеличивалась.

Переселенцы, которымъ пришлось жить въ Кривощековѣ, ютились то въ юртахъ, то въ шалашахъ. Среди лѣса были расчищены двѣ большія поляны: на одной въ три ряда поставлены юрты, на другой— больничныя зданія. Между юртами и берегомъ рѣки много сотенъ шалашей и палатокъ. Число юртъ въ первое время не доходило до сорока, но постепенно переросло полсотни. Юртъ было не мало, но переселенцы не любили этихъ сооруженій кочующихъ дикарей; признаюсь, я понимаю ихъ. Юрта хороша въ степныхъ губерніяхъ, да еще тогда, когда есть войлокъ, который можно положить на холодную землю, а не на границѣ тайги; юрта хороша, когда въ ней живетъ своя семья и есть хозяйка, которая можетъ слѣдить за провѣтриваніемъ и осушеніемъ, а не тамъ, гдѣ почти каждый день мѣнялись «жители», стремившіеся обрѣзать кусокъ войлока на черезсѣдельникъ и обрѣзать всѣ веревки: «казна-де съ насъ деньги беретъ».

Не любили юртъ переселенцы и предпочитали селиться въ лѣсу, возлѣ юртъ, на открытомъ воздухѣ. Скоро тотъ лѣсъ, сквозь стѣны котораго въ началѣ мая не было видно неба, значительно порѣдѣлъ: и вправо, и влѣво отъ юртъ выросли разнаго рода и вида временныя постройки. Были тутъ и шалаши, едва прикрытые дряннымъ «рядномъ», и роскошные конусообразные шатры, выстроенные во весь ростъ десятилѣтнихъ березъ; рядомъ съ землянымъ баракомъ, гдѣ хозяева находили тепло и уютъ, ютилось жалкое сооруженіе, куда нужно было

чуть не вползать. Разнообразіе губерній создало разнообразіе построекъ, и чѣмъ богаче была партія, тѣмъ удобнѣе она устраивалась, хотя здѣсь всѣ были равными хозяевами земли и деревьевъ, растущихъ въ лѣсу.

Вся эта масса людей ютилась на небольшомъ, меньше десятины, кусочкѣ земли. Здѣсь рядомъ и молодые цѣловались, и старики умирали. Стѣны чужого шалаша служили отхожимъ мѣстомъ, и если дымъ отъ чужого костра душитъ моихъ дѣтей, такъ что жъ?—зато дымъ отъ моего разъѣдаетъ глаза сосѣду. Скученность, общая некультурность, взаимное озлобленіе партій и желаніе нагадить другъ другу — вотъ одна изъ сторонъ лагерной жизни переселенцевъ.

Изъ всей массы людей, живущихъ цѣлый мѣсяцъ на пунктѣ безъ дѣла, въ ожиданіи движенія воды, я, въ случаѣ надобности, едва могъ найти десять-двадцать человѣкъ, соглашающихся рыть ямы и чистить лагерь. Остальныя тысячи предпочитали отправлять свои нужды въ двухъ шагахъ отъ колыбели своего ребенка и дышать смрадомъ собственныхъ своихъ испражненій. При полной свободѣ въ выборѣ мѣста, они селились не на свободной, чистой площадкѣ, а на запачканномъ клочкѣ возлѣ косо-смотрящихъ на нихъ сосѣдей.

Идешь по лагерю и кажется, будто тысячи народа (между 15 мая и 10 іюля въ Кривощоковѣ на пунктѣ скопилось больше 6.000 человѣкъ) сошлись на день, на два провести вмѣстѣ время, разбили наскоро шалаши, палатки, а менѣе требовательные довольствуются небомъ, какъ кровомъ, и живутъ: здѣсь варятъ обѣдъ, тамъ поютъ пѣсни, въ иномъ мѣстѣ вокругъ продавца хлѣба толпы оцѣниваютъ качество продукта, а въ центрѣ лагеря латыши, собравшись въ одну юрту, поютъ Богу, забывшему ихъ, хвалебные гимны. Лагерь полонъ движенія; шумъ голосовъ, шаговъ, акомпонируемый шумомъ лѣсной листвы, говоритъ, что здѣсь копошится много человѣческихъ жизней: одни изъ нихъ горюютъ, другихъ томитъ неизвѣстность, третьи боятся умереть отъ голода, но всѣ рады свѣту, теплу, солнцу. Солнце для переселенцевъ синонимъ всего хорошаго: чѣмъ ярче оно свѣтитъ, тѣмъ теплѣе будетъ ночь, чѣмъ выше оно поднимается, тѣмъ ближе къ лѣту, а лѣтомъ «ужъ навѣрно будетъ намъ отправка». Но и эта радость, и это гореванье какія-то рефлекторныя. Вы не только не замѣчаете никакихъ активныхъ поступковъ, въ результатѣ которыхъ могло бы получиться улучшеніе лагерной жизни, но на каждомъ шагу встрѣчаете противодѣйствіе со стороны тѣхъ, для блага которыхъ вы хотите кое-что сдѣлать.

При осмотрѣ лагеря находите заразнаго больного. Если вы не желаете прибѣгать къ полицейской силѣ, то должны цѣлый часъ употребить на убѣжденіе родныхъ больного. Въ результатѣ съ вялымъ видомъ отнесутъ ребенка въ больницу, но вы не увѣрены, что черезъ день, два больной снова не будетъ въ лагерѣ,—родные его украдутъ.

И если богатыя партіи умѣли нѣсколько поудобнѣе устроиться, чѣмъ бѣдные, то въ смыслѣ некультурности всѣ были равны. Съ бѣдными еще можно было сговориться относительно уборки лагеря, пообѣщавъ имъ кусокъ хлѣба, но богатые, не нуждавшіеся въ нашей подачкѣ, плевали на всѣ просьбы и обѣщанія и продолжали жить въ грязи и издѣваться надъ санитаріей. Вставая всякій день съ увѣренностью, что завтра они уѣдутъ изъ Кривощекова, лагерные жители считали себя въ правѣ пачкать, но не почитали за обязанность прибирать послѣ себя. Дни проходили за днями, отправки все не было, лагерь пачкался—увеличилось количество желудочно-кишечныхъ заболѣваній, и легенда о холерѣ быстро создалась. Подъ страхомъ этого призрака нѣсколько дней переселенцы чистили лагерь, но холера не приходила и снова вѣроятные ея жертвы ложились на землю и смотрѣли на небо, а дѣти отвѣчали за грѣхи родителей: изъ 173 умершихъ на нашемъ пунктѣ въ маѣ и іюнѣ—дѣтей было 143; въ амбулаторіи на долю дѣтей приходится 41% изъ числа 6.274 всѣхъ принятыхъ больныхъ,—въ больницѣ дѣтей лежало 25%. Дѣти—первая дань переселенію, а старики вторая: изъ 14 умершихъ въ больницѣ—8 стариковъ умерло отъ истощенія.

Эти жертвы дѣтьми и стариками богу лучшаго будущаго, безъ сомнѣнія были бы гораздо значительнѣе, если бы въ Кривощековѣ въ теченіе трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ не было роздано 85.000 безплатныхъ обѣдовъ.

Громкое слово *обѣдъ*. Онъ состоялъ изъ трехъ фунтовъ тепленькой водицы, приправленной крупами, капустой, горохомъ, и 1/4 ф. мяса въ скоромные и рыбы въ постные дни. 1 ф. чернаго хлѣба, какъ прибавленіе къ обѣду, не всегда бывалъ. Въ первое время это прибавленіе давали даромъ, а затѣмъ было найдено излишнимъ давать даромъ, а за деньги переселенцы перестали брать. Имѣя предписаніе не раздавать безплатно хлѣбъ и не имѣя денегъ, мы волей-неволей должны были проводить въ жизнь эту мѣру, долженствующую отучить русскаго переселенца отъ тунеядства, но нужда нѣкоторыхъ партій была настолько велика, что заставлять ихъ покупать хлѣбъ, значило тѣмъ самымъ обрекать дѣтей на голодную смерть, и мы нарушали предписаніе и хлѣбъ давали даромъ. Личное усмотрѣніе—шаткій принципъ, но сухой формализмъ жестокая вещь: равнодушно видѣть человѣческое страданіе нельзя, а убивать въ себѣ жалость къ человѣку только потому, что по предписанію начальства жалѣть не полагается—внѣ силъ живого человѣка. И для всѣхъ «неразрѣшенныхъ», «незаконныхъ» товарищи и я дѣлали все что могли. Пусть мы нарушители формы, но къ живымъ людямъ иначе отнестись не могли. Иной разъ хлѣбъ раздавали даромъ, какъ милостыню, иной разъ хлѣбомъ платили за общественныя работы — чистку лагеря, рытье ямъ. Пока на пунктѣ народу было немного, съ нѣкоторымъ, правда усиліемъ, но

все же можно было отдѣлить нищихъ отъ имѣющихъ въ карманѣ лишній рубль. Населеніе быстро возрасло, несомнѣнно прибавилось и число нищихъ. Какъ разобраться среди всей этой массы просящихъ хлѣба людей? Давать всѣмъ—не хватитъ хлѣба, никому не дать—жестоко. Приходилось выбирать изъ тысячи просящихъ нѣсколько сотенъ. Узнавать, кто голоденъ, а кто хочетъ только сорвать съ начальства лишнюю копѣйку—тяжелая задача: нужно лазить въ душу каждаго просителя и уличать его въ желаніи несправедливо получить лишніе полфунта хлѣба. Не иначе, какъ съ отвращеніемъ вспоминаю я теперь свою роль раздавателя записокъ на право полученія крошечной порціи хлѣба, недостаточной для поддержанія жизни пятилѣтняго ребенка. Народу масса. Помимо этихъ записокъ тысяча дѣлъ по обходу лагеря, по посадкѣ переселенцевъ въ вагоны, по встрѣчѣ баржи... гдѣ тутъ входить въ обсужденіе вопроса о степени нужды просителя. И судишь по внѣшнему виду, мало того—всталъ я—«начальникъ» съ лѣвой ноги, и масса отказовъ.

За исключеніемъ нищихъ, довольныхъ всякой подачкой, нашъ обѣдъ безъ хлѣба не представлялъ ничего цѣннаго для большинства переселенцевъ, могущихъ при изобиліи дровъ всегда что-либо состряпать себѣ на обѣдъ. Этимъ объясняется, сравнительно, небольшая цифра выданныхъ обѣдовъ. Но для тѣхъ, которые приходили за «варевомъ», эта теплая вода дѣйствительно была живой водой; для иныхъ единственной дневной пищей, для большинства главнымъ приваркомъ. Явившіеся за обѣдомъ густой стѣной напираютъ на дверь столовой. Въ рукахъ какая-нибудь посудина: котелокъ, ведро, кружка, разбитый горшокъ, чайникъ. Подавая посуду, проситель выкрикиваетъ число душъ семьи. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ прибавляетъ. Въ поданную посуду наливаютъ жижицы и бросаютъ нѣсколько кусочковъ мяса (на душу по мелкой деревянной ложкѣ). Если есть записочка даютъ отъ ½ до 1 ф. хлѣба. Этотъ обѣдъ на разныхъ лицъ производитъ разное впечатлѣніе: въ то время, какъ большинство малороссовъ не иначе смотрѣли на нашъ обѣдъ, какъ на третье блюдо, обѣднѣвшіе витебцы со слезами на глазахъ благодарили за лишнюю осмушку мяса и даже лишній ковшъ воды. Бывало, нѣкоторымъ не хватало похлебки: горе однихъ искренно, другіе же печалятся лишь о томъ, почему хватило тѣмъ, а не имъ. Между заинтересованными начинается ругань, но, гнѣваясь другъ на друга неизвѣстно за что, они далеки отъ критики существа дѣла. Правда, раздавались иногда голоса, что царь-де по 15 коп. отпускаетъ каждый день на кормъ, а чиновники эти деньги берутъ себѣ, но такіе голоса были рѣдки, да и слышали ихъ одни завѣдующіе столовой; ко мнѣ и къ чиновнику съ такими заявленіями не являлись. Большинство безропотно несло свою долю, даже не пытаясь разобраться въ тѣхъ условіяхъ, что портятъ ему жизнь. Въ результатѣ старики и дѣти умирали раньше времени. Дѣ-

тей умирало бы еще больше, если бы мы на частныя средства не варили имъ пшенную кашу и не раздавали груднымъ дѣтямъ молоко (до 7 ведеръ въ сутки). Тогда умирало бы больше, а теперь—«помаленьку поддарживали... спасибо вамъ».

Май мѣсяцъ на исходѣ. Около 6.000 человѣкъ ждетъ не дождется перваго поѣзда по новой Средне-Сибирской ж. д., чтобы ѣхать дальше въ глубь Сибири. Безцѣльная трата времени, неопредѣленность будущаго, полное невѣдѣніе относительно открытія движенія по линіи ж. д.—все это волнуетъ и раздражаетъ переселенцевъ. И чѣмъ больше на пунктѣ скоплялось народу, тѣмъ возбужденіе становилось замѣтнѣе. Вопросъ—«да когда же намъ будетъ отправка?»—настолько часто въ послѣдніе дни мая мѣсяца задавался мнѣ, что я положительно не въ состояніи былъ отвѣчать на него. Да при томъ вѣдь и я столько же зналъ, сколько и они... я зналъ, что между Омскомъ, гдѣ жилъ переселенческій чиновникъ, и Петербургомъ шелъ дѣятельный обмѣнъ телеграммъ, но кому на Руси было вѣдомо, когда этотъ обмѣнъ окончится. А между тѣмъ жизнь на пунктѣ шла далеко не завидно: переполнена больница, обѣдать варили два раза въ день, но хватало далеко не всѣмъ, въ лагерѣ населеніе такъ быстро расло, что сносный санитарный надзоръ дѣлался положительно невозможнымъ. И у насъ, «начальствующихъ», и у переселенцевъ одинаковое самочувствіе—будто согнали насъ въ душную комнату и заперли двери. Всѣ другъ другу противны, у всѣхъ одно желаніе—поскорѣе бы первый поѣздъ. Наконецъ пріѣхалъ чиновникъ С. и привезъ обрадовавшее всѣхъ извѣстіе, что 30-го пойдетъ первый поѣздъ въ восточную Сибирь. Наканунѣ отправки первой партіи мы не спали цѣлую ночь, снаряжая переселенцевъ въ дорогу. Чиновникъ сопровождалъ поѣздъ до рѣки Томи, боясь, чтобы при переправѣ черезъ неоконченный мостъ не случилось какого-либо несчастія. Черезъ день онъ вернулся и, снарядивъ еще одинъ поѣздъ, 3-го іюня уѣхалъ, обѣщая мнѣ черезъ нѣсколько дней прислать своего помощника. Уѣхалъ онъ довольный собой: «какъ пріятно,—говорилъ онъ мнѣ,—чувствовать, что это дѣло рукъ твоихъ--отправить первый поѣздъ». Не сомнѣваюсь, но какъ должно было быть непріятно мнѣ, снова ставшему невольнымъ чиновникомъ и притомъ чиновникомъ безъ правъ и съ 200 руб. въ карманѣ. Больше денегъ у С. не было, и онъ обѣщалъ, что черезъ нѣсколько дней пришлетъ и денегъ, и «настоящаго» чиновника, который замѣнитъ меня. Но не всѣмъ обѣщаніямъ суждено было скоро исполниться: деньги, около тысячи руб., я получилъ черезъ недѣлю, но обѣщанный чиновникъ пріѣхалъ только черезъ полмѣсяца, когда большая половина нашихъ майскихъ гостей была мною уже отправлена.

Въ первое время по открытіи желѣзнодорожнаго движенія отъ станціи Оби еженедѣльно отходило на востокъ три поѣзда, а затѣмъ былъ прибавленъ еще одинъ. Изъ тридцати полагавшихся намъ товарныхъ

вагоновъ 3—5 вагоновъ мы занимали подъ багажъ, а въ остальные, желая помочь переселенцамъ добраться до мѣста новаго поселенія какъ только можно раньше, «впихивали» до тысячи человѣкъ. Но несмотря на это, мы могли еженедѣльно освобождать пунктъ только отъ 2.500 гостей, такъ что прибывшіе въ Кривощеково въ серединѣ мая должны были ожидать своей очереди до средины іюня. Къ концу іюля пунктъ совершенно опустѣлъ: въ лагерѣ бродило только нѣсколько человѣкъ, для которыхъ было безразлично, гдѣ ни бродить.

IV.

Тамъ, гдѣ въ одно мѣсто сошлись со всѣхъ концовъ Россіи люди разныхъ достатковъ и привычекъ, и живутъ вмѣстѣ по мѣсяцу и больше, естественно ожидать большого числа правонарушеній. Это ожиданіе должно вырости въ увѣренность, если вспомнить, что 5.000-ное населеніе Кривощековскаго пункта опекалось пятью полицейскими во главѣ со мной, никѣмъ не уполномоченнымъ чинить судъ и расправу. Конечно, никакого порядка нельзя ожидать тамъ, гдѣ, говоря военнымъ языкомъ, цѣлымъ полкомъ командуетъ одинъ офицеръ да пять капраловъ, а между тѣмъ въ теченіи всего лѣта у насъ не было въ лагерѣ совершено ни одного преступленія. Проступки, правда, были, но число ихъ очень ничтожно: нѣсколько дракъ и мелкихъ кражъ. Значительно большую цифру дали проступки, которые назову — «неповиновеніемъ просьбамъ начальства». Заботясь о томъ, чтобы лѣсъ, окружающій лагерь, по возможности былъ сохраненъ, я черезъ стражниковъ просилъ почти каждую партію не рубить старыхъ деревьевъ, а собирать для шалашей валежникъ, въ изобиліи валявшійся въ лѣсу. Но громадное большинство переселенцевъ оставляло просьбы совершенно безъ вниманія, несмотря даже на то, что у нѣкоторыхъ, пойманныхъ на мѣстѣ преступленія, мы на время отбирали топоры. Ничто ни помогало. Одинъ изъ стражниковъ предложилъ построить «холодную», но я отклонилъ его проектъ. Конечно, съ русской точки зрѣнія, я былъ не правъ, но вѣдь рѣчь идетъ о Сибири.

Въ Россіи немногіе могутъ произнести слово «мужикъ», не прибавивъ мысленно эпитетъ пьяница, причемъ, когда одни скажутъ, что онъ пьетъ отъ разврата, другіе ихъ поправятъ—не отъ разврата, а отъ бѣдности. И то, что я сейчасъ скажу, наблюдателю русской жизни можетъ показаться совершенно дикимъ: среди тысячъ переселенцевъ *пьяными* за четыре мѣсяца я видалъ всего лишь *нѣсколько* человѣкъ. Допустимъ, я всего усмотрѣть не могъ, но такая умѣренная формула— переселенцы пьютъ замѣчательно мало—я думаю, не вызоветъ возраженія со стороны другихъ наблюдателей землепроходовъ земли русской. И не пьютъ не потому, что водки негдѣ взять—винныхъ погребовъ въ ближайшемъ поселкѣ нѣсколько, или по безденежью—среди

переселенцевъ много бѣдноты, но не всѣ же они бѣдняки... Одинъ изъ товарищей высказалъ мысль, что въ лѣтніе мѣсяцы, въ страду и въ Россіи мало пьютъ. Можетъ быть, онъ и правъ: переселеніе тоже страда, но вѣдь въ Россіи люди лѣтомъ усиленно работаютъ, а въ Сибири они по цѣлымъ днямъ лежали на боку.

Что касается споровъ по имуществу, то и ихъ было немного: два, три дѣла о раздѣлѣ наслѣдства, о выдѣлѣ возвращающагося въ Россію сына—вотъ почти и все въ этой области. Конечно, споры возникали и по другимъ поводамъ, но они, вѣроятно, разрѣшатся по прибытіи.

Очеркъ пунктовой переселенческой жизни будетъ не полонъ, если я не остановлюсь на характеристикѣ взаимныхъ отношеній малороссовъ и великоруссовъ. Не наблюдавшіе совмѣстной жизни въ одномъ мѣстѣ этихъ двухъ народностей не повѣрятъ, что «хохлы» такъ же относятся къ «кацапамъ», какъ тѣ и другіе къ «жидамъ»,—страшно враждебно. Не хватило обѣда, виноваты въ этомъ хохлы—«мазепы»: «ужъ больно они хитры—всегда себѣ хорошее заберутъ». Смрадъ въ лагерѣ, причина ясна: «кацапня проклята—неакуратна дуже». И такъ во всемъ—для великоросса все дурное сконцентрировано въ фигурѣ хохла, а для послѣдняго «кацапня—якась-то нечисть». Хохлы предпочитали ночевать на дворѣ, чѣмъ раздѣлить пріютъ въ юртѣ со своими историческими врагами, а великороссы безъ всякой жалости выбрасывали изъ вагоновъ вещи случайно попавшаго къ нимъ «идола» Но отчего такая вражда, доходившая иногда до драки, гдѣ причина, что люди, уже нѣсколько вѣковъ творящіе совмѣстно русскую исторію, готовы уничтожить одинъ другого?

Мнѣ нѣсколько разъ приходилось по этому поводу бесѣдовать съ представителями какъ той, такъ и другой стороны. Во всѣхъ ихъ рѣчахъ было больше чувства, чѣмъ логики, много злости, презрѣнія, ненависти, но мало фактовъ. Хотя и мало фактовъ, но все же они были.

Прежде всего не могла не бросаться въ глаза разница встрѣчи праздниковъ. Въ то время, когда вечеромъ въ субботу у хохловъ въ полномъ разгарѣ веселье, великороссы почитаютъ необходимымъ проводить это время въ великопостномъ молчаніи. И конечно, ихъ религіозное чувство не могло не возмущаться при видѣ, какъ святой праздникъ встрѣчается пляской, и вмѣсто вечернихъ субботнихъ молитвъ—звуки скрипки и разносящіяся далеко по лѣсу пѣсни. Конечно, такихъ безбожниковъ можно терпѣть, когда они далеко, но вѣдь они здѣсь, рядомъ съ моимъ шалашемъ устраиваютъ безобразія и мѣшаютъ провести вечеръ такъ, какъ велятъ мнѣ сдѣлать мои религіозныя привычки. Въ результатѣ—раздраженіе, пристрастная критика поведенія сосѣдей и неуваженіе къ нимъ. Но зато праздничное времяпрепровожденіе великороссовъ возмущаетъ ихъ антагонистовъ. Несомнѣнно, что

въ смыслѣ воздержанія отъ совершенія какой-бы то ни было физической работы по воскреснымъ днямъ великороссы менѣе педантичны, чѣмъ малороссы. И стоитъ послѣднимъ увидѣть, что какой-нибудь «кацапикъ» орудуетъ въ воскресенье топоромъ, какъ начинаются злыя насмѣшки, и малороссы, почитающіе себя истинно православными, объявляютъ всѣхъ кацаповъ—нехристями. Согласитесь, что тамъ, гдѣ такъ ставится вопросъ, немыслимъ разговоръ о взаимномъ уваженіи, понятіе—братъ уничтожается другими эпитетами, къ которымъ часто прибѣгаютъ враги—«да развѣ они люди», «сказано—нехристи»...

Обращаясь къ другимъ сторонамъ лагерной жизни, я подмѣтилъ то же явленіе.

Подходитъ баржа. Привезла она исключительно малороссовъ; стоящіе на берегу хохлы почему-то рады. А если пріѣхали великороссы, начинается неудовольствіе—«тутъ и безъ нихъ тісно». Великороссы высаживаются и чѣмъ партія бѣднѣе, тѣмъ злѣе остроты. Но когда пріѣзжаетъ богатая партія малороссовъ, обязанность негодовать и смѣяться переходитъ къ великороссамъ. Каждая, скатываемая на берегъ бочка, сносимый сундукъ—всѣ эти признаки достатка кровно оскорбляютъ великороссійскую публику. И знаете, странно, то, что, по убѣжденію большинства, всѣ эти сундуки и бочки до верху наполнены саломъ. Великороссъ не можетъ мыслить хохла безъ сала. Хохлацкое сало не давало спать лишеннымъ его «собирателямъ земли русской». Но зато, что представляли изъ себя, по мнѣнію хохловъ, эти собиратели? Лапотниковъ, въ лаптяхъ которыхъ хранятся сотенныя бумажки. Сало въ бочкахъ и деньги въ лаптяхъ—вотъ основной мотивъ, дающій тонъ рѣшительно всѣмъ разсужденіямъ противниковъ относительно экономическаго положенія противной стороны. Если вы попробуете на примѣрѣ указать партію малороссовъ, у которыхъ буквально нѣтъ ничего, вамъ повѣрятъ, но сочтутъ эту партію чисто случайнымъ явленіемъ и не преминутъ сослаться на бочки, что стоятъ на берегу и на сундуки, что блестятъ на солнцѣ своими яркими красками. Но вѣдь бочекъ десятокъ, а хохловъ тысячи?—убѣжденіе великороссовъ непоколебимо, не даромъ-же изъ ихъ среды вышелъ протопопъ Аввакумъ. Но и хохлы упрямы, и я не знаю, кому въ смыслѣ упорства въ своихъ предразсудкахъ отдать предпочтеніе. Думаю, что и тѣ, и другія расы достаточно косный народъ, недаромъ они, хотя и не признающіе другъ друга, но все же братья. Но хотя они и братья, но, очевидно, дѣти разныхъ матерей: такъ несходны ихъ взгляды на нѣкоторые вопросы общежитія.

Проситъ ли великороссъ объ отправкѣ, о пособіяхъ, онъ ведетъ рѣчь не отъ своего лица, а отъ лица общества, малороссъ же никогда не говоритъ за общество, а всегда за себя. Но если скажутъ, что великороссу болѣе присуще чувство общественности, то я, на основаніи моихъ наблюденій, не могу согласиться съ этимъ. Правда, выбор-

ный ходатайствуетъ за общество, прося выдать, напримѣръ, пособіе по одному рублю на душу. Повидимому, равенство, но на самомъ дѣлѣ грубое насиліе общества надъ отдѣльными членами: ибо равенство въ требованіи далеко не означаетъ равенства нужды просителей. И мнѣ нѣсколько разъ приходилось убѣждаться, что подъ видомъ просьбы отъ лица общества совершала выгодное дѣло группа богатѣевъ. И если, понимая, что собственно происходитъ въ обществѣ, предлагаешь выдѣлить бѣднѣйшихъ, то непремѣнно слѣдуетъ отвѣтъ—всѣ мы бѣдные. И такъ кричатъ не только тѣ, кому это выгодно, но всѣ. Одни потому, что не представляютъ себѣ иной формы полученія помощи, иначе, какъ дѣленіемъ по душамъ, а другіе, хотя и понимаютъ, что для бѣдняка 5 руб. цѣлое состояніе, а богатому рубль годится только для развлеченія, но, будучи въ кабалѣ у общества и богатѣевъ, не смѣютъ становиться въ противорѣчіе съ мнѣніемъ другихъ. Если при подобныхъ сценахъ присутствуютъ малороссы, сначала они недоумѣваютъ, какъ это такъ, что всѣ одинаково бѣдны, но затѣмъ, разобравшись въ чемъ дѣло, начинаютъ издѣваться надъ просителями. Загорается принципіальный споръ о солидарности—всякій долженъ просить только за себя, утверждаютъ малороссы. И дѣйствительно, когда имъ случается просить о пособіи, то обыкновенно выдѣляется одинъ и, поклонившись, произноситъ: «прошу у вашего благородія пособія пять рублей», за нимъ выдвигается другой: «и я три рубля», третій и т. д. иногда вся партія. Въ этомъ пріемѣ обнаруживается вся разница сравнительно съ привычками великороссовъ и, конечно, послѣдніе не оставляютъ этого пріема безъ критики: «вы бы еще женъ поприводили-бы, больше набрали». «Це вы только мыкаете, а у насъ всякъ за себя: такъ правды больше». Конечно, послѣднее замѣчаніе слишкомъ рѣзко, но еще вопросъ, когда между людьми больше солидарности, когда они говорятъ «мы» или тогда, когда вслѣдъ за однимъ другой произноситъ «и я».

«Мы» и «и я»—два слова достаточно рельефно выражающія разногласіе по вопросу о томъ, что есть общество и что «я» въ обществѣ. Малороссъ всегда остается строгимъ индивидуалистомъ, будетъ ли онъ просить хлѣба, искать убытки, требовать отправки. Великороссъ же въ аналогичномъ положеніи съ излишней роскошью просклоняетъ мѣстоимѣніе мы во всѣхъ падежахъ. Когда же дѣло коснется до исполненія какой-либо общественной обязанности (чистить лагерь, переносить лагерь), то тѣ и другіе становятся одинаково азіатами: и тѣ, и другіе могутъ наслаждаться жизнью, когда вокругъ страшный смрадъ, благодаря собственной безпечности, или мокнуть подъ дождемъ, дрожать отъ холода, когда въ двухъ шагахъ чуть не дѣвственный лѣсъ. Правда, что касается внѣшней красоты, чистоты въ шалашахъ, то малороссы не знаютъ себѣ соперниковъ; думаю, что и ѣли они лучше, и бѣлье у нихъ чище. Но зато они уступаютъ великороссамъ въ способности

быстро оріентироваться въ мѣстныхъ условіяхъ. Я имѣлъ случай сравнивать между собою лишь отношеніе тѣхъ и другихъ къ вопросу о дальнѣйшемъ способѣ передвиженія, и долженъ сказать, что въ данной сферѣ великороссъ какъ-то болѣе юрокъ. Пока хохолъ еще приглядывается, великороссъ уже сообразилъ, что ему дѣлать.

Еще нѣсколько словъ о солидарности. Великороссы, склоняющіе «мы», подъ «мы» разумѣютъ только свою партію, а когда интересы нѣсколькихъ партій сталкиваются, то и «мы», «и я» одинаково эгоистично ведутъ себя. До другихъ товарищей по несчастію ни тѣмъ, ни другимъ нѣтъ никакого дѣла: будетъ ли кто-либо жить послѣ ихъ ухода на томъ мѣстѣ, которое они загадали, или въ той юртѣ, войлоки съ которой они украли, объ этомъ никто не думаетъ... конечно, если будетъ царить въ лагерѣ корь, то въ этомъ виноваты «кацапы»: «сорочка у него, якъ тряпка»; несомнѣнно, если послѣ нашего ухода другимъ будетъ плохо—«хохлы виноваты—Бога прогнѣвили»... Но попробуйте этихъ философовъ заставить чистить лагерь, попытайтесь внушить имъ, что больные корью требуютъ изоляціи, и въ результатѣ всѣхъ вашихъ стараній получится одно глупое разсужденіе о безполезности.

Моя характеристика была бы не полна, если бы я не остановился на одномъ крупномъ различіи между малороссами и ихъ историческими врагами. Нѣсколько тысячъ какъ тѣхъ, такъ и другихъ, какъ просители явились ко мнѣ, но въ то время, какъ многіе великороссы (и бѣлоруссы) валялись у ногъ моихъ, я не помню ни одного случая, чтобы малороссъ былъ въ такомъ рабскомъ положеніи. Хохолъ проситъ, споритъ, обманываетъ, даже плачетъ, но не кланяется въ ноги: для этого онъ слишкомъ гордъ.

Для полноты картины нѣсколько словъ о бѣлоруссахъ. Это бѣдный, несчастный, забитый и забытый народъ. Прежде всего почти всѣ они были незаконными. Вмѣсто проводныхъ свидѣтельствъ они обладали ужасно безграмотно написанными увольнительными отъ общества свидѣтельствами, гдѣ вмѣсто фамилій были проставлены лишь имена и отчества. Объясняется это тѣмъ, что имъ не только не давали проходныхъ свидѣтельствъ, но даже и паспортовъ, боясь, что они, уйдя на заработки, не вернутся больше домой. Если вѣрить ихъ словамъ, а я не имѣю основанія не вѣрить, то большинство изъ нихъ убѣжало тайкомъ съ родины, не смотря на бдительность становыхъ и урядниковъ. Вы не повѣрите, но это фактъ—между ними находились взрослые мужчины, не знающіе числа членовъ своей семьи и не умѣющіе безъ ошибки считать до ста.

Особенно рѣзко выступали отличительныя черты каждой партіи, когда рѣчь заходила относительно дорожныхъ пособій, которыхъ я, кстати сказать, роздалъ въ теченіе лѣта до 4.000 р. Врутъ всѣ, но ложь витебца такъ наивна, что ее слушаешь съ улыбкой, но чтобы

отличить правду отъ лжи въ словахъ полтавца или тамбовца, для этого требуется иногда очень много времени, да и то въ концѣ концовъ не увѣренъ, что не сдѣлался объектомъ насмѣшекъ. Привычка врать передъ начальствомъ, которое можетъ дать денегъ или не взять ихъ, по моему, основная черта всѣхъ переселенцевъ. Вранье—результатъ двухъ противоположныхъ убѣжденій крестьянина. Переселенецъ увѣренъ, что все, что берутъ съ нихъ за проѣздъ, за пищу, берутъ неправильно, а что даютъ имъ, такъ это потому, что такъ полагается, и то начальство, которое беретъ, поступаетъ неправильно, а которое даетъ—дѣйствуетъ по закону. Это разъ, но жизненный опытъ научилъ крестьянина, что правда и законъ сами по себѣ, а начальническая милость—сама по себѣ. То, что̀ должно, почти всегда, на сколько можетъ припомнить крестьянинъ, приносилось въ жертву тому, что̀ хочетъ его благородіе. Это два. Но такъ какъ должное только идеалъ, а хотѣніе всегда на лицо, то и нужно дѣйствовать на эту волю, нужно разжалобить начальника, давъ ему пятакъ, если онъ беретъ, или, если онъ не такой ужъ грубый матеріалистъ, подѣйствовавъ на его слабую сторону: одному ручку поцѣловать, другому въ ноги бухнуться, а передъ третьимъ прикинуться бѣднымъ сиротой. И крестьянинъ-проситель старается попасть въ тонъ, дабы излить на себя начальническую милость, но для этого онъ долженъ и факты сообщать примѣнительно къ привычкамъ начальника, и просить о томъ, что по правдѣ и по закону нужно было требовать. И ради рубля приходится врать и передъ начальникомъ, и передъ самимъ собой, въ результатѣ—раздраженіе. Но объектомъ этого раздраженія являются не обстоятельства окружающія, и меня дающаго, и его просящаго, а исключительно я—чиновникъ, подмѣнившій правду *своей* волей. Пока я былъ просто человѣкъ, со мной просто разговаривали, но стоило мнѣ дать десятку людей по цѣлковому, во мнѣ перестали видѣть человѣка, а видѣли ходящую по лагерю «милость». И началось низкопоклонство и вранье.

Нѣсколько цифръ въ дополненіе къ даннымъ ранѣе характеристикамъ переселенцевъ 1896 года. Изъ 4.340 семей больше, чѣмъ половина,—2.341 не имѣли ни одного человѣка грамотнаго или полуграмотнаго и учащагося. Не здѣсь ли искать объясненія низкопоклонства и вранья: тамъ, гдѣ 72% мужчинъ неграмотны, а среди женщинъ грамотныхъ только 0,7%, трудно искать уваженія къ себѣ. Если далѣе взять за одну скобку губерніи средняго черноземнаго района (Полтавскую, Харьковскую, Воронежскую), считая ихъ за губерніи малороссійскія, а за другую великороссійскія губерніи, то окажется, что среди малороссовъ процентъ безграмотныхъ семей нѣсколько меньше, но разница на столько незначительна, что не въ неграмотности причина малаго со стороны великоросса къ себѣ уваженія. Вѣроятно, исторія тому причиной: потомки вынесшихъ на своихъ плечахъ всю тяжесть

домостроевщины московскаго періода нашей исторіи, не могутъ сразу забыть завѣты старины. Но и потомки запорожцевъ не забываютъ того, какъ въ оно время союзники-москвичи стали ихъ владыками, не забываютъ и долго не забудутъ, хотя жизнь съ каждымъ годомъ все болѣе спѣшитъ уничтожить разницу между ними. Подтверждаютъ ли цифры хотя сколько-нибудь легенду о хохлацкомъ салѣ? Если хотите, до извѣстной степени—да. Переселенцы-малороссы 1896 года въ общемъ нѣсколько богаче переселенцевъ-великороссовъ: на одного малоросса багажа приходится на сумму 2 р. 90 к., тогда какъ багажъ великоросса составляетъ только 1 р. 90 к. Съ другой стороны, среди малороссовъ 24°/o имѣли багажа свыше 30 пуд., тогда какъ великороссы этихъ счастливцевъ насчитывали только 14°/o. И вообще богаче, да и богатыхъ среди нихъ больше. Но любопытная черта: въ то время, какъ великороссы-общинники истратили на угощеніе міра для полученія права покинуть дорогую родину только 5°/o всѣхъ расходовъ по сбору на переселеніе, малороссы ухитрились довести эту цифру до 8°/o.

Этими бѣглыми замѣчаніями авторъ и оканчиваетъ свой краткій очеркъ того, что онъ видѣлъ въ Сибири въ 1896 году и что сказалъ ему поверхностный просмотръ «цифрового матеріала». Но думается ему, что не безъинтересно здѣсь же привести отзывъ другого лица, наблюдавшаго переселенцевъ въ 1896 году. Современные переселенцы,—пишетъ статсъ-секретарь Куломзинъ,—«люди миролюбивые, всѣ душевныя силы которыхъ направлены исключительно на удовлетвореніе чувства домовитости, не успѣвшаго заглохнуть среди недостаточной обстановки на родинѣ, но въ то же время люди, съ одной стороны энергичные, предпріимчивые, умѣющіе постоять за себя и бороться, съ разными невзгодами, а съ другой—безпокойные, недовольные существующими порядками, не умѣющіе и не желающіе примириться съ извѣстнымъ правомѣрнымъ строемъ и постепенно усиливающеюся въ Европейской Россіи законностью, словомъ, такіе же, какъ и тѣ древніе завоеватели, благодаря которымъ росла, расширялась Русская Земля».

А. Омельченко.

ИЗЪ ПУТЕВОГО АЛЬБОМА.

1. Учанъ-Су.

Свѣжѣе вѣетъ воздухъ горный,
Невнятный шумъ идетъ въ лѣсу:
Поетъ веселый и проворный,
Со скалъ летящій Учанъ-Су!
Глядишь—и точно застывая,
Но въ то же время ропотъ свой,
Свой легкій бѣгъ не прерывая,—
Прозрачной пылью снѣговой
Несется внизъ струя живая,—
Какъ тонкій флеръ, сквозитъ огнемъ,
Скользитъ со скалъ фатой вѣнчальной
И вдругъ и пѣной, и дождемъ
Свергаясь въ черный водоемъ,
Бушуетъ влагою хрустальной...
А горы въ синей вышинѣ!
А южный боръ и сосенъ шепотъ!—
Подъ этотъ шумъ и влажный ропотъ
Стоишь, какъ въ свѣтломъ полуснѣ!

---

2. По вечерней зарѣ.

Засинѣли, темнѣютъ равнины...
Далеко-далеко въ тишинѣ
Колокольчикъ поетъ, замирая...
Мнѣ грустнѣй и больнѣе вдвойнѣ.

Вотъ ужъ звукъ его плачетъ чуть слышно;
Вотъ и пыль надъ просторомъ нѣмымъ,
По широкой пустынной дорогѣ,
Опускаясь, темнѣетъ, какъ дымъ...

Но душа еще ждетъ и тоскуетъ...
О, зачѣмъ ты и ночью, и днемъ
Вспоминаешься мнѣ такъ призывно?..
Отчего ты—вездѣ и во всемъ?

Вслѣдъ зарѣ, уходящей къ закату,
Умирающимъ звукамъ во слѣдъ,
Посылаю тебѣ мою душу,—
Мой печальный и нѣжный привѣтъ!

---

3. Утро.

Тихъ и чутокъ предразсвѣтный часъ,
Полны тайны утреннія зори!
На востокѣ, точно въ свѣтломъ морѣ,
Блескъ звѣзды играетъ, какъ алмазъ.

Высоко поднялся и бѣлѣетъ
Полумѣсяцъ въ блѣдныхъ небесахъ...
Сумракъ ночи прячется въ лѣсахъ...
Изъ долинъ зеленыхъ утромъ вѣетъ.

Вѣетъ юной радостью съ полей...
Льется, какъ серебряное пѣнье,
Звонъ костела, славя воскресенье...
Разгорайся новый день свѣтлѣй!

Выйди въ небо, солнце, безъ ненастья,
Возродися въ блескѣ и теплѣ,
Возвѣсти опять по всей землѣ,
Что вся жизнь—день радости и счастья!

---

4. Въ лѣсахъ надъ Десною.

Вдали еще гремитъ, но тучи ужъ свалились,—
Какъ горы дымныя, идутъ онѣ на югъ...
Опять лазурь ясна, опять весна вокругъ,
И яркимъ солнцемъ чащи озарились.

Изъ-за лѣсныхъ вершинъ далекой церкви шпицъ
Горячимъ золотомъ трепещетъ и сверкаетъ,
Звенятъ въ низахъ ручьи и льется пѣнье птицъ...
А на полянахъ снова припекаетъ.

Густѣетъ облаковъ волнистое руно,
Они сдвигаются, спускаются все ниже—
И вотъ ужъ солнца нѣтъ: опять въ лѣсу темно,
Дождь зашумѣлъ—и все слышнѣй и ближе!

Нахохлясь, птицы спятъ и тихо лѣсъ стоитъ,
И точно чувствуетъ, счастливый и покорный,
Какъ много свѣжести и силы благотворной
Весенняя гроза въ себѣ таитъ!

---

5. Въ морѣ.

Отчего ты печально, вечернее небо?
Оттого ли, что жаль мнѣ земли,
Что пустынно синѣетъ безбрежное море
И скрывается солнце вдали?

Отчего ты прекрасно, вечернее небо?
Оттого-ль, что далеко земля,
Что съ прощальною грустью закатъ угасаетъ
На косыхъ парусахъ корабля,

И шумятъ тихимъ шумомъ вечернія волны
И баюкаютъ пѣсней своей
Одинокое сердце и грустныя думы
Въ безпредѣльномъ просторѣ морей?

Ив. Бунинъ.

ПОБѢДА.

ПОВѢСТЬ.

(*Продолженіе* *).

IV.

5-го августа Барановъ долженъ былъ представляться своему начальству. Онъ всталъ въ восемь часовъ утра и очень былъ изумленъ, когда въ этотъ часъ къ нему постучали въ дверь и неожиданно явился Ѳедоръ Ѳедоровичъ.

— Я, братъ, Василій Григорьевичъ, сегодня поднялся въ шесть часовъ и первымъ поѣздомъ пріѣхалъ сюда.

— Зачѣмъ же?—съ удивленіемъ спросилъ Барановъ.

— А какъ же? Сегодня тебѣ предстоитъ такой важный шагъ. Я долженъ тебя наставить. Вѣдь ты ребенокъ. Ты людей совсѣмъ не знаешь.

— А зачѣмъ ихъ знать?—спросилъ Барановъ.—Я назначенъ, вотъ и все, и буду исполнять свои обязанности.

— Ну, нѣтъ, братъ, это не такъ просто,—исполнять обязанности! Гм!.. Еслибъ только надо было исполнять обязанности...

— А что же еще?

— Да вѣдь надо съ людьми считаться. У тебя будетъ начальство, ты будешь подчиненный. Надо, братъ, умѣть лавировать...

— Ну, лавировать-то я совсѣмъ не умѣю!—сказалъ Барановъ.

— Ну, разумѣется, не умѣешь, откуда-жь тебѣ было научиться? Студентомъ ты жилъ въ своей канурѣ, ни съ кѣмъ не сходился, жизни не узналъ, а я все-таки кое-что знаю, я и всѣхъ въ Петербургѣ знаю, хоть и не знакомъ, а такъ слышалъ о людяхъ. Вотъ и директора твоего знаю. Онъ человѣкъ старый. Лѣтъ сорокъ уже на этой службѣ педагогической, ну и, значитъ, собаку съѣлъ. Глаза у него пронзительные, будетъ лѣзть тебѣ въ самую душу, но ты не впускай. Въ разговорахъ будь кратокъ,

*) См. «Міръ Божій», № 7

не распространяйся. Можетъ, твоя душа и хорошая, да вѣдь, Богъ его знаетъ, нужна ли ему хорошая? Можетъ, ему какъ разъ дрянная душа надобна. Говори все то, что говорятъ обыкновенно. Вродѣ какъ вотъ въ прописяхъ написано. Тамъ ужъ все такое, что всякъ долженъ одобрить. Ничего отъ себя не высказывай, а то еще невпопадъ скажешь, Богъ съ нимъ. И инспектора тоже знаю. У него пріемъ есть: сейчасъ старается въ дружбу войти, такъ—этакъ простотой обвораживаетъ, а потомъ, чуть-что, на дыбы становится. Такъ ты старайся найти среднюю линію. Разумѣется, показывай и свое достоинство, но только не очень. Этого, братъ, не любятъ. Ну, вотъ тебѣ и все.

Барановъ напился чаю, надѣлъ вицъ - мундиръ и когда посмотрѣлъ въ зеркало, то ему почему-то сдѣлалось стыдно,—такимъ страннымъ онъ показался себѣ въ этомъ костюмѣ. Затѣмъ онъ причесалъ свои длинные волосы, взялъ чистый, еще не стиранный платокъ, надѣлъ сверху пальто и они вмѣстѣ съ Ѳедоромъ Ѳедоровичемъ вышли. Тутъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ пошелъ на службу, а онъ отправился въ гимназію одинъ. Документы его уже давно были въ гимназіи, онъ былъ совсѣмъ зачисленъ. Это была совсѣмъ не та гимназія, гдѣ онъ учился. Ему представлялся случай взять въ ней мѣсто, но онъ выбралъ другую. Ему показалось, что тамъ у него будетъ тяжелое воспоминаніе о томъ, какъ онъ корпѣлъ надъ книжками въ теченіе многихъ лѣтъ въ качествѣ казеннокоштнаго воспитанника.

Но когда онъ вошелъ, на него какъ будто пахнуло тѣми же самыми воспоминаніями. Этотъ обширный вестибюль съ множествомъ вѣшалокъ, на которыхъ кое-гдѣ висѣли пальто и фуражки гимназистовъ, наверху дѣтскій говоръ, тяжелый спертый воздухъ. Все это было такъ похоже на то, что самъ онъ переживалъ много лѣтъ тому назадъ; на площадкѣ второго этажа на минуту появилась и потомъ исчезла сухощавая тонкая фигура воспитателя въ вицъ-мундирѣ.

Собрались еще немногіе гимназисты, только тѣ, которые поступали, и тѣ, у которыхъ были передержки. Но странное онъ испытывалъ ощущеніе, когда швейцаръ снималъ съ него пальто. Онъ испытывалъ не тягостное чувство, а, напротивъ, какое-то торжественное и горделивое. Еще бы! Прежде онъ входилъ въ гимназію, какъ скромный, забитый, заморенный воспитанникъ, зависѣвшій отъ всѣхъ и боявшійся всѣхъ, а теперь онъ преподаватель, отъ котораго уже многіе зависятъ.

Швейцаръ, хорошо разглядѣвшій его вицъ-мундиръ, уже заранѣе обнаружилъ почтительность къ нему. Онъ объяснилъ, что ему надо видѣть директора.

— Изволите у насъ служить?—спросилъ швейцаръ.

— Да, буду служить,—отвѣтилъ Барановъ.

— Извольте подняться наверхъ, а потомъ направо по коридору будетъ первая дверь. Это кабинетъ директора.

Онъ поднялся и нашелъ дверь, о которой говорилъ швейцаръ. Тамъ стоялъ слуга, который тоже почтительно поклонился ему и спросилъ, какъ доложить о немъ.

— Барановъ,—сказалъ онъ, и слуга черезъ минуту пригласилъ его къ директору.

Директоръ былъ громоздкій мужчина съ густыми сѣдыми волосами, низко остриженными, съ сѣдыми баками, съ нависшими бровями. Онъ сидѣлъ за столомъ. Барановъ вошелъ, остановился и наклонилъ голову. Директоръ смотрѣлъ въ окно и точно и не хотѣлъ поднять на него глаза и разглядѣть.

— Что прикажете?—спросилъ онъ густымъ басистымъ голосомъ и трудно было понять, въ самомъ ли дѣлѣ онъ принималъ его за посторонняго посѣтителя, или прикидывался.

— Я... я представиться пришелъ. Я Барановъ, назначенъ преподавателемъ въ здѣшней гимназіи исторіи...

— А, ну, извините...

И директоръ, не вставая изъ-за стола, протянулъ ему руку, потомъ указалъ ему на стулъ.

Барановъ сѣлъ.

— Вы, кажется, только что кончили курсъ?—спросилъ директоръ.

— Да, въ этомъ году,—отвѣтилъ Барановъ.

Директоръ неодобрительно покачалъ головой.

— Не люблю я этого. Всегда протестовалъ, да ничего не подѣлаешь...

„Чего это онъ не любитъ?“ мысленно спросилъ себя Барановъ.

А директоръ самъ объяснилъ:

— Только что со скамейки, самъ школьникъ,—что онъ можетъ преподавать? Надо знать дѣтскую душу, а для этого надо много лѣтъ возиться съ дѣтьми. Ну, вы, напримѣръ, вы знаете дѣтскую душу?

Барановъ смѣшался.

— Н-нѣтъ... Я не могу сказать, чтобы зналъ. Я еще не успѣлъ...

— Ну, вотъ то-то и оно. Притомъ, надо имѣть принципы. Вы имѣете принципы?

— Разумѣется,—отвѣтилъ Барановъ.

— Я не имѣю права допрашивать васъ, но долженъ вамъ сказать, что принципы у насъ проводятся строгіе: каждый долженъ дѣлать свое дѣло и больше ничего. Вы, напримѣръ, назна-

чены преподавать исторію и преподавайте исторію. Другой назначенъ преподавать греческій языкъ и преподавай греческій языкъ. Понятно? Въ программѣ сказано: въ такомъ-то классѣ надо обучать: образованію словъ, частямъ рѣчи, синтаксису, склоненію и спряженію,—и изволь преподавать образованіе словъ, части рѣчи, синтаксисъ, склоненіе и спряженіе—и ничего больше. Понимаете? Ничего!

У Баранова въ головѣ бродили разныя мысли и сопоставленія, въ особенности сопоставленіе строгихъ принциповъ съ требованіемъ знанія дѣтской души, но онъ вспомнилъ наставленіе Ѳедора Ѳедоровича о томъ, чтобы говорить только то, что говорятъ всѣ, и сказалъ:

— Безъ сомнѣнія, я долженъ дѣлать то, что означено въ программѣ.

Въ это время отворилась дверь и вошелъ глубокій брюнетъ съ густой черной бородой, съ курчавыми волосами.

Что-то не русское было у него въ лицѣ. Барановъ поднялся. Директоръ представилъ его.

— Вотъ кстати я васъ и нашему инспектору представлю! Вотъ, Эдуардъ Максимовичъ, это господинъ Барановъ, который будетъ исторію преподавать.

— А, такъ это не вы на греческій языкъ назначены?—сказалъ инспекторъ, подавая ему руку.—Онъ тоже изъ молодыхъ, но уже опоздалъ—это нехорошій признакъ. Я вѣдь греческій преподаю въ старшихъ классахъ, а другой въ младшихъ; онъ будетъ приготовлять для меня. Впрочемъ, все по программѣ. У насъ все по программѣ! Надѣюсь, мы будемъ дружить?—прибавилъ онъ и при этомъ улыбнулся и показалъ свои чудные бѣлые зубы.

Барановъ, находя, что уже достаточно представился начальству, сталъ откланиваться, и, когда онъ уже подошелъ къ двери, директоръ остановилъ его.

— Вы можете уже получить ваше жалованье,—сказалъ онъ. Зайдите въ канцелярію и тамъ вамъ напишутъ ордеръ.

Онъ зашелъ въ канцелярію. Это была небольшая комната, гдѣ за столикомъ сидѣлъ письмоводитель—широкоплечій человѣкъ съ баками, похожими на директорскія, и съ нависшими бровями, тоже какъ у директора. Въ первую минуту онъ посмотрѣлъ на Баранова исподлобья, но потомъ какъ-то очень быстро освоился и когда писалъ ордеръ, то въ это время говорилъ.

— Что, батенька, пробралъ васъ директоръ?

— Какъ пробралъ? За что?

— Вотъ новости... Развѣ надо, чтобъ было за что? Онъ у насъ это ходитъ-ходитъ изъ угла въ уголъ, дѣлать ему нечего. У насъ все инспекторъ дѣлаетъ, ну, придетъ и проберетъ...

— Кого же?

— Все равно. Онъ поочереди. Ну, а инспекторъ въ душу вамъ влѣзъ?

— Нѣтъ, ничего такого,—сказалъ Барановъ.

— Ну, еще влѣзетъ. А только онъ, знаете, какъ ежъ. Знаете, у ежа колючки такія,—когда онъ влѣзаетъ, такъ ничего, гладко, а какъ только назадъ, такъ колючки сейчасъ растопырятся и больно колятъ. Ну, вотъ и ордеръ готовъ, вы посидите минутку, я снесу его директору подписать.

Онъ сходилъ къ директору и затѣмъ вернулся съ подписаннымъ ордеромъ.

— А теперь извольте получить у казначея.

Когдъ онъ хотѣлъ уже уходить, явился высокій худощавый блондинъ съ длинными усами и тоже получилъ ордеръ, который уже былъ заранѣе приготовленъ.

— Это нашъ математикъ, — сказалъ письмоводитель, когда тотъ ушелъ,—шельма, я вамъ скажу,—у директора свой человѣкъ. Кажется, на его дочкѣ женится. Въ инспектора мѣтитъ. Это я вамъ потому говорю, что вы новый человѣкъ. такъ вамъ надо все это знать.

Получивъ деньги у казначея, онъ пошелъ внизъ. Когда онъ спускался по лѣстницѣ, то испытывалъ какую-то необъяснимую радость. Онъ показался бы самъ себѣ страннымъ, если бы могъ видѣть себя со стороны. На лицѣ его было сіяніе и ему смутно представлялось, что рядомъ съ нимъ бѣжитъ маленькій мальчикъ въ мѣшковатомъ казенномъ мундирѣ, блѣдный и заморенный, такой, какимъ былъ онъ въ гимназіи, несчастный мальчикъ, всего и всѣхъ боявшійся и отъ каждаго, кого ни встрѣчалъ, ожидавшій суроваго возмездія.

И вѣдь главное, что все, рѣшительно все совершается такъ, какъ надо, какъ у другихъ, которымъ онъ завидовалъ и которые были его идеаломъ, такъ, какъ онъ мечталъ всю предшествующую жизнь. И директоръ, и инспекторъ, и даже этотъ странный письмоводитель, видимо, признали его и онъ уходилъ отсюда уже съ полными правами считать себя членомъ общества.

Швейцаръ выразилъ теперь ему еще больше почтительности. Онъ, самъ не зная почему, вынулъ изъ кармана мелочь и далъ ему на чай. Даже швейцаръ, привыкшій къ подачкамъ, изумился такой странной щедрости, но взялъ и началъ низко кланяться ему. Очевидно, онъ думалъ, что этотъ новый преподаватель будетъ щедръ и станетъ постоянно давать ему на чай. Швейцару необязательно быть психологомъ.

Барановъ надѣлъ пальто и вышелъ на улицу. Пройдя полдороги, онъ вдругъ остановился. Ему навстрѣчу шелъ Монголовъ.

— Какъ? Развѣ ты еще здѣсь?—спросилъ Барановъ.—Вѣдь ты, кажется, назначенъ въ провинцію?

— Да, назначенъ въ провинціальный городъ,—отвѣтилъ Монголовъ.

— Почему же ты до сихъ поръ не уѣхалъ.

— Да такъ... Не успѣлъ...

При этомъ Монголовъ замялся и видимо что-то скрывалъ. А лицо у него было грустное. Барановъ очень хорошо чувствовалъ это, но въ первую минуту не хотѣлъ разспрашивать его.

— Я думаю, тебѣ очень тяжело уѣзжать изъ Петербурга,—сказалъ онъ.

— Напротивъ, я съ наслажденіемъ уѣхалъ бы поскорѣе... Я именно радъ, что меня назначили въ провинцію.

— Что-жъ тутъ хорошаго? Провинція, вѣдь это пустыня.

— А для меня Петербургъ пустыня. Я прожилъ здѣсь четыре года и почти ни съ кѣмъ не познакомился. Я что-жъ... Я просто работникъ и больше ничего. Здѣсь люди все важные, а я съ важными людьми не умѣю.., а провинцію я знаю, я вѣдь самъ оттуда. Тамъ люди проще. Мнѣ легче будетъ.

Когда они вошли въ квартиру Баранова, Монголовъ очень долго удивлялся обстановкѣ, которая казалась ему необыкновенно дорогой и изящной.

— Не понимаю, зачѣмъ тебѣ двѣ комнаты, когда можно жить и въ одной,—говорилъ онъ.—Вотъ я, когда пріѣду на мѣсто, найму, что-нибудь такое, что есть самаго дешеваго въ городѣ.

— Да зачѣмъ же такъ стѣснять себя? Неужели тебѣ не надоѣло жить въ трущобѣ?—спросилъ Барановъ.

— Мало что надоѣло! Да у меня ужъ такая особая теорія жизни: я далъ себѣ слово экономить во всемъ и постоянно откладывать. Откладывать все, что только возможно, ничего себѣ не позволять лишняго. Вѣдь какъ трудно было добиться! Человѣкъ не знаетъ, что будетъ съ нимъ завтра, а въ особенности такой маленькій незначительный человѣкъ, какъ я. Я и такъ постоянно боюсь, что не такъ ступилъ, не такой жестъ сдѣлаю. Вѣдь какъ-нибудь обмолвишься по неопытности и прогонятъ тебя. Такъ вотъ на черный день. Да, на черный день, на черный день!

И эти слова онъ произносилъ какъ то трагически. Такъ что сейчасъ же „черный день“ рисовался воображенію въ видѣ темной мрачной фигуры съ потухшими глазами.

Не широкія задачи были у Баранова, но даже и ему этотъ смиренный товарищъ показался жалкимъ.

„По всей вѣроятности, ему еще хуже было, чѣмъ мнѣ“, подумалъ Барановъ.

И у него явилось желаніе поразспросить Монголова о его прошломъ.

— Отецъ у меня —дьячекъ деревенскій,—объяснилъ Монголовъ,—а мать давно умерла, такъ вотъ отецъ и сталъ пьянствовать съ горя и ужь не знаю, что, но что-то такое преступилъ противъ правилъ духовныхъ. Его лишили должности и посадили въ монастырь на покаяніе, а меня взяли на казенное. Очень было тяжело жить... Пару сапогъ казенныхъ выдавали на цѣлый годъ, а кормили жареными тараканами.

— А какъ ты попалъ въ университетъ? Вѣдь семинаристовъ уже не принимаютъ.

— Готовился отъ себя. Инспекторъ слѣдилъ постоянно и страшно мѣшалъ. Они не любятъ этого, когда кто-нибудь званіе покидаетъ. Увидитъ съ геометріей въ рукахъ, сейчасъ допрашиваетъ. Зачѣмъ да почему? Ну, бывало, заберешься въ такое мѣсто, что даже сказать неприлично, и сидишь тамъ по два часа съ геометріей въ рукахъ и зубришь. Потомъ держалъ экзаменъ на аттестатъ зрѣлости. Ну, ужъ что это было за время, такъ даже и вспомнить страшно. Четырнадцать ночей почти не спалъ. Знакомые принимали за сумасшедшаго. Зазубрился до того, что когда спрашивали меня о погодѣ, я отвѣчалъ правило о винительномъ съ неопредѣленнымъ. Выдержалъ экзаменъ и мѣсяца полтора пролежалъ.

— Заболѣлъ?

— Да какъ тебѣ сказать? Въ сущности и болѣзни никакой не было, а просто такъ, не могъ двинуться. Весь окоченѣлъ. Ну, а потомъ ничего, поправился и поступилъ въ университетъ. Ну, что-жъ, поговорили и прощай!—прибавилъ Монголовъ и какъ-то сумрачно протянулъ руку.

— Да ты погоди, вмѣстѣ выйдемъ. Ты вотъ, что скажи мнѣ,— прибавилъ Барановъ, видя его мрачное настроеніе,—почему ты не могъ до сихъ поръ уѣхать?

— Почему? Да очень просто: денегъ на дорогу нѣтъ.

— И много надо денегъ?

— Самыя пустяки, что-то около девяти рублей.

— Неужели ты не могъ достать такой суммы?

— Не могъ. У меня рѣшительно никого нѣтъ. Мнѣ даже слѣдуетъ тамъ по гимназіи, да только, говорятъ, на мѣстѣ получите.

— Послушай, Монголовъ, возьми у меня эти деньги, я сегодня получилъ. А потомъ пришлешь или какъ-нибудь иначе...

Монголовъ покраснѣлъ и смѣшался.

— Да я, признаться, давно уже думалъ обратиться къ тебѣ, да не зналъ, гдѣ ты живешь.

— Ну, вотъ и отлично, такъ возьми пожалуйста.

— Хорошо, спасибо. Я пришлю тебѣ сейчасъ же, какъ только получу первое жалованье.

Барановъ далъ ему десять рублей и они вмѣстѣ вышли на улицу. По дорогѣ они простились. Барановъ направился на финляндскій вокзалъ, ему никогда еще такъ не хотѣлось быть у Ѳедора Ѳедоровича, какъ сегодня, именно когда онъ представился начальству и получилъ первое жалованье. Онъ зашелъ въ фруктовый магазинъ и купилъ кое-какихъ закусокъ, бутылку вина и конфекты.

Съ этой ношей онъ явился на вокзалъ и встрѣтилъ тамъ Ѳедора Ѳедоровича. Онъ зналъ, что Ѳедоръ Ѳедоровичъ обыкновенно ѣздитъ домой этимъ поѣздомъ.

Ѳедоръ Ѳедоровичъ взглянулъ на свертокъ и сразу понялъ, что все значитъ обошлось благополучно и, конечно, тотчасъ же бросился лобызать Баранова.

— И денегъ дали!—сказалъ Барановъ.—Даже не ожидалъ этого. Оказалось, что я уже считаюсь на службѣ...

— Зачѣмъ же ты, Василій Григорьевичъ, балуешь насъ этими пустяками? Развѣ можно тебѣ тратиться? Вѣдь у тебя вексель.

— Есть и на вексель. Я даже сегодня одному товарищу взаймы десять рублей далъ. Вотъ возьмите половину и отдайте или спрячьте.

Всю дорогу Ѳедоръ Ѳедоровичъ распрашивалъ его о пріемѣ у директора и инспектора и ужасно радовался, что такъ правильно предупредилъ его. А главное, что ему было пріятно, это то, что Барановъ хоть одинъ разъ вспомнилъ его наставленія и воспользовался ими.

— Ага — говорилъ онъ, — пригодилось-таки, пригодилось. Нѣтъ, братъ, я все-таки не даромъ прожилъ жизнь. Научился-таки отъ нея кое-чему. Научился-таки? Э, да ты что это? Въ вицъ-мундирѣ?

Барановъ разсмѣялся.

— Я нарочно хотѣлъ показаться въ немъ всѣмъ вамъ... и Варѣ...

— Да вѣдь истреплешь. Вицъ-мундиръ долженъ быть всегда въ порядкѣ, а то ежели начнешь въ тряпки одѣваться, сейчасъ же косо смотрѣть будутъ и уваженія будетъ меньше.

Безъ сомнѣнія, Барановъ не питалъ надежды, что вицъ-мундиръ можетъ подкупить Варю и склонить ее на его сторону. Но все-таки она увидитъ воочію, что это совершилось. А онъ считалъ это важнымъ.

Всѣ нашли его очень смѣшнымъ въ вицъ-мундирѣ и хохо-

тали. Обѣдъ былъ оживленный, благодаря привезеннымъ дарамъ. У Ѳедора Ѳедоровича всегда въ домѣ была водка и Барановъ выпилъ съ нимъ одну рюмку.

— Не хватить ли намъ еще по одной?—на радостяхъ предложилъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ.

Барановъ уже готовъ былъ согласиться, но Варя мягко отклонила его.

— Нѣтъ, Василій Григорьевичъ, лучше не пейте. Вы скоро слабѣете.

— Что-жъ, это значитъ? Я не пьяница!—отвѣтилъ Барановъ.

— Я этого никогда и не думала.

А все-таки Барановъ второй рюмки не выпилъ. Ему даже было пріятно, что Варя подумала о немъ и оказала ему вниманіе.

Семейство Ѳедора Ѳедоровича скоро тоже собиралось переѣзжать въ городъ. У нихъ не было квартиры. Ради экономіи они всякій годъ лѣтомъ бросали квартиру. И каждый годъ приходилось искать ее вновь. Ѳедоръ Ѳедоръ уже давно началъ ходить передъ службой и послѣ службы по дальнимъ улицамъ петербургской стороны. Дачная погода портилась.

Барановъ долженъ былъ почти каждый день посѣщать гимназію. Хотя уроки еще не начались и должны были начаться только послѣ пятнадцатаго, но новый учитель греческаго языка не явился и его попросили быть ассистентомъ. По греческому языку было такое множество передержекъ во всѣхъ классахъ, что ихъ надо было распредѣлить на нѣсколько дней. Оказалось, что инспекторъ, Эдуардъ Максимовичъ Швекъ, нещадно рѣзалъ учениковъ на экзаменѣ. Это была его спеціальность.

Странное ощущеніе испытывалъ Барановъ, когда въ первый разъ пришелъ на передержку въ качествѣ ассистента. Въ обширной комнатѣ на скамьяхъ сидѣло десятка полтора мальчиковъ и у всѣхъ было на лицахъ выраженіе страха. Столъ, накрытый зеленымъ сукномъ, на немъ большая чернильница. Передъ нимъ лежитъ списокъ учениковъ. Ученики выходятъ къ столу, скандируютъ Гомера, переводятъ, разбираютъ, а онъ ставитъ отмѣтки.

Собственно онъ почти и не слышалъ, что отвѣчали ученики, въ головѣ его стоялъ какой-то туманъ, новое ощущеніе охватывало его всего и наполняло его грудь. Онъ смотрѣлъ въ журналъ, лежавшій передъ инспекторомъ, и машинально ставилъ тѣ же цифры, что и онъ.

Надо сказать правду, что инспекторъ никому не поставилъ меньше тройки, при этомъ онъ сказалъ Баранову тихо:

— Про меня говорятъ, что я строгій. Но я строгій только передъ лѣтомъ. Я оттого строгій передъ лѣтомъ, что хочу, чтобы

ученики все лѣто думали о греческой грамматикѣ, а осенью я не строгій.

И эта рѣчь сопровождалась улыбкой, полной довольства, инспекторъ очевидно былъ увѣренъ, что изобрѣлъ остроумный способъ отравлять греческимъ языкомъ даже лѣто своихъ питомцевъ и ожидалъ за это сочувствія.

Наконецъ, отслужили молебенъ и начали занятія. Былъ сѣрый день, дождь лилъ какъ разъ въ то время, когда Барановъ, надѣвъ сверхъ мундира пальто, шелъ въ гимназію на первый урокъ. Его лихорадило и неизвѣстно отчего. Оттого ли, что рано наступившій холодъ и сырость пронизывали его и проникали до самой спины, или его такъ волновалъ предстоящій дебютъ, не сознанное чувство отвѣтственности. Состояніе духа его было прескверное. Ему почти не хотѣлось идти и онъ съ удовольствіемъ прошелъ бы мимо гимназіи.

Такъ бываетъ, когда, послѣ долгихъ колебаній, человѣкъ рѣшается пойти въ гости къ непріятнымъ людямъ. Все въ немъ говоритъ противъ этого и его личные вкусы, и качества тѣхъ людей, къ которымъ онъ идетъ, но для кого-нибудь изъ близкихъ или родныхъ это очень важно, это можетъ повліять на всю его жизнь. И вотъ онъ дошелъ до подъѣзда и что-то тянетъ его обратно, какое-то ощущеніе ненужности, ощущеніе дурнаго дѣла.

У Баранова не было такого яснаго представленія, а просто это выражалось отвратительнымъ состояніемъ духа. Даже низкій поклонъ швейцара нисколько не тронулъ его.

— Вотъ-съ и уроки начались!—началъ было швейцаръ, почтительно извиваясь передъ нимъ, но онъ посмотрѣлъ на него сурово и тотъ остановился.

Въ вестибюлѣ картина перемѣнилась; на всѣхъ крючкахъ ясеневой вѣшалки, тѣсно прижавшись одно къ другому, висѣли верхнія одежды гимназистовъ, а фуражки лежали надъ ними, на верхней доскѣ.

„Сколько ихъ“! мысленно произнесъ Барановъ и въ первый разъ послѣ университета у него явилось странное чувство жалости къ этимъ дѣтямъ, наполнявшимъ теперь классы.

И ему казалось, что это не пальто, а живые люди повѣшены на колышки и висятъ, тѣсно прижавшись другъ къ другу, и будутъ такъ висѣть они, пока не раздастся послѣдній звонокъ, и тогда они, задыхающіеся, выйдутъ на свѣжій воздухъ.

Вспомнилъ онъ свои гимназическіе годы, но не со злобой, какъ прежде, а съ жалостью къ самому себѣ, тому заморенному мальчику, который, когда еще былъ живъ его отецъ, тоже вѣшалъ свое пальто на такомъ же крючкѣ и когда оставался безъ пальто, то оказывался тоненькимъ, худенькимъ, маленькимъ и по-

томъ шелъ наверхъ съ такимъ ощущеніемъ, какъ будто шелъ на казнь. Вспомнилъ онъ почему-то то время, когда онъ больше всего на свѣтѣ боялся учителя исторіи, который все чего-то требовалъ отъ него и онъ не могъ понять, чего именно, а потомъ оказалось, что требовалъ онъ самой пустой вещи и просто не умѣлъ объяснить, и за то, что не умѣлъ объяснить, ставилъ ему двойку, а когда онъ приносилъ отмѣтки домой, то отецъ огорчался и даже иногда плакалъ.

Все это смутно носилось въ его головѣ. И вотъ теперь онъ идетъ уже самъ въ качествѣ учителя той же исторіи. Онъ побѣдилъ не только исторію, а цѣлый факультетъ. Но сегодня это не доставляло ему торжества, а, напротивъ, какъ-то давило его.

Онъ явился въ учительскую и у него было ощущеніе перваго раза. Онъ бывалъ въ ней во время экзаменовъ, но тогда тутъ было пусто.

Когда онъ вошелъ, комната была полна табачнаго дыма. Въ туманѣ онъ разглядѣлъ только пять вицъ-мундировъ. Широкій низенькій господинъ съ лысиной сидѣлъ у стола и читалъ газету. При его появленіи онъ поднялъ глаза, посмотрѣлъ сквозь очки внимательно и потомъ опять сталъ читать газету. Двое—высокій брюнетъ съ гладко-выбритымъ лицомъ, худощавый, красивый,— и пожилой, тоже высокій, съ сѣдыми волосами, но громоздкій, съ лицомъ сильно обросшимъ—стояли у окна и разговаривали. Еще одинъ, съ совершенно дѣтской фигурой, съ безволосымъ лицомъ, но лысый, нервно бѣгалъ по комнатѣ и фалды его фрака болтались и издавали такой звукъ, какъ паруса, колеблемые вѣтромъ. Наконецъ, къ его изумленію, въ самомъ дальнемъ углу онъ разглядѣлъ знакомое лицо и когда подошелъ ближе, то узналъ Акульскаго.

— Здравствуйте!—сказалъ онъ обрадованнымъ голосомъ и протянулъ Акульскому руку. И почему-то онъ инстинктивно сразу перешелъ на вы.

Онъ не любилъ Акульскаго и никогда не радовался встрѣчѣ съ нимъ, но тутъ онъ почувствовалъ себя такимъ безпомощнымъ среди этикъ совершенно незнакомыхъ лицъ, что радъ былъ даже и этой встрѣчѣ.

— Вы тоже здѣсь?—спросилъ онъ съ удивленіемъ, потому что въ самомъ дѣлѣ не зналъ о назначеніи сюда Акульскаго.—Я никакъ не ожидалъ этого. Вѣдь, кажется, вы говорили мнѣ, что васъ назначили въ Новгородъ?

— Да, это было,—отвѣтилъ Акульскій—сперва я дѣйствительно былъ назначенъ въ Новгородъ, но потомъ... потомъ это перемѣнилось.

— Что-жъ вы будете преподавать?

— Я греческій языкъ въ младшихъ классахъ. Вы знакомы тутъ съ кѣмъ-нибудь?—тихо спросилъ его Акульскій.

— Нѣтъ, рѣшительно ни съ кѣмъ.

— Я просто не знаю, какъ и быть, никто здѣсь не знакомитъ. Сидишь, какъ чужой; я уже полчаса здѣсь сижу и не знаю, что дѣлать.

— Я съ инспекторомъ знакомъ и съ директоромъ,—сказалъ Барановъ,—а больше ни съ кѣмъ.

Всѣ, кто былъ въ комнатѣ, не обращали на нихъ никакого вниманія, а если кому и приходило въ голову взглянуть на нихъ, то это былъ холодный и безучастный взглядъ.

Вдругъ маленькій человѣчекъ съ странно болтавшимися фалдами фрака, продолжавшій нервно расхаживать по комнатѣ, остановился. Онъ посмотрѣлъ на обоихъ новичковъ, какъ будто вспомнилъ что-нибудь, касающееся ихъ и потомъ ринулся по направленію къ нимъ.

— Позвольте познакомиться,—нервнымъ, какимъ-то надорваннымъ голосомъ сказалъ онъ, протягивая руку сперва Баранову, потомъ Акульскому, — Свіяжскій, учитель географіи. Вѣдь мы товарищи, такъ надо... Не правда ли?

Барановъ и Акульскій назвали свои фамиліи и прибавили къ нимъ предметы, которые они читаютъ. Свіяжскій продолжалъ:

— Вижу, что никто на васъ вниманія не обращаетъ! Это странно, не правда ли? Новые люди, конечно—надобно ихъ пригрѣть... Но у насъ во всемъ равнодушіе-съ. Намъ до всѣхъ все равно-съ.

Барановъ и Акульскій съ удивленіемъ и даже съ нѣкоторымъ опасеніемъ слушали страннаго новаго знакомаго. Имъ казалось, что всѣ присутствующіе непремѣнно должны обидѣться его рѣчами. Но Свіяжскій не ограничился этимъ, а вдругъ еще болѣе неожиданно и какимъ-то взывающимъ голосомъ обратился къ остальнымъ преподавателямъ, какіе были въ комнатѣ.

— Господа, позвольте вамъ представить: вотъ-съ это господинъ Барановъ, исторію будетъ читать, а это господинъ Акульскій— греческимъ языкомъ будетъ затемнять головы мальчишекъ... Обратите ваше милостивое вниманіе. Они вѣдь новички...

Онъ говорилъ съ желчью и глаза его при этомъ смотрѣли довольно злобно. Тѣмъ не менѣе и двое, стоявшихъ у окна, и тотъ, который сидѣлъ за столомъ съ газетой, обратили вниманіе на новичковъ и, не смотря на странный саркастическій тонъ Свіяжскаго, познакомились съ ними и вступили въ разговоръ.

— Ага, ну вотъ и отлично! — сказалъ Свіяжскій.—Значитъ просто не догадались.

И затѣмъ онъ схватилъ подъ мышку портфель и убѣжалъ изъ комнаты. Двое, стоявшихъ у окна, громко разсмѣялись.

— Онъ чудакъ!—сказалъ одинъ изъ нихъ—Онъ большой чудакъ, этотъ Свіяжскій; вы не обращайте на него вниманія, господа; онъ вѣдь почти сумасшедшій.

— Да, онъ по какому-то недоразумѣнію находится на свободѣ и еще учитъ дѣтей...

„Однако, только благодаря этому сумасшедшему мы познакомились съ товарищами", подумалъ Барановъ и не повѣрилъ двумъ высокимъ господамъ, стоявшимъ у окна, что Свіяжскій сумасшедшій.

Акульскому надо было идти на урокъ черезъ нѣсколько минутъ. Его урокъ былъ въ десять часовъ, а у Баранова въ одинадцать; онъ пришелъ слишкомъ рано. Раздался звонокъ. Акульскій вдругъ поблѣднѣлъ и, не сказавъ ни слова ни Баранову, ни другимъ, съ какимъ-то опущеннымъ, подавленнымъ видомъ вышелъ. Скоро послѣ него въ комнату заглянулъ инспекторъ и, убѣдившись, что Акульскаго уже нѣтъ, тотчасъ же ушелъ. Онъ пошелъ присутствовать на его первомъ урокѣ.

Скоро ушли и два господина, стоявшіе у окна. Барановъ сидѣлъ одиноко у края стола. Остался въ комнатѣ еще широкоплечій господинъ съ сѣдыми баками, который и теперь продолжалъ читать газету. Такъ прошло минутъ двадцать. Наконецъ, онъ посмотрѣлъ на часы, отложилъ газету и нѣсколько минутъ посидѣлъ молча.

Потомъ онъ вдохнулъ въ себя воздухъ, покрутилъ носомъ и, быстро поднявшись, подошелъ къ форточкѣ.

— Вамъ ничего?—спросилъ онъ, обращаясь къ Баранову и дѣлая жестъ, чтобы отворить форточку.

— Нѣтъ, я не боюсь, отвѣтилъ Барановъ.

— Здѣсь надобно-бы запретить портить воздухъ, въ такомъ небольшомъ помѣщеніи, гдѣ собирается иногда два десятка душъ... Можно ли допускать такое безобразіе? Вы курите?

— Очень мало.

— Совѣтую вамъ бросить совсѣмъ. Кстати, я хотя и познакомился съ вами, но не замѣтилъ, что вы будете преподавать.

— Я—исторію.

— Ахъ, исторію! А я русскій языкъ и словесность. Да, исторія это хорошо. Это предметъ интересный, живой. При желаніи и при умѣніи, можно преподаваніемъ ея благотворно дѣйствовать на дѣтскую душу. Да вотъ желаніе-то и умѣніе рѣдко бываетъ въ нашемъ братѣ.

— Желаніе, конечно...—нерѣшительно сказалъ Барановъ,— а умѣніе вѣдь дается практикой.

— Э, нѣтъ, батюшка мой, практика ничего не стоитъ. Если

кто тупъ, то отъ практики станетъ еще тупѣе. Ну, а вы какъ же, по призванію выбрали этотъ предметъ?

— Право, не знаю. Мнѣ кажется, что у меня нѣтъ никакого призванія...

— Но когда поступали въ университетъ, вы что́-нибудь любили-же? И васъ влекло къ исторіи?

— Нѣтъ, меня больше влекло къ ботаникѣ.

— Такъ почему же вы избрали не естественный, а филологическій факультетъ?

— Да видите ли... У меня не было средствъ. Я хотѣлъ получить стипендію, а на филологическомъ легче...

— О, вотъ какъ?—воскликнулъ широкоплечій старикъ и даже, снявъ очки, протеръ ихъ, но потомъ опять надѣлъ, какъ бы для того, чтобы получше разсмотрѣть стоявшаго передъ нимъ собесѣдника.—Такъ вы вотъ что, молодой человѣкъ, я вамъ дамъ хорошій совѣтъ: подавайте-ка сейчасъ же въ оставку и ищите другого мѣста.

— То есть какъ же это?—нѣсколько смѣшавшись, спросилъ Барановъ.

— Да, такъ, именно, ищите другого мѣста.

— Что-жъ я могу найти? Вѣдь я къ этому готовился.

— Какъ что? Мало ли что? Вотъ по акцизу, напримѣръ. Теперь тамъ охотно берутъ и филологовъ, и юристовъ, и математиковъ. Впрочемъ, я, разумѣется, шучу; я даже не имѣю права давать вамъ подобные совѣты. Можетъ быть, изъ васъ выйдетъ хорошій преподаватель. Призваніе можетъ придти потомъ. А только я говорю, что если вы сдѣлались учителемъ единственно ради жалованья, то не стоитъ, право не стоитъ. Учительскій трудъ и отвѣтственный, и каторжный. А жалованье вѣдь вездѣ дадутъ, жалованья у насъ въ Россіи сколько угодно. Вотъ этотъ Свіяжскій, напримѣръ. Только что всѣ сказали, что онъ сумасшедшій, а я не раздѣляю этого взгляда; нѣтъ, онъ не сумасшедшій, а, какъ бы вамъ сказать, человѣкъ, желающій совмѣстить несовмѣстимое. У него широкіе взгляды, а онъ желаетъ ихъ совмѣстить съ программой, а у программы какіе же взгляды? И вотъ онъ всю жизнь бьется и истерзался въ конецъ. Другой, который поспокойнѣе, примиряется, а онъ не можетъ. Ну, вотъ это въ конецъ и разстроило его. Вотъ вы, напримѣръ, задавали себѣ вопросъ: какой свѣтъ вы внесете въ головы вашихъ питомцевъ? Вотъ у васъ первый урокъ. Сейчасъ вы пойдете и будете читать исторію совершенно неизвѣстнымъ вамъ дѣтямъ. Вѣдь у нихъ есть души и эти души представляютъ изъ себя, такъ сказать, tabula rasa. Что упадетъ на нее, то и отпечатлѣется, а что отпечатлѣется, то ужъ навѣки тамъ останется и приметъ участіе въ выработкѣ ихъ

міросозерцанія и затѣмъ повліяетъ на складъ всей его жизни. Такъ вѣдь это такая отвѣтственность! Позвольте же спросить, какая же у васъ руководящая идея? Ну, вотъ, хотя бы сегодня, передъ предстоящимъ вамъ урокомъ...

— Признаюсь, я не задавался этимъ!—очень скромно отвѣтилъ Барановъ:—Я держался программы.

— Да вѣдь программа конспектъ, не болѣе. Изъ программы можно сдѣлать какое угодно употребленіе. Ну, вотъ, у меня, напримѣръ Гоголь. Можно изъ „Ревизора" сдѣлать все, что угодно, можно его повернуть и такъ, и этакъ. Можно, напримѣръ, сказать, что „Ревизоръ" написанъ съ цѣлью осмѣять пороки чиновнической среды того времени и этимъ ограничиться. А можно взять шире, примѣнить къ современности. Программа этого не предусматриваетъ. Ну-съ, однако, вы меня простите, я разболтался; я, знаете, больше молчу здѣсь. Въ особенности, когда много народу, но иногда меня прорветъ, ну и если попадется охотникъ слушать, такъ я и разговариваю. Воробьевъ! Очень пріятно познакомиться!

И онъ ушелъ. Въ это время раздался звонокъ и стали одинъ за другимъ приходить учителя. У всѣхъ былъ удивительно спокойный и привычный видъ. Всѣ сейчасъ же закурили папиросы и снова комната наполнилась табачнымъ дымомъ.

Явился и Акульскій, и странное было у него лицо. Онъ точно похудѣлъ за этотъ часъ.

— Ну, что?—спросилъ его Барановъ.—Сошло хорошо?

— Сошло, ничего,—отвѣтилъ Акульскій какимъ-то слабымъ, утомленнымъ голосомъ,—но ощущеніе такое все время было, точно меня въ теченіе часа вели на казнь. По всей вѣроятности, это не будетъ каждый разъ повторяться. Должно быть отъ новизны.

Тутъ Барановъ вдругъ вспомнилъ, что и ему сейчасъ же предстоитъ первый урокъ и тоже почувствовалъ себя такъ, будто его сейчасъ поведутъ на казнь. Онъ вдругъ началъ трусить и пересталъ понимать то, что говорятъ вокругъ него. Къ нему кто-то обратился, онъ отвѣтилъ невпопадъ.

Собственно урокъ у него былъ приготовленъ. Ему предстоитъ говорить о крестовыхъ походахъ, а главное, придется говорить цѣлый часъ. Обыкновенно учитель, прежде чѣмъ говорить на тему будущаго урока, спрашиваетъ учениковъ, ставитъ имъ отмѣтки, на это уходитъ добрыхъ три четверти урока. Но у него еще ничего не задано, у него первый урокъ и онъ долженъ наполнить его разговоромъ.

И онъ чувствовалъ, что въ головѣ у него происходитъ странная путаница. Еще за четверть часа передъ этимъ онъ считалъ себя совершенно готовымъ къ первому уроку, а тутъ вдругъ ворвались новыя понятія, рѣшительно не идущія къ дѣлу. Припо-

миналось ему то, что говорилъ Воробьевъ, — что онъ долженъ внести свѣтъ въ головы учащихся, долженъ проявить широкій взглядъ. А между тѣмъ, онъ готовился по программѣ и съ этой стороны былъ безупреченъ. И вотъ всѣ эти соображенія какъ бы сбили его съ толку.

Между тѣмъ, уже раздался призывной звонокъ. Барановъ захватилъ журналъ и вышелъ изъ комнаты. Онъ шелъ по корридору и внимательно присматривался къ дверямъ, чтобы не ошибиться классомъ. Наконецъ, онъ вошелъ. Всѣ присмирѣли и сѣли по мѣстамъ. Онъ тоже занялъ свое мѣсто.

Въ классѣ стояла глубокая тишина. Онъ явственно чувствовалъ, что его разсматриваютъ и изучаютъ. Передъ нимъ были дѣти различнаго возраста, приблизительно отъ четырнадцати до семнадцати лѣтъ. У нѣкоторыхъ проростали уже небольшіе усики.

Въ головѣ у Баранова стояло: „общій взглядъ на состояніе Европы въ началѣ эпохи крестовыхъ походовъ". Эта фраза цѣликомъ стояла въ программѣ. И онъ, сообразуясь съ нею, приготовилъ общій взглядъ ровно настолько, чтобы хватило на цѣлый часъ. Ему очень хорошо было извѣстно состояніе Европы въ ту эпоху и въ головѣ теперь совершенно явственно возникали рубрики, на которыя онъ мысленно раздѣлялъ свою лекцію. Сперва онъ долженъ сказать о господствѣ папъ, о деспотическомъ вліяніи католицизма. Потомъ появляется Петръ Аміенскій, идетъ его біографія... Но затѣмъ между нимъ и учениками вдругъ какъ будто выростаетъ какая-то туманная стѣна.

Вѣдь странно въ самомъ дѣлѣ! Передъ нимъ сидятъ тридцать человѣкъ, которыхъ онъ въ первый разъ видитъ и они въ первый разъ его видятъ. Никто не знакомилъ его съ ними, они не знаютъ совершенно ни его характера, ни образа мыслей, никакихъ другихъ душевныхъ качествъ. Ему они тоже совсѣмъ неизвѣстны. Онъ не знаетъ, что у нихъ помѣщается въ головахъ, достаточно ли эти головы подготовлены для того, чтобы трактовать передъ ними объ этомъ предметѣ. Конечно, они перешли изъ класса въ классъ правильно, на основаніи отмѣтокъ. Но вѣдь этого еще мало. Когда мы говоримъ съ человѣкомъ въ частномъ домѣ или на улицѣ, мы непремѣнно такъ или иначе стараемся узнать, что онъ думаетъ о томъ, о чемъ идетъ рѣчь. И вотъ онъ вдругъ ни съ того ни съ сего начнетъ: „эпоху, извѣстную въ исторіи подъ именемъ эпохи крестовыхъ походовъ, можно характеризовать слѣдующимъ образомъ..."

Онъ явился къ нимъ со стороны, съ улицы, они ждали его и, можетъ быть, ждутъ, что онъ скажетъ имъ что-нибудь особенное и вдругъ первыя слова, которыя они услышатъ отъ него будутъ: „эпоху, извѣстную въ исторіи..." Не странно ли это?

Прошла минута молчанія. Онъ откашлялся. Еще одна минута,—онъ чувствуетъ, что у него въ головѣ нѣтъ ничего и даже какъ будто все больше и больше отдаляется отъ него эта знаменитая фраза, которую онъ такъ хорошо усвоилъ: „эпоху, извѣстную въ исторіи подъ именемъ...“ А на ея мѣсто становятся слова старика Воробьева о свѣтѣ, который онъ долженъ внести въ головы учащихся, о широкомъ взглядѣ, о признаніи, объ идеѣ... Какъ это глупо въ самомъ дѣлѣ, что онъ не приготовилъ хоть нѣсколько вступительныхъ словъ. Но что же онъ скажетъ? Ему рѣшительно нечего сказать. Онъ готовился по программѣ и по программѣ только и можетъ говорить.

И онъ вдругъ сдѣлалъ надъ собой страшное усиліе и началъ слишкомъ, можетъ быть, громко; но это легко было объяснить его волненіемъ.

— Эпоху, извѣстную въ исторіи подъ именемъ эпохи крестовыхъ походовъ, можно характеризовать слѣдующимъ образомъ...

И пошелъ, и пошелъ по программѣ такъ, какъ онъ приготовился дома. Пошелъ разговоръ о папахъ, о католицизмѣ, явился на сцену Петръ Аміенскій, подробно разсказывалъ онъ о его чудесахъ, о томъ, какъ женщины, одержимыя недугомъ, исцѣлялись отъ прикосновенія къ его одеждѣ, о его необыкновенномъ вліяніи на толпу, о его характерѣ, о краснорѣчіи и проч., и проч.

Онъ хорошо зналъ свой предметъ. Всѣ свѣдѣнія были еще свѣжи въ его головѣ, а въ особенности изъ этой эпохи. За эту эпоху онъ на экзаменѣ получилъ пять.

Вошелъ директоръ, сдѣлалъ знакъ ученикамъ, чтобы не вставали, его тоже успокоилъ жестомъ и сѣлъ на краю второй скамейки и слушалъ. Барановъ говорилъ гладко, очень рѣдко запинался и строго придерживался программы, по которой вчера приготовился.

И вдругъ, помимо его воли въ душѣ его, какъ разъ въ то время, когда онъ разошелся, произошелъ какой-то странный кризисъ. Онъ говорилъ приготовленныя слова, а въ голову его въ это время врывались вопросы. Къ чему это я говорю? Почему именно крестовые походы? Почему Петръ Аміенскій? А они слушаютъ, слушаютъ... А можетъ быть, имъ совсѣмъ это не интересно. Можетъ быть, передъ тѣмъ, какъ я пришелъ, ихъ головы были настроены совсѣмъ на другое? Можетъ быть, они интересовались комедіей Грибоѣдова или чѣмъ-нибудь изъ географіи?.. Потомъ они пойдутъ домой и будутъ зубрить. А можетъ быть, этого совсѣмъ не надо, а надо что-нибудь другое. Почему это такъ важно, именно—чтобы я говорилъ имъ о крестовыхъ походахъ?

И онъ началъ запинаться и вдругъ потерялъ нить. Но это продолжалось всего нѣсколько секундъ. И этому нельзя было при-

дать значенія, потому что такая заминка можетъ случиться со всякимъ, а въ особенности съ новичкомъ. Онъ вспомнилъ о программѣ, пункты которой ему были хорошо извѣстны, оправился и пошелъ дальше.

Онъ взглянулъ на часы, осталось всего пять минутъ. Тогда онъ закруглилъ періодъ, довольно удачно отыскалъ фразу для конца и попросилъ, чтобы ему дали учебникъ. Директоръ въ это время поднялся и вышелъ изъ класса. Барановъ разсмотрѣлъ учебникъ и показалъ ученикамъ, сколько страницъ они должны приготовить къ слѣдующему разу; раздался звонокъ и урокъ кончился.

Только когда Барановъ вышелъ въ корридоръ, онъ почувствовалъ, какъ дорого ему обошелся этотъ первый урокъ. Потъ лилъ съ него градомъ, онъ былъ весь мокрый, длинныя пряди волосъ прилипли къ его вискамъ.

Придя въ учительскую, онъ съ звѣрскимъ аппетитомъ выкурилъ двѣ папиросы къ ряду, чѣмъ очень удивилъ Воробьева, недавно еще узнавшаго отъ него, что онъ куритъ мало. Перемѣна была очень маленькая, скоро раздался новый звонокъ, и Баранову уже нужно было идти на второй урокъ. Теперь ему предстояло читать въ младшемъ классѣ. И тутъ повторилась та же исторія, что и на первомъ урокѣ. Онъ точно такъ же вошелъ, занялъ свое мѣсто и среди глубокой тишины прямо началъ говорить объ основаніи Рима. Разсказалъ онъ про Ромула и Рема, про волчицу, которая ихъ кормила, про холмы, на которыхъ они построили Римъ, про похищеніе сабинянокъ. Директоръ на этотъ урокъ не пришелъ. И больше уроковъ у него въ этотъ день не было.

Вышелъ изъ гимназіи онъ какой-то потрепанный и чувствовалъ себя такъ, точно его били. И весь остальной день Барановъ былъ разстроенъ.

Вечеромъ къ нему пришелъ Акульскій.

— Какъ я радъ,—весело воскликнулъ тотъ,—что мы съ вами въ одной гимназіи! Это такъ пріятно! По крайней мѣрѣ, есть хотъ одинъ свой человѣкъ.

Барановъ смотрѣлъ мрачно и ни капли не былъ радъ его визиту. Но они были товарищи, сослуживцы и надо было оказать ему любезность. Онъ предложилъ ему чаю, Барановъ вспомнилъ о Монголовѣ и разсказалъ товарищу о томъ, какъ встрѣтилъ его и о томъ, въ какомъ онъ былъ скверномъ положеніи.

— Онъ никогда не устроится,—сказалъ Акульскій,—у него нѣтъ смѣлости. А безъ смѣлости ничего не добьешься, это главное въ жизни. Вотъ я, напримѣръ, по отмѣткамъ я долженъ былъ ѣхать въ провинцію, я не имѣлъ права оставаться въ сто-

лицѣ. И меня даже уже назначили въ Новгородъ. Но я давалъ уроки у одного генерала, а у него есть знакомый, у котораго тоже есть знакомый гдѣ-то тамъ, гдѣ слѣдуетъ. Вотъ я черезъ нихъ и дѣйствовалъ. И дѣло устроилось такъ, что меня назначили сюда. Ну, какое же вы вынесли впечатлѣніе отъ перваго урока?

— Самое отвратительное!—уныло сказалъ Барановъ.

— Ну, первый урокъ всегда труденъ, потому что или инспекторъ, или директоръ торчитъ,—замѣтилъ Акульскій,—а особенно инспекторъ. Вѣдь онъ самъ греческій языкъ преподаетъ и хотѣлъ даже придраться ко второму аорису, но самъ сплоховалъ и я его этакъ деликатно посадилъ; но потомъ сейчасъ же и выручилъ. Вѣдь ему неловко стало передъ учениками, такъ я и говорю: эта форма встрѣчается рѣдко, ну, и прочее тамъ; а она совсѣмъ никогда не встрѣчается, онъ просто хватилъ черезъ край, желая сбить меня... Должно быть, ядовитый человѣкъ. Я не понимаю, зачѣмъ ему вмѣшиваться? Нѣтъ, когда я буду инспекторомъ...

И онъ зудилъ цѣлый вечеръ, все больше говоря о будущемъ, о томъ времени, когда онъ добьется инспекторства. Потомъ онъ съ удовольствіемъ вспоминалъ о томъ, что завтра уже будетъ не первый, а второй урокъ и что онъ будетъ спрашивать учениковъ и ставить отмѣтки и что это гораздо интереснѣй.

Наконецъ, Акульскій ушелъ и Барановъ остался одинъ и долго онъ шагалъ по комнатѣ. Онъ и самъ не могъ понять, отчего такъ разстроенъ. Кажется, все сошло хорошо, гладко. Директоръ ничего не сказалъ ему, но говорятъ, что онъ терпѣть не можетъ хвалить и когда доволенъ, то просто молчитъ, но зато если не доволенъ, то сейчасъ же дѣлаетъ замѣчаніе.

Весь вечеръ у него было какое-то состояніе неудовлетворенности и съ тупымъ недовольствомъ легъ онъ спать.

V.

Аргунины жили теперь гораздо ближе къ центральной части города, и рядомъ съ ними уже не было трактира. Чтобы попасть къ нимъ, надо было перейти Неву по Троицкому мосту и затѣмъ нѣсколько переулковъ доводили прямо къ ихъ квартирѣ.

Въ этой квартирѣ у нихъ было уже три комнаты. Выросли дѣти, оба стали взрослыми людьми, имъ нужна была комната для занятій. Кромѣ того, и къ Митѣ, и къ Варѣ приходили товарищи и нужно было мѣсто, чтобы принять ихъ прилично.

Ѳедоръ Ѳедоровичъ по прежнему ходилъ на службу, а по вечерамъ дѣятельно занимался частной перепиской. Но онъ, сколько

бы ни старался, не могъ уже ничего прибавить къ своему заработку. Онъ давно уже добился максимума. И третья комната оплачивалась не его усиліями, а благодаря урокамъ, которые были и у Дмитрія, и у Вари. Уроки ихъ позволяли также дѣлать иногда расходы и на театръ.

И вотъ однажды Митя, надѣвши зимнее пальто Ѳедора Ѳедоровича и его шапку, чтобы не имѣть гимназическаго вида и какъ-нибудь не попасться на глаза начальству, поднявшись часа въ четыре утра, отправился къ Маріинскому театру и тамъ продежурилъ часа три подрядъ и ему удалось достать ложу четвертаго яруса. Эта побѣда стоила ему большихъ жертвъ, такъ какъ онъ долженъ былъ въ тотъ же день попасть во-время въ гимназію, и потому особенно цѣнилась.

Въ тотъ же день за обѣдомъ дѣятельно обсуждался вопросъ о томъ, кого пригласить въ ложу. Тотъ фактъ, что билетъ былъ уже въ рукахъ, очень оживилъ всѣхъ и служилъ предметомъ для разговора въ теченіе всего обѣда. Митя разсказывалъ о своихъ приключеніяхъ, о какой-то стычкѣ съ полиціей, о какихъ-то претензіяхъ дамы, старавшейся занять его мѣсто. Всѣхъ это веселило и смѣшило.

— Насъ четверо,—сказалъ Митя,—а въ ложѣ мѣстъ шесть, а можно въ крайнемъ случаѣ и на седьмое разсчитывать, такъ что двухъ или трехъ надо пригласить со стороны.

— Я могу пригласить свою подругу,—сказала Варя,—она давно рвется въ оперу и никакъ не можетъ попасть.

— У меня тоже есть такой товарищъ, который сочтетъ за счастье попасть въ оперу. Его фамилія Покромовъ!—сказалъ Митя.

— Однако, господа, вы совсѣмъ забыли про Василія Григорьевича! Надо и его пригласить,—промолвилъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ.

— Ну, что-жъ!—возразила Марья Петровна.—Онъ къ намъ не ходитъ, онъ совсѣмъ забылъ насъ; можетъ быть, загордился и гнушается нами, такъ и Богъ съ нимъ. Онъ теперь разбогатѣлъ, такъ, должно быть, и въ театрѣ въ креслахъ сидитъ.

— Ну, вотъ ужъ это несправедливо!—энергично запротестовалъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ.—Этого про Василія Григорьевича сказать никто не имѣетъ права. Онъ никогда не загордится, а просто человѣкъ занятъ вотъ и все. Каждый день у него уроки, дѣло для него новое, ну, устаетъ и отдохнуть захочется... Вѣдь ему и готовиться приходится; первый годъ, надо принять это во вниманіе... Старый учитель какой-нибудь, такъ ужъ онъ наизустъ знаетъ, а ему ко всему надо примѣрять себя; притомъ, и ходить далеко къ намъ.

— Можетъ ѣздить, если не хочетъ ходить; онъ теперь боль-

шое жалованье получаетъ. Помилуй Богъ, два мѣсяца глазъ не кажетъ!—сказала Марья Петровна.

— Ну, да и вообще вашъ Барановъ!...—тономъ явнаго неодобренія замѣтилъ Митя.

— А что такое? Развѣ ты что-нибудь про него узналъ дурное?—спросилъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ.

— Да нѣтъ, ничего. А только тупица онъ, вотъ что.

— Ну, нѣтъ, Митя, ты погоди!—остановилъ его Ѳедоръ Ѳедоровичъ.—Такъ нельзя говорить про человѣка, ты еще слишкомъ молодъ, мой другъ, ты не долженъ такъ выражаться.

Но Митя съ свойственной его возрасту самоувѣренностью не думалъ уступать или смиряться.

Онъ продолжалъ:

— У меня есть знакомый, одинъ гимназистъ, онъ въ той же гимназіи, гдѣ Барановъ преподаетъ; до него тамъ былъ по исторіи учитель Можаевъ. А теперь онъ переведенъ инспекторомъ въ женскую гимназію. Такъ на его урокѣ ученики чувствовали себя, какъ въ театрѣ; ни слова, бывало, не пропускали. Онъ умѣлъ какъ-то захватить всѣхъ, глубоко зналъ свой предметъ и постоянно дѣлалъ разныя сопоставленія, сравненія и освѣщалъ такъ, что сразу рисовалась цѣлая картина. Гимназисты обожали его.

— Ну, такъ что-жъ, что обожали?—спросилъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ.—Ну и отлично! Значитъ, хорошій былъ учитель.

— Да-съ и вотъ послѣ него вдругъ является Барановъ. И что-жъ? Пришелъ въ классъ да какъ сѣлъ, такъ и пошелъ по программѣ. Сраженіе при такой-то рѣкѣ, тотъ убилъ такого-то, а этотъ другого, а было это въ такомъ-то году; испанцы, молъ, отступили, а фламандцы налегли... А потомъ взялъ учебникъ да и показалъ: отсюда молъ да досюда, а затѣмъ спрашивать началъ, такой-то молъ отвѣчай, а потомъ и другой, и отмѣтки ставить; очень хорошо, плохо, удовлетворительно. Однимъ словомъ, просто, какъ какая-нибудь машина. Его и слушать перестали. Такъ, сидятъ въ классѣ, потому что нельзя не сидѣть, а слушать тоже незачѣмъ, все равно домой придешь и въ учебникѣ найдешь то же самое.

— Ну ужъ твой товарищъ слишкомъ строго судитъ!—сказалъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ,—тотъ былъ опытный, а Василій Григорьевичъ, конечно, новичекъ, откуда же ему набраться такого большого ума?.. Притомъ онъ же былъ бѣдный, книгъ у него не было, не на что было купить да и времени тоже; долженъ былъ постоянно посѣщать лекціи и зубрить ихъ. Надо всегда, мой другъ, принимать во вниманіе разныя обстоятельства, въ которыхъ человѣкъ находится. Конечно, тебѣ по молодости твоей про-

стительно, ты еще жизни не знаешь; а все-таки надо быть мягче въ своихъ сужденіяхъ. Вѣдь правда, Варя? Правду я говорю?

— Я не берусь судить по разсказамъ гимназистовъ. Притомъ же два мѣсяца слишкомъ малый срокъ для того, чтобы составить мнѣніе объ учителѣ!—сказала Варя.

— Ну, вотъ видишь! это самое и я говорю!—укоризненно замѣтилъ Өедоръ Өедоровичъ, обращаясь къ Митѣ.

— Но все-таки это правдоподобно,—продолжала Варя,—Василій Григорьевичъ дѣйствительно узокъ. Притомъ же онъ совсѣмъ не любитъ своего дѣла, онъ это прямо говоритъ. Ну, а все же я не понимаю, какое это имѣетъ отношеніе къ вопросу о томъ, надо или не надо его пригласить. Я думаю, во всякомъ случаѣ онъ намъ не чужой.

— Да я ничего противъ него и не имѣю!—смягчился Митя.—Разумѣется, отчего жъ его не пригласить? Мы къ нему привыкли.

— Ну, вотъ и отлично,—сказалъ Өедоръ Өедоровичъ.—Такъ я ужъ это возьму на себя. Я самъ его приглашу.

И на другой день послѣ службы Өедоръ Өедоровичъ зашелъ къ Баранову. Барановъ тоже только что вернулся изъ гимназіи и собирался обѣдать. Столъ въ первой комнатѣ былъ накрытъ и на немъ стоялъ одинъ приборъ.

Увидавъ вошедшаго Өедора Өедоровича, Барановъ бросилъ какую-то книжку, съ которой возился, и быстро направился къ двери.

— Боже мой, Өедоръ Өедоровичъ! какъ я радъ—воскликнулъ онъ, протягивая обѣ руки.

И у него дѣйствительно глаза загорѣлись искреннею радостью. „Ну, вотъ,—подумалъ при этомъ Өедоръ Өедоровичъ,—а они говорятъ еще, что онъ загордился, а онъ вотъ какъ обрадовался!“

— Что же это ты, Василій Григорьевичъ, такъ похудѣлъ?—спросилъ Өедоръ Өедоровичъ, разсматривая его,—даже вонъ на лбу у тебя явилась какая-то этакая трагическая складка! развѣ такъ трудно, а? Учительствовать?

— Нѣтъ, не трудно, Өедоръ Өедоровичъ. Очень даже легко и просто. Что жъ тутъ труднаго? Пришелъ въ классъ, спросилъ уроки у учениковъ, поставилъ имъ отмѣтки, разсказалъ дальше и дѣлу конецъ. Это очень легко!

— Такъ что же? Съ чего же тебѣ худѣть-то?

— Не знаю, и самъ не знаю. Какое-то неспокойствіе постоянно ощущаю. Сидишь въ гимназіи на урокѣ и чувствуешь: все не то, не надо этого, ни къ чему это. Нужно что-то другое, а что нужно—не знаю. Вы не охотникъ? никогда не были охотникомъ, Өедоръ Өедоровичъ?—вдругъ спросилъ онъ, внезапно повернувъ къ нему голову.

— Когда-то пробовалъ, но бросилъ. Не могу видѣть, какъ бѣдная подстрѣленная птица или звѣрь мучается и стонетъ, а стрѣлялъ отлично. Большія надежды подавалъ. Но это было очень давно.

— Ну, такъ вообразите себѣ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, что для васъ вдругъ сдѣлалось обязательнымъ ходить на охоту и стрѣлять птицъ и звѣрей. Да притомъ еще безъ промаха. И вотъ вы стрѣляете отлично и не дѣлаете промаховъ и птицы и звѣри падаютъ и, не добитые вами, стонутъ и у васъ сердце сжимается, а вы все-таки должны стрѣлять, стрѣлять и каждый день стрѣлять, и всю жизнь стрѣлять...

— Вотъ удивительно,—сказалъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ,—старался человѣкъ, мучился, страдалъ, надрывалъ грудь, съ самыхъ малыхъ лѣтъ достигалъ и наконецъ достигъ, и вдругъ оказывается — не то. Да что же, наконецъ, такое?

— Не знаю, Ѳедоръ Ѳедоровичъ. Вѣдь въ томъ-то и вся штука, что не знаю. Вотъ у насъ есть учитель Воробьевъ. Старый человѣкъ. Я съ нимъ больше чѣмъ съ другими сошелся, не то, чтобы сошелся, а такъ, чаще разговариваю, — такъ онъ все говоритъ: надобно пріобрѣсти себѣ широкое міросозерцаніе, руководящую идею завести. Свѣтъ вносить въ головы учащихся! А гдѣ я его возьму, это міросозерцаніе? Вѣдь это легко сказать! А міросозерцанія вѣдь не составишь въ одинъ день или въ два мѣсяца. Вонъ я въ университетѣ отлично учился, у меня все были пятерки да четверки и отъ меня спрашивали, чтобъ я зналъ лекціи и чтобъ подавалъ сочиненія по греческому да латинскому языкамъ. Я и лекціи зналъ, и сочиненія хорошо писалъ. А о міросозерцаніи меня никто не спрашивалъ. И считался я хорошимъ студентомъ. И стипендію за это получалъ, и вотъ даже въ Петербургѣ оставили, такъ какъ же такъ? А теперь извольте-ка вдругъ міросозерцаніе составить, когда съ девяти до трехъ часовъ нужно давать уроки, потомъ отдохнуть хочется, потомъ надо приготовиться къ завтрему... Да и какъ его составишь? Э, да что это я въ самомъ дѣлѣ?.. Давайте-ка обѣдать, Ѳедоръ Ѳедоровичъ. Послушайте, принесите-ка намъ еще одинъ приборъ!—крикнулъ онъ въ дверь.—Я вамъ очень радъ, очень радъ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ.

— Нѣтъ ужъ, обѣдать я не буду!—отказывался Ѳедоръ Ѳедоровичъ. Я не предупредилъ; это можетъ стѣснить тебя.

— Ну, нѣтъ, я васъ такъ не отпущу. Обѣдъ готовъ и всегда найдется для васъ.

Ѳедоръ Ѳедоровичъ больше не отказывался. Барановъ послалъ купить водки и бутылку вина. Принесли приборъ, они сѣли и выпили по двѣ рюмки.

— Ну, что, какъ поживаютъ ваши? какъ Марья Петровна, Митя? про Варю что-нибудь разскажите!—спрашивалъ Барановъ.

— Всѣ, слава Богу, здоровы,—отвѣчалъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ,— Варя и Митя учатся. Митя страхъ какъ уменъ сталъ,—иронически говорилъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ,—то и дѣло отца за поясъ затыкаетъ. Грубоватъ онъ, это надо сказать. Вотъ Варя совсѣмъ другое дѣло. Варя мягкая,—деликатная...

— Да, да,—нѣсколько страннымъ тономъ заговорилъ Барановъ, уже очевидно подъ вліяніемъ двухъ рюмокъ водки.—У нихъ вотъ есть міросозерцаніе, и у Вари и у Мити, а отчего? Оттого, что они выросли въ своемъ гнѣздѣ. Да, да, отъ этого самаго. Хоть плохенькое гнѣздо было, можно сказать—изъ простой соломы, а все же гнѣздо свое. Въ гнѣздѣ и тепло есть, и уютъ, и ласковое слово. Эхъ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, знаете что? Наплюю я на всѣ эти сомнѣнія и на всякія эти міросозерцанія и буду я всю жизнь, какъ какой-нибудь фонографъ, повторять изъ года въ годъ все одно и то же! Что жъ мучиться-то въ самомъ дѣлѣ? Начальство одобряетъ: по программѣ, молъ... Ха, ха! Воробьевъ смѣется, а Свіяжскій злобствуетъ. Я вамъ не говорилъ еще, Свіяжскій, это у насъ учитель есть такой; чудакъ!—онъ всегда злобствуетъ и желчь изливаетъ... А начальство одобряетъ... Ха, ха!

„Ему не слѣдуетъ пить. Онъ отъ двухъ рюмокъ пьянѣетъ, бѣдняга!“—подумалъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ.

— Берите, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, телятины!—любезно предлагалъ Барановъ,—да передъ телятиной еще по рюмкѣ хватимъ.

— Не довольно ли, Василій Григорьевичъ?—не особенно рѣшительно замѣтилъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ.

— По рюмкѣ, по одной только рюмкѣ! Я вѣдь никогда не пью! Только съ вами.

Ѳедоръ Ѳедоровичъ подчинился, они выпили.

— Эхъ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ!—говорилъ Барановъ еще болѣе необычнымъ тономъ:—если бы у меня былъ другъ... нѣжный другъ, понимаете? Да только не когда-нибудь тамъ, а именно теперь, теперь мнѣ нуженъ другъ,—можетъ быть, изъ меня что-нибудь и вышло бы. А то вѣдь я одинокій... Холодно мнѣ, холодно, Ѳедоръ Ѳедоровичъ!

— Что ты, Василій Григорьевичъ? Что ты? Развѣ я тебѣ не другъ?

— Это одно, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, а то... то совсѣмъ другое. Ну, не будемъ объ этомъ говорить; я къ вамъ давно собираюсь, да все какъ-то не удается. Все что-нибудь помѣшаетъ...

— А вотъ я и не сказалъ-то самаго главнаго!—промолвилъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ,—зачѣмъ пришелъ?

— Какъ? Вы не просто пришли, а по дѣлу?

— Ну, дѣло то не важное. Видишь ли, Митя ложу въ оперу досталъ, такъ вотъ въ воскресенье всѣ и собираемся въ театръ; ну всѣ наши въ одинъ голосъ захотѣли, чтобы и ты былъ съ нами.

*

— Да я съ восторгомъ!—воскликнулъ Барановъ, который за всю жизнь всего нѣсколько разъ былъ въ театрѣ.—Я съ величайшимъ восторгомъ! И Варя будетъ?

— Будетъ, какъ же? И подруга ея придетъ. Смотри же ты, не надуй. Въ воскресенье у насъ пообѣдаемъ, а потомъ въ театръ.

— Нѣтъ, я не надую. Я непремѣнно приду, я давно собираюсь...

Послѣ обѣда Ѳедоръ Ѳедоровичъ началъ торопиться. Онъ ссылался на то, что дома будутъ безпокоиться. Барановъ крѣпко жалъ его руку и благодарилъ и цѣловалъ. Ѳедоръ Ѳедоровичъ ушелъ.

Барановъ, когда остался одинъ, попробовалъ пройтись нѣсколько разъ по комнатѣ; онъ ходилъ ровно, но все же чувствовалъ въ ногахъ какой-то невѣрный тонъ. Тогда онъ присѣлъ къ столу и подперъ голову руками и вдругъ, повидимому, ни съ того, ни съ сего ему захотѣлось плакать. И онъ этому не удивился и не сдерживалъ слезъ. Вѣдь онъ былъ одинъ.

Вспомнилась ему почему-то вся жизнь и вдругъ стало страшно жалко самого себя. Вѣдь вотъ достигъ онъ того, къ чему стремился, а между тѣмъ жалко! Такъ жалко, словно онъ и ничего не достигъ.

И онъ смотрѣлъ на себя со стороны. Вотъ этотъ человѣчекъ средняго роста, съ длинными волосами, съ блѣднымъ лицомъ, въ вицъ-мундирѣ, съ класснымъ журналомъ въ рукѣ; онъ идетъ по гимназическому корридору и приходитъ въ классъ. Онъ садится на свое мѣсто; передъ нимъ множество дѣтскихъ лицъ и все такія холодныя-холодныя, имъ скучно уже теперь, даже тогда, когда онъ только пришелъ. Что же онъ имъ скажетъ? Все то, что они могутъ найти въ книжкѣ. Потомъ онъ будетъ терзать ихъ, спрашивать уроки, ставить двойки. Какая жалкая роль у этого господина средняго роста съ длинными волосами и съ блѣднымъ лицомъ! И весь онъ какой-то странный, есть въ немъ что-то недодѣланное, недоношенное и смѣшно, смѣшно подумать, что онъ учитель, что онъ кого-то просвѣщаетъ... И Свіяжскій смотритъ на то, какъ онъ идетъ съ журналомъ по корридору и желчно замѣчаетъ: „вишь, пошелъ свое жалованье зарабатывать“! А Воробьевъ, съ своей стороны, говоритъ ему сочувственнымъ голосомъ: „вамъ бы по акцизу служить, а не дѣтей учить“...

О, дьяволы! Вамъ хорошо говорить! Должно быть, вы дѣлали, что хотѣли, вы выбирали себѣ дѣло по сердцу; а меня вонъ тянуло къ ботаникѣ. Да, къ ботаникѣ, онъ знаетъ это очень хорошо. Его тянуло къ ботаникѣ, онъ отъ глубины души ненавидѣлъ греческій и латинскій языки и даже географію и самую исторію, все то, за что ему грозили поставить двойку и отнять у него возможность учиться на казенный счетъ. У него было смутное

тяготѣніе къ естественнымъ наукамъ, но оно уже заглохло. И теперь это кажется ему смѣшнымъ.

И вотъ онъ на всю жизнь осужденъ читать одно и то же... Воображеніе его взбудоражилось обострилось и яркими красками рисуетъ ему будущее. Изо дня въ день Ромулъ и Ремъ, Петръ Аміенскій, Алая и Бѣлая Роза, тридцатилѣтняя война, и одиночество, одиночество! Свіяжскій злобствуетъ, Воробьевъ, сочувственно совѣтуетъ въ акцизъ, Акульскій что-то нашептываетъ объ инспекторствѣ, да, можетъ быть, онъ и будетъ инспекторомъ, даже навѣрное будетъ инспекторомъ. Развѣ для этого много нужно? развѣ ихъ инспекторъ, который читаетъ греческій языкъ, развѣ у него семь пядей во лбу? Вѣдь такая же онъ тупица, какъ и Акульскій. И Акульскій будетъ инспекторомъ.

А онъ, Барановъ, Вася Барановъ, онъ одинокъ, одинокъ... Міръ полонъ людей, а ни одной души нѣтъ около него, ни одной души, которая заставила бы его сердце биться сильнѣе, чѣмъ всегда. И рисуется ему далекое дѣтство, когда они часто-часто бывали вмѣстѣ, онъ и та душа, которая могла бы заставить его сердце биться сильно. И какъ она жалѣла его! его, такого маленькаго, загнаннаго, забитаго, блѣднолицаго. И та дивная сцена въ лѣсу, при воспоминаніи о которой кровь ударяетъ ему въ голову и глаза наполняются слезами... Онъ одинъ, одинъ... Акульскій будетъ инспекторомъ, а онъ одинъ... Свіяжскій, Воробьевъ... Весь міръ... А онъ одинъ...

— Ахъ, чепуха какая!—говоритъ онъ громко и въ головѣ у него какъ-то все путается, мозгъ его ослабѣваетъ. Онъ подошелъ къ постели, свалился и заснулъ.

Ѳедоръ Ѳедоровичъ шелъ домой и его голова, хотя и была довольно крѣпка, все же подъ вліяніемъ выпитаго усиленно работала. Онъ думалъ. „Вотъ бѣдняга! Все о томъ же, все объ одномъ говоритъ! Какъ только выпьетъ, сейчасъ про Варю. Надо сказать Варѣ. Она вѣдь умная, она пойметъ. Ну, не любитъ, не надо, что подѣлаешь! Все жъ таки хоть какое-нибудь сочувствіе надо показать ему, а для него и это важно. Вотъ отчего онъ не ходилъ такъ долго! А какъ обрадовался-то!..“

Придя домой, онъ объяснилъ, что былъ у Баранова и пригласилъ его въ театръ и что тотъ принялъ приглашеніе. Но онъ ничего не сказалъ о своихъ впечатлѣніяхъ и о тѣхъ мысляхъ, которыя приходили ему въ голову по дорогѣ. Дома уже отобѣдали, его не ждали, потому что сразу догадались, что онъ зашелъ къ Баранову.

Вечеромъ, когда уже стемнѣло и зажгли свѣчи, Варя собралась идти къ подругѣ. Ѳедоръ Ѳедоровичъ увидѣлъ, что она надѣваетъ шляпку и вдругъ вспомнилъ, что и ему надо куда-то по дѣлу.

— Ты куда? въ какую сторону? спросилъ онъ.

— Мнѣ на Милліонную! отвѣтила Варя.

— Ну, вотъ какъ хорошо выходитъ! мнѣ тоже въ тѣ мѣста. Такъ вотъ вмѣстѣ и пойдемъ.

Они вышли. Θедоръ Θедоровичъ помолчалъ, пока они двѣ сотни шаговъ отошли отъ дома, а затѣмъ заговорилъ.

— Я не хотѣлъ говорить этого при Митѣ. Онъ не глупый мальчикъ, но грубоватъ. Положимъ, это возрастъ такой. Въ этомъ возрастѣ всѣ бываютъ слишкомъ большого мнѣнія о своемъ умѣ. Ну, а потомъ это сглаживается. Да и мать твоя, она добрая, но не пойметъ...

— О чемъ это вы говорите?—спросила Варя.

— Я про Василія Григорьевича.

— А, вотъ о чемъ...

— Нѣтъ, ты не думай. Я твоихъ чувствъ касаться не намѣренъ. Ты вольна въ нихъ. Но знаешь, что онъ говорилъ? Онъ совсѣмъ не такой, какъ думаетъ про него Митя; нѣтъ, онъ не тупица. Онъ чуть не плакалъ, когда говорилъ о своемъ учительствѣ. Все, говоритъ, не то, а что нужно? не знаю! Еслибъ, говоритъ, у меня былъ другъ... Я тебѣ скажу Варя: и хорошій человѣкъ можетъ погибнуть и заглохнуть безъ поддержки; поддержать его надо. А кто жъ можетъ поддержать, какъ не мы съ тобой? Это я тебѣ говорю по совѣсти. А мнѣ какъ обрадовался, еслибъ ты видѣла! какъ отцу родному! не зналъ, куда и посадить. Ну, выпили мы вмѣстѣ и онъ расчувствовался...

— Опять?

— Нѣтъ, не говори такъ, Варя; онъ человѣкъ страдающій. Оттого и не ходилъ къ намъ. Думаю я такъ, что онъ просто боялся встрѣтиться съ тобой. У него рана въ сердцѣ.

— Я сама думала объ этомъ,—сказала Варя.—И мнѣ даже, не знаю почему, казалось, что онъ отъ этого не ходилъ къ намъ.

— Ну, вотъ то-то и оно! А ты какъ нибудь этакъ смягчи. Ужъ я не знаю, какъ, а только онъ о тебѣ постоянно думаетъ и ты для него многое можешь сдѣлать!

Варя давно уже смутно чувствовала, что Барановъ не ходитъ къ нимъ изъ за нея. И ей какъ-то чуялось, что онъ въ это время страдаетъ. И хотѣлось ей чѣмъ-нибудь проявить свое сочувствіе, но она боялась, что онъ приметъ это не такъ, какъ надо, преувеличитъ, перетолкуетъ, вообразитъ Богъ знаетъ что и потомъ будетъ хуже.

Теперь слова Θедора Θедоровича произвели на нее глубокое впечатлѣніе. „Да,—думала она,—мы говоримъ много хорошихъ словъ, мы мечтаемъ о полезномъ дѣлѣ, которое гдѣ-то тамъ, впереди, въ будущемъ. Придетъ ли оно еще? Можетъ быть, оно ни-

когда и не наступитъ и, когда жизнь настоящая начнется, то и полезное дѣло туманомъ закроется и не поймаешь его... А вотъ оно тутъ, недалеко, близкій человѣкъ, съ которымъ вмѣстѣ провели столько лѣтъ, можетъ быть, погибаетъ... Развѣ это не полезное дѣло? Зачѣмъ же искать вдали, когда есть близко? Но какъ это сдѣлать? Вѣдь ему нужно чувство, ему нужна женская близость, а этого во мнѣ нѣтъ. Такъ надо умѣть, надо научиться. Гдѣ? У кого? Этого не отыщешь ни въ лекціяхъ, ни въ книжкахъ... У кого же? У своего сердца, которое сочувствуетъ, сострадаетъ. Можетъ быть, и правда, что у него есть и чутье, и задатки къ хорошимъ стремленіямъ, но все это заглохло"...

Такъ думала она и ждала воскресенья, сама, впрочемъ, не зная, что выйдетъ изъ ихъ встрѣчи. Когда она думала о Барановѣ, у нея всегда въ головѣ являлись слова: „онъ несчастный, онъ несчастный"...

Наступило воскресенье. Барановъ съ удовольствіемъ вспомнилъ о томъ, что въ этотъ день онъ отправляется къ Аргунинымъ. Онъ отложилъ въ сторону вицъ-мундиръ, который порядочно надоѣлъ ему. Уже теперь ему не хотѣлось въ него нарядиться, чтобы похвастать передъ Аргуниными. Онъ чувствовалъ себя счастливымъ, имѣя возможность надѣть пиджакъ.

Онъ не торопился, боясь придти слишкомъ рано. Въ два часа онъ сѣлъ на извозчика и поѣхалъ и сердце его билось такъ сильно, какъ бьется оно, когда послѣ многолѣтней разлуки предстоитъ свиданіе съ близкими людьми въ родномъ знѣздѣ.

— Ну, вотъ и онъ!—воскликнулъ Өедоръ Өедоровичъ, когда Барановъ появился у нихъ въ квартирѣ.—Блудный сынъ! Блудный сынъ пріѣхалъ, господа! Идите смотрѣть блуднаго сына! Эй, Марья Петровна, приготовила ли ты упитаннаго тѣльца?

Марья Петровна явилась и стала упрекать Баранова за то, что онъ забылъ ихъ. Барановъ ссылался на занятія. Митя какъ-то угловато подалъ ему руку и посмотрѣлъ на него изподлобья. Онъ былъ въ самомъ непримиримомъ возрастѣ.

Послѣдней вышла Варя и сказала ему чрезвычайно просто и искренно, пожимая его руку:

— Какъ вамъ не стыдно, Василій Григорьевичъ, такъ надолго забывать насъ? А еще другомъ считаетесь!

— Ахъ, Варвара Өедоровна, еслибъ вы знали, какъ я рвался къ вамъ!—воскликнулъ Барановъ, крѣпко пожимая ея руку.

И снова все пошло хорошо. Марья Петровна примирилась съ нимъ. Они даже пошли вмѣстѣ гулять: Барановъ, Марья Петровна и Варя, причемъ по дорогѣ Барановъ заходилъ въ разныя лавки и покупалъ то какую нибудь закуску къ обѣду, то фрукты, то вино. Они вернулись съ множествомъ свертковъ. Өедоръ Өедоро-

вичъ шутилъ и всячески старался острить по поводу того, что вотъ у нихъ появился богатый и щедрый господинъ. И все было хорошо. Отлично его приняли и видѣлъ онъ, что его здѣсь любятъ.

Но съ Варей ему не удалось говорить долго. Онъ и самъ не зналъ, что хотѣлъ сказать ей, только ему очень хотѣлось говорить съ нею вдвоемъ. „Ну, еще цѣлый вечеръ впереди,—подумалъ онъ,—можетъ быть, изъ театра поѣду вмѣстѣ съ ней!“

И онъ сильно уповалъ на вечеръ.

И вотъ вечеромъ они отправились въ театръ. Барановъ уже бывалъ не разъ въ этомъ театрѣ, но никогда онъ еще не производилъ на него такого грандіознаго впечатлѣнія, какъ теперь. Можетъ быть, это зависѣло оттого, что раньше онъ приходилъ сюда бѣдненькимъ студентикомъ, въ старомъ заношенномъ мундирѣ, безъ гроша въ карманѣ, а теперь онъ былъ учителемъ гимназіи и въ бумажникѣ у него водились кое-какія кредитки.

Звуки музыки, пѣніе артистокъ—все это приводило его въ умиленіе. Казалось, что съ той минуты, какъ онъ вошелъ въ ложу и занялъ свое мѣсто, все утихло въ его душѣ: утихли недавнія сомнѣнія, муки одиночества и та глухая, непрерывная борьба съ какимъ-то неизвѣстнымъ врагомъ, которая вѣчно и непрестанно смущала его покой...

Онъ сидѣлъ позади Вари и чувствовалъ, что ихъ словно связываютъ какія то незримыя нити. Рядомъ съ Варей сидѣла другая курсистка, ея пріятельница, молодая, красивая, съ чудными веселыми глазами и звонкимъ голосомъ, съ какимъ-то радостнымъ, необыкновенно открытымъ и яснымъ смѣхомъ. Но Барановъ только взглянулъ на нее, когда ихъ знакомили и затѣмъ уже почти не обращалъ на нее вниманія. Она его не интересовала и не трогала. Его трогала только Варя. Съ нею они сжились еще въ далекомъ дѣтствѣ и, очевидно, это оставило глубокій и неизгладимый слѣдъ въ его душѣ.

— А что,—спросилъ его въ антрактѣ Ѳедоръ Ѳедоровичъ, доволенъ Вася?

— Очень доволенъ. Большое вамъ спасибо, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, за то, что пригласили меня.

— Это не я. Это всѣ по общему соглашенію.

— Тогда, значитъ, и спасибо всѣмъ.

— Хорошо, хорошо,—говорилъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ, впадая въ философскій тонъ.—Это тогда только и хорошо, когда рѣдко бываетъ; тогда и цѣнишь. Кто часто видитъ, тотъ и цѣнить перестаетъ. Вонъ многіе господа абониментъ имѣютъ и каждую недѣлю ѣздятъ. Такъ это что жъ? Это выходитъ вродѣ какъ бы обязанности—хочешь не хочешь, поѣзжай. А тутъ копишь деньги мѣсяцами, да какъ накопишь, пока еще билетъ выцарапаешь; сколько трудовъ, сколько хлопотъ! Оттого и удовольствіе полное.

Это было утѣшеніе бѣдняка. Но Ѳедоръ Ѳедоровичъ говорилъ искренно и съ глубокимъ убѣжденіемъ. Варя тоже спросила Баранова, нравится ли ему опера и Барановъ отвѣтилъ, что онъ въ восторгѣ.

Когда представленіе кончилось и они вышли изъ театра на площадь, то первымъ движеніемъ Баранова было отыскать извозчика.

— Э, нѣтъ,—сказалъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ,—къ чему намъ извозчика? Они дерутъ точно волки шкуру съ овцы... Мы пѣшечкомъ пройдемся. Оно и полезно. Вѣтру нѣтъ, морозъ небольшой, выйдетъ отличная прогулка.

Подруга Вари простилась съ ними; гимназистъ, приглашенный Митей, сдѣлалъ тоже. Ѳедоръ Ѳедоровичъ затѣялъ съ Митей разговоръ о музыкѣ, очевидно, преднамѣренно: онъ хотѣлъ, чтобы Митя остался съ нимъ. А Марьѣ Петровнѣ онъ предложилъ руку и, такимъ образомъ, они пошли втроемъ. Барановъ съ Варей шли далеко впереди отъ нихъ, потому что Ѳедоръ Ѳедоровичъ старался замедлить шаги, онъ хотѣлъ, чтобы молодые люди переговорили между собой.

Варя заговорила о впечатлѣніи, произведенномъ на нее оперой, и говорила много и безостановочно, и словно старалась говорить какъ можно больше, какъ будто боялась, чтобъ не наступило молчаніе. А Барановъ чувствовалъ, что у него въ груди что-то дрожало и что ему во что бы то ни стало надо что-то высказать. Наконецъ, Варя пріостановилась и наступила минута молчанія.

— Да, да, сказалъ Барановъ, театръ даетъ иллюзію, это такъ... А теперь опять пойдутъ скучные дни.

— Отчего скучные?—спросила Варя.—Развѣ это неинтересно, когда вы передаете дѣтямъ знанія какія у васъ есть.

— Какія тамъ знанія, Варя? Какія знанія—спросилъ Барановъ.—Они, когда слушаютъ въ классѣ, видимо скучаютъ и зѣваютъ. Я самъ видѣлъ, какъ они зѣваютъ.

— Зѣваютъ. Но надо ихъ занять такъ, чтобы они не скучали; тогда они и зѣвать не будутъ. Вѣдь въ этомъ и заключается призваніе учителя.

— Я не умѣю да и съ какой стати? Съ какой стати Варя? Развѣ имъ есть какое-нибудь дѣло до меня? Почему же я долженъ думать о нихъ? Я, напримѣръ, сижу дома одинъ. Развѣ кто-нибудь изъ нихъ подумаетъ о томъ, что, можетъ быть, я боленъ и мнѣ грустно... Они ушли изъ гимназіи и забыли обо мнѣ. Съ какой стати я буду о нихъ думать...

— Они дѣти, Василій Григорьевичъ. Вспомните то время, когда вы были ребенкомъ.

— И вспоминать не хочу. Знаю только одно, что меня тогда

всѣ давили и никто не думалъ обо мнѣ. Я говорю, конечно, о гимназіи, а не о вашемъ семействѣ.

— Васъ озлобили, Василій Григорьевичъ.

— Нѣтъ, я вовсе не злобенъ. Я только равнодушенъ къ другимъ, какъ они равнодушны ко мнѣ. До меня никому вѣдь нѣтъ дѣла.

— Вотъ, видите ли, и неправда. Вотъ вы долго къ намъ не приходили и я безспокоилась,—значитъ, мнѣ есть до васъ дѣло,— возразила Варя.

— Но, если бы вамъ сказали, что я здоровъ и у меня все идетъ какъ слѣдуетъ, вы бы успокоились,—спросилъ Барановъ.

Варя не поняла намѣренія, заключавшагося въ этихъ его словахъ и отвѣтила просто:

— Да, конечно.

— Значитъ, видѣть не надо?

— Нѣтъ, и видѣть васъ хотѣлось! Зачѣмъ же такъ говорить, Василій Григорьевичъ? Вы меня какъ будто хотите подвести, поймать на словѣ. Вѣдь мы свои и мы всѣ чувствуемъ, что васъ не достаетъ.

На мосту старики стали подгонять ихъ. Барановъ уже явственно чувствовалъ, что не скажетъ того, что хотѣлъ сказать, и онъ поторопился спросить, какъ будто боялся, что не успѣетъ.

— Скажите по правдѣ, Варя, именно вамъ не будетъ непріятно, если я буду ходить къ вамъ часто?

— Какъ могло это придти вамъ вамъ въ голову, Василій Григорьевичъ. Напротивъ, я прошу васъ приходить къ намъ почаще. Мнѣ хочется видѣть васъ какъ можно чаще.

— Спасибо вамъ, Варя.

— Ну вотъ ужъ и близко,—сказалъ позади Ѳедоръ Ѳедоровичъ.—Отлично дошли. И экономію сдѣлали. Ужъ по крайней мѣрѣ цѣлковый остался въ карманѣ.

И, когда раздался вблизи ихъ этотъ голосъ, они оба почувствовали облегченіе. Онъ—оттого что теперь какъ будто кто-то другой былъ виноватъ, что онъ не успѣлъ сказать, что хотѣлъ, а она—оттого, что разговоръ ихъ кончился мирно и больше ужъ не представляется опасности, что онъ можетъ принять другой характеръ.

Дома они закусили остатками отъ обѣда и Барановъ часа въ два ночи поѣхалъ домой. Онъ испытывалъ странныя ощущенія. Онъ ничего не добился изъ того, чего такъ жаждала его душа и что мучило его. Но въ то же время что-то какъ бы успокоило его. Это была смутная надежда.

И. Потапенко.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

МИЛОСЕРДІЕ.

Романъ Уилльяма Д. Гоуэллса.

Переводъ съ англійскаго С. А. Гулишамбаровой.

(*Окончаніе* *).

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Маттъ Гилари повидался съ Пиннэемъ и безъ труда проникъ въ его надежды и разсчеты относительно Нортвика. Онъ узналъ, что этотъ репортеръ, въ сущности, предполагалъ, открывъ убѣжище Нортвика, произвести газетную сенсацію. Онъ намѣревался сдѣлать это въ интересахъ семейства Нортвика, если только онъ будетъ въ состояніи окупить потраченное на этотъ трудъ время. Онъ заявилъ, что всегда сочувствовалъ семейству преступника и миссисъ Пиннэй также сочувствовала и что онъ былъ бы радъ оказать дочерямъ его услугу. Онъ былъ такъ далекъ отъ мысли, чтобы отчетъ его въ «Извѣстіяхъ» могъ имъ не понравиться, что даже сослался на это образцовое произведеніе репортерской беззастѣнчивости въ доказательство своего участія къ нимъ. Онъ быстро сошелся и сговорился съ Маттомъ насчетъ условій своей поѣздки въ Канаду и ея предмета.

Въ самомъ дѣлѣ, практичнѣе этого нельзя было ничего придумать, потому что съ тѣхъ поръ, какъ онъ писалъ Максуэллу, планы и цѣли его измѣнились. Пиннэй потерпѣлъ неудачу въ редакціи «Извѣстій»; тамъ отнеслись къ предполагаемой имъ экскурсіи вовсе не такъ, какъ ему хотѣлось. Интересъ къ дѣлу Нортвика значительно поубавился и редакція «Извѣстій» не хотѣла тратить на предпріятіе Пиннэя свои деньги, отказавшись даже заплатить за его путевыя издержки. Это отбило у Пиннэя охоту и онъ ревностно обратилъ свои мысли въ другую сторону. Ему уже приходилось исполнять небольшую работу по сыскной части, какъ любителю, и онъ мастерски умѣлъ съ нею справиться. Одинъ сыщикъ предлагалъ даже Пиннэю вступить съ нимъ въ това-

*) См. «Міръ Божій», № 7, іюль.

рищество, цѣня его ловкость въ этомъ щекотливомъ ремеслѣ. Жена его не питала особаго сочувствія къ его желанію предпринять эту работу, хотя не могла отказать ему въ явныхъ способностяхъ къ ней. То довѣріе, которое онъ безсознательно внушалъ къ себѣ и которое зачастую сослуживало ему хорошую службу въ его репортерскихъ занятіяхъ, само по себѣ составляло драгоцѣннѣйшее дарованіе въ сыщикѣ. Она сказала это ему и ничего не имѣла противъ самой профессіи кромѣ боязни опасностей, которыя, по ея мнѣнію, были съ нею сопряжены. Ей не хотѣлось, чтобы Пиннэй подвергалъ себя этимъ опасностямъ, онъ не могъ побѣдить ея страховъ, подсмѣиваясь надъ нею и разсказавъ ей, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ работа сыщика вполовину не представляла столько опасностей, сколько работа репортера. Она только объявила ему, что ей было бы гораздо пріятнѣе, чтобы онъ держался за свою газетную должность. Но предложеніе отыскать Нортвика для его семейства было иное дѣло. Оно давало имъ удобный случай побывать въ Канадѣ и оплачивалось лучше всякаго газетнаго предпріятія. Въ этомъ супруги Пиннэй согласились вполнѣ, равно и въ томъ, какую пользу эта поѣздка принесетъ ихъ младенцу, и уже строили планы, какъ миссисъ Пиннэй спокойно поселится въ Квебекѣ, пока Пиннэй,— еслибы это понадобилось—будетъ разъѣзжать по Канадѣ, отыскивая Нортвика.

— А потомъ, — сказалъ онъ,—если я его найду и все пойдетъ на ладъ, и мнѣ удастся уломать его вернуться со мною въ Бостонъ,—я разомъ сдѣлаю два выгодныхъ дѣльца. За него назначена награда, и мнѣ кажется, что я запасусь званіемъ сыщика, прежде чѣмъ намъ двинуться въ путь. Надо быть готовымъ ко всякаго рода случайностямъ.

— Лоренцо Пиннэй! — вскричала его жена. — Не смѣй и думать о такой гадости! Это безчестно!

— Почему же это гадость? Почему безчестно?—удивлялся онъ.

— Мнѣ стыдно, что я должна разъяснять тебѣ это, и я не стану этого дѣлать. Но если ты отправляешься, какъ сыщикъ,—отправляйся, какъ сыщикъ, а если ты отправляешься, какъ ихъ другъ, чтобы помочь имъ и оказать услугу, въ такомъ случаѣ держись этого пути. Только не пробуй угодить и нашимъ, и вашимъ! А если ты станешь это дѣлать, я тебѣ не товарищъ, такъ и знай!

— А!—сказалъ Пиннэй.—Понимаю. Сначала мнѣ было не вдомекъ. Ну, тебѣ не къ чему пугаться. Я воспользуюсь этимъ старикомъ только для того, чтобы навостриться. Очень возможно, что онъ укажетъ мнѣ что-нибудь новенькое въ профессіи расхитителей чужихъ капиталовъ. Вѣдь ты ничего не имѣешь противъ этого?

— Ну, противъ этого я ничего не имѣю.

Они живо закончили свои несложные хозяйственные сборы молодой парочки и черезъ нѣсколько дней, послѣ того какъ Пинней повидался съ Маттомъ и сказалъ ему, что потолкуетъ обо всемъ съ же-

ною, они отбыли на поле дѣйствій репортера. Въ Квебекѣ онъ устроилъ свою семью въ той самой гостинницѣ, гдѣ проживалъ Нортвикъ но въ ней не сохранилось слѣдовъ, по которымъ его можно было бы признать въ записной книгѣ путешественниковъ, куда онъ записался подъ именемъ Уарвика. Пиннэй прожилъ здѣсь недолго.

Онъ и не разсчитывалъ найти Нортвика здѣсь, а началъ свои розыски съ этого пункта потому, что онъ долженъ былъ остановиться здѣсь по дорогѣ въ Римуски, откуда было отправлено письмо Нортвика въ «Извѣстія». Почтовый штемпель этого письма былъ единственной руководящей нитью къ розыскамъ. Но Пиннэй не оставилъ безъ тщательнаго осмотра ни единаго уголка въ Квебекѣ, боясь какъ бы не «проморгать» Нортвика. Къ тому времени, какъ его хлопоты были окончены, миссисъ Пиннэй и ея бэби такъ тѣсно подружились съ содержательницей гостинницы, что Пиннэй могъ разстаться съ ними совершенно спокойно.

II.

Очутившись на пароходѣ, Пиннэй вышелъ изъ своей каюты и отправился въ комнату для курящихъ, гдѣ нашелъ массу знакомыхъ путешественниковъ, наслаждавшихся своими сигарами вкупѣ съ картами, которыя они отъ скуки уже пустили въ ходъ. Нѣсколько человѣкъ не принимали участія въ игрѣ; они только курили и болтали между собою, а передъ ними стояли стаканы съ прозрачною жидкостью соломеннаго цвѣта. Главный ораторъ этой группы былъ, повидимому, американецъ; двое другихъ собесѣдниковъ были канадцы; они смѣялись и весело похваливали то, что въ его рѣчахъ было національнаго и оригинальнаго.

— Ну и не видалъ же я во всю свою жизнь человѣка взбѣшеннаго до такой степени, какъ старый Oiseau, когда онъ мнѣ разсказывалъ объ этомъ господинѣ, какъ онъ старался расшевелить его каждый день, и какъ этотъ господинъ отлынивалъ день за днемъ, недѣля за недѣлей, пока, наконецъ, терпѣніе Oiseau лопнуло и онъ выпроводилъ его съ первыми весенними пароходами. Пробовалъ онъ уломать его, говоря, что для здоровья его полезно отправиться съ нимъ на развѣдки, оставляя въ сторонѣ вопросъ о его обогащеніи; ничто не помогло! И все время Oiseau боялся, какъ бы онъ не попалъ въ мои руки и не вложилъ своихъ капиталовъ въ мое дѣло. «Дарю вамъ его мистеръ Моркгамъ», сказалъ онъ. «А мнѣ онъ больше не надобенъ».

— Не думаю, чтобы у него были на самомъ дѣлѣ капиталы.

— Вотъ, въ томъ-то и штука, что были. На немъ былъ поясъ биткомъ набитый тысячедолларными ассигнаціями. Его нашли на немъ когда онъ захворалъ. Старый Oiseau ужасно боялся, какъ бы съ нимъ не стряслось какой бѣды и на него не пало подозрѣнія. Онъ возился съ нимъ, какъ съ малымъ ребенкомъ, а какъ только онъ совсѣмъ оправился, вытурилъ изъ дому.

— Мнѣ думается,—отвѣчалъ американецъ,—онъ былъ виновенъ въ незаконномъ присвоеніи общественныхъ денегъ и эти тысячные билеты—Oiseau говоритъ, ихъ было у него сорокъ или пятьдесятъ штукъ—составляли часть увезеннаго имъ съ собою капитала. Затѣмъ, очень можетъ быть, онъ довѣрялъ Oiseau... А можетъ, послѣ горячки онъ слегка тронулся умомъ и самъ хорошенько не зналъ, за что ему приняться. Затѣмъ, наконецъ, коли мое предположеніе насчетъ личности этого человѣка вѣрно, мнѣ кажется, у людей этого сорта руки опускаются именно изъ-за того, что они надѣлали. Масса изъ нихъ привозитъ съ собою деньги, дѣла здѣсь непочатой край. Но никогда вы не услышите, чтобы кто-нибудь изъ нихъ началъ здѣсь какое-нибудь предпріятіе.

— Странно,—замѣтилъ канадецъ.

— То-есть было бы странно, не будь это заурядныиъ фактомъ. Здѣсь это правило и я не знаю ни единаго исключенія. Человѣкъ, захватившій чужіе капиталы, никогда ничего съ ними не предпринимаетъ, а только проживаетъ ихъ. Американскій растратчикъ общественныхъ денегъ убѣжавши въ Канаду, не дѣлаетъ ни малѣйшей попытки познакомиться съ пріютившей его страною и составить себѣ въ ней положеніе. Онъ просто на просто почіетъ на лаврахъ, либо употребляетъ свои сбереженія, чтобы выторговать себѣ возможность благополучнаго возвращенія на родину. Нѣтъ, сэръ. Въ растратѣ чужихъ денегъ есть что-то такое, что подрываетъ дѣловую энергію человѣка; не думаю, чтобы этотъ старикъ былъ способенъ взяться за разработку золотой розсыпи Oiseau, если бы таковая раскрылась у него подъ ногами и онъ увидалъ своими глазами вычеканенные изъ этого золота совереены. На это, именно, у него не хватило духу.

Пиннэй отъ сильнаго волненія не замѣтилъ, какъ потухла его сигара. Онъ попросилъ огня у Моркгама, хотя тутъ же лежало нѣсколько коробокъ со спичками; Моркгамъ принялъ это обращеніе за предложеніе познакомиться.

— Братъ янки?—спросилъ онъ.

— Бостонъ.

— Куда ѣдете?

— Только въ Римуски. Не знаете ли вы случайно имени этого растратчика?

— Нѣтъ, не знаю,—отвѣчалъ Моркгамъ.

— Мнѣ кажется, я знаю, кто онъ,—сказалъ Пиннэй.

— За кѣмъ-нибудь ѣдете въ Римуски?—и Моркгамъ посмотрѣлъ на него проницательнымъ взглядомъ.

— Ну не совсѣмъ въ этомъ смыслѣ, если вы думаете, что я сыщикъ. Но я сотрудничаю въ газетахъ, а теперь праздную свои каникулы. Я подготовляю небольшую статью о нащихъ денежныхъ тузахъ въ изгнаніи. Меня зовутъ Пиннэй.

— Моркгамъ можетъ васъ начинить самоновѣйшими фактами,— сказалъ канадецъ уходя.—У него тоже золотая розсыпь, которая будетъ почище пустопорожней ямы Oiseau. Только не слишкомъ-то полагайтесь на его слова. Я его знаю: онъ принимаетъ участіе въ золотыхъ розсыпяхъ.

— Эти слова даютъ вамъ нѣкоторое понятіе обо мнѣ,—сказалъ Моркгамъ снисходительно.

Оставшись съ Пиннэемъ наединѣ, онъ пересталъ балагурить и сообщилъ толково все, что зналъ о проживавшемъ въ домѣ Oiseau капиталистѣ, котораго онъ просто на просто считалъ растратчикомъ чужихъ денегъ. Моркгамъ сказалъ, что человѣкъ этотъ называлъ себя Уарвикомъ и, по его словамъ, былъ родомъ изъ Чикаго. Тутъ Пиннэй вспомнилъ, что это самое имя стояло въ записной книгѣ квебекской гостинницы и число соотвѣтствовало приблизительно бѣгству Нортвика.

— Но мнѣ бы никогда не пришло въ голову, что онъ удержалъ за собою половину своего имени,—замѣтилъ Пиннэй и сказалъ Моркгаму настоящее имя, а также счелъ за лучшее откровенно разсказать ему, въ чемъ именно состояла его миссія относительно Нортвика.

— Есть ли здѣсь такая нора, куда человѣкъ можетъ запрятаться?— спросилъ репортеръ.

— Какъ и во всякомъ другомъ мѣстѣ,—отвѣчалъ Моркгамъ, отряхивая пепелъ съ своей сигары.

Но привлекательная довѣрчивость Пиннэя и его простодушное признаніе въ недостаткѣ сообразительности оказали свое дѣйствіе. У Моркгама явилась потребность помочь ему и онъ сказалъ репортеру, что въ Римуски живетъ священникъ знавшій, постояльца Oiseau.

— Вамъ бы слѣдовало повидаться съ нимъ.

— Повидаться! — воскликнулъ Пиннэй въ бѣшеномъ восторгѣ. —Я поселюсь съ нимъ, какъ только высажусь въ Римуски.

Онъ безъ труда отыскалъ отца Этіенна, но надежды на молодого священника были напрасны: онъ оказался очень сдержаннымъ относительно мистера Уарвика, съ которымъ познакомился въ Хаха-Бэ. Очевидно, отецъ Этіеннъ принялъ Пиннэя за сыщика; и какъ ему ни хотѣлось спасти душу человѣка, котораго онъ видѣлъ такимъ несчастнымъ, онъ напрямикъ отказался помогать травить бѣглеца для заключенія въ тюрьму.

Даже и тогда, когда Пиннэй объявилъ ему объ истинномъ характерѣ возложеннаго на него порученія, осторожность священника потребовала всевозможныхъ доказательствъ, какія только репортеръ могъ дать, и Пиннэю пришлось представить свое полномочіе нотаріусу, говорившему по-англійски, знакомому священника. Затѣмъ онъ признался, что видалъ мистера Уарвика послѣ того, какъ они разставались въ Хаха-Бэ. Мистеръ Уарвикъ послѣдовалъ за нимъ въ Римуски спустя нѣсколько недѣль и отецъ Этіеннъ зналъ, гдѣ онъ здѣсь квартировалъ.

Но онъ такъ ревниво оберегалъ тайну человѣка, оказавшаго ему довѣріе, что потребовалась вся логика и вся ученость натаріуса, чтобы убѣдить его, что будь мистеръ Уарвикъ самый преступный изъ всѣхъ когда-либо бѣжавшихъ растратчиковъ чужихъ денегъ, и тогда ему не угрожала выдача со стороны Пиннэя. Послѣ многаго множества наставленій съ своей стороны и многаго множества обѣщаній со стороны Пиннэя, священникъ сказалъ наконецъ, гдѣ проживалъ мистеръ Уарвикъ, и далъ репортеру письмо къ нему, которое было въ одно и то же время ручательствомъ и предостереженіемъ для изгнанника.

Пиннэй сѣлъ на первый поѣздъ, отходившій въ Квебекъ. Онъ вошелъ въ Сантъ-Андрэ и безъ труда отыскалъ небольшую гостиницу, въ которой проживалъ мистеръ Уарвикъ. Но душа Пиннэя, хоть и не отличавшаяся большою тонкостью, разнѣжилась вслѣдствіе совѣстливости выказанной, отцомъ Этіенномъ. У него забилось сердце, когда онъ подошелъ къ мистеру Уарвику, сидѣвшему у дверей гостинницы и грѣвшемуся въ лучахъ утренняго солнышка.

— Мистеръ Нортвикъ, если не ошибаюсь, — смѣло обратился къ нему Пиннэй.

Въ первый разъ послѣ того пасмурнаго февральскаго утра, когда онъ бѣжалъ изъ дому и Путнэй обратился къ нему съ угрозою на станціи, Нортвикъ услыхалъ свое настоящее имя. То имя, которое онъ носилъ въ теченіе послѣднихъ пяти мѣсяцевъ, какъ-то сразу перестало быть частью его личности, хотя до этой минуты оно казалось было также тѣсно съ нимъ связано, какъ и его сѣдая борода, которую онъ отрастилъ, чтобы скрыть свое лицо.

— Я не жду, чтобы вы отвѣтили мнѣ,—сказалъ Пиннэй, чувствуя потребность говорить и дать ему время оправиться,—прежде чѣмъ вы взглянете на это письмо, и нѣтъ надобности вамъ торопиться. Если я обознался и вы не мистеръ Нортвикъ, вы не станете распечатывать этого письма.

Онъ протянулъ Нортвику не письмо отца Этіенна, а то письмо, которое Сюзэтта написала своему отцу. Пиннэй увидалъ, что старикъ узналъ руку, надписавшую конвертъ. Онъ увидалъ, какъ задрожала рука старика державшая письмо, и услыхавъ, какъ хрустнула бумага, когда несчастный зажалъ письмо въ кулакѣ, боясь какъ бы не выронить его на землю. Пиннэю сталъ невыносимъ видъ тоски и страха, отразившихся на лицѣ его.

— Не торопитесь, не торопитесь,—ласково сказалъ онъ и отошелъ въ сторону.

III.

Когда Пиннэй вернулся послѣ небольшой прогулки, онъ засталъ Нортвика все еще съ нераспечатаннымъ письмомъ въ рукѣ. Онъ

смотрѣлъ на него въ какомъ-то оцѣпенѣніи, былъ блѣденъ и, казалось, близокъ къ обмороку.

— Ну, мистеръ Нортвикъ, — сказалъ Пиннэй,—что же вы не читаете письма? Если бы оно было не къ вамъ, вѣдь вы бы возвратили мнѣ его тотчасъ же, не такъ ли?

— Не то,—отвѣчалъ бѣдняга, который былъ совсѣмъ старымъ старикомъ, чего Пиннэй вовсе не ожидалъ.—Но... здоровы ли онѣ? Тутъ... не дурныя вѣсти?

— О, нѣтъ! — радостно воскликнулъ Пиннэй. — Онѣ вполнѣ здоровы. Вамъ нечего бояться прочитать это письмо.

Радостное настроеніе Пиннэя происходило отчасти отъ увѣренности, что это былъ дѣйствительно Нортвикъ, отчасти отъ удовольствія, что онъ можетъ его успокоить: онъ симпатизировалъ ему какъ отцу. Удовольствіе его не омрачалось тѣмъ, что ему не было ничего извѣстно о положеніи семьи Нортвика, и свое увѣреніе онъ основывалъ на предположеніи, что въ письмѣ не будетъ ничего такого, чтобы могло испугать или огорчить его.

— Угодно вамъ стаканчикъ воды? — предложилъ онъ, видя, что Нортвикъ продолжаетъ сидѣть неподвижно и безпомощно на ступенькахъ крыльца, не имѣя, повидимому, силы распечатать письмо. — Или водочки?

Пиннэй протянулъ ему фляжку въ щеголеватомъ кожанномъ футлярѣ, за покупку которой жена пожурила его, когда они уѣзжали изъ дому; она говорила, что ему не слѣдовало тратиться на такую покупку. Но въ эту минуту онъ былъ радъ, что фляжка эта имѣлась у него подъ рукою.

Онъ отвинтилъ пробку, съ пріятнымъ сознаніемъ собственнаго достоинства подавая фляжку мистеру Нортвику.

— У васъ больной видъ.

— Я былъ не совсѣмъ здоровъ,—согласился мистеръ Нортвикъ и прикоснулся губами къ бутылкѣ. Водка оживила его и Пиннэй увидалъ, что если онъ отойдетъ отъ него теперь, то онъ распечатаетъ письмо. Въ немъ ничего не было, кромѣ нѣжныхъ увѣреній Сюзэтты въ ихъ любви, она и Аделина тосковали, не зная гдѣ онъ и что съ нимъ. Она просила его не безпокоиться о нихъ; имъ было хорошо, онѣ страдали только за него; но пусть онъ не думаетъ, что онѣ осуждаютъ его или когда-нибудь осуждали. Какъ только онѣ узнаютъ его вѣрный адресъ, писала Сю, онѣ напишутъ ему опять. Аделина приписала нѣсколько строкъ со своимъ именемъ, чтобы сказать ему, что въ теченіи нѣсколькихъ дней была больна, но теперь ей гораздо лучше и у нея одно лишь желаніе—получить отъ него вѣсточку.

Когда Пиннэй вернулся во второй разъ, то засталъ Нортвика съ распечатаннымъ письмомъ въ рукѣ.

— У васъ здѣсь красивая мѣстность, — заговорилъ онъ слегка фамильярно.

Нортвикъ молчалъ; онъ, повидимому, оставался равнодушенъ къ красотамъ мѣстной природы.

Пиннэй рискнулъ прибавить:

— Здѣсь покойное мѣстечко, сэръ.

Нортвикъ и на это заключеніе не обратилъ вниманія. Но просидѣвъ въ безмолвіи такъ долго, что Пиннэй началъ сомнѣваться, заговоритъ ли онъ когда-нибудь вообще, старикъ принялся задавать ему осторожные и сдержанные вопросы, какъ удалось Пиннэю отыскать его. Пиннэй охотно разсказалъ ему и отдалъ ему теперь письмо отца Этіенна, разсыпавшись въ похвалахъ священнику, который такъ заботливо охранялъ интересы и безопасность Нортвика. Пиннэй разсказалъ, какъ болтовня Маркгама привлекла его вниманіе. Но когда Пиннэй объяснилъ, что мысль отправиться въ Римуски явилась у него благодаря штемпелю письма Нортвика въ «Извѣстія», отъ него не укрылось любопытство старика узнать, какое дѣйствіе произвело это письмо на читателей. Сперва Пиннэй подумалъ, что онъ спроситъ его объ этомъ; но скоро замѣтилъ, что Нортвикъ не былъ въ состояніи сдѣлать это; тогда Пиннэй рѣшился сказать:

— Письмо это произвело большую сенсацію, мистеръ Нортвикъ.

Удовольствіе блеснувшее въ глазахъ Нортвика побудило Пиннэя присовокупить:

— Мнѣ кажется, это письмо заставило многихъ людей подумать иначе о васъ. Оно показало, что слѣдовало бы выслушать обѣ стороны и, я увѣренъ, расположило многихъ въ вашу пользу, сэръ. Право, сэръ.

Пиннэй до этой минуты ничего подобнаго не думалъ, но послѣ сказанныхъ имъ словъ ему показалась эта мысль до того вѣроятною, что онъ готовъ былъ побожиться, что это такъ.

— Мнѣ кажется, мистеръ Нортвикъ,—продолжалъ онъ, — что эти непріятности можно было бы какъ-нибудь уладить; вамъ можно было бы вернуться, пожелай вы этого, и дать имъ время обдумать это дѣло.

Едва были произнесены эти слова, какъ ядъ этой послѣдующей цѣли, добиваться которой запретила ему жена, началъ мутить душу Пиннэя. Онъ не могъ отвязаться отъ заманчивой мысли, какъ будетъ великолѣпно, если ему удается привезти съ собою Нортвика и передать его—добровольнаго узника въ силу нравственнаго убѣжденія— въ руки отечественнаго правосудія. Каковъ бы ни былъ окончательный результатъ, — осужденіе или оправданіе Нортвика, — благодаря этому процессу Пиннэй вышелъ бы въ люди. Благодаря ему онъ возвысился бы въ уваженіи тѣхъ, кто его зналъ, и могъ выбрать для себя любую карьеру — какъ репортеръ или сыщикъ, причемъ передъ нимъ открывалась блестящая перспектива и въ томъ, и въ другомъ случаѣ. Пиннэй всячески старался противиться искушенію этихъ мыслей, вспоминая обѣщанія, данныя имъ женѣ; но ея съ нимъ не было и

помнить ему эти обѣщанія было ужасно трудно. По всей вѣроятности, онъ не зашелъ черезчуръ далеко въ эту область скорѣе благодаря настроенію Нортвика, чѣмъ своей собственной добродѣтели.

— Мнѣ кажется, я понимаю, что бы изъ этого вышло, — холодно замѣтилъ преступникъ. Затѣмъ онъ принялся очень осторожно выспрашивать Пиннэя о томъ, какое именно дѣйствіе произвело письмо его въ печати и какіе толки вызвало. По своему характеру Пиннэй представилъ ему все въ розовомъ и обманчивомъ свѣтѣ, но репортеръ понялъ, что Нортвика не такъ-то легко провести и онъ сразу узналъ, насколько было лжи въ его словахъ. Это увеличило уваженіе Пиннэя къ нему и, повидимому, на чувства Нортвика къ Пиннэю нисколько не повліяло, что онъ такъ быстро разгадалъ характеръ репортера. Нортвикъ отнесся къ нему довольно дружелюбно, какъ ему показалось, и по мѣрѣ того, какъ шла ихъ бесѣда, Пиннэю вообразилось, что довѣріе старика росло. Нортвикъ сохранялъ про себя свои выводы и умозаключенія. Его прирожденная сдержанность усилилась вслѣдствіе одиночества его изгнаннической жизни; эта сдержанность мѣшала ему выражать свои мнѣнія по поводу отвѣтовъ Пиннэя, и Пиннэю приходилось догадываться о нихъ по его вопросамъ. Нортвикъ ясно понималъ положеніе своего дѣла на родинѣ. Впечатлѣніе, произведенное его преступленіемъ и бѣгствомъ, сгладилось,—онъ могъ спокойно вернуться, не боясь возбужденія общественнаго возмездія. Но ему было извѣстно, что механизмъ закона долженъ прійти въ движеніе самъ собою, какъ только онъ очутится въ его власти; а Пиннэй не могъ ему сказать, было ли что-нибудь сдѣлано, чтобы задержать его колеса. Письмо отъ его дочерей не проливало свѣта на этотъ вопросъ: оно призывало его откликнуться и являлось выраженіемъ ихъ любви—и только. Ни онѣ, ни ихъ друзья, съ которыми онѣ совѣтовались, не нашли сказать ему ничего лучшаго, кромѣ того, что онѣ были здоровы и горѣли желаніемъ получить отъ него вѣсточку; да и Пиннэй ничего другого, въ сущности, не зналъ о нихъ. Онѣ не пригласили его въ Гатборо повидаться съ ними, прежде чѣмъ онъ уѣхалъ въ Канаду, и при всемъ желаніи придумать что-нибудь утѣшительное и пріятное для старика, онъ не могъ этого сдѣлать за отсутствіемъ матеріала. Самое большое, что онъ предполагалъ, было то, что семейство мистера Гилари не порвало дружескихъ отношеній съ его дочерями. Пиннэй слышалъ, какъ люди ругали за это стараго Гилари и передалъ это Нортвику.

— Мнѣ кажется, онъ стоялъ за васъ горой, мистеръ Нортвикъ, насколько это было въ его силахъ,—сказалъ Пиннэй; Нортвикъ имѣлъ мужество отвѣтить, что ожидалъ этого.—Письмо это мнѣ принесъ молодой Гилари и онъ же обо всемъ переговорилъ со мною,—прибавилъ Пиннэй.

Нортвикъ, повидимому, не ожидалъ этого; но онъ не сказалъ на это ни слова. А затѣмъ спросилъ:

*

— И вы ничего не знаете, какъ онѣ живутъ?

— Нѣтъ, не знаю,—признался Пиннэй вполнѣ чистосердечно.—Но я полагаю, онѣ живутъ тамъ же, гдѣ жили всегда. Мистеръ Гилари сказалъ мнѣ только, въ какомъ онѣ положеніи. Мнѣ кажется, вамъ незачѣмъ безпокоиться на этотъ счетъ. Мое мнѣніе таково, мистеръ Нортвикъ: онѣ хотятъ, чтобы вы не тревожили себя мыслями о нихъ; онѣ хотятъ прежде всего узнать, гдѣ вы находитесь. Вѣдь вы знаете, прежде чѣмъ появилось въ печати ваше письмо, многіе считали васъ погибшимъ во время несчастнаго случая въ Уэлуотэрѣ, въ тотъ день, какъ вы уѣхали изъ дому.

Нортвикъ несказанно изумился.

— Какого несчастнаго случая? Что хотите вы сказать? — спросилъ онъ.

— Да неужели вы объ этомъ не знаете? Развѣ вы не просматривали газетныхъ отчетовъ? Между погибшими стояло ваше имя, а тѣ, кто думалъ, что васъ тамъ не было, говорили, что съ вашей стороны это была только ловкая продѣлка. Была получена депеша на счетъ мѣста въ Пулманскомъ спальномъ вагонѣ, подписанная «Т. У. Нортвикъ».

— Ахъ! я такъ и зналъ!—вскричалъ Нортвикъ.—Я былъ увѣренъ, что подписался своимъ настоящимъ именемъ!

— Ну разумѣется,—кротко согласился Пиннэй;—всегда возможно такъ промахнуться вначалѣ, когда берешь чужое имя. Это естественно.

— Я ничего не слыхалъ объ этомъ несчастіи. Вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ я не бралъ въ руки газетъ. Я не могъ ихъ читать.— А затѣмъ я захворалъ... Онѣ должны были повѣрить, что я умеръ!

— Ну, что жъ, теперь все это миновало, мистеръ Нортвикъ,—сказалъ Пиннэй.—Вопросъ теперь въ томъ, какъ вамъ вернуться къ нимъ.

— Вернуться? Вы вѣдь знаете, что этого я не могу сдѣлать,— сказалъ Нортвикъ съ горькимъ отчаяніемъ и откровенностью, которой до сихъ поръ не выказывалъ.

Пиннэй почувствовалъ, что этотъ несчастный человѣкъ начинаетъ «цѣпляться» за него. Онъ весело отвѣтилъ:

— Ну, я этого не скажу. Вотъ что, мистеръ Нортвикъ; вѣдь вы вѣрите, что я вамъ другъ, не правда ли? Что я хочу поступать съ вами по совѣсти?

Нортвикъ колебался, что ему отвѣтить, а Пиннэй продолжалъ:

— Письмо вашей дочери должно бы для васъ быть ручательствомъ въ этомъ!

— Да,—согласился Нортвикъ послѣ другой минуты колебанія.

— Ну такъ я могу сказать вамъ кое что полезное для васъ и надѣюсь, вы повѣрите мнѣ. Я думаю, вы можете вернуться, если правильно обдѣлаете дѣло. Разумѣется, вамъ это обойдется довольно дорого, все, что вы привезли съ собою...

Пиннэй пристально посмотрѣлъ на безстрастное лицо Нортвика, чтобы уловить въ немъ перемѣну,—затѣмъ продолжалъ:

— ...и болѣе. Придется отдать. Вы должны сказать, сколько денегъ привезено вами съ собою, гдѣ эти деньги и какъ ихъ можно получить. Мнѣ почему-то кажется,—продолжалъ Пиннэй, стараясь заглянуть ему въ душу и словно мысль эта только теперь у него явилась,—что вамъ бы хотѣлось побывать у себя дома.

Нортвикъ испустилъ вздохъ, полный тоски по дому, которую разбудили въ немъ эти слова репортера. Какъ молнія пронеслось передъ нимъ яркое мучительное видѣніе всего, что онъ созерцалъ въ ту ночь, когда покидалъ свой домъ, въ бѣлоснѣжномъ уборѣ, подъ покровомъ яснаго зимняго неба.

— Вы не знаете, о чемъ говорите,—произнесъ онъ нѣсколько строго.

— Вы правы, — согласился Пиннэй.—Но я былъ тамъ какъ разъ послѣ того какъ вы улизнули... И я долженъ сказать, я бы рискнулъ всѣмъ, чтобы вернуться туда. Да вы себѣ и представить не можете— сказалъ онъ съ непринужденной, ласковой задушевностью, — до чего забылось всѣми это дѣло. Ну, право, сэръ, я готовъ держать пари на что угодно, что вы могли бы вернуться въ Гатборо теперь и пробыть тамъ цѣлыя сутки прежде, чѣмъ кто-нибудь узналъ бы объ этомъ. Только помните, я не говорю, что вы должны это сдѣлать. Мы не въ состояніи будемъ хлопотать о васъ, если вы будете тамъ. Въ настоящую минуту мы хотимъ, чтобы вы оставались вдали, а ваши друзья постараются обдѣлать ваше дѣло. Все равно, какъ соискателя въ президенты,—прибавилъ Пиннэй, улыбаясь.—Эй! кто это?

Маленькая служанка-француженка, босая, черноокая, въ кудряхъ, застѣнчиво подошла къ Нортвику и сказала: «Dîner, Monsieur».

— Это значитъ «обѣдать»,—съ важностью перевелъ Нортвикъ.— Прошу васъ откушать со мною.

— О, премного благодаренъ,—отвѣчалъ Пиннэй, вставая съ своего мѣста вмѣстѣ съ нимъ. Они сидѣли на ступенькахъ зданія, которое, какъ теперь замѣтилъ Пиннэй, странно выдѣлялось посреди крытыхъ древесной корою хижинъ этой небольшой деревушки.

— Что это за штука?

— Мастерская американца-художника, который прежде наѣзжалъ сюда. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ онъ здѣсь не бывалъ.

— Полагаю, вы разсчитываете очистить ее, если онъ пріѣдетъ,— замѣтилъ Пиннэй тономъ дружеской фамильярности, отнынѣ установившейся между ними.

— Онъ не могъ бы сдѣлать мнѣ ничего дурного даже при желаніи,—отвѣчалъ Нортвикъ съ достоинствомъ, но безъ обидчивости.

— Разумѣется, нѣтъ,—поспѣшилъ согласиться Пиннэй;—и я думаю, вамъ было бы пріятно услышать англійскую рѣчь послѣ всей этой французской болтовни, которая прожужжала вамъ уши.

— Хозяинъ говоритъ немного поанглійски; священникъ тоже. Онъ другъ отца Этіенна.

— А! понимаю,—сказалъ Пиннэй.

Онъ замѣтилъ, что Нортвикъ едва передвигалъ ноги отъ слабости. Онъ попробовалъ положить свою руку ему подъ локоть и Нортвикъ не оттолкнулъ помощи, предложенной ему.

— Я былъ очень тяжко боленъ въ послѣдней половинѣ зимы, — объяснилъ онъ,—и силы мои совсѣмъ ослабѣли.

— Въ Римуски, должно быть?—спросилъ Пиннэй.

— Нѣтъ,—коротко отвѣчалъ Нортвикъ.

IV.

За незатѣйливымъ обѣдомъ, который Пиннэй превозносилъ, такъ вкусна показалась ему мѣстная баранина, и до котораго едва притронулся Нортвикъ, послѣдній разговорился и разсказалъ Пиннэю подробно и откровенно о своемъ бѣгствѣ и зимнемъ путешествіи къ сѣверной окраинѣ цивилизованнаго міра. Живописныя детали его разсказа и возможность распредѣлить ихъ подъ заманчивыми заголовками взбаломутили репортерскіе инстинкты Пиннэя, и ему страстно захотѣлось тутъ же, на мѣстѣ, обработать матеріалъ, доставленный ему Нортвикомъ. Но онъ взялъ себя въ руки и только пообѣщалъ ему, что если когда-либо можно будетъ во всеуслышаніе оповѣстить его разсказъ, это принесетъ ему, Пиннэю, и деньги, и славу.

Они довольно долго просидѣли за обѣдомъ. Наконецъ, Пиннэй вынулъ свои часы.

— Когда, уходитъ отсюда въ Квебекъ пароходъ?

Нортвикъ не говорилъ ему этого, разумѣется, но теперь сказалъ. Онъ зналъ этотъ часъ по пароксизму тоски по дому, который наступалъ въ его душѣ всякій день въ это время.

— Ну, — сказалъ Пиннэй, — постараемся сговориться относительно вотъ чего: долженъ ли я сообщить вашимъ дѣтямъ, гдѣ вы? Или какъ намъ быть? Послушайте, что я вамъ скажу!—неожиданно вырвалось у него,—отчего бы вамъ не поѣхать со мною въ Квебекъ? Вы будете тамъ въ такой же безопасности, какъ здѣсь; вы сами это знаете. А теперь, разъ ваши друзья должны быть увѣдомлены относительно вашего мѣстопребыванія, не лучше ли вамъ поселиться тамъ, куда они могутъ въ крайней надобности послать вамъ телеграмму? Ну, что вы скажете на это?

Нортвикъ отвѣтилъ просто:

— Хорошо, я поѣду съ вами.

— Ну, вотъ и чудесно! — сказалъ Пиннэй. — Не помочь ли вамъ собрать ваши вещи?

Нортвикъ принималъ его услуги съ безпомощностью человѣка, по-

терявшаго близкихъ и возложившаго свое упованіе на унылую любезность гробовщика. Будь Нортвикъ роднымъ отцомъ Пиннэя, послѣдній не могъ бы заботиться о немъ съ большею нѣжностью,—онъ собралъ всѣ его вещи, отвезъ ихъ на пароходъ и удержалъ для него самую лучшую каюту. Онъ безъ зазрѣнія совѣсти выдалъ его клерку за американскаго капиталиста, проживающаго въ Канадѣ ради здоровья и на этомъ основаніи потребовалъ для него «особую» каюту. Клеркъ отдалъ въ его распоряженіе капитанскую каюту, такъ какъ всѣ остальныя были взяты, и Пиннэй занялъ ее для Нортвика. Каюта эта была просторнѣе и уютнѣе остальныхъ и, уложивъ Нортвика на койку, Пиннэй усѣлся возлѣ него и принялся болтать. Нортвикъ объявилъ Пиннэю, что страдаетъ безсонницей и ему пріятно поболтать съ нимъ; Пиннэй замѣтилъ, что Нортвику было не по себѣ, когда онъ уходилъ, и въ душѣ репортеръ рѣшилъ, что Нортвикъ былъ очень больнымъ человѣкомъ. Онъ лежалъ точно мертвый, не шевелясь, на нижней койкѣ,—гдѣ Пиннэй устроилъ его какъ можно удобнѣе,—со сложенными на груди руками и закрытыми глазами. Иногда Пиннэя брало сомнѣніе, не умеръ ли его собесѣдникъ; тогда онъ придумывалъ вопросы, чтобы заставить Нортвика сказать «да» или «нѣтъ» и убѣдиться, что онъ еще живъ: онъ дышалъ такъ тихо, что Пиннэй не могъ уловить его дыханія.

Пиннэй, увлекшись бесѣдой, совершенно позабылъ о положеніи Нортвика и теперь вернулся къ нему съ новымъ приливомъ состраданія. Хотя къ послѣднему примѣшивался личный интересъ Пиннэя, «дѣловая» сторона вопроса, тѣмъ не менѣе оно было искреннимъ и Пиннэй не лгалъ, говоря, что ему хотѣлось бы, если возможно, заключить условія относительно возвращенія Нортвика домой,—въ эти годы для него это было необходимо.

— И не вѣрится мнѣ, чтобы нельзя было заключить такое условіе,—сказалъ онъ.—Я не знаю хорошенько обстоятельствъ этого дѣла, но, по моему разумѣнію, съ тѣми друзьями, которые у васъ имѣются, вамъ нечего бояться особыхъ хлопотъ. Полагаю, вамъ понадобилось бы выполнить кое-какія неизбѣжныя законныя формальности; но всю эту канитель всегда можно тянуть и затягивать, откладывая самую процедуру въ долгій ящикъ, пока наконецъ отъ дѣла ничего не останется. Разумѣется, захвати они васъ, все пошло бы по иному. Но теперь,—объявилъ Пиннэй, позабывъ о томъ, что̀ высказалъ ранѣе объ этомъ предметѣ,—все это дѣло затушено, такъ что письмо ваше изъ Римуски не произвело въ Бостонѣ почти никакого впечатлѣнія. Про Гатборо ничего не могу сказать. Право, сэръ я не думаю, если вы вернетесь теперь и друзья ваши постоятъ за васъ, какъ должно, я не думаю, чтобы приговоръ надъ вами былъ чѣмъ-нибудь больше простой формальности, если только состоится какой-нибудь приговоръ. Я бы разсказалъ вамъ о своихъ планахъ, если вы еще не хотите спать.

— Я порядкомъ усталъ,—молвилъ Нортвикъ съ трогательнымъ терпѣніемъ.

— О, въ такомъ случаѣ, полагаю, лучше намъ отложить это до завтра. Разговоръ отъ насъ не уйдетъ.

Пиннэй быстро раздѣлся, и прежде чѣмъ взобраться на верхнюю койку, затворилъ дверь на замокъ, а ключъ положилъ себѣ подъ подушку. Нортвикъ, казалось, не обратилъ на это вниманія, но у Пиннэя заскребло на совѣсти и онъ вложилъ ключъ обратно въ дверь.

— Кажется, лучше его оставить тамъ,—сказалъ онъ,—не то нельзя будетъ отворить дверь снаружи. Ну, сэръ, спокойной ночи,—обратился онъ къ Нортвику и съ легкимъ сердцемъ вскарабкался на койку. Подъ утро его разбудили стоны Нортвика, которому было очень дурно. Пиннэй хотѣлъ позвать кого-нибудь на помощь, но Нортвикъ сказалъ, что его боль пройдетъ и такъ, и попросилъ Пиннэя достать какое-то лѣкарство изъ его ручного саквояжа. Послѣ того, какъ онъ принялъ это лѣкарство, ему стало лучше. Но онъ крѣпко ухватился за руку Пиннэя во время одной изъ спазмъ и выпустилъ ее только тогда, когда заснулъ. Затѣмъ Пиннэй улегся снова въ свою койку и впалъ въ глубокій сонъ.

Проснулся Пиннэй очень поздно. Пароходъ уже вошелъ въ Квебекскую гавань. Онъ слышалъ, какъ суетились пассажиры, торопясь высадиться на берегъ. Когда онъ понемногу собрался съ мыслями и припомнилъ всѣ событія прошлаго вечера, онъ почти боялся взглянуть внизъ на Нортвика: его брало сомнѣніе, не умеръ ли онъ за ночь. Когда же онъ рѣшился посмотрѣть внизъ, онъ увидалъ, что койка пуста.

Онъ спрыгнулъ на полъ и принялся живо одѣваться. На минуту онъ успокоился, увидавъ чемоданъ Нортвика въ углу рядомъ съ его собственнымъ. Но ручной саквояжъ исчезъ. Онъ бросился вонъ изъ каюты, какъ только могъ это сдѣлать, не нарушая приличій, и обыскалъ всѣ углы и закоулки парохода, гдѣ только могъ быть Нортвикъ; но послѣдній исчезъ, словно въ воду канулъ.

Пиннэй спросилъ у буфетчика, давно ли причалилъ пароходъ. Тотъ отвѣчалъ, что съ шести часовъ, а теперь было восемь.

Нортвикъ не ждалъ Пиннэя на пристани и репортеръ уныло поплелся въ свою гостинницу, въ Верхнемъ Городѣ. Онъ подумалъ, въ видѣ послѣдней возможности, не ждалъ ли его Нортвикъ здѣсь, желая сдѣлать ему пріятный сюрпризъ. Оказалось, что Нортвика и тутъ не было.

Жена его сразу поняла, что случилось. Она прямо коснулась самаго сокровеннаго пункта.

— Говорилъ ли ты что-нибудь насчетъ его возвращенія въ Бостонъ?

— То-есть... вообще,—признался Пиннэй плачевно.

— Неудивительно, что онъ испугался тебя. Ты измѣнилъ своему слову, Рэнъ, и по дѣломъ тебѣ.

Жена его прохаживалась взадъ и впередъ съ бэби на рукахъ; она сказала, что онъ былъ боленъ и она всю ночь не спала. Она совѣтовала Пиннэю, сходить лучше за докторомъ.

Возвращеніе Пиннэя совсѣмъ не было похоже на то, что онъ воображалъ себѣ.

— Я убѣжденъ, что этотъ старый дуракъ изъ ума выжилъ,— сказалъ онъ, считая, что такое обьясненіе съ его стороны поведенія Нортвика было наиболѣе снисходительнымъ предположеніемъ.

— Во всякомъ случаѣ, онъ, повидимому, зналъ, что дѣлаетъ,—холодно отвѣчала миссисъ Пиннэй.—Ахъ, сходи же, прошу тебя, за докторомъ!

V.

Еще не занялась заря, когда Нортвикъ дотащился, еле волоча ноги, по пустынной аллеѣ темныхъ сосенъ до своего опустѣвшаго дома и принялся, крадучись, пробираться къ этому родному жилищу, которое такъ долго тревожило его грезы во снѣ и на яву. Онъ испытывалъ какой-то странный восторгъ отъ сознанія опасности, которой подвергалъ себя; то было безумное наслажденіе, смѣшанное съ ужасомъ, при мысли *чѣмъ* онъ былъ и *гдѣ* онъ находился. Ему хотѣлось смѣяться, когда онъ думалъ, какъ легко и благополучно произошло его возвращеніе. Но въ то же время его пронизывало тревожное безпокойство и заставляло принимать предосторожности ночного вора.

Ночной воръ: эти два слова сами собою повторялись въ его умѣ, пока онъ не высказалъ ихъ шепотомъ, снимая свои башмаки; затѣмъ, онъ прокрался по ступенямъ на галлерею и заглянулъ въ мракъ длиннаго ряда оконъ. Онъ не сразу замѣтилъ, что ставни были открыты,— изъ безпечности или равнодушія,—и это отдалось мучительною тоскою въ его сердцѣ, когда онъ, наконецъ, сообразилъ это. Ему показалась дурнымъ предзнаменованіемъ такая небрежность: онъ первый нарушилъ заботливую охрану своего дома, покинувъ его на расхищеніе и опустошеніе. Онъ попробовалъ отворять окна: онъ долженъ войти туда какимъ-нибудь образомъ, а позвонить или позвать кого-нибудь онъ не рѣшался. Онъ долженъ войти въ свой домъ какъ воръ, точно такъ же, какъ ушелъ изъ него.

Одно изъ оконъ подалось: длинная оконная дверь распахнулась внутрь и онъ ступилъ на полъ библіотеки, съ котораго былъ снятъ коверъ. Тогда самъ собою передъ нимъ предсталъ фактъ перемѣны, которая должна была произойти во всемъ домѣ, и онъ ощутилъ странное желаніе взглянуть на эту перемѣну и освоиться со всѣми ея деталями. Онъ зажегъ одну изъ восковыхъ спичекъ, которыя были у него, и, прикрывъ ее ладонями рукъ, при помощи ея мерцающаго свѣта,

увидалъ запустѣніе обнаженныхъ и заброшенныхъ комнатъ. Онъ прошелъ черезъ рядъ широко зіяющихъ дверей, черезъ библіотеку, гостиную, столовую и прихожую; затѣмъ зажегъ другую спичку, когда первая догорѣла, и поднялся наверхъ. Онъ тотчасъ же увидалъ, не входя въ комнаты дочерей, что комнаты эти пусты: дочерей его здѣсь не было. Но у него явилась странная надежда, что въ своей комнатѣ онъ найдетъ самого себя. Однако и тутъ не осталось ничего. Казалось, будто онъ былъ духъ, вернувшійся за своимъ тѣломъ, которое оставилъ позади себя; казалось, всякій, при видѣ его испугался бы больше его самого; но все-таки онъ не терялъ сознанія опасности своего положенія.

Въ немъ жила надежда, вслѣдствіе долгой привычки,—надежда, не покидавшая его, несмотря на то, что вездѣ были только голыя стѣны,—что онъ увидитъ нарисованное лицо своей жены, которое смотрѣло на него съ такимъ состраданіемъ съ портрета, висѣвшаго надъ каминомъ. Онъ слабо вздохнулъ, увидя, что портретъ исчезъ, какъ исчезло ея кресло у того окна, откуда онъ обозрѣвалъ свои владѣнія въ ту послѣднюю ночь, когда собрался ихъ покинуть. Онъ бросилъ потухающую спичку въ каминъ, а самъ протащился къ окну и снова выглянулъ изъ него. Въ сѣрой мглѣ безлунной и беззвѣздной ночи, оранжереи, молчаливые погреба и сараи казались простой громадой; въ томъ мѣстѣ, гдѣ было помѣщеніе для кучера, на мгновеніе появилась маленькая точка свѣта и затѣмъ исчезла.

Нортвикъ понялъ, что тутъ жили люди. А можетъ быть, туда забрался какой-нибудь бездомный бродяга, какъ онъ самъ; и ему смутно подумалось, что онъ долженъ сказать объ этомъ Ньютону и предостеречь его отъ бродягъ, ночующихъ въ сараяхъ: вѣдь этакъ они могутъ произвести пожаръ. Мысль его вернулась обратно къ настоящимъ условіямъ его положенія и онъ сталъ думать, долго ли можетъ онъ ходить и расхаживать здѣсь, словно бродяга, не будучи открытымъ. Не возбуди онъ прошлымъ лѣтомъ крутыхъ мѣръ противъ бродягъ, онъ могъ бы шататься здѣсь сколько угодно. Но его нельзя было осуждать: миссисъ Морэлль своей безразсудной добротой поощряла бродягъ и необходимо было поставить этому какую-нибудь преграду. А теперь эта преграда связывала его собственныя дѣйствія. Это было жестоко: ему вспомнилось, что онъ читалъ объ одномъ человѣкѣ, который покинулъ вдругъ свою семью, взялъ комнату черезъ дорогу и жилъ напротивъ своего прежняго дома, невѣдомый для своихъ близкихъ, до самой смерти... Онъ зажегъ еще спичку и посмотрѣлъ на себя въ зеркало, вставленное въ простѣнкѣ, въ видѣ окна; онъ думалъ, что сталъ неузнаваемъ даже для своихъ родныхъ дѣтей съ этой длинной сѣдой бородой и шевелюрой, которыя онъ отростилъ себѣ.

Горько ему было. Но внезапно умъ его перескочилъ отъ этой мысли; онъ вспомнилъ, что не знаетъ, гдѣ живутъ его дѣти. Такъ или

иначе, онъ долженъ ихъ отыскать, вѣдь онъ пріѣхалъ, чтобы повидаться съ ними и не можетъ уѣхать отсюда безъ этого. Онъ долженъ поторопиться и уйти отсюда до разсвѣта. Онъ протащился къ лѣстницѣ, чиркнулъ спичку, чтобы посвѣтить себѣ, спускаясь внизъ, и поднесъ ее къ окну, которое оставилъ открытымъ, войдя въ библіотеку. Едва онъ ступилъ на галлерею, какъ очутился въ крѣпкихъ объятіяхъ какого-то человѣка.

— Попался, голубчикъ! Что ты здѣсь дѣлаешь, хотѣлось бы мнѣ знать? Кто ты, воръ ты этакій? Ну-ка, Лэктра, подержи-ка фонарь поближе къ его лицу.

Нортвикъ не пытался сопротивляться; онъ съ перваго слова узналъ голосъ Элбриджа Ньютона. Онъ увидѣлъ рядомъ съ нимъ женскую фигуру, склонившуюся надъ фонаремъ, и догадался, что то была миссисъ Ньютонъ. Но ни къ нему, ни къ ней онъ не обратился ни единымъ звукомъ или движеніемъ. Привычку всей его жизни составляло молчаніе, особенно въ непредвидѣнныхъ обстоятельствахъ, а одиночество, въ которомъ онъ провелъ послѣдніе полгода, только усилили и увеличили эту привычку. Если бы къ его горлу приставили ножъ, то и тогда не произнесъ бы ни слова о пощадѣ; но молчаніе его до такой степени не зависѣло отъ его воли, что ему показалось, будто онъ пересталъ дышать, когда миссисъ Ньютонъ навела на него фонарь, чтобы хорошенько освѣтить его лицо.

Когда свѣтъ упалъ на его лицо, Нортвикъ понялъ, что эти люди узнали сразу, кто онъ, не смотря на его длинную сѣдую бороду. Рука Элбриджа, крѣпко державшая его, упала и Нортвикъ очутился на свободѣ.

— Ну, чортъ бы меня побралъ,—произнесъ Элбриджъ.

Жена его продолжала держать фонарь у лица Нортвика.

— Что намѣренъ ты съ нимъ дѣлать? — спросила она, наконецъ, словно Нортвика тутъ и не было, до такой степени онъ былъ нѣмъ и безучастенъ.

— Почемъ я знаю,—отвѣчалъ Ньютонъ, совершенно ошеломленный необычайными осложненіями этого казуса. На одно мгновеніе онъ освободился отъ подавлявшихъ его чувствъ и высказалъ такое предположеніе:

— Должно быть, онъ искалъ своихъ дочерей. Развѣ вы не понимаете,—обратился онъ къ Нортвику въ видѣ оправдательнаго упрека,— что, зажигая такимъ манеромъ спички въ домѣ, вы можете произвести пожаръ и во всякомъ случаѣ навѣрно заставите добрыхъ людей подумать, что тутъ кто-нибудь да есть!

Нортвикъ ничего ему не отвѣтилъ и Ньютонъ тщательно осмотрѣлъ его при свѣтѣ фонаря.

— Ей-Богу, онъ въ однихъ чулкахъ. Пойди-ка, Лэктра, поищи его башмаки. Возьми свѣчку.

Ньютонъ настаивалъ на этомъ, повидимому, потому, что этакъ онъ сваливалъ съ себя бремя дальнѣйшаго дѣйствія въ столь затруднительномъ дѣлѣ.

Жена его нашла башмаки на ступеняхъ веранды; но Нортвикъ, повидимому, былъ также мало способенъ двигаться, какъ говорить, и Элбриджъ, нагнувшись, надѣлъ ему на ноги башмаки. Поднявшись, онъ снова уставился на Нортвика, словно желая вполнѣ убѣдиться, что это онъ, а затѣмъ произнесъ смущенно вздохнувъ:

— Ступай-ка впередъ по-маленьку, Лэктра, съ фонаремъ. Мнѣ думается, намъ надобно отвести его къ нимъ,—и жена его, обыкновенно вертлявая и своевольная, молча повиновалась.

— Желаете дочекъ своихъ повидать?—обратился онъ къ Нортвику, а такъ какъ послѣдній продолжалъ молчать, Ньютонъ прибавилъ:

— Ну что-жъ, я, право, не могу его осуждать, что онъ не хочетъ довѣриться. Да вы не бойтесь,—прибавилъ онъ въ сторону Нортвика,—вѣдь васъ никто не задержитъ противъ воли.

— Ужъ я-то знаю, что никто этого не посмѣетъ, — подтвердила миссисъ Ньютонъ, у которой, наконецъ, развязался языкъ. — Пусть даютъ хоть вдвое, втрое больше противъ обѣщанной награды, я ихъ прежде такъ хвачу по мордѣ, что и не опомнятся у меня. Веди его, Элбриджъ.

Нортвикъ попрежнему не говорилъ и не двигался. Тогда Ньютонъ взялъ его подъ руку и повелъ со ступеней веранды, а затѣмъ по темной аллеѣ, которая прорѣзывалась въ видѣ туннеля при свѣтѣ фонаря, по мѣрѣ того, какъ они волокли своего безпомощнаго арестанта къ сторожкѣ у главныхъ воротъ.

Нортвикъ слышалъ и понялъ ихъ. Онъ не зналъ, какія намѣренія таились у нихъ въ душѣ, когда они сказали, что поведутъ его къ его дѣтямъ, но онъ былъ не въ силахъ сопротивляться, и когда они дошли до коттэджа, онъ безпрекословно опустился на ступени. Его трясла сильнѣйшая лихорадка. А въ это время Элбриджъ стучалъ въ дверь, пока не открылось окно въ верхнемъ этажѣ и испуганный голосъ Аделины пролепеталъ:

— Кто тамъ? Что случилось?

Миссисъ Ньютонъ заговорила вмѣсто своего мужа:

— Это мы, миссъ Нортвикъ. Если вы вы не спите...

— Нѣтъ, я давно не сплю.

— Ну такъ слушайте!—тутъ миссисъ Ньютонъ понизила свой голосъ.—И не пугайтесь. Не кричите... не говорите громко... Идите и дайте ему войти въ домъ.

Нортвикъ всталъ. Онъ услыхалъ, что кто-то торопливо тревожными шагами сбѣгалъ по лѣстницѣ внутри дома. Дверь отворилась и Аделина схватила его въ свои объятья, задыхаясь отъ радостныхъ рыданій.

— Охъ, папа! Охъ, папа! Охъ, я знала, я знала, что это ты! Охъ, охъ, охъ! Гдѣ былъ онъ? Гдѣ нашли вы его?

Она не слыхала, что они ей отвѣтили. Она не поняла даже, что преградила имъ доступъ къ себѣ, затворившись въ домѣ съ отцомъ.

VI.

Нортвикъ пристально озирался кругомъ при свѣтѣ рожка. Онъ крѣпко уцѣпился за ея руку.

— Что онъ намѣренъ дѣлать? Онъ пошелъ за полицейскимъ? Онъ меня выдастъ?

— Кто? Элбриджъ Ньютонъ? Ну, я увѣрена, его жена не забыла, какъ много ты для нихъ сдѣлалъ, когда умеръ ихъ мальчикъ, а если бы онъ даже и забылъ то, и тогда, онъ не пошелъ бы за полицейскимъ! Гдѣ ты съ нимъ встрѣтился?

— Въ домѣ. Я былъ тамъ.

— Но какъ же онъ-то провѣдалъ объ этомъ?

— Мнѣ надо было зажечь огонь.

— Охъ, Боже мой! Ужъ и не знаю, чтобы я дѣлала, если бы тебя захватилъ кто другой! Не понимаю, какъ можешь ты такъ рисковать собою!

— Я думалъ объ этомъ. Мнѣ надо было вернуться сюда. Я не могъ долѣе оставаться тамъ, когда этотъ человѣкъ привезъ мнѣ ваше письмо.

— Ахъ, онъ отыскалъ тебя,—радостно вскричала она.—Я знала, что онъ найдетъ тебя, я говорила это... Садись, папа; прошу тебя.

Она нѣжно втолкнула его въ качалку, обложенную подушками.

— Это мамино кресло; помнишь, оно всегда стояло въ простѣнкѣ у окна, въ твоей комнатѣ, тамъ, куда она его поставила? Луиза Гилари купила его на аукціонѣ... Я знаю, что она его купила... и подарила мнѣ его. Я не хотѣла позволить Сюзеттѣ отдать компаньонамъ домъ, потому что онъ принадлежалъ мамѣ.

Онъ, повидимому, не понималъ того, что она говорила. Онъ жалобно уставился на нее и съ усиліемъ произнесъ:

— Аделина, я ничего не зналъ объ этомъ несчастномъ случаѣ. Я не зналъ, что вы считали меня умершимъ, не то я...

— Нѣтъ! разумѣется, ты не зналъ! Я всегда говорила Сюзеттѣ, что ты не зналъ. Неужели ты не знаешь, что я всегда вѣрила въ тебя, папа? Мы обѣ вѣрили въ тебя, не смотря ни на что. А когда въ газетѣ было напечатано то письмо твое, я догадалась, что ты совсѣмъ измучился.

Нортвикъ всталъ и боязливо осмотрѣлся кругомъ, а затѣмъ подошелъ къ ней совсѣмъ близко, заложивъ руку за пазуху. Онъ вынулъ оттуда свертокъ банковыхъ билетовъ.

— Вотъ деньги, которыя я взялъ съ собою. Я хранилъ ихъ постоянно въ кожаномъ поясѣ; но меня это страшно утомляло. Я хотѣлъ бы, чтобы ты поберегла ихъ у себя и мы заключимъ при помощи этихъ денегъ условіе, чтобы мнѣ позволили остаться здѣсь.

— Охъ, тебѣ не позволятъ остаться здѣсь. Ужъ чего мы только не дѣлали! И судъ не позволитъ. Говорятъ, тебя будутъ судить и посадятъ въ тюрьму.

Нортвикъ машинальнымъ движеніемъ положилъ деньги обратно за пазуху:

— Ну и пусть ихъ,—уныло сказалъ несчастный.—Не могу я болѣе бороться съ ними. Я порѣшилъ остаться здѣсь.

Онъ опустился въ кресло, а Аделина расплакалась.

— Охъ, я не допущу до этого! Ты долженъ отправиться назадъ! Подумай о своемъ добромъ имени, на которомъ никогда не было и тѣни безчестья!

— Что... что это такое?—пролепеталъ дрожащимъ шопотомъ Нортвикъ, услышавъ звуки шаговъ наверху.

— Да вѣдь это же Сюзетта! А я и не позвала ее,—сказала Аделина, переставъ сразу плакать. Она побѣжала къ лѣстницѣ и стала звать сестру взволнованнымъ голосомъ.

— Сюзетта! Сюзетта! Иди внизъ сію минуту! Иди внизъ! Иди, иди внизъ!

Она снова засуетилась около отца.

— Ты, вѣрно, голоденъ, не правда ли, папа? Я приготовлю тебѣ чашку чая на лампѣ. Вода мигомъ вскипитъ! И тебя подкрѣпитъ чай. Не бойся ничего. Здѣсь нѣтъ ни души, кромѣ Сюзетты. Миссисъ Ньютонъ приходитъ убирать комнаты по утрамъ. Они жили съ нами, но намъ тутъ и однѣмъ хорошо. Мнѣ хотѣлось перейти на ферму, когда мы оставили свой домъ, но Сюзеттѣ было невыносимо постоянно видѣть передъ собою нашъ домъ; она говорила, это хуже всякаго страха, только мы не боялись. А Ньютонъ то и дѣло заходятъ къ намъ узнать, не нужно ли намъ чего-нибудь. А теперь, такъ какъ ты вернулся...

Она остановилась и посмотрѣла на него въ какомъ-то умопомраченіи, а затѣмъ снова вернулась къ своей лампѣ, словно не будучи въ силахъ освоиться съ положеніемъ дѣла.

— Въ послѣднее время я все хворала, но теперь мнѣ лучше. И если бы только намъ удалось уломать судъ, чтобы ты вернулся къ намъ, я совсѣмъ выздоровлю. Я увѣрена, что мистеръ Гилари теперь добьется этого. Папа!—она понизила голосъ и оглянулась кругомъ,—Сюзетта невѣста молодого Гилари... охъ, онъ самый лучшій изъ всѣхъ молодыхъ людей!.. И мнѣ кажется, они поженятся, какъ только мы устроимъ твое дѣло. Я думала сказать тебѣ объ этомъ прежде, чѣмъ она сойдетъ внизъ.

Нортвикъ, повидимому, не понялъ этого факта, а можетъ быть не былъ въ состояніи хорошо уяснить себѣ его значеніе.

— Какъ ты думаешь,—прошепталъ онъ въ отвѣтъ,—будетъ она со мною говорить?

— *Говорить* съ тобою!

— Не знаю. Она была всегда такая гордая. Но теперь вѣдь я привезъ эти деньги, сполна, кромѣ самой малости, которая пошла...

На лѣстницѣ послышался шорохъ юбокъ. Сюзетта остановилась на мгновеніе въ дверяхъ, она глядѣла на отца, какъ бы не вѣря своимъ глазамъ... Затѣмъ порывисто бросилась къ нему, скрыла лицо въ его сѣдой бородѣ и цѣловала его съ страстною силою горя и любви. Она опустилась ему на колѣни съ глубокимъ вздохомъ и голова ея упала на его плечо. Въ эти минуты они были только отецъ и дочь, все другое перестало существовать для нихъ.

Аделина глядѣла на нихъ въ восхищеніи и продолжала кипятить воду для чая. И всѣ трое въ безпокойномъ порывѣ схватились за порванныя нити своей совмѣстной жизни, стараясь объединить ее снова.

Аделина говорила за всѣхъ. Она разсказывала отцу, хвалила себя за то, что у нея явилась мысль обратиться къ Путнэю, хвалила Путнэя, его благоразуміе и распорядительность, хвалила Гилари, всѣхъ членовъ этой семьи за ихъ неизмѣнную преданность ея отцу; она была увѣрена, что будь у мистера Гилари полная возможность дѣйствовать по своему, никогда не вышло бы никакихъ непріятностей съ этими отчетами, и ей хотѣлось дать понять отцу, какъ къ нему относились лучшіе люди. Онъ слушалъ все это разсѣянно. Въ сосѣдней комнатѣ часы пробили четыре и Нортвикъ вскочилъ на ноги.

— Я долженъ уходить.

— Уходишь?—повторила Аделина какъ эхо.

— Почему долженъ ты уходить?—спросила Сюзетта, крѣпко прильнувъ къ нему.

Всѣ трое смолкли въ виду тяжкой необходимости, глядѣвшей имъ въ глаза.

Тутъ Аделина стряхнула съ себя обманчивыя грёзы благополучія, которыми убаюкивала себя до этой минуты.

— Ему необходимо уходить! — простонала она. — Охъ, Сюзетта, пусти его! Его ожидаетъ тюрьма, если онъ останется здѣсь!

— Тюрьма *тамъ*,—сказалъ Нортвикъ.—Дайте мнѣ остаться!

— Нѣтъ, нѣтъ! Я не допущу тебя остаться! О, какъ я жестока, заставляя тебя уходить! Отчего ты не скажешь ни слова, Сюзетта? Вѣдь именно ради тебя, а не ради чего другого, я поступаю такимъ образомъ!

— Ну, такъ не дѣлай этого! Если отецъ хочетъ остаться, если онъ считаетъ, что такъ лучше или ему легче, пусть остается; а обо мнѣ нечего думать. Я *не позволяю* тебѣ думать обо мнѣ!

— А что скажутъ они... что скажетъ мистеръ Гилари... если отца посадятъ въ тюрьму?

Глаза Сюзетты загорѣлись огнемъ.

— Пускай себѣ говорятъ, что хотятъ. Я знаю, что ему могу *довѣриться*, но если онъ оставитъ меня за это, пусть его! Если отецъ желаетъ остаться, онъ останется, и что бы они не сдѣлали съ нимъ, онъ будетъ для насъ тѣмъ, чѣмъ былъ. Если онъ скажетъ намъ, что не имѣлъ намѣренія поступить дурно, его слова будетъ довольно для насъ. А люди могутъ говорить, что̀ имъ угодно, и думать, какъ имъ угодно.

Нортвикъ слушалъ съ смущеннымъ видомъ. Онъ смотрѣлъ то на одну, то на другую, не зная, какъ ему быть между ними. Онъ сильно вздрогнулъ, когда Аделина почти закричала:

— Охъ, ты не знаешь, о чемъ говоришь! Отецъ, скажи ей, что *не желаешь* оставаться здѣсь.

— Я долженъ уйти, Сюзетта; будетъ лучше, если я уйду...

— Вотъ, выпей этотъ чай, онъ подкрѣпитъ тебя немного.

Аделина торопливо сунула ему въ руки чашку чаю, который приготовила для него, несмотря на все свое безпокойство, и заставила его выпить ее.

— А теперь, поскорѣе, поскорѣе, уходи, папа! Простись съ нами! Тебѣ необходимо уйти теперь... да, *необходимо*!.. но ты уходишь не надолго! Ты видѣлъ насъ, мы слава Богу живы и здоровы, а теперь ты можешь писать намъ... Непремѣнно пиши, папа, когда пріѣдешь туда. А не то, еще лучше, телеграфируй... мы можемъ устроить... я знаю, мы можемъ... чтобы ты вернулся домой и остался дома.

— Дома! дома!—прошепталъ Нортвикъ.

— Ему какъ будто хочется доканать меня!—зарыдала Аделина закрывшись руками. Она отняла ихъ прочь.

— Ну что же! оставайся!—сказала она.

— Нѣтъ, нѣтъ! я ухожу,—отвѣчалъ Нортвикъ.—Ты права, Аделина. Хорошо... все къ лучшему, я ухожу...

— И напиши намъ, гдѣ ты живешь, когда вернешься туда, папа!—просила Аделина.

— Хорошо, напишу.

— А мы пріѣдемъ туда къ тебѣ,—вставила Сюзетта.—Мы можемъ жить въ Канадѣ такъ же хорошо, какъ здѣсь.

Нортвикъ покачалъ головою.

— Это не одно и то же. Я не привыкъ къ тамошней жизни. Тамъ люди рабатаютъ совсѣми иначе. Я бы не могъ вложить свой капиталъ ни въ одно изъ ихъ предпріятій. Я пересмотрѣлъ всѣ ихъ рессурсы. И... и я хочу вернуться въ нашъ старый домъ.

Онъ высказалъ все это разсѣянно, почти сухо, но съ видомъ окончательной рѣшимости, словно послѣ продолжительнаго, серьезнаго размышленія. Онъ сѣлъ, но Аделина не оставляла его.

— Ну, уходи! Скоро разсвѣтаетъ и я ужасно боюсь, какъ бы кто

не увидалъ тебя и не арестовалъ! Но, Господи, что это я говорю? Какъ же ты пойдешь? вѣдь ты едва стоишь на ногахъ! А если ты вздумаешь отправиться съ нашей станціи, тебя, навѣрно, узнаютъ,— кто-нибудь... и арестуютъ. Что намъ дѣлать?

— Я пріѣхалъ вечеромъ съ восточной станціи Готборо,—отвѣчалъ Нортвикъ.—Я пойду туда и сяду на утренній поѣздъ.

— Но вѣдь это добрыхъ три мили!—вскричала Аделина.—Никогда тебѣ не поспѣть къ этому поѣзду! Охъ, зачѣмъ не я просила Элбриджа пріѣхать за тобою! Я должна пойти и сказать ему, чтобы онъ поскорѣе собрался.

— Нѣтъ, я пойду!—сказала Сюзетта.—Аделина!

Аделина распахнула дверь и съ крикомъ отступила назадъ. У дверей дома стояла повозка, напоминавшая фургоны, въ которыхъ перевозятъ мебель; повозка эта при блѣдномъ полусвѣтѣ дня казалась погребальными дрогами.

— Это я, — отозвался голосъ Элбриджа съ козелъ, и голова Эльбриджа неясно выступила. — Мнѣ подумалось, можетъ вамъ понадобится повозка, ну вотъ я и подъѣхалъ наугадъ.

— Охъ, правда, намъ какъ разъ ее-то и надобно!—вскричала Аделина съ нервымъ болѣзненнымъ смѣхомъ.—Ну, папа, скорѣе садись! Не теряй ни минуты. Поцѣлуй Сюзетту. Прощай! Непремѣнно доставьте его, Элбриджъ, на восточную станцію Гатборо къ поѣзду, что уходитъ въ четыре часа сорокъ минутъ!

Она помогла отцу усѣсться въ крытую повозку. Онъ весь трясся и спотыкался.

— А если кто попробуетъ васъ задержать...

— Посмотрѣлъ бы я, какъ кто вздумалъ бы меня задержать,— молвилъ Элбриджъ, хлестнувъ свою лошадь. Затѣмъ онъ наклонился къ Нортвику и прибавилъ:

— У меня и старая кобыла пойдетъ не хуже того чернаго жеребца.

— А какая это кобыла?—спросилъ Нортвикъ.

Аделина не находила себѣ мѣста отъ волненія и безпрестанно говорила о своихъ предчувствіяхъ вплоть до возвращенія Элбриджа. Она спрашивала у Сюзэтты, думала ли она, что отцу ихъ удастся уѣхать; она говорила, что Элбриджу ни за что поспѣть къ поѣзду на этой неповоротливой старой лошади,—отца ихъ арестуютъ. Несмотря на свою слабость, она встала съ постели совсѣмъ больная, чтобы принять отца. Аделина тщательно одѣлась, готовясь къ самому худшему: она пойдетъ съ нимъ въ тюрьму, если его привезутъ назадъ, она твердо рѣшилась на это. По временамъ она выходила изъ дому и смотрѣла на дорогу, не возвращается ли Элбриджъ одинъ, не везутъ ли ея отца; она надѣялась, что его прежде привезутъ къ нимъ въ домъ, — почему она такъ думала, она сама не знала. Сюзэтта пробовала не пускать ее изъ дому, пробовала уложить ее въ постель. Но Аделина возстала, осыпая

сестру безумными укоризнами. Она объявила, что сестра ея никогда ни капельки не любила отца; она хотѣла отдать домъ ихъ матери въ въ угоду семьи Гилари. Теперь, когда она собралась выйти замужъ за Гилари, ей рѣшительно нѣтъ дѣла ни до чего другаго. Она ужасалась перемѣнѣ Сюзэтты.

Вернувшись, Элбриджъ прежде всего отвелъ лошадь въ конюшню, затѣмъ явился въ сторожку съ отчетомъ.

— Онъ въ безопасности? Уѣхалъ онъ? Гдѣ онъ?—кричала Аделина, не давая ему вымолвить словечка.

— Онъ въ лучшемъ видѣ, миссъ Нортвикъ, — ласково отвѣчалъ Элбриджъ.—Онъ уже опять ѣдетъ въ Канаду.

— Значитъ, я его выгнала! — жалобно всхлипывала Аделина. — Я выгнала его изъ его дома и никогда больше не увижу его. Пошлите за нимъ! Пошлите за нимъ! Верните его, говорю вамъ! Сейчасъ же поѣзжайте за нимъ, скажите ему, что я прошу его вернуться! Да что же вы стоите, словно столбъ?

Ей сдѣлалось дурно. Элбриджъ помогъ Сюзэттѣ отнести ее наверхъ и уложить въ постель, а затѣмъ побѣжалъ за своей женой, приказавъ ей идти къ нимъ. Самъ онъ пошелъ за докторомъ.

Маттъ Гилари провелъ ночь у своего друга Уэда и, прежде чѣмъ уѣхать домой, пошелъ еще разъ проститься съ Сюзэттой. Онъ встрѣтилъ доктора, который возвращался отъ сестеръ.

— Миссъ Нортвикъ, кажется, не совсѣмъ здорова, сказалъ докторъ. Я радъ, что вы здѣсь. Я зайду еще къ нимъ попозже.

Маттъ старался отдѣлаться отъ впечатлѣнія какой-то таинственности, которая проглядывала въ тонѣ доктора. Онъ постучался въ дверь и Сюзэтта отворила ему раньше, чѣмъ онъ коснулся двери.

— Войдите,—сказала она тихимъ голосомъ; было что-то въ ея тонѣ, во взглядѣ, что̀ помѣшало ему подойти къ ней. Возбужденный лепетъ больной женщины въ перемежку съ гнусливыми звуками голоса миссъ Ньютонъ, пытавшейся успокоить ее, доносился сверху, покрывая ихъ слова.

— Мистеръ Гилари,—сказала Сюзэтта церемонно,—желаете ли вы, чтобы отецъ мой вернулся сюда, что бы ни случилось?

— Да, если онъ хочетъ вернуться. Вѣдь вы знаете, что я всегда это говорилъ.

— И вамъ будетъ все равно, если его засадятъ въ тюрьму?

— Мнѣ будетъ далеко не все равно.

— Вы будете стыдиться меня!

— Никогда! Какое отношеніе можетъ это имѣть къ вамъ?

— Такъ знайте же,—продолжала она,—что онъ вернулся. Онъ былъ здѣсь.

Въ живыхъ, торопливыхъ словахъ она набросала передъ нимъ кар-

чину всего случившагося, а онъ слушалъ съ тою ясностью безмолвнаго вниманія, которая успокоила ее лучше всякихъ словъ. Прежде чѣмъ она кончила, руки его обвились вокругъ нея и она почувствовала, что его преданная любовь неизмѣнна.

— А теперь Аделина безумствуетъ, требуя, чтобы его вернули. Ей все кажется, что она заставила его уѣхать; она умретъ, если нельзя будетъ что-нибудь сдѣлать. Она говоритъ, что не позволила ему остаться, потому что... потому что вы стали бы стыдиться насъ. Она говоритъ, я стала бы стыдиться...

— Сюзэтта! Сю!—позвала сверху Аделина,—пусть мистеръ Гилари не уходитъ, пока я не сойду къ вамъ! Я хочу поговорить съ нимъ.

Они переглянулись въ недоумѣніи, услыхавъ, какъ она говорила миссисъ Ньютонъ, что «встанетъ непремѣнно, теперь она совершенно успокоилась и сойдетъ внизъ. Ей лучше знать, какъ она себя чувствуетъ и нѣтъ ей дѣла до того, что сказалъ докторъ».

— А если вы только попробуете меня удерживать...

Она сошла внизъ, продолжая спорить и кричать, въ незастегнутыхъ ботинкахъ. Едва у дверей показалось ея взволнованное лицо, она заговорила:

— Я придумала, что мнѣ дѣлать, мистеръ Гилари, и хочу, чтобы вы сходили къ мистеру Путнэю и поговорили съ нимъ объ этомъ. Спросите у него, можно ли это сдѣлать. Отца могутъ отпустить на поруки, когда онъ вернется сюда, а я пусть буду его порукою, судъ можетъ взять меня вмѣсто него. Суду все равно, кого взять, разъ у него есть въ рукахъ кто-нибудь. Идите же, спросите мистера Путнэя. Я знаю, онъ согласится со мною, онъ думаетъ то же, что я, насчетъ дѣла отца. Идете вы?

— Пойдешь ли ты и ляжешь ли опять, если мистеръ Гилари исполнитъ твое желаніе?—спросила Сюзэтта у сестры, словно уговаривала капризнаго ребенка.

— Чего это вамъ всѣмъ вздумалось укладывать меня въ постель?—набросилась Аделина на Сю.—Я совсѣмъ здорова. И неужели ты думаешь, что я могу лежать спокойно съ такими мыслями на сердцѣ? Если желаешь успокоить меня, отпусти его. Пусть онъ сходитъ къ мистеру Путнэю и узнаетъ, что тотъ скажетъ. По моему, всѣмъ намъ слѣдуетъ поѣхать въ Канаду и привезти сюда отца. Не привыкъ онъ путешествовать одинъ, да еще съ чужими. Надо, чтобы при немъ былъ кто-нибудь, кто знаетъ его привычки. Я поѣду къ нему тотчасъ же какъ только мистеръ Путнэй узнаетъ и одобритъ мой планъ. Я увѣрена, что онъ его одобритъ. Но я не хочу, чтобы мистеръ Гилари терялъ время понапрасну. Я хочу поспѣть въ Квебекъ вслѣдъ за отцомъ. Идете вы?

— Иду, миссъ Нортвикъ,—отвѣчалъ Маттъ, взявъ ея трепещущую руку. — Я пойду къ Путнэю, повидаюсь съ отцомъ и сдѣлаю все, что

*

только можетъ быть сдѣлано, чтобы избавить отъ дальнѣйшихъ страданій вашего отца, или васъ самихъ...

— Мнѣ себя не жалко, — сказала Аделина, вырвавъ свою руку.— Я молода и сильна, я могу вынести. Но я мучаюсь за отца.

Она расплакалась, а Маттъ, подчиняясь взгляду, брошенному на него Сюзеттой, ушелъ. На пути въ деревню онъ все болѣе и болѣе проникался трагическимъ значеніемъ этого дѣла и несостоятельностью всякихъ компромиссовъ и паліативовъ. Единственное средство помочь горю заключалось въ томъ, чтобы Нортвикъ покорился своей участи и всѣ они вмѣстѣ приготовились вынести послѣдствія его проступка. Маттъ понималъ, какъ велика была тоска этого несчастнаго по дому и семьѣ, если онъ рискнулъ пробраться украдкой, чтобы взглянуть на мѣста и лица, столь дорогія его сердцу. Пусть люди зовутъ его трусомъ и эгоистомъ, — въ концѣ-концовъ несомнѣнно, что любовь его къ дѣтямъ была самымъ глубокимъ и самымъ сильнымъ чувствомъ въ душѣ этого слабохарактернаго и недалекаго человѣка. Если любовь эта заставитъ его пойти на все, пренебречь всѣмъ ради счастія быть близъ тѣхъ, кого онъ любилъ, пользуясь печальной привилегіей осужденнаго видѣться съ ними изрѣдка, кто осмѣлится отвернуться отъ него?

Не найдя адвоката въ конторѣ, Маттъ отправился къ нему на домъ. Путнэй только что позавтракалъ. Они столкнулись у воротъ и адвокатъ вернулся домой со своимъ гостемъ. Маттъ передалъ ему, въ чемъ дѣло.

— А теперь, что можемъ мы сдѣлать?—спросилъ онъ Путнэя.—Увѣрены ли вы, что нѣтъ никакого выхода? Нѣтъ ли какой возможности...

Путнэй отрицательно покачалъ головою и, прежде чѣмъ пуститься въ объясненія, заложилъ въ ротъ порядочную жвачку табаку.

— Все утро продумалъ я объ этомъ дѣлѣ и рѣшительно не вижу ни малѣйшей возможности для него отбояриться отъ суда, если онъ сдастся по доброй волѣ. Вѣдь вы объ этомъ, я думаю?

— Именно такъ,—отвѣчалъ Маттъ съ нѣкоторой печалью.

Какъ онъ ни готовился къ худшему, слова адвоката поразили его.

— По временамъ я почти жалѣю, что ему удалось улизнуть,—сказалъ Путнэй. — Если бы мы могли его удержать здѣсь и убѣдили его покориться закону, мнѣ кажется, можно было бы избавить его отъ тюремнаго заключенія на почвѣ душевнаго разстройства.

Маттъ сдѣлалъ нетерпѣливый жестъ.

— О, я не говорю, что онъ былъ не въ своемъ умѣ, когда пользовался капиталами товарищества и поддѣлывалъ книги, хотя у меня и на этотъ счетъ свое особое мнѣніе. Но я убѣжденъ, что теперь онъ не въ своемъ умѣ, и я думаю, мы могли бы доказать это на судѣ какъ дважды-два-четыре, такъ что судъ призналъ бы невозможнымъ постановить обвинительный приговоръ. Мы могли бы отослать его въ домъ умалишенныхъ въ глазахъ общества такой исходъ этого дѣла

явился бы приличнымъ; это послужило бы къ оправданію его заднимъ числомъ во взводимыхъ на него обвиненіяхъ.

Путнэй не могъ отказать себѣ въ нѣкоторомъ злорадствѣ при видѣ нескрываемаго огорченія Матта. Глаза адвоката вспыхнули огнемъ, но онъ прибавилъ серьезнымъ тономъ:

— Сказалъ онъ имъ, гдѣ его можно найти въ Канадѣ?

— Онъ обѣщался извѣстить ихъ объ этомъ.

— Сомнѣваюсь, чтобы онъ это сдѣлалъ,—отвѣчалъ Путнэй.—Онъ думаетъ, авось ему посчастливится опять вернуться сюда.

Маттъ вернулся къ Сюзеттѣ и вмѣстѣ съ нею старался успокоить ея сестру. Аделина не хотѣла ничего слушать: ей надобно было удостовѣреніе Путнэя, что отца ея оправдаютъ по суду, если онъ вернется и отдастъ себя въ руки правосудія. У нея явилась эта новая идея въ отсутствіи Матта. Маттъ былъ въ состояніи дать ей требуемое удостовѣреніе; но онъ позволилъ себѣ оставить невысказаннымъ условіе, поставленное Путнэемъ. Наконецъ, она согласилась лечь въ постель и посовѣтоваться съ докторомъ, прежде чѣмъ приняться за сборы, чтобы ѣхать въ Канаду къ отцу.

VIII.

На четвертое утро, когда Пиннэй, послѣ тяжелой ночи, проведенной съ больнымъ ребенкомъ и его измученной матерью, сошелъ въ контору квэбекской гостинницы, онъ увидалъ здѣсь Нортвика, сидѣвшаго на стулѣ. Пиннэю старикъ показался частью его тревожнаго сна, отъ котораго онъ только что пробудился.

— Ну, гдѣ это вы были, куда исчезали? — спросилъ онъ въ надеждѣ, авось этотъ призракъ — живой человѣкъ.

Унылое лицо Нортвика озарилось выраженіемъ довольнаго лукавства.

— Я былъ дома... въ Гатборо.

— Вотъ такъ штука! — вскричалъ Пиннэй.

Онъ былъ такъ пораженъ, что потерялъ послѣдній остатокъ почтенія къ Нортвику. Минуту репортеръ смотрѣлъ недовѣрчиво на своего собесѣдника.

— Пойдемъ-ка въ столовую, за завтракомъ вы разскажете мнѣ все по порядку. Если бы я только могъ этимъ воспользоваться...

Нортвикъ ѣлъ съ волчьимъ аппетитомъ. По мѣрѣ того какъ пища подкрѣпляла и освѣжала его, онъ медленно, по «кусочкамъ» выложилъ свою исторію. Пиннэй слушалъ его въ нѣмомъ восторгѣ.

— Ну, сэръ,—сказалъ онъ, — никогда еще не слыхивалъ я такого удивительнаго приключенія.

Но лицо его омрачилось.

— Вамъ извѣстно, надѣюсь, что я тутъ не причемъ. Я пріѣхалъ сюда,—объяснилъ онъ,—въ качествѣ довѣреннаго лица вашихъ друзей,

чтобы отыскать васъ, и я отыскалъ васъ. Но разъ вы уѣхали туда и все разсказали, я не могу требовать ни ценза за свою услугу.

Нортвикъ казался заинтересованнымъ даже тронутымъ непріятностью, которую причинилъ Пиннэю.

— Да они вѣдь не знаютъ, гдѣ я, оправдывался онъ.

— Хотите вы, чтобы съ этого дня этимъ дѣломъ занялся я? — спросилъ Пиннэй.

— Хорошо. Только... не оставляйте меня,—отвѣчалъ Нортвикъ съ трепетомъ надежды.

— Можете быть увѣрены, что я болѣе не спущу съ васъ глазъ,— обѣщался Пиннэй.

Онъ вынулъ изъ кармана жилетки телеграфный бланкъ и написалъ на немъ Матту Гилари:

«Нашъ другъ здѣсь, здравъ и невредимъ, со мною въ гостинницѣ Мурдока».

Онъ сосчиталъ слова, чтобы ихъ не было болѣе десяти; затѣмъ позвалъ полового и приказалъ ему отнести депешу въ контору.

— Пусть тамъ за нее заплатятъ и подадутъ мнѣ счетъ. Да пусть отправятъ ее поскорѣе.

О Нортвикѣ Пиннэй заботился почти столько же, сколько о своей женѣ и ребенкѣ. Онъ все время проводилъ гуляя и болтая съ нимъ, а такъ какъ бэби сталъ выздоравливать, то Пиннэй все болѣе и болѣе отдавался короткости установившейся между ними, да и самъ Нортвикъ, повидимому, все болѣе и болѣе довѣрялъ себя сыновнимъ попеченіямъ Пиннэя. Миссисъ Пиннэй раздѣляла съ мужемъ эти заботы, насколько дозволялъ ей это бэби, и сумѣла стать съ молчаливымъ бѣглецомъ въ короткія, дружескія отношенія. У нея было предубѣжденіе противъ его дочерей, которыя не пріѣзжали навѣстить его теперь, когда имъ стало извѣстно, гдѣ онъ; но она скрывала свои мысли отъ Нортвика и помогала ему отвѣчать на письма Сюзэтты, когда онъ говорилъ, что не чувствуетъ себя достаточно здоровымъ, чтобы писать самому. Аделина не писала ему; Сюзэтта постоянно писала, что она не совсѣмъ здорова, но что ей становится лучше. Затѣмъ, въ одномъ изъ писемъ Сюзэтты пришло запоздалое признаніе, что Аделина слегла въ постель. Ее терзала мысль, что она заставила его уѣхать и просила Сюзэтту написать ему, что она желаетъ, чтобы онъ вернулся или позволилъ имъ пріѣхать къ нему. Сюзэтта просила его выразить какое-нибудь желаніе на этотъ счетъ, чтобы ей можно было показать его отвѣтъ Аделинѣ. Сюзэтта писала, что мистеръ Гилари пріѣхалъ къ нимъ изъ деревни и поселился въ домѣ Элбриджа Ньютона, чтобы быть постоянно возлѣ нихъ. И дѣйствительно Маттъ былъ съ ними, когда Аделина внезапно скончалась. Они не считали ее опасно больною до самаго дня ея смерти, когда силы ея быстро стали падать.

Въ письмѣ, принесшемъ эту вѣсть, Сюзэтта говорила, что будь у

нихъ малѣйшее предчувствіе этого несчастія, онѣ бы попросили отца вернуться, несмотря ни на какой рискъ, и она горько сѣтовала, что всѣ они были такъ недальновидны. Ньютоны останутся до ея отъѣзда въ Квэбекъ къ нему. А если онъ пожелаетъ вернуться, то она и Маттъ одинаково будутъ рады его пріѣзду и готовы ко всему, чтó бы ни случилось. Но Маттъ считаетъ необходимымъ, чтобы отецъ ея зналъ, что нѣтъ никакой надежды избѣгнуть суда, а потому онъ совершенно свободенъ принять то или другое рѣшеніе. Аделину похоронятъ рядомъ съ ея матерью.

Старикъ разразился слабымъ воплемъ, когда миссисъ Пиннэй прочитала ему эти послѣднія слова. Пиннэй, тихо ходившій взадъ и впередъ съ бэби на рукахъ, захныкалъ ему въ унисонъ.

— Мнѣ кажется, ему можно было какъ-нибудь выпутаться, если бы онъ захотѣлъ вернуться туда,—сказалъ онъ женѣ въ порывѣ сочувствія, когда Нортвикъ удалился съ письмомъ Сюзэтты въ свою комнату.

Мнѣніе это, великодушное само по себѣ, стало примѣшиваться въ душѣ Пиннэя къ его личному интересу. Онъ добросовѣстно избѣгалъ уговаривать Нортвика, возвратиться, но помимо воли его воображенію рисовалась заманчивая возможность такого поворота дѣла. Прежде чѣмъ они разстались по случаю возвращенія Пиннэя въ Бостонъ, Пиннэй, насколько умѣлъ, деликатно намекнулъ Нортвику, что если когда-нибудь послѣдній рѣшится вернуться, то найдетъ въ немъ, Пиннэѣ, самаго заботливаго и внимательнаго дорожнаго спутника. Нортвикъ, поридимому, взглянулъ на это дѣло съ настоящей точки зрѣнія, съ дѣловой точки, и Пиннэй думалъ, что ему удалось уладить этотъ щекотливый вопросъ съ большимъ тактомъ; но онъ, скромности ради скрылъ отъ своей жены свой успѣхъ. Оба, и мужъ и жена, простились съ изгнанникомъ очень дружественно. Миссисъ Пиннэй обняла его шею своими руками и поцѣловала его, а онъ далъ ей слово беречь свое здоровье въ ея отсутствіи. Въ послѣднюю минуту Пиннэй всунулъ ему въ руку свой оффиціальный адресъ.

Частичка нравственныхъ силъ Нортвика какъ будто бы вернулась къ нему вслѣдъ за отъѣздомъ этихъ людей, съ которыми онъ сдружился такимъ страннымъ образомъ. Снова онъ сталъ мечтать объ утилизаціи этихъ денегъ, что были съ нимъ, для наживы и уплаты Понкуассэтскому товариществу своихъ самовольныхъ займовъ. Онъ положительно запретилъ Сюзэттѣ пріѣзжать къ нему, какъ она ему предлагала,—схоронивъ Аделину. Онъ послалъ ей телеграмму для предупрежденія ея отъѣзда и написалъ что желаетъ нѣкоторое время остаться одинъ и рѣшить самому роковой вопросъ. Онъ одобрялъ желаніе Матта отпраздновать свадьбу, не откладывая въ долгій ящикъ, и отвѣтилъ Матту письмомъ, въ которомъ были упомянуты особыя обстоятельства, вслѣдствіе которыхъ, быть можетъ, его отцу и матери былъ нежелателенъ этотъ союзъ, выражая при этомъ надежду, что Маттъ дѣйствуетъ съ ихъ полнаго согласія.

Изъ друзей стараго Гилари иные сомнѣвались, чтобы онъ одобрялъ бракъ Матта. Многіе думали, что благословеніе данное сыну было вынужденнымъ. Старый Брумфильдъ Корэй выразилъ со старческой откровенностью общественное мнѣніе по этому вопросу:

— Гилари,—сказалъ онъ ему,—вы поставили въ совершеннѣйшій тупикъ восторженныхъ поклонниковъ вашей нопоколебимой душевной твердости. Они думаютъ, что въ дѣлѣ Матта вамъ слѣдовало бы заявить себя болѣе твердымъ отцомъ.

— Вотъ я скоро имъ сдѣлаюсь,—шутливо отвѣчалъ Гилари.—Миссисъ Гилари и Луиза намѣрены увезти меня на зиму въ Римъ.

IX.

Послѣ отъѣзда Пиннэя Нортвикъ зажилъ совсѣмъ отшельникомъ и одиночество его нарушалось лишь ежедневными письмами отъ Сюзэтты. Онъ сторонился отъ предложеній дружескаго доброжелательства со стороны обитателей гостинницы, которые сожалѣли о его заброшенности, и началъ снова жить мечтою о своемъ домѣ. Онъ бросилъ мысль попытать счастья въ новомъ коммерческомъ предпріятіи, которая на мгновеніе оживила его духъ. Тѣ самыя причины, которыя въ самомъ началѣ парализовали его дѣятельность, и теперь разрушили всѣ его усилія. Онъ чувствовалъ себя слишкомъ старымъ, чтобы начать жизнь сызнова; его энергія была утрачена навсегда.

Дни проходили за днями, а онъ жилъ въ бездѣйствіи и полнѣйшей неподвижности, между тѣмъ какъ грёзы и желанія, полныя страстной тоски, безпрестанно возстановляли въ его душѣ родное жилище, запустѣніе котораго онъ видѣлъ собственными глазами. Не лучше ли было для него вернуться и подвергнуться приговору закона, а затѣмъ снова поселиться въ томъ мѣстѣ, которое, на зло своимъ собственнымъ впечатлѣніямъ онъ не могъ вообразить себѣ иначе какъ въ убранствѣ комфорта и роскоши, которыхъ оно лишилось? Разсказы Элбриджа, по дорогѣ на станцію желѣзной дороги, о распродажѣ лошадей и рогатаго скота, о разграбленіи оранжереи, также мало значили какъ и свидѣтельство его собственныхъ глазъ. Онъ не понималъ за исключеніемъ рѣдкихъ минутъ, что смерть и несчастіе поразили его домъ. Аделина, большей частью, представлялась ему все еще живою; она присутствовала въ его любящихъ мечтахъ и составляла часть его дома по прежнему.

Онъ началъ льстить себя надеждою, что по возвращеніи ему удастся устроить тотъ компромиссъ съ судомъ, котораго не могли добиться близкіе ему люди; онъ убѣдилъ самого себя, что съумѣетъ представить такія доказательства, которыя поведутъ къ его оправданію. Ну, а если онъ долженъ подвергнуться какому нибудь наказанію за то, что далъ себя поймать въ такихъ коммерческихъ сдѣлкахъ, которыя постоянно

сходятъ съ рукъ безнаказанно, то онъ старался увѣрить себя, что можно будетъ съ помощью денегъ сдѣлать это наказаніе легкимъ...

Только по временамъ, онъ чувствовалъ себя дѣйствительно виновнымъ. Но это сознаніе виновности являлось у него минутами, которыя быстро проходили, и только подъ конецъ онѣ стали являться чаще. Достовѣрно, повидимому, одно—подъ конецъ къ его тоскѣ по дому стало примѣшиваться желаніе—слабое и неоформленное—искупленія. Его стала посѣщать дума,—словно навѣянная ему откуда-то, какимъ-то образомъ,—что если онъ въ самомъ дѣлѣ поступилъ дурно, то онъ достигнетъ успокоенія, рѣшившись принять за свою вину кару, какъ бы ни была она велика и ужасна. Онъ попробовалъ развить эту идею передъ Пиннэемъ, котораго вызвалъ въ Квэбекъ, въ первый же день его пріѣзда; этимъ Нортвикъ объяснялъ свое обращеніе къ репортеру.

Рѣшившись вернуться, что́ бы его ни ожидало и рискуя всѣмъ, онъ вспомнилъ предложеніе Пиннэя сопровождать его. Вызвать Пиннэя его побудило не великодушный порывъ или желаніе самопожертвованія ради доставленія Пиннэю возможности отличиться въ своемъ новомъ званіи сыщика; онъ просто на просто боялся пуститься одинъ въ такое далекое путешествіе, и ему хотѣлось найти поддержку въ обществѣ репортера. Пиннэй полюбился ему и онъ скучалъ по простодушной веселости его беззаботнаго нрава. Онъ чувствовалъ, что въ трудную минуту жизни, которую ему предстояло испытать, эта веселость принесетъ ему успокоеніе; онъ искалъ инстинктивно любезной, обманчивой симпатіи со стороны человѣка, душевный складъ котораго имѣлъ такъ много сродства съ его собственной душой. Онъ телеграфировалъ Пиннэю пріѣхать за нимъ и не могъ успокоиться, пока тотъ не пріѣхалъ.

Пиннэй выѣхалъ тотчасъ по полученіи телеграммы Нортвика и при свиданіи выразилъ ему свои поздравленія въ восторженныхъ словахъ.

— Вотъ это, мистеръ Нортвикъ, знатное дѣло. Это самое настоящее дѣло, это мудрое дѣло. Это произведетъ поразительнѣйшую сенсацію. Надѣюсь, — прибавилъ онъ слегка дрожащимъ голосомъ — вы хорошенько обдумали все это?

— Да, я готовъ къ самому худшему,—сказалъ Нортвикъ.

— О, тутъ не можетъ быть ничего «худшаго»,—весело возразилъ Пиннэй.—Дѣло будутъ откладывать по разнымъ законнымъ проволочкамъ; вашъ адвокатъ сумѣетъ это оборудовать, а если не сумѣетъ, и вамъ все-таки придется увидѣть всю эту музыку, мы можемъ представить васъ въ судъ безъ малѣйшей гласности, никто ничего не узнаетъ обо всѣхъ судебныхъ формальностяхъ. Я постараюсь, чтобы васъ не интервьюировали и чтобы во время судебнаго разбирательства не было репортеровъ. Ну, конечно, будетъ краткое извѣщеніе въ числѣ другихъ судебныхъ дѣлъ но въ этомъ нѣтъ ничего непріятнаго. Вамъ

нечего пугаться. Но меня болѣе всего заботитъ вопросъ о томъ, чтобы я не имѣлъ на васъ никакого вліянія. Я обѣщался своей женѣ не уговаривать васъ и я не стану этого дѣлать; я знаю, я немного оптимистъ, и если дѣло не представляется вамъ вполнѣ въ розовомъ свѣтѣ, не поступайте по моимъ словамъ.

Пиннэю очевидно, стоило великаго усилія произнести эти слова.

— Я посмотрѣлъ на это дѣло со всѣхъ сторонъ,—сказалъ Нортвикъ.

— А друзьямъ вашимъ извѣстно, что вы желаете вернуться?

— Они ждутъ меня во всякое время. Вы можете послать имъ извѣщеніе.

Пиннэй испустилъ глубокій вздохъ, полный тоскливаго нетерпѣнія.

— Въ такомъ случаѣ,—сказалъ онъ съ какимъ то страннымъ уныніемъ,—не понимаю, почему бы намъ не уѣхать сейчасъ же.

— А бумаги ваши въ порядкѣ?—спросилъ Нортвикъ.

— Совершенно,—отвѣчалъ Пиннэй покраснѣвъ.—Но вы знаете,—почтительно прибавилъ онъ,—я не имѣю права положить на васъ руку до самой границы, мистеръ Нортвикъ.

— Понимаю. Покажите-ка мнѣ ваше предписаніе объ арестѣ.

Пиннэй неохотно передалъ ему бумагу, которою ему предоставлялось арестовать Нортвика, и Нортвикъ прочиталъ ее внимательно отъ доски до доски. Онъ сложилъ ее съ глубокимъ вздохомъ и вынулъ изъ своего бокового кармана длинный, твердый пакетъ, который протянулъ Пиннэю вмѣстѣ съ предписаніемъ объ арестѣ.

— Вотъ деньги, которыя я увезъ съ собою.

— Мистеръ Нортвикъ! Да въ этомъ еще нѣтъ надобности! Право, нѣтъ. Я вполнѣ вѣрю вашей чести, какъ джентльмена.

Глаза Пиннэя засверкали радостнымъ блескомъ и пальцы его судорожно сжали пакетъ.—Но если вы имѣете въ виду дѣловую сторону...

— Я имѣю въ виду дѣловую сторону,—сказалъ Нортвикъ—Сосчитайте деньги.

Пиннэй вынулъ деньги и пересчиталъ ихъ. — Сорокъ одна тысяча шестьсотъ сорокъ.

— Совершенно вѣрно,—сказалъ Нортвикъ.—А теперь другая статья: есть ли у васъ наручники?

— Что вы, мистеръ Нортвикъ! Да за кого-жъ вы меня принимаете?—возмутился Пиннэй.—Это все равно, какъ еслибъ я надѣлъ ихъ на родного отца.

— Я хочу, чтобы вы ихъ надѣли *на меня*,—сказалъ Нортвикъ.—Я намѣренъ вернуться вашимъ арестантомъ. Если я долженъ что-либо искупить, — въ послѣднее время онъ, повидимому, много думалъ объ этомъ, — я хочу, чтобы искупленіе это началось какъ можно скорѣе. Если вы не захватили съ собою эти штучки, не лучше ли вамъ пройти въ полицейскій участокъ и запастись ими, а я тѣмъ временемъ возьму билеты.

— О, мнѣ не надо ходить за ними,—отвѣчалъ Пиннэй, а лицо его сгорѣло отъ стыда.

Онъ весь трепеталъ отъ волненія при отъѣздѣ и дорогою казался смущеннымъ и встревоженнымъ, тогда какъ Нортвикъ послѣ перваго возбужденія впалъ, казалось, въ глубокое спокойствіе; душа его погрузилась въ затишье, граничившее съ оцѣпенѣніемъ.

— Ей-ей!—сказалъ Пиннэй, когда они двинулись въ путь,—всякій увидя насъ, подумаетъ, что *вы* везете *меня*.

Онъ нѣжно заботился объ удобствахъ Нортвика; онъ давалъ ему полную свободу выходить и прохаживаться во время остановокъ на станціяхъ; въ буфетахъ онъ покупалъ для него самыя вкусныя вещи, но Нортвикъ говорилъ, что ему не хочется ѣсть.

Они провели утомительно длинную ночь, потому что въ ихъ поѣздѣ не оказалось спальнаго вагона. Утромъ, едва разсвѣло, Нортвикъ спросилъ Пиннэя, какъ называется слѣдующая станція.

Пиннэй отвѣчалъ, что не знаетъ. Онъ смотрѣлъ на Нортвика такимъ унылымъ взглядомъ, словно арестъ его не доставлялъ ему удовольствія, и спросилъ, какъ ему спалось.

— Я не спалъ,—отвѣчалъ Нортвикъ.—Мнѣ кажется, я очень взволнованъ. У меня, повидимому, нервы шалятъ.

— Ну, оно понятно,—успокоительно замѣтилъ Пиннэй.

Они помолчали минуту, затѣмъ Нортвикъ спросилъ:

— Какая это будетъ станція?

— Я спрошу у кондуктора.

На платформѣ стоялъ кондукторъ. Пиннэй пошелъ къ нему и вернулся.

— Онъ говоритъ, это Уэлуотэръ. Мы будемъ тамъ завтракать.

— Ну такъ значитъ мы уже проѣхали границу.

— Ну такъ что же,—неохотно согласился Пиннэй. Онъ прибавилъ болѣе оживленнымъ тономъ:—Тамъ насъ ждетъ сытный завтракъ; я бы съ радостью сдѣлалъ ему честь на полпути туда.

Онъ обернулся и строго посмотрѣлъ на Нортвика:

— А что если бы я здѣсь остался? Вы бы не измѣнили своего намѣренія? Твердо ли вы рѣшились на это? Я задаю вамъ эти вопросы, потому что всяко бываетъ...

Пиннэй остановился и пристально посмотрѣлъ на своего арестанта.

— А можетъ быть, вы не чувствуете себя совершенно способнымъ ѣхать далѣе...

— Покажите-ка мнѣ еще разъ вашъ приказъ,—молвилъ Нортвикъ.

Пиннэй опустилъ глаза, пожимая плечами, и подалъ бумагу. Нортвикъ еще разъ ее перечиталъ.

— Я вашъ арестантъ,—сказалъ онъ, возвращая бумагу.—Вы можете теперь надѣть на меня наручники.

— Нѣтъ, нѣтъ, мистеръ Нортвикъ!—упрашивалъ Пиннэй.—Я не хочу дѣлать это. Я не боюсь, что вы станете пытаться уйти. Увѣряю васъ, въ этомъ нѣтъ надобности между джентльмэнами.

Нортвикъ протянулъ кисти рукъ.

— Надѣньте ихъ, пожалуйста.

— О, хорошо, если я *долженъ* это сдѣлать!—сказалъ Пиннэй.—Только клянусь, я ни за что не замкну ихъ.

Онъ осмотрѣлся кругомъ, чтобы узнать, не наблюдаетъ ли кто изъ другихъ пассажировъ за ними.

— Вы можете сбросить ихъ всякій разъ, какъ вамъ станетъ тяжело отъ нихъ.

Онъ опустилъ на кандалы манжеты Нортвика со стыдливо-встревоженнымъ выраженіемъ лица.

— Бога ради, не надо, чтобы кто-нибудь увидалъ эти проклятыя штуки!

— Вотъ этакъ хорошо!—прошепталъ Нортвикъ, словно ощущеніе желѣза доставляло ему наслажденіе.

Пиннэй почувствовалъ себя очень скверно вслѣдствіе этого инцидента. Онъ вышелъ на платформу вагона подышать свѣжимъ воздухомъ и отвести душу въ бесѣдѣ съ кондукторомъ. Когда онъ вернулся, Нортвикъ продолжалъ сидѣть на томъ же мѣстѣ, гдѣ онъ его оставилъ. Голова его упала на грудь.

«Бѣдный старикъ! Онъ заснулъ,» подумалъ Пиннэй. Онъ тихо положилъ свою руку на плечо Нортвика.—Я долженъ здѣсь разбудить васъ,—сказалъ онъ.—Мы сейчасъ будемъ на станціи.

Нортвикъ покачнулся впередъ при его прикосновеніи. Пиннэй обхватилъ его за шею и приподнялъ его лицо.

— Боже мой! Онъ умеръ!

Разомкнутые наручники свалились на полъ.

X.

Повѣнчавшись Сюзетта и Маттъ поселились у него на фермѣ, и тогда же она привела въ исполненіе свое намѣреніе, котораго въ сущности никогда не оставляла. Она отдала домъ и землю въ Гатборо товариществу, которое обманулъ ея отецъ. Она не питала къ этому дому и мѣсту тѣхъ чувствъ, которыя дѣлали такой поступокъ невозможнымъ для Аделины и мѣшали Сюзэттѣ отдать свою часть при жизни ея старшей сестры. Но всѣ страданія и горести земныя были отнынѣ кончены для Аделины,—она умерла, и Сюзетта не считала оскорбительнымъ для ея памяти отдать собственными руками имущество, которое запрещало ей оставить за собою нѣчто высшее. Насколько дѣло это касалось ея отца, она приняла его послѣдній поступокъ за знакъ его желанія искупить сдѣланное имъ зло; и она была убѣждена, что отдавая это имущество его кредиторамъ, она поступаетъ согласно его собственнымъ желаніямъ. Она рѣшилась вынести его осужденіе и наказаніе, если бы онъ вернулся; а съ той минуты какъ онъ умеръ, эта отдача имѣнія, на которомъ, по ея мнѣнію, лежало пятно позора, съ которымъ жилъ

этотъ несчастный человѣкъ, была не потерею, а радостнымъ облегченіемъ.

Однако, то была настоящая жертва и ей было суждено почувствовать это при болѣе стѣсненныхъ условіяхъ ея жизни. Но она уже пріучила себя къ стѣсненнымъ условіямъ; она узнала, какъ мало люди наслаждаются жизнью, когда у нихъ нѣтъ цѣли въ жизни. А теперь въ Маттѣ она имѣла все, чѣмъ красна жизнь; поэтому, отдавъ все, что у нея было, она оставалась безмѣрно богатой.

Маттъ радовался съ нею ея рѣшенію, хотя онъ ни однимъ словомъ не повліялъ на него. И онъ, какъ она, былъ бѣденъ. Насколько было возможно для него, онъ отказался отъ своей доли наслѣдства, которая какъ бы пошла въ уплату долговъ Нортвика товариществу. Безъ сомнѣнія, эта комбинація не могла имѣть окончательнаго значенія, потому что, въ концѣ концовъ, деньги, которыя оставитъ его отецъ, достанутся поровну ему и Луизѣ. Но въ то же время эта расплата за грѣхи Нортвика поставила старика Гилари въ гораздо болѣе затруднительное положеніе, чѣмъ онъ признался сыну. Поэтому онъ нашелъ, что недурно позволить Матту серьезно поработать и на дѣлѣ испытать свои теоріи сельскаго хозяйства, стараясь прожить на положеніи простого фермера. Слѣдуетъ сказать, что перспектива эта не устрашила ни Матта, ни Сюзэтту; жизнь дала ей нѣчто, сдѣлавшее ее способной обойтись безъ свѣта, его удовольствій и успѣховъ. А Маттъ давнымъ давно пересталъ ими дорожить.

Директора Понкуассэтскаго товарищества приняли безъ малѣйшихъ колебаній отданное имъ дочерью Нортвика имущество. Какъ корпоративное цѣлое, они мало заботились о тонкостяхъ вопроса права. Они видѣли передъ собою простой фактъ, что ихъ порядкомъ обобралъ мошенническимъ образомъ прежній владѣлецъ этого имущества, весьма вѣроятно передавшій его въ другія руки, имѣя въ виду какія нибудь комбинаціи, которыя, въ концѣ концовъ, онъ и достигнулъ. Они признали, что его дочь правильно поступила, передавъ въ ихъ руки это имущество, и ни одинъ изъ членовъ правленія не былъ настолько сумасброденъ, чтобы намекнуть, что товарищество имѣло такъ же мало права на это имущество, какъ на всякую другую часть недвижимой собственности въ государствѣ.

— Они считали,—сказалъ Путнэй, выполнившій это дѣло за Сюзэтту и разговаривавшій объ этомъ предметѣ впослѣдствіи со своимъ закадычнымъ другомъ докторомъ Морелломъ съ нѣкоторою горечью пораженія,—они считали, что ихъ первая обязанность состояла въ соблюденіи интересовъ ихъ акціонеровъ, которые, казалось, вмѣщали въ себѣ всѣхъ вдовъ и сиротъ, насколько я могъ уразумѣть.—Ну что жъ,—продолжалъ онъ,—есть въ этомъ удовлетворительная сторона. Наконецъ, хоть кому-нибудь удалось сдѣлать то, что ему хотѣлось. Въ данномъ случаѣ не *ему*, а *ей* удалось это. Одна только миссъ Сюзэтта поступила во всемъ этомъ дѣлѣ по своему желанію. Всѣ остальные, начиная съ меня, ров-

нехонько ничего не добились. Было время, когда я желалъ крови покойнаго Дж. Мильтона Нортвика; цѣлыми годами я поджидалъ, что онъ, наконецъ, совершитъ то, что̀ онъ и сдѣлалъ, и я надѣялся съ Божіей помощью разорить его совершенно, или, какъ мы говоримъ, отдать его въ руки правосудія. И вотъ я сдѣлался адвокатомъ его дочерей и посвятилъ себя всецѣло интересамъ этихъ двухъ осиротѣвшихъ дѣвушекъ. Мнѣ хотѣлось лишь одного: вести дѣло Дж. Мильтона на судѣ, не для того, чтобы отправить его въ тюрьму со скандаломъ, но чтобы добиться его оправданія. Но даже это немногое не удалось мнѣ. Да и всѣ намѣренія и планы относительно Нортвика рухнули, кромѣ одного. Директора не достигли своей цѣли по случаю его смерти; а старому Гилари пришлось выйти изъ правленія и уплатить долги расхитителя. Пиннэй, какъ мнѣ кажется, считаетъ себя погибшимъ человѣкомъ; онъ навсегда распростился съ ролью сыщика и вернулся къ роли интервьюера. Бѣдняжка Аделина питала благочестивую надежду успокоить старость Нортвика въ ихъ прекрасномъ домѣ, но она умерла и домъ этотъ поступаетъ въ собственность кредиторовъ. Никому не удалось ничего подѣлать съ Нортвикомъ! Да и самъ онъ не могъ помочь самому себѣ. Посмотри, какъ глупо онъ тратитъ свое время въ Канадѣ, увезя съ собою такую уйму денегъ, что другой на его мѣстѣ составилъ бы съ ними цѣлое состояніе. Онъ не былъ въ состояніи пальцемъ пошевельнуть. Единственное, что̀ онъ попытался сдѣлать, окончилось для него позорнымъ фіаско. Аделина не позволила ему остаться, когда онъ вернулся, и это убило ее. Затѣмъ, когда онъ отправился, чтобы принять кару, онъ взялъ да и померъ! Само правосудіе ничего не могло подѣлать съ Нортвикомъ. Но мнѣ не жаль, что онъ ускользнулъ отъ него. Нортвикъ не можетъ служить предостерегающимъ примѣромъ. Онъ представляетъ собою самый заурядный случай и, подобно всѣмъ намъ грѣшнымъ, простая жертва окружающихъ обстоятельствъ! Сфера, въ которой онъ вращался, сдѣлала его богатымъ, она же сдѣлала его мошенникомъ. Но что̀ скажешь ты, другъ мой, о свѣтѣ, въ которомъ мы кипятимся и суетимся съ нашими крошечными цѣлями и желаніями, а въ это время громадный шаръ жизни, повидимому, спокойно уносится впереди безъ малѣйшаго отношенія къ тому, что мы дѣлаемъ или чего мы не дѣлаемъ? Мнѣ кажется, дурно быть фаталистомъ, но я все же держусь того мнѣнія, что это дѣло судьбы.

— Почему бы не назвать это закономъ?—замѣтилъ докторъ.

— Ну, это было бы черезчуръ смѣло. Но если посмотримъ на все происходящее съ широкой точки зрѣнія, то увидимъ, что въ большинствѣ случаевъ все кончается хорошо. Поэтому, я разрѣшу нашъ споръ и назову это милосердіемъ.

Конецъ.

Умственная жизнь въ Англіи отъ эпохи Возрожденія до XIX столѣтія.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

Глава первая.

I.

Въ тѣ времена, когда въ Италіи основы средневѣковаго быта распадались и когда на ихъ обломкахъ возникалъ новый общественный порядокъ, въ Англіи всѣ элементы ея средневѣковой жизни—король, парламентъ, широко распространенное мелкое землевладѣніе—были налицо. Всѣ эти явленія политической и соціальной структуры обнаруживали въ Англіи и XIV и XV вв, полную жизнеспособность. Въ этотъ моментъ исторіи англійская общественная жизнь болѣе чѣмъ когда-либо обнаружила свою обособленность отъ жизни европейскаго материка. Мало того, что въ это переходное время устои, выработанные концомъ среднихъ вѣковъ, оставались въ Англіи крѣпкими и нерушимыми: нѣкоторые изъ нихъ (напримѣръ, парламентъ) составляли предметъ сознательной гордости для подавляющаго большинства англійской націи. Вообще, Англія лишь въ самомъ концѣ XV столѣтія начала ту болѣзненную эволюцію, которая продолжалась затѣмъ весь XVI вѣкъ и выразилась въ обезземеленіи громадныхъ массъ англійскихъ фермеровъ. Но эта экспропріація земельныхъ собственниковъ началась, какъ увидимъ въ дальнѣйшемъ изложеніи, лишь въ 80-хъ годахъ XV вѣка, а до тѣхъ поръ соціальная жизнь Англіи находилась въ довольно уравновѣшенномъ состояніи. Три бурныхъ событія нарушили за весь этотъ переходный періодъ общее спокойствіе, но всѣ они никакого продолжительнаго дѣйствія не имѣли: столѣтняя война возбудила общую тревогу и панику лишь при самомъ своемъ взрывѣ, такъ какъ съ самаго начала и вплоть до конца она велась на континентѣ, и хотя сильно затрогивала интересы династіи, все же въ глазахъ англійскаго народа была войной заграничной и потому не особенно близко затрагивающей его интересы. Второе событіе—«черная смерть», т.-е. страшная чума конца 40-хъ годовъ XIV вѣка, обезлюдившая Англію, вызвала цѣлый рядъ пертурбацій. По приблизительнымъ вы-

численіямъ Роджерса, погибла за чумное время (т.-е. въ 1348—1349 гг.) треть всего англійскаго народа. Сейчасъ же послѣ чумы началось страшнѣйшее повышеніе заработной платы; плата за мужской трудъ въ сельскомъ хозяйствѣ повысилась на 50%, за женскій—на 100%. Такое положеніе дѣлъ поставило въ безвыходное положеніе лендлордовъ и породило довольно сильное крѣпостническое теченіе. Попытки ограничить свободу мелкихъ земельныхъ держателей вызвали кровавый отпоръ въ видѣ возстанія Уота Тэйлора, которое, правда, было усмирено, однако привело къ тѣмъ результатамъ, къ которымъ стремилось: барщина была отмѣнена почти повсюду и обычай платить денежный оброкъ землевладѣльцамъ сдѣлался до того всеобщимъ, что въ сущности годъ возстанія (1381) можетъ считаться началомъ самой лучезарной эры для мелкихъ земельныхъ арендаторовъ. Наконецъ, третій фактъ, смутившій спокойствіе этого двухсотлѣтняго періода, получилъ названіе войны Алой и Бѣлой розы; но эта война при всемъ вредѣ, который она нанесла внутренней и внѣшней торговлѣ Англіи, все же почти совсѣмъ не всколыхнула глубинъ соціальной жизни. Эта свалка династій, королей, графовъ, убійцъ и ихъ приспѣшниковъ—для ядра націи, для мелкаго землевладѣнія прошла безъ маломальски серьезныхъ послѣдствій.

Итакъ, въ общемъ, жизнь Англіи представляется въ состояніи соціальной уравновѣшенности какъ разъ тогда, когда, напримѣръ, Италія переживала ломку и разрушеніе всего стараго уклада жизни. Это обстоятельство отразилось и на литературной исторіи обѣихъ странъ: англійскій ренессансъ начался тогда, когда итальянскій уже оканчивался, т.-е. въ XVI столѣтіи. Но если ренессансъ въ смыслѣ поисковъ новыхъ путей начался въ Англіи лишь во времена Томаса Мора, то, несомнѣнно, извѣстное оживленіе, нѣчто вродѣ предразсвѣтнаго вѣтерка, пронеслось въ англійской духовной жизни еще въ XIV столѣтіи. Чосеръ, Уиклефъ и Лоларде—суть уже явленія новаго времени, а ни въ какомъ случаѣ не средневѣковыя; поэтому мы были бы совершенно не правы, обойдя ихъ молчаніемъ въ настоящей работѣ.

II.

Антипапское движеніе, во главѣ котораго стоялъ Уиклефъ, представляетъ явленіе совершенно незамѣнимое для всѣхъ, кто интересуется вопросомъ о побѣдахъ и пораженіяхъ секуляризаціи надъ церковью въ средніе вѣка. Мало того, изученіе (только пристальное, а не суммарное) карьеры Уиклефа способно заинтересовать и соціолога, занимающагося проблемами о соотношеніи между экономикой и мыслью. Въ самомъ дѣлѣ, при поверхностномъ обзорѣ явленій жизни переходнаго періода XIV—XV вв., взоръ всегда останавливается на контрастѣ между судьбою двухъ людей, боровшихся, повидимому, съ однимъ врагомъ и даже совершенно въ одно и то же время: Уиклефъ умеръ по-

бѣдителемъ, а Гусъ на кострѣ. Это различіе до того бросается въ глаза, что съ давнихъ поръ вызывало цѣлый рядъ объясненій. Говорили о большей культурности Англіи, о большей ея воспріимчивости къ «прогрессивнымъ идеямъ», наконецъ (особенно нѣмцы), съ совершенно нелѣпымъ пренебреженіемъ указывали на меньшую «геніальность» чешскаго реформатора. Наиболѣе же ходячее объясненіе состояло въ томъ, что Гусъ слишкомъ рано въ неподготовленной средѣ началъ свою пропаганду. Но для всякаго непредубѣжденнаго человѣка, знакомаго съ исторіей эпохи, ясно, что Чехія оказалась столь же воспріимчивой къ проповѣди Гуса, какъ Англія къ проповѣди Уиклефа, и рѣшительно ничѣмъ нельзя доказать меньшую одаренность Гуса сравнительно съ Уиклефомъ, хотя, вообще, этотъ тезисъ ровно ничего не объяснилъ бы, даже если бы славяноѣдамъ (вродѣ Лозерта) удалось обставить его болѣе солидной аргументаціей. Наконецъ, послѣднее соображеніе о несвоевременности появленія Гуса, въ сущности, является также весьма мало объясняющимъ излюбленнымъ исторіографическимъ façon de parler: «несвоевремененъ» Гусъ оказался въ глазахъ историковъ именно потому, что его сожгли, а почему его сожгли—этотъ вопросъ такимъ отвѣтомъ не удовлетворяется...

Не отвлекаясь отъ почвы фактовъ, скажемъ одно: Уиклефъ побѣдилъ потому, что свѣтская власть сочла согласнымъ со своими интересами поддержать оксфордскаго реформатора, и та же свѣтская власть въ Чехіи сразу почуяла въ Гусѣ своего врага и отвернулась отъ него. Въ эту колеблющуюся сумеречную эпоху, когда новое назрѣвало, а старое только еще начинало шататься, свѣтская власть, во-первыхъ, превосходно знала свои матеріальные интересы и, во-вторыхъ, была достаточно организована, чтобы въ любой моментъ бросить свой мечъ на неустановившіеся вѣсы. Налогъ, который папа требовалъ у Эдуарда III, былъ непріятенъ весьма многимъ въ странѣ, но не столько, чтобы изъ-за него Англія подняла революцію съ цѣлью защитить Уиклефа отъ римской куріи, въ случаѣ, если бы Эдуарду или впослѣдствіи Ричарду II оказалось выгоднымъ стать на сторону папы. Но и этотъ налогъ, и безпрестанное стремленіе Рима подѣлить съ правительствомъ власть надъ народомъ были глубоко ненавистны Плантагенетамъ, и когда Эдуардъ и Ричардъ рѣшили Уиклефа не выдавать, съ того времени онъ могъ считать себя спасеннымъ. Уиклефъ говорилъ то, что нужно было правительству; проповѣдуя о необходимости установить полную независимость Англіи и англійскаго духовенства отъ папы—онъ игралъ при Плантагенетахъ ту же роль, какую сыгралъ легистъ Ногаре при Филиппѣ Красивомъ. Нужды нѣтъ, что Уиклефъ жилъ и умеръ благороднѣйшимъ и искреннимъ человѣкомъ, а Ногаре, по выраженію одной старой итальянской хроники, всегда былъ величайшимъ мошенникомъ всего христіанскаго міра; нужды нѣтъ также, что Филиппъ Красивый и Ногаре вели съ папой насту-

пательную войну, а Уиклефъ и Плантагенеты ограничились оборонительной: позиція Уиклефа все же имѣетъ гораздо больше общаго съ положеніемъ Ногаре, чѣмъ съ положеніемъ Гуса. Если бы въ Чехіи была національная правительственная власть (которая, конечно, одобрила бы пропаганду Гуса), тогда, при несомнѣнной общей склонности чешскаго народа къ гусситству, при недовольствѣ его папскими поборами, Гусъ могъ бы восторжествовать. Императору Сигизмунду, въ сущности, какъ главѣ свѣтской власти въ Чехіи, не могли не нравиться извѣстныя стороны проповѣди пражскаго ученаго, но, какъ нѣмецъ, какъ германскій императоръ, какъ вождь нѣмецкаго народа— овъ постоянно страшился отдѣленія Чехіи, и видѣлъ съ этой точки зрѣнія полное совпаденіе своихъ и папскихъ интересовъ. Въ Англіи свѣтская власть, опирающаяся на серьезные національные интересы, оказалась достаточно сильною, чтобы спасти Уиклефа, въ Чехіи свѣтская власть, предводительствуя нѣмецкимъ элементомъ, была настолько могущественна, чтобы побѣдить Гуса; и въ томъ, и въ другомъ случаѣ чисто церковная идеологія оксфордскаго и пражскаго профессоровъ сыграла подчиненную роль, такъ какъ правительство Плантагенетовъ подобно правительству Сигизмунда въ своемъ отношеніи къ этой идеологіи не теряло ни на минуту изъ виду своихъ матеріальныхъ интересовъ. Истинный характеръ «побѣды» Уиклефа какъ нельзя лучше выясняется послѣдующими страницами англійской исторіи, прежде всего судьбою лоллардовъ. Дѣло въ томъ, что искренность и самостоятельность Уиклефа составляли всегда тѣ его отличительныя свойства, которыя по справедливости могли обезпокоить и Эдуарда III, и Ричарда II, и герцога Глостера, и лордовъ, и купечество, словомъ всѣхъ, кому борьба Уиклефа съ папствомъ весьма нравилась. Уиклефъ именно тѣмъ и отличался отъ Ногаре не смотря на общее сходство ихъ положеній, что Ногаре въ своей дѣятельности всегда шелъ лишь до того пункта, до котораго нужно было дойти въ интересахъ Филиппа Красиваго, а Уиклефъ, идя дорогой религіознаго изслѣдованія, трудной дорогой внутренней борьбы и критики, не могъ остановиться только потому, что онъ уже сослужилъ королю службу и больше отъ него ничего не требуется. Послѣ отрицанія папскаго права вмѣшиваться въ англійскія дѣла, наступила очередь анализа самыхъ важныхъ коренныхъ догматовъ римскаго католицизма. Этотъ анализъ все больше и больше приближалъ Уиклефа къ признанію за Библіей и Евангеліемъ значенія единственнаго источника религіозной истины, причемъ онъ комментировалъ Писаніе съ раціоналистической точки зрѣнія. Чѣмъ больше начиналъ походить онъ на радикальнаго религіознаго реформатора, чѣмъ больше вліянія пріобрѣтали странствующіе уиклефиты, изъ которыхъ наиболѣе рѣзкіе получили названіе лоллардовъ, чѣмъ болѣе это ставшее весьма популярнымъ названіе обращалось въ синонимъ не только религіознаго, но и соціальнаго революціонера, тѣмъ

холоднѣе дѣлались по отношенію къ Уиклефу правящіе круги, тѣмъ подозрительнѣе принимались ими его безчисленные религіозные памфлеты, тѣмъ ожесточеннѣе преслѣдовали и били плетьми доллардовъ, застигнутыхъ на мѣстѣ пропаганды. Наступило возстаніе Уота Тэйлора, и лолларды явились всюду цементомъ движенія, дѣятельными пропагандистами соціальной реформы религіи. Когда возстаніе было усмирено, все-таки правительство и лендлорды, какъ мы уже имѣли случай упомянуть, испугавшись сопротивленія отказались и отъ проэктовъ закрѣпощенія, и отъ насильственнаго рабочаго тарифа. Все вошло въ свою колею,—фермеры успокоились, равновѣсіе возстановилось,—и лолларды остались покинутые всѣми, лицомъ къ лицу съ правящими классами, которые ихъ вполнѣ естественно ненавидѣли, какъ смутьяновъ, какъ людей, выводившихъ изъ св. Писанія демократическія заключенія, какъ самый дѣятельный и наиболѣе замѣтный элементъ возстанія. Врагъ былъ силенъ,—поддержка изчезла вмѣстѣ съ успокоеніемъ фермеровъ,—и лолларды были раздавлены. Забытый правительствомъ Уиклефъ, ставшій ненужнымъ и даже опаснымъ, умиралъ въ своемъ углу, посвящая послѣдніе годы упорной борьбѣ съ францисканцами и другими монахами: только въ этой борьбѣ позволено было ему проводить новыя религіозныя воззрѣнія, только такая борьба не интересовала сильныхъ міра сего. Уиклефомъ воспользовалось правительство противъ папы и бросило его, когда онъ сталъ ненуженъ и пошелъ по своей дорогѣ; лоллардами-уиклефитами, послѣдователями позднѣйшихъ взглядовъ профессора, воспользовались революціонеры 1381 года и такъ же бросили ихъ, когда лолларды стали имъ уже ненужны. Для Эдуарда и Ричарда, Уиклефъ былъ пригоднымъ перомъ, для фермеровъ Уота Тейлора лолларды оказались удачнымъ рупоромъ, но и перо, и рупоръ были отброшены съ того момента, какъ въ нихъ перестали нуждаться.

III.

Чрезвычайно сильно повліялъ Уиклефъ на выработку англійскаго прозаическаго языка; можно сказать, что въ этомъ отношеніи его трактаты и переводы библейскихъ сказаній съиграли ту же роль, какъ лютеровскія произведенія въ Германіи. Замѣчательное дѣло: для самаго бѣглаго взгляда ясно, что Уиклефъ своихъ вещей не обрабатывалъ, а торопился только высказаться, и, однако, удивительная стилистическая красота отмѣтила все, что вышло изъ-подъ его пера, включая самые мелкіе памфлеты противъ бродячихъ монаховъ,—памфлеты, разсчитанные на весьма кратковременное существованіе. Энергія ли убѣжденія тутъ сказалась, или полная отчетливость мысли, или радость близкой побѣды въ трактатахъ перваго періода, или раздраженіе и глубокая горечь въ концѣ жизни, когда онъ вступилъ на одинокій

путь, но цѣлый рядъ разнородныхъ эмоцій, цѣлый міръ спѣшно пришедшихъ въ голову новыхъ религіозныхъ идей отразились на стилѣ книжечекъ Уиклефа, придали имъ ту вѣчную литературную свѣжесть, которую не портятъ ни желтизна страницъ, ни даже то обстоятельство, что содержаніе идей давно отошло въ невозвратное прошлое. Этимъ языкомъ, этою амальгамою медленно цѣлыхъ триста лѣтъ соединявшихся лингвистическихъ элементовъ Уиклефъ первый воспользовался съ такимъ талантомъ, съ такою силою. Жизнеспособность англійскаго языка впервые была испробована и доказана имъ; но почти одновременно съ нимъ началъ пользоваться этимъ блестящимъ орудіемъ человѣкъ, совершенно справедливо могущій назваться однимъ изъ крупнѣйшихъ дѣятелей англійской литературы, Джефри Чосеръ.

Джефри Чосеръ вращался въ придворныхъ кругахъ, путешествовалъ по Европѣ, былъ знакомъ съ Петраркою, жилъ въ Италіи и превосходно зналъ итальянскую литературу. Несомнѣнно, Боккаччіо весьма сильно на него повліялъ въ смыслѣ выбора сюжетовъ и литературныхъ формъ, но, конечно, его оригинальный талантъ въ исполненіи задуманныхъ темъ не можетъ быть оспариваемъ. Чосеръ, въ сущности, былъ художникомъ-разсказчикомъ, не задававшимся, такъ же, какъ не задавался этимъ и Боккаччіо, никакими дидактическими цѣлями. Въ его «Кентерберійскихъ разсказахъ» встрѣчаются духовныя лица, описанныя необыкновенно юмористически; попадаются насмѣшки надъ монахомъ, везущимъ ларчикъ съ новенькими индульгенціями изъ Рима, и тому подобныя мѣста, но называть Чосера представителемъ оппозиціи Риму—значило бы насиловать факты. Чосеръ, находившійся подъ вліяніемъ «Roman de la Rose», самъ написавшій цѣлое произведеніе о «Розѣ» (т.-е. о женской невинности, которую желательно герою похитить), давшій рядъ совершенно живыхъ портретовъ съ натуры, является первымъ по времени англійскимъ реалистомъ.

Любовь, понимаемая во всѣхъ смыслахъ, отъ платоническаго до совершенно животнаго, составляетъ если не единственную, то главную тему его произведеній. Свѣтскость настроенія и выборъ фабулы, веселый, живой тонъ и, наконецъ, дѣйствительно обличающее большого художника умѣнье пятнадцатью строчками нарисовать образъ,—вотъ черты, которыя сдѣлали Чосера любимымъ писателемъ читающей части общества временъ Уиклефа, Эдуарда и Ричарда. Но еще нужно оговориться: эти черты не были такими рѣзко новаторскими, какими онѣ явились у Боккаччіо. Англія, можетъ быть, потому, что была еще совсѣмъ «дика» и далека, подвергалась гораздо меньше другихъ странъ воспитательскимъ клерикальнымъ воздѣйствіямъ, которыя такъ давали себя чувствовать въ остальной Европѣ со временъ учрежденія францисканскаго и доминиканскаго орденовъ, т.-е. съ XIII вѣка. И до, и послѣ XIII вѣка англичане платили Peter's penny, злились на это сначала втихомолку, потомъ рѣзко и открыто, подчинялись папскому авторитету

сначала (до Іоанна Безземельнаго) вполнѣ bona fide, потомъ по инерціи, затѣмъ (при Уиклефѣ) повели съ нимъ ожесточенную борьбу; но во всѣ эти эпохи римско-клерикальный духъ въ точномъ значеніи слова не давалъ себя въ Англіи такъ знать, какъ на материкѣ. Секуляризація литературы началась не съ Чосера, а со временъ норманскаго завоеванія, Чосеръ не началъ, а закончилъ, благодаря таланту, блестяще первый органическій періодъ роста свѣтской поэзіи. Любопытно, что Чосера въ Европѣ гораздо меньше знали, читали и любили, чѣмъ Боккаччіо, хотя, при одинаковой живости и занимательности изложенія, при одинаковой веселости тона, Чосеръ обладалъ гораздо большимъ изобразительнымъ талантомъ и несравненно болѣе простымъ языкомъ: вычурностей и цвѣтистыхъ мѣстъ Боккаччіо у него нѣтъ и въ поминѣ. Какъ намъ кажется, эта меньшая популярность Чосера зависитъ отъ слѣдующихъ условій: итальянская жизнь и итальянскій языкъ были гораздо болѣе извѣстны и близки Европѣ, чѣмъ англійскій языкъ и бытъ; далѣе Чосеръ для своего вѣка *былъ слишкомъ большимъ художникомъ-реалистомъ*, а этого мало развитой и некультурной аудиторіи вовсе не требуется. У насъ, среди крестьянъ сѣверной и средней полосы, «милордъ аглицкій» и «Францылъ венеціянъ» еще весьма недавно выдерживали побѣдоносную борьбу съ Львомъ Толстымъ и Глѣбомъ Успенскимъ; не проводя никакихъ параллелей, замѣтимъ только, что если бы эти болѣе близкіе къ намъ факты подвергались тщательному психологическому изслѣдованію, многое въ исторіи всемірной литературы можетъ быть озарилось бы новымъ и яркимъ свѣтомъ. Во всякомъ случаѣ, и Боккаччіо былъ реалистомъ, хотя и меньшимъ, нежели Чосеръ, и его популярность въ Европѣ является фактомъ, значительно способствовавшимъ развитію новыхъ навыковъ мышленія и новаго эстетическаго вкуса.

Въ континентальной Европѣ переходъ отъ средневѣковья къ новому времени выразился въ томъ, что возникли сословныя монархіи на развалинахъ феодальнаго строя. Въ этихъ сословныхъ монархіяхъ вся власть, прежде разсѣянная среди феодаловъ, была оккумулирована въ рукахъ государя, но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ бы въ награду за это, новый порядокъ вещей гарантировалъ этимъ феодаламъ (точнѣе ихъ потомкамъ) всѣ права ихъ по отношенію къ вилланамъ. Мало того, закрѣпощеніе крестьянъ, послѣдовавшее въ XIV и XV вв. въ сѣверо-восточной Европѣ, страшныя усмиренія крестьянскихъ мятежей въ Германіи и другихъ мѣстахъ, ясно выраженная тенденція юридически оформить и всесторонне кондифицировать зависимость земледѣльческаго класса отъ помѣщиковъ,—всѣ эти явленія довольно явственно обнаруживали стремленіе сословной монархіи вознаградить экономическимъ путемъ феодаловъ за потерю политической силы и создать себѣ изъ нихъ опору.

Въ Англіи происходилъ процессъ иной. Организація власти осталась такою же, какою была въ концѣ среднихъ вѣковъ: парламентъ и

король въ прежнихъ сочетаніяхъ и прежними способами управляли страной; попытка закрѣпостить земледѣльческій трудъ была сдѣлана и, какъ мы видѣли, получила отпоръ, но она была столь же случайна въ Англіи, какъ и причина ее вызвавшая, т.-е. черная смерть. Кризисъ въ Англіи наступилъ позже, чѣмъ въ континентальной Европѣ и иначе былъ обусловленъ: увеличившійся спросъ на англійскую шерсть изъ-за границы былъ первымъ толчкомъ, заставившимъ англійскихъ лендлордовъ броситься въ деревню, воспользоваться своими старыми, забитыми со временъ Вильгельма Завоевателя, правами, согнать со своихъ земель около семидесяти тысячъ семействъ мелкихъ арендаторовъ, уничтожить всѣ общинныя земли,—и все это затѣмъ, чтобы завести обширныя пастбища для тонкорунныхъ овецъ. Чтобы сдѣлать это, лендлордамъ достаточно было лишь воспользоваться своимъ правомъ и чудовищно возвысить арендную плату на земли, которыя по какимъ-нибудь старымъ грамотамъ они могли считать своими. Были пущены въ ходъ стряпчіе, атторнеи, нотаріусы и адвокаты, выискивались забитыя права, эти права уступались и продавались весьма нерѣдко купцамъ-капиталистамъ, малодоходный залежавшійся городской капиталъ устремлялся, въ свою очередь, въ деревню и противъ этого союза аристократическихъ правъ, купеческаго капитала и стерегущей ихъ интересы юриспруденціи растерявшіеся фермеры ничего подѣлать не могли. Гоголь въ одномъ мѣстѣ сравниваетъ разбойника черкеса съ чиновникомъ-повытчикомъ, пускающимъ по міру людей на законномъ основаніи, посредствомъ справокъ и выправокъ. Здѣсь, въ Англіи, отъ конца XV до конца XVI вѣка цѣлая соціальная революція была произведена на законномъ основаніи «посредствомъ справокъ и выправокъ». Экспропріація фермеровъ, въ особенности обезлюденіе страны весьма безпокоили правительство Тюдоровъ и оно даже дѣлало неоднократныя попытки законодательнымъ путемъ замедлить совершавшійся переворотъ, но, конечно, изъ этого ровно ничего не вышло, такъ же, какъ ничего не вышло изъ бунта Роберта Кэта и изъ другихъ попытокъ земледѣльческаго класса помочь своему отчаянному положенію.

Итакъ, для Англіи новое время настало съ рѣзкимъ и крутымъ переворотомъ въ экономическихъ и соціальныхъ отношеніяхъ. Тѣ самыя послѣднія десятилѣтія XV вѣка и первые годы XVI, которые видѣли въ Европѣ Савонаролу, дѣлающаго послѣднія усилія поддержать католичество, Лютера, наносящаго старымъ ученіямъ тяжелые удары, Англіи подарили перваго (по времени) утописта.

Томасъ Моръ первый послѣ Платона далъ читающему обществу образчикъ того оригинальнаго рода литературы, который называется «общественнымъ романомъ». Его произведеніе называется такъ: «О наилучшемъ состояніи государства и объ островѣ Утопіи»; вышло оно въ свѣтъ въ 1516 году и потомъ много разъ переиздавалось въ латинскомъ подлинникѣ и въ англійскомъ переводѣ. Въ общемъ, мы не

придерживаемся того мнѣнія, что Томасъ Моръ придавалъ какое-нибудь особенное значеніе именно этой своей работѣ; его стихотворенія, историческіе труды, переписка обличаютъ человѣка разносторонняго, типичнаго гуманиста, интересовавшагося словеснымъ искусствомъ во всѣхъ его видахъ. Но если для самого автора «Утопія» была лишь однимъ изъ многихъ его твореній, ничѣмъ особеннымъ не выдававшимся, то въ глазахъ потомства именно она осталась неразрывно связанною съ именемъ Томаса Мора. Работа эта заключаетъ въ себѣ и критическіе, и положительные элементы, причемъ тѣ и другіе переплетаются между собою на протяженіи всей книги. Конечно, съ точки зрѣнія историческихъ матеріаловъ критика здѣсь важнѣе положительной части, такъ какъ живыя наблюденія современника надъ описываемыми событіями являются весьма существеннымъ подспорьемъ для пониманія этихъ событій; но и положительная часть весьма любопытна, хотя бы уже потому, что все гуманистическое движеніе не только въ Англіи, но и въ остальной Европѣ не дало болѣе опредѣленныхъ (при всей своей фантастичности и неосуществимости) общественныхъ идеаловъ. Томасъ Моръ былъ человѣкомъ спокойнаго, добраго и уравновѣшеннаго характера, относившимся къ жизни созерцательно, и это обстоятельство весьма ясно сказалось на обработкѣ сюжета. Вся почти «Утопія» тихая и радостная мечта о царствѣ любви и добра, которое должно смѣнить «желѣзный вѣкъ».

Названіе это («Утопія») придано Моромъ неизвѣстному острову, о нравахъ и жизни обитателей котораго разсказываетъ ему будто бы посѣтившій «Утопію» морякъ. Для современника Колумба, Васко де-Гамы, Кортеса и Пизарро было вполнѣ естественно именно такъ оформить свое произведеніе: фантастическіе разсказы о ежегодно открываемыхъ новыхъ земляхъ,—разсказы, которые, однако, оказывались дѣйствительностью,—могли настроить на сказочный ладъ человѣка, рѣшившагося воображеніемъ унестись подалѣе отъ реальной юдоли бѣдствій. На островѣ «Утопіи» существуетъ два десятка городовъ, которые похожи удивительно одинъ на другой; но экономической связи между ними нѣтъ: къ каждому городу примыкаетъ земля, которая вмѣстѣ съ нимъ составляетъ отдѣльное хозяйственное цѣлое. Каждыя 30 семействъ выбираютъ представителя—филарха, филархи—изъ своей среды своихъ представителей—протофилярховъ, а всѣ протофилархи острова выбираютъ государя, власть котораго ограничена совѣтомъ протофилярховъ. Впрочемъ, на этомъ совѣтѣ засѣдаютъ также прямые представители всѣхъ гражданъ—по два отъ каждыхъ 30 семействъ. Относительно особо важныхъ дѣлъ требуется согласіе всего народа. Мѣстныя дѣла всецѣло предоставлены самоуправленію. Каждый городъ считается какъ отдѣльная хозяйственная единица, владѣльцемъ всѣхъ своихъ домовъ, земель и угодій. Всѣ жители «Утопіи» заняты земледѣльческимъ трудомъ и ремеслами; рабочій день длится шесть

часовъ. Къ работѣ мужчины и женщины пріучаются еще въ школьномъ возрастѣ, такъ что ея никто не боится и не избѣгаетъ. Что касается до работъ, непріятныхъ по самой природѣ своей, напримѣръ, ассенизаціонныхъ, то ихъ исполняютъ особыя, существующія въ «Утопіи», религіозныя секты и преступники (которые все-таки на этомъ островѣ водятся). Благодаря такой общей и доброхотной рабочей повинности, въ «Утопіи» никогда не ощущается нужды; всѣ производимыя цѣнности выставляются въ особыхъ мѣстахъ и тамъ каждый глава семьи беретъ себѣ столько, сколько ему нужно, безъ всякаго ограниченія и контроля. Возможность злоупотребленій Томасъ Моръ отвергаетъ рѣшительно. «Зачѣмъ отказывать человѣку? Вѣдь во всемъ тамъ избытокъ, никто не можетъ опасаться, что кто-нибудь потребуетъ больше, чѣмъ ему нужно. Зачѣмъ предполагать это, разъ всякій знаетъ, что онъ никогда не будетъ нуждаться.» Есть въ «Утопіи» и общественные столы, за которыми обѣдаютъ въ особыхъ помѣщеніяхъ по 30 семействъ; общественный столъ необязателенъ, но онъ всегда лучше домашняго, и потому жители «Утопіи» очень къ нему привержены. Семейные нравы Утопіи весьма патріархальны и суровы; нарушенія цѣломудрія караются жестоко, но и браки обыкновенно тамъ весьма счастливы. Въ общемъ, жизнь этихъ людей протекаетъ мирно и спокойно, безъ страстей, ссоръ, ненависти и борьбы,—и все это благодаря хорошимъ установленіямъ. Основная предпосылка Томаса Мора вытекаетъ изъ самой сущности гуманистическаго міросозерцанія: человѣкъ по природѣ созданъ для блага и счастья своего и своихъ ближнихъ; Т. Моръ и старается указать, при какихъ условіяхъ эта цѣль достижима.

Отъ изображенія идеальнаго строя Т. Моръ переходитъ часто къ критическимъ намекамъ на современность.

Что касается его политическихъ воззрѣній,—онъ приверженецъ монархической формы правленія, но скорбитъ о томъ, что государи часто бываютъ окружены недостойными ихъ довѣрія совѣтниками. Впрочемъ, экономическая критика занимаетъ его гораздо болѣе, нежели политическая. Онъ сѣтуетъ на современное ему положеніе вещей, главнымъ образомъ на разведеніе овецъ, которыя «прежде были кроткими животными, а теперь такъ освирѣпѣли, что пожираютъ людей», т. е. сгоняютъ ихъ съ насиженныхъ мѣстъ и лишаютъ этимъ пропитанія. Его занимаютъ также и иныя темныя стороны общественнаго быта, напримѣръ, то обстоятельство, что люди трудящіеся обыкновенно на старости лѣтъ остаются безъ куска хлѣба и безъ пристанища. Въ большей части всѣхъ этихъ бѣдъ Моръ винитъ частную собственность; былъ ли онъ здѣсь подъ прямымъ вліяніемъ Платона или нѣтъ,—неизвѣстно навѣрное, хотя весьма вѣроятно, что Платонъ повліялъ на него въ этомъ отношеніи. Вопросъ о частной собственности, кромѣ того, и многими сектантами, предшествовавшими появленію «Утопіи», рѣшался отрицательно.

«Утопія» произвела на читающую публику большое впечатлѣніе, но болѣе, какъ занимательное описаніе путешествія; любопытно, что многіе повѣрили, что такой островъ существуетъ на самомъ дѣлѣ и что порядки, царящіе тамъ, описаны съ исторической точностью. Только впослѣдствіи, главнымъ образомъ въ XIX вѣкѣ подъ вліяніемъ новыхъ условій и явленій жизни это интересное критическое и, вмѣстѣ съ тѣмъ, догматическое произведеніе обратило на себя особенное вниманіе.

Гуманистическая дѣятельность Томаса Мора и его друга Колета имѣла для Англіи весьма большое значеніе еще и потому, что окончательно секуляризовала литературу; съ этихъ поръ, т. е. съ первой трети XVI столѣтія, въ Англіи параллельно развиваются и крѣпнутъ два литературныхъ теченія — одно чисто богословское, другое — свѣтское. И первое, и второе расцвѣли весьма пышно въ XVI и XVII столѣтіи, но уже не было отъ эпохи Т. Мора ни одного такого момента въ исторіи англійской литературы, когда богословское теченіе затмило бы свѣтское. Англійская поэзія выдвинула Спенсера, Марло, Шекспира, Мильтона — величины далеко не равнозначущія, — но въ свое время гремѣвшія въ Англіи; эти поэты усилили интересъ къ свѣтской литературѣ вообще, а въ частности Шекспиръ, благодаря своему совершенно исключительному таланту, открылъ новые и широкіе горизонты психологическому реализму, до него появлявшемуся только урывками, только спорадически. Здѣсь не мѣсто останавливаться на анализѣ дѣятельности этихъ поэтовъ: такому анализу трудно помѣститься въ бѣглыхъ очеркахъ. Мы можемъ лишь сказать, что такіе художники, какъ Шекспиръ и Мильтонъ, сослужили англійской литературѣ не малую службу еще и въ томъ отношеніи, что воочію обнаружили все богатство англійскаго языка. Орудіе, которымъ воспользовались впослѣдствіи и философы, и поэты, и историки, и экономисты, ковалось и точилось въ эту эпоху, въ XVI и XVII столѣтіяхъ.

V.

Шекспиръ былъ глубокимъ и послѣдовательнымъ реалистомъ по основнымъ чертамъ своего творчества. Конечно, смѣшно было бы считать его сознательнымъ приверженцемъ какой бы то ни было теоріи (да еще такой, которая и не существовала тогда), но его изобразительный и анализирующій геній былъ такъ великъ и глубокъ, что не осталось, кажется, ни одного уголка человѣческой души, не обслѣдованнаго имъ, и, главное, не обслѣдованнаго съ совершенно объективной точки зрѣнія. Значеніе Шекспира для европейской литературы огромно,— и однако, въ ближайшія десятилѣтія послѣ смерти его мы видимъ, что онъ почти забытъ и у себя на родинѣ, и на континентѣ. Только во второй половинѣ XVIII вѣка имъ начинаютъ заниматься и интересоваться, какъ онъ того заслуживаетъ. Шекспиръ слишкомъ былъ не-

доступенъ еще для эстетическаго вкуса своихъ ближайшихъ потомковъ; художественная правда его произведеній меньше интересовала ихъ, чѣмъ внѣшняя занимательность фабулы, — но отъ этого самый фактъ не перестаетъ быть фактомъ: на рубежѣ XVI и XVII столѣтій въ Англіи писалъ одинъ изъ величайшихъ реалистовъ поэзіи. При свѣтѣ этого факта становится особенно достопримѣчательнымъ и другое обстоятельство: въ одно время съ Шекспиромъ въ той же странѣ началась проповѣдь экспериментальнаго метода и индукціи. Предъ тѣмъ, какъ перейти къ философамъ XVII столѣтія, совершенно необходимо сказать нѣсколько словъ о Фрэнсисѣ Бэконѣ.

Бэконъ первый въ исторіи философіи указалъ съ совершенною полнотою на ту роль, которую призвана играть индукція въ философскомъ мышленіи. Единственныя положенія, по словамъ Бэкона, заслуживающія полнаго довѣрія, суть тѣ, которыя выведены на основаніи изученія фактовъ, причемъ даже уже совершенно твердо сложившееся положеніе должно быть взято назадъ, если новые факты ему противорѣчатъ.

Человѣческій умъ слишкомъ легко успокаивается на быстрыхъ и часто неосновательныхъ обобщеніяхъ только потому, что это пріятно; по мнѣнію Бэкона, нужно этой опасности избѣгать, нужно «внимательно и строго» изучать громаду фактовъ, подниматься постепенно отъ частичныхъ утвержденій до болѣе широкихъ, отъ этихъ болѣе широкихъ до самыхъ главныхъ, общихъ тезисовъ. И вездѣ эта цѣпь должна покоиться на фактическомъ знаніи, ни одно звено ея не должно висѣть въ воздухѣ. Позитивистическій духъ проникаетъ всю философію Бэкона; онъ относится отрицательно къ попыткамъ древнихъ философовъ разрѣшить проблему бытія посредствомъ конструированія отвлеченныхъ метафизическихъ системъ: всѣ эти системы, какъ не основанныя на опытѣ, должны, по его мнѣнію, быть отвергнуты. Физикъ, медленно и постепенно, путемъ кропотливаго изученія фактовъ, подвигающійся къ познанію истины, можетъ болѣе къ ней приблизиться, чѣмъ древній метафизическій мыслитель, хотя бы даже этотъ физикъ обладалъ заурядными способностями, а метафизическій мыслитель геніальными. «Калѣка всегда перегонитъ кровнаго скакуна, если калѣка идетъ по вѣрному пути, а скакунъ мчится, сбившись съ дороги». Нужно вообще замѣтить, что Тэнъ былъ совершенно правъ, назвавъ Бэкона поэтомъ въ душѣ; дѣйствительно, при всемъ трезвомъ и позитивистическомъ направленіи своихъ мыслей, Бэконъ, повидимому, такъ былъ увлеченъ новизною и свѣжестью своихъ идей, что давалъ имъ часто удивительно художественную и образную форму: сравненія, вродѣ вышеприведеннаго, увлекательныя картины, образы испещряютъ и «Novum organon», и другія его произведенія. Къ древности вообще, къ преувеличенной оцѣнкѣ гуманистами древнихъ мыслителей Бэконъ относился весьма холодно; извѣстенъ его афоризмъ, что такъ назы-

ваемая древность есть, въ сущности, юность міра, слѣдовательно, люди XVII вѣка умственно старше и опытнѣе древнихъ. Изучать нужно природу, а не мнѣнія абстрактныхъ мыслителей о природѣ, разумъ—орудіе, природа матеріалъ познанія. Кромѣ Леонардо—да-Винчи, Бэконъ не имѣлъ предшественниковъ въ своемъ восторженномъ и благоговѣйномъ отношеніи къ экспериментальному методу, но мысли итальянскаго художника остались на долгое время подъ спудомъ, въ видѣ рукописныхъ замѣтокъ, а Бэконъ свои идеи распространилъ въ видѣ стройныхъ и увлекательно написанныхъ трактатовъ. Цѣль знанія, по словамъ Бэкона, есть счастье людей, избавленіе ихъ отъ страданій и увеличеніе ихъ наслажденій. Такимъ образомъ, Бэконъ можетъ быть названъ не только первымъ позитивистомъ, но и первымъ утилитаристомъ въ исторіи науки.

Природа должна быть всецѣло подчинена власти человѣка и научное знаніе—лучшій для этого путь.

Таковы коренныя, руководящія идеи Бэкона, но въ его дѣятельности, помимо содержанія, важенъ общій духъ его произведеній: требованія научности, строгаго изученія фактовъ, контроля надъ своимъ сужденіемъ, указанія на необходимость полной умственной трезвости, критическое отношеніе къ абстракціи, не подтверждаемой фактами,—всѣ эти характерныя черты бэконовской философіи оказали могущественное воздѣйствіе на англійскій «научный и философскій міръ. «Novum organon» и «Возрожденіе наукъ» явились какъ бы теоретическимъ вступленіемъ въ эпоху Ньютона и Локка.

Глава вторая.

I.

Гоббесъ также, какъ всѣ, безъ исключенія, другіе мыслители, разсматриваемые въ настоящемъ этюдѣ, интересуетъ насъ только съ точки зрѣнія распространенія и вліянія его идей. Вліяніе Гоббеса на его современниковъ и потомковъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Онъ былъ во многихъ отношеніяхъ самымъ безповоротнымъ матеріалистомъ, и хотя философской критикѣ не стоило большого труда выставить серьезнѣйшія возраженія противъ его *теоріи движенія*, производящаго всю умственную жизнь, однако, эта чисто матеріалистическая концепція весьма замѣтно повліяла на дальнѣйшія судьбы англійской и французской философіи. Впрочемъ, въ еще большей мѣрѣ философскія теоріи Гоббеса оказывали давленіе на широкую массу читающаго люда Англіи и Европы въ XVIII столѣтіи. Основные элементы воззрѣній Гоббеса весьма просты. Гоббесъ учитъ о чисто механическомъ міропониманіи. Онъ разсматриваетъ лишь тѣ явленія, которыя вполнѣ ясно соединены между собою причинной связью, вопросъ же о причинѣ всѣхъ причинъ

совершенно не входитъ въ область его умозрѣній. Какъ онъ относился къ религіознымъ системамъ, сейчасъ увидимъ, а пока замѣтимъ слѣдующее. Ученіе Гоббеса явилось реакціей вовсе не противъ одной только многообразной теологіи его времени: человѣкъ гоббесовской остроты ума, жившій и дѣйствовавшій въ одномъ вѣкѣ съ Декартомъ и Лейбницемъ, не могъ не видѣть, что для мыслителя, выдвигающаго извѣстную тенденцію, совершенно недостаточно стать даже въ вполнѣ опредѣленное положеніе относительно богословія, что онъ долженъ установить также свои отношенія къ грандіознымъ метафизическимъ системамъ, которыя и до него, и при немъ не уставало выдвигать человѣчество. Центральнымъ пунктомъ метафизики, вопросомъ о субстанціи Гоббесъ занимался весьма мало; все же намъ кажется неправильнымъ утвержденіе, что онъ вовсе имъ не занимался. Гоббесъ склоненъ былъ матерію считать единой субстанціей міра и ничто такъ не иллюстрируетъ этой мысли, какъ его психологическія воззрѣнія: сводя всѣ ощущенія и даже фантазію человѣка къ движенію и *противодвиженію* тѣлесныхъ частицъ, Гоббесъ вполнѣ послѣдовательно съ остальными важнѣйшими своими идеями стоитъ на почвѣ чистѣйшаго матеріализма. Смотря на философію исключительно, какъ на систематику явленій, которыя могутъ быть соединены между собою связью причинности, Гоббесъ съ большимъ вниманіемъ относится къ громаднымъ успѣхамъ естествознанія: естествознаніе вступало тогда въ свой золотой вѣкъ, который, впрочемъ, и въ наши дни не окончился. Открытія Коперника, Галилея и Гарвея побудили Гоббеса отнестись съ самымъ большимъ оптимизмомъ къ будущему познанію явленій природы. Успѣхи естествознанія всегда производили на философски мыслящіе умы двойственное впечатлѣніе: либо они давали особенно сильный толчекъ стремленію постичь конечныя міровыя тайны, либо совершенно отвращали умъ отъ спекулятивныхъ полетовъ въ область неизвѣстнаго. Гоббесъ принадлежалъ къ умамъ этого второго порядка. Естествознаніе не только повліяло на содержаніе его философіи, но опредѣлило и методъ всего его мышленія. Нигдѣ, быть можетъ, строго матеріалистическія склонности его мысли не сказались съ такой силой, какъ въ выдвинутой имъ политической философемѣ. Политическая философія Гоббеса, какъ и все у него, проста, суха и прямолинейна. Вся она исходитъ изъ одного коренного тезиса: люди суть по основнымъ чертамъ своей природы себялюбивые звѣри, которые въ огромномъ большинствѣ никогда не встрѣтили бы въ своей душѣ препятствій къ тому, чтобы броситься и растерзать ближняго. Гоббесъ рѣшительно не признаетъ, что человѣкъ по самой природѣ своей есть общественное животное. Это одинъ изъ предразсудковъ, пущенныхъ въ обиходъ Аристотелемъ. Человѣкъ, существующій внѣ общественно-государственной связи, по мнѣнію Гоббеса, есть самый искренній и безусловный эгоистъ, для котораго совершенно немыслимы и даже прямо нелѣпы какія бы то

ни было побужденія, кромѣ соображеній о собственной, строго-личной выгодѣ. Единственная сила, которая можетъ до извѣстной степени нейтрализовать хаотическій и лютый эгоизмъ отдѣльныхъ лицъ, есть сила государства. Гоббесъ придерживается договорной теоріи возникновенія государства, хотя это наименѣе разработанная часть его теоріи; гораздо опредѣленнѣй его воззрѣнія на сáмую природу государственной власти. Онъ ничуть не ставитъ правителей выше управляемыхъ по основнымъ чертамъ ихъ личной морали: тѣ и другіе одинаково люди, значитъ одинаково эгоистическія существа, но такъ какъ правители далеко и высоко поставлены надъ пасомымъ людскимъ стадомъ, то ихъ эгоизмъ, располагая подавляюще-громаднымъ могуществомъ, находится такъ сказать, въ состояніи полнаго насыщенія. Изъ политической философіи Гоббеса и въ особенности его мнѣнія объ основныхъ чертахъ человѣческой природы вытекаетъ цѣлый рядъ развитыхъ имъ любопытныхъ соображеній. За два съ половиной столѣтія до Лассаля Гоббесъ вполнѣ отчетливо провозгласилъ принципъ о фактическомъ первенствѣ силы надъ правомъ. Онъ стоитъ за абсолютную власть, разсматривая ее, какъ наилучшій въ техническомъ отношеніи изъ всѣхъ недоуздковъ, необходимыхъ для укрощенія человѣка-звѣря. Гоббесъ писалъ своего «Левіаѳана» въ ту болѣзненную эпоху англійской исторіи, когда Стюарты не на жизнь, а на смерть боролись съ парламентомъ, но меньше всего можно смотрѣть на этого мыслителя, какъ на адвоката династическихъ притязаній. Если въ философіи онъ былъ безусловнымъ матеріалистомъ, то въ политикѣ онъ является разсчетливымъ и совершенно трезвымъ практикомъ по содержанію, холоднымъ и рѣзкимъ циникомъ по выраженію своихъ идей. Сопоставлять и сближать его съ теоретиками божественнаго происхожденія монархической власти, вродѣ Іакова I, нѣтъ никакого основанія. Не говоря уже о томъ, что Гоббесъ происхожденіе монархизма видитъ въ общественномъ договорѣ,—онъ склоненъ и на катастрофы, могущія постигнуть монархизмъ, смотрѣть весьма спокойно. Между властью, установленной революціею, и правительствомъ, у котораго болѣе мирное прошлое, Гоббесъ не усматриваетъ никакой принципіальной разницы; онъ только полагаетъ, что революціи противъ умѣлаго правительства всегда необыкновенно трудны, такъ какъ люди—трусливые, себялюбивые и склонные къ предательству рабы, въ большинствѣ случаевъ неспособные къ общимъ дѣйствіямъ и къ самоотверженію. Абсолютная власть, по мнѣнію философа, общественно необходима, и въ этомъ единственный ея raison d'être; другихъ оправданій она не имѣетъ и ни въ какихъ иныхъ объясненіяхъ и освященіяхъ не нуждается. Это всесильное государство, этотъ «Левіаѳанъ», всемогущій противъ индивидуальной личности, долженъ покончить разъ навсегда со всякими притязаніями какого бы то ни было духовенства даже на частичку свѣтской власти: именно для полноты воздѣйствія на общество власть должна быть со

вершенно нераздробима. Гоббесъ, относя религію и суевѣріе къ одному и тому же порядку явленій, совершенно отказываясь дать хоть какое-нибудь философское обоснованіе вѣрѣ, все-таки настаиваетъ, что такъ какъ религіозныя вѣрованія весьма существенно вліяютъ на поведеніе людей, то правительство имѣетъ полное право и обязанность регулировать также и эту сторону жизни; вѣротерпимость допустима лишь тамъ и тогда, гдѣ и когда она политически безопасна.

Гоббесъ во многомъ логически связанъ съ дѣятелями англійскаго Ренессанса, хотя въ еще большемъ уклоняется отъ ихъ основныхъ тенденцій. Съ Бэкономъ его роднитъ вѣра въ великое будущее естествознанія, съ Томасомъ Моромъ (съ которымъ у него въ остальномъ нѣтъ ничего общаго)—полное отсутствіе увѣренности въ исключительной душеспасительности одной какой-нибудь церкви, съ общими чертами Возрожденія Гоббеса сближаютъ антидогматическія наклонности. Конечно, съ этическимъ и политическимъ идеализмомъ дѣятелей англійскаго Ренессанса у Гоббеса никакихъ точекъ соприкосновенія нѣтъ; изъ всѣхъ дѣятелей Европы XVI столѣтія развѣ только одинъ Маккіавели въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ отдаленно можетъ быть съ нимъ сравненъ. На современниковъ и потомковъ Гоббесъ имѣлъ, быть можетъ, одностороннее, но сильное вліяніе. Можетъ быть, потому, что характерными чертами англійской націи являются извѣстная положительность и нерасположеніе къ умозрѣнію, Гоббесъ сразу попалъ въ счастливое и рѣдкое положеніе философа не только почитаемаго, но и читаемаго: ему достался, такимъ образомъ, удѣлъ весьма незначительнаго процента бывшихъ, будущихъ и нынѣ здравствующихъ философовъ. Даже такія особенности системы Гоббеса, какъ ея поразительная матеріалистическая узость, безапелляціонность приговоровъ относительно метафизики и религіи, также сыграли весьма значительную роль въ въ исторіи англійской мысли. Его философская дѣятельность сильно повысила требованія отъ всякой новой метафизической школы, увеличила ту всегда благотворную строгость критеріевъ, которая препятствуетъ философскому идеализму покидать свою почву и уноситься въ чуждыя ему области, ничего общаго съ философіей не имѣющія. Что касается до его политическихъ ученій, то они, вопреки опасеніямъ и укорамъ, не оказали растлѣвающаго вліянія на англійское общество: полная и рѣзкая противоположность между идеями «Левіаѳана» и легитимизмомъ, какъ стюартовскимъ, такъ и континентальнымъ, никакъ не давала возможности использовать ученіе и вліяніе Гоббеса въ сервилистическихъ началахъ. На этомъ мыслителѣ весьма ярко сказалось то почти общее правило, по которому всякая крупная и рѣзко-оригинальная умственная индивидуальность толкаетъ человѣческую мысль впередъ, а не назадъ, причемъ это обусловливается весьма часто даже не столько точнымъ смысломъ новыхъ идей, сколько разрываніемъ всякихъ умственныхъ путъ, переоцѣнкой старыхъ приговоровъ, наконецъ,

собственнымъ примѣромъ идейнаго безстрашія. Поколѣнія, знавшія Гоббеса, гораздо легче, спокойнѣе и быстрѣе восприняли мысли Локка и открытія Ньютона; а послѣ Гоббеса, Локка и Ньютона, не показались слишкомъ экстравагантными ни деизмъ Толанда и Шефтсбери, ни сарказмы Свифта, ни попытка Смоллета и Фильдинга покончить съ классической рутиной въ словесномъ творчествѣ и приблизиться къ широкой дорогѣ реализма. Но, раньше чѣмъ перейти къ этимъ дѣятелямъ XVIII столѣтія, намъ необходимо коснуться двухъ только что упомянутыхъ младшихъ современниковъ Гоббесса—автора «Опыта о человѣческомъ разумѣ» и человѣка, открывшаго законы тяготѣнія.

II.

Средина XIX столѣтія, т.-е. 40-е, 50-е и 60-е годы и въ естествознаніи, также какъ и во всѣхъ другихъ отрасляхъ духовной жизни оказались необыкновенно плодотворными и богатыми тѣмъ подъемомъ духа и той преувеличенной, можетъ быть, вѣрой въ свое дѣло, которые творятъ одинаковыя чудеса и въ наукѣ, и въ политикѣ и въ искусствѣ. Открытія Ляйеля и Дарвина стоятъ и хронологически, и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ въ центрѣ этого періода. Ихъ обобщающая мысль такъ далеко и глубоко освѣтила нѣмую громаду органической и неорганической природы, такъ раздвинула рамки нашего пониманія, что не мудрено было самымъ трезвымъ людямъ увлечься. На такой благодарной психологической почвѣ руководящіе умы Европы съ самымъ сочувственнымъ интересомъ отнеслись къ осторожной и потому не вполнѣ законченной синтетической философіи Спенсера, и къ совершенно законченной, хотя потому и рискованной системѣ Конта. Въ другомъ мѣстѣ мы подробнѣе остановимся на этомъ періодѣ; теперь же замѣтимъ, что исторіографія (въ лицѣ, напримѣръ, Бокля и Дрэпера) съ своей стороны, отдала дань общему радостному возбужденію: вся исторія европейской культуры вытягивалась въ одну нитку, изображалась въ видѣ борьбы все болѣе и болѣе торжествующаго естествознанія съ отступающимъ все далѣе и далѣе мракомъ невѣжества. Такой взглядъ таилъ въ себѣ всѣ достоинства и недостатки каждой *монистической* теоріи: являясь цѣннымъ методологическимъ орудіемъ научной разработки культурной исторіи, заставляя цѣлый рой изслѣдователей обратиться къ изученію общественно-историческаго вліянія естествознанія, этотъ взглядъ принесъ большую пользу, но вмѣстѣ съ тѣмъ, надѣвъ своего рода умственныя шоры на нѣсколько поколѣній культурныхъ историковъ, отвратилъ ихъ вниманіе отъ анализа другихъ сторонъ многообразнаго культурно-историческаго процесса. Основной слабостью описываемаго теченія исторіографіи навсегда осталось стремленіе подмѣнять культурную исторію человѣчества исторіей одной маленькой его частички, именно умственной аристократіей. Дѣйствительно, для фило-

софовъ для Декарта, Спинозы и Гоббеса открытія Коперника и Кеплера не остались пустымъ звукомъ, для Джіордано Бруно геліоцентрическая теорія явилась основнымъ пунктомъ его міросозерцанія; ученіе Ньютона весьма могущественно повліяло на Локка и на самыхъ блестящихъ представителей просвѣтительной философіи XVIII вѣка. Но не надо забывать, что и до сихъ поръ всѣ эти естественно-научныя завоеванія почти столь же мало вліяли на общее міровоззрѣніе громаднаго большинства, какъ мало повліяли они хотя бы на самого Ньютона, посвятившаго (уже послѣ всѣхъ своихъ открытій) цѣлый рядъ лѣтъ на религіозную интерпретацію пророчества Даніила, Абакука и Іоаннова апокалипсиса. Итакъ нѣтъ, нужды придавать подвигамъ натуралистической мысли значеніе какихъ-то великихъ граней въ исторіи культуры. Ихъ вліяніе продвигалось такими извилистыми путями, по такой затѣйливой кривой линіи, что самой характерной чертой этой стороны умственной эволюціи оставалось и остается ея замѣчательная медленность. Но, повторяемъ, умственные верхи Европы, жившіе и въ значительной мѣрѣ продолжающіе жить своей обособленной жизнью, дѣйствительно испытали непосредственную обновляющую силу новыхъ отвѣтовъ на старыя тайны природы. Вотъ почему упомянуть о Ньютонѣ совершенно необходимо передъ тѣмъ, какъ перейти къ Локку.

Роль математики была неимовѣрна, громадна среди философовъ и ученыхъ XVI и XVII столѣтія. Когда мы думаемъ объ этомъ фактѣ, намъ всегда приходятъ въ голову идеи Канта о философскомъ значеніи геометріи. Кантъ, вопреки мнѣніямъ Юма, утверждаетъ, что сужденія логическія, основанныя на чистомъ мышленіи, могутъ имѣть значеніе для предметной дѣйствительности; доказать это ему необходимо, чтобы прочно обосновать способность чистаго разума открывать объективныя истины, которыя нельзя доказать путемъ опыта. Единственный, но за то дѣйствительно серьезный аргументъ въ пользу того, что чистое мышленіе можетъ, независимо отъ опыта, открывать законы, обязательные для дѣйствительности, единственный примѣръ, иллюстрирующій это смѣлое утвержденіе, Кантъ усматриваетъ въ существованіи математики вообще и геометріи въ частности. Геометрическія теоремы и положенія открыты чистымъ разумомъ безъ всякаго участія опыта; но то, что ученый чертитъ и вычисляетъ, сидя за своимъ письменнымъ столомъ, обладаетъ самой безусловной истинностью, и если уже потомъ математикъ пожелаетъ провѣрить эмпирическимъ образомъ свои утвержденія—опытъ окажется на его сторонѣ. Значитъ, философская роль математики заключается въ томъ, что она самымъ своимъ существованіемъ иллюстрируетъ могущественную силу чистаго разума въ познаніи тѣлесной дѣйствительности: разъ математическая логика имѣетъ обязательное значеніе для предметнаго міра, слѣдовательно этотъ предметный міръ созданъ и держится на основаніяхъ законовъ разума, родственнаго нашему человѣческому разуму. Эта мысль вполнѣ ясно была

развита впервые именно Кантомъ, но, очевидно, математика, являющаяся примѣромъ обязательности логическихъ апріорныхъ приговоровъ для предметнаго міра, болѣе всего иного обнаруживающая могущество познающаго разума, была дорога философамъ новаго времени, какъ опорный пунктъ, какъ пробный камень, дающій инстинктивное ощущеніе силы и предчувствіе побѣды. И Декартъ, и Бруно, и Лейбницъ любили и знали математику, и, можетъ быть, ничто не даетъ болѣе удовлетворительнаго психологическаго объясненія этой любви, какъ именно блестящія страницы Канта, посвященныя философскому значенію математическихъ наукъ. Открытія Коперника, Кеплера, Бойля и Ньютона, совершенныя въ значительной мѣрѣ при помощи математическаго анализа, конечно, только укрѣпили философскій пьедесталъ математики. Съ конца XVII вѣка математика, такъ сильно и конкретно возвеличенная прогрессомъ естествознанія, совершавшимся при ея помощи, начинаетъ вліять дисциплинирующимъ образомъ на умы того интеллектуальнаго европейскаго авангарда, который начался Локкомъ и закончился Кондорсэ. Это дисциплинирующее вліяніе математическихъ наукъ въ XVIII вѣкѣ было весьма велико. Надежды, окрылявшія метафизиковъ XVI и XVII вѣковъ, не оправдались, но точныя науки не дождались въ XVIII вѣкѣ своего Брюнетьера, никто не произнесъ фразы о томъ, что математика «не сдержала своихъ обѣщаній»; напротивъ, вліяніе точныхъ наукъ продолжалось и усиливалось, но уже въ иномъ направленіи. На время вопросъ о раціональномъ разрѣшеніи метафизическихъ проблемъ былъ отложенъ, и вся сила выводовъ точныхъ наукъ обрушилась на традицію. Въ ожесточенной борьбѣ съ традиціей прошелъ весь XVIII вѣкъ, и здѣсь-то Ньютонъ, какъ позднѣйшій изъ великихъ натуралистовъ прошлыхъ временъ, какъ новаторъ, особенно близко затронувшій традиціонные взгляды, и достигъ кульминаціи своего вліянія. Открытіе законовъ тяготѣнія имѣло неизмѣримое воспитательное значеніе для философовъ конца XVII и всего XVIII в. Доказавъ, что луна движется вокругъ земли, а земля и всѣ прочія планеты вокругъ солнца вслѣдствіе силы притяженія, что тяготѣніе есть общій космическій законъ, Ньютонъ ярко этимъ иллюстрировалъ ту мысль, что, во-первыхъ, физическіе законы, которымъ подчиняется все на землѣ, могутъ имѣть значеніе и въ остальной вселенной, и, во-вторыхъ, что удлиненный сфероидъ, на которомъ мы живемъ, нельзя ни въ какомъ смыслѣ считать центромъ міра. Представляя себѣ тяготѣніе, какъ дѣйствіе цѣлаго ряда атомовъ, составляющихъ извѣстное тѣло, на другой рядъ атомовъ, составляющихъ другое тѣло, популяризуя еще новую тогда молекулярную точку зрѣнія въ физикѣ, Ньютонъ пролагалъ широкую дорогу механическому міровоззрѣнію, которое уже послѣ него было противопоставлено традиціи: это механическое міровоззрѣніе явилось первой системой, которая рѣзко и непримиримо расходясь съ традиціей, могла отчасти съ нею равняться, если не

общей законченностью, то послѣдовательностью и логичностью своихъ составныхъ частей: враги оказались, наконецъ, другъ противъ друга въ полной боевой готовности, во всеоружіи всѣхъ своихъ доводовъ, и XVIII вѣкъ видѣлъ эту борьбу. Однако, еще раньше того, какъ она во всемъ своемъ блескѣ развернулась, когда еще не родились ни Дидро, ни Гольбахъ, когда еще Ньютонъ производилъ свои исчисленія, писалось и подготовлялось въ томъ же Лондонѣ, гдѣ жилъ Ньютонъ, въ нѣсколькихъ кварталахъ отъ его дома, произведеніе, давшее необыкновенный толчекъ экспериментальному и критическому духу наступавшаго времени. Въ 1687 году появились «Principia» Ньютона; черезъ три года, въ мартѣ 1690 года, послѣ двадцатилѣтнихъ сборовъ Локкъ опубликовалъ свой «Опытъ о человѣческомъ разумѣ».

III.

Сенсуализмъ Локка имѣлъ, пожалуй, еще болѣе широкое вліяніе на философовъ просвѣтительной эпохи, чѣмъ открытіе Ньютона; вѣдь чисто механическое міровоззрѣніе все-таки дѣлило съ деизмомъ роль господствующей доктрины среди дѣятелей мысли XVIII в., что же касается сенсуализма, то вплоть до Канта онъ игралъ первенствующую философскую роль, и, конечно, не можетъ считаться вполнѣ похороненнымъ и въ XIX вѣкѣ. Главное здѣсь такъ же, какъ относительно открытія Ньютона, общіе выводы, остававшіеся въ головѣ читателей, навыки мышленія, создавшіеся новымъ философскимъ методомъ. Локкъ совершенно отвергъ существованіе и даже возможность существованія врожденныхъ идей; чувственному міру онъ придалъ смыслъ и значеніе единственнаго истиннаго источника и мѣстонахожденія всѣхъ понятій, а нашимъ чувствамъ онъ отвелъ роль орудій при передачѣ нашему сознанію *простыхъ идей*, т.-е. представленій о предметномъ мірѣ. Всѣ общія понятія, всѣ чувства, всѣ порожденія нашего психическаго міра,—все это коренится въ чувственномъ опытѣ; только этотъ опытъ и есть единственный, дѣйствительно, надежный маякъ, который, если его держаться, не дастъ разуму заблудиться въ мірѣ собственныхъ грезъ. Но чуть только человѣкъ начнетъ оперировать надъ общими понятіями, предаваться при этомъ логической игрѣ сближеній, сопоставленій и измышленій новыхъ общихъ идей, чуть только онъ забудетъ свою философскую обязанность безпрестанно провѣрять результаты своей умственной дѣятельности пробнымъ камнемъ опыта, сейчасъ же онъ попадетъ въ положеніе путника въ безбрежной пустынѣ безъ компаса и руководителя. Преимущество индукціи надъ дедукціей, необходимость дисциплинировать порывы философскаго мышленія, экспериментализмъ, какъ едино спасающій философскій методъ,—вотъ коренныя черты, унаслѣдованныя отъ Локка XVIII-мъ столѣтіемъ. Была еще одна черта, которая усилила вліяніе

механическаго міровоззрѣнія и которая была выставлена впервые въ англійской философіи Локкомъ: онъ говоритъ, что предметъ вѣры есть все то, чего разумъ не въ состояніи охватить; онъ не называетъ въ точности этихъ вещей и не указываетъ на реальность ихъ существованія.

Вопросъ объ отношеніяхъ между церковью и государствомъ у Локка такъ же, какъ у Гоббеса, можетъ играть роль переходнаго мостка отъ философіи къ политикѣ; по крайней мѣрѣ, при анализѣ ихъ ученій это становится особенно яснымъ. Гоббесъ вполнѣ послѣдовательно, не отступая отъ своихъ взглядовъ, строго матеріалистическихъ въ философіи и абсолютистскихъ въ политикѣ, смотритъ на церковь, только какъ на пригодную узду, при помощи которой правительственная власть можетъ успѣшнѣе держать въ повиновеніи людскую массу; Локкъ, исключая религію изъ области, провѣримой опытомъ, склоненъ относиться къ ней и ко всѣмъ ея формамъ съ исторически—толерантной точки зрѣнія. Конечно, на современный взглядъ можетъ показаться нелогичнымъ, что, при общей своей терпимости, Локкъ настаиваетъ на необходимости преслѣдовать католиковъ и атеистовъ; впрочемъ, ненависть къ католикамъ объяснима и отчасти извинительна для свободомыслящаго англичанина, жившаго въ XVII вѣкѣ, когда Стюарты успѣли сдѣлать католицизмъ одной изъ важнѣйшихъ частей своей программы будущаго, и когда подъ флагомъ римскихъ ученій Іаковъ II творилъ свои насилія и преступленія. Но, за вычетомъ этихъ полемическихъ выходокъ, «The letters of toleration» могутъ считаться первымъ систематическимъ изложеніемъ той части еще только вырабатывавшейся тогда программы либерализма, которая трактуетъ о вѣротерпимости и объ отдѣленіи церкви отъ государства. Но если государство не должно совершенно вмѣшиваться въ дѣла вѣры и какимъ бы то ни было образомъ пускать въ ходъ свою власть при богословскихъ контроверсахъ, то въ чемъ же смыслъ, роль и прямое назначеніе государственной власти? Этимъ вопросамъ Локкъ посвятилъ свой «Трактатъ о правительствѣ». Локкъ въ политикѣ прямой антиподъ Гоббеса. Это тѣмъ болѣе любопытно, что исходный пунктъ у нихъ одинъ и тотъ же; Локкъ также считаетъ началомъ всякаго государства добровольный договоръ между членами человѣческаго общества, но онъ полагаетъ, что плодомъ такого договора была выработка правоваго законнаго строя для свободнаго и обезпеченнаго пользованія всѣми благами жизни; на вопросѣ, какъ именно, путемъ какой исторической эволюціи этотъ правовой строй замѣнился деспотіями, Локкъ не останавливается; онъ ограничивается лишь рѣзкимъ осужденіемъ деспотизма съ точки зрѣнія какъ разъ этой самой договорной теоріи: человѣкъ, захватившій неограниченную власть въ свои руки, eo ipso нарушилъ общественный договоръ и остальные члены общества совершенно въ правѣ нарушить его съ своей стороны и возвратиться къ первобытному состоянію.

*

Итакъ, по смыслу локковскаго ученія, если взять за критерій возможно большее счастье индивидуума,—всѣ системы общежитія составятъ такую скалу: выше всего—свободный правовой государственный порядокъ, въ случаѣ его невозможности — возвращеніе къ естественному состоянію, наконецъ, самая тяжелая форма общежитія — деспотизмъ. Собственно политическій идеалъ Локка въ значительной мѣрѣ воплощался для него въ англійской конституціи, какъ она была выработана и упрочена послѣ революціи 1688 г. Локкъ даетъ также полное развитіе теоріи законнаго сопротивленія, права на бунтъ въ случаѣ злоупотребленія власти, т.-е. той теоріи, которая прямо вытекла изъ всей жизненной практики XVII столѣтія.

Всеобъемлющая роль экспериментальнаго метода, необходимость всѣ ученія, всѣ воззрѣнія, всѣ авторитеты подвергать тщательному повѣрочному анализу, несостоятельность какой бы то ни было спиритуалистической мистики,—вотъ главныя составныя части той новой и свѣжей умственной волны, которая хлынула въ сознаніе вліятельныхъ литературныхъ дѣятелей просвѣтительной эпохи со страницъ локковскихъ трактатовъ. Эти взгляды Локка, матеріалистическая концепція Гоббеса и механическое міросозерцаніе, подкрѣпленное открытіями Бойля и Ньютона—таково было главное содержаніе наслѣдія, завѣщаннаго семнадцатымъ вѣкомъ своему преемнику. Что же касается до освободительныхъ политическихъ взглядовъ Локка, то справедливость требуетъ замѣтить, что они особаго значенія имѣть не могли: для Вольтера, для Руссо, для Монтескьё—политической учительницей, гораздо болѣе краснорѣчивой, чѣмъ Локкъ, была сама англійская дѣйствительность. Не политической идеологіей, а энергичной эмансипаціей философской мысли англійскіе мыслители завоевали себѣ одно изъ центральныхъ мѣстъ въ исторіи европейской цивилизаціи.

Ев. Тарле.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ИЗЪ „ПѢСЕНЪ ДЛЯ НАРОДА“ *).

1. Гость.

(Теодора Фонтана).

Лампа тускло горитъ у кровати,
Мать не спитъ, какъ и въ прошлые дни,
И отцу говоритъ мать дитяти:
— Въ этой комнатѣ мы — не одни.

Улыбнуться онъ силится тщетно,
Но душа смутнымъ страхомъ полна,
Лампа гаснетъ почти незамѣтно...
О, какъ ночь безконечно длинна!

И когда имъ въ окно засіяли
Золотого разсвѣта лучи —
Мать съ отцомъ, поблѣднѣвшіе, знали:
Кто былъ гость, приходившій въ ночи.

2. Невѣста моряка.

(Отто-Юліусъ Бирбаумъ).

Далеко парусъ бѣлый мелькаетъ на просторѣ,
И онъ, кого люблю я — плыветъ въ открытомъ морѣ,
О, вѣтеръ, буйный вѣтеръ, повѣявшій съ морей,
Неси его въ отчизну, неси ко мнѣ скорѣй:
Своею глубиною съ морской пучиной споря,
Любовь моя сильнѣе, чѣмъ вѣтеръ, вѣтеръ съ моря!

*) Сборникъ современныхъ поэтовъ Германіи.

3. Просьба.

(Теодора Шторма).

Положи скорѣй мнѣ руки
На закрытые глаза,
И утихнутъ въ сердцѣ муки,
И уляжется гроза!

—

Жгучей боли стихнутъ волны,
Какъ волны морской прибой—
И душа, и сердце полны
Будутъ снова лишь тобой.

---

4. Находка.

(Маріи Стона).

Мечту я схоронила,—
Такъ что же за бѣда?
Мечты иныя въ мірѣ
Найдутся безъ труда.

—

Свой кладъ я схоронила,—
Такъ что же за бѣда?
Иные клады въ мірѣ
Отыщутся всегда.

—

Нашла взамѣнъ я горе—
Сердечную печаль;
На всемъ земномъ просторѣ
Есть горшее едва-ль!

О. Чюмина.

ВОСКРЕСШІЕ БОГИ.

ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ.

РОМАНЪ.

(*Продолженіе* *).

ДВѢНАДЦАТАЯ ГЛАВА.

Или Цезарь — или ничто.

1500—1503.

Aut Caesar—aut nihil.
Цезарь Борджіа.

Государю необходимо умѣть въ одинаковой степени быть человѣкомъ и звѣремъ.
Никколо Макіавелли.

I.

„Мы, Цезарь Борджіа де-Франчія, Божьей милостью герцогъ Романьи, князь Андріи, повелитель Піомбино и прочее, и прочее, Святѣйшей Римской Церкви знаменосецъ и главный капитанъ:—

„Всѣмъ намѣстникамъ, кастелланамъ, военачальникамъ, Кондоттьерамъ, Оффичіаламъ, солдатамъ и подданнымъ нашимъ повелѣваемъ: подателя сего, именитѣйшаго и возлюбленнѣйшаго, главнаго при особѣ нашей строителя и зодчаго, Леонардо Винчи, дружественно принимать, ему и всѣмъ, кто съ нимъ, пропускъ чинить безпошлинный,—мѣрить, осматривать и всякую по желанію видѣнную вещь въ крѣпостяхъ и замкахъ нашихъ обсуждать дозволяя, потребныхъ людей немедленно наряжая, всякую помощь и содѣйствіе усердно оказывая. Съ волей же вышереченнаго Леонардо, коему надзоръ за крѣпостями и замками во владѣніяхъ нашихъ поручаемъ,—остальнымъ строителямъ нашимъ по всякому дѣлу въ соглашеніе входить приказываемъ.

---

*) См. «Міръ Божій», № 7, іюль.

„Дано въ Павіи августа 18, года отъ Рождества Христова 1502, правленія же нашего въ Романьи лѣта второго. Цезарь Герцогъ Романьи. Cesar Dux Romadiolae“.

Таковъ былъ пропускъ Леонардо для предстоявшаго осмотра крѣпостей.

Въ это время, при помощи обмановъ и злодѣяній, совершаемыхъ подъ верховнымъ покровительствомъ римскаго первосвященника и христіаннѣйшаго короля Франціи, Цезарь Борджіа завоевывалъ древнюю Церковную Область, полученную, будто бы, папами въ подарокъ отъ императора Константина Равноапостольнаго. Отнявъ городъ Фаэнцу у законнаго государя, восемнадцатилѣтняго Асторре Манфреди, городъ Форли—у Катерины Сфорца,—обоихъ, ребенка и женщину, довѣрившихся рыцарской чести его, бросилъ онъ въ римскую тюрьму Св. Ангела. Съ герцогомъ Урбино Гвидобальдо Монтефельтро заключилъ союзъ для того, чтобы, обезоруживъ его, предательски напасть, какъ нападаютъ разбойники на большихъ дорогахъ, и ограбить.

Осенью 1502 года задумалъ онъ походъ на Бентиволіо, правителя Болоньи, чтобы, овладѣвъ этимъ городомъ, сдѣлать его столицею своего новаго государства. Ужасъ напалъ на сосѣднихъ правителей, которые поняли, что каждый изъ нихъ, въ свою очередь, рано или поздно будетъ жертвою Цезаря, и что онъ мечтаетъ ни болѣе, ни менѣе, какъ, уничтоживъ соперниковъ, объявить себя единымъ самодержавнымъ повелителемъ Италіи.

28 сентября враги Валентино, кардиналъ Паголо, герцогъ Гравина Орсини, Виттелоццо Вителли, Оливеротто да Фермо, Джіанъ-Паоло Бальони, правитель Перуджіи и Антоніо Джіордани да Венафро, посолъ правителя Сіены, Пандольфо Петруччи собрались въ городѣ Маджіоне на равнинѣ Карпійской и заключили тайный союзъ противъ Цезаря. Между прочимъ, на этомъ собраніи Вителоццо Вителли поклялся клятвою Ганнибала въ теченіе года умертвить, заточить или выгнать изъ Италіи общаго врага.

Только что распространилась вѣсть о маджіонскомъ заговорѣ—къ нему присоединились безчисленные государи, обиженные Цезаремъ. Герцогство Урбино возмутилось и отпало. Собственныя войска измѣняли ему. Король Франціи медлилъ помощью. Цезарь былъ на краю гибели. Но, преданный и покинутый, почти безоружный, онъ былъ все еще страшенъ. Пропустивъ въ малодушныхъ перекорахъ и колебаніяхъ самое выгодное время, чтобы уничтожить его, враги вступили съ нимъ въ переговоры и согласились на перемиріе. Хитростями, угрозами и обѣщаніями обольстилъ онъ ихъ, опуталъ и разъединилъ. Со свойственнымъ ему, глубокимъ искусствомъ лицемѣрія, очаровывая любезностями

новыхъ друзей, герцогъ звалъ ихъ въ только что сдавшійся городъ Синигаллію, будто бы для того, чтобы уже не на словахъ, а на дѣлѣ, въ общемъ походѣ, доказать имъ свою преданность.

Леонардо былъ однимъ изъ главныхъ приближенныхъ Цезаря Борджіа.

По порученію герцога, украшалъ онъ завоеванные города великолѣпными зданіями, дворцами, школами, книгохранилищами, строилъ обширныя казармы для Цезаревыхъ войскъ на мѣстѣ разрушенной крѣпости Кастель-Болоньезе, вырылъ гавань Порто Чезенатико, лучшую на всемъ западномъ берегу Адріатическаго моря, и соединилъ ее каналомъ съ Чезеною, заложилъ могущественную крѣпость въ Піомбино; сооружалъ боевыя машины, рисовалъ военныя карты и, слѣдуя всюду за герцогомъ, присутствуя во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ совершались кровавые подвиги Цезаря—въ Урбино, Пезаро, Имолѣ, Фаэнцѣ, Чезенѣ, Форли, по обыкновенію велъ краткій, точный и безстрастный дневникъ. Ни единымъ словомъ не упоминалъ онъ въ этихъ замѣткахъ о Цезарѣ, какъ будто не видя или не желая видѣть того, что совершалось вокругъ него. Записывалъ каждую мелочь. встрѣчавшуюся на пути,—способъ, которымъ земледѣльцы Чезены соединяли плодовыя деревья висячими лозами, устройство рычаговъ, приводившихъ въ движеніе соборные колокола въ Сіенѣ, странную, тихую музыку въ звукахъ падающихъ струй городского фонтана Римини. Срисовывалъ голубятню и башню съ витою лѣстницей въ замкѣ Урбино, откуда только что бѣжалъ злополучный герцогъ Гвидобальдо, ограбленный Цезаремъ, по выраженію современниковъ—„въ одной нижней сорочкѣ". Наблюдалъ, какъ въ Романьѣ, у подножія Апеннинъ, пастухи, чтобы усилить звучность рога, вставляютъ его широкимъ концомъ въ узкое отверстіе глубокихъ пещеръ—и громоподобный звукъ, наполняющій долину, повторяемый эхо, становится такъ силенъ. что стада, пасущіяся на самыхъ далекихъ горахъ слышатъ его. Одинъ, на берегу пустыннаго моря въ Піомбино, цѣлыми днями художникъ слѣдилъ, какъ набѣгаетъ волна на волну, разстилаясь по берегу, то выбрасывая, то всасывая щебень, щепки, камни и водоросли. „Такъ сражаются волны изъ-за добычи, которая достается побѣдителю"—писалъ Леонардо. И между тѣмъ, какъ вокругъ него нарушались всѣ законы справедливости человѣческой, не осуждая, не оправдывая, созерцалъ онъ въ движеніи волнъ, по виду случайномъ и прихотливымъ, на самомъ дѣлѣ, неизмѣнномъ и правильномъ, ненарушимые законы справедливости божественной,—механики, установленной Первымъ Двигателемъ.

9-го іюня 1502 года близъ Рима въ Тибрѣ найдены были мертвыя тѣла юнаго государя Фаэнцы, Асторре и брата его,

удавленныхъ, съ веревками и камнями на шеѣ, выброшенныхъ въ рѣку изъ тюрьмы Святого Ангела. Тѣла эти, по словамъ современниковъ, столь прекрасныя, что „подобныхъ имъ не нашлось бы среди тысячи", хранили знаки страшнаго насилія. Народною молвою злодѣяніе было приписано Цезарю. Въ это время Леонардо писалъ въ своемъ дневникѣ: „въ Романьи употребляются повозки на четырехъ колесахъ; два переднихъ — маленькія, два заднихъ—большія; устройство нелѣпое, ибо по законамъ физики—смотри пятый параграфъ моихъ элементовъ — вся тяжесть упирается въ переднія колеса".

Такъ, умалчивая о величайшихъ нарушеніяхъ законовъ духовнаго равновѣсія, возмущался онъ нарушеніемъ законовъ механики въ устройствѣ романьольскихъ телѣгъ.

II.

Во второй половинѣ декабря 1502 года герцогъ Валентино со всѣмъ своимъ дворомъ и войскомъ переѣхалъ изъ Чезены въ городъ Фано на берегу Адріатическаго моря, на рѣчкѣ Арциллѣ, миляхъ въ двадцати отъ Синигалліи, гдѣ назначено было свиданіе съ бывшими заговорщиками Оливератто да Фермо, Орсини и Вителли. Въ концѣ этого-же мѣсяца къ Цезарю выѣхалъ Леонардо изъ Пезаро.

Отправившись утромъ, онъ думалъ быть на мѣстѣ къ сумеркамъ. Но поднялась вьюга. Горы покрыты были непроходимыми снѣгами. Мулы то и дѣло спотыкались. Копыта ихъ скользили по обледенѣлымъ камнямъ. Внизу, слѣва отъ узкой надъ самою кручею горной тропинки, шумѣли волны Адріатическаго моря, черныя, разбивавшіяся о бѣлый снѣжный берегъ. Къ ужасу проводника, мулъ его шарахнулся, почуявъ тѣло висѣльника, качавшееся на сукѣ одинокой осины.

Стемнѣло. Они поѣхали наудачу, отпустивъ поводья, довѣрившись умнымъ животнымъ. Вдали замерцалъ огонекъ. Проводникъ узналъ большой постоялый дворъ подъ Новиларою, мѣстечкомъ въ горахъ, какъ разъ на полпути между Фано и Пезаро.

Долго пришлось имъ стучаться въ громадныя двери, обитыя желѣзными гвоздями, похожія на ворота крѣпости. Наконецъ вышелъ заспанный конюхъ съ фонаремъ, потомъ хозяинъ гостиницы. Онъ отказалъ въ ночлегѣ, объявивъ, что не только всѣ комнаты, но и конюшни биткомъ набиты,—нѣтъ, будто бы, ни одной постели, на которой не спало бы въ эту ночь человѣка по три, по четыре, и все люди знатные, военные — и придворные изъ свиты герцога.

Когда Леонардо назвалъ ему себя и показалъ пропускъ съ

печатью и подписью герцога, хозяинъ разсыпался въ извиненіяхъ, предложилъ ему свою собственную комнату, занятую пока лишь тремя начальниками ратныхъ людей изъ французскаго союзнаго отряда Ива д'Аллегра, которые, напившись, спали мертвымъ сномъ, а самъ съ женою вызвался лечь въ каморкѣ рядомъ съ кузницей.

Леонардо вошелъ въ комнату, служившую столовою и кухнею, точно такую же, какъ во всѣхъ гостинницахъ Романьи,—закоптѣлую, грязную, съ пятнами сырости на голыхъ, облупленныхъ стѣнахъ, съ курами и цесарками, дремавшими тутъ же на нашестѣ, поросятами, визжавшими въ рѣшетчатой закутѣ, рядами золотистыхъ луковицъ, кровяныхъ колбасъ и окороковъ, подвѣшенныхъ къ почернѣлымъ брусьямъ потолка. Въ огромномъ очагѣ съ нависшею кирпичною трубою пылалъ огонь, и на вертелѣ шипѣла свиная туша. Въ красномъ отблескѣ пламени за длинными столами гости ѣли, пили, кричали, спорили, играли въ зернь, шашки и карты. Леонардо присѣлъ къ огню, въ ожиданіи заказаннаго ужина.

За сосѣднимъ столомъ, гдѣ среди слушателей художникъ узналъ стараго капитана герцогскихъ копейщиковъ Бальдазаре Счипіоне, главнаго придворнаго казначея Алессандро Спаноккія и Феррарскаго посла Пандольфо Коленуччіо, неизвѣстный ему человѣкъ, размахивая руками, съ необыкновеннымъ одушевленіемъ, говорилъ тонкимъ, визгливымъ голосомъ:

— Примѣрами изъ новой и древней исторіи могу я это доказать, синьоры, съ точностью математическою. Вспомните только государства, которыя пріобрѣли военную славу,— римлянъ, лакедемонянъ, аѳинянъ, этолійцевъ, ахеянъ и множество племенъ по ту сторону Альпъ. Всѣ великіе завоеватели набирали войска изъ гражданъ собственнаго народа: Нинъ — изъ ассирійцевъ, Киръ — изъ персовъ, Александръ — изъ македонянъ... Правда, Пирръ и Ганнибалъ одерживали побѣды съ наемниками; но тутъ уже все дѣло въ необычайномъ искусствѣ этихъ вождей, сумѣвшихъ вдохнуть въ чужеземныхъ солдатъ мужество и доблесть народнаго ополченія. Къ тому же, не забывайте главнаго положенія, краеугольнаго камня военной науки: въ пѣхотѣ,—говорю я, — и только въ пѣхотѣ рѣшающая сила войска, а не въ конницѣ, не въ огнестрѣльныхъ орудіяхъ и порохѣ,—этой нелѣпой выдумкѣ новыхъ временъ!..

— Вы увлекаетесь, мессэръ Никколо,—съ вѣжливой улыбкой возразилъ капитанъ копейщиковъ, — огнестрѣльныя орудія пріобрѣтаютъ съ каждымъ днемъ все большее значеніе. Что бы вы ни говорили о римлянахъ и спартанцахъ, смѣю думать, что нынѣшнія войска гораздо лучше вооружены, чѣмъ древнія. Не

въ обиду будь сказано вашей милости, эскадронъ нашихъ французскихъ рыцарей — „дженти-д'арме" или артиллеріи съ тридцатью бомбардами опрокинулъ бы скалу, а не только отрядъ вашей римской пѣхоты!

— Софизмы! Софизмы! — горячился мессэръ Никколо. — Я узнаю въ словахъ вашихъ, синьоре, пагубное заблужденіе, которымъ лучшіе военные люди нашего вѣка извращаютъ истину. Погодите, когда-нибудь полчища сѣверныхъ варваровъ протрутъ итальянцамъ глаза и увидятъ они жалкое безсиліе наемниковъ, убѣдятся въ томъ, что конница и артиллерія выѣденнаго яйца не стоятъ передъ твердыней правильной пѣхоты,—но будетъ поздно... И какъ только люди спорятъ противъ очевидности?.. Хоть бы о томъ подумали, что съ ничтожнымъ отрядомъ пѣхоты Лукуллъ разбилъ сто пятьдесятъ тысячъ конницы Тиграна, среди которой были когорты всадниковъ точь-въ-точь такія же, какъ эскадроны нынѣшнихъ французскихъ рыцарей!..

Съ любопытствомъ посмотрѣлъ Леонардо на этого человѣка, говорившаго о побѣдахъ Лукулла такъ, какъ будто видѣлъ ихъ собственными глазами.

На незнакомцѣ было длинное платье изъ темно краснаго сукна, величаваго покроя, съ прямыми складками, какое носили почтенные государственные люди флорентинской республики, между прочимъ, секретари посольства. Но это платье имѣло видъ поношенный: кое-гдѣ, правда, на мѣстахъ не очень замѣтныхъ, были пятна. Рукава лоснились. Судя по краю рубашки, которая обыкновенно выставлялась наружу тонкою полоскою на шеѣ изъ подъ плотно застегнутаго ворота, бѣлье было сомнительной свѣжести. Большія узловатыя руки съ мозолью на среднемъ пальцѣ, какъ у людей, которые много пишутъ, замараны были чернилами. Представительнаго, внушающаго людямъ почтеніе мало было въ наружности этого человѣка,—еще не стараго, лѣтъ сорока, худощаваго, узкоплечаго съ поразительно-живыми, рѣзкими, угловатыми чертами лица, странными до необычайности. Иногда, во время разговора, поднявъ вверхъ свой плоскій и длинный, точно утиный носъ, закинувъ маленькую голову назадъ, прищуривъ глаза и задумчиво выставивъ впередъ оттопыренную нижнюю губу, смотрѣлъ онъ поверхъ головы собесѣдника, какъ будто въ даль, дѣлаясь похожимъ на зоркую птицу, которая вглядывается въ очень далекій предметъ, вся насторожившись, вытянувъ тонкую, длинную шею. Въ безпокойныхъ движеніяхъ, въ лихорадочномъ румянцѣ на выдающихся, широкихъ скулахъ надъ смуглыми и впалыми бритыми щеками, и особенно въ большихъ сѣрыхъ, тяжко-пристальныхъ глазахъ угадывался внутренній огонь. Эти глаза хотѣли быть злыми; но порою сквозь выраженіе холодной горечи,

ѣдкой насмѣшки мелькало въ нихъ что-то робкое, слабое, дѣтски-безпомощное и жалобное.

Мессэръ Никколо продолжалъ развивать свою мысль о военной силѣ пѣхоты, и Леонардо удивлялся смѣшенію правды и лжи, безграничной смѣлости и рабскаго подражанія древнимъ—въ словахъ этого человѣка. Доказывая безполезность огнестрѣльнаго оружія, упомянулъ онъ, между прочимъ, о томъ, какъ труденъ прицѣлъ пушекъ большого размѣра, ядра которыхъ проносятся или черезчуръ высоко надъ головами враговъ, или черезчуръ низко, не долетая до нихъ. Художникъ оцѣнилъ остроту и мѣткость этого наблюденія, зная самъ по опыту несовершенства тогдашнихъ бомбардъ. Но тотчасъ же затѣмъ, высказавъ мнѣніе, что крѣпости не могутъ защитить государства, сослался Никколо на римлянъ, не строившихъ крѣпостей, и жителей Лакедемона, не позволявшихъ укрѣплять Спарту, дабы имѣть оплотомъ лишь мужество гражданъ, и — какъ будто все, что дѣлали и думали древніе, было истиною неопровержимою, доказательствомъ математической точности,—привелъ знаменитое въ школахъ изрѣченіе спартанца о стѣнахъ Аѳинъ: „онѣ были бы полезны, если бы въ городѣ обитали только женщины“.

Окончанія спора Леонардо не слышалъ, потому что въ это время хозяинъ повелъ его наверхъ въ комнату, приготовленную для ночлега.

III.

Къ утру вьюга разъигралась. Проводникъ отказывался ѣхать, увѣряя, что въ такую погоду добрый человѣкъ и собаки изъ дома не выгонитъ. Художникъ долженъ былъ остаться еще на день.

Отъ нечего дѣлать онъ сталъ прилаживать въ кухонномъ очагѣ самовращающійся вертелъ собственнаго изобрѣтенія, — большое колесо съ наискось расположенными лопастями, приводимое въ движеніе тягою нагрѣтаго воздуха въ трубѣ и, въ свою очередь, двигавшее вертелъ.

— Съ такою машиною,—объяснялъ Леонардо удивленнымъ зрителямъ,—повару нечего бояться, что жаркое пригоритъ, ибо степень жара остается равномѣрною: когда онъ увеличивается, вертелъ ускоряетъ, когда уменьшается—замедляетъ движеніе.

Этотъ совершенный кухонный вертелъ устраивалъ художникъ съ такою же любовью и вдохновеніемъ, какъ человѣческія крылья.

Въ той же комнатѣ мессэръ Никколо объяснялъ молодымъ французскимъ сержантамъ артиллеріи, отчаяннымъ игрокамъ, найденное будто бы имъ въ законахъ отвлеченной математики, пра-

вило выигрывать въ кости навѣрняка, побѣждая прихоти „фортуны-блудницы", какъ онъ выражался. Умно и краснорѣчиво излагалъ онъ это правило, но каждый разъ, какъ пытался доказать его на дѣлѣ,—проигрывалъ къ немалому удивленію своему и злорадству слушателей, утѣшаясь впрочемъ тѣмъ, что допустилъ ошибку въ примѣненіи совершенно вѣрнаго правила. Игра кончилась объясненіемъ, неожиданнымъ и не совсѣмъ пріятнымъ для мессэра Никколо: когда наступило время расплачиваться, оказалось, что кошелекъ его пустъ, и что онъ игралъ въ долгъ.

Поздно вечеромъ пріѣхала съ огромномъ количествомъ тюковъ и ящиковъ съ многочисленными слугами, пажами, конюхами, шутами, арапками и разными потѣшными животными вельможная венеціанская кортезана, „великолѣпная блудница" Лена Гриффа,—та самая, которая нѣкогда во Флоренціи едва не подверглась нападенію священнаго воинства маленькихъ инквизиторовъ брата Джироламо Савонароллы.

Года два назадъ, по примѣру многихъ подругъ своихъ, мона Лена покинула свѣтъ, превратилась въ кающуюся Магдалину и постриглась въ монахини для того, чтобы впослѣдствіи возвысить себѣ цѣну въ знаменитомъ „Тариффѣ кортезанъ или Разсужденіи для знатнаго иностранца". Изъ темной монашеской куколки выпорхнула на свѣтъ обновленная блистательная бабочка. Лена Гриффа быстро пошла въ гору: по обыкновенію кортезанъ высшаго полета, уличная венеціанская „маммола" — „душка" сочинила себѣ пышное родословное древо, изъ котораго явствовало, что она ни болѣе, ни менѣе, какъ незаконная дочь брата миланскаго герцога, кардинала Асканіо Сфорца. Въ то же время сдѣлалась она главною наложницей одного дряхлаго, наполовину выжившаго изъ ума и несмѣтно-богатаго кардинала. Къ нему-то Лена Гриффа и ѣхала теперь изъ Венеціи въ городъ Фано, гдѣ Монсиньоръ ожидалъ ее при дворѣ Цезаря Борджіа.

Хозяинъ былъ въ затрудненіи: отказать въ ночлегѣ такой знатной особѣ—„ея преподобію", подругѣ кардинала не смѣлъ, а свободныхъ комнатъ не было. Наконецъ, удалось ему войти въ соглашеніе съ анконскими купцами, которые за обѣщанную скидку въ счетѣ перешли ночевать въ кузницу, уступивъ довольно помѣстительную спальню свитѣ вельможной кортезаны. Для самой госпожи потребовалъ онъ комнату у мессэра Никколо и его сожителей, французскихъ рыцарей Ива д'Аллегра, предложивъ имъ лечь тоже въ кузницѣ, вмѣстѣ съ купцами.

Никколо разсердился и началъ было горячиться, спрашивая хозяина, въ своемъ ли онъ умѣ, понимаетъ ли съ кѣмъ имѣетъ дѣло, позволяя себѣ такія дерзости съ порядочными людьми изъ за первой встрѣчной потаскухи. Но тутъ вступилась хозяйка,

женщина словоохотливая и воинственная, которая, по тогдашней пословицѣ, „жиду языка не закладывала". Она замѣтила мессэру Никколо, что, прежде чѣмъ браниться и буянить, слѣдовало бы заплатить по счету за свой собственный харчъ, за слугу и трехъ лошадей, кстати же отдать и четыре дуката, которые мужъ ея ссудилъ ему по добротѣ сердечной еще въ прошлую пятницу. И какъ будто про себя, но достаточно громко, чтобы всѣ присутствовавшіе могли ее слышать, пожелала злую Пасху тѣмъ шарамыжникамъ, прощалыгамъ, что шляются по большимъ дорогамъ, выдаютъ себя не вѣсть за какихъ важныхъ господъ, а живутъ на даровщинку и туда же носъ еще задираютъ передъ честными людьми.

Должно быть, въ словахъ этой женщины была доля правды; по крайней мѣрѣ, Никколо неожиданно притихъ, потупилъ глаза подъ ея обличительнымъ взоромъ и видимо помышлялъ, какъ бы отступить поприличнѣе.

Слуги уже выносили его вещи изъ комнаты, и безобразная мартышка, любимица мадонны Лены, полузамерзшая во время путешествія, корчила жалобныя рожи, вскочивъ на столъ съ бумагами, перьями и книгами мессэра Николло, среди которыхъ были „Декады" Тита Ливія и „Жизни знаменитыхъ людей" Плутарха.

— Мессэре,—обратился къ нему Леонардо съ любезной улыбкой, снимая беретъ,—ежели бы вамъ угодно было раздѣлить со мною ночлегъ, я счелъ бы за большую честь для себя оказать вашей милости эту ничтожную услугу.

Никколо обернулся къ нему съ нѣкоторымъ удивленіемъ, еще болѣе смутившись, но тотчасъ оправился и поблагодарилъ съ достоинствомъ.

Они перешли въ комнату Леонардо, гдѣ художникъ позаботился отвести своему новому сожителю лучшее мѣсто.

Чѣмъ больше наблюдалъ онъ его, тѣмъ привлекательнѣе и любопытнѣе казался ему этотъ странный человѣкъ.

Онъ сообщилъ ему свое имя и званіе,—Никколо Макіавелли, секретарь Совѣта Десяти флорентинской республики.

Мѣсяца три тому назадъ, лукавая и осторожная Синьорія отправила Макіавелли для переговоровъ къ Цезарю Борджіа, котораго надѣялась перехитрить, отвѣчая на всѣ его предложенія дружескаго оборонительнаго союза противъ общихъ враговъ Боентиволіо, Орсини и Вителли платоническими и двусмысленными изъявленіями преданности. На самомъ дѣлѣ республика, опасаясь герцога, не желала имѣть его ни врагомъ своимъ, ни другомъ. Мессэру Никколо Макіавелли, лишенному всякихъ дѣйствительныхъ полномочій, поручено было выхлопотать только пропускъ флорентинскимъ купцамъ черезъ владѣнія герцога по берегу Адріатическаго моря,—дѣло, впрочемъ, немаловажное для торговли,—„этой кормилицы республики", какъ выражалась напутственная грамота Синьоровъ.

Леонардо также назвалъ ему себя и свой чинъ при дворѣ Валентино. Они разговорились, съ естественной легкостью и довѣріемъ, свойственнымъ людямъ противоположнымъ, одинокимъ и созерцательнымъ.

— Мессэре,—тотчасъ признался Никколò, и эта откровенность понравилась художнику,—я слышалъ, конечно, что вы великій мастеръ. Но долженъ васъ предупредить, въ живописи я ровно ничего не смыслю и даже не люблю ея, хотя полагаю, что это искусство могло бы мнѣ отвѣтить то же, что Данте нѣкогда отвѣтилъ зубоскалу, который на улицѣ показалъ ему фигу: одной моей я не дамъ тебѣ за сто твоихъ. Но я слышалъ также, что герцогъ Валентино считаетъ васъ глубокимъ знатокомъ военной науки, и вотъ о чемъ хотѣлось бы мнѣ когда-нибудь побесѣдовать съ вашею милостью. Всегда казалось мнѣ, что это—предметъ, тѣмъ болѣе важный и достойный вниманія, что гражданское величіе народовъ зиждется на могуществѣ военномъ, на количествѣ и качествѣ постояннаго правильнаго войска, какъ я докажу въ моей книгѣ о монархіяхъ и республикахъ, гдѣ естественные законы, управляющіе жизнью, ростомъ, упадкомъ и смертью всякаго государства, будутъ опредѣлены съ такою же точностью, съ какою математикъ опредѣляетъ законы чиселъ, естествоиспытатель—законы физики и механики. Ибо надо вамъ сказать—до сихъ поръ всѣ, кто писали о государствѣ...

Но тутъ онъ остановился и перебилъ себя съ добродушною улыбкою:

— Виноватъ, мессэре. Я, кажется, злоупотребляю вашею любезностью: можетъ быть, политика васъ такъ же мало занимаетъ, какъ живопись меня...

— Нѣтъ, нѣтъ, напротивъ,—молвилъ художникъ,—или вотъ что, я скажу вамъ такъ же откровенно, какъ вы, мессэръ Никколò. Я въ самомъ дѣлѣ не люблю обычныхъ толковъ людей о войнѣ и дѣлахъ государственныхъ, потому что эти разговоры лживы и суетны. Но ваши мнѣнія такъ непохожи на мнѣнія большинства, такъ новы и необычайны, что, повѣрьте, я слушаю васъ съ большимъ удовольствіемъ.

— Ой, берегитесь, мессэръ Леонардо,—разсмѣялся Никколò еще добродушнѣе,—какъ бы не пришлось вамъ раскаяться: вы меня еще не знаете; вѣдь, это мой конекъ,—сяду на него и ужъ не слѣзу, пока вы сами не прикажете мнѣ замолчать. Хлѣбомъ не корми меня, только съ умнымъ человѣкомъ дай поговорить о политикѣ! Но вотъ бѣда, гдѣ ихъ возьмешь, умныхъ людей? Наши великолѣпные синьоры знать ничего не хотятъ, кромѣ рыночныхъ цѣнъ на шерсть да на шелкъ, а я,—прибавилъ онъ съ гордой и горькой усмѣшкой,—я, видно, ужъ такимъ уродился по волѣ су-

дебъ, что, не умѣя разсуждать ни объ убыткахъ, ни о прибыляхъ, ни о шерстяномъ, ни о шелковомъ промыслѣ, долженъ выбрать одно изъ двухъ: или молчать, или говорить о дѣлахъ государственныхъ.

Художникъ еще разъ успокоилъ его, и чтобы возобновить бесѣду, которая въ самомъ дѣлѣ казалась ему любопытною, спросилъ:

— Вы только что сказали, мессэре, что политика должна быть точнымъ знаніемъ, такимъ же, какъ науки естественныя, основанныя на математикѣ, почерпающія свою достовѣрность изъ опыта и наблюденія надъ природою. Такъ ли я васъ понялъ?

— Такъ, такъ,—произнесъ Макіавелли, сдвинувъ брови, прищуривъ глаза, смотря поверхъ головы Леонардо, весь насторожившись и сдѣлавшись похожимъ на зоркую птицу, которая вглядывается въ очень далекій предметъ, вытянувъ тонкую длинную шею.

— Можетъ быть, я не съумѣю этого сдѣлать,—продолжалъ онъ,—но я хочу сказать людямъ то, чего никто никогда еще не говорилъ о дѣлахъ человѣческихъ. Платонъ въ своей „Республикѣ“, Аристотель въ „Политикѣ“, св. Августинъ въ „Градѣ Господнемъ“ — всѣ, кто писали о государствѣ, не видѣли самаго главнаго,—законовъ естественныхъ, управляющихъ жизнью всякаго народа, находящихся внѣ человѣческой воли, внѣ зла и добра. Всѣ говорили о томъ, что кажется добрымъ и злымъ, благороднымъ и низкимъ, воображая себѣ такія правленія, какія должны быть, но какихъ нѣтъ и не можетъ быть въ дѣйствительности. Я же хочу не того, что должно быть, и не того, что кажется, а лишь того, что есть на самомъ дѣлѣ. Я хочу изслѣдовать природу великихъ тѣлъ, именуемыхъ республиками и монархіями,—безъ любви и ненависти, безъ хвалы и порицанія, какъ математикъ изслѣдуетъ природу чиселъ, анатомъ—строеніе тѣла. Знаю, что это трудно и опасно, ибо люди нигдѣ такъ не боятся истины и не мстятъ за нее, какъ въ политикѣ, но я все-таки скажу имъ истину, хотя бы потомъ они сожгли меня на кострѣ, какъ брата Джироламо!

Съ невольной улыбкой слѣдилъ Леонардо за выраженіемъ пророческой и въ то же время легкомысленной, словно школьнической дерзости въ лицѣ Макіавелли, въ глазахъ его, блестѣвшихъ страннымъ, почти безумнымъ блескомъ,—и думалъ:

„Съ какимъ волненіемъ говоритъ онъ о спокойствіи, съ какою страстью о безстрастіи!“

— Мессэръ Никколò, — молвилъ художникъ, — ежели вамъ удастся исполнить этотъ замыселъ, ваши открытія будутъ имѣть не менѣе великое значеніе, чѣмъ евклидова геометрія или изслѣдованія Архимеда въ механикѣ.

Леонардо въ самомъ дѣлѣ былъ удивленъ новизною того, что слышалъ отъ мессэра Никколò. Онъ вспомнилъ, какъ, еще тринадцать лѣтъ назадъ, окончивъ книгу съ рисунками, изображавшими внутренніе органы человѣческаго тѣла, приписалъ сбоку на поляхъ:

„Апрѣля 2 дня 1489.

„Да поможетъ мнѣ Всевышній изучить природу людей, ихъ нравовъ и обычаевъ, такъ же, какъ я изучаю внутреннее строеніе человѣческаго тѣла".

IV.

Они бесѣдовали долго. Леонардо, между прочимъ, спросилъ его, какъ могъ онъ во вчерашнемъ разговорѣ съ капитаномъ копейщиковъ отрицать всякое боевое значеніе крѣпостей, пороха, огнестрѣльнаго оружія; не было ли это простою шуткою?

— Древніе римляне и спартанцы, — возразилъ Никколò, — непогрѣшимые учители военнаго искусства, не имѣли понятія о порохѣ.

— Но развѣ опытъ и познаніе природы, — воскликнулъ художникъ, — не открыли намъ многаго, и каждый день не открываетъ еще большаго, о чемъ и помышлять не смѣли древніе?

Макіавелли упрямо стоялъ на своемъ:

— Я думаю, — твердилъ онъ, — въ дѣлахъ военныхъ и государственныхъ новые народы впадаютъ въ ошибки, уклоняясь отъ подражанія древнимъ.

— Возможно ли такое подражаніе, мессэръ Никколò?

— Отчего же нѣтъ? Развѣ люди и стихіи, небо и солнце измѣнили движеніе, порядокъ и силы свои, стали иными, чѣмъ въ древности?

И никакіе доводы не могли его разубѣдить. Леонардо видѣлъ, какъ смѣлый до дерзости во всемъ остальномъ, становился онъ вдругъ суевѣрнымъ и робкимъ, словно школьный педантъ, только что рѣчь заходила о древности.

„У него великіе замыслы, но какъ-то исполнитъ онъ ихъ?" — подумалъ художникъ, невольно вспомнивъ игру въ кости, во время которой Макіавелли такъ остроумно излагалъ отвлеченныя правила, но каждый разъ, какъ пытался доказать ихъ на дѣлѣ — проигрывалъ.

— А знаете ли, мессэре? — воскликнулъ Никколò среди спора съ искрою неудержимой веселости въ глазахъ, — чѣмъ больше я слушаю васъ, тѣмъ больше удивляюсь, ушамъ своимъ не вѣрю... Ну, подумайте только, какое нужно было рѣдкое соединеніе звѣздъ, чтобы мы съ вами встрѣтились! Умы человѣческіе, — говорю я —

бываютъ трехъ родовъ: первый—тѣ, кто сами все видятъ и угадываютъ; вторые видятъ, когда имъ другіе указываютъ; послѣдніе сами не видятъ и того, на что имъ указываютъ, не понимаютъ. Первые — лучшіе и наиболѣе рѣдкіе; вторые—хорошіе, средніе; послѣдніе—обычные и никуда негодные. Вашу милость... ну, да, пожалуй, и себя, чтобы не быть заподозрѣннымъ въ чрезмѣрной скромности, я причисляю къ первому роду людей. Чему вы смѣетесь? Развѣ неправда? Воля ваша —думайте, что хотите, а я вѣрю, что это недаромъ, что тутъ воля верховныхъ судебъ совершается, и для меня не скоро въ жизни повторится такая встрѣча, какъ сегодня въ вами, ибо я знаю, какъ мало на свѣтѣ умныхъ людей. А чтобы достойно увѣнчать нашу бесѣду, позвольте мнѣ прочесть одно прекраснѣйшее мѣсто изъ Ливія и послушайте мое объясненіе.

Онъ взялъ со стола книгу, придвинулъ заплывшій сальный огарокъ, надѣлъ желѣзные, сломанные и тщательно перевязанные ниткою очки съ большими круглыми стеклами и придалъ лицу своему выраженіе строгое, благоговѣйное, какъ во время молитвы или священнодѣйствія.

Но, только что поднялъ онъ брови и указательный палецъ, готовясь искать ту главу, изъ коей явствуетъ, что побѣды и завоеванія ведутъ государства неблагоустроенныя скорѣе къ погибели, чѣмъ къ величію, и произнесъ первыя, звучащія, какъ мѣдь, слова торжественнаго Ливія, —дверь тихонько отворилась, и въ комнату, крадучись, вошла маленькая, сгорбленная и сморщенная старушенка.

— Синьоры мои,—прошамкала она, кланяясь низко,—извините за безпокойство. Госпожи моей, яснѣйшей мадонны Лены Гриффы любимый звѣрокъ сбѣжалъ—кроликъ съ голубою ленточкой на шейкѣ. Ищемъ, ищемъ, весь домъ обшарили, съ ногъ сбились, ума не приложимъ, куда запропастился...

— Никакого здѣсь кролика нѣтъ,—сердито прервалъ ее мессэръ Никколò,—ступайте прочь!

Онъ всталъ, чтобы выпроводить старуху, но вдругъ посмотрѣлъ на нее внимательно сквозь очки, потомъ, опустивъ ихъ на кончикъ носа, посмотрѣлъ еще разъ поверхъ стеколъ, всплеснулъ руками и воскликнулъ:

— Мона Альвиджія! Ты ли это, старая хрычовка? А я-то думалъ, что давно уже черти крючьями стащили падаль твою въ пекло...

Старуха прищурила подслѣповатые, хитрые глазки и осклабилась, отвѣчая на его ласковыя ругательства беззубою улыбкой, отъ которой сдѣлалась еще безобразнѣе:

— Мессэръ Никколò! Сколько лѣтъ, сколько зимъ! Вотъ не гадала, не чаяла, что Богъ приведетъ еще встрѣтиться.

*

Макіавелли извинился передъ художникомъ и пригласилъ мону Альвиджію въ кухню покалякать, вспомнить доброе старое время. Но Леонардо увѣрилъ его, что они ему не мѣшаютъ, взялъ книгу и сѣлъ въ сторонѣ. Никколò позвалъ слугу и велѣлъ подать вина съ такимъ видомъ, точно былъ въ домѣ почетнѣйшимъ гостемъ.

— Скажи-ка, братецъ, этому мошеннику-хозяину, чтобы не смѣлъ онъ угощать насъ той кислятиной, что подалъ мнѣ намедни, ибо мы съ моной Альвиджіей не любимъ сквернаго вина, такъже, какъ священникъ Арлотто, который, говорятъ, и передъ Святыми Дарами изъ плохого вина ни за что бы не сталъ на колѣни, полагая, что оно не можетъ претвориться въ кровь Господню.

Мона Альвиджія забыла кролика, мессэръ Никколò—Тита Ливія, и за кувшиномъ вина разговорились они, какъ старые друзья.

Въ заключеніе мона Альвиджія разсказала про собственную молодость: и она была прекрасна, и за нею ухаживали; всѣ ея прихоти исполнялись; и чего только она, бывало, ни выдѣлывала. Однажды въ городѣ Падуѣ, въ соборной ризницѣ сняла митру съ епископа и надѣла на свою рабыню. Но съ годами красота поблекла, поклонники разсѣялись, и пришлось ей жить сдачею комнатъ въ наймы да стиркою бѣлья. А тутъ еще заболѣла она и дошла до такой нищеты, что хотѣла на церковной паперти просить подаянія, чтобы купить яду и отравиться. Только Пречистая Дѣва спасла ее отъ смерти: съ легкой руки одного стараго аббата, влюбленнаго въ ея сосѣдку, жену кузнеца, вступила мона Альвиджія на торный путь, занявшись болѣе выгоднымъ промысломъ, чѣмъ стирка бѣлья.

Разсказъ о чудесной помощи Матери Господа, ея особливой Заступницы прерванъ былъ служанкою мадонны Лены, прибѣжавшею сказать, что госпожа требуетъ у ключницы баночки съ мазью для мартышки, отморозившей лапу, и „Декамерона“ Боккачіо, котораго вельможная кортезана читала передъ сномъ и прятала подъ подушку, вмѣстѣ съ молитвенникомъ.

По уходѣ старухи, Никколо вынулъ бумагу, очинилъ перья и сталъ сочинять донесеніе великолѣпнымъ синьорамъ Флоренціи о замыслахъ и дѣйствіяхъ герцога Валентино—посланіе, полное глубокою государственною мудростью, несмотря на легкій, полушутливый слогъ.

— Мессэре,—молвилъ онъ вдругъ, поднимая глаза отъ работы и взглядывая на художника,—а признайтесь-ка, удивились вы, что я такъ легкомысленно сразу перешелъ отъ нашей бесѣды о самыхъ великихъ и важныхъ предметахъ, о добродѣтеляхъ древнихъ спартанцевъ и римлянъ къ болтовнѣ о дѣвчонкахъ со старухой? Но не осуждайте меня слишкомъ строго и вспомните, государь мой, что

этому разнообразію насъ учитъ сама природа въ своихъ вѣчныхъ противоположностяхъ и превращеніяхъ. А вѣдь главное—безстрашно слѣдовать природѣ во всемъ. Да и къ чему притворяться? Всѣ мы люди, всѣ человѣки. Знаете старую басню о томъ, какъ философъ Аристотель въ присутствіи ученика своего Александра Великаго по прихоти одной распутной женщины, въ которую влюбленъ былъ безъ памяти, сталъ на четверенки и взялъ ее къ себѣ на спину, и безстыдная, голая, поѣхала она верхомъ на мудрецѣ, какъ на мулѣ? Конечно, это только басня, но смыслъ ея глубокъ. Ужъ если самъ Аристотель рѣшился на такую глупость изъ за смазливой дѣвчонки,—гдѣ же намъ, грѣшнымъ, устоять?

Часъ былъ поздній. Всѣ давно спали. Было тихо. Только сверчокъ пѣлъ въ углу, и слышалось, какъ за деревянной перегородкой въ сосѣдней комнатѣ мона Альвиджія, что-то лепечетъ, бормочетъ, натирая лѣкарственною мазью отмороженную лапку обезьяны.

Леонардо легъ, но долго не могъ заснуть и смотрѣлъ на Макіавелли, прилежно склоненнаго надъ работою съ обгрызаннымъ гусинымъ перомъ въ рукахъ. Пламя огарка бросало на голую бѣлую стѣну огромную тѣнь отъ головы его съ угловатыми рѣзкими очертаніями, съ оттопыренною нижнею губою, непомѣрно длинною, тонкою шеей и длиннымъ птичьимъ носомъ. Кончивъ донесенія о политикѣ Цезаря, запечатавъ обертку сюргучемъ и сдѣлавъ обычную на спѣшныхъ посылкахъ надпись—cito, citissime, celerrime!" — „скорое, самое скорое, наискорѣйшее!" — открылъ онъ книгу Тита Ливія и погрузился въ любимый многолѣтній трудъ, составленіе объяснительныхъ примѣчаній къ „Декадамъ".

Леонардо слѣдилъ, какъ при свѣтѣ потухающаго огарка странная черная тѣнь на бѣлой стѣнѣ прыгала, плясала и корчила безстыдныя рожи, между тѣмъ какъ лицо секретаря флорентинской республики хранило строгое, торжественное спокойствіе словно отблескъ величія древняго Рима. Только въ самой глубинѣ, его глазъ да въ углахъ извилистыхъ губъ сквозило порой выраженіе двусмысленное, лукавое и горько-насмѣшливое, почти такое же циническое, какъ во время бесѣды со старухой.

V.

На слѣдующее утро вьюга утихла. Солнце искрилось въ замерзшихъ мутно-зеленыхъ стеклахъ маленькихъ окошекъ постоялаго двора, какъ въ блѣдныхъ изумрудахъ. Снѣжныя поля и холмы сіяли, мягкіе, какъ пухъ, ослѣпительно-бѣлые подъ голубыми небесами.

Когда Леонардо проснулся, сожителя его уже не было въ

комнатѣ. Художникъ сошелъ внизъ, въ кухню. Здѣсь въ очагѣ пылалъ большой огонь, и на новомъ самовращающемся вертелѣ шипѣло жаркое. Хозяинъ не могъ налюбоваться машиною Леонардо, а дряхлая старушка, пришедшая изъ глухого горнаго селенія, смотрѣла, выпучивъ глаза, въ суевѣрномъ ужасѣ, на баранью тушу, которая сама себя подрумянивала,—ходила, какъ живая, повертывая бока такъ, чтобы не пригорѣть.

Леонардо велѣлъ проводнику сѣдлать муловъ и присѣлъ къ столу, чтобы закусить на дорогу. Рядомъ мессэръ Никколо въ чрезвычайномъ волненіи разговаривалъ съ двумя новыми пріѣзжими. Одинъ изъ нихъ былъ гонецъ изъ Флоренціи, другой—молодой человѣкъ безукоризненной свѣтской наружности съ лицомъ, какъ у всѣхъ, не глупымъ, ни умнымъ, не злымъ и не добрымъ, незапоминаемымъ лицомъ толпы,—нѣкій мессэръ Лучіо,—какъ впослѣдствіи узналъ Леонардо, двоюродный племянникъ Франческо Веттори, знатнаго гражданина, имѣвшаго большія связи и дружески расположеннаго къ Макіавелли,—родственникъ самого гонфалоньера, Пьеро Содерини. Отправляясь по семейнымъ дѣламъ въ Анкону, Лучіо взялся отыскать Никколо въ Романьѣ и передать ему письма флорентинскихъ друзей. Пріѣхалъ онъ вмѣстѣ съ гонцомъ.

— Напрасно изволите безпокоиться, мессэръ Никколо,—говорилъ Лучіо.—Дядя Франческо увѣряетъ, что деньги скоро будутъ высланы. Еще въ прошлый четвергъ синьоры обѣщали ему...

— У меня, государь мой,—злобно перебилъ его Макіавелли,—двое слугъ да три лошади, которыхъ обѣщаніями великолѣпныхъ синьоровъ не накормишь! Въ Имолѣ получилъ я 60 дукатовъ, а долговъ заплатилъ на 70. Если бы не состраданіе добрыхъ людей, секретарь флорентійской республики умеръ бы съ голоду. Нечего сказать, хорошо заботятся синьоры о чести города, принуждая довѣренное лицо свое при чужомъ дворѣ выпрашивать по три, по четыре дуката на бѣдность!..

Онъ зналъ, что жалобы тщетны. Но ему было все равно, только-бы излить накипѣвшую въ сердцѣ горечь. Въ кухнѣ почти никого не было. Они могли говорить свободно.

— Нашъ соотечественникъ, мессэръ Леонардо да Винчи,—гонфалоньеръ долженъ его знать,—продолжалъ Макіавелли, указывая на художника, и Лучіо вѣжливо поклонился ему,—мессэръ Леонардо вчера еще былъ свидѣтелемъ оскорбленій, которымъ я подвергаюсь...

— Я требую, слышите, не прошу, а требую отставки!—закончилъ онъ, все болѣе горячась и видимо воображая въ лицѣ молодого флорентинца всю великолѣпную Синьорію.—Я человѣкъ бѣдный. Дѣла мои въ разстройствѣ. Я, наконецъ, боленъ. Если

такъ будетъ продолжаться, меня привезутъ домой въ гробу! Къ тому же все, что можно было сдѣлать съ данными мнѣ полномочіями, я здѣсь уже сдѣлалъ. А затягивать переговоры, ходить вокругъ да около, шагъ впередъ, шагъ назадъ, и хочется, и колется—слуга покорный! Я считаю герцога человѣкомъ слишкомъ умнымъ для такой ребяческой политики. Я, впрочемъ, писалъ вашему дядѣ...

— Дядя, — возразилъ Лучіо,—конечно, сдѣлаетъ для васъ, мессэре, все, что въ силахъ,—но вотъ бѣда: Совѣтъ Десяти считаетъ ваши донесенія столь необходимыми для блага республики, проливающими такой свѣтъ на здѣшнія дѣла, что никто и слышать не хочетъ о вашей отставкѣ. Мы бы-де и рады, да замѣнить его некѣмъ. Единственный, говорятъ, золотой человѣкъ, ухо и око нашей республики. Могу васъ увѣрить, мессэръ Никколò,—письма ваши имѣютъ такой успѣхъ во Флоренціи, что большаго вы сами не могли бы желать. Всѣ восхищаются неподражаемымъ изяществомъ и легкостью вашего слога. Дядя мнѣ говорилъ, что намедни въ залѣ Совѣта, когда читали одно изъ шуточныхъ вашихъ посланій, синьоры такъ и покатывались со смѣху...

— А, такъ вотъ оно что!—воскликнулъ Макіавелли, и лицо его вдругъ исказилось,—Ну, теперь я все понимаю. Синьорамъ письма мои по вкусу пришлись. Слава Богу, хоть на что-нибудь да пригодился мессэръ Никколò! Они тамъ,—изволите, ли видѣть?—со смѣху покатываются, изящества слога моего оцѣниваютъ, пока я здѣсь живу, какъ собака, мерзну, голодаю, дрожу въ лихорадкѣ, терплю униженія, бьюсь, какъ рыба объ ледъ—все для блага республики, чортъ бы ее побралъ вмѣстѣ съ гонфалоньеромъ—этою слезливою старою бабою! Чтобъ вамъ всѣмъ ни гроба, ни савана...

Онъ разразился площадною бранью. Знакомое безсильное негодованіе наполняло его при мысли объ этихъ вождяхъ народа, которыхъ онъ презиралъ и у которыхъ былъ на посылкахъ.

Желая перемѣнить разговоръ, Лучіо подалъ Никколò письмо отъ молодой жены его, моны Маріетты.

Макіавели пробѣжалъ нѣсколько строкъ, нацарапанныхъ дѣтскимъ крупнымъ почеркомъ на сѣрой бумагѣ.

„Я слышала,—писала, между прочимъ, Маріетта,—что въ тѣхъ краяхъ, гдѣ вы находитесь, свирѣпствуютъ лихорадки и другія болѣзни. Можете себѣ представить, каково у меня на душѣ. Мысли о васъ ни днемъ, ни ночью не даютъ мнѣ покоя... Мальчикъ, славу Богу, здоровъ. Онъ становится удивительно похожъ на васъ. Личико бѣлое, какъ снѣгъ, а головка въ густыхъ черныхъ, пречерныхъ волосикахъ, точь-въ-точь, какъ у вашей милости. Онъ кажется мнѣ красивымъ, потому что похожъ на васъ. И такой живой, веселый, какъ будто ему уже годъ. Вѣрите

ли, только что родился, открылъ глазенки и закричалъ на весь домъ...—А вы не забывайте насъ, и очень, очень прошу, пріѣзжайте скорѣе, потому что я болѣе ждать не могу и не буду. Ради Бога, пріѣзжайте! А пока да сохранитъ васъ Господь, Приснодѣва Марія и великомощный мессэръ Антоніо, коему непрестанно о здравіи вашей милости молюсь!"

Леонардо замѣтилъ, что во время чтенія этого письма лицо Макіавелли озарилось доброю, нѣжною улыбкой, неожиданной для рѣзкихъ, угловатыхъ чертъ его, какъ будто изъ за нихъ выглянуло лицо другого человѣка. Но оно тотчасъ же скрылось. Презрительно пожавъ плечами, скомкалъ онъ письмо, сунулъ въ карманъ и проворчалъ сердито:

— И кому только, кому понадобилось сплетничать о моей болѣзни?

— Невозможно было скрыть,—возразилъ Лучіо. — Каждый день мона Маріетта приходитъ къ одному изъ вашихъ друзей или членовъ Совѣта Десяти, разспрашиваетъ, выпытываетъ, гдѣ вы, что съ вами...

— Да ужъ знаю, знаю, не говорите,—бѣда мнѣ съ нею!

Онъ нетерпѣливо махнулъ рукою и прибавилъ:

— Дѣла государственныя должно поручать людямъ холостымъ. Одно изъ двухъ, или жена или политика.

И, немного отвернувшись, рѣзкимъ, крикливымъ голосомъ продолжалъ:

— Не имѣете ли намѣренія жениться, молодой человѣкъ?

— Пока нѣтъ, мессэръ Никколò,—отвѣтилъ Лучіо.

— И никогда, слышите, никогда не дѣлайте этой глупости. Сохрани васъ Богъ. Жениться, государь мой,—это все равно, что искать угря въ мѣшкѣ со змѣями! Супружеская жизнь—бремя для спины Атласа, а не обыкновеннаго смертнаго. Не такъ ли, мессэръ Леонардо?

Леонардо смотрѣлъ на него и угадывалъ, что Макіавелли любитъ мону Маріетту съ глубокою нѣжностью, но, стыдясь этой любви, скрываетъ ее подъ маскою безстыдства.

Гостинница опустѣла. Постояльцы, вставшіе спозаранку, разъѣхались. Собрался въ путь и Леонардо. Онъ пригласилъ Макіавелли ѣхать вмѣстѣ. Но тотъ грустно покачалъ головою и отвѣтилъ, что ему придется ждать изъ Флоренціи денегъ, чтобы расплатиться съ хозяиномъ и нанять лошадей. Отъ недавней напускной развязности въ немъ теперь и слѣда не оставалось. Онъ весь вдругъ поникъ, опустился, казался несчастнымъ и больнымъ. Скука неподвижности, слишкомъ долгаго пребыванія на одномъ и томъ же мѣстѣ было для него убійственна. Недаромъ въ одномъ письмѣ члены Совѣта Десяти упрекали его за слишкомъ частые,

безпричинные и неожиданные переѣзды, которые производили путаницу въ дѣлахъ: „видишь, Никколò, до чего доводитъ насъ этотъ твой непосѣдливый духъ, столь жадный къ перемѣнѣ мѣстъ“.

Леонардо взялъ его за руку, отвелъ въ сторону и предложилъ денегъ взаймы. Никколò отказался.

— Не обижайте меня, другъ мой,—молвилъ художникъ.— Вспомните то, что сами вчера говорили: какое нужно рѣдкое соединеніе звѣздъ, чтобы встрѣтились такіе люди, какъ мы. Зачѣмъ же лишаете вы меня и себя этого благодѣянія Фортуны? И развѣ вы не чувствуете, что не я вамъ, а вы мнѣ оказали бы сердечную услугу...

Въ лицѣ и голосѣ Леонардо была такая доброта, что Никколо не имѣлъ духу огорчить его и взялъ тридцать дукатовъ, которые обѣщалъ возвратить, какъ только получитъ деньги изъ Флоренціи. Тотчасъ расплатился онъ въ гостинницѣ съ щедростью вельможи.

VI.

Они выѣхали. Утро было тихое, нѣжное, съ почти весеннею теплотою и капелью на солнцѣ, съ душисто-морозною свѣжестью въ тѣни. Глубокій снѣгъ съ голубыми тѣнями хрустѣлъ подъ копытами коней и муловъ. Между бѣлыми холмами сверкало блѣдно-зеленое, зимнее море, и желтые косые паруса, подобные крыльямъ золотистыхъ бабочекъ, кое-гдѣ мелькали на немъ.

Никколò болталъ, шутилъ и смѣялся. Каждая мелочь вызывала его на неожиданно-забавныя или печальныя размышленія.

Проѣзжая бѣдное селеніе рыбаковъ на берегу моря и горной рѣчки Арциллы, увидѣли путники на маленькой церковной площади жирныхъ, веселыхъ монаховъ въ толпѣ молодыхъ поселянокъ, которыя покупали у нихъ крестики, четки, кусочки мощей, камешки отъ дома Лореттской Богоматери, перышки изъ крыльевъ Архангела Михаила.

— Чего зѣваете?—крикнулъ Никколò мужьямъ и братьямъ поселянокъ, стоявшимъ тутъ же на площади.—Не подпускайте монаховъ къ женщинамъ. Развѣ вы не знаете, какъ жиръ легко зажигается огнемъ, и какъ любятъ святые отцы, чтобы красавицы не только называли ихъ, но и дѣлали отцами?

Заговоривъ со спутникомъ о римской церкви, онъ сталъ доказывать, что она погубила Италію.

— Клянусь Вакхомъ,—воскликнулъ онъ, и глаза его загорѣлись негодованіемъ,—я полюбилъ бы какъ себя самого того, кто принудилъ бы всю эту сволочь—поповъ и монаховъ—отречься или отъ власти, или отъ пороковъ!..

Леонардо спросилъ его, что думаетъ онъ о Савонароллѣ. Никколò признался, что одно время былъ пламеннымъ его приверженцемъ, надѣялся, что онъ спасетъ Италію, но скоро понялъ безсиліе пророка.

— Опротивѣла мнѣ до дошноты вся эта ханженская лавочка. И вспоминать не хочется! Ну ихъ къ чорту!—заключилъ онъ брезгливо.

VII.

Около полудня въѣхали они въ ворота города Фано. Всѣ дома переполнены были солдатами, военачальниками и вельможами Цезаря. Леонардо, какъ придворному зодчему, отвели двѣ комнаты близь дворца на площади. Одну изъ нихъ предложилъ онъ спутнику, такъ какъ достать другое помѣщеніе было трудно.

Макіавелли пошелъ во дворецъ и вернулся съ важною новостью: главный герцогскій намѣстникъ донъ Рамиро ди Лоркна былъ казненъ. Утромъ въ день Рождества, 25-го декабря, народъ увидѣлъ на Пьяцеттѣ между замкомъ и Роккою Чезены обезглавленный трупъ его, валявшійся въ лужѣ крови, рядомъ—топоръ, и на копьѣ, воткнутомъ въ землю, отрубленную голову.

— Причины казни никто не знаетъ,—заключилъ Никколò.— Но теперь объ этомъ только и говорятъ по всему городу. И мнѣнія прелюбопытныя. Я нарочно зашелъ за вами. Пойдемте-ка на площадь, послушаемъ. Право же, грѣшно пренебрегать такимъ случаемъ изученія на опытѣ естественныхъ законовъ политики.

Передъ древнимъ соборомъ Санто Фортунато толпа ожидала выхода герцога. Онъ долженъ былъ проѣхать въ лагерь для смотра войскъ. Разговаривали о казни намѣстника. Леонардо и Макіавелли вмѣшались въ толпу.

— Какъ же, братцы? Я въ толкъ не возьму,—допытывался молодой ремесленникъ съ добродушнымъ и глуповатымъ лицомъ,—какъ же сказывали, будто бы болѣе всѣхъ вельможъ любилъ онъ и жаловалъ намѣстника?

— Потому-то и взыскалъ что любилъ,—наставительно молвилъ купецъ благообразной, почтенной наружности въ бѣличьей шубѣ.—Донъ Рамиро обманывалъ герцога. Именемъ его народъ угнеталъ, въ тюрьмахъ и пыткахъ морилъ, лихоимствовалъ. А передъ государемъ овечкой прикидывался. Думалъ, шито да крыто. Не тутъ-то было! Часъ пришелъ, исполнилась мѣра долготерпѣнія государева, и перваго вельможу своего не пощадилъ онъ для блага народа, приговора не дождавшись, голову на плахѣ отрубилъ, какъ послѣднему злодѣю, чтобы другимъ не повадно было. Теперь, небось, всѣ, у кого рыльце въ пуху, хвосты под-

жали,—видятъ, страшенъ гнѣвъ его, праведенъ судъ. Смиреннаго милуетъ, гордаго сокрушаетъ.

— Regas eos in virga ferrea,—привелъ монахъ слова Откровенія,—„будешь пасти ихъ жезломъ желѣзнымъ“.

— Да, да, жезломъ бы ихъ всѣхъ желѣзнымѣ, собачьихъ дѣтей, мучителей народа!...

— Умѣетъ казнить,—умѣетъ миловать.

— Лучшаго государя не надо!

— Истинно такъ,—молвилъ поселянинъ.—Сжалился, видно, Господь надъ Романьей. Прежде, бывало, съ живого и съ мертваго шкуру дерутъ, поборами разоряютъ. И такъ-то ѣсть нечего, а тутъ за недоимки послѣднюю пару воловъ со двора уводятъ. Только и вздохнули при герцогѣ Валентино,—пошли ему Господь здоровья!

— Тоже и суды,—продолжалъ купецъ.—Бывало, таскаютъ, таскаютъ—всю душу вымотаютъ. А теперь мигомъ рѣшатъ, такъ что скорѣе не надо.

— Сироту защитилъ, вдовицу утѣшилъ,—прибавилъ монахъ.

— Жалѣетъ, что говорить, жалѣетъ народъ.

— Никому въ обиду не дастъ!

— О, Господи, Господи!—всхлипывая отъ умиленія, залепетала дряхлая старушка-нищенка.—Отецъ ты нашъ, благодѣтель, кормилецъ, сохрани тебя Матерь Царица Небесная, солнышко наше ясное!..

— Слышите, слышите,—шепнулъ Макіавелли на ухо спутнику.—Гласъ народа—гласъ Божій. Я всегда говорилъ: надо быть въ долинѣ, чтобы видѣть горы,—надо быть съ народомъ, чтобы знать государя. Вотъ куда привелъ бы я тѣхъ, кто считаютъ герцога извергомъ. Утаилъ сіе отъ премудрыхъ, неразумнымъ открылъ.

Зазвучала военная музыка. Толпа заволновалась.

— Онъ... Онъ... Ѣдетъ... Смотрите..

Приподымались на цыпочки, вытягивали шеи. Изъ оконъ высовывались любопытныя головы. Молодыя дѣвушки и женщины съ влюбленными глазами выбѣгали на балконы и лоджіи, чтобы видѣть своего героя, „Цезаря бѣлокураго, прекраснаго“—Cesare biondo e bello. Это было рѣдкое счастье, ибо герцогъ почти никогда не показывался народу.

Впереди шли музыканты съ оглушительно-звонкимъ бряцаніемъ литавровъ, сопровождавшимъ тяжелую поступь солдатъ. За ними—романьольская гвардія герцога—все отборные молодые красавцы, съ трехлоктевыми алебардами, въ желѣзныхъ каскахъ и панцыряхъ, въ двухцвѣтной одеждѣ—правая половина желтая, лѣвая—красная. Никколó налюбоваться не могъ истинно-древнею римскою стройностью этого войска, созданнаго Цезаремъ. За гвардіей

выступали пажи и стремянные, въ одеждахъ невиданной роскоши— въ камзолахъ золотой парчи, въ накидкахъ пунцоваго бархата съ вытканными золотомъ листьями папоротника; ножны и пояса мечей— изъ змѣиной чешуи съ пряжками, изображавшими семь головъ ехидны, мечущихъ къ небу свой ядъ, — знаменье Борджіа. На груди выткано было серебромъ по черному шелку: Caesar. Далѣе—тѣлохранители герцога, албанскіе страдіоты въ зеленыхъ турецкихъ чалмахъ, съ кривыми ятаганами. Маэстро дель кампо— начальникъ лагеря, Бартоломео Капраника несъ поднятый вверхъ, обнаженный мечъ Знаменоносца Римской Церкви. За нимъ на черномъ берберійскомъ жеребцѣ съ брилліантовымъ солнцемъ въ челкѣ, ѣхалъ самъ повелитель Романьи, Цезарь Борджіа, герцогъ Валентино, въ блѣдно-лазоревой шелковой мантіи, съ бѣлыми жемчужными лиліями Франціи, въ гладкихъ, какъ зеркало, бронзовыхъ латахъ, съ разинутой львиною пастью на панцырѣ, въ шлемѣ, изображавшемъ морское чудовище или дракона съ колючими перьями, крыльями и плавниками изъ кованой, тонкой, при каждомъ движеніи звонко-трепещущей мѣди.

Лицо Валентино,—ему было двадцать шесть лѣтъ,—похудѣло и осунулось съ тѣхъ поръ, какъ Леонардо увидѣлъ его впервые при дворѣ Людовика XII въ Миланѣ. Черты сдѣлались рѣзче. Глаза съ черно-синимъ блескомъ вороненой стали—тверже и непроницаемѣе. Бѣлокурые волосы, все еще густые, и раздвоенная бородка потемнѣли. Удлинившійся носъ напоминалъ клювъ хищной птицы. Но совершенная ясность, какъ прежде, царила въ этомъ безстрастномъ лицѣ. Только теперь въ немъ было выраженіе еще болѣе стремительной отваги,—ужасающей остроты, какъ въ обнаженномъ отточенномъ лезвеѣ.

За герцогомъ слѣдовала артиллерія, — лучшая во всей Италіи,— тонкіе мѣдные кулеврины, фальконеты, черботаны, толстыя чугунныя мортары, стрѣлявшія каменными ядрами. Запряженныя волами, катились онѣ съ глухимъ, потрясающимъ гуломъ и грохотомъ, который сливался со звуками трубъ и литавровъ. Въ багровыхъ лучахъ заходящаго солнца пушки, панцыри, шлемы, копья вспыхивали молніями, и казалось, Цезарь ѣхалъ въ царственномъ пурпурѣ зимняго вечера, какъ тріумфаторъ, прямо къ этому огромному, низкому и кровавому солнцу.

Толпа смотрѣла на героя, молча, притаивъ дыханіе, желая и не смѣя привѣтствовать его криками, въ благоговѣніи, подобномъ ужасу. Слезы текли по щекамъ старой нищенки.

— Святые угодники!.. Матерь Пречистая!—лепетала она, крестясь.—Привелъ-таки Господь увидѣть свѣтлое личико твое... солнышко ты наше красное!..

И сверкающій мечъ, врученный папою Цезарю для защиты

церкви Господней, казался ей огненнымъ мечомъ самого Архангела Михаила.

Леонардо невольно усмѣхнулся, замѣтивъ одинаковое выраженіе простодушнаго восторга въ лицѣ Никколо̀ и полоумной нищенки.

VIII.

Вернувшись домой, художникъ нашелъ подписанное главнымъ секретаремъ герцога, Агапито приказаніе, на слѣдующій день явиться къ его высочеству.

Лучіо, который, продолжая путь въ Анкону, остановился отдохнуть въ городѣ Фано и долженъ былъ выѣхать утромъ, пришелъ къ нимъ проститься. Никколо̀ заговорилъ о казни Рамира ди Лорква. Лучіо спросилъ его, что думаетъ онъ о дѣйствительной причинѣ этой казни.

— Угадывать причины дѣйствій такого государя, какъ Цезарь, трудно, почти невозможно, — возразилъ Макіавелли. — Но ежели угодно вамъ знать, что я думаю, извольте. До завоеванія герцогомъ, Романья, какъ вамъ извѣстно—находясь подъ игомъ множества отдѣльныхъ ничтожныхъ тиранновъ, полна была буйствами, грабежами и насиліями. Цезарь, чтобы положить имъ сразу конецъ, назначилъ главнымъ намѣстникомъ умнаго и вѣрнаго слугу своего, дона Рамиро ди Лорква. Лютыми казнями, пробудившими въ народѣ спасительный ужасъ передъ закономъ, въ короткое время прекратилъ онъ безпорядокъ и водворилъ совершенное спокойствіе въ странѣ. Когда же государь увидѣлъ, что цѣль достигнута, онъ рѣшилъ истребить орудіе жестокости своей, велѣлъ схватить намѣстника подъ предлогомъ лихоимства, казнить и выставить на площади трупъ. Это страшное зрѣлище въ одно и то же время удовлетворило и оглушило народъ. А герцогъ извлекъ три выгоды изъ дѣйствія, полнаго глубокою и достойною подражанія, мудростью: во-первыхъ, съ корнемъ вырвалъ плевелы раздоровъ, посѣянные въ Романьѣ прежними слабыми тираннами; во-вторыхъ, увѣривъ народъ, будто бы жестокости совершены были безъ вѣдома государя, умывъ руки во всемъ и сваливъ бремя отвѣтственности на голову намѣстника, воспользовался добрыми плодами его свирѣпости; въ-третьихъ, принося въ жертву народу своего любимаго слугу, явилъ образецъ высокой и неподкупной справедливости.

Онъ говорилъ спокойнымъ, тихимъ голосомъ, сохраняя безстрастную неподвижность въ лицѣ, какъ будто излагалъ выводы отвлеченной математики. Только въ самой глубинѣ глазъ его дрожала, то потухая, то вспыхивая, искра шаловливой, дерзкой, почти школьнически-задорной веселости.

— Хороша справедливость, нечего сказать!—воскликнулъ Лучіо.—Да вѣдь изъ вашихъ словъ, мессэръ Никколò, выходитъ, что это мнимое правосудіе—величайшая гнусность!

Секретарь Флоренціи опустилъ глаза, стараясь потушить ихъ рѣзвый огонь.

— Можетъ быть,—прибавилъ онъ холодно,—очень можетъ быть, мессэре; но что же изъ того?

— Какъ, что изъ того? Неужели гнусность считаете вы достойною подражанія государственною мудростью?

Макіавелли пожалъ плечами.

— Молодой человѣкъ, когда вы пріобрѣтете нѣкоторую опытность въ политикѣ, то сами увидите, что между тѣмъ, какъ люди поступаютъ, и тѣмъ, какъ должно поступать, такая разница, что забывать ее, значитъ обрекать себя на вѣрную гибель, ибо всѣ люди по природѣ своей злы и порочны, ежели выгода или страхъ не принуждаетъ ихъ къ добродѣтели. Вотъ почему, говорю я, государь, чтобы избѣгнуть гибели, долженъ прежде всего научиться искусству казаться добродѣтельнымъ, но быть или не быть имъ, смотря по нуждѣ, не страшась укоровъ совѣсти за тѣ тайные пороки, безъ коихъ сохраненіе власти невозможно, ибо съ точностью изслѣдуя природу зла и добра, приходишь къ заключенію, что многое кажущееся доблестью уничтожаетъ, а кажущееся порокомъ возвеличиваетъ власть государей.

— Помилуйте, мессэръ Никколò!—возмутился наконецъ Лучіо.—Да вѣдь, если такъ разсуждать, то все позволено, нѣтъ такого злодѣйства и жестокости, которыхъ бы нельзя оправдать...

— Да, все позволено,—еще холоднѣе и тише произнесъ Никколò, и, какъ бы углубляя значеніе этихъ словъ, поднялъ руку и повторилъ: все позволено тому, кто хочетъ и можетъ властвовать!

— Итакъ, — продолжалъ онъ,—возвращаясь къ тому, съ чего мы начали, я заключаю, что герцогъ Валентино, объединившій Романью при помощи дона Рамира, прекратившій въ ней грабежи и насилія—не только разумнѣе, но и милосерднѣе въ своей жестокости, чѣмъ, напримѣръ, флорентинцы, допускающіе постоянные мятежи и буйства въ подчиненныхъ имъ земляхъ, ибо лучше жестокость, поражающая немногихъ, чѣмъ милосердіе, отъ котораго народы гибнутъ въ мятежахъ.

— Позвольте однако,—видимо запуганный и ошеломленный, спохватился Лучіо. —Какъ же такъ? Развѣ не было великихъ государей, чуждыхъ всякой жестокости? Ну, хотя бы императоръ Антонинъ, или Маркъ Аврелій—да мало-ли другихъ въ лѣтописяхъ древнихъ и новыхъ народовъ...

— Не забывайте, мессэре,—возразилъ Никколò,—что я пока имѣлъ въ виду не столько наслѣдственныя, сколько завоеванныя

монархіи, не столько сохраненіе, сколько пріобрѣтеніе власти. Конечно, императоры Антонинъ и Маркъ Аврелій могли быть милосердными безъ особеннаго вреда для государства, потому что въ прошлые вѣка совершено было достаточно свирѣпыхъ и кровавыхъ дѣяній. Вспомните только, что при основаніи Рима одинъ изъ братьевъ, вскормленныхъ волчицею, умертвилъ другого,—злодѣяніе ужасное,—но, съ другой стороны, какъ знать, если бы не совершилось братоубійство, необходимое для установленія единодержавія—существовалъ ли бы Римъ, не погибъ ли бы онъ среди неизбѣжныхъ раздоровъ двоевластія? И кто посмѣетъ рѣшить, какая чаша вѣсовъ перевѣситъ, если на одну положить братоубійство, на другую—всѣ добродѣтели и мудрость Вѣчнаго Города? Конечно, слѣдуетъ предпочитать самую темную долю величію царей, основанному на подобныхъ злодѣйствахъ. Но тотъ, кто разъ покинулъ путь добра, долженъ, если не хочетъ погибнуть, вступить на эту роковую стезю безъ возврата, чтобы идти по ней до конца, ибо люди мстятъ только за малыя и среднія обиды, тогда какъ великія отнимаютъ у нихъ силы для мщенія. Вотъ почему государь можетъ причинять своимъ подданнымъ только безмѣрныя обиды, воздерживаясь отъ малыхъ и среднихъ. Но большею частью выбирая именно этотъ средній путь между зломъ и добромъ, самый пагубный, люди не смѣютъ быть ни добрыми, ни злыми до конца. Когда злодѣйство требуетъ величія духа, они отступаютъ передъ нимъ и съ естественною легкостью совершаютъ только обычныя подлости.

— Волосы дыбомъ встаютъ отъ того, что вы говорите, мессэръ Никколо́!—ужаснулся Лучіо, и такъ какъ свѣтское чувство подсказывало ему, что всего приличнѣе отдѣлаться шуткою, прибавилъ, стараясь улыбнуться:

— Впрочемъ, воля ваша, я все-таки представить себѣ не могу, чтобы вы въ самомъ дѣлѣ думали такъ. Мнѣ кажется невѣроятнымъ...

— Совершенная истина почти всегда кажется невѣроятною,—прибавилъ Макіавелли сухо.

Леонардо, внимательно слушавшій, давно уже замѣтилъ, что, притворяясь равнодушнымъ, Никколо́ бросалъ на собесѣдника украдкою испытующіе взоры, какъ бы желая измѣрить силу впечатлѣнія, которое производятъ мысли его,—удивляетъ ли, пугаетъ ли новизна ихъ и необычайность? Въ этихъ косвенныхъ неувѣренныхъ взорахъ было тщеславіе. Художникъ чувствовалъ, что Макіавелли не владѣетъ собою, что умъ его, при всей своей остротѣ и тонкости, не обладаетъ спокойною, побѣждающей силой. Изъ нежеланія думать, какъ всѣ, изъ ненависти къ общимъ мѣстамъ, впадалъ онъ въ противоположную крайность,—въ пре-

увеличенія, въ погоню за рѣдкими, хотя бы неполными, но, во что бы то ни стало, поражающими истинами. Онъ игралъ неслыханными сочетаніями противорѣчивыхъ словъ — напримѣръ, *добродѣтель* и *свирѣпость*, какъ фокусникъ играетъ обнаженными шпагами, съ безстрашною ловкостью. У него была цѣлая оружейная палата этихъ отточенныхъ, блестящихъ, соблазнительныхъ и страшныхъ полуистинъ, которыми онъ металъ, словно ядовитыми стрѣлами, во враговъ своихъ, подобныхъ мессэру Лучіо,— людей толпы, мѣщански-благопристойныхъ и здравомыслящихъ. Онъ мстилъ имъ за ихъ торжествующую пошлость, за свое непонятое превосходство, — кололъ, язвилъ — но не убивалъ, даже не ранилъ.

И художнику вспомнилось вдругъ его собственное чудовище, которое нѣкогда изобразилъ онъ на деревянномъ щитѣ „ротеллѣ“, по заказу сэръ-Пьеро да Винчи, создавъ его изъ разныхъ частей отвратительныхъ гадовъ. Не образовывалъ ли и мессэръ Никколо такъ же безцѣльно и безкорыстно своего богоподобнаго изверга, не существующаго и невозможнаго Государя, противоестественное и плѣнительное чудовище, голову Медузы—на страхъ толпѣ?

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, подъ этою безпечною прихотью и шалостью воображенія, подъ безстрастіемъ художника, Леонардо угадывалъ въ немъ дѣйствительно великое страданіе, какъ будто фокусникъ, играя мечами, нарочно рѣзалъ себя до крови. Въ прославленіи чужихъ жестокостей была жестокость къ самому себѣ.

„Не изъ тѣхъ ли онъ жалкихъ больныхъ,—думалъ Леонардо,— которые ищутъ утоленія боли, растравляя собственныя раны?“

И все-таки послѣдней тайны этого темнаго, сложнаго, столь ему близкаго и чуждаго сердца онъ еще не зналъ.

Въ то время, какъ онъ смотрѣлъ на Макіавелли съ глубокимъ любопытствомъ, мессэръ Лучіо безпомощно, какъ въ нелѣпомъ снѣ, боролся съ призрачною головою Медузы.

— Что жъ? Я спорить не буду,—отступалъ онъ въ послѣднюю твердыню здраваго смысла.—Можетъ быть, есть нѣкоторая доля правды въ томъ, что говорите вы о необходимой жестокости государей, если примѣнить это къ великимъ людямъ прошедшихъ вѣковъ. Имъ простится многое, потому что добродѣтель и подвиги ихъ выше всякой мѣры. Но помилуйте, мессэръ Никколо, причемъ же тутъ герцогъ Романьи? Quod licet Jovi, non licet bovi. Что позволено Александру Великому и Юлію Цезарю, позволено ли Александру VI и Цезарю Борджіа, о которомъ пока вѣдь еще неизвѣстно, что онъ такое—Цезарь или ничто? Я, по крайней мѣрѣ, думаю,—со мною всѣ согласятся...

— О, конечно, съ вами всѣ согласятся!—уже явно теряя само-

обладаніе, перебилъ Никколò.—Только это еще не доказательство, мессэръ Лучіо. Истина обитаетъ не на большихъ дорогахъ, по которымъ ходятъ всѣ. А чтобы кончить споръ,—вотъ вамъ послѣднее слово мое: наблюдая дѣйствія Цезаря, я нахожу ихъ совершенными и полагаю, что тѣмъ, кто пріобрѣтаетъ власть оружіемъ и удачей, можно указать на него, какъ на лучшій образецъ для подражанія. Такая свирѣпость съ такою добродѣтелью соединились въ немъ, онъ такъ умѣетъ ласкать и уничтожать людей, такъ прочны основанія власти, заложенныя имъ въ столь короткое время, что уже и теперь это—самодержецъ, единственный въ Италіи, можетъ быть, въ Европѣ, а чтó ожидаетъ его въ будущемъ, и представить себѣ трудно...

Голосъ его дрожалъ. Красныя пятна выступили на впалыхъ щекахъ; глаза горѣли, какъ въ лихорадкѣ. Онъ былъ похожъ на ясновидящаго. Изъ подъ насмѣшливой маски циника выглядывало лицо бывшаго ученика Савонароллы.

Но только что Лучіо, утомленный этимъ разговоромъ, предложилъ заключить мировую двумя, тремя бутылками въ сосѣднемъ погребкѣ—ясновидецъ исчезъ.

— Знаете ли что?—возразилъ Никколò,—пойдемте-ка лучше въ другое мѣстечко. У меня на это нюхъ собачій! Здѣсь нынче, полагаю, должны быть прехорошенькія дѣвочки...

— Ну, какія могутъ быть дѣвочки въ этомъ дрянномъ городишкѣ?—усомнился Лучіо.

— Послушайте, молодой человѣкъ,—остановилъ его секретарь Флоренціи съ важностью,—никогда не брезгайте дрянными городишками. Боже васъ упаси! Въ этихъ самыхъ грязненькихъ предмѣстьицахъ, въ темненькихъ переулочкахъ можно иногда такое откопать, что пальчики оближешь.

Лучіо развязно потрепалъ Макіавелли по плечу и назвалъ его шалуномъ.

— Темно,—отнѣкивался онъ,—да и холодно, замерзнемъ...

— Фонари возьмемъ,—настаивалъ Никколò,—шубы надѣнемъ, кáппы—на лицо. По крайней мѣрѣ никто не узнаетъ. Въ такихъ похожденіяхъ, чѣмъ таинственнѣе, тѣмъ пріятнѣе. Мессэръ Леонардо, вы съ нами?

Художникъ отказался.

Онъ не любилъ обычныхъ грубыхъ мужскихъ разговоровъ о женщинахъ, избѣгалъ ихъ съ чувствомъ непреодолимой стыдливости. Этотъ пятидесятилѣтній человѣкъ, безтрепетный испытатель тайнъ природы, провожавшій людей на смертную казнь, чтобы слѣдить за выраженіемъ послѣдняго ужаса въ лицахъ, иногда терялся отъ легкомысленной шутки, не зналъ, куда дѣвать глаза и краснѣлъ, какъ мальчикъ.

Никколò увлекъ мессэра Лучіо.

IX.

На слѣдующій день рано утромъ пришелъ изъ дворца камерьере узнать, доволенъ ли главный герцогскій строитель отведеннымъ ему помѣщеніемъ, не терпитъ ли недостатка въ городѣ, переполненномъ такимъ множествомъ иностранцевъ, и передалъ ему съ привѣтствіемъ герцога подарокъ, состоявшій, по гостепріимному обычаю тѣхъ временъ, изъ хозяйственныхъ припасовъ—куля съ мукою, боченка съ виномъ, бараньей туши, восьми паръ каплуновъ и куръ, двухъ большихъ факеловъ, трехъ пачекъ восковыхъ свѣчей и двухъ ящиковъ конфетти. Видя вниманіе Цезаря къ Леонардо, Никколò попросилъ его замолвить за него словечко у герцога, выхлопатать ему свиданіе.

Въ одиннадцать часовъ ночи, обычное время пріема у Цезаря, отправились они во дворецъ.

Образъ жизни герцога былъ страненъ. Когда однажды феррарскіе послы жаловались папѣ на то, что не могутъ добиться пріема у Цезаря, его святѣйшество отвѣтилъ имъ, что онъ и самъ недоволенъ поведеніемъ сына, который обращаетъ день въ ночь, и по два, по три мѣсяца откладываетъ дѣловыя свиданія.

Время его распредѣлялось такъ: лѣтомъ и зимою ложился онъ спать въ четыре или пять часовъ утра, въ три пополудни для него только что брезжила утренняя заря, въ четыре вставало солнце, въ пять вечера одѣвался тотчасъ обѣдалъ, иногда, лежа въ постели,—во время обѣда и послѣ, занимался дѣлами. Всю свою жизнь окружалъ онъ тайною непроницаемой, не только по естественной скрытности, но и по разсчету. Изъ дворца выѣжалъ рѣдко, почти всегда въ маскѣ. Народу показывался во дни великихъ торжествъ, войску — во время сраженія, въ минуты крайней опасности: за то каждое изъ его явленій было поражающимъ, какъ явленіе полубога. Онъ любилъ и умѣлъ удивлять.

О щедрости его ходили слухи невѣроятные. На содержаніе Главнаго Капитана Церкви не хватало золота, непрерывно стекавшагося въ казну св. Петра со всего христіанскаго міра. Послы увѣряли государей, будто бы онъ тратитъ не менѣе тысячи восьмисотъ дукатовъ въ день. Когда Цезарь проѣзжалъ по улицамъ городовъ толпа бѣжала за нимъ, зная, что онъ подковываетъ лошадей своихъ особыми, легко спадающими, серебряными подковами, чтобы нарочно терять ихъ по пути въ подарокъ народу.

Чудеса разсказывали и о тѣлесной силѣ его: однажды, будто бы, въ Римѣ во время боя быковъ юный Цезарь, бывшій тогда кардиналомъ Валенцы, разрубилъ черепъ быку однимъ ударомъ палаша. Въ послѣдніе годы онъ французская болѣзнь только потрясла, но не сокрушила его здоровья. Пальцами своей прекрасной,

женственно-тонкой руки гнулъ онъ лошадиныя подковы, скручивалъ желѣзные прутья, разрывалъ корабельные канаты. Недоступнаго собственнымъ вельможамъ и посламъ великихъ державъ, можно было видѣть его на холмахъ въ окрестностяхъ Чевены, присутствующимъ на кулачныхъ бояхъ полудикихъ горныхъ пастуховъ Романьи. Порою и самъ принималъ онъ участіе въ этихъ играхъ.

Въ то же время былъ онъ совершенный кавальери, законодатель свѣтскихъ модъ. Однажды, ночью, въ день свадьбы сестры своей, мадонны Лукреціи, покинувъ осаду крѣпости, прямо изъ лагеря прискакалъ во дворецъ жениха, Альфонса д'Эсте, герцога Феррарскаго; никѣмъ не узнанный, весь въ черномъ бархатѣ, въ черной маскѣ, прошелъ толпу гостей, поклонился, и когда они разступились передъ нимъ одинъ подъ звуки музыки началъ пляску, и сдѣлалъ нѣсколько круговъ по залѣ съ такимъ изяществомъ, что тотчасъ всѣ его узнали. „Цезарь! Цезарь! L'unico Cesare!—Единственный Цезарь!"—пронесся восторженный шопотъ въ толпѣ. Не обращая вниманія ни на гостей, ни на хозяина, онъ отвелъ невѣсту въ сторону и, наклонившись, сталъ что-то шептать ей на ухо. Лукреція потупила глаза, вспыхнула, потомъ поблѣднѣла, какъ полотно, и сдѣлалась еще прекраснѣе, вся нѣжная, блѣдная, какъ жемчужина, быть можетъ, невинная, но слабая, безконечно-покорная страшной волѣ брата, покорная, какъ увѣряли, даже до кровосмѣшенія.

Онъ заботился объ одномъ: чтобы не было явныхъ уликъ. Можетъ быть, молва преувеличивала злодѣянія герцога, можетъ быть, дѣйствительность была ужаснѣе молвы. Во всякомъ случаѣ онъ умѣлъ прятать концы въ воду и заметать слѣды.

X.

Дворцомъ его высочеству служила старинная готическая ратуша города Фано.

Пройдя черезъ большую, унылую и холодную залу, общую пріемную для менѣе знатныхъ посѣтителей, Леонардо и Макіавелли вступили въ маленькій внутренній покой, должно быть, нѣкогда часовню, съ цвѣтными стеклами въ стрѣльчатыхъ окнахъ, высокими сѣдалищами церковнаго хора, гдѣ въ тонкой дубовой рѣзьбѣ изображены были двѣнадцать апостоловъ и учителя первыхъ вѣковъ христіанства. Въ увядшей фрескѣ на потолкѣ, среди облаковъ и ангеловъ, рѣялъ голубь Духа Святого. Здѣсь находились приближенные. Разговаривали полушопотомъ: близость государя чувствовалась черезъ стѣны.

Плѣшивый старичокъ, злополучный посолъ Римини, уже третій мѣсяцъ дожидавшійся свиданія съ герцогомъ, видимо усталый отъ многихъ безсонныхъ ночей, дремалъ въ углу на церковномъ сѣдалищѣ.

Иногда дверь пріотворялась, секретарь Агапито, съ озабочен-

нымъ видомъ, съ очками на носу и перомъ за ухомъ, просовывалъ голову и приглашалъ къ его высочеству кого-нибудь изъ присутствовавшихъ.

При каждомъ его появленіи посолъ Римини болѣзненно вздрагивалъ, приподымался, но видя, что очередь не за нимъ, тяжело вздыхалъ и опять погружался въ дремоту подъ звукъ аптекарскаго пестика въ мѣдной ступѣ.

За неимѣніемъ другихъ удобныхъ комнатъ въ тѣсной ратушѣ, часовня превращена была въ походную аптеку. Передъ окномъ, гдѣ было мѣсто алтаря, на столѣ, загроможденномъ бутылями, колбами и банками врачебной лабораторіи, епископъ Санта Джьюста Гаспаре Торелла, главный врачъ, „архіартосъ" его Святѣйшества папы и Цезаря, приготовлялъ недавно вошедшее въ моду лѣкарство,—настойку изъ такъ называемаго „святого дерева"—*гвайяко*, привозимаго съ ново-открытыхъ Колумбомъ полуденныхъ острововъ. Растирая въ красивыхъ рукахъ остро-пахучую, шафранно-желтую сердцевину гвайяко, слипавшуюся въ жирные комки, врачъ-епископъ объяснялъ съ любезною улыбкою природу и свойства цѣлительнаго дерева.

— Покаралъ Господь, — сокрушенно вздохнулъ епископъ Трани,—за грѣхи послалъ намъ бичъ гнѣва Своего!

Собесѣдники умолкли. Раздавался лишь мѣрный звонъ мѣднаго пестика въ ступѣ, и казалось, что учителя первыхъ вѣковъ христіанства, изображенные въ хорахъ по стѣнамъ, съ удивленіемъ внимаютъ этой странной бесѣдѣ новыхъ пастырей церкви Господней. Въ часовнѣ, озаренной мерцающимъ свѣтомъ аптекарской лампочки, гдѣ удушливый камфарный запахъ лѣкарственнаго дерева смѣшивался съ едва уловимымъ благоуханіемъ прежняго ладана, собраніе римскихъ прелатовъ какъ будто совершало тайное священнодѣйствіе.

Во время этой бесѣды секретарь Флоренціи, отводя то одного, то другого придворнаго въ сторону, ловко разспрашивалъ ихъ о предстоявшей политикѣ Цезаря, выпытывалъ, выслѣживалъ, нюхалъ воздухъ, какъ ищейка. Подошелъ онъ и къ Леонардо, и опустивъ голову на грудь, приложивъ указательный палецъ къ губамъ, поглядывая на него изподлобья, проговорилъ нѣсколько разъ въ глубокой задумчивости:

— Съѣмъ артишокъ... съѣмъ артишокъ...

— Какой артишокъ?—удивился художникъ.

— Въ томъ-то и штука,—какой артишокъ?.. Недавно герцогъ загадалъ загадку посланнику Феррары, Пандольфо Коленуччіо: я, говоритъ, съѣмъ артишокъ, листъ за листомъ. Можетъ быть, это означаетъ союзъ враговъ его, которыхъ онъ, раздѣливъ, уничтожитъ, а можетъ быть и что-нибудь совсѣмъ другое. Вотъ уже цѣлый часъ ломаю голову!..

И наклонившись къ уху Леонардо, онъ прошепталъ:

— Тутъ все загадки да ловушки! О всякомъ вздорѣ болтаютъ, а только что заговоришь о дѣлѣ—нѣмѣютъ, какъ рыбы или монахи за ѣдою. Ну, да меня не проведешь. Я чую—что-то у нихъ готовится. Но что именно? Что? Вѣрите ли, мессэре,—душу мою заложилъ бы я дьяволу, только бы знать, что именно!

И глаза его заблестѣли, какъ у отчаяннаго игрока.

Изъ пріотворенной двери высунулась голова секретаря Агапито. Онъ сдѣлалъ знакъ художнику.

Черезъ длинный, полутемный ходъ, занятый тѣлохранителями, албанскими страдіотами, вступилъ Леонардо въ опочивальню герцога, уютный покой съ шелковыми коврами по стѣнамъ, на которыхъ выткана была охота за единорогомъ,—съ лѣпною работою на потолкѣ, изображавшею басню о любви царицы Пазифаи къ быку. Этотъ быкъ, багряный или золотой телецъ, геральдическій звѣрь рода Борджіа, повторялся во всѣхъ украшеніяхъ комнаты, вмѣстѣ съ папскими трехвѣнечными тіарами и ключами св. Петра.

Въ комнатѣ было жарко натоплено. Въ мраморномъ очагѣ пылалъ благовонный можжевельникъ, въ лампадахъ горѣло масло съ примѣсью фіалковыхъ духовъ: Цезарь любилъ ароматы.

По обыкновенію, лежалъ онъ одѣтый на низкомъ ложѣ безъ полога посерединѣ комнаты. Только два положенія тѣла были ему свойственны: или въ постели, или верхомъ. Неподвижный, безстрастный, облокотившись на подушки, слѣдилъ онъ, какъ двое придворныхъ играютъ въ шахматы рядомъ постелью, на яшмовомъ столикѣ, и слушалъ докладъ секретаря: Цезарь обладалъ способностью раздѣлять вниманіе на нѣсколько предметовъ сразу. Погруженный въ задумчивость, медленнымъ, однообразнымъ движеніемъ перекатывалъ онъ изъ одной руки въ другую золотой шарикъ, наполненный благоуханіями, съ которымъ никогда не разставался такъ же, какъ со своимъ дамасскимъ кинжаломъ.

XI.

Онъ принялъ Леонардо со свойственной ему очаровательной любезностью. Не позволяя преклонить колѣно, дружески пожалъ художнику руку и усадилъ его въ кресло.

Герцогъ пригласилъ его, чтобы посовѣтоваться о планахъ Браманте для новаго монастыря въ городѣ Имолѣ, такъ называемой „Валентины“, съ богатою часовнею, больницею и страннопріимнымъ домомъ. Герцогъ желалъ сдѣлать эти великолѣпныя благотворительныя учрежденія памятникомъ своего христіанскаго милосердія.

Послѣ чертежей Браманте показалъ онъ ему новые, только что вырѣзанные образчики буквъ для печатнаго станка Іеронимо Сон-

чино въ городѣ Фано, которому Цезарь покровительствовалъ, заботясь о процвѣтаніи искусствъ и наукъ въ Романьи.

Агапито представилъ государю собраніе хвалебныхъ гимновъ придворнаго поэта Франческо Уберти. Его высочество благосклонно принялъ ихъ и велѣлъ щедро наградить поэта.

Затѣмъ, такъ какъ онъ требовалъ, чтобы ему представляли не только хвалебные гимны, но и сатиры, секретарь подалъ ему эпиграмму неаполитанскаго поэта Манчіони, схваченнаго въ Римѣ и посаженнаго въ тюрьму св. Ангела—сонетъ, полный жестокою бранью, гдѣ Цезарь назывался лошакомъ, отродіемъ блудницы и папы, возсѣдающаго на престолѣ, которымъ нѣкогда владѣлъ Христосъ, нынѣ же владѣетъ сатана,—туркомъ, обрѣзанцемъ, кардиналомъ-разстригою, кровосмѣсителемъ, братоубійцею и богоотступникомъ. „Чего ты ждешь, о Боже терпѣливый,—восклицалъ поэтъ,—или не видишь, что святую церковь онъ въ стойло муловъ обратилъ и въ непотребный домъ?"

— Какъ прикажете поступить съ негодяемъ, ваше высочество?—спросилъ Агапито.

— Оставь до моего возвращенія,—тихо молвилъ герцогъ.—Я съ нимъ самъ расправлюсь.

Потомъ прибавилъ еще тише:

— Я съумѣю научить писателей вѣжливости.

Извѣстенъ былъ способъ, которымъ Цезарь „училъ писателей вѣжливости": за менѣе тяжкія обиды, чѣмъ этотъ сонетъ, отрубалъ онъ имъ руки и прокалывалъ языки раскаленнымъ желѣзомъ.

Кончивъ докладъ, секретарь удалился.

Къ Цезарю подошелъ главный придворный астрологъ Вальгуліо съ новымъ гороскопомъ. Герцогъ выслушалъ его внимательно, почти благоговѣйно, ибо вѣрилъ въ неизбѣжность рока, въ могущество звѣздъ. Между прочимъ, объяснилъ Вальгуліо, что послѣдній припадокъ болѣзни у герцога зависѣлъ отъ дурного дѣйствія сухой планеты Марсъ, вступившей въ знакъ влажнаго Скорпіона; но только что соединится Марсъ съ Венерою при восходящемъ Тельцѣ,—болѣзнь пройдетъ сама собою. Затѣмъ посовѣтовалъ онъ въ случаѣ, если его высочество намѣренъ предпринять какое-либо важное дѣйствіе, выбрать 31 число декабря послѣ полудня, такъ какъ соединеніе свѣтилъ въ этотъ день знаменуетъ счастіе Цезаря. И поднявъ указательный палецъ, наклонившись къ уху герцога, молвилъ онъ трижды таинственнымъ шопотомъ:

— Fatilo. Fatilo. Fatilo. Сдѣлай такъ. Сдѣлай такъ. Сдѣлай такъ.

Цезарь потупилъ глаза и ничего не отвѣтилъ. Но художнику показалось, что по лицу его промелькнула тѣнь.

Движеніемъ руки отпустивъ звѣздочета, обратился онъ снова къ придворному строителю.

Леонардо разложилъ передъ нимъ военные чертежи и карты. Это были не только изслѣдованія ученаго, объяснявшія строеніе почвы, теченіе воды, преграды, образуемыя горными цѣпями, исходы рѣкъ, открываемые долинами, но и произведенія великаго художника, картины—мѣстностей, какъ бы снятыя съ высоты птичьяго полета. Море обозначено было синею краскою, горы—коричневою, рѣки — голубою, города темно-алою, луга — блѣдно-зеленою; и съ безконечнымъ совершенствомъ исполнена была каждая подробность,—площади, улицы, башни городовъ,—такъ что ихъ сразу можно было узнать, не читая названій, приписанныхъ сбоку. Казалось, будто бы летишь надъ землею и съ головокружительной высоты видишь у ногъ своихъ необозримую даль. Съ особеннымъ вниманіемъ разсматривалъ Цезарь карту мѣстности, ограниченной съ юга озеромъ Больсенскимъ, съ сѣвера — долиною рѣчки, впадающей въ Арно-Валь д'Эмою, съ запада—Ареццо и Перуджіей, съ востока—Сіеною и приморскою областью. Это было сердце Италіи, родина Леонардо, земля Флоренціи, о которой герцогъ давно уже мечталъ, какъ о самой лакомой добычѣ.

Углубленный въ созерцаніе, наслаждался Цезарь этимъ чувствомъ полета. Словами не сумѣлъ бы онъ выразить того, что испытывалъ, но ему казалось, что онъ и Леонардо понимаютъ другъ друга, что они—сообщники. Онъ смутно угадывалъ великую новую власть надъ людьми, которую можетъ дать наука, и хотѣлъ для себя этой власти, этихъ крыльевъ для побѣдоноснаго полета. Онъ поднялъ глаза на художника и пожалъ ему руку съ обворожительно-любезною улыбкою:

— Благодарю тебя, мой Леонардо. Служи мнѣ, какъ до сихъ поръ служилъ, и я сумѣю тебя наградить.

— Хорошо ли тебѣ?—прибавилъ онъ заботливо.—Доволенъ ли ты жалованіемъ? Можетъ быть, есть у тебя какое-либо желаніе? Ты знаешь, я радъ исполнить всякую просьбу твою.

Леонардо, пользуясь случаемъ, замолвилъ слово за мессэра Никколò—попросилъ для него свиданія у герцога.

Цезарь пожалъ плечами съ добродушною усмѣшкою.

— Странный человѣкъ этотъ мессэръ Никколò! Добивается свиданій, а когда принимаю его,—говоритъ намъ не о чемъ. И зачѣмъ только прислали мнѣ этого чудака?

Помолчавъ, онъ спросилъ, какого мнѣнія Леонардо о Макіавелли.

— Я полагаю, ваше высочество, что это одинъ изъ самыхъ умныхъ и проницательныхъ людей, какихъ я когда-либо встрѣчалъ въ моей жизни.

— Да, уменъ,—согласился герцогъ,—пожалуй кое-что и въ дѣлахъ разумѣетъ. А все-таки... нельзя на него положиться. Мечтатель, вѣтренникъ. Мѣры не знаетъ ни въ чемъ. Я, впрочемъ,

всегда желалъ ему добра, а теперь, когда узналъ, что онъ твой другъ,—тѣмъ болѣе. Онъ вѣдь добрякъ. Нѣтъ въ немъ никакого лукавства, хотя онъ и воображаетъ себя коварнѣйшимъ изъ людей и старается меня обмануть, какъ будто я врагъ вашей республики. Я, впрочемъ, не сержусь на него: я понимаю, что онъ это дѣлаетъ потому, что любитъ отечество больше, чѣмъ душу свою. Ну, что же, пусть придетъ ко мнѣ, ежели ему такъ непремѣнно хочется... Скажи, что я радъ. А кстати, отъ кого это намедни я слышалъ, будто бы мессэръ Никколò задумалъ книгу о политикѣ или о военной наукѣ, что ли?

Цезарь опять усмѣхнулся своею тихою, ясною усмѣшкою, какъ будто вспомнилъ вдругъ что-то веселое.

— Говорилъ онъ тебѣ о своей македонской фалангѣ? Нѣтъ? Такъ слушай. Однажды изъ этой самой книги о военной наукѣ объяснялъ Никколò моему начальнику лагеря, Бартоломео Капраникѣ и другимъ капитанамъ правило для расположенія войскъ въ порядкѣ, подобномъ древней македонской фалангѣ, съ такимъ краснорѣчіемъ, что всѣмъ захотѣлось увидѣть ее на опытѣ. Вышли въ поле передъ лагеремъ, и Никколò началъ командовать. Бился, бился съ двумя тысячами солдатъ, часа три продержалъ ихъ на холодѣ, подъ вѣтромъ и дождемъ, а хваленой фаланги не выстроилъ. Наконецъ, Бартоломео потерялъ терпѣніе, вышелъ тоже къ войску, и хотя отъ роду ни одной книги о военной наукѣ не читывалъ—во мгновеніе ока подъ звукъ тамбурина расположилъ пѣхоту въ прекрасный боевой порядокъ. И тогда-то всѣ еще разъ убѣдились, сколь великая разница между дѣломъ и словомъ. Только смотри, Леонардо, ему ты объ этомъ не сказывай,—Никколò не любитъ, чтобы ему напоминали македонскую фалангу!

Было поздно, около трехъ часовъ утра. Герцогу принесли легкій ужинъ,—блюдо овощей, форель, немного бѣлаго вина: какъ настоящій испанецъ, отличался онъ умѣренностью въ пищѣ.

Художникъ простился. Цезарь еще разъ, съ плѣнительной любезностью, поблагодарилъ его за военныя карты и велѣлъ тремъ пажамъ проводить его до дому съ факелами, въ знакъ почета.

Леонардо разсказалъ Макіавелли о свиданіи съ герцогомъ.

Узнавъ о картахъ, снятыхъ имъ для Цезаря съ окрестностей Флоренціи, Никколò ужаснулся.

— Какъ? Вы—гражданинъ республики,—для злѣйшаго врага вашего отечества!..

— Я полагалъ,—возразилъ художникъ,—что Цезарь считается нашимъ союзникомъ...

— Считается!—воскликнулъ секретарь Флоренціи, и въ глазахъ его блеснуло негодованіе.—Да знаете ли вы, мессэре, что, если только это дойдетъ до свѣдѣнія великолѣпныхъ синьоровъ васъ могутъ обвинить въ измѣнѣ?..

— Неужели?—простодушно удивился Леонардо.—Вы, впрочемъ, не думайте, Никколо̀,—я въ самомъ дѣлѣ ничего не знаю и не смыслю въ политикѣ—точно слѣпой...

Они молча посмотрѣли другъ другу въ глаза, и вдругъ оба почувствовали, что въ этомъ они до послѣдней глубины сердца навѣки различны, чужды другъ другу и никогда не сговорятся: для одного—какъ будто вовсе не было родины, другой любилъ ее, по выраженію Цезаря, „больше, чѣмъ душу свою".

XII.

Въ ту ночь уѣхалъ Никколо̀, не сказавъ, куда и зачѣмъ.

Вернулся на слѣдующій день послѣ полудня, усталый, озябшій, вошелъ въ комнату Леонардо, тщательно заперъ двери, объявилъ, что давно уже хотѣлось ему поговорить съ нимъ о дѣлѣ, которое требуетъ глубокой тайны, и повелъ рѣчь издалека.

Однажды, три года назадъ, въ сумерки, въ пустынной мѣстности Романьи, между городами Червіей и Порто Чезенатико, вооруженные всадники въ маскахъ напали на конный отрядъ, провожавшій изъ Урбино въ Венецію жену Баттисто Карачіоло, капитана пѣхоты яснѣйшей республики, мадонну Доротею, отбили ее и ѣхавшую съ нею двоюродную сестру ея Марію, пятнадцатилѣтнюю послушницу одного Урбинскаго дѣвичьяго монастыря, усадили ихъ на коней и ускакали. Съ того дня Доротея и Марія пропали безъ вѣсти.

Совѣтъ и сенатъ Венеціи почли оскорбленной республику въ лицѣ своего капитана и обратилась къ Людовику XII, испанскому королю и папѣ съ негодующими жалобами на герцога Романьи, обвиняя его въ похищеніи Доротеи. Но уликъ не было и Цезарь отвѣтилъ съ насмѣшкою что, не терпя недостатка въ женщинахъ, не имѣетъ нужды отбивать ихъ по большимъ дорогамъ.

Ходили слухи, что мадонна Доротея быстро утѣшилась, слѣдуя за герцогомъ во всѣхъ его походахъ и не слишкомъ горюя о мужѣ.

У Маріи былъ братъ, мессэръ Діониджіо, молодой капитанъ на службѣ Флоренціи, въ Пизанскомъ лагерѣ. Когда всѣ ходатайства флорентинскихъ синьоровъ оказались столь же безполезными, какъ жалобы яснѣйшей республики, Діониджіо рѣшилъ самъ попытать счастья, пріѣхалъ въ Романью подъ чужимъ именемъ, представился герцогу, заслужилъ его довѣріе, проникъ въ башню Чезенской крѣпости и бѣжалъ съ Маріей, переодѣтой мальчикомъ. Но на границѣ Перуджіи настигла ихъ погоня. Брата убили. Марію вернули въ крѣпость.

Макіавелли, какъ секретарь флорентинской республики, принималъ участіе въ этомъ дѣлѣ. Мессэръ Діониджіо подружился

съ нимъ, довѣрилъ ему тайну отважнаго замысла, разсказалъ все, что могъ узнать о сестрѣ своей отъ тюремщиковъ, которые считали ее святою, увѣряли, будто бы она творитъ исцѣленія, пророчествуетъ, будто бы руки и ноги ея запечатлѣны кровавыми крестными язвами, подобными „стигматамъ" святой Катерины Сіенской.

Когда Цезарю наскучила Доротея, онъ обратилъ свое вниманіе на Марію. Знаменитый обольститель женщинъ, зная за собою очарованіе, которому самыя чистыя не могли противиться, былъ увѣренъ, что рано или поздно Марія окажется такою же покорною, какъ всѣ. Но ошибся. Воля его встрѣтила въ сердцѣ этого ребенка непобѣдимое сопротивленіе. Молва гласила, что въ послѣднее время герцогъ часто бывалъ въ ея тюремной кельѣ, подолгу оставался съ ней наединѣ, но то, что происходило на этихъ свиданіяхъ, для всѣхъ было тайною.

Въ заключеніе Никколò объявилъ, что намѣренъ освободить Марію.

— Если бы вы, мессэръ Леонардо,—прибавилъ онъ,—согласились помочь мнѣ, я повелъ бы это дѣло такъ, что никто ничего не узналъ бы о вашемъ участіи. Я, впрочемъ, хотѣлъ просить у васъ лишь нѣкоторыхъ свѣдѣній о внутреннемъ расположеніи и устройствѣ крѣпости Санъ-Микеле, гдѣ находится Марія. Вамъ, какъ придворному строителю, было бы легче проникнуть туда и все разузнать.

Леонардо смотрѣлъ на него, молча, съ удивленіемъ, и подъ этимъ испытующимъ взоромъ Никколò разсмѣялся вдругъ неестественнымъ, рѣзкимъ, почти злобнымъ смѣхомъ.

— Смѣю надѣяться,—воскликнулъ онъ,—въ излишней чувствительности, въ рыцарскомъ великодушіи вы меня не заподозрите. Соблазнитъ ли герцогъ эту дѣвочку, или нѣтъ, мнѣ, конечно, все равно. Изъ-за чего же хлопочу я, угодно вамъ знать? Да хотя бы изъ-за того, чтобы доказать великолѣпнымъ синьорамъ, что и я могу на что-нибудь пригодиться, кромѣ шутовства. А главное,—надо же чѣмъ-нибудь позабавиться. Человѣческая жизнь такова, что если не позволять себѣ изрѣдка глупостей, — околѣешь отъ скуки. Надоѣло мнѣ болтать, играть въ кости, ходить въ непотребные дома и писать ненужныя донесенія флорентинскимъ шерстникамъ! Вотъ и придумалъ я это дѣло, — все-таки не слова вѣдь, а дѣло!.. Да и жаль пропустить случай. Весь планъ готовъ съ чудеснѣйшими хитростями!..

Онъ говорилъ поспѣшно, какъ бы въ чемъ-то оправдываясь. Но Леонардо уже понялъ, что Никколò мучительно стыдится доброты своей и по обыкновенію, скрываетъ ее подъ цинической маскою.

— Мессэре,—остановилъ его художникъ,—прошу васъ, разсчитывайте на меня, какъ на себя, въ этомъ дѣлѣ, съ однимъ условіемъ,—чтобы, въ случаѣ неудачи, отвѣтилъ я такъ же, какъ вы.

Никколò, видимо тронутый, отвѣтилъ на пожатіе руки его и тотчасъ изложилъ ему свой планъ.

Леонардо не возражалъ, хотя въ глубинѣ души сомнѣвался, чтобы столь же легкимъ оказался на дѣлѣ, какъ на словахъ, этотъ планъ, въ которомъ было что то слишкомъ тонкое и остроумное, непохожее на дѣйствительность.

Освобожденіе Маріи назначили они на 30-е декабря,—день отъѣзда герцога изъ Фано.

Дня за два передъ тѣмъ прибѣжалъ къ нимъ поздно вечеромъ одинъ изъ подкупленныхъ тюремщиковъ предупредить о грозящемъ доносѣ. Никколò не было дома. Леонардо отправился искать его по городу.

Послѣ долгихъ поисковъ нашелъ онъ секретаря Флоренціи въ игорномъ вертепѣ, гдѣ шайка негодяевъ, большею частью испанцевъ, служившихъ въ войскѣ Цезаря, обирала неопытныхъ игроковъ.

Въ кружкѣ молодыхъ кутилъ и развратниковъ, придворныхъ ганимедовъ, объяснялъ Макіавелли знаменитый сонетъ Петрарки.

Ferito in mezzo di core di Laura
Пораженный Лаурою въ самое сердце,

открывая непристойное значеніе въ каждомъ словѣ. Слушатели хохотали до упаду.

Изъ сосѣдней комнаты послышались крики мужчинъ, визги женщинъ, стукъ опрокинутыхъ столовъ, звонъ шпагъ, разбитыхъ бутылокъ и разсыпанныхъ денегъ. Одного изъ игроковъ уличили въ мошенничествѣ. Собесѣдники Никколò бросились на шумъ. Леонардо шепнулъ ему, что имѣетъ сообщить важную новость по дѣлу Маріи. Они вышли.

Ночь была тихая, звѣздная. Дѣвственный, только что выпавшій снѣгъ хрустѣлъ подъ ногами. Послѣ духоты игорнаго дома, Леонардо съ наслажденіемъ вдыхалъ морозный воздухъ, казавшійся душистымъ. Узнавъ о доносѣ, Никколò рѣшилъ съ неожиданною безпечностью, что пока еще безпокоиться не о чемъ.

— Удивились вы, найдя меня въ этомъ притонѣ?—обратился онъ къ спутнику.— Секретарь флорентинской республики—чуть не въ должности шута испанской сволочи! Что же дѣлать? Нужда скачетъ, нужда пляшетъ, нужда пѣсенки поетъ. Они, хоть и мерзавцы, а щедрѣе нашихъ великолѣпныхъ синьоровъ.

Такая жестокость къ самому себѣ была въ этихъ словахъ Никколò, что Леонардо не выдержалъ, остановилъ его.

— Неправда. Зачѣмъ вы такъ о себѣ говорите, Никколò? Развѣ вы не знаете, что я вашъ другъ и сужу не какъ всѣ...

Макіавелли отвернулся и, немного помолчавъ, продолжалъ тихимъ, измѣнившимся голосомъ:

— Я знаю... Не сердитесь на меня, Леонардо. Порой, когда на сердцѣ слишкомъ тяжело—я шучу и смѣюсь, вмѣсто того, чтобы плакать...

Голосъ его оборвался, и опустивъ голову, проговорилъ онъ еще тише и печальнѣе:

— Такова судьба моя! Я родился подъ несчастною звѣздою. Между тѣмъ, какъ сверстники мои, ничтожнѣйшіе люди, преуспѣваютъ во всемъ, живутъ въ довольствѣ, въ почестяхъ, пріобрѣтаютъ деньги и власть,—я одинъ остаюсь позади всѣхъ, затертый глупцами. Они считаютъ меня человѣкомъ легкомысленнымъ. Можетъ быть, они правы. Да, я не боюсь великихъ тру довъ, лишеній, опасностей. Но терпѣть всю жизнь мелкія и подлыя оскорбленія сводить концы съ концами, дрожать надъ каждымъ грошемъ—я, въ самомъ дѣлѣ, не умѣю. Э, да что говорить,—безнадежно махнулъ онъ рукою, и въ голосѣ его задрожали слезы.

— Проклятая жизнь! Ежели Богъ надъ мною не сжалиться, я, кажется, скоро брошу все, дѣла, мону Маріетту, мальчика,—вѣдь я имъ только въ тягость, пусть думаютъ, что я умеръ,—убѣгу на край свѣта, спрячусь въ какую-нибудь дыру, гдѣ никто меня не знаетъ, къ подестà въ письмоводители, что ли, наймусь, или дѣтей буду учить азбукѣ въ сельской школѣ, чтобы не околѣть съ голоду, пока не отупѣю, не потеряю сознанія,—ибо всего ужаснѣе, другъ мой, сознавать, что силы есть, что могъ бы что-нибудь сдѣлать и что никогда ничего не сдѣлаешь,—погибнешь безсмысленно.

XIII.

Время шло, и, по мѣрѣ того, какъ приближался день освобожденія Маріи, Леонардо замѣчалъ, что Никколó, не смотря на самоувѣренность, слабѣетъ, теряетъ присутствіе духа, то медлитъ неосторожно, то суетится безъ толку. По собственному опыту, художникъ угадывалъ то, что происходило въ душѣ Макіавелли. Это была не трусость, не малодушіе, а та непонятная слабость, нерѣшительность людей, созданныхъ не для дѣйствія, а для созерцанія, та мгновенная измѣна воли въ послѣднюю минуту, когда нужно дѣйствовать, не сомнѣваясь и не колеблясь, которыя были знакомы самому Леонардо.

Наканунѣ рокового дня Никколó отправился въ мѣстечко по сосѣдству съ башней Санъ-Микеле, чтобы все окончательно приготовить къ побѣгу Маріи. Леонардо долженъ былъ утромъ пріѣхать туда же.

Оставшись одинъ, ожидалъ онъ съ минуты на минуту плачевныхъ извѣстій, теперь уже не сомнѣваясь, что дѣло кончится глупою неудачею, какъ шалость школьниковъ.

Тусклое зимнее утро брезжило въ окнахъ. Постучали въ дверь. Художникъ отперъ. Вошелъ Никколò, блѣдный и растерянный.

— Кончено,—произнесъ онъ, въ изнеможеніи опускаясь на стулъ.

— Такъ я и зналъ,—безъ удивленія молвилъ Леонардо.—Я говорилъ вамъ Никколò, что мы попадемся.

Макіавелли посмотрѣлъ на него разсѣянно.

— Нѣтъ, не то,—продолжалъ онъ.—Мы-то не попались, а вотъ птичка изъ клѣтки улетѣла. Опоздали...

— Какъ улетѣла?

— Да такъ. Сегодня передъ разсвѣтомъ нашли Марію на полу тюрьмы съ перерѣзаннымъ горломъ...

— Кто убійца?—спросилъ художникъ.

— Неизвѣстно, но, судя по виду ранъ, едва ли герцогъ. На что другое, а на это Цезарь и его палачи—мастера: съумѣли бы перерѣзать горло ребенку. Говорятъ, умерла дѣвственницей. Я такъ думаю, что сама...

— Не можетъ быть! Такая, какъ Марія, — ее вѣдь считали святою?..

— Все можетъ быть,—продолжалъ Никколò,—вы ихъ еще не знаете. Этотъ извергъ...

Онъ остановился и поблѣднѣлъ, но кончилъ съ неудержимымъ порывомъ:

— Этотъ извергъ на все способенъ! Должно быть и святую съумѣли довести до того, что сама на себя наложила руки...

— Въ прежнее время,—прибавилъ онъ, — когда еще ее не такъ стерегли, я видѣлъ ее раза два. Худенькая, тоненькая, какъ былинка. Личико дѣтское. Волосы рѣдкіе, свѣтлые, какъ ленъ, точно у Мадонны Филиппино Липпи въ Бадіи Флорентинской, что является Святому Бернарду. И красоты-то въ ней особенной не было. Чѣмъ только герцогъ прельстился... О, мессэръ Леонардо, если бы вы знали, какой это былъ жалкій и милый ребенокъ!

Никколò отвернулся, и художнику показалось, что на рѣсницахъ его заблестѣли слезы.

Но тотчасъ спохватившись, докончилъ онъ рѣзкимъ, крикливымъ голосомъ:

— Я всегда говорилъ: честный человѣкъ при дворѣ, все равно, что рыба на сковородѣ. Довольно съ меня! Я не созданъ быть слугою тиранновъ. Добьюсь, наконецъ, чтобы синьорія отозвала меня въ другое посольство,—все равно куда—лишь бы подальше отсюда!

Леонардо жалѣлъ Марію, и ему казалось, что онъ не остановился бы ни передъ какою жертвою, чтобы спасти ее, но въ то же время въ самой тайной глубинѣ сердца его было чувство облегченія, освобожденія при мысли о томъ, что не надо больше

дѣйствовать, и онъ угадывалъ, что Никколò испытываетъ то же самое.

XIV.

30-го декабря, съ разсвѣтомъ, главныя боевыя силы Валентино, около десяти тысячъ пѣхоты, двухъ тысячъ конницы, выступили изъ города Фано и расположились лагеремъ по дорогѣ въ Синигаллію на берегу рѣчки Метавръ, въ ожиданіи герцога, который долженъ былъ выѣхать на слѣдующій день, назначенный астрологомъ Вальгуліо—31-го декабря.

Заключивъ миръ съ Цезаремъ, маджіонскіе заговорщики по соглашенію съ нимъ предприняли общій походъ на Синигаллію. Городъ сдался, но кастелланъ объявилъ, что не откроетъ воротъ никому, кромѣ герцога. Бывшіе враги его, теперешніе союзники въ послѣднюю минуту, предчувствуя недоброе, уклонялись отъ свиданія. Но Цезарь обманулъ ихъ еще разъ и успокоилъ, „чаруя ласками,—какъ впослѣдствіи выразился Макіавелли,—подобно василиску, который манитъ жертву сладкимъ пѣніемъ“.

Сгоравшій любопытствомъ, Никколò не захотѣлъ дожидаться Леонардо и отправился тотчасъ вслѣдъ за герцогомъ.

Черезъ нѣсколько часовъ художникъ выѣхалъ одинъ.

Дорога шла на югъ,—такъ же, какъ отъ Пезаро, по самому берегу моря. Справа были горы. Ихъ подножія иногда такъ близко подступали къ берегу, что едва оставалось узкое пространство для дороги.

День былъ сѣрый, тихій. Море—такое же сѣрое, ровное, какъ небо. Бездыханный воздухъ окованъ дремотою. Карканье воронъ предвѣщало оттепель. Вмѣстѣ съ каплями едва моросившаго дождя, или талаго снѣга, падали раннія сумерки.

Показались черно-красныя кирпичныя башни Синигалліи.

Городъ, стиснутый между двумя преградами,—водой и горами, какъ настоящая западня, находился на разстояніи мили отъ плоскаго взморья и арбалетнаго выстрѣла отъ подножія Аппенинъ. Достигнувъ рѣчки Мизы, дорога круто заворачивала влѣво. Здѣсь былъ мостъ, построенный наискось черезъ рѣку и противъ него—городскія ворота. Передъ ними небольшая площадь съ низкими домиками предмѣстія—большею частью кладовыми венеціанскихъ купцовъ.

Въ то время Синигаллія была обширнымъ полуазіатскимъ рынкомъ, гдѣ купцы Италіи обмѣнивались товарами съ турками, армянами, греками, персами, славянами изъ Черногоріи и Албаніи. Но теперь даже самыя многолюдныя улицы—Кипра, Занте, Кандіи, Кефалоніи—были пусты. Леонардо никого не встрѣчалъ, кромѣ солдатъ Кой-гдѣ въ безконечно-длинныхъ,

однообразно тянувшихся по обѣимъ сторонамъ улицъ, сводчатыхъ навѣсахъ торговыхъ дворовъ съ кладовыми и фондоками замѣтилъ онъ слѣды грабежа,—разбитыя стекла въ окнахъ, сорванные замки и запоры, выломанныя двери, разбросанные тюки товаровъ. Пахло гарью. Полуобгорѣвшія зданія еще дымились, и по угламъ старинныхъ кирпичныхъ дворцовъ, на толстыхъ кольцахъ чугунныхъ факельныхъ подсвѣчниковъ виднѣлись трупы висѣльниковъ.

Темнѣло, когда на главной площади города, между Палаццо Дукале и круглою, приземистою, съ грозными зубцами, синигальскою „Роккою", окруженною глубокимъ рвомъ, среди войска, при свѣтѣ факеловъ, увидѣлъ Леонардо Цезаря.

Онъ казнилъ солдатъ, виновныхъ въ грабежѣ. Мессэръ Агапито читалъ приговоръ.

По знаку Цезаря осужденныхъ повели на висѣлицу.

Въ то время, какъ художникъ искалъ глазами въ толпѣ придворныхъ, кого бы разспросить о томъ, что здѣсь произошло, увидѣлъ онъ секретаря Флоренціи.

— Знаете? Слышали?—обратился къ нему Никколò.

— Нѣтъ, ничего не знаю и радъ, что встрѣтилъ васъ. Разскажите.

Макіавелли повелъ его въ сосѣднюю улицу, потомъ, черезъ нѣсколько тѣсныхъ и темныхъ переулковъ, занесенныхъ снѣжными сугробами, въ глухое предмѣстье на взморьѣ, около верфи, гдѣ въ одинокой покрившейся лачугѣ, у вдовы корабельнаго мастера, удалось ему въ это утро, послѣ долгихъ поисковъ, найти единственное свободное помѣщеніе въ городѣ,—двѣ маленькія каморки, одну для себя, другую для Леонардо.

Безмолвно и поспѣшно засвѣтилъ Никколò свѣчу, вынулъ изъ походнаго погребка бутылку вина, раздулъ головни въ очагѣ и усѣлся противъ собесѣдника, вперивъ въ него горящій взоръ:

— Такъ вы еще не знаете?—произнесъ онъ торжественно.— Слушайте. Событіе необычайное и достопамятное! Цезарь отмстилъ врагамъ. Заговорщики схвачены. Оливеротто, Орсини и Вителли ожидаютъ смертнаго приговора.

Онъ откинулся на спинку стула и посмотрѣлъ на Ленардо молча, наслаждаясь его изумленіемъ. Потомъ, дѣлая надъ собою усиліе, чтобы казаться спокойнымъ, безстрастнымъ, какъ лѣтописецъ, излагающій событія давнихъ временъ, какъ ученый, описывающій явленіе природы—началъ разсказъ о знаменитой „Синигальской западнѣ".

Пріѣхавъ рано поутру въ лагерь на рѣкѣ Метаврѣ, Цезарь отправилъ впередъ двѣсти всадниковъ, двинулъ пѣхоту и слѣдомъ за нею выѣхалъ самъ съ остальною конницей. Онъ зналъ, что союзники встрѣтятъ его и что главныя силы ихъ удалены въ сосѣднія съ городомъ крѣпости, чтобы очистить мѣсто для новыхъ войскъ.

Подъѣзжая къ воротамъ Синигалліи, тамъ, гдѣ дорога, заворачивая влѣво, идетъ по берегу Мизы, велѣлъ онъ конницѣ остановиться и выстроилъ ее въ два ряда—одинъ задомъ къ рѣкѣ, другой задомъ къ полю, оставивъ между ними проходъ для пѣхоты, которая, не останавливаясь, переходила черезъ мостъ и вступала въ ворота Синигалліи.

Союзники—Вителоццо Вителли, Гравина и Паголо Орсини—выѣхали ему навстрѣчу верхомъ на мулахъ, въ сопровожденіи многочисленныхъ всадниковъ.

Какъ будто предчувствуя гибель, Вителоццо былъ такимъ печальнымъ и потеряннымъ, что на него дивились тѣ, кто зналъ его прошлое счастье и храбрость. Впослѣдствіи разсказывали, что передъ отъѣздомъ въ Синигаллію онъ простился съ домашними, какъ будто предвидѣлъ, что идетъ на смерть.

Союзники спѣшились, сняли береты и привѣтствовали герцога. Онъ также сошелъ съ коня, сначала подалъ руку поочереди каждому, потомъ обнялъ и поцѣловалъ ихъ, называя милыми братьями съ плѣнительной любезностью.

Въ это время военачальники Цезаря, какъ заранѣе было условлено, окружили Орсини и Вителли такъ, что каждый изъ нихъ оказался между двумя приближенными герцога, который, замѣтивъ отсутствіе Оливеротто, подалъ знакъ своему капитану, дону Микелю Корелла. Тотъ поскакалъ впередъ и нашелъ его въ Борго. Оливеротто присоединился къ поѣзду, и всѣ вмѣстѣ, дружески бесѣдуя о военныхъ дѣлахъ, направились во дворецъ передъ крѣпостью.

Въ сѣняхъ союзники хотѣли было проститься, но герцогъ все съ тою же любезностью удержалъ ихъ и пригласилъ войти во дворецъ.

Только что вступили они въ пріемную, какъ двери заперлись, восемь вооруженныхъ людей бросились на четырехъ, по двое на каждаго, схватили ихъ, обезоружили и связали. Таково было изумленіе несчастныхъ, что они почти не сопротивлялись.

Ходили слухи, будто бы герцогъ намѣренъ покончить съ врагами въ ту же ночь, удавивъ ихъ въ тайникахъ дворца.

— О, мессэръ Леонардо,—заключилъ Макіавелли свой разсказъ,—если бы вы только видѣли, какъ онъ обнималъ ихъ, какъ цѣловалъ. Одинъ невѣрный взглядъ, одно движеніе могли его погубить. Но такая искренность была въ лицѣ его, въ голосѣ, что—вѣрите ли?—до послѣдней минуты я не подозрѣвалъ ничего,—отдалъ бы руку на отсѣченіе, что онъ не притворяется. Я полагаю, что изъ всѣхъ обмановъ, какіе совершались въ мірѣ съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ политика, это—прекраснѣйшій!

Леонардо усмѣхнулся.

— Конечно,—молвилъ онъ, — нельзя отказать герцогу въ

отвагѣ и хитрости, но все же, признаюсь, Никколò, я такъ мало посвященъ въ политику, что не понимаю, чѣмъ собственно вы такъ ужъ восхищаетесь въ этомъ предательствѣ?

— Предательствѣ?—остановилъ его Макіавелли. —Когда дѣло, мессэре, идетъ о спасеніи отечества, не можетъ быть рѣчи о предательствѣ и вѣрности, о злѣ и добрѣ, о милосердіи и жестокости, но всѣ средства равны, только бы цѣль была достигнута.

— При чемъ же тутъ спасеніе отечества, Никколò? Мнѣ кажется, герцогъ думалъ только о собственной выгодѣ...

— Какъ? И вы, и вы не понимаете? Но вѣдь это же ясно, какъ день! Цезарь—будущій объединитель и самодержецъ Италіи. Развѣ вы не видите?.. Никогда еще не было столь благопріятнаго времени для пришествія героя, какъ теперь. Ежели нужно было Израилю томиться въ египетскомъ рабствѣ, дабы возсталъ Моисей, персамъ—подъ игомъ мидійскимъ, дабы возвеличился Киръ, аѳинянамъ погибать въ междоусобіяхъ, дабы прославился Тезей,—то такъ же точно и въ наши дни нужно было, чтобы Италія дошла до такого позора, въ которомъ находится нынѣ, испытала худшее рабство, чѣмъ евреи, тягчайшее иго, чѣмъ персы, большіе раздоры, чѣмъ аѳиняне,—безъ главы, безъ вождя, безъ правленія, опустошенная, растоптанная варварами, претерпѣвшая всѣ бѣдствія, какія только можетъ претерпѣть народъ,—дабы явился новый герой, спаситель отечества. И хотя въ былыя времена какъ будто мелькала для нея надежда въ людяхъ, казавшихся избранниками Божьими, но каждый разъ судьба измѣняла имъ, на самой высотѣ величія, передъ совершеніемъ подвига. И полумертвая, почти бездыханная, все еще ожидаетъ она того, кто уврачуетъ ея раны, прекратитъ насилія въ Ломбардіи, грабежи и лихоимства въ Тосканѣ и Неаполѣ, исцѣлитъ эти смрадныя, отъ времени гноящіяся язвы. И днемъ, и ночью взываетъ Италія къ Богу, молитъ объ Избавителѣ...

Голосъ его зазвенѣлъ, какъ слишкомъ натянутая струна—и оборвался. Онъ былъ блѣденъ; весь дрожалъ; глаза горѣли. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ этомъ внезапномъ порывѣ было что-то судорожное, безсильное, похожее на припадокъ.

Леонардо вспомнилъ, какъ нѣсколько дней назадъ, по поводу смерти Маріи, называлъ онъ Цезаря „извергомъ“.

Художникъ не указалъ ему на это противорѣчіе, зная, что онъ теперь отречется отъ жалости къ Маріи, какъ отъ постыдной слабости.

— Поживемъ—увидимъ, Никколò,—молвилъ Леонардо. — А только вотъ, о чемъ я хотѣлъ бы спросить васъ: почему именно сегодня вы какъ будто окончательно увѣрились въ божественномъ избраніи Цезаря? Или западня Синигальская, съ большею ясно-

стью, чѣмъ всѣ его прочія дѣйствія, убѣдила васъ въ томъ, что онъ—герой?

— Да,—отвѣтилъ Никколò, уже овладѣвъ собою и опять притворяясь безстрастнымъ.—Совершенство этого обмана больше, чѣмъ прочія дѣйствія герцога, показываетъ въ немъ столь рѣдкое въ людяхъ соединеніе великихъ и противоположныхъ качествъ. Замѣтьте, я не хвалю, не порицаю,—я только изслѣдую. И вотъ моя мысль: для достиженія какихъ бы то ни было цѣлей существуютъ два способа дѣйствій—или законный, или насильственный. Первый—человѣческій, второй—звѣрскій. Желающій властвовать долженъ обладать обоими способами—умѣніемъ быть по произволу человѣкомъ и звѣремъ. Таковъ сокровенный смыслъ древней басни о томъ, какъ царь Ахиллесъ и другіе герои вскормлены были кентавромъ Хирономъ, полубогомъ, полузвѣремъ. Государи, питомцы Кентавра, такъ же, какъ онъ, соединяютъ себѣ обѣ природы—звѣрскую и божескую. Обыкновенные люди не выносятъ свободы, боятся ея больше, чѣмъ смерти, и, совершивъ преступленіе, падаютъ подъ бременемъ раскаянія. Только Герой, избранникъ судьбы, имѣетъ силу вынести свободу,—переступаетъ законы безъ страха, безъ угрызенія, оставаясь невиннымъ во злѣ, какъ звѣри и боги. Сегодня въ первый разъ увидѣлъ я въ Цезарѣ эту послѣднюю свободу,—печать избранія!

— Да. Теперь я васъ понимаю, Никколò,—въ глубокой задумчивости проговорилъ художникъ.—Только мнѣ кажется, не тотъ свободенъ, кто, подобно Цезарю, смѣетъ все, потому что не знаетъ и не любитъ, а тотъ, кто смѣетъ, потому что знаетъ и любитъ все. Только такою свободою люди побѣдятъ зло и добро, верхъ и низъ, всѣ преграды и предѣлы земные, всѣ тяжести, станутъ, какъ боги, и—полетятъ...

— Полетятъ?—изумился Макіавелли.

— Когда у нихъ,—пояснилъ Леонардо,—будетъ совершенное знаніе, они создадутъ Крылья, изобрѣтутъ такую машину, чтобы летать. Я много думалъ объ этомъ. Можетъ быть, ничего не выйдетъ—все равно, не я, другой,—но человѣческія Крылья будутъ.

— Ну, поздравляю!—разсмѣялся Никколò.—Договорились мы мы до крылатыхъ людей. Хорошъ будетъ мой государь, полубогъ, полузвѣрь,—съ птичьими крыльями. Вотъ ужъ подлинно—Химера!

Прислушавшись къ бою часовъ на сосѣдней башнѣ, онъ вскочилъ и заторопился. Ему надо было поспѣть во дворецъ, чтобы узнать о предстоявшей казни заговорщиковъ.

XV.

Итальянскіе государи поздравляли Цезаря съ „прекраснѣйшимъ обманомъ“,—bellissimo inganno. Людовикъ XII, узнавъ о за-

паднѣ Синигальской, назвалъ ее „подвигомъ, достойнымъ древняго римлянина“. Маркиза Мантуанская, Изабелла Гонзага прислала въ подарокъ Цезарю къ предстоявшему карнавалу сотню разноцвѣтныхъ шелковыхъ масокъ.

„Знаменитѣйшая Синьора, досточтимая кума и сестрица наша,—отвѣчалъ ей герцогъ, — присланную Вашею Свѣтлостью въ даръ сотню масокъ мы получили, и онѣ весьма для насъ пріятны по причинѣ рѣдкаго изящества и разнообразія, особливо же потому, что прибыли ко времени и мѣсту, лучше коихъ нельзя было выбрать, — точно Синьорія Ваша заранѣе предугадала значеніе и порядокъ нашихъ дѣйствій, ибо милостью Божьей мы въ теченіе одного дня городомъ и страною Синигалліи со всѣми крѣпостями овладѣли, праведною казнью коварныхъ измѣнниковъ, супостатовъ нашихъ казнили, Кастелло, Фермо, Чистерну, Монтоне и Перуджію отъ ига тиранновъ освобили и въ должное повиновеніе Святѣйшему Отцу Намѣстнику Христову привели. Всего же болѣе сердцу нашему личины сіи любезны, какъ нелицемѣрное свидѣтельство братскаго къ намъ благоволенія Вашей Свѣтлости“.

Николлò, смѣясь, увѣрялъ, что нельзя себѣ представить лучшаго поздравительнаго дара мастеру всѣхъ притворствъ и личинъ—лисицѣ Борджіа отъ лисицы Гонзага, — чѣмъ эта сотня масокъ.

XVI.

Въ началѣ марта 1503 года Цезарь вернулся въ Римъ.

Папа предложилъ кардиналамъ наградить героя знакомъ высшаго отличія, даруемымъ церковью ея защитникамъ — „Золотою Розою“. Кардиналы согласились, и черезъ два дня назначенъ былъ обрядъ.

Въ первомъ ярусѣ Ватикана, въ Залѣ Первосвященниковъ, выходящей окнами на дворъ Бельведера, собралась римская Курія и послы великихъ державъ.

Сіяя драгоцѣнными каменьями плувіала, въ трехвѣнечной тіарѣ, обвѣваемый павлиньими опахалами, по ступенямъ трона взошелъ тучный, бодрый семидесятилѣтній старикъ съ добродушно-величавымъ и благообразнымъ лицомъ—папа Александръ VI.

Прозвучали трубы герольдовъ, и, по знаку главнаго церемоніере, нѣмца Іоганна Бурхарда, въ залу вступили оруженосцы, пажи, скороходы, тѣлохранители герцога и начальникъ лагеря, мессэръ Бартоломео Капраника, державшій поднятый вверхъ остріемъ, обнаженный мечъ Знаменосца Римской Церкви.

Третья нижняя часть меча была вызолочена, и по ней вырѣзаны тонкіе рисунки: богиня Вѣрности на престолѣ съ над-

писью: „Вѣрность сильнѣе оружія“; Юлій Цезарь-тріумфаторъ на колесницѣ съ надписью: „Или Цезарь, или ничто“. Переходъ черезъ Рубиконъ со словами: „Жребій брошенъ“, и наконецъ жертвоприношеніе Быку или Апису рода Борджіа, съ нагими юными жрицами, которыя жгутъ ѳиміамъ надъ только что заколотою человѣческою жертвою; на алтарѣ надпись: „Deo Optimo Maximo Hosia — Богу Всеблагому Всемогущему Жертва“. И внизу—другая: „In numine Cesaris omen. — Имя Цезаря—счастіе Цезаря“. Человѣческая жертва Богу-Звѣрю пріобрѣтала тѣмъ болѣе страшный смыслъ что эти рисунки и надписи были заказаны въ то время, когда Цезарь замышлялъ убійство брата своего Джіованни Борджіа, чтобы получить въ наслѣдство мечъ Капитана и Знаменосца Римской Церкви.

За мечемъ шелъ герой. На головѣ его былъ высокій герцогскій беретъ, осѣненный жемчужнымъ голубемъ Духа Святого.

Онъ приблизился къ папѣ, снялъ беретъ, сталъ на колѣни и поцѣловалъ рубиновый крестъ на туфлѣ первосвященника.

Кардиналъ Монреале подалъ его святѣйшеству Золотую Розу, чудо ювелирнаго искусства, со спрятаннымъ въ главномъ среднемъ цвѣткѣ, внутри золотыхъ лепестковъ, маленькимъ сосудцемъ, изъ котораго сочилось мѵро, распространяя какъ бы дыханіе безчисленныхъ розъ.

Папа всталъ и произнесъ дрожащимъ отъ умиленія голосомъ:

— „Пріими, возлюбленное чадо мое, Розу сію, знаменующую радость обоихъ Іерусалимовъ, земнаго и небеснаго, Церкви воинствующей и торжествующей, цвѣтъ неизглаголанный, блаженство праведныхъ, красу нетлѣнныхъ вѣнцовъ, дабы и твоя добродѣтель цвѣла во Христѣ, подобно Розѣ на брегѣ многихъ водъ прозябающей. Аминь“.

Цезарь принялъ изъ рукъ отца таинственную Розу. Папа не выдержалъ; по выраженію очевидца—„плоть одолѣла его“: къ негодованію чопорнаго Бурхарда, нарушая чинъ обряда, склонился онъ, протянулъ трепещущія руки къ сыну, и лицо его сморщилось,—все тучное тѣло заколыхалось. Выпятивъ толстыя губы, старчески захлебываясь, онъ пролепеталъ:

— Дитя мое!.. Цезарь... Цезарь!..

Герцогъ долженъ былъ передать Розу стоявшему рядомъ кардиналу Святого Климента. Папа порывисто обнялъ сына и прижалъ къ своей груди, смѣясь и плача.

Снова прозвучали трубы герольдовъ, загудѣлъ колоколъ на соборѣ Петра,—ему отвѣтили колокола со всѣхъ церквей Рима и съ крѣпости Святого Ангела грохотъ пушечной пальбы.

— Да здравствуетъ Цезарь!—кричала романьольская гвардія на дворѣ Бельведера.

Герцогъ вышелъ къ войску на балконъ.

Подъ голубыми небесами, въ блескѣ утренняго солнца, въ пурпурѣ и золотѣ царственныхъ одеждъ, съ жемчужнымъ голубемъ Духа Святого надъ головою, съ таинственною Розою въ рукахъ—радостью обоихъ Іерусалимовъ,—казался онъ толпѣ не человѣкомъ, а богомъ.

XVII.

Ночью устроено было великолѣпное шествіе въ маскахъ, по рисунку на мечѣ Валентино,—Тріумфъ Юлія Цезаря.

На колесницѣ съ надписью „Божественный Цезарь" возсѣдалъ герцогъ Романьи, съ пальмовой вѣтвью въ рукахъ, съ головой, обвитой лаврами. Колесницу окружали солдаты, переодѣтые въ древне-римскихъ легіонеровъ, съ желѣзными орлами и связками копій. Все исполнено было съ точностью по книгамъ, памятникамъ, барельефамъ и медалямъ.

Передъ колесницею шелъ человѣкъ въ длинной бѣлой одеждѣ египетскаго іерофанта, держа въ рукахъ священную хоругвь съ геральдическимъ, позолоченнымъ, червленнымъ золотомъ, багрянымъ Быкомъ рода Борджіа, Аписомъ, богомъ-покровителемъ папы Александра VI. Отроки въ серебряныхъ туникахъ съ тимпанами пѣли:

Vive diu Bos! Vive diu Bos! Borgia vive!
Слава Быку! Слава Быку! Борджіа слава!

И высоко надъ толпою въ звѣздномъ небѣ, озаренный мерцаніемъ факеловъ, колебался идолъ Звѣря огненно-красный, какъ восходящее солнце.

Въ толпѣ былъ ученикъ Леонардо Джіованни Бельтраффіо, только что пріѣхавшій къ учителю въ Римъ изъ Флоренціи. Онъ смотрѣлъ на Багрянаго Звѣря и вспоминалъ слова Апокалипсиса:

„И поклонились Звѣрю, говоря: кто подобенъ Звѣрю сему? И кто можетъ сразиться съ нимъ?

„И я увидѣлъ Жену, сидящую на Звѣрѣ Багряномъ, преисполненномъ именеми богохульными, съ седьмью головами и десятью рогами.

„И на челѣ ея написано имя: Тайна, Вавилонъ великій, мать блудницамъ и мерзостямъ земнымъ".

И такъ же, какъ нѣкогда писавшій эти слова, Джіованни, глядя на Звѣря,—„дивился удивленіемъ великимъ".

Д. Мережковскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

БЕЗДОМНЫЕ.

Повѣсть Стефана Жеромскаго.

Переводъ съ польскаго М. Троповской.

(*Продолженіе* *).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Глава X.

Признанія.

17-го октября. Сегодня годовщина моего пріѣзда въ Варшаву. Съ тѣхъ поръ, значитъ, прошло ужъ цѣлыхъ шесть лѣтъ! Шесть лѣтъ! Огромная недѣля моей жизни. Тогда мнѣ было всего семнадцать, теперь ужъ двадцать три «весны». Если сравнить тогдашнюю Іоасю съ теперешней — Боже, какой получится дефицитъ! Ахъ, Іоася, Іоася...

Я рѣшила снова вести дневникъ или, вѣрнѣе, прежній воскресить изъ мертвыхъ. Вѣдь насъ всѣхъ учила этому искусству Стаха Бозовская. Она первая въ Кѣльцахъ писала умѣлый дневникъ, то-есть дневникъ искреннихъ чувствъ и правдивыхъ мыслей.

Бѣдная, бѣдная Сташка... Въ одномъ изъ послѣднихъ писемъ она мнѣ писала: «Въ сущности, я въ жизни была лишь талантливымъ авторомъ моего дневника — и больше ничѣмъ. Сейчасъ я вытопила печку въ моей школѣ тринадцатью тетрадями, переплетенными въ толстый картонъ и черное, порыжѣвшее полотно. Прости, дневникъ»...

Напрасно она это сдѣлала! Зачѣмъ уничтожать записки, которыя никому повредить не могутъ, а намъ, одинокимъ, часто замѣняютъ (о, Боже!) возлюбленныхъ, мужей, сестеръ, братьевъ и подругъ? Нѣтъ,— я буду продолжать дневникъ! Меня къ нему такъ неудержимо тянетъ, какъ, напримѣръ, мужчинъ къ табаку. Подъ вліяніемъ насмѣшекъ фразера С. я перестала писать, о чемъ теперь невыразимо жалѣю. Я отказывала себѣ въ этомъ удовольствіи цѣлыхъ шесть лѣтъ—

---

*) См. «Міръ Божій», № 7, іюль.

и ради чего? Ради того лишь, что С. вздумалось поострить на эту тему? Впрочемъ, все равно...

Сколько перемѣнъ произошло за это время! Генрихъ въ Цюрихѣ, Вацлава нѣтъ, Сташка давно ужъ въ могилѣ... А во мнѣ самой! Сколько перемѣнъ!

Такъ ясно помню эту послѣднюю ночь, когда пришла телеграмма отъ госпожи В. Впродолженіи четырехъ часовъ я рѣшилась оставить Кѣльцы, ѣхать въ Варшаву — и поѣхала. Въ телеграммѣ было написано (до сихъ поръ помню наизусть эти слова): «Мѣсто у Предигеровъ есть. Пріѣзжайте немедленно. В.».

Ахъ, какая суматоха была въ этотъ день! Собираешь свои вещи, бѣлье, мелочи разныя быстро, быстро, руки дрожатъ, слезы такъ и льются, хоть и подбадриваешь себя... Добрая пани Фаликовская даетъ мнѣ денегъ на дорогу и я ѣду! Поздняя, темная, осенняя ночь... Какъ стучали тогда колеса по мостовой пустынныхъ кѣлецкихъ улицъ, какими странными отголосками, какимъ шумомъ оглашались стѣны старыхъ домовъ! Сама поѣздка по желѣзной дорогѣ уже составляла цѣлое событіе, что называется. Скажу подъ секретомъ, вѣдь я тогда первый разъ въ жизни ѣхала по желѣзной дорогѣ. Первый разъ — и одна, на чужбину, къ чужимъ людямъ! Всю ночь я не сомкнула глазъ, оперлась головой на скамейку и боязливо мечтала о жизни. Понимала я въ ней ровно столько, сколько человѣкъ, отправляющійся къ врачу подъ давленіемъ несносныхъ, но непонятныхъ ему, физическихъ страданій. Какъ онъ не знаетъ ничего о сущности самой болѣзни, не понимаетъ, что она такое, каковы могутъ быть ея послѣдствія, что можетъ статься съ его тѣломъ, съ мыслями, съ чувствами, и только представляетъ себѣ что-то смутное, на основаніи того, что ему было извѣстно до сихъ поръ, стараясь все понять, — вотъ такъ и я тогда катила въ жизнь съ капиталомъ, состоявшимъ изъ желѣзнодорожнаго билета, небольшого узелка съ вещами, семидесятипяти копѣекъ «наличности» и телеграммы госпожи В. За собою я покидала двухъ братьевъ, тетку Людвику, которая (за неимѣніемъ кого-либо болѣе подходящаго) замѣняла мнѣ мать, когда я «посѣщала» гимназію, которая дѣлилась со мною маленькимъ кусочкомъ своего хлѣба, и больше, кажется, ничего... Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, нельзя сказать, что больше ничего! Я любила Кѣльцы, нѣкоторыхъ людей тамъ, братьевъ, Вацка и Генриха, Домбровскихъ, Мультановичей, Карчувку, Кадзельню, и всѣхъ вообще. Въ эти годы человѣкъ такъ легко умѣетъ любить всѣхъ и вся! А еще Кѣльцы! Мнѣ такъ грустно было въ эту ночь въ вагонѣ! Колеса, стучавшія по рельсамъ, взывали ко мнѣ страшными словами. Ихъ скрежетъ сокрушалъ мою волю и силу, превращая ихъ въ смутную тревогу. Помню эти минуты страха, когда, охваченная имъ, какъ огнемъ, я рѣшала сойти на первой станціи и вернуться. Вернуться, вернуться! Но вагонъ мчался въ осенней ночи по какимъ-то

мрачнымъ мѣстностямъ и желѣзною, дикою силой своей уносилъ меня отъ всего, что такъ нѣжно любила. Да и могла ли я это сдѣлать? Вернуться къ бѣдной теткѣ, содержательницѣ ученической квартиры? Жить опять въ бѣдной, тѣсной и темной комнаткѣ? Спать на старомъ диванѣ, среди несноснаго запаха разныхъ соусовъ, среди вѣчнаго дефицита у тетки, вѣчныхъ заботъ о маслѣ и жалобъ на дороговизну картофеля, ахъ, и среди влюбленныхъ восьми-классниковъ, испорченныхъ, глупыхъ и разбалованныхъ мальчишекъ? Я не могла, ни за что не могла... Да и, наконецъ, должна же была я, въ силу обѣта, такъ торжественно произнесеннаго у св. Троицы, позаботиться о средствахъ для Вацлава, который былъ тогда въ седьмомъ классѣ, помогать Генриху. Дѣла давно минувшихъ дней...

Было раннее утро въ исходѣ осени, утро больное и точно заплаканное, когда, вся дрожа отъ холода и (признаюсь откровенно, чего тамъ скрывать!)... и отъ страха, я тряслась на извощикѣ къ госпожѣ В. Пріѣзжаю, попадаю на эту Беднарскую улицу, что, какъ нѣкая фигура или чудовище, витала въ моемъ представленіи и вскорѣ вдвоемъ съ панею Целиною отправляемся къ Предигерамъ. Я прохожу улицы одну за другой,—въ первый разъ и въ такой день (и притомъ для ослабѣвшихъ отъ робости глазъ), онѣ кажутся такими холодными, мокрыми, неприглядными, словно та «раковина», въ которой «копошится гадъ какой-то»... Входимъ. Окинутыя высокомѣрнымъ взглядомъ лакея, ждемъ въ роскошномъ кабинетѣ. Послѣ долгаго, томительнаго ожиданія, слышу, наконецъ, шелестъ шелковыхъ юбокъ. Ахъ, этотъ шелестъ шелковыхъ юбокъ!

Входитъ госпожа Предигеръ. Носъ у нея, правда, жидовскій, зато осанка аристократическая, вполнѣ въ сарматскомъ вкусѣ. Мы говоримъ съ ней обо мнѣ, о моемъ аттестатѣ, о томъ, что мнѣ предстоитъ преподавать Вандѣ, будущей моей ученицѣ, наконецъ, какъ-то невзначай переходимъ съ польскаго языка на французскій. Въ концѣ-концовъ, вопросъ, сколько я желаю получать въ мѣсяцъ? Минута колебанія, и я, робкая кѣльчанка, набираюсь смѣлости и, не вѣря собственнымъ ушамъ, произношу максимальную цифру, какая когда-либо возникала въ моемъ воображеніи, пятнадцать рублей.

Отдѣльная комната, полное содержаніе и пятнадцать рублей въ мѣсяцъ! Слышите ли вы, вы, что просвѣщаете глупыхъ ребятъ въ предѣлахъ епископской столицы?

M-me Предигеръ не только соглашается, но даже «охотно»... Въ ту же ночь я уже спала въ тихой комнаткѣ на Долгой улицѣ. Да будетъ благословенъ годъ, который я тамъ прожила! Не зная Варшавы настолько, что въ этомъ отношеніи я могла образцово играть роль теленка, я примѣрно просиживала по цѣлымъ днямъ дома, работала надъ Вандой и читала. Библіотека господина Предигера была вся къ моимъ услугамъ... Никогда въ жизни, ни до того, ни послѣ, я не

проглотила столько книжекъ. Чего-чего только не было у меня тогда въ рукахъ! Да что тамъ! Я тогда была такая хорошая, какъ леденецъ... «Въ томъ-то и штука!»—какъ говаривалъ достопочтенный панъ Мультановичъ. Я любила Ванду, мою ученицу, любила ее вполнѣ искренно, какъ родную младшую сестренку. Я любила даже m-me Предигеръ, хотя она всегда держала себя гордо, свысока, ослѣпляя своимъ величіемъ, точно газовый фонарь. Въ моемъ любвеобильномъ сердцѣ нашлось бы, пожалуй, мѣсто и для господина Предигера, если бы только не то, что это былъ богатый, непонятный какой-то, отвратительно толстый мужчина, въ глазахъ котораго я за весь годъ видала только два выраженія: или хитрости, или торжества. Мало-по-малу пылъ моихъ увлеченій погасъ. Между мною и этими людьми не завязалось ни дружественныхъ, ни сколько-нибудь благосклонныхъ отношеній. Нынче я знаю, что въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго... Ибо можетъ ли даже самый жалкій, самый ничтожный изъ всѣхъ цвѣточковъ распуститься въ ледникѣ?

Помню, какъ я первый разъ была въ театрѣ, на концертѣ Лютни, на лекціяхъ. Трудно мнѣ теперь возобновить въ памяти тѣ дивныя, чуть ли не мистическія ощущенія, когда я увидала на сценѣ... «Мазепу», когда я услышала замѣчательныхъ актеровъ, декламирующихъ чудные стихи Словацкаго, которые я знала наизусть, «мои» стихи... Тогда же судьба послала мнѣ возможность «лицезрѣнія» нѣкоторыхъ литераторовъ, которыхъ, въ простотѣ душевной, привезенной съ собою изъ города Кѣльцъ, я считала ведущими родъ свой непосредственно отъ Аполлона. Впослѣдствіи, только впослѣдствіи, я убѣдилась, что гораздо чаще можно бы ихъ производить отъ Вакха и Меркурія. Теперь я уже знаю, что талантъ — это, въ большинствѣ случаевъ, торба, порою наполненная драгоцѣнностями, которую случайно носитъ на плечахъ любой «хлыщъ», а иногда и просто мошенникъ. А тогда! Какимъ благоговѣйнымъ ужасомъ была я объята, входя въ комнату, гдѣ, приглашенный г-номъ Предигеромъ на обѣдъ, сидѣлъ онъ, самъ онъ...

А все-таки, своимъ чередомъ... И теперь мнѣ бы хотѣлось хоть однимъ глазкомъ взглянуть на Толстого, Ибсена, Золя, Гауптманна. Не прочь бы я и послушать какъ-нибудь Пржебышевскаго, Сѣрошевскаго, Тетмайера и одного только *ича* (разумѣется, Витксвича).

Всѣмъ этимъ великимъ міра сего я предпочитаю теперь тотъ міръ, съ которымъ мнѣ здѣсь привелось столкнуться—міръ, разочаровавшій меня менѣе всего, среду, умѣющую жить и чувствовать искренно, непосредственно, безъ аффектаціи, міръ нашихъ «дѣвушекъ-матерей», кроткихъ сердцемъ, въ кривыхъ башмакахъ и порыжѣлыхъ мантильяхъ. И казалось мнѣ иногда, что весь свѣтъ состоитъ изъ нихъ. Остальные, думала я, это только временно извращенные люди, которые, уразумѣвъ истину, немедленно обратятся къ ней и начнутъ новую жизнь.

Поддерживали меня въ этихъ наивныхъ мечтахъ письма Сташки

Бозовской, писанныя изъ злополучнаго угла, куда она поѣхала. Эти письма были ни что иное, какъ одинъ возвышенный обманъ, общеніе легковѣрныхъ душъ. Теперь Сташки уже нѣтъ въ живыхъ, у меня полны слезъ сердце и глаза...

18-го октября. Разъ я начала писать, хотѣлось бы припомнить и то, и другое. Столько лѣзетъ въ голову подробностей, столько лицъ, событій и впечатлѣній. Все это не дается охватить и связать, разбѣгается, какъ шарики ртути, и улетаетъ въ разныя стороны. Такова наша жизнь, кипучая, быстротечная, безъ руля...

Сегодня ночью я думала о Вацлавѣ, и снова во мнѣ сжимается сердце. Дѣйствительно, есть въ этомъ ужасная иронія судьбы: Генрихъ, исключенный изъ шестого класса, въ Цюрихѣ, ходитъ на «философію» и живетъ ничего себѣ, а Вацекъ, который окончилъ гимназію съ серебряною медалью, прекрасно работалъ на естественномъ, былъ всѣми уважаемъ—такъ безполезно погибъ. Чудовищна логика этихъ фактовъ. Тетка Людвика, навѣрное, сказала бы: «а все потому, что вы такъ мало набожны»...

Мнѣ часто кажется, что у людей есть какое-то тайное сходство съ животными: выдающихся особей они преслѣдуютъ согласно, безъ предварительнаго сговора, какимъ-то стаднымъ чутьемъ.

24-го октября. Была въ театрѣ. Играли «Учительницу», пьесу, отмѣченную сонмомъ критиковъ. Удивляюсь, зачѣмъ авторъ вывелъ свою героиню, какъ обольщенную, когда, по моему, такіе факты прямо невозможны. Правда, жизнь, безспорно, груба и грязна. Я сама, напримѣръ, знаю, сколько терпѣла Лена Р. или панна Франдишка В... Добродѣтельные мужья подъ башмакомъ въ этомъ отношеніи стократъ ловчѣе холостыхъ. Гувернантки бываютъ умны, либо глупы, плохи или хороши, красивы или уроды, но въ этомъ отношеніи всѣ должны быть безупречны. Быть можетъ, иностранки—этого не знаю. На западѣ, тамъ, говорятъ, легче на это смотрятъ. Но мѣстный элементъ...

Гувернантка, какъ человѣкъ чужой, обыкновенно занимающій болѣе низкое общественное положеніе, всегда находится подъ самымъ бдительнымъ надзоромъ. Пусть только замѣтятъ за ней хоть что-нибудь, ея сейчасъ не будетъ въ домѣ. Надзоръ этотъ, даже при самомъ любезномъ, самомъ благосклонномъ къ гувернанткѣ отношеніи, не прекращается ни на минутку. Притомъ же одно то, что ты занимаешь тяжелое и болѣе низкое положеніе, а въ дѣйствительности часто сознаешь себя гораздо выше, вырабатываетъ и утончаетъ чувство гордости, благородное чувство, которое, какъ палка, служитъ опорою въ минуту слабости и защитой отъ врага. Оно одно уже составляетъ не малый тормазъ, кто знаетъ, можетъ быть, даже вполнѣ достаточный.

26-го октября. Читаю Людвику Аккерманъ. Въ одномъ мѣстѣ она говоритъ, что женщина-поэтъ смѣшна. Мнѣ кажется, она права. Почему?

Поэзія—это искренній голосъ души человѣческой, вспышка извѣстной страсти. Этотъ порывъ духа долженъ быть борьбою за что-нибудь новое, провозглашеніемъ невѣдомыхъ тайнъ.

Женщина пока не имѣетъ еще права считать себя творцомъ. Она смѣшна, если упускаетъ изъ виду всю ту огромную пропасть, которая отдѣляетъ ее отъ искренняго человѣка. Какія новыя истины женской души заключаетъ въ себѣ поэзія женщины?—только любовь (notabene—любовь мужчины). Порою крикъ возмущеннія, то-есть чего-то преходящаго, что скорѣе принижаетъ, чѣмъ возвышаетъ...

Довольно часто—возмущеніе во имя права провозглашать то, что ужъ было сказано мужчинами. Но чаще всего притворство или—красиво, интересно, загадочно (для мужчинъ) изображенныя томленія любви. Всѣ истинныя поэтессы обыкновенно свою собственную настоящую личность оставляютъ въ тѣни (напримѣръ, Ада Негри). Если современная Сафо хочетъ говорить ясно и понятно, какъ человѣкъ, она должна говорить, какъ мужчина.

Въ дѣйствительности, всѣ тѣ же чувства имѣются и у нея, быть можетъ, даже у нея въ душѣ найдется ихъ и больше, и гораздо тоньше, но она не можетъ, не рѣшается искренно выразить ихъ. Мысли у нея текутъ по иному руслу, онѣ чище, или, вѣрнѣе говоря, въ нихъ нѣтъ столько грубо-чувственнаго, какъ у мужчины, страсти у нея совершенно иныя, вовсе не таковы, какими ихъ изображаютъ современные писатели и даже писательницы. Мужчины всѣ чувственны и въ самомъ отвратительномъ, напримѣръ, для молодой дѣвушки смыслѣ. Такими они изображаются въ искусствѣ, которое они—мужчины создали. И такъ наивны они въ этой своей животности, что жалѣть бы ихъ надо, какъ маленькихъ дѣтей. Чуть только увидятъ около себя «цацу», сейчасъ же и «чмокъ»! Они ничуть не вмѣняютъ себѣ въ обязанность хоть бы не такъ рѣзко выказывать свою грубость, хотя бы изъ деликатности, изъ уваженія къ тому, что, быть можетъ, «слабый полъ» то же самое чувствуетъ иначе...

Все же, что могла-бы въ высокомъ искусствѣ дать женщина (понятно, равное по силѣ), по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ должно быть сначала сдѣлано на мужской образецъ. Потому-то часто можно встрѣтить произведенія, написанныя женщинами и изображающія якобы женскую душу, а между тѣмъ съ начала и до конца сознательно искаженныя. Это особаго рода кокетничаніе дамъ мужского рода при посредствѣ литературы. Мужчины, между тѣмъ, превосходно защищаютъ свой строй и подавляютъ всякія попытки проявленія особой, розняіцейся отъ нихъ души и созданія новаго, еще неизвѣстнаго вида искусства, вмѣстѣ со всей его безграничной сферой таинственныхъ средствъ. Властелинамъ міра пришлось бы подвергнуться совершенно новой, «иной» критикѣ, что было бы имъ не совсѣмъ пріятно. И вотъ сужденія въ этой области не только мужчинъ, но и воспитанной

въ ихъ школѣ массы женщинъ, очень и очень приближаются къ понятіямъ индусовъ, которые считали женщину нечистой, потому что... она такою по временамъ бываетъ. И то, и другое ничуть не зависитъ отъ нея самой, но все же трактуется съ истинно индійской непосредственностью, какъ фактъ, разсматриваемый самъ по себѣ.

Развѣ мужчины съ самыми возвышенными чувствами, поэты, цѣнятъ въ женщинѣ ея человѣческую личность? Мнѣ кажется, нѣтъ. Они обожаютъ въ ней прекрасное существо, насколько оно является сокровищницей тѣхъ прелестныхъ особенностей, которыя доставляютъ имъ столько наслажденія, хотя обладаніе этими достоинствами и не можетъ быть вмѣнено ей въ заслугу. Больше всего прославлялся обыкновенно типъ женщины, производящей какое-то демоническое впечатлѣніе. Нѣсколько, быть можетъ, меньше, но искренно и красиво превозносили чистосердечныя, умѣющія безропотно страдать, кроткія существа, которыя не пытаются ни защищаться, ни мстить, какъ, напримѣръ, Офелія. Женщины, сознающей свои права на личное счастье, пользующейся природными душевными силами и умственными способностями, почти нѣтъ въ литературѣ. Гораздо легче найти въ литературѣ изображеніе благородныхъ стремленій мужчины къ оправданію павшей женщины, чѣмъ признаніе права на уваженіе за женщиной потерпѣвшей Вѣдь въ этомъ послѣднемъ случаѣ нѣтъ ни идилліи, ни трагедіи и, значитъ, это не вызываетъ никакихъ эстетическихъ впечатлѣній. Только Ибсенъ, безсмертный глашатай правды, онъ, что въ образѣ Ядвиги въ «Дикой уткѣ», какъ демонъ, какъ не-человѣкъ, насмѣхается надъ человѣческой культурой, — только онъ началъ проникать въ суть вещей. Но даже и онъ не можетъ удержаться, чтобы не признать руководящаго значенія мужского чувства. Истинная женская поэзія трепетала развѣ въ пѣсни несчастной невольницы, когда на террасѣ римскаго вельможи, передъ толпою раскинувшихся патриціевъ, женщина должна была для ихъ забавы пѣть пѣсню своей родины...

Мы не знаемъ ея. Когда я вдумываюсь въ эту пѣсню и хочу ее разгадать, мнѣ чудится порою, будто я слышу ее гдѣ-то, далеко-далеко за стѣной... Порою эта пѣснь проникаетъ въ мою душу и цѣлый день тогда раздаются во мнѣ звуки этихъ струнъ, страдальчески терзаемыхъ окровавленными пальцами. Тогда поэтесса говорила правду: «вотъ что я чувствую! Вотъ что въ моемъ сердцѣ! Мнѣ все равно, что ты скажешь о моей пѣсни. Я пою лишь для себя, для себя одной»...

Но нынѣ... И нынѣ раздается тотъ же плачъ женщины, обманутой, проданной родными, рабы мужа, которая любитъ другого, женщины павшей и презираемой притворно-добродѣтельнымъ обществомъ. Существуютъ мечты невинно и страстно влюбленной, той, что зачала и носитъ подъ сердцемъ ребенка... Но, Боже! Звуковъ такихъ нельзя извлекать изъ лиры! Это было бы безнравственно, распространяло бы развратъ...

27-го октября. Я перечитала, что тутъ написала вчера и что дальше будетъ «стоять» въ назиданіе потомству. Мнѣ хотѣлось бы писать искренно и правдиво, но это неслыханно трудно. Въ головѣ у меня много мыслей не совсѣмъ ясныхъ, какъ будто забредшихъ ко мнѣ изъ какихъ-то чужихъ краевъ, которыя, какъ только я пытаюсь ихъ сформулировать, тотчасъ мѣняются подъ перомъ и уже совсѣмъ не такія... Какъ ихъ записывать? Такъ-ли, какъ онѣ приходятъ въ голову, или такъ, какъ онѣ мѣняются въ словѣ? Послѣднее напоминаетъ мнѣ то мѣсто изъ «Небожественной комедіи» *), гдѣ *мужъ*, выражающій свое отчаяніе надъ страданіями сумасшедшей жены въ красивыхъ фразахъ, вдругъ слышитъ чуждый голосъ: «Ты сочиняешь драму»...

30-го октября. Два дня тому назадъ я писала о высшей чистотѣ женщины. Мнѣ уже не разъ случалось, что когда я искренно и глубоко занята какой-нибудь мыслью, я въ окружающемъ мірѣ наталкиваюсь, если не на дальнѣйшее развитіе этой мысли, то во всякомъ случаѣ на подробности и отрывки, которыя непосредственно къ ней относятся. Вѣроятно, эта сосредоточенная мысль, какъ свѣточъ среди тьмы, улавливаетъ въ окружающемъ все, чего бы она при другихъ условіяхъ и не подмѣтила, хотя бы это, не знаю какъ, лѣзло въ глаза.

Была у Маруси. Я рѣдко встрѣчаюсь съ ней, но люблю ее,—какъ бы это сказать? — какъ-то безсознательно, противъ и даже, можетъ быть, наперекоръ волѣ. Это въ сущности глубоко-невинная, чистая, безупречная, простая натура, а между тѣмъ она всегда любитъ болѣе, чѣмъ одного, болѣе даже, чѣмъ двухъ и трехъ мужчинъ. Эротическій элементъ составляетъ во всемъ этомъ лишь нѣкоторую примѣсь. Не скажу, чтобы онъ не игралъ тутъ никакой роли, но это напоминаетъ скорѣе что-то вродѣ маніи величія. Когда я сдѣлала ей деликатное замѣчаніе на этотъ счетъ, она отвѣтила мнѣ съ истинно золотой наивностью, что не знаетъ, почему бы нельзя быть «занятой» нѣсколькими сразу («невлюбленной—какъ можно!»).

Эти симпатіи совсѣмъ особыя, между собою онѣ связаны, какъ, напримѣръ, отдѣльные слои въ сладкомъ пирогѣ. Каждый слой отличается отъ другого и самъ по себѣ очень вкусенъ, а развѣ изъ этого слѣдуетъ, что взятые вмѣстѣ они должны составить что-нибудь невкусное? И въ то же время, не смотря на всю свободу своихъ взглядовъ, Маруся не была бы способна проявить ни капельки того «безбожія», на которое жалуется въ пѣсенкѣ своей Офелія.

4-го ноября. Сегодня одинъ изъ тѣхъ тяжелыхъ дней, которые напоминаютъ иногда злыхъ и негодныхъ людей. Такой день обыкновенно тянется долго и ни за что не хочетъ удалиться, какъ ростовщикъ, который долженъ въ свой срокъ непремѣнно высосать все. А когда

*) Поэма польскаго поэта Красинскаго. *Прим. пер.*

онъ, наконецъ, проходитъ, за нимъ, какъ черная тѣнь, тянется безсонная ночь, полная слезъ, видѣній и ужаса. Одна изъ моихъ «доброжелательницъ», пани Лаура, у которой я уже три года даю уроки ея дѣвочкамъ, сообщила мнѣ сегодня, съ видомъ якобы соболѣзнованія, печальныя вѣсти. Она почерпнула ихъ у какой-то кумушки, только что вернувшейся «изъ вояжа». Именно—Генрихъ, оказывается, вовсе не учится на «доктора», какъ онъ увѣрялъ меня тысячу разъ, зато дѣлаетъ долги и скандалы. Дрался съ кѣмъ-то на дуэли, участвовалъ въ уличныхъ скандалахъ, сидѣлъ въ участкѣ, былъ избитъ полицейскими. Столько всего, что не перечесть, но хуже всего, это—ложь. Онъ, будто бы, уже два года совсѣмъ не посѣщаетъ лекцій, ему недостаетъ минимальнаго количества семестровъ, необходимыхъ для права держать экзамены,—словомъ, цѣлое болото фактовъ. Я терпѣливо выслушала все, даже улыбалась и говорила ей: «Знаю, знаю, что это за непутевый мальчишка»...

Въ душѣ у меня было совсѣмъ другое.

Во всемъ этомъ, вѣроятно, есть порядочная доля правды, разъ его лишили стипендіи. Все бы это, впрочемъ, ничего, если бы не обманъ, не «надуваніе» глупой сестрицы. Напиши онъ мнѣ все, какъ есть, я бы не стала дѣлать ему упрековъ, даже не считала бы этого особенно преступнымъ. На то и онъ буршъ, чтобы дѣлать скандалы. Но узнавать все это со стороны, отъ чужихъ людей, которые, можетъ быть, даже совершенно невольно, изливаютъ на мнѣ гніющую въ душѣ у каждаго человѣка *Schadenfreude*...

5-го ноября. Мало спала въ эту ночь, на разсвѣтѣ только задремала немного и цѣлый день выгляжу на урокахъ мокрой курицей. Уроки для меня были, точно каторга. Когда на душѣ тяжело, опускаешься, съеживаешься, становишься жалкимъ. Я рѣшила силою вырваться изъ этого гнетущаго состоянія, въ которое, точно въ тѣсную западню, засадили меня невеселыя вѣсти. Нѣтъ, я не оставлю Генриха! Стану вдвое работать, возьму еще нѣсколько новыхъ уроковъ, можетъ, утренніе часы. Пусть хоть какъ-нибудь окончитъ курсы, тогда вѣдь ему легче будетъ здѣсь устроиться. Никогда не перестану жалѣть, что онъ не выдержалъ въ политехнику—но ничего не подѣлаешь. А эти *Freifach*'и, дѣйствительно, слишкомъ долго тянулись.

6-го ноября. Изъ экономическихъ соображеній, беру себѣ въ сожительницы m-ll Гэпъ. Это стѣснитъ меня порядкомъ, но дѣлать нечего. Мой уголъ будетъ моимъ только отчасти, даже дневникъ этотъ придется писать урывками. Зато такимъ путемъ съэкономлю въ мѣсяцъ почти восемь рублей. Нужно дать Вацлаву на теплую шубу, валенки... Егерскій костюмъ. Хорошо бы по двѣ пары. Не забыть, не забыть, что госпожа Ф. ѣдетъ 18, 18, 18!

13-го ноября. Взяла новый урокъ. Я его втиснула между Липецкими и Соней К. Новая моя ученица—Геня Л.; ее нужно подготовить

въ пансіонъ, въ приготовительный классъ. Она еще ничего не знаетъ: ни диктовки, ни таблицы умноженія, ничего. Огромная комната, темная, какъ погребъ, съ однимъ окномъ, которое выходитъ на тѣсный дворъ; солнце еще не заходитъ, а въ ней уже совсѣмъ вечеръ. Сидимъ мы съ Геней другъ противъ друга за столомъ и то одна, то другая, читаемъ странными голосами: *ces enfants ont trouvé leurs mouchoirs, mais ils ont perdu leurs bonnes montres.*

Сначала я произношу это громкимъ голосомъ, потомъ она, силясь извлечь изъ себя звуки такой же силы, думая, вѣрно, что по-французски нужно непремѣнно говорить такимъ гробовымъ тономъ. Въ большой, темной комнатѣ все это звучитъ, какъ какія-то франкмасонскія заклинанія. Порою дѣвочкѣ приходятъ въ голову странныя мысли. Она задаетъ мнѣ вопросы, на которые рѣшительно нельзя дать отвѣта...

Отсидѣвъ тамъ свой часъ, лечу во всю прыть, на резинахъ калошъ, въ глубь привислянскихъ краевъ къ Блюмамъ, съ важнымъ извѣстіемъ, что «изъявительное наклоненіе обозначаетъ такое дѣйствіе, которое, по отношенію къ данному предмету, дѣйствительно происходитъ,—повелительное выражаетъ приказаніе или запрещеніе, сослагательное—дѣйствіе только возможное или предполагаемое»... Тамъ всегда ждетъ нѣжный кузенъ.

Теперь весь день набитъ, буквально набитъ, какъ жидовская торба, уроками. Я такъ привыкла къ систематическому хожденію въ опредѣленное время, что по воскресеньямъ, когда провожу послѣобѣденные часы въ разговорѣ съ кѣмъ-нибудь или за чтеніемъ, меня ежеминутно охватываетъ страхъ, и я вскакиваю, какъ сумасшедшая. Ноги сами скачутъ и выводятъ какія-то логариѳмы курсовъ на Смочую или Добрую.

Кто бы повѣрилъ, что я, жалкое кѣлецкое созданьице, разсѣвая по разнымъ улицамъ Варшавы тайны наукъ, достигну когда-нибудь цѣлыхъ 62 рублей въ мѣсяцъ!

Гэпъ уже переѣхала. У ней кардинальный недостатокъ всѣхъ француженокъ: ужасная болтушка. Правда, для меня это выгодно, по вечерамъ приходится съ ней болтать и я, какъ обезьяна, чисто по женски усваиваю парижскій акцентъ, но зато скверно сплю. Въ двѣнадцать часовъ ночи я еще хохочу надъ ея приключеніями. Часто долго потомъ не могу уснуть. Бьютъ часы...

Подымаюсь усталая, и тогда что-то дребезжитъ во мнѣ, какъ въ нашихъ старыхъ, стѣнныхъ часахъ, только ихъ тронешь, бывало. Удивительно, въ такихъ случаяхъ мнѣ совершенно не хочется спать. Развѣ очень устану, совсѣмъ изъ силъ выбьюсь. Тогда я совсѣмъ какъ въ безпамятствѣ, не знаю, что со мной дѣлается, не слышу, что мнѣ говорятъ, и трещоткѣ Гэпкѣ отвѣчаю съ пятаго на десятое.

15-го ноября. Въ воскресенье я прочла много хорошаго. До сихъ

поръ все это у меня въ головѣ, какъ будто что-то постороннее, не мое, слабо сросшееся съ моимъ духовнымъ существомъ.

Немногія изъ чувствъ могутъ наполнить душу такою жаждой полезной дѣятельности, какъ одно сухое сознаніе того, сколько было выстрадано, сколько перенесено для блага нынѣ живущаго поколѣнія, частицу котораго составляемъ и мы. Есть какое-то удивительное чувство братской любви, питаемое къ прошлому, къ тѣмъ, что уже свершили свое на землѣ. Ни одного изъ живыхъ нельзя окружить мысленно такимъ почтеніемъ, такимъ благоговѣйнымъ почтеніемъ, какъ тѣхъ, что остались за нами во мракѣ былого.

Я пришла къ заключенію, что и очень тяжелыя нравственныя страданія, глубокія, тонкія печали можно если не лѣчить, то, во всякомъ случаѣ, дѣлать менѣе чувствительными извѣстнаго рода давленіемъ. Если иной разъ такая тоска нападетъ, что слезы такъ и льются невольно изъ глазъ,—нужно читать, напримѣръ, какой-нибудь «Отчетъ о седьмомъ періодѣ дѣятельности коммерческаго банка», или—«Одиннадцатое общее собраніе акціонеровъ Варшавско-Тереспольской желѣзной дороги»... Когда въ извѣстныя минуты упорно и сознательно читаешь такія вещи, то онѣ именно тѣмъ, что такъ ужасно далеки намъ и чужды, своимъ безстрастнымъ, холоднымъ эгоизмомъ дѣйствуютъ на тонкія, чувствительныя ощущенія такъ сильно, какъ растворъ Шлейха. Этимъ лѣкарствомъ нервы на нѣкоторое время доводятся до такой степени одеревенѣнія, что тѣ мѣста, на которыхъ проявляется его дѣйствіе, можно безъ боли рѣзать ланцетомъ. Другое дѣло, когда страданіе жестоко. Тогда и «Одиннадцатое засѣданіе» само валится изъ рукъ, какъ непосильное бремя.

17-го ноября. Кажется, дневника моего не смогу вести такъ, какъ задумала. Слишкомъ ужъ мало во мнѣ постоянства. Я никогда не могу ручаться за то, что утромъ спокойная и даже почти веселая—не приду вечеромъ въ такое ужасное отчаяніе, увы! даже безъ всякой важной причины. Нужда въ деньгахъ, молчаніе Вацка, мысли о Генрихѣ, какія-нибудь ничтожныя мелочныя, суетныя заботы житейскія, которыя Красинскій такъ вѣрно назвалъ «презрѣнными»... Но чаще всего думы о какихъ-то невѣдомыхъ несчастьяхъ, совсѣмъ не своихъ, чужихъ, далекихъ, но свершающихся вокругъ тебя... Это ввергаетъ меня въ тоску или, вѣрнѣе, въ какую-то болѣзненную апатію. Это ничуть не состояніе покоя. О, нѣтъ! Спокойствіе—это неоцѣнимо пріятное состояніе. Заботы и печали научаютъ насъ видѣть въ спокойствіи счастье. Эти переходныя состоянія нельзя записать, какъ нельзя смотрѣть въ зеркало, когда сильно волнуешься. Нельзя ихъ передать даже самыми красивыми, подходящими словами, потому что все-таки получится другое. Много ужъ состояній пережито мною и безпрерывно переживаются, а я не только не умѣю передать ихъ, разобрать, но даже указать, какія они. Порою чувствую себя такой усталой, что,

право, кажется, въ состояніи иной разъ опуститься на край тротуара, по которому бѣжишь съ урока на урокъ, и преспокойно отдыхать себѣ, не обращая вниманія на насмѣшки прохожихъ.

Какъ я завидую этимъ дамамъ, которыя проходятъ мимо меня; онѣ тихо, медленно гуляютъ и весело, оживленно разговариваютъ съ изящно одѣтыми господами. Кто эти люди? Что они дѣлаютъ, гдѣ живутъ? Я ихъ совсѣмъ не знаю. Міръ такъ малъ, такъ тѣсенъ и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ великъ! Человѣкъ въ немъ — бѣдный невольникъ, вѣчно снующій взадъ и впередъ по одной и той же дорожкѣ, вотъ какъ виляновскій поѣздъ.

Я мысленно переношусь въ тѣ мѣста, гдѣ была когда-то, и припоминаю себя такою, какою была нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Я лучше была тогда. Я бы теперь не могла, какъ тогда, работать до упаду, лишь бы «сдѣлать что-нибудь хорошее».

Что-жъ это будетъ? Неужели я буду все хуже и хуже? Тогда въ Кѣльцахъ, въ нашихъ Глогахъ, въ Менкажицахъ, даже въ первое время тутъ, въ Варшавѣ, я работала надъ собою, чтобы быть хорошимъ человѣкомъ. А теперь я стала такая порывистая, вспыльчивая, столько нехорошихъ мыслей завелось у меня въ головѣ. Какой аскеткой я прежде была въ отношеніи жизненныхъ удобствъ! А теперь каждая мелочь меня раздражаетъ.

Я долго думала, что̀ именно во мнѣ измѣнилось. Прежде у меня было много вѣры въ людей и потому я всегда такъ охотно шла имъ навстрѣчу. Я была одарена способностью вполнѣ, всей душою отдаваться мыслямъ о нематеріальномъ, о дѣлахъ высшаго порядка.

А теперь я такъ холодна, такъ равнодушна ко всему! Прежніе источники высокихъ наслажденій уже не существуютъ для меня. Я стала какая-то нечувствительная къ страданіямъ другихъ. И даже, могу сказать, къ своимъ собственнымъ невзгодамъ я отношусь гораздо хладнокровнѣе (или, быть можетъ, только не такъ, какъ тогда).

Правда, во мнѣ и теперь еще много любви къ нѣкоторымъ людямъ, но часто мнѣ кажется, будто ужъ я ни Генриха, ни Вацлава не въ состояніи любить такъ, какъ прежде. Я еще, пожалуй, сдѣлаю и для нихъ, и для другихъ все, что могу, но уже не буду, какъ прежде, чувствовать себя отъ этого счастливой по одной простой причинѣ, что вотъ и я для чего-нибудь пригодилась. Во мнѣ еще много энтузіазма къ добрымъ, горячимъ натурамъ, ко всѣмъ, что страдаютъ и ненавидятъ ложь и фальшъ, но ужъ это что-то другое. Не знаю, не могу искренно сказать, люблю ли я такихъ людей или только хотѣла бы идти съ ними въ одномъ ряду изъ разсчета, что въ этомъ ряду идти наиболѣе безопасно, такъ какъ онъ идетъ къ побѣдѣ. Это тотъ путь, по которому «душа нисходитъ во тьму, въ бездонный мракъ ночи»...

Прежде окружали меня благородные люди, натуры глубокія, тихія, скромныя, чувствительныя, часто стойкія, какъ желѣзо, въ своей

честности и благородствѣ, способныя къ полному самопожертвованію ради другихъ. Ихъ отличало единство стремленій и одинаковое настроеніе. Среди нихъ было такъ хорошо, такъ вѣрилось въ жизнь и такъ легко было на душѣ... Это были мои родители, сосѣди, еще нѣкоторыя лица въ Кѣльцахъ. Душа ли моя была въ ту пору иная или просто, можетъ быть, тогда она только склонна была къ слѣпому легковѣрію? Въ прежнемъ моемъ мірѣ не было ни одного человѣка, къ которому я бы питала антипатію. А теперь сколько такихъ! Хотя бы вотъ этотъ кузенъ какой-то у Блюмовъ, который вѣчно открываетъ мнѣ двери и помогаетъ снять накидку. Я все жду, что въ одинъ прекрасный день онъ вздумаетъ въ этой передней задѣть меня такъ, какъ можно ожидать по его взглядамъ. Видно, ему очень аппетитной кажется эта учительница, приходящая къ его кузинамъ... Не могу же я требовать, чтобы онъ не открывалъ мнѣ дверей и не помогалъ снимать мантилью, но я награждаю его такимъ взглядомъ, какъ будто бы смотрѣла на стоножку или на грязный частый гребень. Удивляюсь, какъ онъ этого не чувствуетъ, вѣдь это, кажется, такъ ярко написано у меня на лицѣ. Впрочемъ, можетъ быть, въ любви того рода, какая у него на умѣ, чувство отвращенія со стороны болѣе слабаго вовсе и не принимается въ разсчетъ... Впрочемъ, какое мнѣ до всего этого дѣло? Я имѣю полную возможность обращать на этого господина ровно столько же вниманія, какъ, напримѣръ, хотя бы на барана или другого представителя фауны, но не могу... Вообще, я, пожалуй, слишкомъ интересуюсь этой исторіей, столько пишу о ней, что это можетъ даже возбудить подозрѣніе. Не кроется ли, пожалуй, въ этой «антипатіи» *крохотная доза* нѣкоего удовлетворенія?

18-го ноября. Съѣздила по конкѣ на Валицовъ. Когда я вошла въ вагонъ и уже заплатила кондуктору, тогда только я замѣтила, что въ углу сидитъ этотъ красивый господинъ въ цилиндрѣ. Ужъ третій разъ я его встрѣчаю. Каждую минуту онъ протиралъ рукою стекло и смотрѣлъ на улицу. Кого онъ ждалъ? Если это была женщина—какая она счастливица! Кто онъ? Что онъ дѣлаетъ? Какъ говоритъ? И что за мысли кроются въ этой прекрасной, въ этой дивной головѣ? Его задумчивое лицо и вся его фигура все стоятъ у меня передъ глазами. Сегодня, на урокѣ у Ф., безсознательно и непроизвольно, сама почти не замѣчая, что дѣлаю, я нарисовала этотъ профиль съ удивительно тонкими чертами, полный гармоніи и какой-то воинственной силы. Какъ хорошо, что онъ сошелъ на углу Теплой, а то, кто знаетъ, я бы еще, пожалуй, совсѣмъ влюбилась. Весь этотъ день, у меня, безъ всякой причины, было такъ тепло, такъ радостно на душѣ, какъ будто вотъ—вотъ должно со мною случиться что-то неизъяснимо пріятное. И когда я силилась понять, что же это со мной такого хорошаго случилось,—изъ темноты выплывало его лицо и эти глаза, чего-то искавшіе за окномъ...

Да ниспошлетъ ему судьба всего хорошаго въ жизни...

19-го ноября. Въ «Соломоновой пѣсни пѣсней» такъ сказано: «Кто это восходитъ отъ пустыни, какъ бы въ столбахъ дыма, окуриваемый мiррою и ѳимiамомъ, всякими порошками благовонными»...

Чудныя слова! Это реальное описанiе чувства... Слова безъ смысла часто опредѣляютъ сущность чувства съ алгебраической точностью.

20-го ноября. «На ложѣ моемъ ночью искала я любимаго душою моею, искала я его, но не нашла его. Встану я, пройдусь по городу, по улицамъ и площадямъ, поищу любимаго душою моею. Искала я его, но не нашла его»...

Нескромно, унизительно... Каждое слово краснѣть заставляетъ. Каждая буква горитъ отъ стыда. Что же, когда правда, что же, когда правда...

22-го ноября. Опять этотъ кузенъ съ своей вѣчной улыбкой, точно приклеенной гуммиарабикомъ къ губамъ! Когда онъ, какъ только я позвоню, уже стоитъ предо мною въ дверяхъ, я рѣшительно теряю всякое самообладанiе. Я сейчасъ вся краснѣю, какъ ракъ, и хоть бы не знаю какъ силилась поблѣднѣть — напрасно. Не могу совладать съ этой краской, руки даже у меня дрожатъ. Этотъ франтъ можетъ еще, пожалуй, подумать, что это онъ производитъ на меня такое сильное впечатлѣнiе, между тѣмъ онъ мнѣ просто антипатиченъ, его взглядъ оскорбляетъ меня. Почему онъ не тотъ, изъ «Пѣсни пѣсней»? Если случается покраснѣть въ обществѣ хорошихъ и деликатныхъ людей, такъ это вовсе не такъ ужасно непрiятно. Тогда это такъ, какъ вотъ, когда не хочется произносить какiя-нибудь грубыя слова или чмокать губами, или смотрѣть на что-нибудь неприличное. Но тутъ! Я гдѣ-то читала, что въ Египтѣ продавались талисманы, благодаря которымъ покупатель могъ уберечься отъ «сглаза». Говорили тогда: отъ взглядовъ дѣвушекъ, что острѣе булавки, отъ взглядовъ женщинъ, что острѣе ножа; отъ взглядовъ юношей, что больнѣе удара кнутомъ, отъ взглядовъ мужчинъ, что тяжеле удара топоромъ. Какъ бы я хотѣла уберечься вотъ отъ этихъ послѣднихъ, отъ «такихъ» взглядовъ!..

Сегодня m-me Б. задержала меня у себя, и этотъ «литераторъ» немедленно пробрался къ намъ въ залу неслышными шагами. Я чувствовала его присутствiе, хотя и не подымала глазъ. Онъ тотчасъ началъ говорить какiя-то избитыя фразы, которыя слышалъ, навѣрно, отъ кого-нибудь изъ болѣе умныхъ.

Онъ говорилъ о Ницше! Право, сильно подозрѣваю, что онъ имѣетъ претензiю считать себя сверхчеловѣкомъ и ученикомъ философа, который извѣстенъ ему развѣ по какимъ-нибудь «статьямъ» варшавскихъ газетъ. Но особенно великолѣпенъ онъ, когда начинаетъ такимъ многообѣщающимъ образомъ:

— Ибо надо вамъ знать...

А то еще такъ:

— Вы, вѣроятно, думаете, что... такъ вотъ...

*

И только вслѣдъ за этимъ онъ провозглашаетъ какую-нибудь давно мнѣ извѣстную и истасканную мысль. Вся цѣль его рѣчи сводилась къ тому, чтобы подчеркнуть въ ней извѣстныя выраженія. Интересно было бы знать, позволилъ ли бы себѣ этотъ сверхфатъ разговаривать подобнымъ образомъ съ какой-нибудь изъ богатыхъ барынь, которая сумѣла бы ему на это смѣло отрѣзать такъ, какъ онъ того заслуживаетъ? Но Богъ съ нимъ совсѣмъ! Что изъ того, что кто-то станетъ выказывать мнѣ свое пренебреженіе, пользуясь тѣмъ, что я простая учительница? Неужели это мнѣ больно? Это совсѣмъ незаслуженно... Мнѣ это крайне непріятно, но я могу же относиться къ этому съ полнѣйшимъ презрѣніемъ. Да и должна, потому что никакого другого отпора противъ подобнаго раздраженія нервовъ я проявить не въ силахъ. Благодаря такимъ случаямъ, я воздерживаюсь отъ встрѣчъ съ новыми людьми и не ищу общества. Въ этомъ тоже сказывается недостатокъ рѣшимости. Знаю, я не покинула бы хорошаго человѣка за то, что другіе не уважаютъ его, а защищать себя самое у меня смѣлости не хватаетъ.

23-го ноября. Нѣтъ, я принуждена буду отказаться отъ урока у Б. Нечего дѣлать! Не могу же я дѣлать скандаловъ въ передней или жаловаться этой госпожѣ. Я должна была защищаться. Сегодня онъ сх. м. в. п. и. х. о. Попомнитъ онъ у меня эту минуту! Но все таки, какъ все это подло!

Прежде я думала, что ненависть—это нехорошее чувство. Сердиться, досадовать на кого-нибудь—это другое дѣло, но ненависть! Вѣдь это желаніе зла другому. Сама я не сдѣлала бы ничего дурного даже этому Адонису, но еслибъ я узнала, что съ нимъ случилось что-нибудь такое, мнѣ бы это не было непріятно. Такимъ образомъ, я, быть можетъ, постепенно дойду и до того, что стану жаждать мести. Почему же нѣтъ? Спускаясь по ступенямъ, непремѣнно сойдешь туда, куда онѣ ведутъ. Я сознаю это, но не испытываю злобы къ себѣ, когда я такъ враждебно настроена. И кто знаетъ, дѣйствительно ли чувство ненависти чувство нехорошее и безнравственное? Такая ненависть... Кто знаетъ? Да только къ чему *я* все это должна узнавать, къ чему *мнѣ* все это разбирать?

26-го ноября. Тихо, тихонько скончалась панна Л. Въ ничьей душѣ не оставила она, навѣрно, по себѣ чувства искренняго, глубокаго сожалѣнія. Ее любили, но любили, если можно такъ выразиться, по долгу. Но, Боже мой, сколько умираетъ людей самыхъ плохихъ, и многіе такъ искренно о нихъ плачутъ и сожалѣютъ. Кого же считать идеаломъ не только человѣка, но идеаломъ ученика Христова, если не ее, эту дѣвушку—мать? Это было существо не только съ чистою душою, но удивительно чистое тѣломъ, одинъ изъ тѣхъ посланниковъ Божіихъ, что, какъ Онъ «трости надломленной не переломитъ и льна курящагося не угаситъ», какъ говоритъ св. Матѳей. Всю жизнь свою она провела въ

учительствѣ, какъ бы въ монашествѣ. Быть можетъ, и у нея были свои недостатки, быть можетъ, украдкой отъ самаго зоркаго ока, и она совершала какіе-нибудь грѣхи, которыхъ не знаетъ никто, но покупечески взвѣшивая всю ея жизнь, эту жизнь осмѣянной старой учительницы, не нахожу въ ней ничего порочнаго. Трудъ, глухой трудъ, трудъ—инстинктъ, трудъ—страсть, трудъ—идея, расположенный систематически, какъ геометрическая теорема. Жизнь, раздѣленная на учебные годы и четверти, а изъ наслажденій жизни лишь плоды родной культуры. Я не встрѣчала въ жизни никого, кто какъ она, умѣлъ бы радоваться настоящей «великой радостью», когда въ литературѣ появлялись такія прекрасныя произведенія, какъ «Потопъ» *) или «Фараонъ» **). Она, дѣйствительно, чувствовала себя истинно-счастливой, что живетъ въ то самое время, когда творитъ Сенкевичъ, а портретъ этого писателя висѣлъ у ней въ комнаткѣ на стѣнѣ, обвитый плющемъ. Во многихъ взглядахъ я не могла сойтись съ покойницей, или, вѣрнѣе, въ глубинѣ души не сочувствовала ей, когда она говорила это. Ибо подчасъ не могла она понять нѣкоторыхъ новыхъ силъ міра. Она жила вѣрою прежнихъ дней, которую Бисмаркъ своею «*Macht*» попралъ ногами. Какимъ же образомъ она сумѣла приноровить прежніе взгляды и обычаи къ новой жизни? Сдѣлала она это совершенно просто, какъ нельзя проще. Весь жаръ своей души она перелила въ трудъ, вложила его въ свои обязанности. О, несомнѣнно, такое подавленіе молодого пыла, такая побѣда надъ молодыми порывами далась нелегко. Цѣлые долгіе годы приходилось работать надъ созданіемъ системы, и системы желѣзной, непоколебимой. Такъ учить грамотѣ и письму, какъ это дѣлала панна Л., уже не сумѣетъ никто. Въ этомъ-то педантическомъ, почти скучномъ, утомительномъ ученіи и таился энтузіазмъ. У гроба панны Л. я рѣшила стать ея послѣдовательницей. Не просто подражать ей, но именно пойти по ея стопамъ. Ея жизнь была такъ высоко-культурна, что съ нашей стороны было бы просто отчаянной глупостью, если бы мы не хотѣли воспользоваться подобными примѣрами. Берутъ же мужчины примѣръ съ англичанъ, людей совсѣмъ другой страны и другого типа, людей изъ-за моря, почему же намъ не поставить себѣ въ образецъ нашего, родного, своего!.. Итакъ, слѣдуетъ: 1) подавлять въ себѣ слабости, сентиментальности, упадокъ духа, но главное, главное, главное, склонность къ мечтательной грусти; 2) постоянно поддерживать въ себѣ бодрость и терпѣніе и вырабатывать силу воли; 3) обдуманно и критически составить себѣ планъ занятій; 4) точно выполнять все, на что рѣшишься послѣ зрѣлаго размышленія, хоть бы въ результатѣ ожидались палочные удары. Это въ особенности. И потомъ вообще:

*) Генриха Сенкевича.

**) Болеслава Пруса.

беречь чистоту души и не давать къ себѣ доступа никакой гадости, никакой подлости. Прямо не давать доступа и конецъ. Если это принимаетъ на себя какую-нибудь обольстительную форму, какъ нѣчто современное или новое, все-таки не поддаваться и отражать недостойный соблазнъ всѣми силами души.

У гроба панны Л. мнѣ пришла въ голову мысль, что люди справедливые, хорошіе живутъ здѣсь, на землѣ, гораздо дольше, чѣмъ глупцы. Маленькое, сморщенное, улыбающееся мертвое лицо панны Л. подѣйствовало сегодня на меня гораздо сильнѣе, чѣмъ многія разсужденія мудрецовъ. Ея учительство не окончилось вмѣстѣ съ ея смертью. Напротивъ, только теперь особенно понятно стало все, что она дѣлала въ жизни; такъ, прочитавъ послѣднюю страницу, послѣднія слова хорошей книжки, мы лучше, яснѣе понимаемъ ея смыслъ. Вотъ такъ же не только жилъ, но и лѣчилъ по смерти своей докторъ Мюллеръ, умершій отъ чумы, который въ минуту смерти дѣлалъ распоряженія о томъ, какъ должно дезинфецировать его тѣло, чтобы зараза не могла распространиться на другихъ въ теченіе четырехъ дней послѣ его смерти. Это люди, которые достигли на землѣ высшей цѣли: они не боялись сойти въ могилу. И потому ихъ смерть только нѣкая глубокая тайна, полная почтенія и печали. Смерть людей, которые ея боялись, производитъ на насъ отвратительное, ужасающее впечатлѣніе, она наводитъ на насъ гнетущія мысли объ этомъ ужасномъ, омерзительномъ разложеніи тѣла. И тогда она представляется намъ какимъ-то гадкимъ, безсмысленнымъ, но, главное, всемогущимъ чудовищемъ.

Еще одно. Была ли бы жизнь панны Л. такъ же полезна, если бы она была замужемъ и имѣла дѣтей, или, выражаясь яснѣе, было ли бы полезнѣе для общества, если бы, вмѣсто столькихъ учениць, она хорошо воспитала только своихъ дѣтей? И воспитала ли бы она ихъ такъ же хорошо? Мнѣ кажется, такъ развивать и воспитывать человѣческія души, какъ это дѣлала панна Л.,—тоже материнство и даже материнство высшаго порядка. Наши матери довольно небрежно относятся къ значенію матерей-воспитательницъ. А между тѣмъ, родить ребенка это, правда, великое и чудесное дѣло природы, но все же еще не дипломъ на званіе воспитательницы. На это способна всякая женщина, хотя бы изъ рода кафровъ или папуасовъ. Быть можетъ, я впадаю въ ересь, высказывая тутъ подобное сужденіе, но нахожу его вполнѣ справедливымъ. Мысль моя вотъ какая: на свѣтѣ много женщинъ неумныхъ и недобрыхъ, но зато красивыхъ и здоровыхъ. Это сабинянки, которыя, навѣрное, будутъ похищены. Однако, изъ этого факта похищенія вовсе еще не слѣдуетъ, чтобы каждая сабинянка, благодаря этому, становилась сокровищницей премудрости. Обязанность (но тогда ужъ, разумѣется, и право) воспитыванія и совершенствованія поколѣній, если важно, чтобы поколѣнія, дѣйстви-

тельно, совершенствовались,—должна быть отнята у неумныхъ и недобрыхъ сабинянокъ и отдана некрасивымъ паннамъ Л.

28-го ноября. Сегодня, въ силу моихъ новыхъ принциповъ, я произвела подсчетъ моимъ доходамъ и расходамъ. Это матеріалистическое пониманіе жизни за послѣдніе три мѣсяца и еще болѣе матеріалистическія усилія предвидѣть будущее обнаружили, что я издерживаю почти вдвое больше, чѣмъ зарабатываю. Правда, я купила бѣлья для В. и послала Г. на два мѣсяца, а самое главное, уплатила стараго долга тетки Людвики 40 рублей Шепсѣ Боженцкому, но зато я набрала въ долгъ у одной Маруси 100 руб. слишкомъ. Я была поражена такою моей расточительностью, вѣрнѣе, бѣдностью, и рѣшила ограничить расходы до минимума. Начала я съ того, что вмѣстѣ съ Марусей купила себѣ билетъ въ театръ. Ставили «Мнимаго больного» Мольера. Мы обѣ съ М. пришли къ одному заключенію... И въ книгахъ, и въ жизни очень часто повторяется изреченіе: «все уже было». И вотъ, въ виду того, что все уже было, разные господа и дамы позволяютъ себѣ такія вещи, которыя, въ дѣйствительности, возможны были только въ прошломъ. Глядя на пьесу Мольера, тутъ только именно видишь, какъ человѣчество ушло впередъ и не только въ области медицины, но, главнымъ образомъ, въ области этики. Такую дичь, какую мы тутъ видимъ на сценѣ, можно еще и теперь, пожалуй, встрѣтить гдѣ-нибудь въ провинціи, но, безъ сомнѣнія, все это относится къ той эпохѣ, которую описываетъ намъ Мольеръ.

Еще одно маленькое и уже исключительно личное замѣчаніе. Я какъ будто удручена смертью панны Л. и другими обстоятельствами, а между тѣмъ я въ состояніи хохотать до упаду отъ малѣйшей шутки. Я всегда держалась того лестнаго о себѣ мнѣнія, что я особа легкомысленная. Теперь сіе мое достоинство, кажется, еще болѣе усилилось. Нѣтъ во мнѣ ничего постояннаго, неизмѣннаго. Я способна самымъ непринужденнымъ образомъ не только повеселиться въ театрѣ, но даже пошалить со всякой дѣвчуркой на урокѣ, не смотря на то, что у меня будто имѣются свои заботы и печали. Ну, и какъ же послѣ этого вѣрить въ себя, разъ въ тебѣ сидитъ какой-то бѣсенокъ, котораго не схватишь за горло. Это, очевидно, сила нашей земной оболочки, животная сила, для которой смѣхъ такъ же необходимъ, какъ, напримѣръ, для растеній колебаніе ихъ вѣтромъ. Слѣдовало бы умерщвлять это обиталище души.

30-го ноября. Его зовутъ: докторъ Юдымъ.

1-го декабря. Я нисколько не суевѣрна, не вѣрю ни въ какія примѣты, но все же, если иногда что-нибудь такое случится, у меня дѣлается какъ-то не хорошо на душѣ. Особенно теперь, послѣ сегодняшней ночи. Мнѣ все чудится, что вотъ-вотъ меня обидятъ какіе-то жестокіе, властные люди. Я уснула поздно, усталая и печальная. И сни-

лось мнѣ, что я въ какой-то большой, темной залѣ, какъ будто въ судѣ, въ Цюрихѣ, гдѣ я никогда въ жизни не была. Ввели меня туда какіе-то люди въ темныхъ, скромныхъ мундирахъ. Особенно одинъ... Откуда такое лицо?.. Оно еще и теперь стоитъ передъ моими глазами. Люди эти объявили мнѣ, что Генрихъ обвиняется въ убійствѣ. Ужасъ объялъ меня, такой ужасъ, какого я еще никогда въ жизни не испытывала. И въ то же время во мнѣ вдругъ возникло твердое, сознательное рѣшеніе: я этого не допущу, не допущу! Я стояла у окна, черезъ которое въ мрачную комнату лились золотые, яркіе лучи солнца. Въ дали виднѣлось темносинее, волнующееся озеро и бѣлыя горы. Въ эту минуту чей-то голосъ произнесъ: ввести подсудимаго!

Генрихъ вошелъ въ залу. На блѣдномъ, худомъ лицѣ его была улыбка, но, Боже, что за улыбка! Она, какъ ножомъ, рѣзнула меня по сердцу. Я хотѣла было подойти къ нему, но въ это время вошелъ какой-то просто одѣтый человѣкъ съ стальными ножницами въ рукахъ! Генрихъ сѣлъ на стулъ, и улыбка на лицѣ его стала еще, еще... подлѣе. Цирюльникъ стригъ волосы, прекрасные свѣтлые волосы дорогого моего брата. Пряди ихъ одна за другою скатывались по его черному костюму и падали на грязную землю. Кто-то взялъ тогда меня за руку... Но кто-жъ это былъ... О, Боже!

Я хотѣла сказать, крикнуть, но ни одинъ звукъ не вырывался изъ моего горла. Даже рыданія застывали въ груди. Въ эту минуту Гэпъ окликнула меня.

Я проснулась и сѣла. Какое-то страшное чувство давило меня. Я не могу этого выразить... Это сонное, гнетущее страданіе во стократъ мучительнѣе испытаннаго когда-либо на яву, это тайное и вмѣстѣ съ тѣмъ сознательное предчувствіе... Быть можетъ,—ахъ, навѣрное, это предвѣщаніе какихъ-то невѣдомыхъ, грозящихъ мнѣ въ будущемъ, страданій, но такихъ глубокихъ, что одна мысль о нихъ наполняетъ душу невыносимой тяжестью... Я не могла пошевельнуть ни рукой, ни ногой. Мало-по-малу тяжелый кошмаръ оставлялъ меня, и въ душу, какъ святой солнечный лучъ, вливалась тихая радость, радость, что это былъ лишь сонъ. Кого бы и кто могъ такъ любить на свѣтѣ, какъ я въ эту ночь моего брата? Кажется, больше всего люди любятъ своихъ родныхъ. Я не люблю этихъ моихъ родственныхъ чувствъ и не цѣню ихъ, а между тѣмъ ничто не имѣетъ надо мною такой могучей, такой непонятной власти, какъ они. Что это такое?

Слѣдуетъ ли такъ горячо любить людей, которые, быть можетъ, этого и не стоятъ?..

Вѣдь на свѣтѣ столько явленій, столько людей, столько дѣлъ... Что это я написала?..

2-го декабря. У Гени—корь, а у меня—свободный часокъ. Пришла домой и сижу у себя въ комнатѣ одна. Боже, какая тоска... Сѣроватая мгла залила провалившійся дворъ. Всего только четыре часа, еще

день, а дальнія крыши, всегда рисующіяся на моемъ горизонтѣ, совсѣмъ ужъ не видны. Только ближайшія трубы, какъ кирпичныя, квадратныя, такъ и узкія, круглыя изъ жести, отражаются въ мокрыхъ, скользкихъ плоскостяхъ крышъ, точно столбы и шесты въ стоячей водѣ. Всегда сѣрыя и желтоватыя стѣны выглядятъ теперь какими-то посинѣлыми, иззябшими. Окна совсѣмъ почти исчезли или маячатъ кой-гдѣ, словно провалившіяся орбиты глазъ на смертельно-больномъ лицѣ. Асфальтовый тротуарчикъ на днѣ двора лоснится отъ жидкой грязи. Гдѣ-то близко за окномъ слышится какой-то однообразный шелестъ. Я нагибаюсь, напрягаю зрѣніе и сквозь запотѣвшія стекла, точно сквозь паутину, что-то смутно вижу во мглѣ: куча желтой глины, а въ ней что-то шевелится, копошится.

Картузъ съ козыркомъ, плотно нахлобученный на безцвѣтную голову какъ чепецъ, грязная куртка съ передникомъ, спускающимся отъ пояса, сапоги, руки, лопата. Это мальчикъ-печникъ «выдѣлываетъ» глину. Онъ то и дѣло доливаетъ воды въ жидкую массу и перебрасываетъ это клейкое болото. Движенія его, какъ у лягушки, быстрыя, прерывистыя. Ноги его топчутся по желтому, грязному илу, быстро отрываются и глубоко погружаются, отрываются и глубоко погружаются... Комья глины липнутъ къ промокшимъ сапогамъ.

Хозяйка приказала сегодня натопить въ моей комнаткѣ, въ ней такъ тепло и уютно, но сквозь оконныя щели проникаетъ дыханіе осени. Все густѣющая мгла уже не падаетъ, но такъ и валитъ отовсюду, льнетъ къ стѣнамъ, ползетъ, разстилается, корчится и грязными клубами плаваетъ въ пространствѣ.

Мгла-ли это? Душу томитъ невѣдомый страхъ. Мнѣ чудится, будто это призракъ какой-то, принявъ на себя форму мглы, бродитъ по землѣ, по домамъ, заглядываетъ въ окна и силится разсмотрѣть оробѣлыя души.

Это смерть.

Въ воротахъ мелькаетъ какая-то фигура, какая-то глыба человѣческой формы. Зажгли первый фонарь, и желтый свѣтъ его расползается въ рыжеватомъ сумракѣ, тянется къ глиняной кучѣ и преломляется на фигурѣ маленькаго печника.

Я тоже спѣшу поскорѣй зажечь свѣчу и пробую читать. Напрасно. Шлепаніе лопаты и лязгъ жестянаго ведра отдаются во мнѣ, словно эхо въ каменной впадинѣ. Слышу каждый шагъ этого ребенка, вижу каждое движеніе въ мокрыхъ лохмотьяхъ. Мнѣ кажется, будто давно, давно я уже видала такой день, даже переживала эти самыя чувства. Такъ думаю я, глядя въ унылое, мрачное, точно заплаканное, пространство, и сама не замѣчаю, какъ мысли мои переливаются въ гармоническія слова, въ великіе звуки, и говорятъ они вотъ что:

Не будите ихъ, покуда не разсѣетъ
Мрака ночи яркій свѣтъ дневной,

Не будите ихъ, пока дыханье вѣетъ
Осени туманной и больной,
Все, что добыто и потомъ, и трудами,
Ужъ поглощено конторами, дѣльцами...
Не будите ихъ, ни пѣсней, ни молитвой..

Откуда я знаю эти слова? Чьи это слова?

И вотъ тамъ, въ мглистомъ пространствѣ, мелькаетъ и исчезаетъ маленькая, оборванная, сгорбившаяся фигурка моего стараго, моего любимаго учителя Маріана Богуша. Рветъ ее вѣтеръ во всѣ стороны, окружаетъ отовсюду пронырливый холодъ, послѣдній посланецъ земли, прибѣжища убійцъ. Мысли мои несутся за нимъ по глухому бездорожью, по мѣстамъ, пустыннымъ, опустошеннымъ, гдѣ смерть терпѣливо поджидаетъ несчастныхъ людей; я ищу его и выслѣживаю по берегамъ рѣкъ, въ волнахъ и глубинахъ воднаго ила, среди высохшаго тростника, въ омутахъ и ярахъ водяныхъ. Ищу ту долину смерти, въ которой навѣки уснуло это сердце столь нѣжное, сердце невиданнаго и неслыханнаго размѣра, сгорѣвшее отъ вѣчныхъ желаній?

Страдальческая тѣнь...

И вотъ изъ мрака, объявшаго міръ, въ слезахъ, что заливаютъ мнѣ глаза, встаетъ обликъ. Полуослѣпшіе глаза всматриваются въ меня, смѣлые, безумные глаза мудреца. Струи слезъ плывутъ изъ нихъ, катятся по впалымъ щекамъ и прорѣзываютъ на лицѣ длинныя, кровавыя борозды.

Вѣчная память...

4-го декабря. Вчера, послѣ довольно долгаго отсутствія, я, наконецъ, посѣтила панну Елену. У нея теперь уже не прежній *five o'clock*, а просто вечернія собранія. Къ милѣйшей паннѣ Еленѣ я питаю глубокую признательность еще съ тѣхъ временъ, когда меня здѣсь еще ровно никто не зналъ. Она помогла мнѣ получить не одинъ урокъ и сдѣлала она это (чего, разумѣется, забывать нельзя) безъ всякихъ корыстныхъ разсчетовъ. Понятно, на этихъ пріемахъ я не чувствую себя въ своей тарелкѣ. Быть можетъ, потому, что въ вѣчной бѣготнѣ по урокамъ, я какъ-то отвыкла отъ салоновъ, а можетъ быть, и потому, что тамъ собирается слишкомъ избранное общество литераторовъ, художниковъ etc.

Главный контингентъ составляютъ молодые «безсмертные» текущаго сезона. Надо признаться, не люблю ни модныхъ сезонныхъ книжекъ, ни людей этого покроя.

Вчера, подымаясь по лѣстницѣ въ квартиру панны Елены, я буквально испытывала робость. Въ ту минуту, когда я уже собиралась войти въ залу, гдѣ собралось порядочное количество гостей,—*notabene* мужчинъ, — я почувствовала, какъ я не подготовлена къ этому. Столько забыто мелочей, служащихъ для того, чтобъ хорошо выгля-

дѣть. Ну, а вѣдь отъ этого всегда какъ-то не по себѣ... Отсюда слѣдуетъ заключить, что общество мужчинъ для насъ весьма привлекательно. Я, признаюсь откровенно, очень люблю его, но обязательно общество мужчинъ умныхъ, хорошо-воспитанныхъ и притомъ не педантовъ, которые относились бы пренебрежительно къ моимъ словамъ и мыслямъ. Всѣ мужчины интересуются барышнями, и было бы неправдой отрицать, что вызывать интересъ къ себѣ пріятно, ахъ, еще и какъ пріятно! И всегда, когда я вхожу куда-нибудь съ цѣлью (разумѣется, безсознательной) вызвать этотъ самый интересъ къ своей особѣ, я нахожу въ своей внѣшности столько недостатковъ и пробѣловъ, что рѣшительно готова обратиться въ позорное бѣгство.

Салонъ панны Елены таковъ же, какъ и былъ: прелестныя, большія пальмы, софы и кресла въ китайско-японскомъ стилѣ. Какъ и прежде, царитъ полумракъ. На софахъ уже торчали разныя «величины». Все это — наши «знаменитости». Мое появленіе не было замѣчено и не нарушило оживленнаго разговора. Опять этотъ несчастный женскій вопросъ. Разбиралъ его (главнымъ образомъ, при помощи побѣдоносныхъ афоризмовъ) поэтъ Б. Для него вопросъ этотъ вовсе «не существуетъ». Кто запрещаетъ женщинѣ дѣлать, что ей только заблагоразсудится? Хочетъ учиться — она и учится, хочетъ быть дѣятельной, какъ мужчина, — можетъ и это... Съ своей стороны, поэтъ Б. «осмѣливался утверждать», что женщина должна пользоваться присущими ей правами, но преимущественно, въ области... этики. Совершенствовать свою душу, дѣлать ее неуловимой, недосягаемой для грубой, тяжелой силы мужчины—вотъ ея задача. Что изъ того, что женщина будетъ адвокатомъ, докторомъ медицины или профессоромъ математики, когда отъ этихъ занятій (для нея именно только *занятій*) ее оторветъ тоска по чемъ-то недостижимомъ... (Софья Ковалевская). По его мнѣнію, женщины, стремящіяся къ такъ называемой эмансипаціи, лишаютъ себя одной изъ своихъ фактическихъ силъ—обаянія женственности, когда онѣ хотятъ уничтожить въ себѣ прелестное невѣдѣніе многаго, что дѣется на бѣломъ свѣтѣ. Поэтъ Б. видитъ что-то грубое въ томъ, если женщинѣ не о чемъ болѣе спрашивать мужчину. Въ заключеніе онъ задалъ бабью, дѣйствительно, трудный вопросъ: можно ли утверждать навѣрное, что женщины, достигнувъ абсолютной свободы, не злоупотребятъ ею точно такъ же, какъ теперь это дѣлаютъ мужчины? Вѣдь есть масса нехорошихъ женщинъ и даже, какъ подтверждаетъ психіатрія, элементовъ зла обнаруживается гораздо больше въ поведеніи сумасшедшихъ женщинъ. Поэтъ соглашался, когда его прижали къ стѣнѣ, съ тѣмъ, что это является именно результатомъ настоящаго положенія вещей, но все же «не вѣрилъ», чтобы на перемѣну подобныхъ условій можно было повліять мѣрами, которыя предпримутъ женщины.

Изъ моего уголка подъ пальмой я осмѣлилась (разумѣется, слабымъ,

какимъ-то не своимъ, дрожащимъ голосомъ, что да будетъ отнесено мнѣ на счетъ вполнѣ понятнаго трепета, въ присутствіи столькихъ лириковъ, драматурговъ, беллетристовъ и «эстетовъ») неумѣло произнести нѣсколько возраженій. Ухватившись за послѣднее сомнѣніе поэта, я сказала, что съ нимъ никоимъ образомъ нельзя согласиться, если мы вѣримъ въ силу благотворнаго вліянія культуры на душу человѣка. Дѣвушка, окончившая университетъ, можетъ быть такою же нехорошей, какъ простая крестьянка, но нравственность первой, уже по самой силѣ вещей, будетъ выше нравственности крестьянки, отъ чего окружающая среда безусловно будетъ въ выигрышѣ. По мѣрѣ возростанія высшей культуры, стушевываются различія, вызванныя болѣе низкимъ уровнемъ женскаго ума и недостаточной работой надъ его развитіемъ. Если въ душѣ женщины есть пустота, которая могла бы быть заполнена стремленіемъ къ чему-нибудь хорошему, свѣтлому, то въ этой пустотѣ, по естественному порядку вещей, растутъ плоды злости, глупости, сквернаго, неправильнаго воспитанія. Потому-то мы находимъ въ больницахъ такую роковую для женщинъ статистику...

Что касается того, что эмансипированная женщина, которой не о чемъ спросить мужчину, представляетъ собою явленіе грубое, то я заявила, что такой женщины въ настоящее время вовсе еще и нѣтъ. Вполнѣ равной быть мужчинѣ она не можетъ, хотя бы просто по причинѣ меньшаго запаса физическихъ силъ (еслибъ даже на пути ея не было никакихъ препятствій и... ловушекъ). Если, значитъ, «невѣдѣніе» не только «не представляетъ грѣха», но еще даже придаетъ «обаяніе», то, несмотря ни на какія усилія, женщина еще долго будетъ «обаятельно» глупѣе мужчины. Да и вообще, въ настоящее время, забота вовсе не въ томъ, чтобы стать равной во всемъ мужчинѣ, но въ томъ, чтобы все меньше и меньше отставать во всѣхъ отношеніяхъ, даже въ психіатрическихъ больницахъ. Въ заключеніе, я осмѣлилась запустить маленькую шпильку, какъ бы въ доказательство того, что гувернантки, въ самомъ дѣлѣ, хуже поэтовъ мужского пола. Я замѣтила, что, пожалуй, очень «обаятельно» нуждаться въ опекѣ, но зато лишь тогда, когда ея лишишься, когда нѣтъ ея для тебя на всемъ бѣломъ свѣтѣ,—тогда лишь чувствуешь, что нѣтъ въ этомъ ни малѣйшей прелести.

Такъ разглагольствовала я среди этого собранія.

Возвращаясь къ себѣ домой, я еще передумывала все это и испытывала нѣкоторое безпокойство. И даже не нѣкоторое, но сильное безпокойство! Не злоупотребятъ ли освобожденныя женщины своею свободой, такъ же, какъ сдѣлали мужчины? Настоящее положеніе прекраснаго пола, несомнѣнно, является слѣдствіемъ его моральнаго состоянія. Если бы задача была только въ какой-то борьбѣ и въ самомъ стремленіи къ побѣдѣ, тогда достаточно было бы только заявить: разъ мужчины имѣютъ право быть свободными и дѣлать все, что имъ за-

хочется, то точно такимъ же правомъ должны пользоваться и женщины. Но вѣдь тутъ дѣло, главнымъ образомъ, не въ борьбѣ, а въ благѣ общества. Впрочемъ, когда я задумываюсь о такихъ вещахъ, меня всегда дрожь такъ и пронимаетъ—отчего? Это, очевидно, сила предразсудка, унаслѣдованнаго отъ цѣлаго ряда прабабокъ. Я жизни не знаю. Мнѣ случалось иногда въ книжкахъ вычитать такія вещи, отъ которыхъ волосы встаютъ дыбомъ и морозъ по кожѣ подираетъ (Гюи де-Мопассанъ, Овидій). На улицахъ я часто наталкиваюсь на такія зрѣлища, которыя меня не только поражаютъ, но прямо въ тупикъ ставятъ. Между тѣмъ, сотни людей проходятъ мимо того же съ полнѣйшимъ равнодушіемъ, точно мимо фонаря или вывѣски. На свѣтѣ происходитъ столько какихъ-то невѣдомыхъ мнѣ злодѣяній, столько позорныхъ, ужасныхъ преступленій, въ которыхъ принимаютъ участіе и женщины. Кто же научилъ ихъ такимъ чудовищнымъ вещамъ? А если онѣ сами непосредственно оказываются способными на все это? И вотъ почему я боюсь предположенія поэта Б., что женщины могли бы злоупотребить свободой.

Такъ неужели же послѣ этого придти къ тому, что нужно опустить руки? О, никогда! Кто бы ни былъ виновникомъ ужасныхъ грѣховъ человѣчества, надо вырваться изъ грязи! И на это великое дѣло мужчины и женщины должны идти рука объ руку.

5-го декабря. Вчера я упомянула объ Овидіи. Не знаю почему, мнѣ пришла охота прочитать его еще разъ.

У Гэпъ, среди кучи ея романовъ, есть двѣ прелестныя старыя книжечки, еще въ прошломъ вѣкѣ изданныя въ Лондонѣ, подъ заглавіемъ: «Les oeuvres amoureuses d'Ovide».

Во второмъ томикѣ есть его остроумныя, полныя замѣчательной красоты и... безнравственности «Elegies amoureuses»; одна изъ нихъ мнѣ особенно нравится, она начинается словами: *L'oiseau le plus charmant qu'on pût voir dans le monde, mon fameux perroquet...*

Въ моемъ неуклюжемъ переводѣ это выходитъ такъ: «Попугай, нашъ говорливый гость изъ Индіи — умеръ! Собирайтесь, благочестивыя птицы, на похороны. Печальною толпой идите за тѣломъ его, ударяйте себя крыльями въ грудь. Терзайте себя когтями своими, рвите, за неимѣніемъ волосъ, перышки на головкахъ. Пусть, вмѣсто погребальной трубы, раздадутся ваши прелестныя пѣсни. Забудь, Филомела, о преступномъ дѣяніи Терея, отрѣзавшаго тебѣ языкъ. Долгіе годы должны были утишить твою печаль. Судьба Итиса—фазана, несомнѣнно, очень печальна, но вѣдь это было такъ давно. Плачьте, всѣ пернатыя творенія, что крылами своими разсѣкаете прозрачный воздухъ, но больше всѣхъ плачь, безутѣшно плачь и горюй ты, индійская горлица, подружка покойника. Да, о, попугай! Чѣмъ Пиладъ былъ для Ореста, тѣмъ была для тебя горлица. Но на что тебѣ вѣрность и красивый цвѣтъ твоихъ крыльевъ? Что изъ того, что ты такъ

скоро понравился прелестной женщинѣ, которой я подарилъ тебя въ въ знакъ любви»...

Чѣмъ-то вольнымъ вѣетъ отъ этого, тутъ рисуется одна лишь праздная, созерцательная, но ровная и ясная жизнь. Овидій самъ жалуется на себя, что онъ «поэтъ своего собственнаго легкомыслія». Изъ другихъ его произведеній видно, что ему знакомы минуты ужасныхъ страданій, но онъ убѣгаетъ отъ нихъ къ своимъ прекраснымъ, пустымъ, развращеннымъ женщинамъ, съ чудными глазами и волосами цвѣта «кедра съ влажныхъ долинъ покатой Иды». На лирѣ своей онъ любитъ одну струну, которая звучитъ въ теченіе столькихъ вѣковъ и для столькихъ поколѣній... Въ этомъ есть своя чарующая и странная прелесть... Рядомъ съ чудесными изліяніями глубокой печали, изображенной съ такою силой, что, кажется, сама ее переживаешь, встрѣчаются непонятныя, ужасныя въ своемъ нечеловѣческомъ цинизмѣ, страницы, какъ, напр., чудовищная тридцать восьмая элегія. Духъ захватываетъ въ груди, когда читаешь это. И, между тѣмъ, и въ этомъ безобразіи есть столько дивной поэзіи! Съ этихъ старыхъ страницъ вѣетъ какъ бы ароматомъ сильныхъ благоуханій или тысячу лѣтъ тому назадъ сорванныхъ розъ, что вѣнчали чело поэта...

7-го декабря. Усталость, усталость... Ужъ поздній вечеръ. Снѣгъ съ дождемъ пополамъ плачетъ за окнами, стонетъ въ трубахъ, какъ жалоба нищаго, и сверкаетъ, какъ стекло, на камняхъ мощенаго двора, освѣщенныхъ мерцающимъ свѣтомъ фонаря. Глаза невольно приковываются къ блестящимъ лужицамъ, вздрагивающимъ при паденіи дождевыхъ капель.

По секрету должна признаться, что за послѣднее время я стала еще болѣе непостоянной, чѣмъ прежде. Вѣроятно, это какое-нибудь нервное раздраженіе. «Нервы», въ силу которыхъ я когда-то вѣрила такъ крѣпко, какъ въ силу ременныхъ гужей, везущихъ бричку, когда, бывало, съѣзжаешь съ горы къ Глогамъ...

Теперь, чуть только какое-нибудь волненіе — сейчасъ сердцебіеніе, послѣ усиленной работы—головная боль, усталость, автоматичность. Такъ скверно сплю! Послѣ безсонной ночи у меня всегда неровное біеніе сердца, глаза точно пескомъ засыпаны, въ ушахъ шумъ, горло болитъ, а въ душѣ это отвратительное безпокойство. Будь у меня въ этотъ день совсѣмъ чистая совѣсть, употребляй я всѣ усилія, чтобы ничѣмъ не запятнать себя — не могу чувствовать себя ни спокойной, ни веселой. На уроки бѣгу, какъ автоматъ, занимаюсь съ дѣтьми, какъ идіотка. Когда я, напримѣръ, объясняю Анютѣ ариѳметическую задачу, первыя слова каждой мысли я еще понимаю ясно, но дальше говорю, какъ заведенная шарманка. Только произнеся предложеніе, я *слышу* въ головѣ его смыслъ, точно чьи-то чужія слова, которыя прежде мнѣ мѣшалъ хорошенько понять разговоръ съ кѣмъ-то постороннимъ. Истощилась у меня нервная сила. Бѣдные, натруженные, отупѣлые нервы

работаютъ безъ отдыха. Всякій пустякъ раздражаетъ, плакать хочется, иной разъ выпадаетъ случай развлечься, а у тебя и къ этому нѣтъ охоты. Но хуже всего возвращеніе съ уроковъ. Отяжелѣвшія, точно опухшія, ноги еле движутся. Промокшіе, какъ, напр., сегодня, ботинки мучатъ и раздражаютъ, забрызганная грязью юбка совсѣмъ похожа не на платье, а на какую-то тряпку. Ахъ, эти несчастныя, длинныя юбки! Я согласна, онѣ очень пріятны, милы и красивы, но развѣ для тѣхъ барынь, которыя никогда не ходятъ по грязнымъ улицамъ, а ѣздятъ въ каретахъ. Для насъ же, постоянно шныряющихъ по грязи, эти юбки — сущая пытка. Поднять юбку выше — некрасиво (да и невозможно, сейчасъ десятокъ мужчинъ станетъ всматриваться), ухаживать за ней, держать въ рукахъ — руки прямо коченѣютъ, или же оставить ее на произволъ и таскать на себѣ кучу грязи. Въ одной рукѣ у меня зонтикъ, книжки, тетради, другой я вѣчно должна держать мой хвостъ и въ такомъ видѣ бѣгать по тротуарамъ. Скромность позволяетъ намъ декольтироваться, обнажать плечи и грудь, и въ то же время воспрещаетъ показывать свѣту ногу выше ладыжки въ толстомъ чулкѣ и высокомъ ботинкѣ. Интересно, право, если мода вдругъ предпишетъ намъ прицѣпить себѣ хвостъ кенгуру, станемъ ли мы слѣдовать въ этомъ случаѣ ея предписаніямъ съ такимъ же піететомъ, какъ теперь, когда тащимъ хвосты платьевъ?

Сегодня, промокшая, запыхавшаяся, какъ почтовая лошадь, взбѣгая на третій этажъ къ Липецкимъ, посрединѣ крутой каменной лѣстницы я вдругъ услыхала звуки музыки. Гдѣ-то, за третьими дверями кто-то очень хорошо игралъ на роялѣ. Я остановилась на минутку, чтобы только послушать, что играютъ, а потомъ мнѣ было все равно. Гармоничные звуки стали волнами окружать меня, слышался какъ бы горестный вопросъ чей-то; они стали всматриваться въ меня, какъ бы огромные, полные слезъ голубые глаза. Они жалѣли меня, какъ бы добрые, любимые братья, они узрѣли во мнѣ нѣчто достойное жалости, какую-то, должно быть, нежелательную перемѣну, потому что рыдали отъ горя.

Но вдругъ они стали улыбаться въ моемъ сердцѣ, — звать меня ласковыми именами, и такими дивными, неземными, какихъ никогда не слыхать мнѣ на свѣтѣ. Всю меня обвѣяло дыханіемъ весны, и вспомнилась мнѣ одна весна, давно, давно проведенная въ Глогахъ, когда еще жили мать и отецъ. Я видѣла закрытыми глазами тропинку къ источнику подъ большой грушей, вокругъ лютики у ручья, длинные ряды калины, ежевики и дикаго хмелю. Видѣла воду, сверкающую за шлюзомъ, зеленые прутья камыша. Серебристыя плотички грѣлись на солнышкѣ подъ самой поверхностью и окуни съ темными полосами высовывали изъ холодной глубины свои острыя спины. Вырѣзанная изъ дерева фигура св. Яна стояла на плотинѣ надъ прудомъ, и черныя ольхи съ кривыми стволами...

Не могу описать...

9-го декабря. Когда долгіе годы мыкаешься такъ по бѣлу свѣту, непрерывно встрѣчая все новыхъ и новыхъ людей, пріобрѣтаешь удивительное умѣніе распознавать ихъ. Это не то, что способность постигать характеры, это, такъ сказать, умѣнье судить съ перваго взгляда. Мнѣ удается гораздо лучше и съ большей вѣрностью, при знакомствѣ съ кѣмъ-нибудь, сразу «почуять», что это за человѣкъ, чѣмъ если бы я принялась долго, систематически изучать его, сознательно наблюдать (хотя опять-таки своимъ чередомъ, я и этого не прерываю). Порой меня можетъ еще ввести въ заблужденіе свѣтскій лоскъ, напускная любезность, поддѣлываемая часто съ такимъ искусствомъ, но моя ошибка продолжается очень недолго, такъ какъ внутреннее непріятное чувство сейчасъ меня предостерегаетъ. Тогда я терпѣливо жду, и голубушка жизнь, въ концѣ концовъ, всегда приноситъ подтвержденіе того, что мнѣ подшепнулъ инстинктъ. Сколько ужъ разъ такъ было!

Кромѣ этого «чутья», у меня имѣются въ запасѣ еще нѣкоторыя средства угадать правду: я не удовлетворяю любопытства и не отвѣчаю на колкости. Я просто не «соизволяю» чувствовать извѣстныхъ словъ, улыбокъ, намековъ.

Благородные обыватели вскорѣ приходятъ къ заключенію, что я просто колода какая-то, особенно тупое существо, которое не въ состояніи вовсе чувствовать уколовъ. Тогда-то я и вывожу ихъ на чистую воду...

Были ли у меня когда-либо склонности къ подобнаго рода изслѣдованіямъ? Кажется, нѣтъ. Жизнь всему научитъ.

И нѣтъ въ этомъ моего прежняго, такого наивнаго смиренія—охъ, ни чуточки! Скорѣй всего, это какое-то нехорошее высокомѣріе. Часто думаю, что я все больше удаляюсь сердцемъ отъ людей. Ухожу куда-то далеко, въ міръ какихъ-то сонныхъ видѣній, героическихъ, чистыхъ тѣней. Съ ними мнѣ хорошо...

Свѣтъ, окружающій насъ, — полуинтеллигентный, полуварварскій, а главное — лицемѣрный... Хитрость служитъ въ немъ злоязычію, а злоязычіе практикуется ради себя самого. Вѣчно эти старанія унизить другого, очернить и тѣмъ усиленнѣе, чѣмъ труднѣе сдѣлать это. И съ какимъ мастерствомъ занимаются преимущественно этимъ искусствомъ наши женщины, эти ангелы-хранители семейнаго очага!

Всѣ мы такъ зарекомендовали себя въ этомъ искусствѣ молоть языкомъ во вредъ ближнимъ, что когда мужчина впервые знакомится съ кѣмъ-нибудь изъ насъ — навѣрное сейчасъ ставитъ себѣ вопросъ: посмотримъ, что это за экземпляръ животнаго? Въ этой пустой жизни всевластно царитъ лицемѣріе.

Ложь у насъ не только не искореняется, но даже не возбуждаетъ инстинктивнаго отвращенія. Всякое зло терпится съ глубочайшимъ объективизмомъ, а въ настоятельныхъ случаяхъ вещамъ, при помощи

софизмовъ, придается искаженный видъ, а то такъ просто притворяются, что не понимаютъ самыхъ обыденныхъ фактовъ. Въ такой-то атмосферѣ суждено распускаться цвѣтку домашняго воспитанія невинныхъ дѣтей. Если бы даже въ насъ было врожденное чувство пристрастія ко лжи, то и тогда необходимо было бы искоренять его, въ виду того неисчислимаго вреда, который оно приноситъ. Но всѣ наши благія нравственныя стремленія побиваетъ постоянное сознаніе, что рядомъ съ нами живутъ люди, для которыхъ вовсе не существуетъ нравственныхъ потребностей, которые ничуть не страдаютъ при видѣ злоупотребленій. Нравственныя муки единичныхъ личностей начинаютъ казаться чѣмъ-то случайнымъ, ни для чего непригоднымъ, безъ всякой связи съ существующимъ ходомъ вещей, точно какая-то исключительная особенность, или уже устарѣлая, или преждевременная. А развѣ такія чувства могутъ быть одиноки? Да вѣдь заглохнутъ они, какъ сѣмена, упавшія въ терніе!

Сколько разъ я старалась создать въ душѣ той или другой ученицы очагъ любви къ правдѣ, раздуть тлѣющую искорку той чудной силы, которая даетъ человѣку столько счастья въ жизни! И сколько разъ я встрѣчала отпоръ, скрѣпленный ядомъ ироніи... Моя миссія порождала насмѣшку. Такой одинокой, покинутой чувствую я себя тогда! И сегодня опять тоже...

Маничка Липецкая—это одна изъ такъ называемыхъ «скороспѣлокъ». У нея, безспорно, очень хорошія способности, но разовьются онѣ, вѣроятно, очень односторонне. Выдумала она вотъ что. Когда приходитъ къ нимъ дѣдушка Іеронимъ, Маничка тихонько проситъ у него двугривенный на «картинки». Заходитъ ли дядя Зигмунтъ—и съ нимъ та же исторія; съ тетей Теклей—то же. Между тѣмъ, маленькая проказница и не думаетъ покупать себѣ картинокъ. Она собираетъ эти деньги и бросаетъ ихъ въ копилку. Когда я попыталась было противодѣйствовать такому развитію таланта къ накопленію денегъ въ восьмилѣтней дѣвочкѣ, матушка ея вытаращила глаза и горячо запротестовала. По ея разумѣнію, это самый лучшій признакъ смѣтливости и бережливости въ будущемъ.

Чувства наши не могутъ дремать, они непремѣнно должны найти себѣ выраженіе въ дѣйствіяхъ. Во мнѣ пробуждается глубокое отвращеніе ко всему, что въ мѣщанскомъ мірѣ считается нравственнымъ. Ярлыкъ, нацѣпленный на людей матадорами, для нихъ значитъ все. Каждый изъ нихъ задрожалъ бы при одной мысли, что можетъ получить плохой ярлыкъ. Да и я сама развѣ могу похвастаться, что меня ничуть не интересуетъ, что говоритъ г-жа Липецкая, m-me Блюмъ или другая «мать», занятая систематическимъ извращеніемъ души своего ребенка подъ предлогомъ воспитанія его? Нисколько! Со всѣмъ этимъ я считаюсь. И какъ еще! Только я-то васъ знаю, милыя барыньки! И если мнѣ больно и тяжело встрѣчать отпоръ со стороны вашихъ

дѣтей, то знайте, что не потому, чтобы, вы, какъ члены общества, были умны и добры.

10-го декабря. Письмо отъ Вацлава! Вотъ что онъ пишетъ:

«Дорога утомила меня и измучила, вдобавокъ ко всему у меня еще разболѣлся зубъ и въ теченіе девяти дней не давалъ мнѣ ни минутки покоя. Утомляетъ, собственно, не столько самая дорога, сколько эти ночлеги въ поварняхъ. Рѣшительно не знаешь тогда, что дѣлать съ своей особой. Выйти на долго нельзя: пятидесятиградусный морозъ—не шутка, читать трудно, а тутъ еще эти постоянныя остановки, томительное выжиданіе, боязнь, что вотъ-вотъ олени разбѣгутся и волей-неволей придется нѣсколько дней проторчать въ такой глуши—все это, вмѣстѣ взятое, заставляло насъ торопиться. Олени нѣсколько разъ разбѣгались, но намъ съ Ясемъ удавалось довольно скоро согнать ихъ въ кучу. За все время путешествія я не потерялъ ни одного дня. *Nulla dies sine linea.* Видишь, какъ хорошо знать латынь! Такая *linea* въ этихъ краяхъ означаетъ нѣсколько десятковъ верстъ. Олени всюду попадались хорошіе, дорога, за малыми исключеніями, сносная—и мчались мы съ быстротою десяти-двѣнадцати верстъ въ часъ. Но эти поварни—порой ужасъ что такое! Столько, кажется, читалъ о нихъ, столько наслышался, а между тѣмъ дѣйствительность превосходитъ всякое понятіе. Это огромныя, низкія лачуги безъ пола, безъ наръ, съ дымящей трубой, съ щелями въ стѣнахъ—словомъ, совершенно похожи на меня: со всевозможными недостатками, но зато безъ всякихъ достоинствъ. Съ перваго взгляда онѣ даже довольно поэтичны, особенно когда стѣны, покрытыя бѣлымъ инеемъ, ледяными сосульками, освѣтятся огнемъ и засверкаютъ, словно тысячей алмазовъ. Но эстетическое наслажденіе вскорѣ смѣняется разочарованіемъ, когда вся эта фантастичность начинаетъ капать тебѣ на носъ и на одежду. Я въ этихъ поварняхъ никогда не раздѣвался на ночь и даже, наоборотъ, одѣвался еще теплѣе, чего опять-таки нельзя назвать большимъ удовольствіемъ. Притомъ, пока горитъ огонь, такъ тутъ такое «горячо», какъ говорятъ твои литвинки, что не знаешь, куда дѣться, а въ то же время ноги и спина ужасно мерзнутъ. Иногда, вмѣсто поварни, намъ удавалось переночевать въ юртѣ, но и эти *chambres garnies* не безъ «но». Человѣкъ пятнадцать-шестнадцать мужского, женскаго и средняго рода тѣснятся въ маленькой юртѣ вмѣстѣ съ собаками, телятами и т. п. въ непосредственной съ ними близости. Прибавь еще къ этому запахъ гнилой рыбы и ты поймешь, какъ здѣсь легко дышется. Утромъ—опять въ дорогу. Выносливость оленей просто поразительна. Надо ихъ видѣть (хотя и не совѣтую...), когда, таща за собою тяжело нагруженныя нарты, они взбираются чуть не на отвѣсные обрывы или когда они мчатся по болотамъ тундръ, чуть-чуть покрытыхъ снѣгомъ. Вотъ такъ ѣзда по этимъ болотамъ! Нарты скачутъ, качаются по тундрѣ, точно лодка на водѣ во время вѣтра. Ночь

темная-темная, вокругъ ничего не видать, кромѣ необъятной бѣлой равнины. Ямщики крикомъ подгоняютъ животныхъ, чтобы ускорить бѣгъ. За тобою все слышится что-то въ родѣ пыхтѣнія локомотива, и то и дѣло, то справа, то слѣва появляется славная, рогатая морда оленя, покрытая инеемъ, пышущая паромъ, съ вывѣшеннымъ, какъ у собаки, языкомъ. Съ наступленіемъ сильныхъ морозовъ, олени перестали пыхтѣть и замкнули рты. Во время ѣзды надо постоянно перегибаться то въ одну, то въ другую сторону для сохраненія равновѣсія, а то для возвращенія его, ударять ногою объ землю. Наконецъ, въѣзжаешь въ лѣсъ, прорѣзываешь возвышенности и съ бѣшеной быстротой слетаешь вновь въ долину. Олени мчатся, какъ стрѣла, и нарты скачутъ такъ, что духъ захватываетъ. Внизу переднія нарты замедляютъ ходъ, потомъ всѣ остальныя съ трескомъ ударяются одна о другую и разлетаются во всѣ стороны. Въ долинѣ опять тундры, опять качка, словно по бурнымъ волнамъ моря. При подобныхъ безпрерывныхъ гимнастическихъ упражненіяхъ, разумѣется, становится тепло, только ноги ужасно мерзнутъ, а при такой бѣшеной скачкѣ по тундрамъ, въ темнотѣ, и рѣчи быть не можетъ о томъ, чтобы какъ-нибудь согрѣться. Наконецъ, гдѣ-то вдали цѣлый снопъ искръ. Это юрта! Мы радостно привѣтствуемъ ее, какъ моряки маякъ. Черезъ минуту мы наслаждаемся теплотой, ѣдимъ, пьемъ, какъ герои Гомера, а затѣмъ спать, спать, спать! Ну, и вотъ такъ-то изо дня въ день— въ теченіе цѣлыхъ трехъ мѣсяцевъ и двухъ дней. Мой аппаратъ, стекла, всѣ приборы я довезъ въ цѣлости, чему самъ удивляюсь чрезвычайно. Мнѣ еще изъ Якутска должны прислать клише, бумагу и вообще все нужное. Что то тамъ у тебя слыхать, моя кроткая голубка, моя милая, дорогая сестренка».

15-го декабря. Съ нѣкоторыхъ поръ я жажду видѣть что-нибудь веселое, свѣтлое. Все ищу веселыхъ книжекъ. Мнѣ такъ пріятно было бы смотрѣть на чью-нибудь жизнь, полную счастья. Вокругъ себя я все вижу или жалкую, больную, сѣренькую жизнь, или непосильную борьбу съ различными препятствіями. На каждомъ шагу можно встрѣтить людей довольныхъ (собою), но веселыхъ, счастливыхъ не видать нигдѣ. Удовлетвореніе можетъ быть у всякаго, у кого потребности невелики, но счастья, полнаго счастья, такъ и дышущаго весельемъ, радостью, какъ будто нигдѣ и не бывало. А вѣдь человѣкъ созданъ для счастья! Со страданіями нужно бороться и искоренять ихъ, какъ тифъ и оспу.

25-го декабря. Вернулась отъ всенощной. Были мы всѣ, т.-е. панна Елена, Иза и мои пузыри. Морозно. Сыпучій снѣгъ искрится и хруститъ подъ ногами. Изъ моего окна вижу лишь крыши изъ серебра. Ряды заколдованныхъ замковъ встали въ бѣдномъ околодкѣ.

Свѣтитъ мѣсяцъ.

Телефонныя проволоки заиндевѣли. Онѣ бѣлы, какъ нити грубаго

хлопка, которыя гдѣ-то далеко сматываетъ въ клубокъ какая-то старая, престарая бабушка. Есть что-то чудесное въ этой свѣтлой ночи, въ этой чистой ночи. Неизъяснимая прелесть лежитъ на стѣнахъ, облитыхъ луннымъ свѣтомъ.

Въ эту тихую ночь на землѣ, кажется, прекратилась отъ усталости всякая борьба и желѣзный кулакъ насилія ослабѣлъ отъ печали.

Еслибъ въ эту минуту убійца захотѣлъ вонзить кинжалъ въ грудь своей жертвы—его рука онѣмѣла бы. Ибо теперь ангелы спускаются съ неба на землю и пріемлютъ въ свои чистыя души вздохи всѣхъ обиженныхъ.

Кто будетъ молиться теперь...

Въ ясляхъ, хуже младенца самаго бѣднаго батрака, лежитъ тотъ, о которомъ сказалъ Исаія, что «Онъ поразитъ землю жезломъ устъ своихъ». Быть можетъ, Царствіе Его уже наступило, быть можетъ, идетъ уже «лѣто Господне благопріятное». Да укрѣпится духъ страждущихъ ради блага многихъ, да отдохнутъ они, Господи...

26-го декабря. Праздники! Сплю, ничего не дѣлаю и хожу съ визитами. Натаскала себѣ цѣлую кучу книжекъ и съ завтрашняго дня серьезно примусь за чтеніе. Гэпъ уѣхала на цѣлую недѣлю.

Въ нашъ аппартаментъ, за неимѣніемъ другого мѣста, хозяева поставили свою елку, и ночью я наслаждаюсь пріятнымъ запахомъ хвои. Ахъ, въ такой зимній вечеръ, когда отъ мороза на крышахъ стрехи трещатъ, прокатиться бы въ санкахъ по лѣсу, засыпанному снѣгомъ, сверкающему, какъ алмазами, ледяными сосульками! Каково-то тамъ теперь?

Пусто въ полѣ. Ни шопота, ни шороха. Мѣсяцъ ходитъ надъ широкой равниной. Кой-гдѣ, среди снѣговъ, одиноко торчитъ обнаженная полевая груша и кидаетъ синеватую тѣнь...

7-го января. Вацлавъ умеръ.

Узнала это отъ той госпожи на прошлой недѣ . . . .

. . . .

23-го марта. Перебирая разный хламъ въ ящикѣ моего столика, я нашла этотъ дневникъ. Я открыла его, и взглядъ мой упалъ на слова, написанныя два мѣсяца тому назадъ. Мнѣ они вдругъ почему-то показались чѣмъ-то новымъ... И вмѣстѣ съ тѣмъ—тотъ же холодъ, то же равнодушіе. Неужели въ этомъ для меня должно быть несчастіе? Гдѣ же оно? Я его не чувствую. Слова эти пусты, это лишь одна форма, оболочка того ужаснаго страданія, которое испытываютъ люди.

Давно, когда я была еще дома, покойный отецъ показывалъ мнѣ однажды въ Глогахъ пшеницу, попорченную головней. Шли мы рано утромъ мимо нивы подъ горою, около Каменнаго источника. Папаша срывалъ колосъ, вынималъ изъ него зерно и показывалъ мнѣ. Снаружи оно было совсѣмъ похоже на обыкновенное, хорошее зерно, но какъ только дотронешься до него пальцемъ, изъ середины этой золотистой

оболочки сыпался какой-то черный, мелкій порошокъ. Такъ и я... Нѣтъ во мнѣ чистаго зерна сестринскихъ чувствъ, только гнилой прахъ...

25-го марта. Я хотѣла бы здѣсь описать...

Начинаю чувствовать потребность излить свою душу, проанализировать себя. Чувствую себя такой убитой: ни чувствъ, ни мыслей, ни желаній!

Я похожа на купель Силоамскую, когда отъ нея отлеталъ ангелъ. Чувствую, какъ будто въ моей душѣ что-то оборвалось, перестало существовать, а то, что осталось, *мнѣ* уже ни къ чему. Это—трусость и равнодушіе. Ничего новаго въ жизни я съ этимъ не сдѣлаю. Есть еще добрые люди, которые цѣнятъ во мнѣ и эти жалкіе остатки, но сама я развѣ могу примириться съ мыслью—придавать еще какую-нибудь цѣну чему-то такому, что напоминаетъ жалкій лоскутъ, оставшійся отъ прежней одежды. Было время, когда я думала, что жизнь моя уже разбита окончательно. Теперь вижу, что это не такъ.

Разбито только мое личное счастье.

Хочу пробудить въ себѣ силу жизни, бичую себя воспоминаніями о паннѣ Л., принуждаю себя къ самому тяжелому труду. Но все это, все это...

Меня не покидаетъ какое-то странное ощущеніе, какъ будто мнѣ кто-то подсказываетъ, что̀ нужно дѣлать, учитъ меня, какъ нужно дѣлать, вкладываетъ въ это всю свою душу, а я все-таки, по мужицки какъ-то, не довѣряю ему. Часто забѣгаетъ ко мнѣ то одна, то другая знакомая и повѣряетъ свои огорченія. Меня это, правда, «занимаетъ», но въ моемъ отношеніи къ этому, я чувствую, есть что-то равнодушное и презрительное. Глядя на чужія слезы, я думаю, какъ счастливы тѣ, которыя только такія слезы проливаютъ.

Я молчу.

Знаю одно мудрое словечко, о которомъ Вацекъ не имѣлъ понятія. Слово это—*Hart sei!*

Онъ убилъ бы меня взглядомъ, скажи я ему, что жизнь надо любить больше всего.

26-го марта. Теперь часто совсѣмъ не могу отличить, что хорошо, что дурно. Кажется, я не дѣлаю ничего «дурного», а между тѣмъ не могу быть увѣрена, что въ подобномъ поведеніи есть что нибудь хорошее. Порою мнѣ кажется, что «хорошимъ» было бы именно что-то совершенно другое. Понимать я понимаю все такъ же, какъ и прежде, только нѣтъ во мнѣ ничего твердаго, увѣреннаго.

27-го марта. Что за цѣль въ страданіи?

Можно ли вѣрить, что такая мука является обычной, простой необходимостью? Для кого? Когда она длится долго, долго, непрерывно, она становится для нашего ума непостижимой загадкой, мучительной тайной, смыслъ которой, непонятный, великій и властный, какъ мистическая птица, кружитъ надъ головой.

Черный, зловѣщій воронъ несчастья.

29-го марта. Въ воображеніи моемъ долго стояла какая-то картина. Болотистыя тундры, чуть-чуть покрытыя снѣгомъ. Мнѣ такъ нехорошо...

2-го апрѣля. Сама не знаю, что со мной. Душу томитъ самое мучительное, наводящее безконечную грусть, чувство. Тоска... Грусть невыносимая, безъ причины, безъ цѣли, безъ мысли. Ахъ, нѣтъ, — въ головѣ гдѣ-то еще смутно мелькаетъ клочекъ мысли, жалкій, слабый клочекъ: въ немъ таится одно лишь сознаніе, что то, что̀ вызываетъ мою грусть, есть самое важное, самое цѣнное, единственно еще чего-нибудь стоющее въ жизни. Странное дѣло: съ помощью этого крохотнаго атома, угадываешь настоящій смыслъ жизни, охватываешь такіе горизонты, такіе необъятные міры, о которыхъ и знать не знаетъ обыденный, здоровый умъ.

Тоска, тоска... Чувство самое неопредѣленное, состояніе, не поддающееся никакому облегченію, давящее грудь однообразной, ноющей болью.

А между тѣмъ, оно само по себѣ желательно, ибо возбуждаетъ тревожную жажду снова взглянуть на то же горе. Холодное равнодушіе, пережитое зимою, было нехорошее состояніе. Теперь тогдашнія мертвенно-холодныя ощущенія встаютъ въ моей памяти, словно какія-то желѣзныя острія, раздирающія душу.

Давно, лѣтъ восемь тому назадъ, шли мы, помню, однажды съ Генрихомъ черезъ нашу березовую рощу. У него въ карманѣ былъ револьверъ. И вотъ, вздумавъ вдругъ похвастаться предо мной, онъ вынулъ его, прицѣлился и выстрѣлилъ. Пуля попала въ молодую березку и пробила ее насквозь. Изъ этого мѣста брызнула струя соку и текла такъ долго, такъ долго... я не могла смотрѣть и убѣжала изъ рощи. Когда я уже была на краю ея и обернулась назадъ, еще видно было, какъ сочилась тонкая струйка по бѣлой корѣ. Лучи солнца отражались въ ней и искрились точно такъ же, какъ отражаются они и въ грязной лужѣ на дорогѣ, по которой бродятъ телята.

3-го апрѣля. Я и сама не знаю, чего хочу. Тоскую страшно, вѣрнѣе даже, чахну съ тоски. Хотѣлось бы уйти куда-нибудь, убѣжать... Я какъ тяжело больной, который самъ не знаетъ, что у него сильнѣе болитъ. Ему плохо, скверно, а пошевельнуться силъ нѣтъ. Да если бы онъ и могъ, то и перемѣна положенія можетъ вредно отразиться на немъ.

5-го апрѣля. Мнѣ кажется, еслибъ послушать хоть немного хорошей музыки, мнѣ, можетъ быть, немного легче бы стало, хотя несчастье мое не уменьшилось бы отъ этого. Слезы сильнѣе воли. Потому я и страдаю и ничего въ себѣ измѣнить не могу. Все остается по прежнему, тѣ же цѣли, тѣ же обязанности. Я отлично понимаю все это и остаюсь безъ силъ. На недостатокъ рѣшеній не могу пожаловаться... Ихъ у меня столько въ головѣ! Недостаетъ только одной маленькой, крохотной вещицы...

6-го апрѣля. Хожу на уроки, дѣлаю все, какъ слѣдуетъ — а сама смѣюсь надъ всѣмъ этимъ. Въ этомъ столько же смысла, что переливать изъ пустого въ порожнее. Ни къ чему у меня нѣтъ охоты. Я сама себя спрашиваю, чего же, наконецъ, могу желать, и постоянно, какъ-то даже безсознательно для себя самой, прихожу къ тому, что мнѣ хотѣлось бы только одного: не быть.

Эта мысль непосредственно вытекаетъ изъ всего моего настроенія, и слезы брызжутъ изъ глазъ, и въ нихъ это желаніе...

7-го апрѣля. Съ Антосей Л. я прохожу теперь... греческую литературу. Сама-то я знаю изъ нея всего лишь то, что слыхала отъ Вацка. Но все-таки въ тѣ времена я читала все, что онъ проходилъ, и даже порядкомъ набралась тогда самаго «греческаго духу». Теперь мы читаемъ съ Антосей трагедіи Эсхила, Софокла, Эврипида въ переводѣ З. Венцлевскаго и К. Кашевскаго.

Кто бы могъ подумать, что на этихъ страницахъ можно встрѣтить отраженіе своихъ страданій, что и въ тѣ далекія времена уже были сестры, которымъ нельзя было хоронить своихъ братьевъ...

Моя ученица читала однообразнымъ тономъ «Семеро противъ Ѳивъ» Эсхила. И вотъ что говоритъ тамъ Антигона:

Могучи узы крови, которая соединяетъ меня
По бѣдной матери и несчастномъ отцѣ.
Поэтому, сердце мое, терпѣливо сноси обиду, на которую
Онъ роптала, и посвяти жизнь умершему
Изъ сестринной любви! Тѣла его волки
Хищные не растерзаютъ. Этого не увидятъ.
Ибо могилу вырою собственными руками
И послѣднюю услугу, хотя я женщина, окажу ему сама.
Вынесу его въ полотняномъ широкомъ плащѣ
И сама похороню его. Никто меня не удержитъ!
Кто смѣлъ, всегда найдетъ дѣйствительный способъ...

Безумная дѣвушка! Нѣтъ, нѣтъ! Я не стану брать съ нея примѣра! Я человѣкъ разсудительный, мой идеалъ — скорѣе покорная Исмена, повинующаяся повелѣніямъ Креона. Я не пойду рыть могилы для Полиника!

11-го апрѣля. Праздникъ. Не пойду сегодня никуда. Чувствую себя такой разбитой и такъ нехорошо мнѣ, точно сижу въ мрачной, душной темницѣ. Послѣдніе дни я часто плачу. А такъ какъ на урокахъ ревѣть не приходится, подавляю въ себѣ слезы и брожу съ ними съ мѣста на мѣсто.

Зато, въ воскресенье, когда Гэпъ уходитъ и меня никто не видитъ, даю волю слезамъ и по цѣлымъ часамъ позволяю себѣ это недорогое развлеченіе.

20-го апрѣля. Я сегодня пошла съ урока не обычнымъ путемъ: по Іерусалимской аллеѣ. Было тепло, и воздухъ былъ какъ-то особенно ясенъ. Далеко, далеко, за Вислой тянулись синія очертанія лѣсовъ. И

вдругъ опять, безъ всякаго основанія, сердце мое, глупое, бѣдное сердце дрогнуло во мнѣ, всполохнулось и я едва сдержала слезы. Всѣми силами стараюсь не плакать, потому что, стоитъ мнѣ только днемъ разревѣться, и прощай тогда сонъ на всю ночь: страшные кошмары, одинъ за другимъ, давятъ грудь и глазъ сомкнуть не даютъ. О, эти ночныя видѣнія! Мнѣ не слѣдовало такъ долго смотрѣть туда, за Вислу, но я не могла оторвать глазъ, не могла, ни за что не могла!

Нужно уйти отсюда, изъ этого душнаго города! Не могу я больше, не хочу! Я должна уйти отъ самой себя, отъ моихъ мыслей, отъ моихъ занятій, отъ всѣхъ моихъ дѣлъ, отъ всего, отъ всего!

О ты, земля, на которой рука человѣческая еще ничего не посѣяла!

Открытыя, пустыя, безплодныя поля!

Вы, высокія, шумящія на свободѣ деревья лѣсовъ!

Оттуда тянется въ наши края Привислянская желѣзная дорога. Сколько радости, сколько безумнаго порыва счастья кроется въ одномъ этомъ глупомъ сознаніи! Только-бы дотянуть душу свою до іюня...

Тамъ омою ее въ свѣжихъ водахъ моей родины.

13-го мая. Теплый, ясный вечеръ. На камняхъ моего дворика луна-чародѣйка выводитъ причудливыя, серебристо-сѣрыя фигуры. Старый, грязный переулокъ выглядитъ какъ-то иначе, совсѣмъ на себя не походитъ, словно и онъ грезитъ... Въ эту ночь даже несчастные бѣдняки подымаютъ усталыя очи вверхъ къ небу, къ чуднымъ, яснымъ звѣздамъ, напоминающимъ имъ давно погасшія чувства.

Сколько силы должны вливать такія ночи въ наши души, въ души юныя, чистыя, на которыхъ не лежитъ тяжелый гнетъ пережитыхъ несчастій, въ души тѣхъ, что умѣютъ выше всего цѣнить свою душу, умѣютъ любить глубоко и искренно, что не продали еще ни своего чистаго сердца, ни силы—смѣло кинуть перчатку всякой подлости!..

4-го іюня. Пишу эти строки заржавѣлымъ перомъ въ гостинницѣ, въ Кѣльцахъ. (Съ тѣхъ поръ, какъ запомнятъ старожилы, въ кѣлецкихъ гостинницахъ всегда для удобства проѣзжающихъ водились заржавѣлыя перья).

Что за катастрофа!.. Я снова тутъ, въ моемъ славномъ городишкѣ. Вчера бросила всѣ уроки, отказалась отъ двухъ кондицій, у Липецкихъ и у этой госпожи Невадзкой изъ Цисъ, пожитки свои оставила на попеченіе Гэпкѣ, которая на лѣто остается въ Варшавѣ, а сама съ тремя десятками рублей и небольшимъ саквояжемъ, кинулась оттуда, очертя голову. Мнѣ нѣтъ никакого дѣла, что станется съ моей драгоцѣнной особой. Знаю одно,—буду въ Кравчискахъ на могилѣ отца и мамы, въ Глогахъ... До остального мнѣ рѣшительно все равно! Вѣроятно, заѣду въ Менкаржицы, къ дядѣ Кржевинскому. Можетъ пробуду у нихъ все лѣто, а, можетъ, всего нѣсколько часовъ. Мнѣ все равно... (Смотри выше!..)

Теперь не я управляю собой,—управляютъ порывы, *Lelum-Polelum*...

Какъ буйные кони, они несутъ меня, куда хотятъ. Долго держала я ихъ взаперти, въ желѣзной конюшнѣ, что ни день, крѣпко-нá-крѣпко захлопывала ворота,—теперь вырвались, голубчики, неситесь, какъ хотите! Я бы сейчасъ поѣхала дальше, да только дождь льетъ, какъ изъ ведра!

Нехорошія, противныя Кѣльцы! Глянешь въ окошко: вмѣсто чистаго неба, все тучи и тучи и безконечный ливень. Пусть его! Вѣдь прояснится же, наконецъ.

Пріѣхала я сюда ночью, чуть ли не въ четыре часа и съ немалымъ трудомъ отыскала себѣ этотъ номерокъ.

Такъ то въ Кѣльцахъ у панны Іоаси уже нѣтъ ни души...

Да, скоро гаснетъ домашній очагъ, и буйный вѣтеръ далеко разноситъ благовонный дымъ родного шалаша. Гнѣзда человѣческія не прочнѣе гнѣздъ пауковъ. Мысленно перебираю всѣхъ здѣшнихъ, которые, навѣрно, все еще живутъ себѣ да поживаютъ между Карчовкой и Потѣшкой, но среди нихъ не нахожу никого, кто бы могъ съ братскимъ сочувствіемъ пожать мою руку, съ кѣмъ бы я могла подѣлиться пережитыми страданіями, кто понялъ бы мою ужасную тоску, отъ которой вѣетъ холоднымъ дыханіемъ смерти. Никого, никого не могу придумать—какъ бы это сказать?—ну, съ видящими глазами. Все это добрые, простые люди, тупыя сердца которыхъ не въ состояніи пробить стѣны собственнаго дома. Богъ съ ними! Я умѣю уже ходить между холодными людьми, какъ между памятниками на кладбищѣ. Это не такъ важно!

О, моя аллея къ Карчевкѣ, мои взлелѣянныя въ мечтахъ въ Варшавѣ далекія горы!

На часахъ каѳедральнаго костела пробило шесть. Привѣтъ вамъ, дорогіе, знакомые звуки! Какъ я васъ боялась когда-то, съ какой глубокой тревогой прислушивалась къ вамъ въ первый разъ, когда изъ Глоговъ пріѣхала сюда учиться! А вотъ еще... Но нѣтъ, прочь всѣ воспоминанія! Нельзя задумываться о быломъ, а то сейчасъ опять начнутся эти глупыя слезы...

Тихо вокругъ, только дождь стучитъ въ трубахъ, да отъ времени до времени съ грохотомъ прокатятся по улицѣ кѣлецкія дрожки.

Въ тотъ же день въ Менкаржицахъ. Я уже здѣсь, у дяди. Очень поздно... Вокругъ благодатная тишина. Ночую одна, на «другой сторонѣ», въ этой старой «гостиной». Какъ я счастлива, ахъ, какъ я счастлива! Тихонько, на цыпочкахъ хожу по пустой комнатѣ, гдѣ стоитъ еще старая мебель, знавшая дорогихъ мнѣ покойниковъ — и наслаждаюсь сознаніемъ, что это не сонъ. Я опять тутъ, въ Менкаржицахъ! Сколько разъ я бывала въ этихъ низкихъ комнаткахъ съ покойной мамой, когда мнѣ было три, четыре года... Немного покривившійся потолокъ, съ двумя балками посрединѣ, стѣны, выбѣленныя известкой, которая ужъ во многихъ мѣстахъ отпадаетъ, обнажая

сухія и твердыя доски. Окно застилаютъ кусты георгинъ, мальвъ и сирени. Съ рамъ его дождь давно смылъ лакъ. Задвижки, старыя задвижки какой-то причудливой формы, искусно кованныя рукою какого-нибудъ ученика Тубалъ-Каина, покрылись такимъ толстымъ слоемъ ржавчины, что, дѣйствительно, выглядятъ, какъ какія-то красивыя вещицы. Вотъ, какъ сквозь сонъ, я вижу того, кто прибивалъ къ дверямъ эти задвижки. Это былъ молодой кузнецъ... Мнѣ тогда было года четыре. На всемъ, на выцвѣтшихъ окнахъ, на дверяхъ, на стѣнахъ, на всей мебели, на этихъ старыхъ литографіяхъ лежитъ особенный отпечатокъ. Проходятъ годы, десятки лѣтъ—они неизмѣнно продолжаютъ существовать все на тѣхъ же самыхъ, на постоянныхъ своихъ мѣстахъ, выносятъ на себѣ дѣйствіе всѣхъ временъ года и становятся необходимыми частицами всей данной обстановки. Каждый изъ этихъ предметовъ имѣетъ свою исторію и составляетъ неотъемлемую принадлежность семьи. Старая усадьба чернѣетъ, кривится на бокъ, но, въ сущности, остается такою же, какъ была, и, каковъ бы онъ ни былъ, всегда дорогъ сердцу этотъ старый, родной домъ, сросшійся съ полемъ, съ садомъ, съ деревьями и цвѣтами. Быть можетъ, когда-нибудь и онъ разсыплется въ прахъ и исчезнетъ съ лица земли точно такъ, какъ человѣкъ умираетъ...

Слышится лай собакъ. Привлеченныя свѣтомъ въ окнахъ обыкновенно темной комнаты, онѣ усѣлись у меня подъ самымъ окномъ и воютъ на разные лады.

Но къ дѣлу, къ дѣлу. Всякое *extemporale* нужно писать по пунктамъ: прежде всего вступленіе... Итакъ, выѣхала я сегодня изъ Кѣльцъ еще утромъ. Дождь хоть и не переставъ совсѣмъ, но сталъ немного меньше. Онъ моросилъ мелкими капельками, отъ времени до времени лишь отпуская капли покрупнѣе. Наняла я бричку за четыре рубля (слушайте, слушайте!)—и покатила! Возница подвязалъ своимъ кляченкамъ хвосты, закуталъ хорошенько свои ноги и съ небывалымъ грохотомъ выѣхалъ изъ города. Выѣхали мы на шоссе, на наше старое, исщербленное выбоинами, дорогое, славное шоссе—и тутъ какъ пошло валять со всѣхъ сторонъ изъ-подъ колесъ брызгами жидкой грязи... Не въ силахъ были защитить меня отъ нея даже крылья брички, звенѣвшіе совсѣмъ какъ янычары, только изорванный фартукъ, какъ могъ, голубчикъ, закрывалъ меня: Вскорѣ на этомъ голубчикѣ образовалось цѣлое озеро, переливавшееся съ мѣста на мѣсто.

Я чувствовала себя усталой и сонной и вмѣстѣ съ тѣмъ на душѣ у меня было еще лучше, чѣмъ теперь. Мое вниманіе или, вѣрнѣе говоря, улыбку мою, блуждавшую въ пространствѣ, то и дѣло привлекали къ себѣ два фонаря, которые, какъ я полагаю, предназначались для украшенія экипажа. Въ самомъ дѣлѣ, разбитые стекла и отвалившіеся верхи ничего имъ другого не оставили, кромѣ развѣ этой чести. Одинъ изъ этихъ рудиментарныхъ органовъ экипажа былъ привязанъ

къ желѣзной полоскѣ размокшей веревочкой. Торчавшая прямо передо мною спина моего автомедона въ синей ливреѣ, носившей на себѣ слѣды непогоды, заслоняла мнѣ свѣтъ, а одинокая желтая пуговица на поясѣ съ изображеніемъ какого-то герба—невольно притягивала взоры. Доступное глазамъ моимъ пространство заполнялъ мелкій дождикъ. Далеко, въ туманномъ воздухѣ виднѣлись смутныя очертанія горъ. То выплывая, то исчезая въ туманѣ, онѣ вызывали въ душѣ глубокую скорбь. Чуть только я различала ихъ яснѣе, я чувствовала, какъ мнѣ становится больно.

Такъ сжималось больно когда-то давно сердце у маленькой дѣвочки ѣхавшей учиться въ гимназію, когда она кидала на эти дорогіе холмы послѣдній взглядъ...

А бричка скачетъ по буграмъ и выбоинамъ, то и дѣло переваливается во всѣ стороны, точно больной, страдающій сухоткой, который, однако, тщательно скрываетъ свою болѣзнь, изъ опасенія лишиться должности,—скользитъ по изгибамъ дороги, какъ будто вотъ-вотъ, въ минуты отчаянія, рѣшится покончить самоубійствомъ и провалится въ канаву. Вотъ показалась деревня съ почернѣвшими избами.

Вотъ толстыя вербы, съ молодыми, свѣтлыми, густолиственными вѣтвями; а тамъ, на поляхъ, виднѣются дикія груши, такія же дикія, какъ въ былыя времена. Тамъ, гдѣ дорога спускается подъ гору, внизу течетъ рѣчка: это рѣчка изъ моей деревни, изъ Глоговъ. Мы съѣзжаемъ внизъ и ѣдемъ по длинному мосту. Спотѣвшія лошадки идутъ медленно, шагъ за шагомъ, паръ такъ и валитъ у нихъ изо рта. Я высовываюсь изъ брички, и взоры мои съ наслажденіемъ ловятъ чистую поверхность рѣки, бѣгущей по камнямъ и крупному песку, рѣки, которая сейчасъ проплывала мимо дома моихъ родителей. Шлагбаумъ. Бричка останавливается. Надо заплатить нѣсколько копѣекъ. Я торопливо ищу ихъ у себя въ карманѣ, нѣтъ, это не ихъ я ищу, это ищу я всѣми чувствами моими звуковъ этой рѣки, что внизу тамъ будто лепечетъ мнѣ что-то.

И трогаемся снова медленнымъ шагомъ, подъ гору. Мимо проходятъ люди, забрызганные грязью, съ сгорбленными спинами, съ лохматыми волосами. Они о чемъ-то говорятъ, такъ скверно ругаются, спорятъ. Вотъ одно знакомое лицо. Это нашъ мужикъ, Вицекъ Михцикъ. Точно такимъ же помню я его во времена моего дѣтства, только постарѣлъ немного. Лошади трогаются, и въ лязгѣ желѣза, въ стукѣ колесъ мнѣ почему-то слышатся недавно вычитанныя изъ библіи слова. Они, видно, все время гдѣ-то таились въ моемъ мозгу, точно вырѣзанныя стальнымъ рѣзцомъ на оловянной дощечкѣ: «Потому что мудрому не будетъ памяти вѣчно, какъ и невѣждѣ, въ будущіе дни все совершенно будетъ забыто, и увы! умираетъ мудрый наравнѣ съ невѣждой»...

Это циническое изреченіе, смѣло брошенное міру премудрымъ ца-

ремъ, которому извѣстно «все подъ солнцемъ», не было мнѣ непріятно. Наоборотъ, оно звучало, какъ глубокая истина, гармонирующая со всѣмъ, оно было, какъ жидкость, заполняющая каждую щелочку, жаждущую насыщенія. Все во мнѣ притихло какъ-то, смирилось и словно заснуло сладкимъ сномъ. Я усѣлась поглубже въ уголъ брички, и въ памяти проходили эти суровыя слова, которыя, невѣдомо почему, лѣзли въ голову.

Съ горы открылся видъ на широкую равнину. Далеко, далеко я различила деревья Менкарижцъ. И снова въ душѣ моей загорѣлась тихая радость, которой я полна до сихъ поръ. Я знала, что не найду тамъ того, чего ищу, но, при видѣ сонныхъ лѣсовъ, обширныхъ, пустыхъ полянъ, заросшихъ низкими кустиками можжевельника, какая-то дивная, пріятная теплота разливалась по моимъ жиламъ. Вонъ тамъ чей-то чужой, огромный лѣсъ, въ которомъ я никогда не бывала и который и не вызывалъ во мнѣ никакихъ пріятныхъ ощущеній и воспоминаній, но за то, съ другой стороны—менкаржицкія аллеи, прячущіяся въ туманѣ и сами словно изъ туманной дымки сотканныя...

И тутъ только я подумала о томъ, что вѣдь я никого не предупредила о моемъ пріѣздѣ, что, въ сущности, даже не знаю навѣрное, живутъ ли они еще тутъ. А вдругъ они переѣхали отсюда, можетъ быть, умерли? Вѣдь я имъ столько времени ничего не писала! Я стала считать... цѣлыхъ десять лѣтъ слишкомъ, какъ я здѣсь не была!

Къ вечеру бричка моя свернула съ шоссе и въѣхала въ тополевую аллею. Какія то старыя постройки, развалившійся плетень, покосившаяся усадьба...

Я вошла въ знакомыя сѣни — ни души... Открыла первую дверь и—запрыгала отъ радости, какъ ребенокъ: передо-мной стояла милая старая рояль, надъ ней портретъ князя Іосифа... Долой всѣ сомнѣнія!

А теперь, когда пишу эти строки, чувствую, что я здѣсь одинока, всѣмъ чужая. Такъ что же? Зато этотъ шумъ старыхъ тополей, который такъ пугалъ меня всегда, когда мы, бывало, съ мамой уѣзжали отсюда позднею ночью... Вѣдь я къ нему прилетѣла. Неужели есть на землѣ что-нибудь лучше, нѣжнѣе, пріятнѣе этого шума?

5-го іюня. Прошелъ ужъ день и короткій вечеръ. Я уже побывала сегодня въ конюшнѣ, въ хлѣву, въ полѣ, на лугу. Не знаю, дѣйствительно ли я успокоилась, или это самообманъ, но только я чувствую себя очень хорошо. Пропала прежняя склонность къ слезамъ, и даже вообще всякія волненія стали мнѣ какъ-то противны. Когда иной разъ приходится разсказывать о Вацлавѣ и невольно вспоминать все, что я пережила, это для меня буквально пытка. Вацлавъ въ день своей смерти какъ будто завѣщалъ мнѣ наслѣдство. Своимъ суровымъ завѣщаніемъ, котораго нарушить никоимъ образомъ нельзя, онъ навязалъ мнѣ эти долгіе зимніе мѣсяцы, полные тоски и пустоты, эти дни, полные слезъ и безсонныхъ ночей, набитые такой безплодной духовной

работой, какъ исканіе первопричинъ, работой, такой-же неустанной, обязательной и неизбѣжной для жизни, какъ дыханіе. Я теперь едва-едва понимаю, что со мной происходило тогда. Все прошло, пронеслось, какъ проносится наводненіе въ горахъ, и только раскиданные камни и илъ, оставшійся на кустахъ, еще показываютъ, куда донесла разбушевавшаяся стихія свои бурныя воды.

Да, безъ сомнѣнія, это такъ: деревню создалъ самъ Богъ, а города—дьяволъ, да и то дьяволъ *bourgeois*. Люди, живущіе въ деревнѣ, дышутъ такой свѣжестью, такимъ здоровьемъ, что мнѣ, при видѣ ихъ, это кажется рѣшительно чѣмъ-то невѣроятнымъ. И отъ такихъ-то людей происхожу я сама!

Когда сегодня раннимъ утромъ, часовъ въ пять или шесть, мой дяденька на кого-то раскричался съ крыльца, я сорвалась съ постели и выскочила, какъ сумасшедшая, въ одной рубашкѣ, думая, что у насъ горитъ или рѣжутъ кого-нибудь. Оказалось, дяденька просто-на-просто «отдѣлывалъ» кого-то у конюшни—и больше ничего.

Быть можетъ, это нехорошо и неблагородно критиковать людей, у которыхъ гостишь (да притомъ еще родныхъ), но не могу воздержаться и не выразить своего изумленія. Неужели дѣйствительно это та самая тетка Валерія, тотъ самый дядюшка Ипполитъ и та же дочка ихъ, моя кузина, Теця? Я знала этихъ людей, но это были совсѣмъ не тѣ, что теперь. Нѣтъ! Это я была не та. Я смотрѣла на нихъ тогда другими, прежними глазами. А теперь отъ прежней Іоаси—не осталось ни слѣда! Они-то, навѣрное, остались такими же, какъ были. Вѣдь тутъ все такъ мало измѣняется. Люди старѣются, горбятся, сѣдѣютъ, домъ уходитъ въ землю, а такъ все остается по старому. Если бы дѣдушка Іосифъ вдругъ возсталъ изъ гроба, онъ нашелъ бы здѣсь очень, очень мало незнакомаго.

Но со мною-то, со мною что сталось! Изъ деревенской дѣвченки, помѣщичьей дочки я превратилась въ скорохода какого-то, только и знающаго, что бѣгать по урокамъ, точно мотылекъ, вылетѣвшій изъ куколки (если можно употребить такую изысканную метафору). Сегодня, проведя почти цѣлый день въ разговорахъ съ тетей Валеріей и Тецей, я какъ будто самой себѣ производила экзаменъ изъ прожитой жизни. Я ясно вспомнила не только обѣихъ моихъ родственницъ, какими онѣ были, но, какъ живую, вспомнила и себя самое, какою я была когда-то.

Но еще гораздо больше матеріала для изумленія представляетъ для нихъ, надо полагать, моя персона. Такъ, по крайней мѣрѣ, я объясняю себѣ то равнодушіе, которое я замѣчаю съ ихъ стороны по отношенію ко мнѣ. Это не то, что внѣшняя холодность обращенія. Наоборотъ, мы съ ними очень часто цѣлуемся и плачемъ, но нѣтъ въ этомъ ни малѣйшей искренности, ни даже жалости. Тетенька, цѣлуя меня, проливаетъ слезы оттого, что думаетъ въ это время о своей второй, младшей, дочери, которая замужемъ за техникомъ и живетъ далеко,

близъ самаго Урала. Теця думаетъ о самой себѣ, сопоставляетъ мою свободную жизнь съ своимъ тяжелымъ семейнымъ плѣномъ и плачетъ надъ долей своею. Дядя плакать и не думаетъ, такъ какъ это не въ его характерѣ («ревѣть — это дѣло бабье»), но зато онъ все раздумываетъ надъ тѣмъ, отчего бы это я вдругъ вздумала заглянуть именно въ эти края, и вѣчно посвящаетъ меня въ то, какъ скверно идутъ у него дѣла, жалуется на неудавшуюся озимь, на проценты, на засуху, на тлю, на разныя болѣзни скота... Бѣдняжка! онъ боится, что вотъ-вотъ я вдругъ возьму да и выпалю ему рѣчь на тему о нуждѣ въ деньгахъ. Какъ свободно вздохнулъ бы онъ, узнавъ, что я—только къ воздуху, къ водѣ и къ землѣ родной.

Да, это совершенно чуждый мнѣ міръ. Эти люди не видятъ и не знаютъ ничего на свѣтѣ, кромѣ своихъ Менкаржицъ, ни о чемъ не думаютъ, только о своихъ денежныхъ дѣлахъ и затрудненіяхъ. Старики заняты исключительно тѣмъ лишь, что не выходитъ за предѣлы ихъ имѣнія. Свѣтлый лучъ въ ихъ жизни—это Феля, нынѣ Балвинская, темная сторона—это Текля, которая еще «не вышла» и (дай Богъ, чтобъ мое предсказаніе не оправдалось), вѣроятно, останется старой дѣвой. И этотъ узкій семейный кругъ до того плотно замкнутъ, что для меня тамъ совершенно нѣтъ мѣста, даже теперь, когда я съ ними. Вообще, вся моя жизнь была бы для нихъ весьма и весьма подозрительна, еслибъ только не то, что она ихъ ни крошечки не интересуетъ. Я ясно читаю это въ ихъ глазахъ, когда обо всемъ откровенно разсказываю имъ, а они, якобы съ сочувственными улыбками, слушаютъ меня.

Исторія Вацлава!

Въ сущности мы чужіе другъ другу.

Мнѣ приходится выслушивать ихъ безконечныя, подробныя эпическія сказанія про то, какъ Фельця «понравилась» своему инженеру на одномъ изъ баловъ въ Кѣльцахъ, про его «ухаживанье», предложеніе, свадьбу, отъѣздъ, рожденіе ребенка. Въ этихъ фамильныхъ сагахъ Феля играетъ роль какой-то героини. Все это ужъ выпало на ея долю. Она сдѣлала все, что отъ нея зависѣло и чего можно было отъ нея требовать.

Зато Теця—горе семьи. Она еще... никому не понравилась и если и была когда-либо предметомъ чьего-нибудь ухаживанья, то объ этомъ даже и говорить не стоитъ, такъ какъ, все равно, ничего изъ этого не вышло.

Со словомъ и съ понятіемъ «Теця» связана еще одна постоянная забота: «эти нѣсколько тысячъ» и еще это «приданое». Милѣйшая тетушка интервьюируетъ меня, какъ я думаю: дать-ли лучше больше наличными, или лучше больше «вложить въ приданое». Какъ я насчетъ этого думаю? «Вѣдь у васъ тамъ, въ большихъ городахъ, легче видѣть, какъ все это дѣлается, чѣмъ у насъ въ деревнѣ. У насъ тутъ одни

такъ дѣлаютъ, другіе иначе. По сосѣдямъ идетъ такой обычай, что въ приданое не даютъ того-то и того-то...» Тетушка полагаетъ, что лучше вложить столько-то въ серебро, потому что «серебро на всю жизнь остается»... Нужно послушать, съ какимъ чувствомъ она провозглашаетъ эту непреложную истину! Я высказываюсь рѣшительно за серебро.

Бѣдная Теця сидитъ себѣ въ Менкаржицахъ и ждетъ-дожидается. Все ея существо напоминаетъ мнѣ ножку китаянки, которой съ дѣтства искусственнымъ путемъ придаютъ извѣстную форму. Теця смѣется, говоритъ, шутитъ, плачетъ точь-въ-точь, какъ ея батюшка и матушка. Дяденька имѣетъ обыкновеніе опредѣлять нѣкоторыя вещи, чуждыя его пониманію, словомъ «глупости!», или въ болѣе мягкой формѣ: «вѣрно, глупость какая-нибудь!» а то еще (ужъ въ самомъ лучшемъ случаѣ) такъ: «да этого никогда еще не бывало», изъ деликатности, быть можетъ, избѣгая самого выраженія: «да этой глупости еще никогда...»

Ну, такъ вотъ и Теця всегда употребляетъ эти самые обороты. Иногда, если я скажу что-нибудь, для Менкаржицъ чудное, Теця быстро взглядываетъ на лица родителей и немедленно перенимаетъ на свое лицо ихъ улыбку. О мысляхъ и взглядахъ и говорить нечего. Эти взгляды ничуть не отличаются отъ тѣхъ, какіе было нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ у тетки Валеріи, когда она была еще дѣвушкой и училась въ Ибрамовицахъ. Теця, собственно говоря, это типъ барышни, живьемъ вынутый изъ сочиненій Клементины Гофманъ, урожденной Танской *)... Жизнь съ тѣхъ поръ сто миль ушла со своимъ добромъ и зломъ, но ея не коснулась. Въ комнатѣ Теци, которая находится рядомъ съ спальней дяди и тети, подъ ихъ зоркой охраной, есть небольшая библіотека. Все это—библіографическія древности, такъ называемыя, «хорошія книжки». Тутъ-же, несомнѣнно, и эта самая Клементина Гофманъ, куча переводовъ съ англійскаго... И среди всего этого добра лежатъ, о ужасъ! *Стихотворенія* самого Казимира Тетмайера!

Какъ онъ попалъ сюда? Вѣроятно, случайно, взятый у сосѣдей, чтобъ «что-нибудь почитать», былъ прочитанъ и, разумѣется (льщу себя надеждой!), немедленно и безапелляціонно осужденъ семейнымъ совѣтомъ.

А все же удѣлъ Текли не лучше-ль моего? Охъ, навѣрно, лучше!

У нея—родной домъ, опека, тишина, та спокойная, ровная жизнь, по которой я такъ вздыхала въ Варшавѣ! Сюда, сквозь непроницаемую стѣну скуки, не проникаютъ волненія внѣшняго міра, но зато вмѣстѣ съ ними не приходятъ и мучительныя страданія. Тутъ въ руки не попадетъ Овидій, тутъ не услышишь словъ цинизма и злобы, души не тронетъ ни ядъ коварства, ни видъ жизни во всей ея непригдядной

---

*) Клементина Гофманъ-Танская—польская писательница нравственныхъ романовъ, писавшая въ 20—30-хъ годахъ. *Прим. пер.*

наготѣ. Тутъ такъ тихо... Если сюда и долетитъ порой голосъ изъ живого міра, такъ и то онъ кажется эхомъ далекаго, далекаго разговора.

И все-таки, милая Теця, еслибъ мнѣ пришлось выбирать между твоею жизнью (даже подъ опекой такихъ родителей, какими были мои) и моей настоящею—повѣрь, я не помѣнялась бы съ тобою. О, никогда! Я уже—человѣкъ.

Лучше сухой кусокъ хлѣба, но мой собственный, лучше не богатая будущность, но зато созданная моими собственными руками. По обѣ стороны моей одинокой тернистой дорожки, которую я выбрала себѣ, раскинулись горизонты новаго времени, какъ зрѣющіе колосья необъятныхъ полей. Мой умъ, моя душа питаются культурой живого, современнаго міра, въ который со дня на день прибавляется элемента добра.

Я радуюсь этому росту добрыхъ силъ въ мірѣ, я имъ живу. Какъ «кровь въ своихъ глубокихъ, невидимыхъ жилахъ», такъ добро течетъ гдѣ-то глубоко въ жилахъ человѣчества.

6-го іюня. Сегодня я ѣздила на могилу мамы и отца въ Кравчиски. Недалеко отъ кладбища я сошла съ телѣги и пошла вдоль по широкой межѣ. На этой дорогѣ нѣтъ колеи, видны на ней только частые, частые слѣды человѣческихъ ногъ. Справа и слѣва колышутся темные, еще бурые, колосья ржи, недавно лишь выглянувшіе на свѣтъ Божій. Вдали, въ низинѣ виднѣются высокія, большія деревья и бѣлая стѣна. Тамъ кладбище.

Старое кладбище уже заполнилось могилами, и пришлось расширить его предѣлы, но прежнихъ стѣнъ не разрушили, только заняли еще кусочекъ пустыря у входа, обнесли его чуть отесанными жердями, и вотъ рядкомъ зажелтѣлись крестьянскія могилки подъ свѣжимъ еловымъ плетнемъ.

Входъ на старое кладбище закрытъ совсѣмъ: туда не идутъ уже ни живые, ни мертвые. Это мѣсто посвящено тѣмъ, что давно, много лѣтъ назадъ почили въ Бозѣ. Стрехи кровельки, покрывавшей нѣкогда старыя стѣны, погнили и выпали. Только сгнившіе, обнаженные брусья стропилъ, какъ нагія кости глядятъ вверхъ къ небу. Кое-гдѣ блеститъ желѣзной головкой осиротѣвшій, совершенно ненужный гвоздь.

Я толкнула ворота, замкнутыя на пожелтѣвшій отъ ржавчины желѣзный засовъ. Они тихо, покорно распахнулись предо мною. Быть можетъ, такъ открываются предъ душами врата рая... Я вошла на это святое поле. Густая, почти черная, трава еще сверкаетъ капельками росы, прелестные красные маки, цвѣтки дятлины подымаютъ головки... Я безжалостно топчу ихъ ногами. Могилъ совсѣмъ различить нельзя—ни одной! Мѣстами провалилась земля. Мнѣ въ душу закралось впечатлѣніе, будто въ такихъ могилахъ похоронены какіе-то несчастные люди. Въ одномъ мѣстѣ большой деревянный крестъ упалъ на землю, давно весь разсыпался въ прахъ и только кровавый слѣдъ,

въ видѣ креста, лежитъ средь густой, сочной травы, точно выжженный раскаленнымъ трутомъ.

На могилахъ моихъ родителей не было поставлено никакихъ знаковъ. Я не знаю, гдѣ онѣ. Я сначала думала отыскать ихъ, потомъ обошла все кладбище. Ихъ нѣтъ и слѣда!

Я искала кустъ, который запечатлѣлся у меня въ памяти съ тѣхъ поръ, какъ, помню, около него хоронили маму. Напрасно!

Свѣтлыя березки, которыя такъ любилъ отецъ, широко разрослись, раскинули свои вѣтви и образовали цѣлую чащу. Быть можетъ, гдѣ-нибудь надъ его изголовьемъ клонятъ онѣ свои прелестныя, благоухающія вѣточки...

И спятъ здѣсь спокойнымъ сномъ земледѣльцы, другъ подлѣ друга, что пахали эту самую землю, и нынѣ сами они, какъ луга, усѣяны цвѣточками. Тихіе, скромные труженики по праву заняли свое мѣсто на тихомъ, сельскомъ кладбищѣ.

Сверху и снизу, отовсюду доносилось щебетаніе птицъ. Порою теплый вѣтерокъ принесетъ на крыльяхъ своихъ отзвукъ шелеста молодыхъ нивъ, пошуршитъ листочками и тихо стелется по свѣжей несмятой травѣ, словно ангелъ, бдительный стражъ святой тишины, легкими неслышными стопами проходитъ по ней. Стройная акація, со своимъ высокимъ, прямымъ стволомъ и тонкими, черными вѣточками, кажется, такъ и тянется къ нему, о чемъ-то тревожно шумитъ, качая подъ яркимъ солнышкомъ прозрачными листочками. Мнѣ чудилось, будто она что-то шепчетъ мнѣ, и чудилось мнѣ, будто вотъ-вотъ я услышу ея мелодическія рѣчи. И если задуматься, то узнаешь, что это святое дерево лишь вѣчно, вѣчно вздыхаетъ.

И я спрашивала въ душѣ, встрѣчу ли я когда-либо...

7-го іюня. Завтра уѣзжаю. Такъ, по крайней мѣрѣ, я рѣшила. Ничего не могу подѣлать! Вмѣсто спокойствія, котораго я искала и которое дѣйствительно вначалѣ испытывала, мое дальнѣйшее здѣсь пребываніе вызывало бы или постоянное внутреннее раздраженіе, или споры, а этого я не желаю ни за какія сокровища въ мірѣ. Что за отношенія къ крестьянамъ, къ прислугѣ, ко всѣмъ работникамъ! Быть можетъ, это назовутъ смѣшными идеями городской барышни, очень можетъ быть, но я не выношу дикости. Не могу дышать въ такой атмосферѣ.

— Да, попробовала бы ты пожить съ этими негодяями,—говоритъ дядя,—а то у васъ тамъ, небось, легко хозяйничать за столикомъ, съ книжечкой въ рукѣ...

Такъ я не стану жить съ «негодяями» и удираю отсюда. Это моя единственная привилегія, могу ѣхать, куда хочу и когда мнѣ вздумается.

Такое состояніе эмансипаціи переживали крестьяне моего дѣда Іосифа во времена Варшавскаго княжества, когда у нихъ сняли съ

ногъ цѣпи, но ужъ вмѣстѣ съ сапогами. Я тоже сняла съ ногъ цѣпи, и вмѣстѣ съ ботинками, это историческій фактъ, но все же я могу свободно переходить съ мѣста на мѣсто, какъ тѣ крестьяне. Такъ куда же я пойду завтра? Плачь, душа моя, плачь отъ счастья... Я пойду—въ Глоги.

10-го іюня. И снова я въ Кѣльцахъ, въ гостинницѣ. Конецъ моимъ странствіямъ, потому что и капиталамъ конецъ. «Вернусь я на Ливанъ, въ домъ мой...» Глоги, Кравчиски, Менкаржицы — все это я оставила за собой... Я уже вполнѣ здорова и спокойна.

Остается еще только разсказать все по порядку, какъ было. Удрала я изъ Менкаржицъ девятаго, раннимъ утромъ, на крестьянской телѣгѣ. Наканунѣ я сходила въ деревню и заказала себѣ на утро телѣжку и пару лошадокъ. Сдѣлала я этотъ «аффронтъ» дядѣ и тетѣ, правда, съ умысломъ, но совсѣмъ не для того, чтобы разозлить ихъ или обидѣть, а просто потому, чтобы, не будучи имъ ничѣмъ обязанной, я могла съ собою сдѣлать все, что мнѣ вздумается. Когда я какъ-то въ разговорѣ намекнула, что хочу побывать въ Глогахъ, всѣ они такъ вытаращили на меня глаза, какъ будто бы я нанесла, Богъ вѣсть, какое оскорбленіе ихъ чувствамъ.

— Зачѣмъ?! — воскликнули всѣ трое въ одинъ голосъ. — Да вѣдь тамъ теперь живетъ жидъ, Лейба Корибутъ.

Съѣздить на кладбище въ Кравчискахъ—это еще они могли допустить, но отправиться въ Глоги, гдѣ живетъ какой то Корибутъ, казалось имъ, очевидно, прямо глупостью и даже съ помѣщичье-конюшенно-менкаржицкой точки зрѣнія дѣломъ невозможнымъ, оттого, что какія-то тамъ упряжныя сивки... Теця, вызвавъ на свою рожицу семейную улыбку, спрашивала меня, что я тамъ стану дѣлать.

— Ну, хорошо,—говорила она,—пріѣдешь ты въ Глоги, и что ты тамъ будешь дѣлать? Куда ты зайдешь? Вѣдь въ усадьбѣ живутъ жиды...

Въ самомъ дѣлѣ, еслибъ я пріѣхала туда на бричкѣ и лошадяхъ изъ Менкаржицъ, я, навѣрно, обратила бы на себя всеобщее вниманіе. И потому я рѣшилась на хитрость. Когда телѣга подъѣхала къ крыльцу, тутъ только я заявила, что ѣду въ Кѣльцы и непремѣнно сейчасъ же. За такой, съ моей стороны, фортель я извинилась, какъ умѣла, отдала и приняла извѣстную порцію родственныхъ поцѣлуевъ, которые обыкновенно употребляются такъ себѣ, безъ всякой надобности, какъ, напримѣръ, титулы въ письмахъ, и поѣхала.

Проѣхавъ деревню, когда мы уже приближались къ кѣлецкому шоссе, я обратилась къ моему возницѣ съ вопросомъ, сколько онъ возьметъ за дорогу.

— Свези, сначала въ Глоги, а потомъ поѣдемъ въ городъ.

Сталъ мой мужикъ думать да надумываться, даже лошадей посреди дороги остановилъ. Почесывая затылокъ, онъ что-то бормоталъ о сѣнѣ,

объ оброкѣ, о потерянномъ днѣ, о четырехъ миляхъ дороги, которыя придется сдѣлать лишнихъ, и, наконецъ, выпалилъ, что я должна буду добавить ему пять рублей. Разумѣется, я тотчасъ согласилась. Глупый! да попроси онъ у меня въ эту минуту не пять—десять рублей, да еще накидку мою и чемоданчикъ—я бы и на то согласилась.

Свернули мы въ сторону и лугами, минуя Стружовъ, потянули въ гору. Было часовъ шесть утра. День былъ теплый, словно самъ Богъ мнѣ его послалъ, только ночные туманы, свѣтлые и тонкіе, какъ паутина, еще не покинули ложа въ лѣсныхъ низинахъ. На меня напало какое-то странное оцѣпенѣніе. Сердце было чутко, какъ никогда, но на него повѣяло нашей горной и лѣсной тишью и порывы его смягчились. Телѣга медленно подкатилась къ холмамъ и поѣхала по колеямъ старой, заросшей травой, дороги, извѣстной у насъ подъ названіемъ «въ гору». Орѣшники и березы разрослись тутъ чуть ли не въ цѣлый лѣсъ. Мужичекъ хлестнулъ лошадокъ, мы быстро проѣхали глинистый проходъ между двумя вершинами—и вотъ далеко, внизу передъ глазами открылись — Глоги. Съ луговъ, съ рѣки, съ озера подымались испаренія и исчезали гдѣ-то вверху. Вотъ нашъ домъ забѣлѣлся среди зелени сада...

Молодыя лошадки, непривычныя къ этой дорогѣ, едва сдерживали повозку. Дышловые вальки колотили ихъ по ногамъ, и во весь духъ мчались онѣ съ крутого склона, мимо кустовъ. Наконецъ, мы доскакали до источника. Тутъ только бѣдныя лошадки остановились и стали высвобождать свои маленькія головы изъ хомутовъ, сдвинувшихся имъ чуть ли не за уши. Я сошла на землю, объяснила возницѣ, по какой дорогѣ ему проѣхать на другую сторону Глоговъ, до корчмы при кѣлецкомъ шоссе, и сказала, что «приду туда къ полудню».

Мужикъ-было недовѣрчиво на меня покосился, но оставшійся у него на телѣгѣ чемоданчикъ нѣсколько успокоилъ его, и онъ поѣхалъ по указанному пути. Я пошла по тропинкѣ. Трава еще не была скошена. Родные цвѣты, кусты окружили меня. Полная неземного блаженства, я шла среди нихъ. Вонъ цвѣточки, которые я по запаху узнаю прежде, чѣмъ вижу глазами, пестрѣютъ на лугу. Милыя блѣдно-фіолетовыя «ласточки», родныя сестренки мои, дорогія! Я не срывала ихъ и только останавливалась надъ ними, цѣлуя ихъ взглядомъ. И онѣ ластились ко мнѣ и лепетали упреки, зачѣмъ я ушла отсюда, зачѣмъ не живу въ родной сторонѣ... Но вотъ вдругъ у самой тропинки я увидѣла что-то незнакомое: большой ивовый кустъ. Онъ росъ тутъ одиноко...

— Я не знаю тебя...—прошептала я ему. Но въ то же мгновеніе въ головѣ мелькнуло яркое воспоминаніе. Да вѣдь это онъ!

Въ день, когда я родилась, въ кухню къ намъ забрела какая-то жалкая собаченка. Никто не зналъ, ни откуда она, ни ея клички. Разумѣется, въ такой торжественный день, ее приняли, какъ

гостя, и дали ей поѣсть на славу. Съ той поры она у насъ такъ и осталась. Назвали мы ее Разбоемъ. Это была добрая, славная и вѣрная собака. И мама, и братья, и я—всѣ мы очень любили ее. Когда, бывало, мы возвращались домой на каникулы, ея лай всегда былъ слышенъ первымъ, еще издали. Когда мы уѣзжали, она съ такой жалостью глядѣла намъ въ глаза...

Когда мнѣ было четырнадцать лѣтъ, она уже стала такъ стара, что не могла даже съ мѣста двигаться, посѣдѣла вся, оглохла и лаять перестала. Лежитъ, бывало, на солнышкѣ и старческимъ, грустнымъ, соннымъ взглядомъ озирается вокругъ. А если подойдешь къ ней, она еще слабо завиляетъ хвостомъ, подыметъ морду и, точно человѣкъ, улыбается.

Однажды рано утромъ мы вдругъ услыхали ея жалобный вой. Я кинулась къ окну и увидала на лугу лѣсника Гонзву, а въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него Разбоя, привязаннаго къ камню. Онъ отчаянно метался. Вотъ блеснуло ружье, синеватый дымокъ... Прогремѣлъ выстрѣлъ...

Разбой завизжалъ разъ, другой...

Когда мы съ Вацкомъ и Генрисемъ, горько плача, подбѣжали къ нему, Гонзвы уже не было, а Разбой былъ мертвъ. Только передняя лапа его еще судорожно подергивалась, но и та скоро остыла у меня въ рукахъ.

Мы выкопали ему на этомъ мѣстѣ яму и на могилѣ нашей старой, любимой собаки посадили вѣтку ивы.

Такъ это его могила. Въ этихъ вѣтвяхъ его теплая кровь... Я подошла ближе и дотронулась до нихъ рукою. Вся облитая бѣлой росою, ива сверкала, словно въ ризѣ. Быть можетъ, черный стволъ издастъ радостный лай, быть можетъ, пошевельнутся неподвижные листочки. Но нѣтъ—однѣ лишь холодныя, безмолвныя, крупныя капли упали мнѣ на руки.

Я пошла лугами къ источнику. Старая груша подъ обрывомъ и подъ нею источникъ—все тѣ-же. Даже камни, по которымъ идутъ...

Какъ и прежде, выскакиваютъ на поверхность водяные кувшинчики, расцвѣтая, словно вѣчныя розы, не умирая ни зимою, ни лѣтомъ. Я сѣла надъ ключемъ и—забыла все на свѣтѣ.

Птицы весело щебетали въ кустахъ, изъ за густой листвы которыхъ сверкали ручейки, въ разныя стороны разбѣгавшіеся отъ источника. Неподалеку перерѣзываютъ имъ дорогу пески.

Надъ родникомъ повсюду краснѣетъ златоцвѣтъ, который мы всегда съ мамой ходили сюда рвать. Отваръ этой травы помогалъ ей отъ головной боли. Я протянула руку и машинально сорвала нѣсколько цвѣточковъ, но въ ту же минуту, точно въ наказаніе за ихъ смерть, я во рту какъ будто почувствовала ихъ горькій вкусъ, и капли горечи просочились мнѣ въ душу.

Я пошла дальше. Передо мною была плотина, ведущая къ усадьбѣ. Какъ тутъ все измѣнилось... Деревья новыя... Только искорки, что зажигаются на волнахъ озера и на скользкихъ стебляхъ камыша, только запахъ аира и влажный ароматъ ивы — все тѣ же. Блѣдножелтыя водяныя лиліи улыбались мнѣ съ своихъ широкихъ листьевъ и наполняли душу сладкою радостью.

Большія ольхи надъ озеромъ срублены и нѣтъ ужъ фигуры св. Яна. Плотину, видно, снесло водою и на ея мѣстѣ устроили шлюзъ, черезъ который стекаетъ избытокъ воды. Теперь его нѣтъ, и озеро стоитъ тихо, ровно, спокойно, и не слышно мелодическаго шума воды, который я такъ любила въ дѣтствѣ... Онъ смолкъ, промелькнулъ, какъ промелькнуло мое дѣтское счастье...

И нѣтъ ужъ всего этого, какъ нѣтъ той воды, что текла тогда, и ужъ не вернуть ничего, какъ не вернуть тѣхъ капель, что упали въ море и въ немъ потонули.

Старая почернѣвшая мельница за плотиной еще стоитъ на томъ же мѣстѣ, утопая въ зелени. Лиственница на дорогѣ разрослась еще гуще. Двѣ ивы, росшія подлѣ рабочихъ домиковъ совсѣмъ уже сгнили, и только нѣсколько зеленыхъ стеблей еще подымаются вверхъ надъ ихъ умирающими стволами.

Вотъ и нашъ домъ.

Боже, что за разореніе! Изгороди, клумбы, аллеи—все исчезло безъ слѣда, истреблено безжалостной рукою. Даже плющъ, обвивавшій крыльцо, сорванъ, само крыльцо развалилось, со стѣнъ обвалилась штукатурка, окна разбиты...

Я вошла въ сѣни, пріотворила дверь первой, большой комнаты, въ которой умерли мои родители. Тамъ было полно всякой еврейской рухляди. Въ *этомъ* углу стояла большая кровать со множествомъ перинъ.

Я убѣжала.

Никто изъ взрослыхъ не замѣтилъ меня, только маленькій, лѣтъ шести, мальчишка выползъ откуда то и сталъ мнѣ на дорогѣ. Когда я вышла на дворъ, человѣкъ десять обступило меня со всѣхъ сторонъ. Они лѣзли ко мнѣ съ вопросами, кто̀ я, чего мнѣ нужно. Я, сама не понимая, что говорю, отвѣчала имъ что-то. Какой-то старикъ еврей шелъ рядомъ со мной и, пытливо глядя на меня, разспрашивалъ о чемъ-то. Я прошла уже дворъ, минула липовую аллею и направилась къ Буковой, а старый еврей въ атласномъ халатѣ все не отставалъ отъ меня и не переставалъ говорить. Я молчала. Я еле тащилась... Наконецъ, онъ оставилъ меня, но издали еще смотрѣлъ мнѣ вслѣдъ, слѣдя за каждымъ моимъ шагомъ, межъ тѣмъ какъ изъ-за кустовъ выглядывали его ребятишки.

На душѣ у меня было мрачно, тоскливо, сердце словно застыло, ни одного чувства не было въ немъ. Только тяжелыя, мучительныя мысли, какъ молвія, пронизывали мозгъ. Все, что когда-то жило и

дышало на этомъ мѣстѣ, все исчезло въ безднѣ времени, все протекло. Одна лишь равнодушная земля осталась та же и, какъ и прежде, зеленѣетъ на солнцѣ. Не осталось никакихъ слѣдовъ ни отца, ни матери, ни меня, ни братьевъ. Все это пространство, пропитанное нашей работой, нашими мыслями, нашими чувствами, взялъ другой.

На томъ мѣстѣ, гдѣ они испустили послѣдній вздохъ, гдѣ для меня— святая святыхъ,—раздается теперь говоръ и смѣхъ чужихъ. Деревья, что долгіе тоскливые годы жили въ душѣ моей, какъ святые, таинственные символы недоступнаго простымъ смертнымъ, дорожныя колеи на желтомъ пескѣ, что, словно золотыя веревки, среди тяжелыхъ, зимнихъ ночей, полныхъ слезъ и тоски, влекли все существо мое въ эти края, мои луга и поля, блескъ воды въ изгибахъ рѣки межъ ольхами — все досталось въ руки пришельцу! И все, что хранилось въ душѣ моей, какъ самыя дорогія сокровища, у него пошло въ дѣло и стало лишь предметомъ наживы.

И онъ, какъ и мы, отживетъ и съ своимъ мелкимъ торгашескимъ мозгомъ низойдетъ въ эту землю, которая пожираетъ все и вся! Я узнала тогда ея истинный видъ! Ея улыбку вѣчному солнцу, въ которой было какъ бы издѣвательство надъ моей любовью къ ней. Какъ бы циничное признаніе, будто она меня никогда не видала и знать не знаетъ, кто я. Она не такая, какою я такъ страстно любила ее!

Она равнодушна къ любви человѣка. И когда рвешься къ ней всею душою, всѣмъ существомъ своимъ, она пріоткроетъ тебѣ въ сонномъ видѣніи какую-то цѣль неземную, достичь которой не по силамъ тебѣ.

Неподалеку отъ оврага, въ этомъ тихомъ уголкѣ межъ полями, я вдругъ остановилась. Меня удержала непонятная сила.

Я вдругъ почувствовала такъ близко около себя моихъ родителей, что, кажется, слышала ихъ голоса, могла бы коснуться ихъ руками. Мнѣ почудилось, что они за моею спиною, что если я вернусь и войду въ ворота усадьбы, я увижу ихъ подъ липами. Такого ощущенія близости я не испытывала даже въ Кравчискахъ.

Кругомъ было тихо. Иллюзія длилась одно мгновеніе.

Мгновеніе — и въ душу мою ярко проникло сознаніе всего ужаса смерти.

Гдѣ же они? Во что они обратились? Куда ушли отъ земли? Все существо мое содрогалось до глубины души.

Я въ прахъ разсыпалась передъ смертью—съ мольбой открыть мнѣ непонятную тайну.

Гдѣ мой отецъ, гдѣ мать, гдѣ Вацлавъ?..

И тогда въ ушахъ моихъ, какъ по дорогѣ въ Менкаржицы, опять прозвучали слова:

«Потому что участь сыновъ человѣческихъ и участь скотовъ одинаковая участь: какъ тѣ умираютъ, такъ умираютъ и эти, и одинъ

духъ у всѣхъ, и преимущества у человѣка передъ скотомъ нѣтъ, потому что все суета».

А за ними еще, сами собою, срывались съ дрожавшихъ устъ слова псалмопѣвца Господняго:

«Кто знаетъ, духъ сыновъ человѣческихъ восходитъ ли кверху и духъ скотовъ сходитъ ли внизъ, въ землю. Все идетъ въ одно мѣсто: все произошло изъ праха».

Обезсиленная, съ глухимъ отчаяніемъ, дотащилась я до холма. Я взошла на него и, ничего не видя, не слыша, блуждала между березами. Не помню, какъ и гдѣ я упала на землю. Мнѣ страстно захотѣлось умереть. Смерть одна витала надо мною, ее одну я чувствовала въ послѣднемъ біеніи моего сердца.

Долго, долго такъ лежала я...

И вотъ, съ кладбища въ Кравчискахъ пришла тогда ко мнѣ моя мать. Сквозь илъ, сквозь песокъ, сквозь камни прошла она подъ землею. Не безмолвное, мертвое поле было подо мною: я лежала на груди матери, слышала біеніе ея сердца. Глубоко изъ подъ земли передавались мнѣ ея тревожныя волненія. Напрасно пыталась бы я выразить словами, что происходило со мною. Смерть испугалась и удалилась, утихла скорбь и слезы.

О, ясные цвѣты моей долины...

Конецъ первой части.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

АНТРОПОЛОГИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

Проф. А. Ѳ. Брандта.

(*Продолженіе* *).

Глава IV.

Черепъ.

Въ концѣ прошлаго столѣтія, въ 1780 г., скончался въ Парижѣ голландскій врачъ и анатомъ *Петръ Камперъ*, не дождавшись напечатанія приготовленной имъ рукописи «Объ естественномъ различіи въ чертахъ человѣческаго лица», скромнаго труда, написаннаго, главнымъ образомъ, для художниковъ. Автору, едва ли снилось, что его труду было суждено дать первый толчекъ къ научному обоснованію ученія о черепѣ, да и антропологіи вообще. Въ сочиненіи трактуется впервые о «лицевомъ углѣ», которымъ дается первый образчикъ точнаго, цифрового опредѣленія едва ли не самой основной черты въ складѣ человѣческой головы, а именно, ея профиля. Но для того, чтобы научное открытіе не заглохло безплодно, оно требуетъ пропаганды и разработки. Открытіе *Кампера* встрѣтило и то, и другое сразу со стороны нѣмецкихъ ученыхъ. Одинъ изъ нихъ, знаменитый анатомъ *Земмерингъ*, перевелъ трактатъ *Кампера* на нѣмецкій языкъ, другой ученый, *Блуменбахъ*, заинтересованный методомъ *Кампера*, вступилъ на путь спеціальныхъ краніологическихъ работъ и тѣмъ самымъ сдѣлался отцомъ научной антропологіи. Онъ же основалъ при Геттингенскомъ университетѣ первую по времени коллекцію череповъ.

Вскорѣ краніологія, череповѣдѣніе, поглотила вниманіе ученыхъ настолько, что заслонила антропологическія изысканія въ другихъ областяхъ; вѣрнѣе, вся антропологія стала сводиться къ краніологіи, какъ бы съ нею отождествлялась. Такъ было, примѣрно, до середины нашего столѣтія. При этомъ, надо замѣтить, краніологія разрабатывалась, главнымъ образомъ, примѣнительно къ изслѣдованію народностей, въ этническомъ направленіи, т. е. съ цѣлью установленія характерныхъ при-

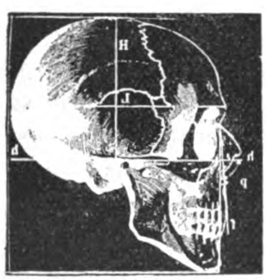
*) См. «Міръ Божій», № 7. Іюль.

знаковъ расъ и народовъ. Въ концѣ концовъ, антропологія измельчала, исхудала на безчисленныхъ краніологическихъ работахъ съ длинными таблицами измѣреній череповъ. Цифръ накоплялось великое множество, но достовѣрныхъ обобщеній и выводовъ не было почти никакихъ. Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока не выступили на поприщѣ антропологіи и не вдохнули въ нее свѣжую струю такіе корифеи, какъ въ Германіи *Рудольфъ Вагнеръ*, *Вирховъ*, *Карлъ Фохтъ*, въ Россіи академикъ *Бэръ*, въ Швеціи *Рециусъ*, во Франціи *Брока*. Трудами этихъ и многихъ другихъ ученыхъ антропологія перестала толчись на одномъ мѣстѣ, расширилась и углубилась. Подоспѣла, наконецъ, и великая эпоха преобразованія всѣхъ отраслей біологіи подъ вліяніемъ торжества идеи единства органическаго міра, кровнаго сродства всѣхъ представителей животнаго царства съ человѣкомъ во главѣ. Отсюда примѣненіе сравнительно-анатомическихъ принциповъ къ антропологіи вообще и къ ученію о черепѣ въ частности.

При осмотрѣ и описаніи, особенно сравнительномъ, какихъ-либо предметовъ, разумѣется далеко не безразлично откуда, съ какой точки ихъ разсматривать. Предметы небольшіе мы, поэтому, поворачиваемъ и ставимъ противъ себя такъ, чтобы особенно назидательно и рѣзко выступали ихъ характерныя черты. При сравнительномъ изученіи череповъ въ натурѣ и на рисункахъ, понятно, особенно желательна однообразная ихъ постановка. Еще *Камперъ* не могъ не сознавать этого и озабочивался указаніемъ пріемовъ постановки череповъ, ради осмотра и изученія ихъ сверху, спереди, сзади, сбоку и снизу, или, выражаясь языкомъ антропологовъ, въ *пяти нормахъ*: вертикальной, лицевой, затылочной, боковой и основной. Ради этого, прежде всего, необходимо ставить или вѣшать черепа правильно по горизонту. Но, спрашивается, чѣмъ при этомъ руководствоваться? Какія линіи или плоскости раціональнѣе или удобнѣе всего считать горизонтальными? *Камперъ* принялъ за горизонтальную—линію отъ нижняго конца носа до слухового прохода, т. е. линію, идущую, главнымъ образомъ, вдоль скуловой дуги. Скуловыми костями же руководствовался при горизонтальной установкѣ череповъ и *Блуменбахъ*. Оба ученыхъ еще не гнались за особенной точностью въ дѣлѣ постановки череповъ, а потому не смущались кривизною скуловыхъ дугъ и неопредѣленностью точекъ, черезъ которыя проходила ихъ горизонталь. Новѣйшіе антропологи относятся къ этому дѣлу съ щепетильною аккуратностью. На одномъ изъ германскихъ антропологическихъ съѣздовъ постановлено впредь руководствоваться, какъ горизонталью, линіей, соединяющей верхній край слухового прохода съ нижнимъ краемъ глазницы (рис. 17). Въ сущности, эта *германская* горизонталь мало отличается отъ *камперовой*, но имѣетъ передъ нею то преимущество, что ея концевыя точки вполнѣ опредѣленны. Разъ помѣстивъ черепъ строго горизонтально, его уже удобно вращать столь же строго какъ около вертикальной, такъ и горизонтальной осей.

Полезными пособіями для укрѣпленія череповъ въ желательномъ положеніи являются такъ называемые *краніофоры*, черепоносцы, изъ числа которыхъ наиболѣе удобные даютъ возможность поворачивать черепъ къ наблюдателю поочередно любой изъ пяти нормъ. Къ лучшимъ станкамъ такого рода относится ушной *краніофоръ Брока*, изображенный на (рис. 18). Въ краніофорѣ *Брока* черепъ можетъ быть осматриваемъ не только спереди, сбоку и сзади, но и сверху и снизу·

Рисованіе находитъ широкое примѣненіе въ краніологіи, такъ какъ никакое описаніе, какъ бы оно ни было точно и обстоятельно, никогда не даетъ яснаго представленія о данномъ черепѣ. Вообще, какъ извѣстно, естествоиспытатели разнообразнѣйшихъ спеціальностей рисуютъ описываемые



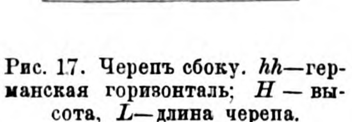


Рис. 17. Черепъ сбоку. *hh*—германская горизонталь; *H* — высота, *L*—длина черепа.

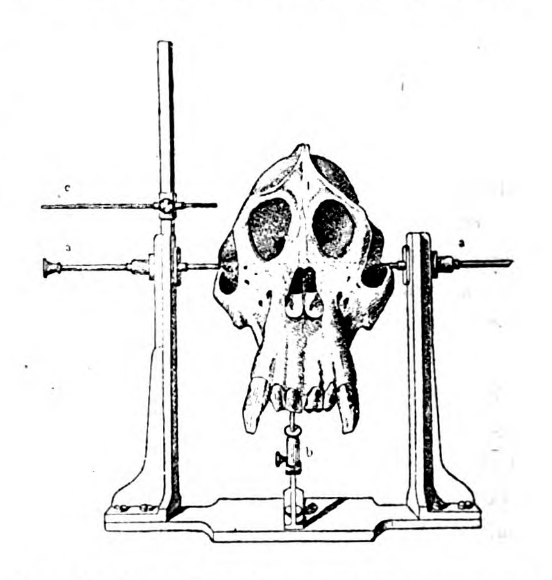


Рис. 18. Краніофоръ *Брока*, съ установленнымъ въ немъ черепомъ гориллы.

ими предметы перспективно (въ конической проекціи), т.-е. такъ, какъ мы ихъ видимъ, какъ ихъ изображаютъ живописцы и фотографы. Техниками, напротивъ того, практикуется, и притомъ предпочтительно, еще другой способъ начертанія, въ ортогональной проекціи. При этомъ способѣ точка зрѣнія рисовальщика мѣняетъ свое положеніе и имъ фиксируются на бумагѣ не сходящіеся, а параллельные свѣтовые лучи, какъ еслибъ рисовальщикъ находился на безконечномъ разстояніи отъ предмета. Этотъ способъ рисованія, даетъ условныя, искаженныя изображенія. Но зато эти изображенія въ высшей степени полезны, прямо необходимы для техника, строителя, который помощью циркуля, по приложенному масштабу, опредѣляетъ безошибочно всѣ размѣры изображеннаго предмета.

Дорожа возможностью производить измѣренія на рисункахъ въ ортогональной проекціи, *Луце* усиленно пропагандировалъ иллюстрированіе краніологическихъ работъ именно этого рода рисунками. Въ на-

чалѣ шестидесятыхъ годовъ мнѣ привелось видѣть у этого ученаго, вмѣстѣ со снимками череповъ въ разныхъ нормахъ, и его собственный, снятый по его способу, портретъ—вѣчто до каррикатуры искаженное. Въ Россіи способъ *Луце* нашелъ ревностнаго поборника въ лицѣ проф. *Ландцерта*. Полемика, возгорѣвшаяся въ ту пору между приверженцами и противниками франкфуртскаго анатома, рѣшается безпристрастными судьями достаточно просто. Правильное, неискаженное представленіе о черепѣ дается лишь обычнымъ перспективнымъ рисункомъ. Безъ таковаго обойтись нельзя. Въ тѣхъ, однако, случаяхъ, когда желательно дать читателю возможность провѣрки сообщаемыхъ авторомъ измѣреній или же пополненія ихъ дальнѣйшими, то рисунки въ ортогональной проекціи являются очень цѣнными, но только не иначе, какъ на придачу къ перспективнымъ рисункамъ или фотографическимъ снимкамъ.

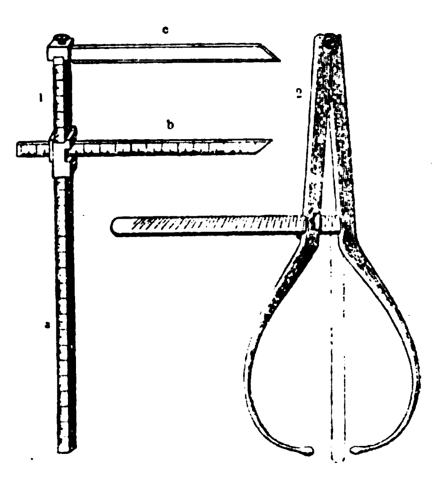


Рис. 19. Краніометры, 1 съ раздвижными, 2 съ кривыми ножками.

Первенствующее значеніе въ краніологической методикѣ, безспорно присвоено измѣреніямъ. Измѣренію же подлежатъ характерные, рѣшающіе размѣры: прямолинейные и обхваты, далѣе извѣстные углы и, наконецъ, емкость черепной полости. О послѣдней рѣчь впереди, въ связи съ вопросомъ о количествѣ мозга.

Кратчайшихъ разстояній между противоположными точками такого округлаго тѣла, какъ черепъ, нельзя опредѣлить ни простымъ приложеніемъ прямого масштаба, ни обыкновеннымъ циркулемъ, концы котораго не могутъ доставать этихъ точекъ. Поэтому, прибѣгаютъ къ циркулямъ съ кривыми или же съ раздвигающимися вдоль линейки ножками (рис. 19). Такимъ циркулямъ присвоено нѣсколько притязательное наименованіе *краніометровъ* со спеціальнымъ обозначеніемъ еще имени ученаго, предложившаго то или другое ихъ видоизмѣненіе. По существу это ничто иное, какъ издавна употребляющіеся скульпторами, механиками, а иногда даже и столярами, тѣлесные циркуля. Для того, чтобы не надо было всякій разъ прикладывать такой циркуль къ масштабу, прямой или дугообразный, масштабъ прилаживается къ самому циркулю.

Изъ голыхъ абсолютныхъ цифръ, получаемыхъ при непосредственномъ измѣреніи череповъ съ одной стороны, выводятся среднія числа для многихъ череповъ; а съ другой—опредѣляется соотношеніе между различными размѣрами черепа. При этомъ за основной размѣръ бе-

рется обыкновенно длинникъ сверху, считая отъ черепа площадки надъ переносьемъ (Glabella) до затылочнаго бугра (рис. 20). Всѣ остальные размѣры выражаются въ доляхъ или процентахъ длинника. Соотношеніе наибольшаго поперечника къ длиннику, выраженное въ процентахъ, носитъ спеціальный терминъ *черепного показателя* (Index). Послѣдній играетъ особенно существенную роль въ дѣлѣ опредѣленія конфигураціи черепа. Пособіемъ къ вычисленію пропорцій, кромѣ дѣлительныхъ циркулей, повидимому, рѣдко кѣмъ изъ антропологовъ употребляемыхъ, можетъ служить разграфленная на сто частей резиновая ленточка. Растянувъ ее до длины даннаго черепа, мы автоматически раздѣлимъ эту длину на сто равныхъ частей; всякій другой, меньшій размѣръ черепа, будучи отложенъ циркулемъ (краніометромъ) на ленточкѣ, сразу, безъ вычисленія пропорціи, получается въ процентахъ длины. Предложенный мною на этомъ незатѣйливомъ принципѣ *процентометръ* удостоенный награды на чикагской выставкѣ, начинаетъ примѣняться краніологами.

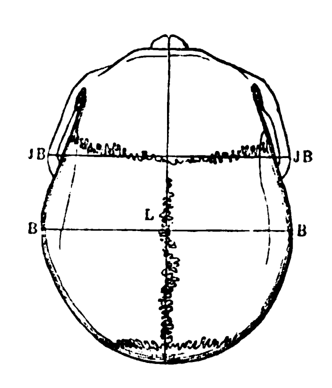


Рис. 20. Черепъ въ вертикальной нормѣ. L—длина; BB—ширина; JB,JB—ширина скулъ.

Достаточно одного взгляда на любую, случайно собранную краніологическую коллекцію, чтобы убѣдиться въ измѣнчивости черепного показателя. Она нерѣдко бросается въ глаза и на живыхъ людяхъ. Въ настоящее время, въ силу международнаго соглашенія, принято классифицировать черепа на *среднеголовыхъ (мезокефалическихъ)*, *длинноголовыхъ* (рис. 21) *(долихокефалическихъ)* и *короткоголовыхъ* (*брахикефалическихъ*) и притомъ считать за черепа мезокефалическіе (рис. 20) тѣ, у которыхъ ширина составляетъ отъ ³/₄ до (отъ 75,0 до 79,9%) длины. Черепа, на которыхъ ширина спускается ниже 75%, признаются долихокефалическими. Среди нихъ, какъ крайнія формы (рис. 21), встрѣчаются единичные черепа съ показателемъ въ 55, т.-е., у которыхъ длина безъ малаго вдвое превосходитъ максимальную ширину. Въ противоположность долихокефалическимъ, брахикефалическіе обладаютъ показателемъ выше предѣловъ показателей мезокефалическихъ, т.-е. начиная отъ 80 и до 100, т.-е. вплоть до равенства поперечника и длинника, или, что то же самое, до правильной круговой формы черепа, разсматриваемаго въ вертикальной нормѣ.

На конфигурацію черепа сильно вліяетъ его относительная высота. Изъ различныхъ методовъ ея опредѣленія вирховскій можетъ считаться особенно простымъ и цѣлесообразнымъ. Черепъ устанавливается въ условленной (германской) горизонтальной плоскости и затѣмъ, помощью циркуля-краніометра, берется разстояніе отъ передняго края большого затылочнаго отверстія до высшей точки черепа. При этомъ обѣ ножки

циркуля слѣдуетъ держать въ общей отвѣсной плоскости. Найденная такимъ способомъ абсолютная высота, будучи выражена въ процентахъ длины черепа, даетъ его *высотный показатель*. Разумѣется, могутъ быть различаемы, по высотѣ, черепа: средніе, ниже и выше среднихъ. Разграниченіе этихъ категорій условное. Средними, *ортокефалическими*, принято называть тѣ, у которыхъ показатель высоты лежитъ въ предѣлахъ между 70 и 75%. Показатели въ 70 и ниже обусловливаютъ такъ называемые низкіе или приземистые, *хамеокефалическіе*, а свыше 75 высокіе, *гипсокефалическіе* *) черепа.

Подобно мозговому вмѣстилищу, подлежитъ измѣренію и лицевая часть черепа. Соотношеніемъ между длиною и шириною лица опредѣляется *коротколицость (брахипрозопія)* и *длиннолицость (долихопрозо-*

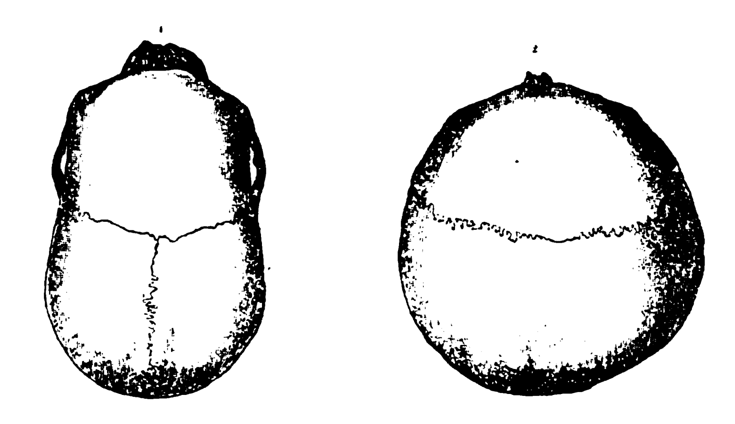


Рис. 21. Черепа: 1 длинноголовый; 2 короткоголовый.

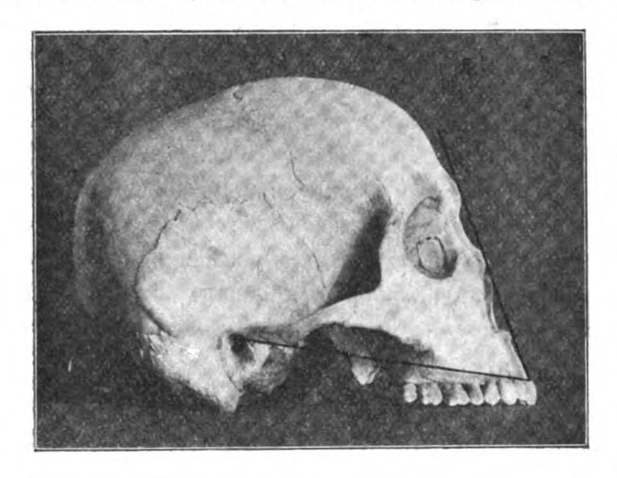
пія) **), при чемъ было бы недурно установить и промежуточную категорію, мезопрозопію. Длина лица берется, разумѣется, анатомическая, т.-е. выключая лобъ, стало быть, отъ переносья до нижней точки подбородка, шириною же считается разстояніе между двумя наиболѣе выступающими точками скуловыхъ дугъ. Вычисляется и лицевой показатель, т.-е. процентное содержаніе длины въ широтѣ. Лица съ показателями до 9°, у которыхъ длина не свыше $^9/_{10}$ ширины, антропологи условились называть низкими, широкими, а у которыхъ длина превосходитъ эти $^9/_{10}$,—длинными или узкими.

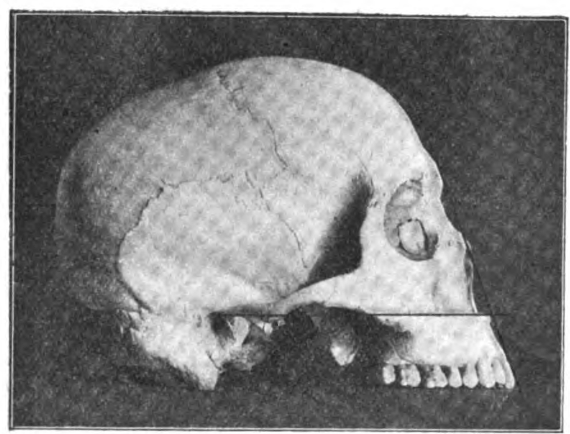
Теперь вернемся къ лицевому углу, который налагаетъ особенно рѣзкую печать на профиль черепа, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и на всю физіономію. Укороченная, сплюснутая форма человѣческаго лица, въ противоположность вытянутой животной мордѣ, и проистекающее отсюда рѣзкое различіе въ профиляхъ, вотъ то, что впервые привлекло вни-

*) Отъ греческихъ словъ: kephale—голова, orthos—правильно, chamae—низко, приземисто, hypsos—возвышенность, высота.

**) Отъ prosopon—лицо, brachys—короткій, dolichos—длинный.

маніе *Кампера* и побудило его сосредоточиться на аналогичныхъ, лишь менѣе бросающихся въ глаза различіяхъ въ человѣческихъ профиляхъ. Что эти различія замѣчались и до *Кампера*, и притомъ тысячами ученыхъ, художниковъ и профановъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію; но одному лишь *Камперу* пришла счастливая и столь плодотворная идея обратиться къ ихъ измѣренію.





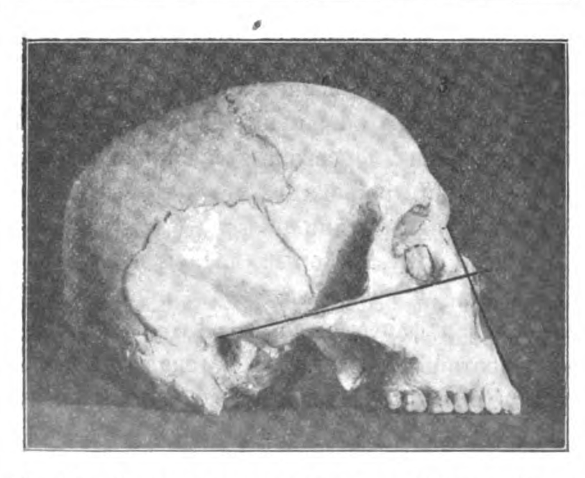


Рис. 22. Лицевые углы. 1 Кампера, 2 Клоке, 3 германскій.

За основную сторону своего столь прославившагося лицевого угла *Камперъ* избралъ линію, принятую имъ за горизонтальную всего черепа, а именно, линію, проводимую отъ нижней части носа до слухового прохода. Другую сторону угла онъ проводилъ отъ передняго конца этой горизонтали къ наиболѣе выступающей точкѣ лба (рис. 22). Самъ *Камперъ* опредѣлилъ размѣры этого угла на черепѣ обезьяны изъ семейства мартышекъ всего въ 42°, на черепѣ очень молодого орангутанга въ 58°, на черепѣ одного негра и одного калмыка въ 70° и у разныхъ взрослыхъ европейцевъ въ 80°.

На нашемъ рисункѣ съ угломъ *Кампера* со-

поставлены еще лишь углы *Клоке* и такъ-наз. германскій, хотя подобныхъ угловъ было предложено еще нѣсколько.

По причинѣ кривизны черепа, углы въ родѣ камперова и Клоке легко опредѣляются лишь на рисункахъ или фотографическихъ снимкахъ въ профиль; для непосредственнаго же измѣренія ихъ на черепѣ требуются болѣе или менѣе сложныя приспособленія въ видѣ линеекъ или рамокъ, обхватывающихъ черепъ. Всего этого не требуетъ уголъ германскій. Нижней стороной его служитъ германская горизонталь, т. е. линія, проводимая черезъ верхнюю точку слухового прохода и нижнюю точку глазницы; боковой стороной угла является линія, идущая отъ переносья къ передней точкѣ верхнечелюстнаго края или, что

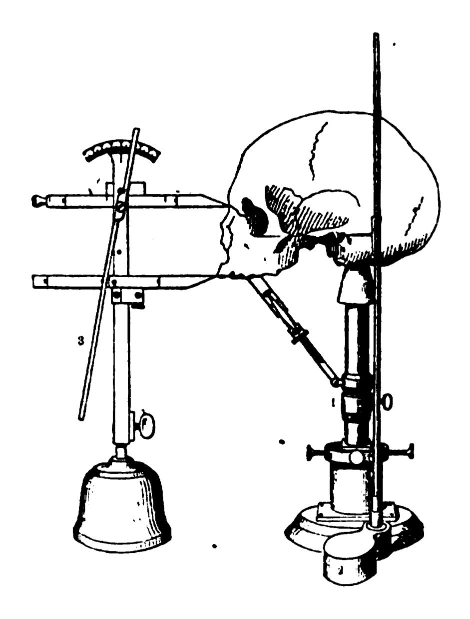


Рис. 23. Гоніометръ Ранке (3). Черепъ установленъ въ краніофоръ Шпенгеля (1); подлѣ него шестъ для измѣренія высоты.

то же самое, къ основанію передняго рѣзца. Вершина угла приходится въ области носа, при чемъ лежитъ иногда и впереди, уже внѣ области очертаній лица. Но верхушка германскаго угла можетъ быть перенесена и на конецъ верхней челюсти, къ основанію средняго рѣзца, если провести тутъ мысленно линію, параллельную нормальной горизонтали: ибо изъ геометріи извѣстно о равенствѣ угловъ, образуемыхъ пересѣченіемъ параллельныхъ линій какой-либо другой линіей и обращенныхъ вершинами въ одну и ту же сторону.

Казалось бы, что для измѣренія германскаго угла требуются рисунки или сложные приборы *гоніометры*; но, благодаря геніально-простой, свѣтлой мысли *Ранке*, тутъ достаточно приборчика до нельзя простого. Глядя на него, невольно восклицаешь: «да, стоитъ только

догадаться, за дѣло просто взяться». На самомъ дѣлѣ, весь приборъ въ сущности состоитъ изъ двухъ горизонтальныхъ, взаимно параллельныхъ шпилекъ одинаковой длины. Одна изъ нихъ прикрѣплена къ отвѣсному соединительному шесту неподвижно, а другая можетъ двигаться въ немъ впередъ и назадъ. Степень выдвиганія подвижной шпильки противъ конца неподвижной показывается стрѣлкой на дугѣ, разграфленной на градусы. Достаточно внимательнаго взгляда на прилагаемый рисунокъ (рис. 24), для того, чтобы понять всю простоту устройства и пользованія аппаратомъ. Конецъ неподвижной шпильки упираютъ въ переднюю, среднюю точку верхнечелюстного края, конецъ подвижной—въ переносье, въ лобно-носовой шовъ. При этомъ стрѣлка, толкаемая особымъ штифтикомъ, устанавливается на соотвѣтственный градусъ дуги. Такъ какъ высота лица величина измѣнчивая, то нижняя изъ двухъ шпилекъ прибора можетъ быть приподымаема и опускаема. Гоніометръ *Ранке*, какъ видите, касается черепа лишь двумя точками, совершенно доступными спереди, незаслоняемыми никакими выступами.

Величина лицевого угла служитъ мѣриломъ для разныхъ степеней такъ-называемыхъ *ортогнатіи* и *прогнатіи* *). Ортогнатичными или прямозубыми принято называть черепа, у которыхъ верхнія челюсти, при горизонтальной установкѣ черепа, мало или вовсе не выступаютъ впередъ противъ лба (въ частности лобныхъ бугровъ или переносья), на которыхъ края челюстей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и зубы, сохраняютъ отвѣсное положеніе. Значительное выступаніе челюстей и косина зубовъ, напротивъ того,—признакъ прогнатіи. Впрочемъ, прогнатія бываетъ разная. Если выдвинуты впередъ верхнечелюстныя кости вмѣстѣ съ нёбомъ, т. е. отодвинуты отъ затылка, то мы имѣемъ предъ собою случай *истинной прогнатіи*. Въ противоположность этой формѣ признается еще прогнатія *ложная* или *альвеолярная*, при которой небо и челюсти сами по себѣ вовсе не выдвинуты, и выступаетъ впередъ и поставленъ косо лишь зубной отростокъ челюстей вмѣстѣ съ зубами и ихъ лунками, альвеолами. Само собою понятно, что съ различными профилями и различными степенями орто-и прогнатіи могутъ сочетаться различныя соотношенія между длиною и шириною лица и собственно черепа.

Присматриваясь къ черепамъ, расположеннымъ на полкахъ музея, мы убѣждаемся въ томъ, что каждому изъ нихъ присвоены не только различія въ формѣ, но какъ бы и въ физіономіи. Одинъ смотритъ на насъ спокойно своими запустѣвшими орбитами, другой точно улыбается, третій словно злится или хмурится. Это признается и самыми серьезными учеными, да и представляетъ собою совершенно естественную иллюзію. На самомъ дѣлѣ, складкамъ, морщинкамъ, придающимъ выра-

*) Отъ gnathos—челюсть, orthos—прямо и pro—впередъ.

женіе человѣческой физіономіи аналогичны выступы, гребешки, ложбинки черепа, точно также въ различной степени выраженные и сочетанные. Бугорки, гребешки, шероховатости вырабатываются на черепѣ игрою мимическихъ и жевательныхъ мускуловъ, которые прикрѣпляются на соотвѣтственныхъ мѣстахъ и, раздражая при своемъ сокращеніи подлежащую кость, заставляютъ ее усиленно разростаться. Отсюда заключеніе, что костные выступы должны быть лучше выработаны у людей энергичныхъ, съ выразительными чертами, съ напряженною и подвижною мускулатурою. Однако, степень выработки костныхъ выступовъ отчасти могла бы быть отнесена и на счетъ большей или меньшей податливости, пластичности костной ткани. На этомъ предположеніи основано признаніе антропологами череповъ *мягкихъ* и *жесткихъ*. Первымъ свой-

Рис. 24. Черепъ негра съ лоневой прогнатіей.

ственны рѣзко выраженные гребешки, бугорки, вторымъ—расплывчатые, слабо отмѣченные.

На общую конфигурацію черепа въ значительной мѣрѣ вліяетъ сращеніе костныхъ швовъ и ихъ послѣдовательность. Вѣдь, кости черепа растутъ по краямъ. Поэтому болѣе раннее сращеніе продольныхъ швовъ препятствуетъ дальнѣйшему наростанію костей справа и слѣва, стало быть, расширенію черепа, и, наоборотъ, болѣе раннее сращеніе швовъ поперечныхъ препятствуютъ наростанію костей спереди и сзади и, вмѣстѣ съ тѣмъ, удлиненію черепа. При общей связи частей черепа, мѣстная причина, скажемъ, для примѣра, раннее сращеніе костей на основаніи черепа, можетъ повліять рѣшающимъ образомъ на всю совокупность костей и на пропорціи черепа.

На интересный путь изслѣдованія вступилъ въ недавнее время извѣстный базельскій анатомъ *Юл. Колльманъ*. Лѣтомъ 1898 г., на съѣздѣ антропологовъ въ Брауншвейгѣ, онъ прочелъ докладъ о воспроизведеніи по черепу образа его бывшаго обладателя. Для этого воспроизведенія онъ пользовался трупами взрослыхъ мужчинъ и жен-

щинъ умѣренной упитанности, помощью иглы втыкаемой вплоть до костей, опредѣлилъ, на многихъ характерныхъ точкахъ, среднюю толщину кожи и, вообще, мягкихъ частей головы. Затѣмъ *Колльманъ*, при содѣйствіи скульптора, налѣплялъ на соотвѣтственныхъ точкахъ черепа, натуральнаго или его гипсоваго слѣпка, комки глины соотвѣтственно толщинѣ мягкихъ частей, а промежутокъ выполнялъ глиною же. Было бы интересно проконтролировать пріемъ *Колльмана* сличеніемъ его воспроизведеній съ масками, бюстами и фотографіями, снятыми съ дан-

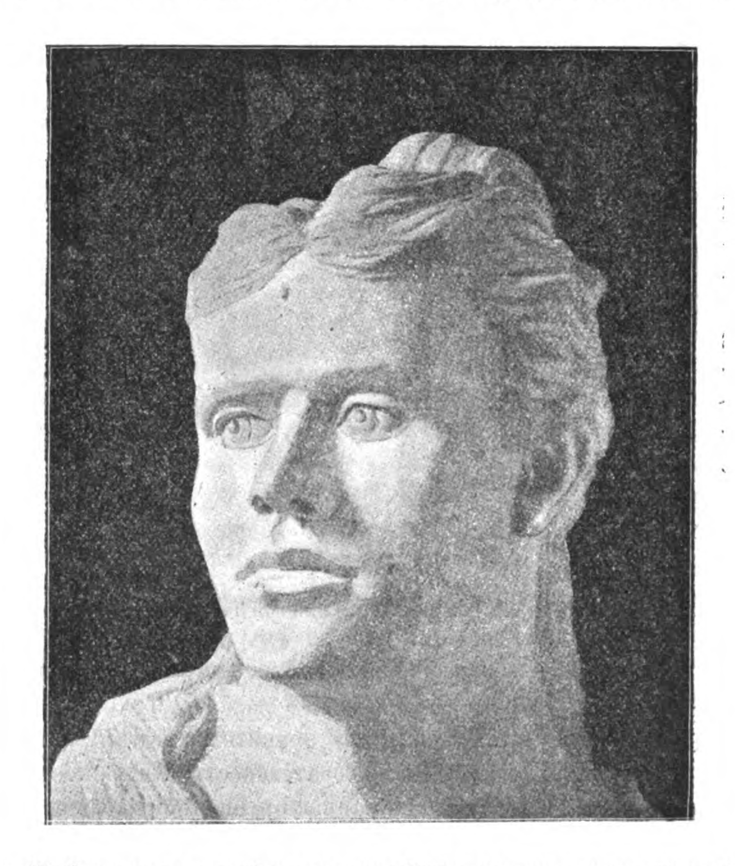


Рис. 25. Реставрированный по черепу обликъ женщины каменнаго вѣка.

ныхъ людей при жизни или тотчасъ послѣ смерти. На съѣздѣ антропологовъ *Колльманъ* демонстрировалъ реставрированный имъ бюстъ женщины Каменнаго вѣка (рис. 25). Къ слову о физіономіи людей временъ до-историческихъ. Въ богатѣйшемъ копенгагенскомъ до-историческомъ музеѣ выставлены мумифицированные трупы людей бронзоваго вѣка извлеченные изъ торфянниковъ, въ которыхъ, какъ извѣстно, тѣла сохраняются тысячелѣтіями, благодаря дезинфецирующимъ свойствамъ торфа. Быть можетъ, современемъ удастся различить ихъ физіономіи.

Отъ этихъ замѣчаній, касающихся общихъ и индивидуальныхъ варіацій черепа, обратимся къ его измѣненіямъ по возрастамъ, полу и племенамъ.

Рис. 26 даетъ сопоставленіе череповъ взрослаго и новорожденнаго. Ради наибольшей назидательности, обѣ фигуры приведены къ одинаковой высотѣ и соотвѣтственныя точки лицевой области соединены пунктирными линіями. Тутъ, прежде всего, бросается въ глаза большая округлость дѣтской головки, на которой поперечникъ не уступаетъ длиннику, далѣе колоссальное преобладаніе мозговой части передъ лицевой; какъ разъ обратное тому, что видимъ на взросломъ черепѣ. Съ полною ясностью въ этомъ сказывается основной законъ роста головы всякаго не только млекопитающаго, но и позвоночнаго животнаго вообще. Мозгъ—органъ, далеко опережающій въ своемъ развитіи остальные органы. Сообразно этому и мозговая костяная коробка весьма объемиста. Челюстной аппаратъ, на который, главнымъ обра-

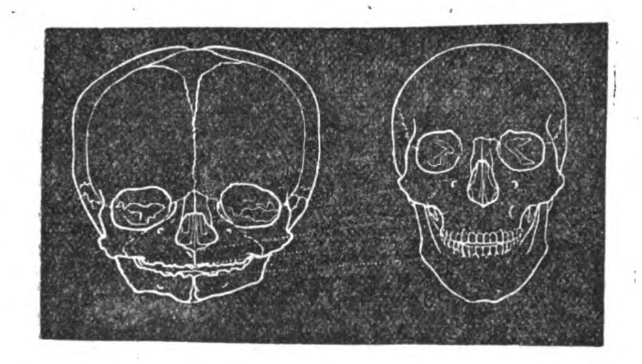


Рис. 26. Пропорціональность частей черепа у взрослаго и новорожденнаго.

зомъ, сводится лицо, составляетъ, по объему лишь маленькій ея придатокъ. Ростъ мозговой коробки въ ширь увлекъ и лицевую часть, которая относительно тоже шире, нежели у взрослаго. Отсюда и сравнительно большая ширина по преимуществу пограничныхъ частей: переносья и глазницъ. Чѣмъ дальше книзу, тѣмъ значительнѣе части дѣтскаго личика отстали въ ростѣ по отношенію къ общей высотѣ черепа, и тѣмъ сильнѣе долженъ быть ихъ послѣдующій ростъ. Беззубый старческій черепъ представляетъ нѣкоторую аналогію съ черепомъ новорожденнаго. Послѣдствіемъ выпаденія зубовъ является всасываніе зубныхъ лунокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ всего зубного отростка верхней и нижней челюсти, и такимъ образомъ челюсти какъ бы возвращаются къ своему первобытному состоянію, когда зубныя лунки еще не успѣли сформироваться.

Возможно ли различать черепа мужскіе и женскіе? *Вирховъ* находитъ, что половыя различія прямо колоссальны на черепахъ первобытныхъ жителей Новой Британіи. У европейскихъ народовъ они, во вся-

*

комъ случаѣ, не настолько рѣзки, чтобы опредѣленіе могло быть сдѣлано всегда съ полной увѣренностью: тѣмъ не менѣе опытный глазъ анатома рискуетъ не особенно часто попадать въ просакъ. Мы отмѣчаемъ въ типичномъ женскомъ черепѣ нѣкоторое сродство съ юношескимъ, что сказывается въ абсолютно меньшихъ его размѣрахъ, въ сравнительно большемъ объемѣ черепной коробки и меньшемъ развитіи челюстного аппарата, который у мужчинъ намекаетъ на животный типъ. Въ общемъ же, различія гармонируютъ съ меньшимъ ростомъ женщины.

Многіе десятки лѣтъ описывались и измѣрялись массы череповъ въ увѣренности, или хоть въ надеждѣ, установить расовыя различія. Въ настоящее время по прежнему нельзя не признавать существованія извѣстныхъ черепныхъ типовъ, присвоенныхъ племенамъ: монгольскому негрскому и другимъ; но, съ другой стороны, нѣтъ возможности указать ни на одно племя—за исключеніемъ развѣ очень немногихъ изолированныхъ народцевъ,—у котораго данный черепной типъ былъ бы присвоенъ поголовно всѣмъ индивидамъ. Даже у негровъ, которые обязательно изображаются въ болѣе элементарныхъ сочиненіяхъ съ сильной прогнатіей, de facto встрѣчаются всевозможныя черепныя формы. А какъ разнообразны черепа и головы европейцевъ! Въ любомъ большомъ европейскомъ городѣ, среди коренного населенія съ годами, при должномъ вниманіи и настойчивости, можно бы набрать краніологическую коллекцію изъ экземпляровъ вполнѣ типичныхъ для негровъ, папуасовъ, монголовъ, краснокожихъ и т. д. По поводу такихъ выводовъ расовой краніологіи знаменитый академикъ *Бэръ* пишетъ: «Быть можетъ, воскликнутъ: слишкомъ много работы для такихъ малыхъ результатовъ! Но что дѣлать? Вообще, это большой предразсудокъ публики, будто все дѣло науки только въ томъ, чтобы созидать, строить; зачастую ей приходится больше ломать, нежели она въ состояніи поставить на мѣсто сломаннаго. Это особенно примѣнимо къ сравнительной антропологіи потому, что въ ней большею частью подвизались изслѣдователи, которые не располагали достаточнымъ запасомъ наблюденій и не затрачивали достаточно усидчиваго труда».

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЖОРЖЪ ЗАНДЪ И ЕЯ ВРЕМЯ.

(*Продолженіе* *).

Въ сотрудничествѣ съ Ж. Сандо, Аврора написала романъ «Rose et Blanche», исторію актрисы и монахини, который имѣлъ успѣхъ. По темѣ онъ вызываетъ въ памяти пѣсню Беранже «Les deux soeurs de charité», а по содержанію это бытовой романъ (roman de moeurs), въ который Аврора внесла свое знаніе монастырской жизни и нѣкоторыя другія наблюденія изъ провинціальныхъ нравовъ. Во время своихъ наѣздовъ въ Ноганъ для свиданія съ сыномъ, Аврора не прекращала своей литературной работы. Чтобы по возможности не видѣть того, что дѣлается вокругъ, она проводила время, «уткнувъ носъ въ свое старое письменное бюро». Тутъ за два мѣсяца осенью того же 1831 г., она написала свою «Индіану», разсчитывая, что Ж. Сандо и этотъ романъ измѣнитъ и увеличитъ главами собственнаго сочиненія. Онъ, однако, на это не согласился, отчего романъ врядъ ли что-нибудь потерялъ, и книга пошла къ издателю въ томъ видѣ, какъ она вылилась изъ подъ пера Авроры. Но издателю было рѣшительно все равно, кто былъ дѣйствительно авторъ, лишь бы на книжкѣ стояло знакомое читателямъ имя. «Rose et Blanche» было подписано J. Sand (сокращеніе Sandeau), и издатель хотѣлъ сохранить его. Чтобы выйти изъ этого конфликта, Делатушъ придумалъ компромиссъ, обозначивъ перемѣну автора только подстановкой Жоржа вмѣсто Жюля. Такимъ образомъ родилось прославленное имя Жоржъ Зандъ, которое съ теченіемъ времени такъ укрѣпилось за писательницей, что ея настоящее имя почти забылось и даже въ интимномъ, дружескомъ кругу ее называли не иначе какъ Жоржъ, да и она сама подписывалась такъ въ своей частной перепискѣ.

Когда Делатушъ сталъ перелистывать только что отпечатанный романъ, онъ, не стѣсняясь нисколько присутствіемъ автора, по своему обыкновенію въ каждой строчкѣ, въ каждомъ выраженіи находилъ поводъ для придирокъ. «Конечно, это подѣлка; школа Бальзака! Ну, еще бы не подѣлка! Еще бы не Бальзакъ!» — восклицалъ онъ при

*) См. «Міръ божій», № 7, іюль.

каждой страницѣ. Однако онъ взялъ книгу съ собой, чтобы на досугѣ «перелистать ее до конца». На слѣдующее утро Ж. Зандъ получила слѣдующую записку отъ своего строгаго учителя и судьи: «Жоржъ, я несу вамъ свою повинную; я у вашихъ ногъ. Забудьте жесткія слова, которыя я говорилъ вчера вечеромъ, забудьте всѣ жесткости, которыя я вамъ говорилъ въ теченіе полугода. Я провелъ ночь за вашей книгой. О, дитя мое, какъ я доволенъ вами!» Приговоръ такого критика что-нибудь да значилъ. Очень быстро вся журнальная критика въ унисонъ стала восторгаться произведеніемъ дебютирующаго автора г-на Ж. Занда, тонко подмѣчая, что тамъ и сямъ чувствуется участіе женской руки. Очевидно предполагалось, что «Индіана», какъ и прежній романъ написанъ Жюлемъ Сандо въ сотрудничествѣ съ его подругой. Издатель явился за новымъ романомъ и получилъ рукопись «Валентины»; «Revue des deux mondes», который только что купилъ знаменитый Бюлозъ, просилъ также сотрудничества, словомъ,—карьера Ж. Зандъ была завоевана. Что же вызвало такой всеобщій энтузіазмъ? Какія стороны въ первыхъ романахъ ея были такъ привлекательны для современниковъ?

Въ настоящее время трудно перенестись воображеніемъ къ такому времени, когда картина неравнаго брака, въ которомъ слабѣйшая сторона,—жена вынуждена общественными условіями переносить деспотизмъ повелителя—мужа, не казалась избитой. Но такое время дѣйствительно существовало. Еще Руссо поднялъ вопросъ о роли «чувства» въ брачномъ союзѣ, но его голосъ надолго остался одинокимъ. Впрочемъ, семья въ XVIII столѣтіи въ тѣхъ классахъ, которые интересовали литературу, мало давала поводовъ для жалобъ на гнетъ мужей. Ревнивые тираны были персонажами комическихъ оперъ, и угнетаемыя жены всегда находили средство ихъ околпачить. Объ удовлетвореніи нравственныхъ запросовъ въ бракѣ не было рѣчи. Нравы давали фактическую возможность обѣимъ сторонамъ искать внѣ супружества исходъ для потребностей сердца. Несчастный бракъ, претензіи одной изъ сторонъ на свободу другой считались признакомъ дурного тона и мѣщанства. Правда, извѣстныя теченія въ литературѣ уже не чуждались изображенія буржуазной среды, но завоеваніе новой области для искусства происходило лишь постепенно. Конфликтъ буржуазныхъ драмъ заключался, главнымъ образомъ, въ деспотизмѣ родителей, которые ставили препятствія счастію любящихъ сердецъ, но разъ препятствія эти такъ или иначе устранялись, разъ дѣло доходило до вѣнца, то драма считалась оконченной и за предѣлами пятаго акта предполагалась полная идиллія. Позднѣе, психологія страсти захватила громадное мѣсто въ литературѣ. Шатобріанъ, M-me Сталь, Сенанкуръ, а также и романтики школы В. Гюго уже не удовлетворялись прелиминаріями бракосочетанія; одни изображали роковые характеры, любовь которыхъ приноситъ неизбѣжное несчастіе и имъ самимъ, и тѣмъ, кого они любятъ;

другихъ занималъ конфликтъ между свободой чувства и стѣснительными нормами, которое налагаетъ на него общество. И тѣмъ, и другимъ, однако, обыденная драма у домашняго очага казалась слишкомъ прозаической. Но что иное могла изобразить Ж. Зандъ, если она хотѣла произвести впечатлѣніе правдой своего разсказа, какъ не семейную драму? Всѣ остальныя области жизни были для нея невѣдомыми странами, о которыхъ она знала только по наслышкѣ или изъ книгъ, но несчастіе имѣть грубаго и ничтожнаго мужа было ею изучено основательно. Ж. Зандъ всегда энергично протестовала противъ обвиненія, что въ «Индіанѣ» она описала свою собственную исторію, наивно указывая, что ея мужъ не отставной полковникъ, какъ Дельмаръ въ романѣ. Мы охотно вѣримъ ей, что она вовсе не хотѣла писать портретовъ, иначе Дельмаръ долженъ былъ бы выйти гораздо болѣе глупымъ и менѣе честнымъ. При своей скромности, она также не могла считать себя такимъ идеальнымъ, ангельскимъ существомъ, какимъ является героиня ея произведенія. Какъ во всю свою позднѣйшую дѣятельность, она и въ этотъ первый разъ старалась идеализировать данное положеніе и данные характеры, опуская тѣ черты и событія, которыя казались ей случайными, но сохраняя основу, взятую изъ наблюденій дѣйствительной жизни. Ж. Зандъ протестовала также противъ тенденціи, которую ей навязывала одинаково доброжелательная, какъ и враждебная критика: въ своихъ первыхъ произведеніяхъ она не думала нападать на бракъ вообще, а показала только одну изъ случайностей брака. Въ этомъ отношеніи, какъ часто случалось и съ другими писателями, читатели оказались дальновиднѣе автора и дѣлали правильные выводы изъ данныхъ имъ положеній. Но Ж. Зандъ права была въ томъ смыслѣ, что такое обобщенное пониманіе ея произведеній не входило въ ея замыслы и намѣренія. Она была еще слишкомъ бѣдна опытомъ, скажемъ прямо, еще недостаточно развита, чтобы возвыситься до критическаго отношенія къ такимъ сложнымъ явленіямъ гражданской жизни, какъ институція брака. «Я писала («Индіану») однимъ духомъ,—говоритъ Ж. Зандъ,—безъ плана, какъ я уже сказала, и буквально не зная, куда я дойду, не отдавая себѣ даже отчета въ томъ, какую соціальную проблему я затронула».

«Индіана» и «Валентина», въ которой также изображенъ несчастный бракъ, заключаютъ уже почти всѣ элементы, изъ которыхъ состоятъ главнѣйшіе романы Ж. Зандъ. Отношеніе каждой черты къ тому, что пережила и передумала писательница, пока до очевидности элементарно. На первый взглядъ, напр., можно было бы удивиться, откуда ей пришла мысль заставить свою первую героиню родиться на островѣ Бурбонѣ, а впослѣдствіи пережить тамъ величайшее несчастіе и счастіе. Едва ли здѣсь играла какую-нибудь роль модная тогда любовь ко всему экзотическому; по крайней мѣрѣ, въ слѣдующихъ романахъ эта мода не играетъ никакой роли. Дѣло объясняется проще.

Одинъ изъ ея молодыхъ друзей, спасаясь отъ своей несвоевременной любви къ ней, уѣхалъ на довольно долгое время на Мадагаскаръ и о. Бурбонъ заниматься естественной исторіей и привезъ ей оттуда цѣлыя тетради описаній, впечатлѣній и наблюденій. Замѣтки эти произвели такое дѣйствіе на воображеніе молодой мечтательницы, что она не преминула воспользоваться ими при первомъ представившемся случаѣ. Что касается дѣйствующихъ въ «Индіанѣ» характеровъ, то генезисъ ихъ также вполнѣ ясенъ. Хотя Дюдеванъ не былъ полковникомъ, но зато онъ былъ также, какъ Дельмаръ, тѣмъ, что въ провинціи считается «порядочнымъ человѣкомъ». Дельмаръ, какъ и его прототипъ, смотрѣлъ на все съ точки зрѣнія своихъ выгодъ, имѣлъ такую же страсть къ спекуляціямъ и аферамъ, также презиралъ за непрактичность женщинъ вообще, а жену особенно, также деспотично и грубо обращался съ нею, не стѣснялся читать ея дневника, а подъ конецъ также перестаилъ даже сдерживать свои руки. Если же Дельмаръ не былъ ни пьяницей, ни развратникомъ и по своему даже любилъ жену, то этимъ отступленіемъ отъ натуры Ж. Зандъ хотѣла сохранить своему персонажу нѣкоторую симпатію читателей, какъ и позднѣе она добросовѣстно отмѣчала смягчающія обстоятельства въ пользу своихъ «отрицательныхъ типовъ». Сама Индіана—это та идеальная возвышенная женская душа, которою не была, но хотѣла бы быть Ж. Зандъ. Она соединяетъ голубиную кротость и нѣжное сердце, жаждущее любви, съ дѣтски чистымъ воображеніемъ и безукоризненнымъ поведеніемъ. Правда, она сердцемъ измѣняетъ своему мужу, полюбивъ блестящаго и легкомысленнаго юношу Ремона де Рамьера, но стойко противустоитъ всѣмъ его попыткамъ склонить ее къ фактической невѣрности. Когда же тиранство и насиліе со стороны мужа заставляютъ ее, наконецъ, бѣжать изъ дому и искать пріюта у своего платоническаго поклонника, то тутъ уже авторъ самъ позаботился о сохраненіи ея женской добродѣтели, считая, повидимому, что «паденіе» не соединимо съ идеальностью: поклонникъ уже охладѣлъ и вовсе не желаетъ навязывать себѣ на шею непріятную исторію. Типъ этого молодого человѣка наиболѣе живой во всемъ романѣ и интересенъ тѣмъ, что былъ первымъ въ безконечномъ ряду подобныхъ персонажей въ романахъ Ж. Зандъ. Это молодой человѣкъ, обладающій всѣми внѣшними качествами привлекательности и созданный для роли соблазнителя. Онъ красивъ, воспитанъ, не глупъ, прекрасно говоритъ (на современный вкусъ даже слишкомъ краснорѣчиво), умѣетъ обходиться съ женщинами и внушить имъ, что онъ для нихъ на все готовъ, но при этомъ онъ глубоко эгоистиченъ, влюбленъ только въ себя, въ самый пылкій моментъ страсти хорошо разсчитываетъ свои ходы и громкими фразами прикрываетъ отсутствіе убѣжденій и безпощадный карьеризмъ. Не менѣе рѣдко выводила Ж. Зандъ и другой характеръ, который мы впервые встрѣчаемъ тоже въ «Индіанѣ». Это вѣрный

другъ героини и ея добрый геній, который имѣетъ способность появляться во время во всѣ опасные моменты. Онъ терпѣливо и въ стоическомъ молчаніи переноситъ свою второстепенную роль, слѣдитъ за развитіемъ и перипетіями неудачной любви своего друга и затѣмъ, когда все рушится для нея, онъ возвращаетъ ей смыслъ и охоту жизни своею любовью.

Фабула «Индіаны» такъ проста, что ее нечего и разсказывать. Здѣсь Ж. Зандъ еще воздерживается отъ безконечныхъ компликацій, которыя въ позднѣйшихъ ея произведеніяхъ дѣйствуютъ такъ утомительно на современнаго читателя. Но манера Ж. Зандъ, ея пресловутый стиль, доступная для нея степень художественности опредѣлились уже въ первыхъ ея романахъ почти въ окончательной формѣ. Языкъ Ж. Зандъ съ самаго начала отличался тою трезвою правильностью и сдержаннымъ изяществомъ, которыя составляли полную противоположность громогласной напыщенности современныхъ ей романтиковъ. Брандесъ совершенно вѣрно указываетъ, что въ этомъ отношеніи она имѣетъ болѣе родства съ лучшими прозаиками «классическаго» періода, также какъ Шатобріанъ и m-me Сталь, новаторы въ области идей и настроеній, по способу выраженія ихъ оставались вѣрны традиціи XVIII в. У Ж. Зандъ это не было чѣмъ-либо преднамѣреннымъ выработаннымъ извѣстными тенденціями и вкусами, но вполнѣ естественною способностью выражаться безъ напряженія, писать одну страницу за другой, не отрываясь отъ бумаги для обдумыванія формы, и даже почти безъ помарокъ. Едва ли существовалъ когда-нибудь писатель, который въ меньшей степени страдалъ бы «муками слова» *). Она не искала словъ для выраженія уже существующихъ въ ея мозгу мыслей или образовъ, а, наоборотъ, мысли и образы являлись ей вмѣстѣ со словами. Объ этомъ она говоритъ сама совершенно чистосердечно: «я увидѣла (на первыхъ же опытахъ), что пишу скоро, легко, долго безъ усталости; что мои мысли, безсвязныя въ моемъ мозгу, приходили въ ясность и цѣпью слѣдовали одна за другой, по дедукціи, по мѣрѣ писанія» (mes idées, engourdies dans mon cerveau, s'éveillaient et s'enchaînaient, par la déduction, au courant de la plume). Какая разница, напр., съ Флоберомъ, который выдѣлывалъ свою прозу, какъ мозаику, и мучился надъ тѣмъ, чтобы не только содержаніе словъ, но и звукосочетаніе ихъ соотвѣтствовали тому, что онъ хочетъ выразить. Эта легкость пера представляетъ всѣмъ понятное преимущество, но ведетъ также и къ отрицательнымъ качествамъ стиля. Пріятная ровность въ данномъ случаѣ обратно пропорціальна характерности, колоритности, звучности и вообще выразительной силѣ языка. Этихъ качествъ, въ свою

---

*) О нихъ недавно было довольно много говорено въ русской литературѣ. См. интересные этюды г. Горнфельда «Муки слова» («Сборникъ Русск. Богатства» 1899) и г. Батюшкова «Въ борьбѣ со словомъ» («Журн. Мин. Нар. Просв.» 1900, № 2).

очередь, черезчуръ усиленно домогались романтики, какъ и многіе новѣйшіе писатели во Франціи, и поэтому часто достигали только вычурности, утрировки и неясности, но зато нѣкоторые изъ нихъ, дѣйствительно обладающіе даромъ художественной рѣчи, способны вызывать впечатлѣніе.

Первые же романы опредѣляютъ весь характеръ сочинительства Ж. Зандъ, какъ и ея языкъ. На той же страницѣ, гдѣ она говоритъ о своемъ стилѣ, она совершенно вѣрно опредѣляетъ тѣ качества, которыя составляютъ сильную сторону ея романовъ: «въ періодъ моей замкнутой жизни (до разрыва съ мужемъ) я много наблюдала и довольно хорошо понимала характеры, съ которыми случай меня сталкивалъ, слѣдовательно, я достаточно знала человѣческую природу, чтобы ее описывать». Здѣсь справедливо каждое слово. Она дѣйствительно была отъ природы наблюдательна, каждый человѣкъ интересовалъ ее, и она запоминала массу характерныхъ чертъ, что особенно ясно въ «Исторіи моей жизни». Здѣсь не упоминается почти ни одного имени безъ вполнѣ ясной и конкретной характеристики даннаго лица. Она «довольно хорошо» понимала психологію людей, т.-е. умѣла подмѣтить преобладающую черту каждой индивидуальности, но все-таки недостаточно хорошо, чтобы охватить всю психологическую полноту наблюдаемой личности: ея персонажамъ недостаетъ той сложности душевной жизни, какую умѣютъ подмѣтить и изобразить только такого калибра художники, какъ Л. Н. Толстой, они всегда слишкомъ послѣдовательно и исключительно сохраняютъ тѣ двѣ-три особенности, которыми надѣлилъ ихъ авторъ. Наконецъ, Ж. Зандъ дѣйствительно умѣетъ съ большею или меньшею правдою «описывать человѣческую природу», но не умѣетъ ее художественно воспроизвести. Ибо,—надо, наконецъ, сказать истину, которую одни не видятъ, а другіе почему-то стараются обойти,— Ж. Зандъ не была *художникомъ*; она обладала многими талантами, необходимыми писателю, кромѣ одного—*дара творчества*. Роль ея въ литературѣ отчасти напоминаетъ роль другого великаго французскаго писателя—Вольтера. Онъ также не былъ художникомъ, хотя обладалъ и тонкимъ умомъ, и безспорною наблюдательностью, и воображеніемъ, и геніальнымъ діалектическимъ талантомъ. И одинъ, и другая умѣли воодушевиться извѣстной идеей и передать это воодушевленіе безчисленнымъ читателямъ, эти идеи при ихъ посредствѣ стали достояніемъ всего культурнаго человѣчества, но форма, въ которую они облекали провозвѣщаемыя истины, не выдержала испытанія времени: «Генріада» и «Заира», также какъ «Консюэло» и «Лукреція Флоріани» могутъ теперь вызывать только историческій интересъ. Этимъ мы, впрочемъ, не хотимъ сказать, чтобы ни у Вольтера, ни у Ж. Зандъ не нашлось, вовсе произведеній, которыя бы и въ наше время могли доставить удовольствіе; не трагедіи Вольтера и не крупные романы Ж. Зандъ, которые особенно нравились современникамъ обоихъ писателей, но «Кандидъ»,

«Фадетта» и нѣкоторыя другія изъ второстепенныхъ сочиненій этихъ великихъ писателей, а также отдѣльныя эпизодическія сцены въ крупныхъ произведеніяхъ и нынѣ читаются легко (хочется сказать, «какъ романъ»), но производимое ими впечатлѣніе совсѣмъ не похоже на то какое производятъ дѣйствительно классическія художественныя произведенія. Ни на минуту авторъ не захватываетъ васъ своимъ собственнымъ увлеченіемъ; всюду чувствуются бѣлыя нитки придуманности, и вы съ недоумѣніемъ спрашиваете себя: неужели наши дѣдушки и особенно бабушки, которыя съ такимъ восторгомъ пересказывали намъ романы Ж. Зандъ, не замѣчали этихъ нитокъ? А если они замѣчали бѣдность ея искусства, то что ихъ собственно увлекало? На это лучше всего можетъ отвѣтить Бѣлинскій. Такой тонкій цѣнитель всего художественнаго не могъ обмануться насчетъ характера писательской дѣятельности Ж. Зандъ. И дѣйствительно, въ первый періодъ своей дѣятельности относясь къ ней весьма строго, а затѣмъ, радикально перемѣнивъ свое сужденіе, онъ въ самый переходный моментъ, въ 1842 г., въ нѣсколькихъ словахъ прекрасно выясняетъ ея значеніе, нисколько не забывая условности ея «поэтической славы». «Жоржъ Зандъ,— говоритъ онъ,—это безспорно первая поэтическая слава современнаго міра. Каковы бы ни были начала ея, съ ними можно не соглашаться, ихъ можно не раздѣлять, ихъ можно находить ложными, но ея самой нельзя не уважать, какъ человѣка, для котораго *убѣжденіе* есть *вѣрованіе* души и сердца».

Въ тотъ моментъ, на которомъ мы остановились, т.-е. время «Индіаны» и «Валентины», вѣрованія Ж. Зандъ еще не сложились въ нѣчто опредѣленное. Мы видѣли, что она не рѣшалась дѣлать выводовъ изъ собственныхъ посылокъ. Она ставила свой идеалъ женщины въ тѣ условія, которыя кругомъ нея признавались нормальными, указывала весь ужасъ этого положенія и какъ бы спрашивала: неужели такъ должно быть? Пока оставалась вѣра въ любящаго друга, который въ концѣ-концовъ все устроитъ къ лучшему, до тѣхъ поръ вопросъ не получалъ особенной остроты. Но вотъ личный опытъ ставитъ передъ ней другой вопросъ: есть-ли вообще настоящая любовь? Не есть-ли это просто преходящій порывъ физическаго влеченія или въ лучшемъ случаѣ вспышка воображенія? Жалкій конецъ ея отношеній къ Ж. Сандо повергъ ее въ безграничное отчаяніе и спуталъ всѣ ея представленія объ истинномъ и нравственномъ. «Мною овладѣли то романическое безпокойство, та усталость, которая кружитъ голову и приводитъ къ тому, что послѣ отрицательнаго отношенія ко всему все вновь пересматриваешь и допускаешь заблужденія гораздо болѣе крупныя, чѣмъ тѣ, отъ которыхъ только-что отрекся. Итакъ, послѣ того, что я полагала, будто цѣлые годы взаимной близости не могутъ внушить мнѣ привязанности къ другому существу, я вообра-

зила, что очарованіе немногихъ дней способно измѣнить мою жизнь». Она поддалась тому легкому отношенію къ жизни, которое господствовало вокругъ нея среди литературной братіи, несмотря на романтическій пессимизмъ:

Il s'agit de n'être point
Mélancolique et morose.
La vie est elle une chose
Grave et réelle à ce point? *).

Эту философію, формулированную, впрочемъ, однимъ изъ позднѣйшихъ поэтовъ, преподалъ ей знаменитый Проспэръ Мериме, глубокій скептикъ въ душѣ, взиравшій на міръ съ точки зрѣнія посторонняго зрителя и цѣнившій только ея красивую сторону. «Въ одинъ изъ дней тоски и отчаянія, — пишетъ Ж. Зандъ въ томъ же письмѣ, которое мы только-что цитировали, — я встрѣтила человѣка, который ни въ чемъ не отчаявался, человѣка спокойнаго и сильнаго, который ничего не понималъ въ моей натурѣ и смѣялся надъ моими огорченіями. Сила его ума меня совершенно очаровала; цѣлую недѣлю я вѣрила, что онъ знаетъ, въ чемъ счастье, что онъ мнѣ это откроетъ, что его презрительная безпечность излѣчитъ меня отъ моей ребяческой чувствительности. Я думала, что онъ страдалъ, какъ я, и что онъ побѣдилъ внѣшнія проявленія своей чувствительности». Словомъ, она по первому впечатлѣнію опять создала себѣ мечту о человѣкѣ, которая весьма быстро разсѣялась. «Опытъ совершенно не удался. Я плакала отъ страданія, отъ отвращенія, отъ безнадежности. Вмѣсто того, чтобы найти близкаго человѣка, который бы могъ пожалѣть и утѣшить меня, я нашла лишь ѣдкую и пустую насмѣшку». Какая-то роковая судьба заставляла Ж. Зандъ, въ теченіе всей жизни, сближаться съ людьми, которые по существу своему были совершенно чужды ея натурѣ. Если бы Мериме вложилъ сколько-нибудь своей души въ отношенія съ Ж. Зандъ, они не вышли бы такими нелѣпыми и, быть можетъ, дали бы ей возможность придти въ себя, найти то душевное равновѣсіе, котораго она жаждала. Такъ, какъ сложились отношенія эти въ дѣйствительности, они прибавили только чувство стыда ко всѣмъ страданіямъ молодой женщины.

Въ этомъ настроеніи отчаянія и подавленности Жоржъ Зандъ написала «Лелію», романъ прославившій ее болѣе, чѣмъ какой-либо другой. Это, кажется единственное произведеніе ея, которое можетъ быть цѣликомъ причислено романтизму. Уже во внѣшней обстановкѣ тамъ нѣтъ ничего реальнаго, дѣйствительно наблюденнаго, какъ обыкновенно бываетъ у Ж. Зандъ На этотъ разъ дѣйствіе происходитъ гдѣ-то въ

---

*) Прежде всего не надо быть меланхоличнымъ и угрюмымъ. Неужели жизнь вещь настолько серьезная и реальная?

горахъ Италіи. Сама героиня романа близкая родня непонятымъ и разочарованнымъ героямъ начала вѣка—Рене, Манфреду и отчасти «Ролла» (который былъ написанъ одновременно съ «Леліей»). Наконецъ, форма романа—безконечные діалоги, прерываемые такими же безконечными описаніями, есть неудачная попытка воспроизвести лирическій стиль того времени.

Приведемъ первыя строчки романа, которыя прямо вводятъ читателя въ тонъ всей книги. «Кто ты и почему твоя любовь дѣлаетъ столько зла? Въ тебѣ должна таиться ужасная тайна, неизвѣстная людямъ. Несомнѣнно, ты создана не изъ той же матеріи, какъ мы, и одухотворена не одинаковой съ нами жизнью. Ты ангелъ или демонъ, но не человѣческое существо. Зачѣмъ скрывать отъ насъ твое происхожденіе, твое естество? Зачѣмъ жить среди насъ, когда мы не можемъ ни удовлетворить, ни понять тебя? Если ты исходишь отъ Бога, то скажи и мы будемъ обожать тебя. Если ты пришла изъ ада... Ты, изъ ада! Ты, столь прекрасная и чистая! Могутъ ли имѣть злые духи этотъ небесный взглядъ, этотъ гармоническій голосъ, эти рѣчи, которыя возвышаютъ душу, возносятъ ее до самаго престола Божія!»

Такъ говоритъ молодой поэтъ Стеніо еще на протяженіи нѣсколькихъ страницъ. На это Лелія отвѣчаетъ нѣсколько короче, но въ томъ же тонѣ. Далѣе говоритъ опять Стеніо и опять Лелія и т. д. Затѣмъ начинаются такого же характера разговоры Стеніо и таинственнаго Тренмора, Тренмора и Леліи, и такъ идетъ до послѣдней страницы. Для сравненій возьмемъ первый попавшійся отрывокъ изъ «Рене» Шатобріана: «Я захотѣлъ броситься на нѣкоторое время въ свѣтъ, который мнѣ ничего не говорилъ и который не понималъ меня. Моя душа, которую не истощила еще ни одна страсть, искала предметъ, къ которому она могла бы привязаться; но я увидѣлъ, что я давалъ болѣе, чѣмъ получалъ»...

Мы привели эти отрывки не для того, чтобы критиковать ихъ съ современной точки зрѣнія, но чтобы показать образчикъ того, что въ то время считалось поэтическимъ стилемъ: міръ, жизнь, душа, Богъ, небо, адъ должны были участвовать во всякомъ разговорѣ, чего бы онъ ни касался. Постоянное измѣненіе этихъ грандіозныхъ масштабовъ, которое на насъ не производитъ уже совершенно никакого дѣйствія, тогда еще было необходимо для того, чтобы вызвать въ читателяхъ восторженное настроеніе. Несправедливо было бы думать, однако, что «Лелія» принадлежала къ числу сознательныхъ подражаній моднымъ авторамъ. Напротивъ, никогда Ж. Зандъ не старалась вложить въ свой романъ столько собственныхъ впечатлѣній, мыслей и чувствъ. Но желая довести выраженіе ихъ до мыслимой степени интенсивности, она не умѣла найти болѣе простую и естественную форму, какъ ту которая ей самой болѣе всего нравилась.

Какую же истину скрываетъ Лелія? И о чемъ они такъ продолжи-

тельно разговариваютъ съ Стеніо? Молодой поэтъ любитъ Лелію, и она также чувствуетъ къ нему симпатію, но все отсрочиваетъ рѣшительный отвѣтъ на его домогательства и мучитъ его снисходительнымъ отношеніемъ старшей сестры. Она уже не вѣритъ въ истинную любовь и считаетъ для себя счастіе невозможнымъ. Самое сильное чувство, которое она еще способна въ своемъ разочарованіи испытывать, это—благоговѣйная дружба къ Тренмору, самому несчастному и самому прекрасному человѣку, какого она знаетъ. Онъ когда-то въ молодости велъ разгульную жизнь, затѣмъ провелъ много лѣтъ въ тюрьмѣ и здѣсь одумался, искупилъ свою прежнюю жизнь долголѣтними страданіями и теперь дѣлаетъ всѣмъ одно добро, на что ему даютъ возможность его необыкновенный умъ, твердая воля и богатство. Впрочемъ, какъ глава тайнаго общества, имѣющаго цѣлью облагодѣтельствовать всю страну, онъ и теперь подвергается преслѣдованіямъ и ведетъ таинственную скитальческую жизнь. Только онъ знаетъ «тайну» Леліи, да еще ея сестра, жрица чувственной любви, Пульхерія, которой она однажды исповѣдуется. Тайна эта, оказывается, не представляетъ ничего необыкновеннаго, но все-таки въ ней все содержаніе романа: Лелія когда-то любила (впрочемъ, никого другого, какъ своего мужа), но не нашла въ любви той взаимности, которой искала. Она отдавалась любимому человѣку вся, душою и тѣломъ, а онъ внѣ моментовъ чувственной страсти относился къ ней довольно холодно: «въ обыденной, повседневной жизни это былъ нѣжный и заботливый другъ, но его мысли блуждали далеко отъ меня, его поступки увлекали его туда, гдѣ меня не было». Этотъ разладъ понемногу усиливался, пока не произошло окончательнаго разрыва. Такъ какъ при этомъ онъ былъ лучшій изъ мужчинъ, то Лелія заключила, что мужчины вообще неспособны выдержать страшнаго испытанія удовлетворенной любви,—вотъ почему она томитъ Стеніо и не желаетъ испортить чистыя отношенія, существующія между ею и имъ. Это было именно то состояніе души, которое переживала въ то время сама Ж. Зандъ. Она была убѣждена, что для ея сердца уже нѣтъ будущаго послѣ испытанныхъ ею разочарованій и что если для нея и можетъ еще существовать смыслъ въ жизни, то искать его нужно въ томъ направленіи, какимъ пошелъ Тренморъ, т. е. въ самоотверженномъ служеніи человѣчеству. Впослѣдствіи Ж. Зандъ говорила, что она никогда не изображала себя въ своихъ женскихъ героиняхъ. Мы увидимъ ниже, что факты не разъ опровергаютъ это утвержденіе, въ данномъ же случаѣ письма, современныя «Леліи», не оставляютъ въ этомъ сомнѣнія. Такъ, она пишетъ одному изъ своихъ друзей, которому она дастъ роль Тренмора: «Я тебѣ пришлю вскорѣ длинное письмо, т.-е. книгу, которую написала со времени нашей разлуки. Это вѣчный разговоръ между нами двумя. Мы самыя главныя лица въ этой книгѣ... Посредствомъ этой книги ты проникнешь до самой глубины моей и твоей души»... Въ томъ же письмѣ

она описываетъ свое душевное состояніе такими словами, какъ будто цитируетъ страницу изъ «Леліи»: «Мое сердце постарѣло на 20 лѣтъ и ничто въ жизни мнѣ болѣе не улыбается. Для меня не существуетъ болѣе страсти, глубокія радости. Я въ гавани, но не какъ тѣ славные набобы, которые отдыхаютъ въ шелковыхъ гамакахъ и подъ кедровыми потолками своихъ дворцовъ, а какъ блѣдные пловцы, которые, сломленные усталостью и сожженные солнцемъ, бросили якорь и не могутъ болѣе пускаться въ путь на своихъ челнокахъ. Имъ нечѣмъ жить на сушѣ, да и суша надоѣдаетъ имъ. У нихъ была прекрасная жизнь, приключенія, битвы, любовь, богатства. Они хотѣли бы начать все вновь, но судно ихъ лишилось мачтъ, грузъ потерянъ, приходится выброситься на песокъ и тутъ остаться»...

На современниковъ «Лелія» произвела глубокое впечатлѣніе. Отнынѣ имя героини надолго стало прозвищемъ автора. Старый Шатобріанъ, желая высказать Ж. Зандъ самое горячее одобреніе, ставилъ своего Рене между Чайльдъ-Гарольдомъ и Леліей. Близкіе ей люди, которые все-таки недостаточно пристально наблюдали ее въ этотъ мрачный періодъ ея жизни, удивлялись, откуда у нея явились всѣ эти мысли. Тотъ другъ, который привезъ ей свои замѣтки о Мадагаскарѣ, пишетъ ей: «Что за чортъ? Гдѣ вы все это взяли? Зачѣмъ вы написали эту книгу? Откуда она произошла, куда идетъ? Я зналъ васъ мечтательницей, я думалъ, что вы въ глубинѣ души вѣрующая... Здѣсь смѣются надо мною, потому что я люблю эту книгу. Можетъ быть, я напрасно это дѣлаю, но она завладѣла мною и мѣшаетъ мнѣ спать. Да благословитъ васъ Богъ за то, что вы такъ встряхнули и взволновали меня! Но кто же авторъ «Леліи?» Вы? Нѣтъ. Этотъ типъ фантастиченъ. Это не похоже на васъ: вы веселы, вы танцуете бурре (мѣстный танецъ въ Берри), вы разбираетесь въ трансформаціяхъ насѣкомыхъ, вы не презираете каламбура, недурно шьете и прекрасно варите варенье! Но, въ концѣ концовъ, очень можетъ быть, что мы васъ не знали и что вы коварно скрывали отъ насъ свои мечты. Возможно ли, однако, чтобы вы размышляли о столькихъ предметахъ, разбирали столько вопросовъ, испытали столько психологическихъ скорпіоновъ, и никто объ этомъ ничего не подозрѣвалъ?»

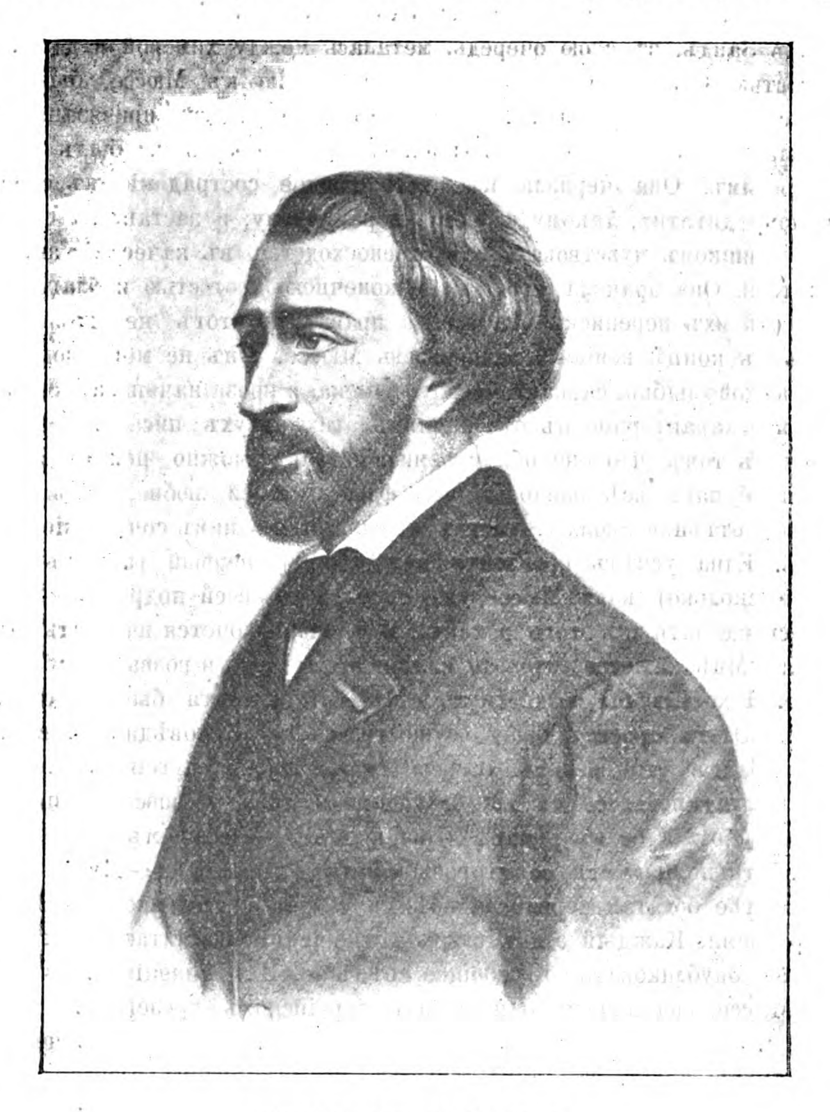
Сентъ-Бёвъ, который какъ разъ въ это время сталъ особенно интересоваться Ж. Зандъ и сдѣлался однимъ изъ ея лучшихъ друзей, писалъ по поводу «Леліи» почти то же самое: «Не говоря здѣсь о—«Леліи» со стороны композиціи и литературныхъ качествъ, и обсуждая ее только по содержанію, по тому, какое понятіе она даетъ о той, которая могла ее задумать и такъ выразить, я не смогу вамъ достаточно высказать, какъ меня поразила такая твердость, послѣдовательность и богатство, въ такихъ общихъ, глубокихъ сферахъ идей, гдѣ на каждомъ шагу охватываетъ головокружительный ужасъ. Быть женщиной, не дожить еще до тридцати лѣтъ, и чтобъ это нисколько не

проявлялось, когда вы изслѣдуете эти бездны; носить эти познанія, которыя намъ, навѣрное, обнажили бы виски и убѣлили бы волосы,—носить ихъ такъ легко, естественно, съ такою сдержанностью въ разговорахъ,—вотъ чему я, прежде всего, удивляюсь...»

Мы умышленно не касаемся здѣсь пессимистическаго отношенія Ж. Зандъ къ общественнымъ вопросамъ, чтобы въ своемъ мѣстѣ представить общую картину развитія ея общественныхъ идей. Скажемъ пока, что въ моментъ зарожденія «Леліи», личные впечатлѣнія значительно преобладали надъ всѣми остальными и окрашивали въ черный цвѣтъ все міросозерцаніе молодой женщины. Насколько второстепенную роль играло для нея пока все, что не касалось жизни ея сердца, доказываетъ та быстрота и легкость, съ которою она снова бросается въ приключенія новаго союза и на время отказывается отъ роли Тренмора. Едва «Лелія» успѣла появиться въ книжной торговлѣ, едва читатели стали проникаться мрачнымъ отчаяніемъ интересной героини, какъ Ж. Зандъ писала уже Сентъ-Бёву: «Я кощунствовала противъ природы и, можетъ быть, противъ Бога въ «Леліи»; Богъ, который не знаетъ злобы и который не трудится мстить намъ, закрылъ мнѣ уста, возвративъ мнѣ юность сердца и принудивъ меня признать, что онъ далъ намъ неземныя радости...» Это былъ первый актъ новой драмы, въ которой роль jeune premier'а игралъ Альфредъ де-Мюссе. Она безъ обиняковъ объявляетъ Сентъ-Бёву, что она стала «любовницей» Мюссе, прибавляя, что онъ можетъ сообщить объ этомъ всему свѣту,—она не проситъ у него тайны. Мы опять указываемъ, что Ж. Зандъ не смѣшивала свободный союзъ двухъ любящихъ сердецъ съ бракомъ и семьей,—это было въ ея глазахъ какъ бы особымъ гражданскимъ состояніемъ. Все пережитое стерлось изъ памяти, жизнь начинается сначала. «Я счастлива, очень счастлива...»—восклицаетъ Ж. Зандъ, какъ и въ первый разъ.—Это нѣчто, о чемъ я не имѣла понятія, что я не разсчитывала встрѣтить нигдѣ, особенно здѣсь (Ж. Зандъ въ началѣ знакомства относилась къ Мюссе съ большимъ предубѣжденіемъ). Я отрицала эту любовь, я отталкивала ее, я отрекалась отъ нея сначала, а затѣмъ я сдалась, и я счастлива, что поступила такъ. Я сдалась болѣе изъ дружбы, чѣмъ по любви...»

Мы не будемъ разсказывать общеизвѣстныхъ подробностей этого романа, который, какъ и предъидущіе, не могъ не кончиться плачевнымъ образомъ для обоихъ знаменитыхъ дѣйствующихъ лицъ. Не будемъ слѣдить за ихъ путешествіемъ въ Италію, разсказывать безконечныя и отчасти неразъясненныя перипетіи развязки. Для насъ важно культурное значеніе этой печальной исторіи, начавшейся и протекшей подъ вѣяніемъ литературныхъ впечатлѣній, и оставившей послѣ себя безконечный чернильный слѣдъ. Съ этой стороны отношенія Жоржъ Зандъ и Мюссе прекрасно оцѣнены лучшимъ біографомъ послѣдняго, извѣстнымъ псевдонимомъ Арведъ Баринъ, «какъ единственный въ

своемъ родѣ и не обыкновенный примѣръ того, до чего духъ романтизма могъ довести своихъ жертвъ». Мы наблюдаемъ здѣсь, какъ «геніальный мужчина и геніальная женщина безумно, мучительно усиливаются жить чувствами, взятыми изъ литературы, герои которой



Альфредъ де Мюссе.

стояли внѣ всякой реальности, и стараются быть выше и внѣ природы такъ же, какъ Лелія и Эрнани... Каждый изъ нихъ желалъ и требовалъ невозможнаго. Мюссе, страстно влюбленный первый разъ въ жизни, имѣлъ за собою разгульное прошлое, которое влачилось за нимъ... и подбивало его умъ терзать его сердце. Какъ рыбакъ въ «Порціи», «онъ не *вѣрилъ*», а онъ чувствовалъ отчаянную потребность вѣрить.

Онъ грезилъ о любви выше какой бы то ни было любви, о любви, которая бы была одновременно бѣшенымъ порывомъ и культомъ. Онъ хорошо понималъ, что оба они уже далеки отъ этого, но не могъ съ этимъ примириться, проводилъ время въ попыткахъ вскарабкаться на небо, падалъ въ грязь и обвинялъ Жоржъ Зандъ въ своемъ паденіи... Жоржъ Зандъ, въ свою очередь, металась между химерой и дѣйствительностью. Она смастерила себѣ по отношенію къ Мюссе, бывшему моложе ея на шесть лѣтъ, идеалъ полуматеринской привязанности, который она считала очень возвышеннымъ тогда какъ онъ былъ просто фальшивымъ. Она черпала изъ него гордое состраданіе къ своему «бѣдному дитяти», такому слабому, неразумному, и заставляла его немного слишкомъ чувствовать свое превосходство, въ качествѣ ангела-хранителя. Она бранила его съ безконечною кротостью и благоразуміемъ (въ ихъ перепискѣ она всегда права), но этотъ непогрѣшимый голосъ въ концѣ концовъ раздражалъ Мюссе. Онъ не могъ подавить иронической улыбки, саркастическаго намека, и гроза начиналась снова».

Самое характерное въ отношеніяхъ этихъ двухъ писателей заключается въ томъ, что они оба стремились какъ можно полнѣе закрѣпить на бумагѣ всѣ эпизоды, всѣ фазисы своей любви, разъяснить міру всѣ оттѣнки своихъ чувствъ и вызвать къ нимъ сочувствіе и интересъ. Едва успѣлъ произойти между ними первый разрывъ (ихъ было нѣсколько) какъ Мюссе уже сообщаетъ своей подругѣ: «Я собираюсь сдѣлать изъ этого романъ. Мнѣ очень хочется написать нашу исторію. Мнѣ кажется, что это излѣчило бы меня и возвысило бы мое сердце. Я хотѣлъ бы воздвигнуть тебѣ алтарь, хотя бы изъ своихъ костей». Этотъ проектъ былъ осуществленъ въ «Исповѣди сына вѣка». А Ж. Зандъ уже раньше начала свои «Письма путешественника» гдѣ эксплуатировалась та же благодарная тема, а впослѣдствіи еще разъ обработала ее въ романѣ «Она и онъ», вызвавшемъ такой недобросовѣстный протестъ со стороны брата Альфреда де-Мюссе. Еще любопытнѣе богатая переписка обѣихъ сторонъ, особенно Ж. Зандъ, съ друзьями. Каждый этапъ своихъ отношеній она считаетъ нужнымъ какъ бы опубликовать во всеобщее свѣдѣніе. Изъ Венеціи, послѣ отъѣзда Мюссе, она пишетъ одному изъ беррійскихъ друзей: «Я сомнѣваюсь, чтобы мы сдѣлались опять любовниками. Мы ничего не обѣщали другъ другу въ этомъ смыслѣ, но мы будемъ всегда любить другъ друга»... Позднѣе она возвѣщаетъ Сентъ-Бёву: «Альфредъ опять сталъ моимъ любовникомъ». Ей кажется, что любовь это какая-то свыше ниспосланная миссія, созданное природою художественное произведеніе, которое даже грѣшно прятать про себя. «Мнѣ часто приходитъ въ голову,—пишетъ она,—что дѣло, за которое страстныя души терпятъ свое мученичество, есть благородное и святое дѣло. Любить—это то, что есть самаго широкаго и облагораживающаго изъ всего, что мы знаемъ». Что здѣсь надо видѣть черту времени, ясно изъ того, что

такое же отношеніе къ любви,—быть можетъ, не безъ вліянія романовъ Ж. Зандъ,—существовало немного позднѣе и у насъ. Вспомнимъ необъятную переписку Герцена съ его невѣстой, вспомнимъ, какъ весь этотъ кружокъ молодыхъ литераторовъ любилъ копаться въ своихъ чувствахъ, закрѣплять ихъ въ болѣе или менѣе красивой формѣ на бумагѣ и повѣрять друзьямъ свои страданія. Теперь эти изліянія могутъ казаться нѣсколько напыщенными и во всякомъ случаѣ излишними, тогда они были несомнѣнно искренни и казались естественными.

Ж. Зандъ и Мюссе жили идеями и образами, почерпнутыми въ книгахъ. Имъ казалось невѣроятнымъ, чтобы послѣ того, какъ литература столько разъ поэтизировала «страсть», ея нелогичности и ошибки, «свѣтъ» могъ отнестись къ нимъ съ точки зрѣнія банальной морали, и не стѣснялись афишировать всѣ экстравагантности своихъ отношеній. Они ошиблись, конечно: знакомые и незнакомые видѣли въ этомъ неисчерпаемый источникъ анекдотовъ, насмѣшекъ и злословія, и ко всѣмъ дѣйствительнымъ безумствамъ съумѣли присочинить еще болѣе невѣроятныя подробности. Даже близкіе друзья не всегда оказывались на высотѣ предъявляемыхъ къ нимъ требованій. Особеннымъ довѣріемъ обѣихъ сторонъ пользовался Сентъ-Бёвъ, который долженъ былъ служить иногда посредникомъ, но чаще просто повѣреннымъ. Ему сообщались всѣ повороты отношеній, всѣ фазисы настроеній, то бурное отчаяніе, то глубокая меланхолія, то раскаяніе въ своихъ винахъ, то философскія разсужденія о любви и жизни. Онъ долженъ былъ выслушивать, взвѣшивать, судить, утѣшать, уговаривать. Наконецъ, когда эти отношенія грозили никогда не окончиться, когда послѣ разрыва слѣдовало сближеніе, а потомъ опять разрывъ и опять сближеніе, его спокойная натура не выдержала: онъ далъ понять, что ему все это надоѣло; разумѣется, это очень оскорбило Ж. Зандъ. Но послѣ кратковременнаго охлажденія дружба ея къ знаменитому критику возобновилась, и по окончательной ликвидаціи несчастной страсти (она продолжалась вмѣстѣ съ перерывами гораздо менѣе двухъ лѣтъ) Ж. Зандъ къ нему же обращается въ поискахъ разумнаго принципа жизни. Переживъ этотъ тяжелый кошмаръ, она очутилась, какъ ненасытная старуха въ сказкѣ, опять передъ тѣмъ разбитымъ корытомъ, которое лежало передъ ней въ эпоху «Леліи». Безотрадность въ личной жизни, невыясненность смысла своей писательской дѣятельности и потребность приложить свои силы куда-нибудь, гдѣ онѣ могутъ оказаться полезными. Эта потребность, заглушаемая по временамъ порывами бури, никогда не умирала въ душѣ Ж. Зандъ, а теперь возродилась съ новою силой, ибо совершенно правильно понялъ ее Сентъ-Бёвъ, писавшій по поводу «Леліи». «Вы обладаете очень рѣдкою и сильною натурою. Какою бы ѣдкою ни была жидкость въ чашѣ, металлъ чаши остался нетронутымъ и неизмѣненнымъ. Пусть Лелія продолжаетъ или нѣтъ предаваться отчаянію, для васъ жизнь представляетъ еще много утѣ-

шеній, и вашей энергіи, если она уравновѣсится, предстоятъ еще прекрасные года торжества и серьезнаго удовлетворенія». Быть можетъ, эти ободряющія слова пришли теперь на умъ Ж. Зандъ; она хотѣла вѣрить, что Сентъ-Бёвъ можетъ и указать ей, куда направить эту энергію. Во всякомъ случаѣ, отъ него больше, чѣмъ кого бы то ни было, надѣется она услышать живое слово.

Мы увидимъ, что ей пришлось искать его въ иномъ направленіи. Но сначала необходимо опредѣлить тѣ впечатлѣнія, подъ вліяніемъ которыхъ складывались общественныя идеи Ж. Зандъ, начиная съ пріѣзда въ Парижъ. Теперь мы стоимъ передъ новымъ періодомъ ея жизни, когда эти впечатлѣнія получаютъ преобладающее значеніе.

III.

Со времени своихъ занятій философіей, еще до смерти бабушки, Ж. Зандъ была слишкомъ поглощена своими семейными несчастіями, чтобы серьезно интересоваться вопросами общественной жизни, съ которыми она не приходила въ непосредственное столкновеніе. Правда, фактически она участвовала даже одно время въ избирательной агитаціи своего округа, устраивая въ Лашатрѣ, ближайшемъ къ Ногану городкѣ, оживленные вечера съ цѣлью объединенія мѣстнаго общества для поддержки оппозиціоннаго депутата, но, повидимому, политика интересовала ее въ то время чисто внѣшнимъ образомъ и она была только помощницей мужа, который, въ свою очередь, въ политикѣ, какъ и во всемъ видѣлъ исключительно свои имущественные интересы. Перипетіи переживаемой ею сердечной драмы дѣлали ее равнодушной къ раскатамъ общенародной грозы, гулъ которыхъ не могъ не достигать ея слуха. Ордонансы министерства Полиньяка, нарушавшіе законные права палаты депутатовъ, іюльскій переворотъ, плачевно закончившійся смѣной династій и воцареніемъ буржуазіи, интриги оппозиціонныхъ партій, изъ которыхъ каждая стремилась завладѣть въ свою пользу не остывшимъ еще боевымъ пыломъ парижскаго народа, процессъ бывшихъ министровъ Карла X и вызванные имъ новые кровавые безпорядки, — всѣ эти грозныя или печальныя явленія второй половины 1830 года, которыя привели въ волненіе всю Европу, не играютъ пока никакой роли въ глазахъ молодой революціонерки противъ семейнаго деспотизма. Когда же, наконецъ, черезъ нѣсколько дней послѣ декабрскихъ безпорядковъ она очутилась въ самомъ водоворотѣ парижскихъ событій, опьяненіе свободой, недостатокъ образованія и новыя романическія компликаціи нѣкоторое время мѣшали ей оріентироваться въ окружавшихъ ее теченіяхъ, но впечатлѣнія, которыя она получила въ это время, въ будущемъ повліяли рѣшающимъ образомъ на ея убѣжденія, поэтому намъ необходимо съ возможною краткостью охаракте-

зывать важнѣйшіе элементы французскаго общества и отмѣтить главные историческіе моменты той эпохи *).

До іюля 1830 года на 33 милліона жителей во Франціи, благодаря избирательному цензу, приходилось около 90.000 избирателей, принадлежавшихъ преимущественно къ классу крупныхъ земельныхъ собственниковъ и финансистовъ. Когда и эта система стала давать слишкомъ самостоятельную палату, то были изданы знаменитые указы Полиньяка измѣнявшіе избирательный законъ и законы о печати, и вводившіе такимъ образомъ абсолютивный произволъ на мѣсто конституціоннаго порядка, гарантированнаго хартіей 1815 г. Верхніе слои общества, въ сущности единственно затронутые беззаконіемъ Карла X и его министровъ, сумѣли внушить парижскимъ рабочимъ, что дѣло идетъ объ общенародномъ благѣ, и послѣ трехдневнаго сраженія блузниковъ и студентовъ съ войсками власть оказалась въ рукахъ народа, который не зналъ, что съ нею дѣлать. За него, впрочемъ, позаботились другіе, и въ то время какъ трудовой людъ вернулся къ своей обычной жизни, не получивъ за свое геройство въ чужихъ интересахъ ни одного реальнаго блага, но зато много комплиментовъ, провозглашена была новая конституція. Единственный уважаемый въ народѣ человѣкъ, старый республиканскій идеалистъ, герой американской войны за свободу, Лафайетъ, говорилъ: «намъ нуженъ популярный королевскій тронъ, окруженный чисто республиканскими учрежденіями». Никого болѣе популярнаго, однако, не удалось найти, кромѣ «короля буржуа», который принялъ корону изъ рукъ революціонеровъ, заявивъ при этомъ Лафайету, что и онъ такой же горячій поклонникъ американскихъ государственныхъ формъ. Введеніе «чисто республиканскихъ учрежденій» покуда было отсрочено; новое избирательное право, сохранявшее имущественный цензъ, но въ пониженномъ размѣрѣ, расширялъ кругъ избирателей до 200.000 человѣкъ. Характеръ представительства значительно измѣняется: оно становится выразителемъ интересовъ средней буржуазіи. Одинъ фрондеръ называетъ новую палату «собраніемъ лавочниковъ, а короля наибольшимъ лавочникомъ изъ всѣхъ». Люди, которые были недовольны прежнимъ режимомъ, теперь стремятся поживиться побѣдой. Легитимисты должны очистить поле приверженцамъ новой династіи. «Знаете, что такое карлистъ? — говоритъ одинъ изъ

*) Чтобы не прерывать дальнѣйшаго изложенія ссылками, укажемъ тутъ же главныя пособія, которыми мы пользовались въ исторической части нашего этюда: *Thureau-Dangin*, «Histoire de la monarchie de juillet». Paris, 1884 — 1892; *Georges Weill*, «Histoire du parti républicain en France de 1814 à 1870», P. 1900; *Louis Blanc*, «Histoire de dix ans», Bruxelles 1846; *Alfr. Rambaud*, «Hist. de la civilisation contemporaine en France». P. 1888; *Vermorel*, «Les hommes de 1848» P. 1869 (русск. перев.); *Lucien de la Hodde*, «Hist. des sociétés secrètes et du parti républicain de 1830 à 1848», P. 1850; *Georges Weill*, «L'école saint-simonienne», P. 1896; *Roussel*, «Lamennais d'après des documents inédits» P. 1892; *его же*, «Lamennais intime», P. 1897.

оппозиціонныхъ ораторовъ палаты.—Карлистъ это человѣкъ, занимающій должность, которую хочетъ занять другой человѣкъ». Начинается неслыханное «нашествіе карьеристовъ». Менѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ послѣ іюльскаго возстанія одинъ публицистъ пишетъ: «Нынѣ у насъ возстаніе совсѣмъ другого рода; это нашествіе просителей: это массовое движеніе искателей мѣстъ; онѣ бѣгутъ въ переднія съ тѣмъ же пыломъ, какъ народъ бѣжалъ въ огонь. Съ семи часовъ утра батальоны черныхъ фраковъ устремляются со всѣхъ концовъ столицы, толпа растетъ изъ улицы въ улицу... Жертвы падаютъ въ изобиліи...

Лафайетъ.

герои также кипятъ»... Извѣстный поэтъ Барбье въ первомъ же изъ своихъ энергичныхъ ямбовъ «*La curée*» («*Добыча*») отличаетъ то же явленіе.

Un tandis regorgeant de faquins sans courage,
D'éffrontés coureurs de salons,
Qui vont de porte en porte, et d'étage en étage,
Gueusant quelques bouts de galons,
Une halle cynique, aux clameurs insolentes,
Où chacun cherche à déchirer
Un miserable coin des guenilles sanglantes
Du pouvoir qui vient d'expirer *).

---

*) Куча дрянныхъ людишекъ безъ мужества, наглыхъ, салонныхъ шаркуновъ которые ходятъ изъ двери въ дверь, изъ этажа въ этажъ, выпрашивая, какъ нищіе, какой-нибудь кусокъ галуна; циничный базаръ, оглашаемый нахальными криками, гдѣ каждый стремится оторвать жалкій кусокъ кровавыхъ лохмотьевъ, оставленныхъ правительствомъ, только что испустившимъ послѣднее дыханіе.

Министръ и самъ король не въ силахъ противиться этому напору просителей и по мѣрѣ возможности стараются утолить разыгравшіеся аппетиты. Правительство заигрываетъ съ этими людьми, которые всѣ приписываютъ себѣ роль въ установленіи новаго порядка; все это «герои іюльскихъ дней», которымъ Людовикъ-Филиппъ обязанъ короной, а министры своими портфелями.

Народное и государственное хозяйство было въ самомъ плачевномъ состояніи. Промышленность и торговля не могли оправиться отъ потрясенія. Производство упало, и рабочіе не находили работы, крахи слѣдовали одинъ за другимъ. Государственное казначейство было въ весьма незавидномъ положеніи. Ближайшій бюджетъ на 1831 годъ возросъ болѣе чѣмъ на 300 милліоновъ франковъ. а минувшій годъ былъ сведенъ съ дефицитомъ въ 100-милліоновъ. Государственные расходы ложились, главнымъ образомъ, на низшіе классы населенія, такъ какъ, благодаря постоянному стремленію «облегчить бремя земельной собственности», косвенные налоги на предметы первой необходимости возрастали, а благодаря упорно проводимой покровительственной системы дороговизна продуктовъ промышленности еще ухудшала матеріальное положеніе трудящихся.

Народное образованіе до 30-хъ годовъ было ниже всего, что себѣ можно представить. Бюджетъ элементарныхъ школъ не превышалъ 50 тысячъ франковъ. Изслѣдованіе, предпринятое Гизо въ 1832—1834 годахъ, дало поразительную картину. Въ одномъ округѣ (arrondissement) оказалось, что четыре мера не умѣютъ подписать своего имени, находятъ, что обученіе дѣтей безполезно и что лучше бы имъ копать канавы, чѣмъ ходить въ школы. Въ одномъ мѣстѣ учитель предлагаетъ даровое обученіе, — родители отказываются; въ другомъ—священникъ предлагаетъ даже деньги родителямъ, если они будутъ пускать дѣтей учиться,—не принимаютъ. Большинство учителей глубоко невѣжественное; нѣкоторые изъ нихъ не умѣютъ писать; въ Ландахъ они, въ большинствѣ случаевъ, не умѣютъ даже читать; ихъ роль ограничивается тѣмъ, чтобы *смотрѣть* за дѣтьми. Грамотность городского пролетаріата была немногимъ выше.

Благодаря своей темнотѣ четвертое сословіе совершенно не сознавало своихъ общихъ интересовъ. Но и образованные классы населенія еще далеки отъ предчувствія всей силы соціальнаго вопроса. До іюльской революціи рабочій классъ не принимался вовсе въ разсчетъ въ политикѣ. Теоретикъ либерализма Бенжаменъ Констанъ утверждалъ (въ 1814 г.), что нельзя давать политическихъ правъ «несобственникамъ» (имя, которымъ тогда обозначали пролетаріевъ). Самая широкая демократія, говоритъ онъ, всегда исключала изъ политики иностранцевъ и дѣтей: «Тѣ, которыхъ бѣдность принуждаетъ къ постоянной зависимости и обрекаетъ на поденную работу, освѣдомлены относительно общественныхъ дѣлъ не болѣе, чѣмъ дѣти, и не болѣе, чѣмъ иностранцы,

заинтересованы въ національномъ благосостояніи, элементовъ котораго они не знаютъ и выгодъ котораго непосредственно не испытываютъ». Здѣсь высказывается, по крайней мѣрѣ, ясное пониманіе раздѣльности интересовъ собственниковъ и «несобственниковъ». Любопытно сопоставить это противоположеніе съ «Общественнымъ договоромъ» Руссо; «Законы всегда въ пользу тѣхъ, у кого что-нибудь есть, и во вредъ тѣмъ, у кого нѣтъ ничего». Но къ этому старый идеалистъ добавлялъ, что общество должно быть такъ устроено, чтобы у всѣхъ что-нибудь было; доктринеры либерализма такъ далеко не шли. Вся парламентская оппозиція не имѣла другой программы, кромѣ чисто политической. Можно указать только двухъ людей въ палатѣ, которыхъ поражала картина экономическихъ контрастовъ. Одинъ богатый аристократъ, Вуайе Даржансонъ, предсказывалъ торжество новой экономической науки, отличной отъ теоріи либеральныхъ банкировъ,—«науки соціальной справедливости, назначеніе которой будетъ научить со временемъ весь родъ человѣческій, безъ различія странъ и національности, какъ онъ долженъ накоплять, пріобрѣтать и распредѣлять дары природы»; онъ же удивлялся, почему учреждаются торговыя биржи, а о биржахъ труда никто не помышляетъ; по поводу рѣчи Гизо о сберегательныхъ кассахъ, онъ насмѣхался надъ филантропами, которые не хотятъ измѣнять распредѣленія богатствъ; наконецъ, онъ же во время дебатовъ о хлѣбной торговлѣ указывалъ съ трибуны, что «во Франціи больше людей, имѣющихъ избытокъ зерна». Ему вторилъ только одинъ голосъ,—депутатъ Босежуръ, утверждавшій, что Франція дѣлится на двѣ части: 500 тысячъ человѣкъ, *которые* ѣдятъ, и 30 милліоновъ, *которыхъ* ѣдятъ. Внѣ палаты, оппозиціонная молодежь, будущіе дѣятели 30-хъ и 40-хъ годовъ, между ними Ипполитъ Карно, Годфруа Кавеньякъ, Гинаръ и др., также видѣли корень зла только въ политической реакціи. Они были противниками «божественнаго права» бурбонской династіи и стараго режима; послѣдовательные изъ нихъ доходили до идеи республики, подъ именемъ которой они понимали довольно туманный идеалъ справедливаго, честнаго, гордаго по отношенію къ другимъ государствамъ правительства, чуждаго всякой сословной и религіозной партійности, т.-е. почти то же, что представляла себѣ подъ именемъ республики Аврора Дюпенъ, когда читала бабушкѣ газеты о греческомъ возстаніи и заговорахъ въ Италіи. Названія «республиканецъ», «демократъ» и «патріотъ» были синонимами, такъ какъ считалось, что вся масса народа одинаково заинтересована въ томъ, чтобы отдѣлаться отъ династіи, навязанной вражеской силою, — въ этомъ заключался «патріотизмъ», — и возстановить верховную власть равноправнаго народа въ формѣ республики. Такихъ республиканцевъ, впрочемъ, было очень немного; поэтому, хотя они и принимали дѣятельное участіе въ іюльскомъ возстаніи наравнѣ съ блузниками, но на дальнѣйшій ходъ событій не могли оказать достаточно рѣшительнаго вліянія.

На іюльскихъ баррикадахъ французская буржуазія, можно сказать, впервые познакомилась съ тѣми слоями населенія, которые поэтъ называлъ «la sainte populace et la sainte canaille». Восторжествовавшая часть буржуазіи приняла, какъ должное, наивное самоотверженіе народа и, завладѣвъ властью въ лицѣ банкира Казиміра Перье или доктринера Гизо, заботилась только о томъ, чтобы такія вспышки болѣе не повторялись. Болѣе прогрессивные элементы, оставшіеся и при новомъ режимѣ оппозиціей, считали, что революція, сдѣланная рабочими классами, должна принести для нихъ осязательные плоды. Вскорѣ послѣ того, какъ истинный характеръ новаго порядка вещей обнаружился, республиканское, почти исключительно студенческое общество *Друзей народа* издало воззваніе, въ которомъ выражалось возмущеніе противъ эгоизма «аристократической буржуазіи» и объявлялось, что задача общества—улучшить матеріальное и умственное состояніе низшихъ классовъ. Между молодыми республиканцами являются не мало людей, искренно преданныхъ интересамъ трудящихся темныхъ массъ. Между ними особенно характерна фигура Распайля, который нѣсколько напоминаетъ нашихъ поклонниковъ естественныхъ наукъ 60-хъ годовъ. Человѣкъ неподкупной честности, котораго не могли задобрить никакія предложенія со стороны правительства, химикъ, полемизировавшій съ Кювье и не признававшій авторитета Араго, онъ утилизировалъ свои свѣдѣнія въ пользу темной массы: онъ пользовался извѣстностью среди бѣдняковъ, какъ даровой врачъ; онъ ежегодно издавалъ популярное руководство по гигіенѣ, изобрѣлъ свою систему дешеваго лѣченія и стремился удвоить продуктивность почвы химическими средствами. Но задачи общественныхъ реформъ онъ понималъ такъ же односторонне, какъ и другіе. На одномъ изъ многочисленныхъ своихъ процессовъ онъ такъ формулировалъ свои идеи: «Намъ нужна такая *политическая система*, при осуществленіи которой во Франціи не стало бы ни одного несчастнаго, за исключеніемъ тѣхъ, которые страдаютъ по собственной винѣ или вслѣдствіе органическихъ пороковъ». Другой видный дѣятель республиканской партіи, Гарнье-Пажесъ, также передъ своими судьями, выражалъ столь же наивные по искренности и по неясности взгляды: «Я утверждаю,—говорилъ онъ,—что всякое правительство, хотя бы оно существовало только двѣ недѣли, должно было бы найти время заняться обездоленными классами»; пусть тѣ, которые боятся, республики помнятъ, что «единственное средство помѣшать ея пришествію — заняться людьми, которые *не имѣютъ правъ*, т.-е. удовлетворить нужды массъ».

Уже задолго до іюльской революціи были люди, стоявшіе, правда, почти одиноко, которые ставили соціальный вопросъ въ центръ своихъ интересовъ и придумывали фантастическія, но по ихъ мнѣнію весьма практичныя и близкія къ осуществленію системы общественнаго устройства дававшія всѣмъ равную долю въ распредѣленіи земныхъ благъ. Мы

не будемъ говорить здѣсь о фаланстерахъ Фурье, потому что теоріи его не имѣли замѣтнаго вліянія на Ж. Зандъ, и ни съ нимъ самимъ, ни съ его учениками она не входила въ непосредственныя отношенія. Но необходимо сказать нѣсколько словъ о Сенъ-Симонѣ и подробнѣе остановиться на его послѣдователяхъ, которымъ Ж. Зандъ многимъ обязана. Сенъ-Симонъ считалъ себя призваннымъ внести поправку въ христіанское ученіе, уничтоживъ дуализмъ царствія не отъ міра сего и юдоли земного горя. Заповѣдь: братія, любите другъ друга, должна была, по его мнѣнію, тутъ, на этой землѣ еще привести къ всеобщему счастью. Онъ не видѣлъ необходимости искать его только въ страданіи и отказываться отъ благъ, данныхъ человѣчеству природой. Церковь, на которой первоначально лежала задача осуществить этотъ идеалъ, давно уже была не на высотѣ времени. Управлять человѣчествомъ можетъ только такая сила, въ рукахъ которой находится увеличеніе матеріальныхъ богатствъ, которая съумѣетъ дѣйствовать на разумъ и на чувства людей. Поэтому власть въ будущемъ государствѣ, которое должно опять слиться съ церковью, должна принадлежать представителямъ трехъ классовъ: промышленниковъ, подъ которыми подразумѣвались простые рабочіе, также какъ техники, инженеры и т. д., ученыхъ и художниковъ. Представители эти должны соединять въ своихъ рукахъ и духовныя, и законодательныя, и административныя функціи. Намѣченное Сенъ-Симономъ общественное устройство такъ безконечно далеко было отъ всякихъ существовавшихъ или мыслимыхъ государственныхъ формъ, что ближайшіе политическіе вопросы не могли его интересовать. Его послѣдователи, образовавшіе послѣ его смерти (въ 1825 г) сначала школу, а потомъ церковь, съ безконечнымъ пренебреженіемъ относились ко всѣмъ одинаково политическимъ программамъ своего времени, но при этомъ, основывая свои надежды на доброй волѣ людей, постигшихъ святость ихъ доктрины, никогда не отчаивались, что лица, стоящія у власти, захотятъ провести въ жизнь ихъ идеи. Такъ, тотчасъ послѣ торжества іюльской революціи, Базаръ и Анфантенъ, олицетворявшіе вдвоемъ папскую власть въ маленькой «Церкви», обратились съ манифестомъ «къ французамъ», увѣщевая воздвигнуть на развалинахъ прошлаго новый государственный строй, основанный на принципѣ Сенъ-Симона: каждому сообразно его способностямъ и дѣламъ, а затѣмъ имѣли наивность письменно предложить Людовику-Филиппу уступить имъ свое мѣсто. Впослѣдствіи Анфантенъ, оставшійся единственнымъ главой, «отцомъ» уже распавшагося сенъ-симонизма, возлагалъ такія же упованія сначала на революціонное правительство 1848 г., а потомъ видѣлъ въ Наполеонѣ III ниспосланнаго Провидѣніемъ исполнителя предначертаній Сенъ-Симона. Какъ цѣльная доктрина, сенъ-симонизмъ имѣлъ только весьма кратковременный успѣхъ въ самомъ началѣ іюльской монархіи, но вліяніе его на умственную жизнь французскаго общества было значительно. Доста-

точно сказать, что Огюстъ Контъ былъ непосредственнымъ ученикомъ, хотя и не послѣдователемъ Сенъ-Симона; Огюстенъ Тьерри былъ его личнымъ секретаремъ; Сентъ-Бёвъ одно время, еще до 1830 г., былъ близокъ къ его ближайшимъ послѣдователямъ и дѣятельнымъ сотрудникомъ ихъ журнала; Пьеръ Леру, авторъ своеобразнаго мистическаго соціализма, былъ когда-то виднымъ членомъ сенъ-симонистской «церкви» самъ Анфантенъ былъ талантливымъ экономистомъ, который ранѣе Маркса указалъ слабыя стороны классической школы политической экономіи; у Ренана указываютъ мѣста, которыя кажутся написанными Анфантеномъ. Наконецъ, изящная литература 30-хъ и 40-хъ годовъ въ лицѣ Ж. Зандъ, Эжена Сю, Дюма-сына, даже В. Гюго (въ его «Miserables») обнаруживаетъ ясное, хотя и не всегда непосредственное вліяніе идей сенъ-симонизма.

Значеніе сенъ-симонизма въ началѣ 30-хъ годовъ опредѣляется тѣмъ, что онъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ отвѣчалъ назрѣвшимъ запросамъ общества. Прежде всего онъ шелъ на встрѣчу возрождавшейся потребности обновить религіозное чувство,—потребности, представляющей одну изъ самыхъ характерныхъ чертъ того изобилующаго контрастами времени. Оффиціальная религія, католическая церковь во время реставраціи была союзникомъ легитимизма и королевской власти, поэтому она раздѣляла съ нею и ненависть всѣхъ прогрессивныхъ элементовъ буржуазнаго общества. Либеральная и республиканская пресса не находитъ достаточно злой сатиры, достаточно презрительныхъ эпитетовъ для интриганства, лицемѣрія и мракобѣсія духовенства, и іюльское правительство въ этомъ вопросѣ представляетъ своимъ противникамъ свободу. Но эта вражда къ католической церкви, какъ къ политическому фактору, прекрасно уживается съ реакціей противъ самоувѣреннаго раціонализма XVIII вѣка. Самое яркое выраженіе этого чувства заключается, конечно, въ извѣстной филиппикѣ А. де-Мюссе противъ Вольтера въ «Rolla»:

Et que nous reste-t-il, à nous, les déicides?
Pour qui travailliez-vous, démolisseurs stupides,
Lorsque vous dissecuiez le Christ sur son autel?
. . . .
. . . .
Vous vouliez pétrir l'homme à votre fantaisie;
Vous vouliez faire un monde.—Eh bien, vous l'avez fait;
Votre monde est superbe, et votre homme est parfait!
Les monts sont nivellés, la plaine est éclaircie;
Vous avez sagement taillé l'arbre de vie;
Tout est bien balayé sur vos chemins de fer,
Tout est grand, tout est beau, mais on meurt dans votre air... *).

*) И что намъ остается, намъ, которые убили Бога? Для кого вы работали безсмысленные разрушители, когда вы разсѣкали на части Христа на его алтарѣ? Вы хотѣли изваять человѣка по своему вкусу; вы хотѣли создать міръ. Да, вы его создали; вашъ міръ великолѣпенъ и вашъ человѣкъ совершенъ! Горы срѣзаны,

«Религіозное чувство,—писалъ одинъ наблюдательный публицистъ того времени (Жирарденъ),—въ наше время похоже на изгнанника, который бродитъ въ обществѣ, стуча то въ ту, то въ другую дверь, Философія XVIII вѣка изгнала его изъ церквей; но она не могла его уничтожить, и вотъ оно на нашихъ глазахъ ищетъ теперь, куда бы кинуться, гдѣ бы пріютиться, чѣмъ бы насытиться». «Человѣчество ждетъ,—пишетъ Сентъ-Бевъ,—оно чувствуетъ себя больнымъ»; самою яркою чертою умственнаго состоянія Франціи онъ считаетъ «необыкновенное количество общихъ системъ и плановъ всемірныхъ реформъ, которые появляются отовсюду и обѣщаютъ каждый свое средство противъ болѣзней общества».

Даже смѣшныя стороны религіи сенъ-симонистовъ, ихъ символическій ритуалъ, іерархія, безусловное подчиненіе «отцу», театральная одежда, не мѣшали имъ пріобрѣтать самыхъ убѣжденныхъ прозелитовъ. Въ ихъ рядахъ не мало богатыхъ банкировъ, талантливыхъ адвокатовъ, публицистовъ, артистовъ. Весь Парижъ устремляется на ихъ публичныя засѣданія и вечера; многіе, конечно, смотрятъ на это, какъ на оригинальный спектакль, но нерѣдко любопытные обращаются въ новую вѣру. Не меньшее значеніе, чѣмъ эта сектантская сторона сенъ-симонистской пропаганды, имѣли ихъ теоріи освобожденія труда. Были люди, хотя и не особенно многочисленные, которые жаждали соціальной справедливости, и только у сенъ-симонистовъ находили положительную программу дѣйствій. Разница между сенъ-симонистами и республиканцами, которые считали себя также искренними демократами, заключалась въ томъ, что послѣдніе видѣли все несчастіе народа въ недостаткахъ политическаго строя, тогда какъ первые выдвигали соціальныя реформы. Въ то время, какъ имъ ставили въ упрекъ, что они запутываются въ мистическихъ утопіяхъ, они, въ свою очередь, утверждали, что настоящіе мистики и утописты тѣ люди, которые думаютъ все исцѣлить парламентарной фармакопеей, для которыхъ слова «конституція», «раздѣленіе властей», «отвѣтственность министровъ», «свобода печати» представляютъ нѣчто реальное, конечную цѣль, а не средство. Главный органъ сенъ-симонизма «Le Globe» никогда не велъ систематическую оппозицію: онъ всегда готовъ былъ поддержать правительство, когда министры предпринимаютъ прогрессивныя въ ихъ смыслѣ мѣры. Но равнымъ образомъ журналъ этотъ не считаетъ нужнымъ воздерживаться отъ рѣзкой критики правительства, особенно когда оно отказывалось пользоваться своею силою на пользу низшихъ классовъ. «Людовикъ-Филиппъ, — писали они,—неспособенъ къ мужественной иниціативѣ; онъ не отправляется въ мастерскія изучать бытъ рабочихъ. Когда фабричные рабочіе изъ Эльзаса изложили ему свое печальное положеніе, онъ отвѣтилъ: «я могу

равнина расчищена; вы мудро обтесали древо жизни; все чисто выметено на вашихъ желѣзныхъ дорагахъ. Все велико, все прекрасно, но въ вашемъ воздухѣ умираешь...

только стонать». Если бы нашествіе грозило границамъ государства и застигло бы дезорганизованную армію, онъ не посмѣлъ бы повторить этотъ отвѣтъ, а сталъ бы дѣйствовать. Также мало внушало имъ симпатіи торжество «самодержавнаго народа», о которомъ мечтали республиканцы. «Самодержавіе народа несовмѣстимо ни съ какой гармоніей, ни съ какимъ направленіемъ, ни съ какимъ обдуманнымъ распредѣленіемъ и сочетаніемъ труда, ни съ какимъ правительствомъ; оно совмѣстимо только съ анархіей». Но особенно они протестовали противъ насильственныхъ дѣйствій, какъ пріемовъ борьбы. Одинъ изъ поэтовъ сенъ-симонизма,—таковыхъ было довольно много,—слѣдующимъ образомъ выражаетъ отношеніе своей школы къ революціоннымъ теоріямъ республиканцевъ:

Ne croyez pas, amis, à ces gens qui toujours
Boursonflent leurs écrits de furibonds discours:
Rien de grand ne jaillit de leur cerveau malade;
Non, l'avenir n'est plus sur une barricade! *).

Въ чемъ же, по ихъ мнѣнію, заключалось это будущее? Въ виду новизны идеи положительной соціальной политики, нельзя было ждать отъ новаго ученія чего-нибудь цѣльнаго и законченнаго, и, дѣйствительно, программы, изложенныя въ разное время различными писателями сенъ-симонистской школы, весьма разнообразны. Но, во всякомъ случаѣ, у нихъ первыхъ можно встрѣтить идею о національзаціи промышленности, торговли и путей сообщенія. Имъ грезилась вся Европа, покрытая сѣтью желѣзныхъ дорогъ, расходящихся радіусами отъ гаваней Средиземнаго моря; государственные банки должны сдѣлать возможнымъ самое широкое развитіе производства; если увеличеніе машинной индустріи не принесло пока пользы рабочему классу, то только потому, что промышленный прогрессъ не стоялъ въ связи съ прогрессомъ морали, установить же равновѣсіе между ними не можетъ никто, кромѣ правительственной власти. Благодаря тому, что въ числѣ руководителей школы было нѣсколько богатыхъ банкировъ, можно было даже приступить къ опытамъ приложенія этихъ политико-экономическихъ теорій: устроено было нѣсколько сенъ-симонистскихъ мастерскихъ, которыя, однако, очень быстро потерпѣли финансовый крахъ. Нѣсколько французскихъ желѣзныхъ дорогъ, нѣсколько крупныхъ финансовыхъ предпріятій также обязаны своимъ возникновеніемъ инженерамъ и финансистамъ, принадлежавшимъ къ школѣ, но нечего и прибавлять, что въ распредѣленіи прибыли эти организаціи ничѣмъ не отличались отъ обычныхъ коммерческихъ операцій.

Наконецъ, третій вопросъ, въ которомъ сенъ-симонисты шли навстрѣчу потребностямъ общества, былъ вопросъ объ отношеніи половъ.

*) Друзья, не вѣрьте этимъ людямъ, писанія которыхъ всегда напичканы яростными рѣчами: ничего великаго не рождается въ ихъ больномъ мозгу; нѣтъ, будущее уже находится не на баррикадѣ.

Устное преданіе гласило, что Сенъ-Симонъ еще высказалъ принципъ: «соціальный индивидъ—это мужчина и женщина». Анфантенъ развилъ этотъ тезисъ въ обширную теорію, которая больше всего возбудила разногласій среди членовъ школы и вызвала отпаденіе наиболѣе цѣнныхъ послѣдователей съ Базаромъ во главѣ. Первое слѣдствіе основного положенія, которое всѣмъ казалось безспорнымъ, заключалось въ полномъ равенствѣ мужчинъ и женщинъ передъ закономъ гражданскимъ и нравственнымъ. Освобожденіе женщины объявлялось такою же насущною задачею, какъ освобожденіе пролетаріата. Въ будущемъ обществѣ всѣ функціи должны были исполняться парами. Такимъ образомъ, самъ собою возникалъ вопросъ о бракѣ. Старая форма брака, какъ одинъ изъ видовъ рабства, подлежала уничтоженію. Союзъ мужчины и женщины долженъ былъ быть вполнѣ свободнымъ: люди, обладающіе устойчивыми чувствами, могли бы продолжать свой союзъ произвольное время, хотя бы всю жизнь, но люди со страстною и измѣнчивою натурою имѣютъ право на полную свободу своихъ чувствъ. Уже и этотъ пунктъ о свободѣ развода и о повторяемости брачнаго союза возбуждалъ сильную оппозицію со стороны Базара, а особенно его жены, которые находили, что въ будущемъ обществѣ, гдѣ молодые люди будутъ имѣть полную возможность узнавать другъ друга и сдѣлать разумный выборъ, брачный союзъ долженъ быть еще болѣе священнымъ и неприкосновеннымъ, чѣмъ въ настоящее время. Но Анфантенъ не останавливался на этомъ. Онъ требовалъ, чтобы священническія пары, которыя будутъ стоять во главѣ будущаго общества, были свободны даже отъ временнаго единобрачія и могли вступать въ произвольное половое общеніе со своими духовными дѣтьми въ цѣляхъ моральнаго воздѣйствія на нихъ. Послѣ долгихъ и страстныхъ дебатовъ теоріи Анфантена объ «освобожденіи плоти» произвели расколъ въ семьѣ сенъ-симонистовъ, послѣ котораго она уже никогда не могла оправиться. Впрочемъ, Анфантенъ признавалъ, что окончательное слово въ этомъ вопросѣ должно было принадлежать самой женщинѣ, и онъ—«отецъ»—не могъ одинъ дать непогрѣшимый догматъ, пока рядомъ съ нимъ не будетъ женщины—«матери»,но такой верховной жрицы сенъ-симонизма такъ и не было найдено. Вообще, нужно замѣтить, что столь радикальные взгляды на отношенія между полами оставались вполнѣ отвлеченной теоріей и никогда не проводились въ жизнь, по крайней мѣрѣ, руководителями секты.

Любопытно посмотрѣть, какое положеніе въ данномъ вопросѣ заняли женщины—послѣдовательницы сенъ-симонизма. Вовсе не всѣ онѣ раздѣляли ригористическіе взгляды m-me Базаръ. Образовалась цѣлая женская группа, которая поставила себѣ задачей эмансипацію своего пола. Онѣ издавали свой журналъ («La Femme libre,» впослѣдствіи «La Tribune des femmes»), гдѣ высказывались взгляды, подчасъ еще болѣе крайніе, чѣмъ взгляды Анфантена. «Слава тѣмъ женщинамъ,—провоз-

глашалось тамъ,—которыя всегда сохраняли достоинство и серьезность! Но также слава и тѣмъ женщинамъ, которыя, слѣдуя присущему имъ инстинкту свободы, уровняли путь для нашей эмансипаціи! До какой бы безпорядочности не довела ихъ слабость, если даже онѣ погрузились въ грязь, ихъ имя будетъ со временемъ благословенно». Со свойственнымъ сенъ-симонистамъ пристрастіемъ къ костюмировкѣ, журналъ женской эмансипаціи предлагалъ даже установить опредѣленные цвѣта лентъ, одинъ для тѣхъ женщинъ, которыя желаютъ остаться вѣрными обычной морали, другой для тѣхъ, которыя отъ нея освободились.

Мы отмѣтили главные элементы, изъ которыхъ состояла общественная среда въ Парижѣ, въ моментъ, когда въ нее вступала Жоржъ Зандъ, и въ ближайшіе годы послѣ этого. Въ пылу жажды все видѣть, все знать и все испытать, подъ вліяніемъ радостнаго чувства свободы, она первое время относилась къ всему чисто по-диллетантски, вродѣ того, какъ путешествующія по всему свѣту англичанки находятъ и театральныя представленія, и изверженіе Везувія, и картинныя галлереи, и народныя волненія—одинаково «очень интересными». Мы уже цитировали ея довольно легкомысленное мнѣніе о сенъ-симонистахъ черезъ мѣсяцъ по пріѣздѣ въ Парижъ. Еще черезъ мѣсяцъ она писала по поводу уличныхъ безпорядковъ, которые не прекращали волновать Парижъ со времени іюльской революціи: «Это, въ самомъ дѣлѣ, очень смѣшно: революція стала постояннымъ учрежденіемъ, какъ палата; и среди штыковъ, бунтовъ и разрушеній живешь также весело, какъ будто кругомъ царитъ полный миръ». Менторъ Ж. Зандъ Делатушъ и его газета «Figaro» принадлежали къ республиканской оппозиціи. Всѣ молодые товарищи и земляки ея, Феликсъ Піа, Ж. Сандо и др., считали одинаково дѣломъ чести апплодировать въ театрѣ драмамъ В. Гюго и издѣваться надъ политикой «лавочниковъ». Романтическія, какъ и республиканскія идеи или, лучше сказать, настроенія носились въ воздухѣ, а потому убѣжденія юнаго кружка беррійцевъ нельзя считать особенно продуманными. Правда, уже въ «Индіанѣ» въ лицѣ Раймона де-Рамьера Ж. Зандъ очень вѣрно изображаетъ ту «аристократическую буржуазію», которая при реставраціи исповѣдовала строгій легитимизмъ, а послѣ іюльскаго переворота быстро сумѣла видоизмѣнить profession de foi такъ, чтобы не потерять своего господствующаго положенія, но это показываетъ только наблюдательность автора, а не характеризуетъ еще его политическихъ взглядовъ.

Однако, событія, свидѣтельницей которыхъ вскорѣ пришлось быть Ж. Зандъ, не могли не подѣйствовать на ея чувства, всегда открытыя страданіямъ ближнихъ. Весною 1832 г. до Парижа добралась холера, тогда еще болѣе страшная, потому что Европа ее видѣла впервые. Среди взаимной ненависти высшихъ и низшихъ классовъ населенія этотъ стихійный бичъ еще обострилъ дурныя чувства съ той и другой стороны. Бѣдняки въ своихъ зачумленныхъ кварталахъ и до-

махъ умирали въ такомъ количествѣ, что не хватало обычныхъ средствъ перевозки умершихъ на кладбища, а богатые массами уѣзжали изъ Парижа, отнимая такимъ образомъ у бѣднѣйшихъ жителей массу источниковъ заработковъ. Правительство приняло кое-какія мѣры для борьбы съ общественной бѣдой, но недостаточныя и запоздалыя. Какъ всегда бываетъ, въ невѣжественной массѣ распространялись подозрѣнія въ отравленіи, и правительство поддержало эти нелѣпые слухи, сваливая, конечно, вину на «вѣчныхъ враговъ порядка», т. е. на своихъ политическихъ противниковъ. Но республиканцы и сенъ-симонисты также не пропустили случая воспользоваться тяжелыми обстоятельствами. Въ своихъ журналахъ, а также на улицахъ надъ трупами умершихъ передъ толпами, наэлектризованными страхомъ, они яркими чертами рисовали горькую истину, что причина распространенія эпидеміи заключалась въ нищетѣ народа. Ж. Зандъ съ волненіемъ прислушивалась къ голосамъ вожаковъ общественнаго мнѣнія. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ она своими глазами видѣла новое потрясающее зрѣлище. 5-го іюня должны были происходить похороны генерала Ламарка, съ именемъ котораго въ глазахъ народа были связаны воспоминанія о послѣднихъ дняхъ Наполеоновской эпопеи; это былъ одинъ изъ немногихъ, которые и въ эпоху реставраціи умѣли сохранить достоинство и не поддались соблазнамъ новаго режима. Парижъ былъ такъ полонъ недовольными всѣхъ оттѣнковъ, настроеніе толпы все еще было такое революціонное, что не надо было никакой спеціальной безтактности со стороны властей, никакого новаго бѣдственнаго случая, чтобы привести въ движеніе всѣ безпокойные элементы. Всѣ оппозиціонныя партіи, всѣ тайныя общества сочли похороны Ламарка достаточнымъ поводомъ, чтобы «дѣйствовать». Легитимисты, бонапартисты и республиканцы пустили въ ходъ уже столько разъ испытанныя средства, чтобы поднять темную массу. И ихъ усилія имѣли болѣе блестящій результатъ, чѣмъ они сами могли ожидать. Былъ моментъ, когда правительство уже отчаялось подавить возстаніе, хотя въ столицѣ было 24.000 солдатъ подъ ружьемъ. Но ни одна изъ революціонныхъ партій не имѣла ни достаточной организаціи, ни достаточнаго авторитета, чтобы стать во главѣ инсуррекціоннаго движенія. На слѣдующій день правительственныя войска уже были господами города, и только въ одномъ пунктѣ нѣсколько десятковъ рабочихъ съ храбростью отчаянія держались вплоть до вечера, отражая непрерывныя атаки регулярныхъ войскъ. Ж. Зандъ жила недалеко отъ этого злополучнаго мѣста и съ высоты своего пятаго этажа съ тревожнымъ напряженіемъ считала атаки, залпы и пушечные выстрѣлы и наблюдала, какъ на фургонахъ отвозили мертвыхъ послѣ каждаго приступа. Впослѣдствіи Ж. Зандъ воспользовалась своими воспоминаніями объ этомъ времени въ «Орасѣ».

Такія впечатлѣнія поневолѣ наталкивали мысль Ж. Зандъ на сложные

общественные вопросы, и такъ какъ ея собственной скудной философіи было далеко недостаточно для разрѣшенія ихъ, то приходилось прислушиваться къ мнѣніямъ другихъ. Та литературная среда, въ которую попала молодая писательница, сама по себѣ не могла удовлетворить ея запросы, но тутъ легко было столкнуться съ людьми всѣхъ направленій, и Ж. Зандъ, повидимому, не упускала случаевъ знакомства съ различными общественными системами. Крупныя соціальныя проблемы впервые затронуты Ж. Зандъ въ «Леліи», гдѣ идеальный карбонарій Тренморъ занятъ водвореніемъ счастія на земномъ шарѣ. Не смотря на совершенную безплотность этого персонажа, въ немъ, кажется, можно видѣть идеализованный портретъ дѣйствительной исторической личности *). Въ Парижѣ въ то время жилъ въ качествѣ учителя музыки и политическаго эмигранта патріархъ италіанскаго карбонаризма Буонаротти (изъ рода великаго автора «Моисея» и «Сикстинскаго плафона»). Вотъ какъ его характеризуетъ Луи Бланъ: «Серьезность его манеръ, авторитетность его рѣчи, всегда проникновенной, хотя строгой, его лицо, носящее благородные слѣды привычныхъ размышленій и долгаго жизненнаго опыта, его обширный лобъ, его взглядъ, полный мысли, гордая линія его губъ, привыкшихъ къ осторожности,—все дѣлало его похожимъ на мудрецовъ древней Греціи. У него была такая же, какъ у нихъ, добродѣтель, проникновеніе и доброта. Даже его замкнутость была безконечно кроткою... Смерть проходила мимо него, не вызывая въ немъ волненія... Но въ немъ была нѣкоторая доля той царственной меланхоліи, которую внушаетъ истинному философу зрѣлище человѣческихъ дѣлъ. Что касается его убѣжденій, то они были небеснаго происхожденія, такъ какъ они стремились возвратить людямъ культъ евангельскаго братства... Буонаротти любилъ народъ, онъ не переставалъ конспирировать ради его блага, но съ подозрительностью опытнаго наблюдателя и спокойствіемъ философа... Его вліяніе было далеко не слабое. Бѣднякъ, принужденный давать уроки музыки, чтобы жить, онъ изъ глубины своей безвѣстности управлялъ благородными умами, двигалъ не мало скрытыхъ пружинъ, поддерживалъ съ заграничной демократіей постоянныя отношенія... и держалъ въ рукахъ бразды пропаганды, приходилось ли ускорять движеніе, или замедлять его...» За исключеніемъ бѣдности, всѣ остальныя приведенныя здѣсь черты и качества можно найти и въ Тренморѣ, только, конечно, въ усиленной степени. Наружность его даже напоминаетъ Буонаротти: Тренморъ былъ «спокойный, блѣдный, но прекрасный, какъ Божіе созданіе, какъ лучъ, которымъ запечатлѣваетъ божество чело очистившагося человѣка», у него былъ высокій лобъ и чудный взглядъ; въ его манерахъ и го-

*) Мы нигдѣ не встрѣчали сближенія, на которое здѣсь указываемъ, и не знаемъ, существуютъ ли какія-нибудь фактическія данныя, опровергающія наше предположеніе.

лосѣ было что-то такое благородное и сильное, что смущало собесѣдниковъ. Онъ также велъ «жизнь, полную героизма, преданности и милосердія», «его жизнь течетъ исключительно для другихъ и полна героической самоотверженности». Онъ тоже заговорщикъ на благо людей и глава тайнаго общества, поэтому также замкнутъ и остороженъ. Онъ также меланхолично, но не пессимистически смотритъ на людей и вѣритъ въ торжество евангельскаго братства и также гонимъ, какъ политическій преступникъ.

Но не карбонаризмъ могъ покорить Ж. Зандъ; заговорщицкая дѣятельность противорѣчила ея натурѣ. Съ какимъ бы уваженіемъ ни относилась она къ отдѣльнымъ личностямъ старой революціонной системы, трудно было видѣть будущее Франціи въ таинственныхъ конспираціяхъ, когда была полная возможность явной, если и не вполнѣ легальной дѣятельности. Ближе всего ей въ то время долженъ былъ быть сенъ-симонизмъ. Во-первыхъ, она всегда сохраняла религіозность, такъ что эта сторона ихъ ученія не могла смущать ее. Затѣмъ она раздѣляла съ ними отвращеніе къ политикѣ, т.-е. къ той партійной и личной борьбѣ, которая тогда называлась этимъ именемъ, и принимала къ сердцу только страданія обездоленныхъ. Долго она считала исполненнымъ свой нравственный долгъ передъ ними, отдавая значительную долю своихъ средствъ на благотворительныя цѣли, но какъ разъ около этого времени подъ живыми впечатлѣніями бѣдствій нищеты она стала понимать ничтожество филантропіи и искать болѣе широкихъ системъ борьбы съ явленіями массовыхъ несчастій, тревожившихъ ея воображеніе. Но, конечно, живѣе всего должны были интересовать Ж. Зандъ дебаты сенъ-симонистовъ о положеніи женщины, о семьѣ и бракѣ. Это былъ пока единственный вопросъ, о которомъ она имѣла ясное понятіе, пріобрѣтенное горькимъ опытомъ и продолжительными размышленіями. Горячо сочувствуя соціальному освобожденію своего пола, Ж. Зандъ, однако, никогда не признавала правильности взглядовъ Анфантена объ «эмансипаціи плоти» и въ теоріи, по крайней мѣрѣ, была скорѣе на сторонѣ супруговъ Базаръ. Съ другой стороны, сенъ-симонисты возлагали на нее большія надежды, основываясь на содержаніи ея первыхъ романовъ, а также, вѣроятно, на свѣдѣніяхъ о ея частной жизни. Когда-то Сенъ-Симонъ предлагалъ m-me Сталь, какъ самой необыкновенной изъ женщинъ, вступить въ союзъ съ нимъ, какъ самымъ необыкновеннымъ изъ мужчинъ, съ цѣлью произвести на свѣтъ еще болѣе необыкновеннаго ребенка. Теперь Анфантенъ, въ поискахъ за «матерью», которая должна была вмѣстѣ съ нимъ быть «живымъ закономъ» для человѣчества, обратилъ свое вниманіе на Ж. Зандъ, какъ на самую замѣчательную представительницу своего пола, и предлагалъ ей занять рядомъ съ собою пустовавшее кресло главы церкви. Само собою разумѣется, что Ж. Зандъ, какъ нѣкогда m-me Сталь, отклонила эту необыкновенную честь. Тѣмъ не менѣе, уваженіе къ ней

сенъ-симонистской семьи оставалось неизмѣннымъ, и не только отдѣльные члены ея, какъ, напр., Геру и диссидентъ Пьеръ Леру, поддерживали съ писательницей дружескія отношенія, но и вся «семья» in corpore, даже когда послѣ всевозможныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ потрясеній она состояла почти исключительно изъ мало интеллигентныхъ элементовъ, продолжала выказывать ей знаки любви и вниманія.

Однако, до поры до времени ея вниманіе было черезчуръ поглощено собственными сердечными радостями и огорченіями, и общественное ея развитіе не могло подвигаться успѣшно. Особенно любовь къ Мюссе надолго отрываетъ ее отъ всякихъ умственныхъ интересовъ. Это происходило столько же отъ бурнаго теченія, которое принялъ ихъ романъ, сколько отъ аристократическаго презрѣнія Мюссе ко всему, что волновало современное ему общество.

Je ne me suis pas fait écrivain politique,
N'étant pas amoureux de la place publique.
D'ailleurs, il n'entre pas dans mes prétentions
D'être l'homme du siècle et de ses passions *).

Любопытно, что эти высокомѣрныя слова принадлежатъ тому же писателю, который въ другомъ мѣстѣ такъ удачно изображаетъ себя «сыномъ вѣка» (enfant du siècle) и жертвой его «страстей». Но страсти къ женщинамъ, къ вину, вообще къ дебошу, считались поэтическими, тогда какъ страсти, собирающія людей на площади, въ глазахъ такихъ романтиковъ, какъ А. де Мюссе, были прозой и признакомъ дурного тона. Поглощенная осложненіями своего перваго разрыва съ Мюссе и началомъ кратковременной любви къ итальянскому доктору Паджелло, Ж. Зандъ совершенно пропускаетъ безъ вниманія новую кровавую драму (весьма прозаическую съ точки зрѣнія Мюссе), разыгравшуюся въ апрѣлѣ 1834 г. во многихъ большихъ городахъ Франціи: грандіозное рабочее возстаніе на этотъ разъ съ весьма опредѣленнымъ политическимъ характеромъ, начатое въ Ліонѣ и кончившееся страшной бойней инсургентовъ, не вызываетъ со стороны Ж. Зандъ никакого участія; зато въ будущемъ году, подъ вліяніемъ увлеченія Мишелемъ де-Буржъ, она со всѣмъ пыломъ неофита будетъ интересоваться знаменитымъ судомъ (такъ называемый procès monstre) надъ зачинщиками этого же возстанія.

Но вотъ послѣдній порывъ этой безразсудной любви пережитъ, Ж. Зандъ обращается въ бѣгство въ свой постылый Ноганъ, и поиски за разумнымъ принципомъ жизни начинаются сначала. Первый, на котораго упалъ ея взоръ, еще затуманенный только-что пережитымъ изступленіемъ, былъ Сентъ-Бевъ. Какъ всегда, и прежде, и послѣ, она не надѣется на работу собственной мысли, а требуетъ, чтобы

*) Я не сдѣлался политическимъ писателемъ, не будучи влюбленнымъ въ улицу. Впрочемъ, я не думаю претендовать на званіе человѣка своего вѣка и его страстей.

кто-нибудь подчинилъ ее своему умственному вліянію, доказалъ ей, что хорошо и что дурно, и за нее опредѣлилъ ея миссію въ жизни. «Что вы теперь пишете? — спрашиваетъ она Сентъ-Бева въ цитированномъ уже нами письмѣ.—Напишите же такую книгу, которая бы съ полною очевидностью доказала мнѣ что-нибудь возможное и хорошее для меня, и я даю вамъ слово, что если это будетъ хотя бы завоеваніе Китая, я сдѣлаю это. Но, Боже мой, куда дѣвать нашу силу? Куда ее направить? Какое употребленіе вы нашли для своей силы? Скажите же, скажите скорѣе! Вы не изъ тѣхъ, которые могутъ отвѣтить: «у меня таковой нѣтъ; у меня нѣтъ охоты бѣгать, потому что у меня нѣтъ ногъ.» Вы вложили куда-нибудь, въ какую-нибудь священную скинію вашу молодость, ваши сомнѣнія, ваши страданія. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, въ эту христіанскую религію? Но какимъ путемъ войти въ этотъ храмъ?...» Черезъ нѣсколько дней она возобновляетъ разговоръ на ту же тему: «Хотя все мое время проходитъ въ томъ, чтобы просить у васъ помощи, а ваше—въ томъ, чтобы отвѣчать, будто вы ее не можете мнѣ дать, но ваша манера отказывать мнѣ въ такой степени даетъ мнѣ то, о чемъ я васъ прошу, что я не перестану прибѣгать къ этому способу. Ваши смиренныя возвращенія къ собственному примѣру, къ тому прекрасному и благородному существованію, которое вы сумѣли себѣ создать, даютъ мнѣ охоту болѣе чѣмъ все на свѣтѣ искать ту тропинку, которая ведетъ васъ къ покою... Не говорите мнѣ, что ваше счастіе и ваша добродѣтель внушили бы мнѣ жалость, если бы я увидѣла основу этихъ великихъ тайнъ. Скажите мнѣ какъ разъ противоположное, даже если бы вамъ надо было немножко преувеличить. Живя (до сихъ поръ) только для себя, рискуя только собою, я подвергала себя опасностямъ и жертвовала собою, какъ предметомъ свободнымъ, одинокимъ, безполезнымъ для другихъ, располагающимъ собою до того, что я могла бы убить себя изъ блажи и отъ скуки ко всему остальному. Да будутъ прокляты люди и книги, которые поддерживали меня въ этомъ своими софизмами!»

Но тщетно искала она руководства у Сентъ-Бева: онъ говорилъ полную правду, увѣряя, что не можетъ ей дать удовлетворительнаго отвѣта на ея большіе запросы. Сентъ-Бевъ принадлежалъ къ тѣмъ спокойнымъ уравновѣшеннымъ натурамъ, которыя удовлетворяются взглядомъ на жизнь, какъ на интересное зрѣлище и готовы держаться въ сторонѣ, тонко оцѣнивая слабыя и сильныя стороны происходящаго передъ ними зрѣлища, лишь бы имъ можно было сохранить свое удобное мѣсто въ зрительной залѣ. Онъ цѣнилъ только эстетическую сторону существованія, но при этомъ былъ настолько уменъ, что хорошо понималъ точку зрѣнія своей корреспондентки и не кичился своимъ индифферентизмомъ. Его скромныя увѣренія, что достигнутое имъ душевное спокойствіе и сравнительное счастіе имѣютъ

весьма мизерную основу и не стоютъ зависти, были поэтому вполнѣ искренни.

Въ то время, какъ Ж. Зандъ требовала отъ Сентъ-Бева указать ей путь жизни, она уже завязала знакомство съ лицами, которыя оказались болѣе способными и расположенными взять на себя руководительство ея совѣстью. Болѣе явное и, такъ сказать, бурное вліяніе на нее имѣлъ извѣстный дѣятель республиканской партіи, адвокатъ Мишель де-Буржъ, болѣе глубокое, болѣе соотвѣтствовавшее ея природнымъ задаткамъ, хотя и менѣе очевидное имѣлъ Ламенне. Первый изъ нихъ представлялъ типичнѣйшую фигуру революціонера того времени. Непосредственный замѣститель Мюссе въ симпатіяхъ Ж. Зандъ, онъ былъ настоящимъ антиподомъ этого аристократическаго прожигателя жизни, разочарованнаго въ себѣ и во всѣмъ на свѣтѣ, настоящаго «парнасца» по аффектированному презрѣнію къ «улицѣ» и по культу своихъ личныхъ ощущеній, но обладавшаго при этомъ тонко развитымъ художественнымъ чувствомъ. Мишель былъ демократъ по убѣжденіямъ и по происхожденію. Сынъ республиканца первой революціи, онъ собственными силами пробилъ себѣ дорогу въ жизни: онъ былъ приказчикомъ, солдатомъ и учителемъ, прежде чѣмъ стать адвокатомъ. Онъ былъ совершенный профанъ въ искусствѣ и считалъ его забавой праздныхъ людей, если оно не идетъ сознательно на службу опредѣленнымъ прогрессивнымъ идеямъ. По своей фанатической прямолинейности и честолюбивой энергіи онъ принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, которыхъ очень цѣнятъ въ партіяхъ борьбы, но которые вводятъ всегда въ свою дѣятельность элементъ личнаго соперничества и властолюбія. Въ предвидѣніи торжества своихъ республиканскихъ убѣжденій, онъ мечталъ о воскрешеніи Робеспьеровскаго террора и собирался гильотинировать всѣхъ, чьи мнѣнія не совпадали съ его собственными. Какъ адвокатъ, онъ оказалъ значительныя услуги своей партіи во время безчисленныхъ политическихъ процессовъ, которые служили для всѣхъ оппозиціонныхъ группъ прекраснымъ средствомъ исповѣдованія и пропагандированія своихъ идей. Онъ обладалъ энергичнымъ краснорѣчіемъ и повелительной жестикуляціей народныхъ трибуновъ; онъ умѣлъ овладѣть слушателями мощнымъ паѳосомъ своей рѣчи, заражалъ ихъ своимъ гражданскимъ гнѣвомъ, но умѣлъ также убѣждать простыми и ясными доводами. Этотъ сильный духъ заключался въ самомъ невзрачномъ тѣлѣ. Также, въ противоположность байронически интересному Мюссе, Мишель былъ малъ ростомъ, болѣзненъ и старообразенъ. Въ тридцать семь лѣтъ, когда онъ познакомился съ Ж. Зандъ, онъ былъ уже плѣшивъ, такъ что она могла на немъ упражнять свои френологическія теоріи, и имѣлъ видъ 60-ти-лѣтняго старика. Не смотря на это, онъ овладѣлъ не только умомъ, но и сердцемъ этой удивительной женщины. Съ своей стороны и онъ приложилъ всѣ силы, чтобы завлечь въ свой лагерь такую выдающуюся писательскую силу. Сначала

Ж. Зандъ пыталась сохранить свою умственную независимость. Весной 1835 г. она пишетъ своему пріятелю, сенъ-симонисту Геру, что не любитъ фанатизмъ и находитъ это чувство мелкимъ, принижающимъ и глупымъ. «Я его часто испытываю,—прибавляетъ она,—нѣтъ еще 24 часовъ, какъ я должна была выдержать сильную борьбу сама съ собой, чтобы оборониться отъ него въ присутствіи очень виднаго политическаго дѣятеля (Мишеля). Я не состою подъ знаменемъ никакого вожака и, сохраняя уваженіе, почтеніе и удивленіе ко всѣмъ, кто благородно исповѣдуетъ какую-нибудь религію, я все-таки убѣждена, что подъ небомъ нѣтъ человѣка, который заслуживаетъ, чтобы предъ нимъ преклоняли колѣна». Она говоритъ далѣе, что она бесѣдовала вчера «съ воплощеннымъ Робеспьеромъ», что его идеи ей наиболѣе ненавистны, хотя она наиболѣе восхищается его личностью. Въ одномъ изъ «Писемъ путешественника», обращенномъ къ Мишелю (подъ именемъ Эверара, которымъ Ж. Зандъ обозначаетъ его и въ «Hist. de ma vie»), она все еще пытается извинить себя въ томъ, что не убѣждается аргументами своего собесѣдника. «Я слишкомъ правдивъ, чтобы пытаться лицемѣріемъ усмирить тѣ строгости, (со стороны Мишеля), которыя моя нерѣшительность (смѣю сказать, смѣлая и честная) навлекаетъ на меня. Я перенесу всю тяжесть этихъ строгостей какъ бы трудно это мнѣ ни было, пока я не приду къ тому внутреннему убѣжденію, котораго жду. Порицаешь ты меня?.. Развѣ ты хотѣлъ бы, чтобы пріобрѣсти популярность и славу, притвориться, что исповѣдуешь мнѣнія, навязанныя тебѣ, и предъявляешь въ видѣ догмата вѣры то, что является пока еще въ видѣ зародыша въ глубинѣ твоего сознанія?» Но далѣе, въ томъ же письмѣ, выражается уже готовность жертвовать собою еще не дойдя до полнаго убѣжденія. «Нужна ли кому-нибудь моя настоящая или будущая жизнь, лишь бы ее отдали на служеніе какой-нибудь идеѣ, не страсти, на служеніе истинѣ, а не какому - нибудь человѣку, и я готовъ подчиниться законамъ. Но, увы! я предупреждаю васъ, что способенъ лишь смѣло и точно исполнять приказанія. Я могу дѣйствовать, а не разглагольствовать, ибо я ничего не знаю и ни въ чемъ не убѣжденъ. Я могу слушаться, лишь закрывъ глаза и заткнувъ уши, дабы ничего не видѣть и не слышать, что бы меня разубѣждало... Поскольку человѣкъ можетъ похитить у Божества лучъ свѣта, который свыше освѣщаетъ міръ,—вы украли его, сыны Прометея, любовники суровой истины и непоколебимой богини правосудія. Впередъ! Каковъ бы ни былъ оттѣнокъ вашего знамени, лишь бы ваши полчища были всегда на дорогѣ республиканскаго будущаго; во имя Іисуса, у котораго на землѣ есть лишь настоящій апостолъ (Ламенне), во имя Вашингтона и Франклина, которые не могли сдѣлать многаго и оставили намъ окончаніе своего подвига, во имя Сенъ-Симона, сыны котораго сразу

идутъ къ высокой и страшной задачѣ... лишь бы добро восторжествовало, лишь бы тѣ, кто вѣритъ, доказали это».

Но уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ начала знакомства съ Мишелемъ Ж. Зандъ окончательно причисляетъ себя къ членамъ партіи. Въ письмѣ къ тому же Геру, въ ноябрѣ 1835 г., она пишетъ: «Вы не можете отрицать, что у меня больше терпимости, чѣмъ у васъ. Вы съ головы до ногъ уничтожаете *нашихъ* республиканцевъ, а я не перестаю любить вашихъ сенъ-симонистовъ и ставить ихъ превыше всего... Я смѣюсь надъ насмѣшками, которыя вы направляете по адресу моего новоиспеченнаго воодушевленія». Мишель покорилъ свою строптивую послѣдовательницу не только убѣжденіями, но и своимъ поведеніемъ. Это лѣто какъ разъ происходилъ грандіозный процессъ противъ зачинщиковъ прошлогодняго возстанія, и всѣ болѣе видные члены республиканской и другихъ оппозиціонныхъ партій взяли на себя защиту обвиняемыхъ передъ судомъ верхней палаты. Здѣсь соединились всѣ лучшія имена: старики— Вуайе Даржансонъ, Буонаротти, затѣмъ такіе независимые люди, какъ О. Контъ, Ламенне, наконецъ, всѣ лучшія силы республиканцевъ,—Карно, Арманъ Каррель, Распайль, Ледрю-Ролленъ, Бланки, Гарнье-Пажесъ, Этьенъ Араго и мн. др. Между ними Мишель былъ однимъ изъ самыхъ выдающихся. Это должно было быть настоящее генеральное сраженіе между правительствомъ и всѣми партіями прогресса, — сраженіе на этотъ разъ не на баррикадахъ и не изъ-за фактической побѣды: никто и не помышлялъ о смягченіи участи подсудимыхъ, никто не вѣрилъ въ безпристрастіе судей, которые были въ то же время политическими противниками обвиняемыхъ; дѣло шло о завоеваніи общественнаго мнѣнія, о подсчетѣ и пробѣ своихъ нравственныхъ силъ. Но и здѣсь опять, какъ на іюльскихъ баррикадахъ, какъ во всѣхъ революціонныхъ попыткахъ за эти четыре года, оппозиціонныя группы обнаружили много личныхъ качествъ отдѣльныхъ членовъ, много темперамента, таланта, благородства и самоотверженности, но также ясно обнаружили и свою незрѣлость и дезорганизованность. Въ концѣ этого процесса, тянувшагося много мѣсяцевъ, республиканская партія не только не стала сильнѣе, но потерпѣла сильное пораженіе не столько вслѣдствіе внѣшнихъ ударовъ, сколько вслѣдствіе внутреннихъ раздоровъ и взаимнаго недовѣрія. Мы должны остановиться на нѣкоторыхъ подробностяхъ процесса, во-первыхъ, потому, что онѣ характеризуютъ важный моментъ исторической жизни французскаго общества, во-вторыхъ, потому, что въ нихъ принимала значительное участіе Ж. Зандъ.

Палата пэровъ отказалась допустить тѣхъ изъ добровольныхъ защитниковъ, которые не принадлежали къ адвокатской корпораціи. Этого было достаточно, чтобы разстроить ряды оппозиціи. Большинство обвиняемыхъ отказались совершенно отъ участія въ судебномъ разбирательствѣ, но ліонцы не согласились молчать и желали публично

заклеймить образъ дѣйствій властей, сначала умышленно вызвавшихъ черезъ провокаторовъ волненія, а затѣмъ съ неслыханною жестокостью подавившихъ эти безпорядки. Среди защитниковъ возникли тѣ же препирательства. Многіе считали все-таки необходимымъ, не взирая ни на что, оказать своимъ кліентамъ возможную при данныхъ обстоятельствахъ поддержку, но, по настоянію Мишеля де-Буржъ, послѣ продолжительныхъ споровъ рѣшено было протестовать абсентеизмомъ. Только ліонскіе адвокаты и одинъ изъ парижскихъ (Жюль Фавръ) не подчинились этой тактикѣ и произнесли необыкновенно сильныя рѣчи. Прочіе же ограничивались газетными статьями, которыя, конечно, не могли оказать никакого вліянія на судьбу подсудимыхъ. Нѣкоторые изъ послѣднихъ, менѣе одушевленные своей оппозиціонной миссіей, истомленные предварительнымъ заключеніемъ, продолжавшимся болѣе года, готовы уже были деморализоваться и искать смягченія своей участи независимо отъ интересовъ общаго дѣла. Надо было подбодрить ихъ и поддержать ихъ храбрость. Мишель поручилъ Ж. Зандъ составить въ этомъ смыслѣ письмо. Другимъ защитникамъ тоже мелькала эта мысль, но Мишель не далъ никому одуматься. Онъ нашелъ редакцію Ж. Зандъ «слишкомъ сентиментальной». «Дѣло не въ томъ, чтобы поученіями на тексты священнаго писанія поддержать колеблющуюся вѣру,—говорилъ онъ, — мужчины не придаютъ такого значенія идеаламъ. Ихъ можно воодушевить лишь негодованіемъ и гнѣвомъ. Я хочу рѣзко напасть на палату пэровъ, чтобы возвысить духъ обвиняемыхъ; кромѣ того, я хочу привлечь къ этому дѣлу всю республиканскую адвокатуру». Ж. Зандъ выразила мнѣніе, что республиканская адвокатура подписала бы ея редакцію и отступитъ передъ редакціей Мишеля. «Всѣ принуждены будутъ подписать,—отвѣтилъ онъ,—а если нѣтъ, то обойдется и безъ нихъ». Такъ и случилось: письмо Мишеля не встрѣтило одобренія, тѣмъ не менѣе оно было опубликовано за всѣми подписями. Многіе были возмущены такими диктаторскими пріемами, но раздоры оставались внутри партіи, пока верхняя палата не привлекла къ своему суду авторовъ письма за содержавшіяся въ немъ оскорбительныя выраженія, вродѣ слѣдующаго: «низость судей составляетъ славу обвиняемаго», и т. п. «сильныя» словечки въ стилѣ монтаньяровъ первой революціи. Тогда никто не захотѣлъ принимать на себя отвѣтственность за свою фиктивную подпись, и Мишель призналъ себя одного авторомъ письма, да еще Трела взялъ на себя вину въ опубликованіи инкриминируемаго документа. Трела произнесъ достойную и блестящую рѣчь, въ которой объявлялъ, что не желаетъ защищаться и видитъ въ своихъ судьяхъ не судей, а враговъ. А Мишель, сбитый съ позиціи критикой своихъ единомышленниковъ и даже Ж. Зандъ, неожиданно для всѣхъ выразилъ готовность поступиться формой своихъ мыслей и настаивалъ только на своей правотѣ по существу. Судъ оцѣнилъ повинную такого заклятаго врага и осудилъ Мишеля къ мѣсячному, а Трела къ трех-

лѣтнему заключенію въ тюрьмѣ. Мишель слишкомъ поздно увидѣлъ ошибочность и непослѣдовательность своей тактики, когда его стали обвинять чуть не въ измѣнѣ партіи, и съ завистью смотрѣлъ на Трела, который такъ блестяще подтвердилъ свою репутацію рыцаря своихъ убѣжденій. Такимъ образомъ, Мишель былъ главнымъ виновникомъ въ томъ, что республиканская партія надолго потеряла активную силу, но Ж. Зандъ уже такъ была увлечена личностью своего учителя, что даже его ошибки, которыхъ она не отрицала, не разрушали ея благоговѣйнаго поклоненія. Во время его мѣсячнаго заключенія, она съ самоотверженною преданностью заботилась о своемъ другѣ.

Также быстро, какъ совершилось обращеніе Ж. Зандъ къ республиканству, прогрессировали и ея личныя отношенія къ Мишелю де-Буржъ. Въ апрѣлѣ еще въ письмахъ къ Сентъ-Беву она выражаетъ увѣренность, что для нея все въ жизни кончено, что ей остается только жить ради другихъ. Въ маѣ она пишетъ Геру: «Я претендую, нынѣ и навсегда, на гордую и безграничную независимость, которою вы одни (мужчины) считаете себя вправѣ пользоваться. Я это не всякому бы посовѣтовала; но поскольку это касается меня, никакая любовная связь не должна ограничивать этой независимости ни на волосъ. Я намѣрена поставить свои условія такъ твердо и ясно, что ни одинъ мужчина не будетъ такъ смѣлъ или низокъ, чтобы ихъ принять». Лѣтомъ однако Мишель де-Буржъ оказался этимъ смѣльчакомъ; впрочемъ, намъ неизвѣстно, помнила ли она въ это время о томъ, какія условія она собиралась ставить. Несомнѣнно только одно, что никогда еще со времени своего бѣгства изъ-подъ супружескаго крова, она не подпадала большему деспотизму, чѣмъ въ своихъ отношеніяхъ къ Мишелю. Въ вопросахъ отвлеченныхъ онъ былъ также исключителенъ и непререкаемъ, какъ Делатушъ, въ личной жизни онъ былъ также требователенъ и эгоистиченъ, какъ Дюдеванъ. Три года близости къ Мишелю были для Ж. Зандъ новымъ періодомъ постоянныхъ страданій. Мы не будемъ излагать ихъ исторію, такъ какъ она представляетъ еще менѣе общаго интереса, чѣмъ мучительный романъ съ Мюссе: тамъ была романтическая мелодрама, возможная только въ тѣ времена, здѣсь была самая обыкновенная мѣщанская драма, которую можно наблюдать очень часто. Долго пришпоривала Ж. Зандъ свою женскую гордость, чтобы освободиться отъ произвольно взятаго на себя ига и наконецъ, преодолѣла и это испытаніе, оставшись съ тѣмъ же отчаяніемъ, съ тѣми же мрачными мыслями, какъ и послѣ предыдущихъ разрывовъ. Но мы не можемъ разстаться съ Мишелемъ, не изложивъ его роли въ бракоразводномъ процессѣ Ж. Зандъ. Для этого намъ нужно вернуться къ Дюдевану.

Мы уже цитировали весьма миролюбивыя письма Ж. Зандъ къ мужу и его къ ней вскорѣ по пріѣздѣ ея въ Парижъ. Это не было что-нибудь исключительное. Напротивъ, если бы для біографіи Ж. Зандъ

не было другихъ матеріаловъ, кромѣ переписки съ мужемъ, то не могло бы возникнуть сомнѣнія, что они представляютъ собою образцовое супружество, которое должно жить врознь въ силу какихъ-то внѣшнихъ условій. Ж. Зандъ разсказываетъ мужу свои впечатлѣнія, сообщаетъ новости, называетъ его фамильярно mon ami или mon vieux. Послѣ пріѣзда мужа въ Парижъ она ему пишетъ между прочимъ: Я опять возвратилась къ своему мужу, который составляетъ мой скромный обыденный столъ, и къ путешествіямъ пѣшкомъ въ слякоти. Не каждый день праздникъ. Я теперь привыкла къ простой жизни, такъ что твое пребываніе здѣсь было для меня временемъ настоящаго объяденія и кутежа. Спасибо тебѣ за это, а также за мое прекрасное платье, которое мнѣ сегодня принесутъ». Во время холеры она очень безпокоится объ его здоровьи. Объ обстотельствахъ, которыя могли бы произвести непріятное впечатлѣніе, вовсе не упоминается. Если же о чемъ либо нельзя умолчать, то событіямъ даются самыя безобидныя объясненія. Такъ передъ отъѣздомъ въ Италію Ж. Зандъ пишетъ: «Мой другъ, я увижу тебя черезъ нѣсколько дней. Я ѣду въ Италію и проведу тамъ зиму, чтобы попробовать излѣчить ревматизмъ, который меня изводитъ въ этомъ году. Я бы боялась вести Соланжъ такъ далеко и сдамъ ее тебѣ въ Ноганѣ, гдѣ она лучше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, проведетъ нѣсколько мѣсяцевъ». Изъ Венеціи она сообщаетъ: «Я много гуляю и время отъ времени хожу въ театръ, который очень хорошъ. У насъ Паста и Донзелли. Такъ какъ мнѣ очень нравится здѣсь, такъ какъ Венеція самый красивый городъ во всемъ мірѣ, и жить здѣсь прелестно и дешево, то я рѣшилась не продолжать дальше своего путешествія и останусь здѣсь еще этотъ мѣсяцъ». Все это, конечно самая невинная ложь. Дюдеванъ прекрасно зналъ образъ жизнь жены и причину ея отъѣзда въ Венецію, и если Ж. Зандъ накидываетъ на обстоятельства легкій флеръ, то вовсе не изъ желанія обмануть, а исключительно изъ нежеланія затрагивать больныя струны; она считала нужнымъ сохранять внѣшнимъ образомъ безукоризненную вѣжливость и любезность. Съ своей стороны и Дюдеванъ, по свидѣтельству Ж. Зандъ, старался быть очень любезнымъ (affable), но только находилъ обременительнымъ излишекъ расходовъ, который вызывали пріѣзды въ Ноганъ.

Мы упоминали уже, что по договору она имѣла право жить въ Ноганѣ три мѣсяца въ каждые полгода, и довольно аккуратно пользовалась этимъ правомъ. При этихъ свиданіяхъ происходили постоянно новыя непріятныя столкновенія и грубыя выходки со стороны мужа, такъ что Ж. Зандъ рѣшилась, въ концѣ концовъ, начать процессъ о разводѣ. Дюдеванъ всѣми силами старался не допустить до этого, такъ какъ вмѣстѣ съ женою онъ долженъ былъ лишиться права распоряжаться имѣніемъ жены и доходовъ отъ него. Впрочемъ, на судѣ онъ, конечно, изображалъ оскорбленнаго супруга и обвинялъ жену во все-

возможныхъ дѣйствительныхъ и фантастическихъ проступкахъ противъ законной нравственности. Это былъ плохой доводъ противъ разлученія, и Мишель де-Буржъ, бывшій адвокатомъ со стороны Ж. Зандъ очень умѣло воспользовался неполитичной злобой Дюдевана, доказавъ, что обвиненія послѣдняго служатъ только лишнимъ доказательствомъ невозможности примиренія супруговъ. Два раза выступалъ Мишель на судѣ по этому дѣлу и каждый разъ развертывалъ свой блестящій адвокатскій талантъ, испытанный и закаленный въ болѣе серьезныхъ процессахъ. Рѣчи его не только вызывали благопріятныя для его кліентки рѣшенія суда, но, что было гораздо труднѣе, располагали къ ней общественное мнѣніе. Весь провинціальный beau monde собирался въ судебную залу въ дни разбирательства столь пикантнаго дѣла. Мнѣніе этого общества заранѣе было расположено въ пользу почтеннаго мѣстнаго дѣятеля Дюдевана и противъ его жены, грѣхи которой были полностью подсчитаны въ лѣтописяхъ мѣстныхъ сплетенъ. Ей не прощалось, что она третировала «общественное мнѣніе, какъ проститутку», которую можно проучить только «пинкомъ ноги» (qu'il faut mener à coups de pied). Мишель умѣлъ растолковать и этимъ предубѣжденнымъ судьямъ, какой дрянной человѣкъ этотъ требовательный супругъ и какая неизмѣримая разница нравственной физіономіи между нимъ и его женою, которая, несмотря на нарушенія обычныхъ нормъ поведенія, всегда оставалась высоко честной по существу.

Такимъ образомъ, съ 1836 г. Ж. Зандъ становится вполнѣ независимой, она вступаетъ опять полной хозяйкой во владѣніе своимъ имѣніемъ и лишь по своей доброй волѣ выплачиваетъ Дюдевану пенсію, гораздо болѣе крупную, чѣмъ онъ давалъ ей. Дочь отдана по суду ей, а сынъ отцу, но вскорѣ Дюдеванъ самъ отдалъ ей и сына, и съ тѣхъ поръ она уже не разставалась со своими дѣтьми. Отнынѣ Ж. Зандъ не принадлежитъ болѣе къ парижской богемѣ, не подвергается болѣе невзгодамъ пролетаріатскаго существованія и получаетъ опять возможность въ извѣстныхъ предѣлахъ слѣдовать влеченіямъ своего добраго сердца. До сихъ поръ она сходилась со своими пріятелями въ дешевыхъ студенческихъ ресторанчикахъ или принимала ихъ въ своей неизмѣнной мансардѣ. Теперь вокругъ нея мало-по-малу образуется кружокъ интеллигентныхъ и талантливыхъ людей всѣхъ родовъ оружія, политическихъ дѣятелей, писателей, художниковъ, музыкантовъ, которымъ она оказываетъ широкое гостепріимство или въ своемъ Ноганѣ, или въ своемъ парижскомъ «салонѣ».

Евг. Дегенъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ВЪ МАНДЖУРІИ.

(военное устройство и населеніе).

Съ проведеніемъ Манджурской желѣзной дороги Манджурія входитъ въ ближайшую связь съ Сибирью. Волненія, охватившія теперь эту область, усиливаютъ еще тотъ естественный интересъ, какой эта огромная область имѣетъ теперь, вообще, для Россіи. Поэтому, мы думаемъ, не безполезны для знакомства съ положеніемъ дѣлъ въ Манджуріи тѣ наблюденія, какія удалось лично собрать автору предлагаемыхъ замѣтокъ, во время его службы на изысканіяхъ Восточно-Китайской дороги въ партіи Н. А. Тиханова въ 1897 и 1898 гг., въ Нингутинской области Гиринской провинціи.

I.

Коренные жители Манджуріи въ настоящее время уже до значительной степени утратили воинственныя черты своихъ предковъ, нѣкогда покорившихъ Срединное царство. Несмотря на цѣлый рядъ богдыхановъ чистой манджурской крови, преемственно занимающихъ престолъ громадной имперіи, несмотря на политическія привиллегіи которыми манджуры продолжаютъ пользоваться и нынѣ, громадная трудовая и мирная масса побѣжденныхъ китайцевъ съ неуклонньмъ постоянствомъ ассимилируетъ ихъ, претворяя на китайскій ладъ. Въ силу политическихъ разсчетовъ и отчасти по стародавней традиціи, усердно поддерживаемой изъ Пекина, Манджурія для центральныхъ властей Китая все еще остается постояннымъ военнымъ лагеремъ, а ея природное населеніе безсмѣннымъ гарнизономъ этого лагеря, такъ сказать, ядромъ, вокругъ котораго формируются всѣ кадры китайскихъ военныхъ силъ. Манджурія до нынѣ сохраняетъ свою военную организацію, старательно поддерживаемую также изъ Пекина, быть можетъ, и не безъ разсчета на черный день въ виду множества тайныхъ антидинастическихъ обществъ внутренняго Китая.

По существу Манджурія является почти полной аналогіей нашихъ казачьихъ земель. Какъ тамъ, такъ и тутъ все мужское населеніе края несетъ воинскую повинность по преимуществу. Нѣкоторая, сравнительно

небольшая, часть манджуровъ занята и другимъ болѣе мирнымъ трудомъ, напр., въ качествѣ гонцовъ для пересылки всякаго рода распоряженій мѣстныхъ властей и указовъ, исходящихъ изъ Пекина, въ качествѣ полицейской стражи въ городахъ и при ямыняхъ, т. е. въ разнаго рода присутственныхъ мѣстахъ. Но военное дѣло составляетъ главное занятіе манджура: въ глазахъ пекинскихъ мандариновъ имъ исчерпывается назначеніе туземныхъ жителей и роль ихъ въ государствѣ.

Въ виду этого, административное дѣленіе населенія приспособлено къ потребностямъ военной организаціи, и основной единицей является знамя (чи, дивизія), которое распадается на четыре меньшія группы (фань-ю) по 1116 человѣкъ, аналогичныя нашему полку, а фань-ю, въ свою очередь, содержитъ въ себѣ по восьми линцуй, или ротъ изъ 24 взводовъ, или тя-пывъ, наименьшихъ единицъ, всего по 5—6 солдатъ въ каждой. Мужское населеніе Манджуріи является всегда готовой сформированной арміей, гдѣ каждому рядовому заранѣе отведено точно опредѣленное мѣсто. Но армія эта неизбѣжно растетъ вмѣстѣ съ увеличеніемъ населенія, и число знаменъ въ странѣ, конечно, увеличивается, притомъ довольно быстро. Такъ, напримѣръ, въ Нингутинскомъ округѣ, гдѣ лѣтъ двадцать тому назадъ было 8 знаменъ, теперь ихъ насчитывается 12. Дѣйствительную службу подъ знаменами несутъ не всѣ взрослые манджуры; отъ нея освобождаются въ каждой семьѣ по одному, обыкновенно старшему сыну, обязанному содержать родителей, вести ихъ хозяйство и участвовать въ культѣ предковъ. Семьи, гдѣ есть только одинъ сынъ, по той же причинѣ совсѣмъ не посылаютъ никого на службу.

Манджурскія войска комплектуются путемъ набора, но не ежегодно, а черезъ неравные и часто значительные промежутки времени, лѣтъ въ 5—6, въ зависимости отъ усердія, а отчасти состоянія финансовъ у мѣстныхъ властей. Эта неправильность наборовъ создаетъ неопредѣленность и въ срокѣ службы, относительно котораго не существуетъ никакихъ точныхъ установленій. Усмотрѣніе начальства въ этомъ случаѣ является единственнымъ рѣшающимъ обстоятельствомъ. Въ Европѣ хорошій солдатъ пользуется нѣкоторыми преимуществами и при возможности сокращенія службы уходитъ домой раньше, въ Манджуріи дѣло обстоитъ какъ разъ наоборотъ: тамъ скорѣе освобождаютъ плохого солдата и удерживаютъ какъ можно дольше хорошаго. Это цѣлесообразно въ интересахъ войска, но едва ли можетъ быть оправдано въ смыслѣ справедливости; впрочемъ, къ этой послѣдней сторонѣ дѣла манджурскіе начальники весьма равнодушны. Десять лѣтъ и для плохого солдата является наименьшимъ срокомъ службы, окончательный же отпускъ, чистую отставку манджуръ получаетъ обыкновенно лѣтъ шестидесяти, когда въ силу старческой немощи она естественнымъ образомъ сама по себѣ наступаетъ. Въ разсчетѣ на особую милость

начальства многіе просятъ себѣ отпуска и до наступленія столь преклоннаго возраста, но никто объ такой просьбѣ и не заикается до истеченія полныхъ пятидесяти лѣтъ, такъ какъ ни законъ, ни обычай этого не допускаютъ.

Ни организація строевыхъ занятій манджурской арміи, ни военная техническая подготовка, ни самый складъ военнаго быта здѣсь не могутъ быть поставлены въ параллель съ европейскими. Однимъ изъ важныхъ пунктовъ обученія солдата является стрѣльба въ цѣль изъ лука на скаку и за неумѣлость въ этомъ скиѳскомъ упражненіи злополучнаго стрѣлка, какъ провинившагося мальчугана, ставятъ на колѣни, а ловкому наѣзднику за каждые пять удачныхъ выстрѣловъ выдаютъ денежныя награды. Манджурскимъ войскамъ извѣстно и огнестрѣльное оружіе. Его не можетъ не быть и въ послѣднее время манджурскія войска располагаютъ отчасти весьма недурными ружьями, но въ рукахъ манджурскаго солдата самые разрушительные фабрикаты европейскихъ оружейниковъ въ весьма значительной степени теряютъ грозное назначеніе. Хотя, надо замѣтить, съ 1885 г. въ Манджуріи была начата реформа войска: во всѣхъ провинціяхъ заведены отряды, вооруженные оружіемъ новаго образца (лянь-бинь), обучаемые на европейскій ладъ. Въ Пекинѣ основаны пороховой и оружейный заводы.

Надо быть военнымъ спеціалистомъ, чтобы оцѣнить природныя боевыя качества манджуровъ, мы же не считаемъ себя въ правѣ касаться этой стороны дѣла, но при существующихъ въ краѣ условіяхъ манджурскія войска не могутъ представить внушительной силы. Для военнаго, какъ и для всякаго дѣла, нужно постоянное упражненіе, между тѣмъ манджурская армія, цвѣтъ военныхъ силъ Поднебесной имперіи, весьма беззаботна. Всѣ ея военныя эволюціи исчерпываются двумя сборами въ году: въ январѣ и въ іюлѣ, когда бываетъ нѣчто похожее на наши маневры, устраиваемые съ цѣлью усовершенствовать воиновъ по преимуществу въ упомянутой выше стрѣльбѣ изъ лука; теперь, впрочемъ, части, вооруженныя ружьями, упражняются и въ стрѣльбѣ изъ ружей. Но даже и эти наивные маневры существуютъ болѣе для поддержанія иллюзіи, что въ Манджуріи есть войска, чѣмъ для дѣйствительнаго ихъ усовершенствованія. Въ обычное время каждое знамя (чи) высылаетъ на маневры по 50 человѣкъ, которые остаются въ строю лишь 2—3 дня, затѣмъ смѣняются новою партіей, такъ что каждому солдату приходится участвовать въ нихъ не болѣе одного раза въ полтора—два года, сообразно очереди, довольно строго соблюдаемой администраціей знамени (чи). Однако, отряжаемые знаменемъ солдаты если и являются на маневры въ полномъ комплектѣ, то лишь въ исключительныхъ случаяхъ, когда ожидается пріѣздъ какого-либо важнаго сановника. Мѣстныя власти проявляютъ тутъ безпокойную робость и тщательно провѣряютъ свои финансовые балансы, твердо памятуя по стародавнему преданію, что на золотыхъ колесахъ

всякое начальство возвращается во свояси въ примиренномъ и даже благодушномъ настроеніи. Нижніе чины не имѣютъ особыхъ причинъ заботиться о впечатлѣніи, какое можетъ унести съ собою пріѣзжій мандаринъ, и потому зачастую остаются въ «нѣтѣхъ». Въ строю, поэтому, изъ каждой полусотни человѣкъ 5—10 не досчитывается. Впрочемъ, военныя власти мало стѣсняются недочетомъ и попросту пополняютъ комплектъ путемъ найма охотниковъ изъ бѣдноты.

Дѣйствительная служба войскъ заключается въ содержаніи караула по присутственнымъ мѣстамъ, тюрьмамъ и крѣпостямъ, причемъ въ каждомъ случаѣ срокъ караула бываетъ очень различенъ смотря по мѣсту его назначенія; въ тюрьмѣ служатъ до полугода, а гарнизонъ при батареѣ въ Нингутѣ не смѣняется года полтора, чтобы солдаты успѣли освоиться съ артиллерійскимъ оружіемъ. При ямыняхъ же (присутственныхъ мѣстахъ) солдаты остаются не болѣе десяти дней; но этимъ дѣятельность знаменныхъ войскъ не ограничивается: они призваны еще охранять порядокъ и безопасность внутри страны.

Одну изъ достопримѣчательностей Манджуріи составляютъ разбойничьи шайки, хунхузы, фактическіе властелины сельскаго населенія, которымъ оно выплачиваетъ посильныя контрибуціи. Преслѣдованіе и истребленіе этихъ грабителей составляетъ одну изъ прямыхъ задачъ знаменныхъ войскъ. Но военныя власти выступаютъ въ экспедиціи противъ хунхузовъ лишь по жалобѣ какого-нибудь селенія слишкомъ уже раздраженнаго алчностью разбойниковъ. Наученные горькимъ опытомъ, поселяне рѣдко обращаются къ подобной защитѣ, которая обходится еще дороже разбойничьяго набѣга, а результатовъ, кромѣ истребленія всякой деревенской живности и фуража за нѣсколько дней военнаго постоя, обыкновенно никакихъ не даетъ. Знаменные отряды, какъ опереточные жандармы, появляются на мѣстѣ дѣйствія всегда слишкомъ поздно, когда грабителей уже и слѣдъ простылъ. Тѣмъ не менѣе, отрядъ располагается въ злополучномъ поселеніи и въ разныя стороны отправляетъ военные разъѣзды для поимки хунхузовъ. Тѣ, какъ болѣе подвижные, лучше знакомые съ мѣстностью, часто лучше вооруженные, только въ исключительно рѣдкихъ случаяхъ попадаютъ въ руки этихъ разъѣздовъ. Гораздо чаще они незамѣтно слѣдятъ за безуспѣшными поисками враговъ и, какъ только тѣ рѣшаются, наконецъ, вернуться во свояси, они вновь появляются въ деревнѣ и мстятъ своимъ жертвамъ за строптивость. Въ общемъ итогѣ, такого рода военныя экспедиціи выгодны бываютъ только начальству знаменныхъ войскъ и самимъ солдатамъ, которые при этихъ случаяхъ получаютъ возможность пожить на счетъ наивныхъ жителей деревни, не затрачивая ничего изъ своего жалованья и пользуясь обычными вольностями всякаго военнаго постоя.

Манджурскіе солдаты не пользуются отъ казны ни содержаніемъ,

ни одежды и не получаютъ казенной лошади, если служатъ въ кавалеріи. Все это они должны имѣть свое, и жалованье конному солдату выдается большее, чѣмъ пѣхотинцу, хотя оно не повсемѣстно одинаково, и нѣкоторыя части знаменныхъ войскъ, въ особенности состоящія въ качествѣ личной охраны при особенно важныхъ сановникахъ, напр., при Дзянь-дзюнѣ (генералъ-губернаторѣ), получаютъ вознагражденіе почти вдвое больше. Обыкновенный же размѣръ мѣсячнаго жалованья пѣхотинцу—отъ 3 до 6 рублей на наши деньги (2—4 лянъ), конному, обязанному имѣть собственную лошадь, отъ 6 до 12 рублей (4—7 лянъ). Начальникъ лянзы, или ротный командиръ, получаетъ въ годъ до 70 лянъ (нѣсколько больше ста рублей). Вознагражденіе довольно скромное, но недостатокъ его начальники пополняютъ обычными на Востокѣ способами—взятками. Повышенія по службѣ, что въ Китаѣ обходится не дешёво, происходитъ такимъ порядкомъ. Напр., полковникъ (неуроджаи), т.-е. начальникъ одного знамени, желающій вступить на высшій постъ начальника нѣсколькихъ (обыкновенно шести) знаменъ, причемъ онъ становится также и помощникомъ губернатора (фудутуна), долженъ для этого подвергнуться предварительному испытанію у генералъ-губернатора въ Гиринѣ (Дзянь-Дзюня). Испытаніе имѣетъ въ виду удостовѣрить искусство претендента въ стрѣльбѣ изъ винтовки и опять изъ того же живучаго неизбѣжнаго лука. Китайская стратегія большаго не требуетъ, но самъ Дзянь-Дзюнь предъявляетъ къ испытуемому претензіи несравненно болѣе серьезныя, и для успѣха своего дѣла честолюбивый искатель не долженъ быть скупъ на серебряныя стрѣлы и золотыя пули. Только при такомъ условіи онъ получаетъ разрѣшеніе ѣхать въ Пекинъ за утвержденіемъ въ должности, а тамъ, по общимъ отзывамъ, ему предстоитъ удовлетворить аппетиты несравненно болѣе требовательные. Безъ взятокъ ни одинъ начальникъ ничего не добьется, и берутъ начальники, берутъ спокойно, съ сознаніемъ собственнаго достоинства, соблюдая лишь правило — брать по чину, не болѣе того. Пройдя всѣ инстанціи, каждый вновь утверждаемый начальникъ возвращается къ мѣсту службы довольно общипаннымъ и тотчасъ же начинаетъ оперяться вновь, общипывая, въ свою очередь, всѣхъ, доступныхъ его загребистой и цѣпкой пятернѣ.

Какъ яркую характеристику общаго облика манджурскаго войска, можно привести любопытный отвѣтъ фудутуна (губернатора) одному европейцу, просившему военной охраны для цѣннаго багажа на пути изъ Нингуты въ Гиринъ. Губернаторъ, человѣкъ весьма обходительный и любезный, заявилъ, что онъ не желаетъ быть причиной непріятности для иноземнаго путешественника, а потому и не беретъ на себя отвѣтственности за цѣлость багажа, если его будутъ конвоировать солдаты.

II.

Количество населенія въ Манджуріи, сравнительно съ пространствомъ, не велико, приблизительно до 8 милліоновъ, изъ нихъ на долю чистыхъ манджуровъ приходится не болѣе 5% (Поздѣевъ), т.-е. отъ 400 до 500 тысячъ. Остальное китайцы, главнымъ образомъ, даже—монголы, корейцы, тунгузы и пр.

Собственно китайскій элементъ въ Манджуріи составляетъ пришлое населеніе. Внутренній Китай, при всей продуктивности земледѣлія, усовершенствованнаго до виртуозности, вслѣдствіе избытка населенія разсылаетъ во всѣ стороны цѣлыя арміи голодныхъ выходцевъ, которые, кромѣ платья на плечахъ, ничего не уносятъ изъ своей родины. Все ихъ богатство исчерпывается воловьимъ трудолюбіемъ и ни съ чѣмъ не сравнимой способностью потреблять до крайности мало, производить очень много. Такая сравнительно пустынная страна, какъ Манджурія, гдѣ не можетъ быть и рѣчи о малоземельи, должна привлекать безпріютныхъ изъ переполненныхъ народомъ чисто китайскихъ провинцій имперіи. Они-то собственно и составляютъ промышленную массу этой окраины.

Одни переселяются сюда съ семьями, прочно осѣдаютъ на новыхъ мѣстахъ, занявъ опредѣленные участки земли, и занимаются ея обработкой. Другіе, по преимуществу, одинокіе или оставившіе семьи дома за великою стѣной, представляютъ крайне подвижной, оборотливый и неутомимый, «бродячій Китай». Все это ремесленный или просто рабочій людъ, одушевленный одной только цѣлью, одною завѣтною мечтой—сколотить копѣйку. Они охотно становятся мастерами на всѣ руки и, не задумываясь, бросаютъ любое насиженное мѣсто, узнавъ, что гдѣ-нибудь можно зашибить, какимъ бы то ни было тяжелымъ трудомъ, нѣсколько лишнихъ грошей. Это не пролетаріатъ въ нашемъ европейскомъ смыслѣ, прикованный къ городскимъ мостовымъ и не знающій труда внѣ найма на чью-нибудь чужую работу, это скорѣе какой-то цыганствующій мелкій предприниматель, нѣчто въ родѣ торгашей и ремесленниковъ еврейскихъ мѣстечекъ Привислянскаго края. Съ тремя копѣйками основного и оборотнаго капитала онъ не затруднится затѣять какое-нибудь микроскопическое дѣло или завести какую нибудь игрушечную торговлю, и если въ результатѣ неустанной хлопотни, бѣготни и нелегкой работы въ концѣ дня онъ найдетъ какой-нибудь чохъ или два (0,1—0,2 коп.) прибыли, то сочтетъ свое предпріятіе вполнѣ удачнымъ и будетъ рьяно продолжать его, пока не нападетъ на затѣю еще болѣе въ его глазахъ доходную.

Въ Нингутѣ я зналъ одного типичнаго представителя этого бродячаго Китая. Пріятель мой, Янь-ден-линъ, человѣкъ лѣтъ 45, былъ совершенно одинокъ и на своемъ вѣку успѣлъ перебывать уже въ нѣсколькихъ городахъ, искусился во многихъ профессіяхъ и отвѣдалъ

трудового хлѣба на разныхъ поприщахъ. Побывалъ поденщикомъ, поваромъ, каменщикомъ, огородникомъ, попалъ, наконецъ, въ своихъ скитаніяхъ въ Нингуту, и тамъ мы застали его компаніономъ скромнаго предпріятія въ сообществѣ съ другимъ, такимъ же, какъ и онъ самъ, бездомнымъ скитальцемъ. Янь-денъ-линъ пекъ и продавалъ пельмени въ крошечной убогой фавзѣ (хатѣ), куда покупатели заходили перекусить дорогой. Промышленный духъ никогда не замиралъ въ этомъ человѣкѣ. Имѣя буквально нѣсколько грошей въ карманѣ, онъ сумѣлъ создать цѣлую коммерцію съ полной обстановкой и, трудясь отъ зари до зари, жилъ ради своихъ пельменей, пока они давали ему возможность съ грѣхомъ пополамъ прокармливать свою тщедушную особу и собирать скудную прибыль на затраченныя гроши. Компаніоны, фанатически преданные своему ремеслу, добровольно отказывались отъ всѣхъ радостей скромнаго существованія. Чтобы не искуситься живительной сулеей (китайской водкой), они даже не держали въ лавочкѣ этого популярнаго напитка, обычнаго у каждаго нингутинскаго пельменщика, потому что «мало купить сулеи—самъ выпьешь»,—одинъ убытокъ, какъ говорилъ Янь-денъ-линъ, а на большое количество у нихъ не хватало средствъ. При мнѣ еще оборотливый мой пріятель рѣшилъ промѣнять свое занятіе на ремесло лепешечника, для чего вошелъ въ компанію съ другимъ странствующимъ пріобрѣтателемъ грошей, которому это дѣло было уже ранѣе знакомо. Лепешки прельстили Янь-денъ-лина тѣмъ, что ихъ можно запасать въ большомъ количествѣ и распродавать по мѣрѣ требованія, тогда какъ пельмени надо изготовлять каждый день и они не всегда расходятся. Притомъ же послѣ новаго года, по установившемуся обычаю, довольно долго никто не ѣстъ ихъ, потому, будто бы, что капуста, которой ихъ начиняютъ, въ это теплое сравнительно время оттаиваетъ въ боченкахъ и вызываетъ дурной запахъ изо рта.

Компаніи для совмѣстныхъ предпріятій, вообще говоря, довольно распространены среди китайскаго населенія Манджуріи. Въ этомъ отношеніи китайская масса обнаруживаетъ необыкновенную склонность къ коллективной работѣ, устраивая артели въ родѣ нашихъ. У насъ членами артели по большей части бываютъ земляки. Китайское промышленное товарищество относится къ дѣлу проще. Въ его глазахъ компаніонъ является просто парою рабочихъ рукъ, кому бы онѣ не принадлежали, которымъ въ данный моментъ и данномъ дѣлѣ выгодно работать сообща, но которымъ ничто не мѣшаетъ раздѣлиться, чтобы образовать новыя сообщества ради другого дѣла и изъ иныхъ совершенно элементовъ.

Манджуры, сами по себѣ, въ смыслѣ промышленной энергіи инертны и весьма охотно предоставляютъ пришлымъ китайцамъ всѣ хлопоты, заботы, безпокойства и труды въ области ремесла и торговли. Даже огородное хозяйство, занимающее, между прочимъ, вокругъ Нин-

гуты и въ самомъ городѣ, обширныя площади земли, почти цѣликомъ эксплоатируется китайскими руками. Рабочимъ къ хозяину манджуру на опредѣленное жалованіе китаецъ становится неохотно. Если у него нѣтъ необходимыхъ средствъ на арендную плату или хотя часть ея, онъ нанимается работникомъ къ своему брату, къ группѣ китайцевъ компаніоновъ, снявшихъ въ аренду огородъ. Этотъ заработокъ при готовыхъ харчахъ, можетъ дать ему около 3 руб. въ мѣсяцъ, но онъ весьма непостояненъ и обезпечиваетъ не болѣе, какъ на три первыхъ лѣтнихъ мѣсяца, почему обыкновенно китайцы только въ крайности прибѣгаютъ къ этому способу пропитанія. Гораздо чаще нѣсколько человѣкъ сообща, въ складчину, снимаютъ огородъ въ аренду и тогда, съ чисто воловьей выносливостью и муравьинымъ прилежаніемъ, не покладая рукъ, трудятся на равнѣ со своими наемными рабочими; при тщательности китайской обработки, уходъ за огородомъ является очень нелегкимъ дѣломъ. Такимъ образомъ, компаніи нищихъ-арендаторовъ снабжаютъ всю Нингуту и почти всю Манджурію овощами и всякимъ огороднымъ продуктомъ. Это возможно только при необычайной дешевизнѣ земли въ Манджуріи, гдѣ даже огороды — наиболѣе цѣнныя угодья — сдаются на годъ по 1 руб. 25 коп. съ десятины на нашъ счетъ (мѣстная единица мѣры земли — танъ = $^1/_2$ дес.).

Разумѣется, не одни только огороды привлекаютъ къ себѣ алчущія работы китайскія руки. Онѣ съ готовностью и усердіемъ берутъ на себя всякій доступный имъ трудъ, даже если онъ будетъ каторжно тяжелъ и невѣренъ въ смыслѣ ожидаемаго вознагражденія. Какъ ни мало взыскателенъ китаецъ въ этомъ отношеніи, онъ все-таки не чуждъ нѣкотораго азарта наживы и въ заманчивой надеждѣ на быстрое обогащеніе часто пускается въ рискованное странствіе по безлюдной и бездорожной странѣ, гдѣ каждое ущелье, каждый кустъ грозитъ ему не шуточной опасностью. Съ котомкой на спинѣ, съ парою обѣденныхъ палочекъ, замѣняющихъ ему ложку и вилку, съ грубою мѣдной трубочкой за поясомъ для табака или опія, вооруженный топоромъ, китаецъ безбоязненно или, вѣрнѣе сказать, совершенно равнодушно уходитъ въ глубь пустынныхъ и лѣсистыхъ горъ на поиски драгоцѣннаго жень-шеня, которому здѣшняя медицына приписываетъ столько чудодѣйственныхъ свойствъ. На этотъ неблагодарный промыселъ отправляются опять-таки компаніи, чтобы сообща устроиться на постоянной стоянкѣ гдѣ-нибудь въ недоступной глуши и оттуда выходить на поиски за корнемъ. Очень часто компаніоны не возвращаются болѣе изъ дикихъ дебрей, да ихъ никто, обыкновенно, и не ждетъ и судьбой ихъ никто не интересуется. Никому нѣтъ дѣла, голодъ ли навѣки сковалъ ихъ трудолюбивыя руки, тигръ ли (ламаза) пожралъ беззащитныхъ скитальцевъ, или хунхузы вмѣстѣ съ тяжело доставшейся добычей отняли у нихъ и жизнь.

Привычная нищета вездѣ равнодушна къ будущему, но нигдѣ, ка-

жется, это равнодушіе, этотъ холодный и вялый фатализмъ не проявляется въ такомъ апатичномъ спокойствіи, какъ среди бродячей китайской бѣдноты. Знатоки здѣшняго народа говорятъ, что китаецъ въ стремленіи къ цѣли проявляетъ невозмутимость и упрямство или, пожалуй, своего рода психическую инерцію, превосходящія всякое сравненіе. По узкимъ, чисто звѣринымъ тропамъ бредутъ обыкновенно искатели жень-шеня, или высоко цѣнимыхъ въ медицинѣ древесныхъ грибовъ, золотоискатели и разный людъ. Здѣсь ихъ частенько подстерегаетъ тигръ. Идти по такимъ тропамъ можно только другъ за другомъ. Звѣрь пропускаетъ мимо всю вереницу странниковъ и бросается обыкновенно на послѣдняго, поотставшаго отъ товарищей. Уцѣлѣвшіе спасаются поспѣшнымъ бѣгствомъ и все-таки продолжаютъ брести къ облюбованнымъ мѣстамъ, прекрасно сознавая, что каждый изъ нихъ можетъ во всякую минуту раздѣлить участь растерзаннаго товарища. По глухимъ дебрямъ Манджуріи наберется не мало обглоданныхъ скелетовъ, никому не вѣдомыхъ или всѣми позабытыхъ жертвъ бродячей нищеты. Такъ много въ свое время нашумѣвшая республика бродягъ-золотоискателей на богатѣйшихъ розсыпяхъ рѣки Желтуги, близь русской границы, на половину, если не на три четверти состояла изъ подобныхъ же бездомниковъ, привлеченныхъ туда темными слухами о сказочныхъ богатствахъ.

Распространенное представленіе о нетерпимости китайцевъ, о фанатической ихъ преданности вѣковымъ обычаямъ старины, объ ихъ исключительности ко всему иноземному можетъ относиться только къ тому большинству населенія страны, которое тѣснится внутри чисто китайскихъ провинцій, и къ привелигированнымъ ученымъ людямъ, міросозерцаніе которыхъ покоится на полномъ невѣжествѣ во всемъ не китайскомъ. Они, будучи кадромъ для комплектованія чиновничьей арміи, опасаются всего враждебнаго воспитавшей и возвеличившей ихъ рутинѣ. Нищета и рабочій людъ, вообще, мало заняты вопросами національнаго самолюбія и охотно отдаютъ свои привязанности тому, кто обезпечиваетъ имъ болѣе сытный и болѣе вѣрный хлѣбъ. Китайская масса въ этомъ отношеніи является, быть можетъ, наиболѣе равнодушной. По крайней мѣрѣ, тамъ, гдѣ китаецъ встрѣчается съ представителями иной національности, какъ это было на Желтугѣ, онъ охотно съ нимъ братается и добровольно съ полнымъ сознаніемъ дѣла принимаетъ всякое разумное общее постановленіе, всякое условіе, вытекающее изъ самой сущности такихъ пестрыхъ общежитій, какъ республика желтугинцевъ, гдѣ бокъ о бокъ промывали драгоцѣнные пески и русскій бѣглецъ изъ каторжной тюрьмы, и киргизъ и тщедушный китайскій манза, и пропившійся иркутскій столоначальникъ.

Сравнительно болѣе счастливые китайскіе выходцы, сумѣвшіе создать себѣ осѣдлость или пристроившіеся къ какой-нибудь опредѣленной и постоянной профессіи, проявляютъ такое же равнодушіе къ

вопросамъ международной политики. Напримѣръ, одинъ изъ нашихъ пріятелей въ Нингутѣ, Ни-жанъ-Куй, приказчикъ въ лавкѣ шелковыхъ матерій, на шутливыя замѣчанія, что вотъ того и гляди придутъ русскіе и возмутъ всѣхъ китайцевъ подъ свою державу,—съ непритворнымъ равнодушіемъ отвѣчалъ, что это мало его трогаетъ, потому что «придетъ русскій—мы русскій человѣкъ будемъ, придетъ нѣмецъ—нѣмецкій человѣкъ будемъ». Очевидно, все дѣло, по мнѣнію Ни-женъ-Куя, лишь въ названіи, а сущность его, по убѣжденію нашего практичнаго друга, настолько прочно сложилась и такъ вѣковѣчна, неизмѣнна, что перемѣна политическаго флага не можетъ измѣнить ее.

Такого рода бродячій или пришлый случайный элементъ составляетъ въ Манджуріи большинство китайскаго населенія. Численностью своею онъ разъ въ десять превосходитъ осѣдлую массу китайскихъ земледѣльцевъ-старожиловъ и вновь прибывающихъ колонистовъ. Впрочемъ, точно учесть тѣхъ и другихъ трудно, за отсутствіемъ какой бы то ни было регистраціи населенія. Еще относительно осѣдлыхъ китайцевъ можно сдѣлать приблизительный подсчетъ по количеству посемейныхъ и поземельныхъ сборовъ, уплачиваемыхъ каждымъ домомъ. Но бродячій Китай, понимая подъ этимъ терминомъ всѣхъ, не имѣющихъ земли, даже и приблизительному учету не поддается. Ямыни (присутственныя мѣста) Манджуріи ради цѣлей фиска ведутъ тщательныя посемейные списки осѣдлымъ китайцамъ въ каждомъ округѣ, и по этимъ спискамъ въ бытность нашу въ Нингутѣ по округу этого города считалось внѣ городской черты шесть тысячъ семействъ да 500 семействъ въ самомъ городѣ.

Вся эта масса организуется сообразно собственнымъ желаніямъ и за исключеніемъ времени сбора податей почти не входитъ ни въ какія отношенія съ органами правительственной власти. Ямыни ограничиваются только назначеніемъ на это время спеціальнаго чиновника, обыкновенно изъ манджуръ, вѣдающаго всю операцію и отчетность по сбору въ округѣ. Фактическими же сборщиками являются выборные люди отъ самаго населенія, старшины, стоящіе во главѣ каждыхъ пятидесяти семействъ, (то-ша-хоу), на которыя въ административномъ отношеніи дѣлится вообще все сельское населеніе Китая. Должность такого старшины, сянь-ю, считается весьма почетной и замѣщается обыкновенно людьми изъ богатыхъ и многолюдныхъ семействъ. Но каждый китаецъ считаетъ сущимъ несчастіемъ удостоиться такой чести, потому что едва ли можно представить себѣ что-либо болѣе хлопотливое и даже рискованное, чѣмъ такое почетное избраніе. Служебный путь сянь-ю тернистъ, пожалуй, еще болѣе, чѣмъ для нашихъ сельскихъ и волостныхъ старшинъ, которые, по крайней мѣрѣ, служатъ гораздо меньшіе сроки, сянь-ю остается на своемъ посту никакъ не меньше десяти—пятнадцати лѣтъ. Въ должности онъ утверждается мѣстными властями и отъ нихъ же, въ случаѣ его смерти, зависитъ

избраніе ему преемника. Сянь-ю за свои труды не получаетъ никакого вознагражденія, но, въ случаѣ неуспѣшнаго сбора податей, слѣдующихъ съ его пятидесятства, ямынь, ни мало не стѣсняясь, подвергаетъ его тюремному заключенію до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, всѣ непріятности китайскаго ареста не вынудятъ его пополнить недоимку своихъ избирателей изъ собственныхъ средствъ. Подать посемейная (хао-фэ—расходъ), въ полтора дяо (81 копѣйка) съ каждаго дома, на манджуръ не распространяется и это вызываетъ нѣкоторую затаенную враждебность пришлыхъ китайцевъ къ оборигенамъ края. Освобожденіе манджуръ отъ этой подати китайцы объясняютъ тѣмъ, что престолъ имперіи занимаетъ манджурскій богдыханъ, а будь дѣло наоборотъ, пришлось бы эту подать вносить манджурамъ, а китайцы бы ее не платили. Размѣръ семьи, то-есть число членовъ дома, на размѣръ подати не вліяетъ: и малолюдныя, и многолюдныя семьи платятъ одинаково тѣ же полтора дяо.

Китайская система сбора податей имѣетъ для населенія то удобство въ сравненіи, напримѣръ, съ нашей, что она представляетъ для этого довольно продолжительный срокъ, отъ октября до апрѣля, въ теченіе котораго недоимщикъ еще имѣетъ достаточно возможности такъ или иначе возмѣстить неуплаченную подать, но зато по окончаніи этого срока никакіе взносы болѣе не принимаются, и запоздавшимъ на будущій годъ предстоитъ выплатить уже двухгодичный взносъ, такъ какъ назначаемые на время сбора податей чиновники (ченъ-ленъ-чуй) въ апрѣлѣ заканчиваютъ свою миссію и вся податная операція текущаго года, вмѣстѣ съ этимъ прекращается.

Податное обложеніе, въ сущности, не велико и отъ него многіе ускользаютъ благодаря тому, что при полной свободѣ захвата пустующихъ земель нѣкоторыя семьи, случается, цѣлыми годами остаются неизвѣстными властямъ и не попадаютъ въ списокъ плательщиковъ. Разумѣется, это возможно только при условіи поселенія въ глухой мѣстности, слѣдовательно вдали отъ рынковъ сбыта продуктовъ хозяйства, и потому возможностью такого безпошлиннаго пользованія землей обыкновенно не злоупотребляютъ. При отсутствіи рынка невозможна и денежная реализація продуктовъ хозяйства, а накопленіе денегъ для каждаго приходящаго сюда китайца является альфой и омегой его дѣятельности. Каждый изъ нихъ, нерѣдко даже всѣмъ домомъ переселившійся колонистъ, мечтаетъ съ благопріобрѣтенными сбереженіями вернуться на родину къ свято чтимымъ могиламъ своихъ предковъ и тамъ зажить на средства, добытыя на чужой сторонѣ. Если не суждено ему вернуться къ роднымъ мѣстамъ живымъ, онъ не отказывается отъ надежды переселиться туда мертвымъ и завѣщаетъ похоронить себя непремѣнно на своемъ семейномъ кладбищѣ. Въ виду этого, многихъ умершихъ въ Нингутѣ китайцевъ не предаютъ тамъ землѣ, а тѣла ихъ въ деревянныхъ ящикахъ-гробахъ, часто пестро раскрашен-

ныхъ и покрытыхъ рѣзьбою, вывозятъ въ такъ называемыя усыпальницы, гдѣ терпѣливые покойники ожидаютъ пока родные соберутся переправить ихъ на семейное кладбище, въ мѣсто успокоенія отцовъ и дѣдовъ. Но ждать приходится многимъ изъ нихъ довольно долго; иные покойники стоятъ нѣсколько лѣтъ, и можно себѣ представить, какая атмосфера окружаетъ это ужасное мѣсто, гдѣ разлагаются сотни незарытыхъ труповъ. Нечего и говорить о санитарныхъ условіяхъ города, вблизи котораго расположено такое воздушное кладбище; требованія санитарнаго благоустройства еще совершенно неизвѣстны Востоку и едва ли были бы ему понятны, тѣмъ болѣе, что въ основѣ этого обычая лежитъ нераздѣльно властвующій надъ китайскимъ умомъ культъ предковъ, а культъ этотъ обнимаетъ всю психику народа, подчиняетъ всѣ области жизни его и желѣзными тисками удерживаетъ громаднѣйшую и многолюднѣйшую страну въ узкихъ и точно опредѣленныхъ рамкахъ наслѣдственной рутины.

Сравнительно немногіе китайцы переселяются въ Нингутинскую область, чтобы прочно и навсегда основать свою осѣдлость; это, какъ мы уже упоминали, въ большинствѣ случаевъ семейные люди, но, кромѣ нихъ, Манджурія располагаетъ еще другимъ, въ смыслѣ колонизаціи, болѣе надежнымъ элементомъ въ лицѣ корейцевъ. Ихъ особенно много въ пограничныхъ съ Россіей мѣстностяхъ, такъ какъ въ нашемъ Уссурійскомъ краѣ они давно уже составляютъ постоянную часть населенія; они арендуютъ тамъ землю у нашихъ казаковъ и переселенцевъ, но приливающая изъ европейскихъ губерній волна переселенцевъ выжимаетъ ихъ изъ Южно-Уссурійскаго края и они постепенно удаляются въ китайскіе предѣлы.

Кореецъ, несмотря на племенное родство, во многихъ отношеніяхъ прямая противоположность китайцевъ. Насколько китаецъ дѣловитъ, разсчетливъ, настойчивъ и уменъ въ дѣлѣ пріобрѣтеній, настолько же кореецъ вялъ, беззаботенъ относительно будущаго, лишенъ промышленной сметки и равнодушно-терпѣливъ во всякихъ напастяхъ и нищетѣ, которая почти сопутствуетъ ему въ его какъ бы умышленно засаленной, пыльной и грязной обстановкѣ, кишащей миріадами насѣкомыхъ, для сожительства съ которыми надо обладать поистиннѣ корейской невозмутительностью и полнѣйшимъ презрѣніемъ къ чистотѣ. Благодаря инертности своего темперамента, кореецъ садится на землю прочно; онъ любитъ землю, это прирожденный пахарь, но въ умѣніи холить ее, форсировать ея урожайность за китайцемъ ему угнаться трудно, да и едва ли у него стало бы охоты на такую щепетильную, педантическую обработку, безъ которой китайское земледѣліе и представить себѣ невозможно. Если кореецъ получилъ со своей пашни тотъ minimum, какой даетъ ему возможность продлить свое существованіе до слѣдующей жатвы, онъ уже не печется о дальнѣйшемъ, и мы не можемъ даже сказать: «онъ уже чувствуетъ себя счастливымъ», потому

что для счастія нуженъ нѣкоторый подъемъ духа, нѣкоторое просвѣтленіе, нужны улыбки на лицѣ, а все это трудно себѣ представить въ апатичной, безучастной фигурѣ корейца.

При такой психической организаціи корейцы не способны, конечно, создавать богатства, и людей достаточныхъ между ними очень мало, громадное же большинство влачитъ нищенское существованіе; даже сельскохозяйственный инвентарь оказывается недостаточнымъ для обработки цѣлинныхъ земель, такъ что корейцы выбираютъ себѣ земли, уже бывшія подъ плугомъ, и чаще всего за половину или иную долю урожая обрабатываютъ китайскіе или манджурскіе участки. Только очень немногіе располагаютъ достаточной хозяйственной силой, чтобы за свой страхъ поднять новь и устроиться на ней самостоятельнымъ хуторяниномъ. Городская жизнь слишкомъ шумна и безпокойна для корейца, требуетъ отъ него слишкомъ много движенія и потому по городамъ встрѣтить его можно только въ видѣ исключенія; въ Нингутѣ, напримѣръ, въ нашу бытность тамъ, не жило ни одной корейской семьи, хотя въ окрестностяхъ кое-гдѣ уединенныхъ фанзахъ, точно боязливо ото всѣхъ сторонящихся, проживало нѣсколько корейскихъ семействъ, но въ Нингутинскомъ округѣ ихъ вообще немного, какъ говорятъ, не болѣе двухсотъ семей. Больше всего ихъ въ пограничныхъ съ Россіей областяхъ, куда, какъ замѣчено, они отступаютъ передъ надвигающейся волной нашихъ переселенцевъ. Въ этихъ краяхъ, гдѣ, между прочимъ, хунхузы особенно смѣлы и предпріимчивы, корейцы, случается, селятся значительными деревнями, хотя зачастую и терпятъ жестоко отъ безнаказанныхъ хунхузскихъ шаекъ. Такъ, напримѣръ, на широкой долинѣ Суй-фуна, при впаденіи въ него рѣкъ Ламчухе и Ше-до-хе (верстъ 40 повыше устья Сяо-Суй-фуна также притока Суй-фуна), видны остатки четырехъугольнаго вала, обхватывающаго площадь нѣсколько больше десятины, постройку которой сопровождавшіе насъ китайцы приписывали корейскимъ выходцамъ. За такими замкнутыми насыпями корейцы, по ихъ словамъ, укрываютъ свой скотъ во время періодическихъ наводненій Суй-фуна и сносятъ туда свои пожитки. Дѣйствительно, подобнаго рода сооруженія встрѣчаются исключительно по берегамъ рѣкъ; незначительная же высота валовъ, обыкновенно не превосходящая $1^1/_2$—2 сажени, исключаетъ возможность какого-либо оборонительнаго или боеваго назначенія ихъ. Въ Уссурійскомъ краѣ и Манджуріи земляные окопы такого рода не рѣдкость. То заброшенное сооруженіе, о которомъ идетъ рѣчь, создано было руками корейцевъ, прослышавшихъ объ удобствахъ Суй-фунской долины и переселившихся сюда съ насиженныхъ мѣстъ въ нашей приморской области, но бѣдняги разсчитали плохо. Долина Суй-фуна, дѣйствительно, по природѣ своей сулитъ многое колонисту-земледѣльцу, но обиліе хунхузскихъ шаекъ дѣлаетъ этотъ край необитаемымъ для мирнаго населенія. Всѣ двадцать пять корейскихъ семей, осѣвшихъ здѣсь и уже

успѣвшихъ наладить весь свой хозяйственный обиходъ, сдѣлались жертвами разбойниковъ и отчасти разбѣжались, кто куда могъ, отчасти были перебиты.

Въ настоящее время долина Суй-фуна, благодаря такимъ, далеко не рѣдкимъ, кровавымъ происшествіямъ, почти вовсе лишена населенія, а было время, когда эти мѣста кипѣли жизнью и во всѣ стороны разбѣгались по нимъ широкія арбяныя дороги, правда, далеко не благоустроенныя, какими онѣ и донынѣ остаются повсюду въ Китаѣ, но тѣ времена прошли вотъ уже болѣе двухъ столѣтій тому назадъ. Корейское населеніе господствовало тогда въ странѣ не только количественно, но и политически, такъ какъ значительная часть теперешней Манджуріи входила въ составъ корейскаго царства. Съ переходомъ власти къ манджурамъ, край запустѣлъ. Только лѣтъ 25 назадъ, на короткое время, пробудилась въ немъ прежняя бойкая жизнь, благодаря случайно открытымъ здѣсь богатѣйшимъ золотоноснымъ пескамъ въ верховьяхъ Суй-фуна и по теченію впадающихъ въ него мелкихъ рѣченокъ.

При первыхъ же слухахъ о драгоцѣнной находкѣ, какъ это бываетъ, впрочемъ, повсюду, сотни и тысячи бродячаго люда устремились въ пустынную дотолѣ окраину; въ верховьяхъ Хашасгоу, напримѣръ, работало до 10.000 человѣкъ и заброшенная сторона снова проснулась къ лихорадочной, спѣшной дѣятельности, конечно, совершенно безпорядочной и мало производительной, съ точки зрѣнія европейскаго горнаго искусства, потому что розсыпи, дѣйствительно, очень богатыя, скоро были выработаны, то-есть были сняты тѣ жирныя сливки съ нихъ, выбраны были тѣ сравнительно крупныя частицы золота, которыя только по силамъ китайской техникѣ и остальная масса его, зарытая неумѣлыми искателями въ отработанные пески, была заброшена. Лихорадочная жизнь также быстро заглохла въ этой злополучной сторонѣ, какъ быстро въ ней и проснулась. Проложенныя вновь и возобновленныя золотоискателями старыя дороги опять понемногу стали зарастать травой и, разумѣется, не осталось бы отъ нихъ скоро никакого слѣда, если бы время отъ времени хунхузскія шайки не утаптывали ихъ при своихъ переѣздахъ отъ города къ городу; одна изъ такихъ дорогъ и слыветъ у народа подъ именемъ большого хунхузскаго тракта, такъ какъ разбойничьи шайки изъ Нингуты неизмѣнно перекочевываютъ по ней въ Сан-чи-коу, пограничный съ нами городокъ. Переѣзды эти столь обычны и часты и въ представленіи населенія такъ окончательно утвердилась опасная репутація этой дороги, что можно, пожалуй, подумать, будто за хунхузами всѣми признано какое-то юридическое право чуть не на исключительное пользованіе этой дорогой и этимъ краемъ. Только, говорятъ, въ какой-то одинокой фанзѣ близь нея, подъ защитой своей несомнѣнной нищеты и убогой старости, проживаетъ жалкій кореецъ, не имѣвшій силы ни бѣжать

вмѣстѣ съ односельцами при погромѣ хунхузами его деревни, ни защитить своихъ молоденькихъ внучекъ, на его глазахъ подвергнувшихся насилію разбойниковъ. Хунхузы предоставили ему возможность переселиться къ праотцамъ безъ ихъ на то содѣйствія; но всякій смѣльчакъ, не сопровождаемый достаточной охраной рискуетъ, на этомъ пути вмѣсто земныхъ поселеній попасть въ горнія обители.

Быть можетъ, благодаря именно такимъ небезопаснымъ путямъ сообщенія, въ общемъ ходѣ экономической жизни Манджуріи торговля не играетъ такой крупной роли, какая выпадаетъ на ея долю во всякой, болѣе благоустроенной странѣ, и хотя торгашество свойственно вообще натурѣ восточныхъ людей, но крупныхъ торговцевъ, ведущихъ широкое дѣло здѣсь очень немного, кромѣ китайцевъ, спекулянтовъ уже прирожденныхъ; торговлей, какъ профессіей, занимаются тутъ еще масульмане-дунгане, которыхъ, впрочемъ, въ Нингутинскомъ округѣ по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ ямыней насчитывается всего два тошахоу (сто семей); по словамъ же главнаго муллы въ Нингутѣ, число это на самомъ дѣлѣ вдвое больше, то - есть 200 семей или душъ до 1.000. Дунгане — это прасолы Манджуріи, и большая часть операцій по торговлѣ скотомъ сосредоточена въ ихъ рукахъ, они поставляютъ гурты и въ наши пограничные города: Никольское и Владивостокъ и въ Нингуту и въ Гиринъ и въ Санъ-ча-чоу, словомъ всюду, гдѣ скотъ можетъ имѣть сбытъ; сама Манджурія большихъ требованій не предъявляетъ на ихъ товаръ, такъ какъ населеніе, какъ вездѣ, придерживается по преимуществу растительной пищи и главный доходъ въ этой торговлѣ представляетъ сбытъ скота за границу, однако онъ все-таки не великъ, благодаря тѣмъ же хунхузамъ; гуртовщикъ, если онъ не желаетъ отказаться отъ своего промысла и барышей, какіе изъ него можно извлечь, долженъ обязательно уплачивать иногда весьма солидныя контрибуціи этимъ рыцарямъ китайскихъ дорогъ. Такимъ образомъ, крупныя состоянія сколотить этой торговлей довольно трудно, да между дунганами и на самомъ дѣлѣ нѣтъ выдающихся богачей, но всѣ они достаточно и почти въ одинаковой степени состоятельны, а изолированность среди массы окружающаго населенія, создаваемая ихъ мусульманствомъ, породила сплоченность и солидарность между ними, благодаря чему очень развита среди нихъ взаимопомощь. Любопытно, что въ Нингутѣ лучшими ресторанами, если только можно ихъ назвать ресторанами, считаются дунганскіе.

Дунгане и корейцы, уже благодаря малочисленности своей, въ общей этнографической картинѣ края не могутъ, конечно, занять видное положеніе, но китайцы, число которыхъ значительно превышаетъ число манджуръ, по крайней мѣрѣ, въ политическомъ отношеніи представляютъ здѣсь подчиненную группу населенія. Во всей администраціи области нѣтъ ни одного китайца даже на низшихъ ступеняхъ чиновничьей іерархіи. При извѣстной же простотѣ и откровенности

административныхъ обычаевъ Востока, это, разумѣется, тѣмъ болѣе обостряетъ взаимныя отношенія перечисленныхъ народностей, что всю тяжесть такихъ обычаевъ приходится выносить на своихъ плечахъ китайцамъ, татарамъ и корейцамъ; на ихъ исключительно счетъ манджурскіе судьи и чиновники удовлетворяютъ свои административные аппетиты. Въ понятіи китайца взятка и чиновникъ одно отъ другого неотдѣлимы, въ его глазахъ это почти законъ природы; такъ было и всегда и на памяти его дѣдовъ, такъ оно идетъ и нынѣ повсюду въ Китаѣ. Такъ что взятка сама по себѣ не возмущаетъ его сознанія, но здѣсь въ Манджуріи китаецъ втихомолку негодуетъ, — не на продажность чиновниковъ, конечно, а на ихъ національную исключительность, ибо всякое дѣло, гдѣ замѣшанъ манджуръ съ дунганомъ, корейцемъ или китайцемъ, неизмѣнно, даже вопреки очевидности, рѣшается въ пользу манджура, причемъ за это рѣшеніе платится обиженная сторона, а манджуръ, будь онъ бѣднякъ или богачъ, всегда остается свободенъ отъ всякихъ поборовъ. Самолюбіе китайца въ такихъ случаяхъ возмущается тѣмъ сильнѣй, что разница въ культурѣ и образованіи между нимъ и манджуромъ всегда бываетъ не въ пользу послѣдняго, и въ разговорной рѣчи своей китайцы даже не называютъ манджуровъ этимъ именемъ, а говорятъ о нихъ у-гуанъ (безграмотный).

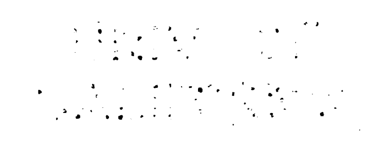
П. Ѳ. Лобза.

ИЗЪ КОНОПНИЦКОЙ.

Ахъ, ночка, ночка,
Ты соколъ черный!
Крыломъ закрыла
Ты лѣсъ нагорный,
И лугъ, и поле,
И путь-дорогу...
Зачѣмъ не скроешь
Мою тревогу?

Иль обронила
Ты перья въ море?
Или, пылая,
Сожгли ихъ зори?
Или не можешь
Ты тьмой разлиться,—
Чтобъ мнѣ съ слезами
Ужъ не таиться?..

А. Колтоновскій.



КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Воскресшая книга—«Знаменіе времени» г. Мордовцева.—Какое впечатлѣніе она производитъ теперь.—Ея прошлое значеніе.—«Народные заступники» г. Меньшикова.—Удачная характеристика народничества.—Интересная легенда объ одномъ праведникѣ, разрушаемая г. Меньшиковымъ.—Г. Бальмонтъ, просвѣщающій англійскую публику въ русской литературѣ.

Habent sua fata libelli.

Эта старинная пословица невольно вспомнилась намъ, когда мы получили «для отзыва» романъ г. Мордовцева—«Знаменіе времени». Странное чувство не то смущенія, не то удивленія охватило насъ, нѣчто въ родѣ того, что испытываешь, встрѣтивъ совершенно неожиданно стараго знакомаго, съ которымъ давно разстался и давно позабылъ о его существованіи. Книга, гонимая нѣкогда, осѣненная ореоломъ «запрещенной», книга тѣхъ временъ, когда «еще намъ были новы всѣ впечатлѣнія бытія», и теперь выходитъ въ свѣтъ, какъ и всякая другая, и цѣна ей всего два рубля. По истинѣ, воскресеніе изъ мертвыхъ. Только къ новому ли бытію? Не скорѣе ли къ вторичной смерти, и на этотъ разъ уже навсегда? И думается намъ,—скорѣе второе, такъ какъ книги еще могутъ воскресать, но настроеніе, когда-то вызвавшее ихъ къ жизни, не повторяется никогда.

Есть особый сортъ книгъ, которыя въ свое время имѣютъ значеніе вовсе не потому, что онѣ выдаются высокими литературными достоинствами, глубокимъ содержаніемъ, силою чувства, вложеннаго въ нихъ авторомъ. Вовсе нѣтъ,—во всѣхъ этихъ отношеніяхъ онѣ ниже посредственности. Но въ нихъ есть то, что думали и говорили въ это время многіе, что было для многихъ дорого и свято. Читатели того времени встрѣчали въ такой книгѣ живой отголосокъ своихъ чувствъ и мыслей и увлекались книгой, не обращая вниманія на всѣ ея литературныя несовершенства. Даже напротивъ,—именно эти несовершенства въ огромной степени усиливали популярность книги. Грубость изложенія, недостатокъ художественности, рѣжущая прямолинейность книги упрощали ея пониманіе, дѣлая ее доступнѣе для большинства, которое въ книгѣ, такой аляповатой по формѣ, яснѣе и проще разбиралось, чѣмъ въ тонкомъ художественномъ произведеніи, гдѣ, какъ и въ жизни, вовсе нѣтъ подчеркиваній, поясненій отъ автора, что «се левъ, а не собака», какъ писалось подъ аракчеевскими печатями. Никакихъ своихъ мыслей авторъ не преподноситъ читателю въ такой книгѣ. Какъ фонографъ, онъ повторяетъ ходячую въ данную минуту идею именно въ той формѣ, въ которой читатель слышитъ ее, что дѣлаетъ книгу еще любезнѣе для него. Никакихъ новыхъ чувствъ авторъ не выражаетъ,—онъ выражаетъ лишь то, что чувствуютъ если и не всѣ, такъ по крайней мѣрѣ опредѣленная группа. Авторъ ничего не выдумываетъ, онъ только рабски повторяетъ и въ своемъ изложеніи упрощаетъ извѣстное общественное направленіе, иллюстрируя его грубыми примѣрами. По формѣ

его произведеніе напоминаетъ издѣліе суздальскаго богомаза, но оно рѣзкими чертами запечатлѣваетъ волнующія въ данную минуту мысли и чувства, что и привлекаетъ къ нему читателя.

Литература освободительной эпохи шестидесятыхъ годовъ была очень богата такими произведеніями. Стоитъ вспомнить романы Шеллера, Омулевскаго, Бажина и многихъ другихъ, теперь основательнѣйшимъ образомъ забытыхъ, писателей, это все—богомазы. Тутъ лица человѣческаго нѣтъ, а тогда все это читалось, поглощалось жадно и страстно и имѣло несомнѣнное вліяніе, потому что отражало въ себѣ настроеніе передовой части тогдашняго общества. Въ противовѣсъ этимъ писателямъ выступали богомазы и изъ противоположнаго лагеря—Клюшниковъ, Маркевичъ и т. п. Настоящая литература стояла въ сторонѣ отъ борющихся теченій и творила въ произведеніяхъ Тургенева, Достоевскаго и Толстого вѣчные, не умирающіе образы, а не иллюстраціи къ излюбленнымъ теоріямъ того или иного направленія. Достоевскій разъ только сдѣлалъ уклоненіе въ сторону злободневности, въ «Бѣсахъ», самомъ неудачномъ изъ своихъ романовъ, хотя и тутъ его громадный талантъ спасъ его если не отъ пошлости, то отъ суздальской живописи.

Однимъ изъ самыхъ характерныхъ образцовъ этой литературы является «Знаменіе времени». Даже для шестидесятыхъ годовъ, въ концѣ которыхъ оно появилось, это произведеніе было выдающимся по грубости формы, прямолинейности и рѣзкости, съ которой подчеркиваются ходячія идеи того времени. Современнымъ читателямъ, людямъ 90-хъ годовъ, даже въ 80-ые годы уже, трудно проникнуться настроеніемъ этого романа, тѣмъ, что собственно и составляло главную притягательную силу для читателя шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ.

Съ самаго начала выводится какой-то сумасшедшій, бредъ котораго, повидимому, долженъ заключать въ себѣ нѣчто поразительно глубокое и важное. Вѣроятно, тогдашніе читатели и находили это, но для нынѣшнихъ читателей единственно интересное представляетъ описаніе казни, видѣнной больнымъ, хотя само описаніе сдѣлано чисто по-суздальски, растянуто, съ массой повтореній, въ высокомъ «штилѣ», такъ что даже и эта единственная трагическая сцена въ романѣ не производитъ теперь ни малѣйшаго впечатлѣнія. Этимъ бредомъ романъ начинается и тотъ же бредъ сумасшедшаго, нѣкоего Канадѣева, снова и снова повторяется въ нѣсколькихъ мѣстахъ, но дальше въ немъ ничего нельзя понять. Тутъ есть все: и рѣчи о страданіяхъ человѣчества, и народъ, который мучается въ безсильныхъ порывахъ къ свободѣ, и славяне, терзаемые турками, и много настоящаго безсмысленнаго вздора, который, вѣроятно, и для современниковъ былъ непонятенъ, какъ и для насъ. Но чѣмъ оно было непонятнѣе тогда, тѣмъ лучше, и загипнотизированный читатель видѣлъ въ этихъ сугубо темныхъ мѣстахъ глубину глубинъ и бездну премудрости. Бредъ больного служитъ припѣвомъ къ высокимъ и тягучимъ рѣчамъ, которыми главные герои «романа» разражаются на каждомъ шагу и кстати, и не кстати, лишь бы еще и еще подчеркнуть разницу между «львами» и «собаками».

Героевъ этихъ немного—Стожаровъ, Бармитинова и, наконецъ, изъ героевъ герой—Карамановъ, который, подобно державинскому богатырю—

«Ступитъ на горы—горы трещатъ,
Ляжетъ на бездны—воды кипятъ,
Граду коснется - градъ упадаетъ,
Башни рукою за облакъ кидаетъ».

Или еще лучше—подобенъ тому анекдотическому мужику, который въ мечтаніяхъ говорилъ про себя: «Кабы я былъ царемъ, сѣлъ бы у воротъ, и какъ кто мимо—того въ зубы, какъ кто мимо—того въ зубы». Онъ рѣшилъ,—Карамановъ всегда и все рѣшаетъ категорически и безповоротно, — что все не-

счастіе людей происходитъ отъ лжи, а потому, чтобы сдѣлать ихъ счастливыми, надо вездѣ и всегда говорить имъ правду. Согласно этому правилу онъ и дѣйствуетъ, и «какъ кто мимо—того въ зубы». Ибо правда всегда на его сторонѣ, а всѣ остальные—мерзавцы. Одинъ Стожаровъ еще ничего, да и тотъ, какъ гоголевскій прокуроръ, если правду сказать—«свинья».

Стожаровъ, однако, тоже не лыкомъ шитъ. Еще въ гимназіи «многосторонностью знаній и оригинальностью мнѣній онъ приводилъ въ изумленіе всѣхъ, съ кѣмъ ему приходилось высказываться». Въ университетѣ онъ всѣ науки «превзошелъ», но не удовлетворился и рѣшилъ, что все это—не то. Написалъ онъ такую забористую диссертацію, что профессоръ, ее читавшій, испугался за автора. «Въ прежнее время,—сказалъ онъ,—сжигали на кострахъ авторовъ подобныхъ сочиненій, а въ наше время автора посадили бы въ крѣпость». Влюбился онъ, между прочимъ, въ одну дѣвушку, которая тоже ему отвѣчала. Но побоялся что «эти отношенія установятся на общепринятыхъ рутинныхъ началахъ», и поспѣшилъ разстаться съ нею. Онъ уѣзжаетъ, конечно, въ западную Европу, чтобы тамъ поискать разрѣшенія мучающихъ его вопросовъ, но не находитъ этого разрѣшенія, ибо вездѣ тоже, «что и у насъ въ Кинешмѣ: городничій деретъ носъ передъ обручникомъ а обручникъ для него же дѣлаетъ кадки къ огурцамъ и унижается, чтобы городничій позволилъ ему набить на кадку обручъ». Въ Россіи онъ «перегорѣлъ» въ литературномъ огнѣ и понялъ, что дѣло современныхъ «великихъ людей состоитъ не въ томъ, въ чемъ состояло дѣло тѣхъ великихъ людей, которымъ исторія приписывала величіе иногда по ошибкѣ, иногда же въ силу того, почему для мелкаго воришки закоренѣлый убійца и негодяй кажется великимъ человѣкомъ. Переходя изъ дѣтства въ возмужалость, онъ на дорогѣ столкнулъ съ пьедестала многихъ великихъ людей, которыхъ прежде считалъ таковыми, и въ своей памями отвелъ имъ самое нужное мѣсто, тотъ бросовый уголокъ, въ которомъ помѣщался старостинъ племянникъ Ларька, угодившій въ Сибирь за конокрадство и убійство. Зато на этой же дорогѣ онъ встрѣтилъ дѣйствительно великихъ людей и понялъ, что величіе ихъ слѣдуетъ мѣрить не всегда тѣмъ аршиномъ, которымъ мѣрилъ Плутархъ». Тутъ читатели шестидесятыхъ годовъ съ жаднымъ нетерпѣніемъ ждали, каковъ же аршинъ для современнаго важнаго человѣка, и читали, затаивъ дыханіе: «Исходной точкой жизни Стожарова съ той поры стала—*польза*, если и не въ широкихъ размѣрахъ, не въ общечеловѣческихъ видахъ, то хоть самая узенькая, хотя бы такая, которая принесла бы счастіе и спасеніе Ларькѣ, укравшему у его отца пѣгаго иноходца». Въ поискахъ за этой пользой мы и застаемъ Стожарова на первыхъ страницахъ романа.

Въ сопровожденіи молодого человѣка, еще студента, но уже тоже перегорѣвшаго огнемъ и не нашедшаго въ наукѣ отвѣта на вопросы о счастьи, Стожаровъ ѣдетъ по Волгѣ, собирая статистическія данныя о народномъ житьѣ-бытьѣ. Волею судебъ его заноситъ въ приволжскую деревню, гдѣ онъ снова сталкивается съ любимой нѣкогда дѣвушкой, нынѣ сельской учительницей въ земской школѣ, и его «точеная голова»,—этотъ эпитетъ, долженствующій характеризовать преобладаніе умственности надъ серцемъ Стожарова, повторяется безчисленное количество разъ въ романѣ,—просіяла. Его избранница «порвала узы рутины» и изъ ничтожной куколки-дѣвицы превратилась въ сознательнаго человѣка-женщину, которая на практикѣ осуществила его принципъ—приносить пользу хотя бы и узенькую, хотя бы только Ларькѣ. Школа ея процвѣтаетъ яко кринъ сельный, ея ученики ведутъ войну съ отсталыми учениками министерскаго двуклассного училища, гдѣ больше обучаютъ всякимъ «исторіямъ», только не естественной исторіи. Тогда какъ ея ученики превосходно изучаютъ именно послѣднюю. И «точеная голова» склоняется передъ учительницей Бармитиновой, которая такъ просто и геройски разрѣшила за-

*

дачу жизни, что для права на личное счастье надо прежде поработать для другихъ, отдавъ себя на служеніе этимъ другимъ во имя его афоризма, «что двумъ подло пользоваться счастьемъ, когда другіе двадцать несчастливы». Старое чувство даетъ себя знать, но теперь Стожаровъ подходитъ къ ней, какъ равный къ равному, и между ними происходитъ окончательное объясненіе, выясняющее, что нынѣ оба они имѣютъ право принадлежать другъ другу, такъ какъ онъ «все время тесалъ камни для зданія будущаго», она—подготовляла тоже камни для этого будущаго. Ибо камень этотъ—народъ, на немъ созиждутъ они это зданіе, гдѣ для всѣхъ будетъ равное счастье, всѣмъ будетъ «тепло въ немъ и свѣтло». Именно какъ разъ теперь идетъ Стожаровъ дѣлать первую закладку фундамента. Въ чемъ состоитъ этотъ фундаментъ, мы сейчасъ узнаемъ. Тутъ-то и явится неотразимый въ своей побѣдительности Карамановъ, который и наложитъ на него «необорныя руки» и докажетъ, что хотя онъ, «точеная голова», и ничего себѣ, а въ сущности—онъ ничто.

У Стожарова есть отецъ, обладатель недурного имѣнія. Туда-то и направляется нашъ герой, чтобы заложить свой фундаментъ. Туда же направилъ свои стопы и Карамановъ. Лицо у него, какъ «смоленая дратва», «улыбка собачья», «глаза стоячіе», голова, хотя и стриженая нагладко, но до нея «не касалась ни гребенка, ни щетка». Старикъ Стожаровъ, освѣдомившись о его имени и званіи, спрашиваетъ, не родственникъ ли онъ сосѣдняго богатаго помѣщика. «Да, къ несчастью, я сынъ этого негодяя», спокойно выпаливаетъ Карамановъ, и чтобы ошарашить бѣднаго старичка въ конецъ, продолжаетъ: «Мнѣ говорили, что вы честный человѣкъ. Это такое рѣдкое явленіе, что я пришелъ посмотрѣть на васъ»... И дальше весь разговоръ ведется въ такомъ же тонѣ. Изъ него узнаемъ, что Карамановъ ищетъ «честной работы», почему нигдѣ ужиться не можетъ, и проситъ, чтобы старикъ принялъ его къ себѣ въ рабочіе. Пока живъ его богатый отецъ, Карамановъ не хочетъ съ нимъ связываться, но отъ своей доли въ имѣніи, перешедшей къ нему отъ матери, онъ не отказывается и ждетъ, пока умретъ отецъ, чтобы затѣмъ осуществить свой особый планъ осчастливить «подлое человѣчество». Здѣсь и застаетъ его Стожаровъ, пріѣхавшій для закладки фундамента. Когда Стожаровъ, десять лѣтъ не бывшій дома и не писавшій ничего о своемъ пріѣздѣ родителямъ, является неожиданно въ домъ свой, на порогѣ его встрѣчаетъ смерть: старуха нянька, все сторожившая его пріѣздъ изъ слухового окна, падаетъ съ лѣстницы и убивается на смерть. Эта неожиданность наводитъ Стожарова на слѣдующее философское размышленіе: «Какая странная, роковая встрѣча... Неужели отъ одного нашего приближенія должны вымирать старые люди, какъ вымираютъ дикія индѣйскія племена отъ соприкосновенія съ европейской цивилизаціей?»

Въ романѣ нѣтъ поясненій, какіе предварительные шаги дѣлаютъ оба героя для осуществленія своихъ плановъ, пока ихъ отцы живы. Одинъ, повидимому, все обдумываетъ свою «узенькую пользу», другой пока работаетъ у него же въ батракахъ и между дѣломъ сокрушаетъ «зубы» неправдѣ. Но отцы смертны, и наши герои, получивъ въ наслѣдство большія состоянія, приступаютъ къ дѣлу... «обновленія общества», ни больше, ни меньше, о чемъ мы узнаемъ изъ слѣдующаго разговора Караманова съ сумасшедшимъ Канадѣевымъ (по мѣрѣ надобности авторъ излѣчиваетъ его на время).

«— Я хочу попробовать сдѣлать тотъ послѣдній шагъ, который люди боятся и не умѣютъ сдѣлать, чтобы быть счастливыми,—процѣдилъ Карамановъ сквозь зубы.—Мы рѣшились съ Стожаровымъ начать дѣло обновленія общества на новыхъ началахъ,—сказалъ онъ съ разстановкой, какъ бы стараясь гвоздемъ вбить свои слова въ мозгъ Канадѣева.—Ты, вѣроятно, находишь, что начальныя мои слова слишкомъ громки?—вдругъ спросилъ онъ, замѣтивъ, что зеленые глаза Канадѣева выразили не то сомнѣніе, не то насмѣшку.—Они и

должны быть громки. Тамъ, гдѣ словами не прошибешъ деревяннаго черепа, надо вбивать это слово обухомъ. Тамъ, гдѣ словъ не слышатъ, надо кричать... Надо обновить общество, перевоспитать, создать, хоть изъ земли выкопать... Мы уже начали это дѣло. Стожаровъ отдалъ даромъ все свое имѣніе бывшимъ своимъ крестьянамъ—отдалъ землю, усадьбу, всѣ заведенія. «Все это вы обрабатывали,—говорилъ онъ имъ,—вы и должны этимъ распоряжаться». Онъ отдалъ имъ свое имѣніе съ тѣмъ, чтобы они пользовались имъ на правахъ общиннаго владѣнія, на правахъ абсолютной общинности... Отдавъ свое имѣніе и свои деньги, крестьянамъ, онъ самъ вошелъ въ ихъ общину такимъ же членомъ, какъ они всѣ, на равныхъ началахъ. Общинное пользованіе землей, деньгами и всѣмъ имуществомъ, общинный трудъ, общіе заработки, мірской судъ, все общее, мірское, съ *передѣлами* земли...

«— Такъ ты не останешься въ обществѣ Стожарова?—спросилъ Канадѣевъ.

«— Нѣтъ. Я предвижу и предсказывалъ ему большія трудности въ исполненіи задуманнаго имъ плана; онъ хочетъ передѣлать старый крестьянскій міръ въ новую общину. Это значитъ заставить вербу родить груши, заставить старое дерево рости не такъ, какъ оно росло. Крестьянскій міръ давно сложился на извѣстныхъ началахъ. Онъ носитъ въ себѣ историческую порчу, онъ глубоко деморализованъ тѣми понятіями, въ какихъ его воспитала исторія. Мы объ этомъ долго спорили съ Стожаровымъ и разошлись, но только затѣмъ, чтобы произвести отдѣльные самостоятельные опыты надъ созданіемъ новыхъ гражданскихъ общинъ. Онъ хочетъ перевоспитать старую крестьянскую общину, я хочу создать новую. Вотъ почему я ищу пустыню, никѣмъ не заселенную, куплю эту пустыню и заселю ее. Здѣсь въ заволжскихъ степяхъ, по сосѣдству съ Азіей, всего удобнѣе будетъ осуществить мою завѣтную мысль—сдѣлать тотъ великій, послѣдній шагъ... Я куплю здѣсь свободныя земли и заселю ихъ охотниками,—говорилъ Карамановъ,—земли свои я отдамъ даромъ моимъ колонистамъ съ условіемъ, чтобы они разорвали всякую связь съ старыми крестьянскими порядками... У насъ будетъ собственность...

«— Значитъ, ты признаешь принципъ вознагражденія, принципъ платы, заработка, а слѣдовательно принципъ богатства и бѣдности,—замѣтилъ Канадѣевъ.—Это скользко...

«— Для неподкованнаго ума скользко... А мой умъ подкованъ прочно,—отвѣчалъ Карамановъ...»

Вотъ и все. Стожаровъ пріѣзжаетъ за Бармитиновой, чтобы увезти ее въ свою общину, но Бармитинова не вынесла непосильныхъ трудовъ по школѣ, заболѣла чахоткой и умираетъ, а наши герои уходятъ съ послѣднихъ страницъ романа исполнять свои планы. Есть тутъ, правда, еще вводныя лица, но особаго значенія не имѣющія. Напри., дѣвица Марина, относительно которой Карамановъ съ перваго абцуга заявляетъ ея брату Канадѣеву, что «она должна быть глупа и мелка», отъ того, что «слишкомъ хороша», а при первой встрѣчѣ съ нею выпаливаетъ: «я думалъ, что вы все-таки умнѣе». Такими упрощенными пріемами, хорошо изученными еще писаремъ у Гл. Успенскаго («она одно, а ты ей—совсѣмъ напротивъ»), Карамановъ убѣждаетъ дѣвицу, что онъ и есть соль земли. Дѣвица бросается къ нему на шею «прыжкомъ кошки», но онъ остается твердъ и непоколебимъ, и повторяетъ урокъ Стожарова Бармитиновой. «За моимъ великимъ дѣломъ я буду думать не о дѣлѣ, а о васъ», и потому «дѣлаетъ послѣднее усиліе, отталкиваетъ отъ себя обѣими руками грудь дѣвушки, и она падаетъ на землю». Карамановъ уѣзжаетъ одинъ, а дѣвица готовится стать «человѣкомъ», чтобы быть достойной этого великаго мужа съ лицомъ цвѣта «смоленой дратвы» и съ хорошо «подкованнымъ умомъ».

Что же это за настроеніе, которое привлекало читателей шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ къ этому роману, несмотря на всю неестественность ге-

роевъ и общую нехудожественность всего произведенія? Эти отрицательныя стороны и тогда кидались въ глаза всѣмъ, но они стушевывались и исчезали передъ основной тенденціей романа, которая преобладала тогда въ настроеніи прогрессивныхъ кружковъ общества. Тенденція эта—вѣра въ себя, въ силу личности, которая можетъ перестроить міръ на разумныхъ основаніяхъ. Необходимо только сдѣлаться критически мыслящей личностью, чтобы выработать ясный, толковый планъ разумной жизни, согласно которому и остается передѣлать общество. Сама по себѣ эта перестройка дѣло нетрудное, разъ окажется достаточно сильныхъ личностей, такихъ Стожаровыхъ, Карамановыхъ, Бармитиновыхъ и Маринъ. Въ нихъ-то и заключается вся сила вещей, они-то и суть творцы новой жизни. И всякій, кто мнилъ себя критически мыслящей личностью, съ жадностью хватался за «знаменіе времени», увлекался героями романа и посильно подражалъ имъ. Ихъ рѣчи, мысли, чувства находили себѣ отголосокъ въ читателѣ, который, приблизительно, такъ же говорилъ, мыслилъ, чувствовалъ. Разсматриваемый съ этой точки зрѣнія, романъ «Знаменіе времени» получаетъ несомнѣнный историческій интересъ. Для пониманія бурной эпохи 70-хъ годовъ онъ даетъ очень много. Въ рѣчахъ, если не въ поступкахъ,—хотя и поступковъ такихъ было въ то время довольно,—его героевъ сохранились задушевныя мысли передовыхъ людей того времени, и, слушая ихъ, мы какъ бы присутствуемъ при страстныхъ дебатахъ, какіе велись тогда за или противъ переустройства общества на тѣхъ или иныхъ новыхъ началахъ. Теперь мы ясно видимъ всю наивность этихъ проектовъ, проявляющуюся хотя бы въ этой «абсолютной общинности труда, денегъ, заработка, всего имущества», и «съ передѣлами земли». Этотъ передѣлъ земли, которая находится въ абсолютной общности, а слѣдовательно и передѣлять ее нѣтъ никакой надобности,—какъ кончикъ ослинаго уха, выдаетъ съ головой Стожарова. То же и въ карамановской новой общинѣ, гдѣ все общее, но тѣмъ не менѣе существуетъ заработная плата и проч. Не въ этомъ сила, это мелочь, деталь,—важна вѣра въ силу личности, которая въ одинъ прекрасный моментъ можетъ перевернуть міръ. И читатель упивался этой вѣрой. а мы, отдаленные отъ него тридцатилѣтіемъ, полнымъ такихъ глубокихъ разочарованій, можемъ отнестись къ этой вѣрѣ лишь съ «горькой насмѣшкой сына надъ промотавшимся отцомъ». Сколько бы ни увѣряли насъ современныя намъ «точеныя головы» и «хорошо подкованные мозги», что сила въ личности, въ субъективномъ отношеніи къ дѣйствительности»,—имъ не увлечь за собой никого. Сколько бы ни практиковали они карамановскаго рецепта—«кто мимо, того въ зубы»,—время ихъ прошло.

Потому-то и думается намъ, что воскрешеніе такихъ произведеній, какъ «Знаменіе времени», является для нихъ не воскресеніемъ, а скорѣе—вторичными похоронами. Люди переживаютъ нерѣдко свое время и настроеніе, выдвинувшее ихъ когда-то, но время не повторяется. Довлѣетъ бо дневи злоба его, и у каждаго дня своя печаль, у каждаго времени—свое знаменіе. «Что прошло, того не будетъ вновь»,—сказалъ поэтъ.

Requiescat in pace.

И еще въ одномъ отношеніи романъ г. Мордовцева былъ для своего времени знаменіемъ: въ немъ совершенно опредѣленно отмѣчалось то направленіе, которое извѣстно подъ именемъ «хожденія въ народъ». Карамановъ, превращающійся въ батрака, чтобы лучше изучить народъ, и затѣмъ товарищъ его Стожаровъ, отдающій народу свою землю, чтобы совмѣстно съ народомъ работать, помогая ему и учась вмѣстѣ съ нимъ, явились первыми ласточками, знаменовавшими упомянутое цѣлое движеніе. Завершеніемъ его явилась особая доктрина, получившая свою окончательную обработку подъ перомъ Юзова-

Коблица и г. В. В. О первомъ изъ этихъ доктринеровъ народничества напоминаетъ теперь г. Меньшиковъ въ недавно вышедшей своей книгѣ «Народные заступники».

Въ статьѣ «Народные заступники» авторъ сопоставляетъ Юзова съ Григоровичемъ, видя въ обоихъ людей, которые проявили—Григоровичъ въ первыхъ своихъ произведеніяхъ, Юзовъ всею своею жизнью—одно стремленіе—послужить народу, заставить всѣхъ проникнуться мыслью о его нуждахъ и необходимостью «заступничества» за этотъ народъ. Самъ Юзовъ прошелъ всѣ стадіи народничества, начавъ его подобно Караманову съ «хожденія въ народъ». Этотъ періодъ въ его жизни былъ, въ сущности, очень короткимъ, и Юзовъ успѣлъ побывать и заграницей, и отречься потомъ отъ всякихъ «затѣй», превратившись въ мирнаго чиновника контроля, получившаго прощеніе за свои увлеченія юности. Въ результатѣ всѣхъ его мытарствъ у него сложилась цѣлая теорія, съ одной стороны вытекающая изъ карамановскихъ порывовъ, съ другой—логически примкнувшая къ туманному и мистическому представленію о народѣ, какое сложилось у славянофиловъ. Интересно, между прочимъ, что народническая теорія окончательно сложилась именно къ тому времени, когда само народничество, какъ живое и дѣятельное направленіе, затихло. Книга Юзова появилась во второй половинѣ 80-хъ годовъ, когда всякое хожденіе въ народъ прекратилось.

Теперь все это уже «старина и преданіе», но такія маленькія экскурсіи въ прошлое не лишены интереса и для настоящаго, оттѣняя разницу въ настроеніяхъ и тѣмъ уясняя и самыя настроенія. «Народничество Юзова,—говоритъ г. Меньшиковъ,—явилось настоящимъ расколомъ въ либеральной партіи, причемъ хула и клятвы на либераловъ сыпались имъ иногда за своего рода двуперстіе». Нѣчто въ этомъ родѣ происходитъ и теперь въ прогрессивныхъ направленіяхъ, только роль «двуперстія» играютъ иныя понятія и иныя слова. Тѣмъ любопытнѣе припомнить, за что преслѣдовались народничествомъ прежде всѣ «несогласно мыслящіе» и въ чемъ заключалось народническое правовѣріе, какъ оно выражено у Юзова.

Основа всѣхъ основъ народничества лежала въ его представленіи о деревенскомъ «мірѣ», какъ о цѣльной и стройной системѣ, нравственной и экономической, незыблемой и вѣковѣчной, которая если и уклоняется подчасъ отъ нормы и шатается, то лишь вслѣдствіе посторонняго вмѣшательства. «Даже тамъ, — говоритъ г. Меньшиковъ, — гдѣ либералы являлись несомнѣнными, искренними друзьями народа, Юзовъ возставалъ противъ нихъ только потому, что они—«интеллигенція» и какъ бы уже въ силу этого представляютъ нѣчто не народное, не чистое «мірское». Въ этомъ народничество явилось однимъ изъ видовъ реакціи противъ могучаго либеральнаго настроенія середины этого вѣка, и какъ всякая реакція, скоро дошла до отрицанія вмѣстѣ съ темными сторонами—и свѣтлыхъ его сторонъ. Народничество, какъ теорія, представляетъ какъ бы отдыхъ послѣ страстныхъ порывовъ русской мысли найти ключъ къ уразумѣнію русской жизни, къ ея обновленію и счастью. Эти страстные и по природѣ своей добрые порывы имѣли, такъ сказать, два предѣла: отрицаніе и идеализмъ, причемъ въ отрицаніи русскій человѣкъ дошелъ до нигилизма, а въ идеализмѣ—до фанатической вѣры въ знаніе, въ человѣческій разумъ и всѣ его логическія настроенія. Но очень скоро и въ «отрицаніи», и въ «идеализмѣ» русская мягкая душа устала и нашла себѣ отдыхъ въ народничествѣ. Послѣ мрачныхъ и горькихъ мукъ пессимизма, въ бездны котораго завело отрицаніе, послѣ того, какъ русское общество извѣрилось въ наукѣ, въ самомъ просвѣщеніи, въ самомъ народѣ и, наконецъ, въ самомъ себѣ, народники вдругъ провозгласили, что унывать нечего, что ничего не погибло, что все полно жизни и надежды. До того времени въ сознаніи общества народная жизнь представля-

лась глубоко несчастной. Страшная бѣдность, вѣчный тяжелый трудъ, тьма невѣжества, порабощенность—все это рисовало народную жизнь, какъ юдоль печали и безпросвѣтныхъ сумерекъ. Ныло и болѣло сердце сострадательнаго либерала, благороднѣйшими муками томилось оно о народномъ горѣ, ища и не находя исхода, и вдругъ... вдругъ объявляется, что все это вздоръ, что народъ въ сущности довольно счастливъ и былъ бы, можетъ быть, совсѣмъ счастливъ, если бы не «заскорузлый и немощный либерализмъ». Таково было главное открытіе народничества, породившее глубокій раздоръ въ либеральномъ лагерѣ. Мысль крайне старая въ устахъ консерваторовъ, когда была высказана либералами же и даже радикалами либерализма—показалась страшно новой, дерзкой, безумной... Народники провозгласили, что ни бѣдность, ни невѣжество, ни тяжелый трудъ, ни несовершенство общественныхъ формъ еще не исключаютъ счастія, и что народъ въ сущности живетъ такъ, какъ ему нравится и какъ только можетъ жить. Всѣ идеалы и мечтанія о совершенномъ строѣ жизни были объявлены «бреднями соціальныхъ дѣлъ мастеровъ», которые народники, по словамъ Юзова, встрѣчали «насмѣшливымъ хохотомъ». Объявлено было, что факторомъ прогресса служитъ вовсе не умъ, не знаніе, а чувства и страсти, что «народъ обладаетъ извѣстнымъ строемъ чувствъ и страстей, который и опредѣляетъ возможную для народа общественную форму». Совершенно въ унисонъ съ консерваторами, народники заговорили, что «дѣло совсѣмъ не въ томъ, справедливѣйшая ли это форма общественной жизни, а годна ли она для современнаго общества или нѣтъ», причемъ доказывалось, что всѣ желаемыя либералами формы негодны, иначе онѣ уже были бы осуществлены... Признавъ дѣйствительность, народники возвели ее чуть не въ идеалъ. Я говорю: «чуть не въ идеалъ»; они, пожалуй, провозгласили бы существующее идеаломъ, но тогда не о чемъ было бы спорить, и народничество, въ числѣ другихъ теорій, оказалось бы ненужнымъ. Какъ бы въ сознаніи этой опасности, народники (не замѣчая своей непослѣдовательности) признали, что существующее не совсѣмъ ладно, но оно неладно потому, что народной жизни мѣшаетъ интеллигенція, бюрократія и вообще привилегированные классы, подчинившіе себѣ народъ безъ всякаго права. Нужно поэтому стараться о томъ, чтобы дать національной жизни народный характеръ, положить въ основы этой жизни «коллективныя желанія русскаго народа въ томъ видѣ, въ какомъ они успѣли уже формулироваться помимо всякаго вліянія интеллигенціи». «Намъ нечего мудрствовать лукаво,—говорятъ народники,—возьмемъ то, что предлагаетъ намъ жизнь. Не забывайте, что только идя рука-объ-руку съ народомъ, мы сильны, внѣ его—мы нуль, покрайней мѣрѣ въ вопросѣ объ осуществленіи его благосостоянія. Итакъ, да будутъ нашимъ знаменемъ коллективныя желанія русскаго народа». Эта красивая, мечтательная формула, заимствованная, можетъ быть, у Достоевскаго, крайне растяжима, и въ нее народники вкладываютъ самое разнообразное содержаніе. Отрицая насильственное вмѣшательство интеллигенціи въ народную жизнь, Юзовъ допускаетъ независимое существованіе образованнаго слоя, какъ и другихъ группъ—промышленныхъ и торговыхъ и т. п. Предостерегая отъ національнаго хищничества, Юзовъ, однако, отстаиваетъ націонализмъ и протекціонизмъ; сочувствуя этнографической независимости (въ отношеніи, напр., малороссовъ, сибиряковъ), Юзовъ защищаетъ стѣсненіе евреевъ, черту осѣдлости и пр., и пр.».

Къ этой удачной характеристикѣ народничества намъ нечего прибавить. Второй обоснователь народничества, г. В. В., подвелъ экономическое обоснованіе, признавъ незыблемость устоевъ міра—общину и артель. Въ его книгѣ «Наши направленія» положенія Юзова получили окончательную отдѣлку, и съ тѣхъ поръ народничество окаменѣло, порвавъ всякую живую связь съ текущей жизнью. Г. Меньшиковъ указываетъ, какъ на огромную заслугу народничества, на

заступничество за народъ, что составляетъ, по его мнѣнію, нравственную цѣль этой доктрины. Но тутъ же онъ самъ ослабляетъ это положеніе, «вспомнивъ», что въ русской литературѣ и до, и послѣ народниковъ никогда не умолкалъ голосъ народныхъ заступниковъ, такъ какъ вся лучшая, самая талантливая часть этой литературы всегда была посвящена народу и защитѣ его интересовъ. Совершенно невѣрно, намъ кажется, дальнѣйшее его утвержденіе, будто съ паденіемъ народничества въ наше время понизился интересъ къ народу и въ литературѣ, и въ обществѣ. Сами народники, дѣйствительно, считаютъ любовь къ народу какъ бы своей монополіей и постоянно любятъ попрекать всѣхъ не согласно съ ними мыслящихъ — въ равнодушіи къ народу. Для нихъ такое простодушное самомнѣніе вполнѣ простительно, но факты говорятъ совершенно обратное. Въ девяностыхъ годахъ произошелъ окончательный крахъ народничества, и въ тѣ же годы, во время двухъ большихъ голодовъ, общество проявило рѣдкое единодушіе въ борьбѣ съ народнымъ бѣдствіемъ. То же можно указать и въ литературѣ, гдѣ вопросъ о народѣ не сходитъ со сцены, но только постановка самаго вопроса, дѣйствительно, совершенно иная.

Жизнь внесла огромныя поправки въ тѣ взгляды на народъ, которые складывались подъ вліяніемъ народничества, и мѣсто преклоненія предъ народомъ заняло изученіе его. Исчезъ мистическій оттѣнокъ въ отношеніи къ народу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и красивая формула о «коллективномъ желаніи народа», и, право, никто ничего не потерялъ отъ этого. Правда, нѣтъ теперь «умиленія и восторга», которые, — говоритъ г. Меньшиковъ,—удалось вызвать полвѣка назадъ Тургеневу и Григоровичу, и мы не думаемъ, чтобы они когда-либо снова повторились въ прежней мѣрѣ. Но въ этомъ умиленіи и восторгѣ много было дѣтскаго невѣдѣнія, просто грубаго невѣжества, которое постепенно исчезаетъ, по мѣрѣ знакомства съ народомъ. Вмѣсто того, чтобы восторгатся и умиляться предъ нимъ, какъ однородной массой, мы начинаемъ уважать въ немъ *личность*, требуя для нея тѣхъ же правъ, какъ и для себя. Мы видимъ въ литературѣ огромный шагъ впередъ въ этомъ *расчлененіи* народа, который уже никому теперь не рисуется въ видѣ огромной однолитой единицы, противопоставляемой интеллигенціи, какъ нѣчто ей противоположное. Едва ли мыслимъ теперь писатель, который заставилъ бы насъ проливать слезы надъ современнымъ Антономъ-Горемыкой, олицетворивъ въ немъ *весь* народъ и его страданія. Какъ бы ни былъ великъ талантъ этого писателя, нелѣпость такого олицетворенія была бы слишкомъ бьющей въ глаза и разсѣяла бы всякую иллюзію. Впрочемъ, талантъ и не можетъ сдѣлать подобной ошибки. Но когда явился въ лицѣ г. Горькаго писатель, давшій рядъ талантливо нарисованныхъ типовъ изъ народной среды, читатели и литература единогласно привѣтствовали его, какъ давшаго нѣчто новое, оригинальное и заслуживающее огромнаго вниманія. Это очень яркій примѣръ того, не ослабѣвающаго интереса къ народу, который составляетъ отличительную черту русской литературы. Но, повторяемъ, эта литература иначе относится теперь къ самому понятію «народъ», иначе понимаетъ интересы «народа» и по иному ихъ изображаетъ.

Г. Меньшиковъ говоритъ въ той же статьѣ объ «отчужденіи образованнаго сословія» отъ народа. Мы думаемъ, что это давно уже устарѣлыя рѣчи. За послѣдніе годы установился сильный потокъ изъ деревни въ города, на что указываетъ огромный ростъ городовъ, отмѣченный послѣдней общей переписью. Съ другой стороны идетъ такой же потокъ образованныхъ людей въ деревню, въ видѣ массы учителей, докторовъ, техниковъ, находящихся въ постоянныхъ отношеніяхъ съ деревенскимъ людомъ и въ деревняхъ, и въ городахъ, что ведетъ къ несомнѣнному сближенію и взаимному пониманію. Это сближеніе происходитъ не на платонической почвѣ «хожденія въ народъ», а на почвѣ грубыхъ, подчасъ матеріальныхъ интересовъ, но въ этомъ и заклю-

чается его сила. Благодаря этому, оно получило массовый характеръ и ростъ его не ограниченъ тѣми или иными взглядами или теоріями, потому что онъ вызывается требованіями жизни. Прежній Стожаровъ, во имя «узенькой пользы Ларьки, укравшему пѣгаго иноходца у его отца», приносилъ въ жертву самого себя и все свое состояніе. Это было очень возвышенно, но непрактично и вело въ большинствѣ случаевъ къ великому и горькому разочарованію. Современные Стожаровы, буде они объявились бы въ нашъ сухой вѣкъ, врядъ ли поступили бы такъ. И не одинъ только опытъ прошлаго удержалъ бы ихъ отъ этого, но и сознаніе, что путь филантропіи рѣдко приводитъ къ желанной цѣли, какъ ведущій почти всегда къ самообману, а не къ удовлетворенію тѣхъ, кого имѣется въ виду облагодѣтельствовать. Впрочемъ, надо правду сказать, трудно даже представить въ современной обстановкѣ какого-либо Стожарова. Его замѣнилъ заурядный интеллигентный работникъ, ищущій въ деревнѣ заработка и на этой почвѣ сливающійся съ народомъ, который гораздо лучше понимаетъ его въ такомъ видѣ и много больше отъ него получаетъ при этомъ.

«Народозаступничество», въ которомъ г. Меньшиковъ вполнѣ справедливо видитъ большую заслугу народничества, уступило теперь мѣсто *справедливости* по отношенію къ народу. Юзовскія мечтанія объ особенностяхъ «мірского» уклада были плодомъ горячаго сердца и полнаго невѣжества относительно этого уклада. Литература послѣднихъ двухъ десятилѣтій развѣяла туманъ, заволакивавшій деревню въ глазахъ интеллигенціи, и правда о народѣ разрушила народническую легенду, отчего обѣ стороны—и народъ, и интеллигенція—только выиграли.

«Миѳологія,—говоритъ г. Меньшиковъ въ статьѣ «Серпуховскій цаникъ», вошедшей въ тотъ же сборникъ «Народные заступники»,—сопутствуетъ исторіи даже нашихъ дней, измѣнившихся лишь въ содержаніи. Волшебное, казавшееся въ древности возможнымъ, замѣнилось тѣмъ, что считается возможнымъ теперь и что, быть можетъ, сочтутъ невѣроятнымъ потомъ. Не только въ общенародной исторіи, но въ жизни какого хотите замкнутаго кружка, на глазахъ внимательныхъ наблюдателей, возникаютъ и вѣтвятся легенды, которыя, не будучи въ свое время опровергнуты, остаются какъ историческій матеріалъ. Иногда эти легенды носятъ мрачный характеръ; иногда, напротивъ, торжественный, иногда сентиментальный, комическій и т. д. Похвала и хула одинаково не чужды искаженія, панегиристы прибѣгаютъ ко лжи не рѣже, чѣмъ клеветники. Въ обоихъ случаяхъ, мнѣ кажется, страдаетъ то, что всего дороже въ жизни—*правда*. Поэтому, долгъ всѣхъ людей бороться съ миѳами своей эпохи и разрушать легенды при ихъ возникновеніи», и затѣмъ авторъ разрушаетъ одну удивительно комичную легенду о нѣкоемъ великомъ подвижникѣ, который жилъ на нашихъ глазахъ въ сердцѣ Россіи, подъ Москвою, и котораго, будто бы, проморгали черствые и безсердечные современники.

Эта легенда о какомъ-то князѣ Вяземскомъ очень характерна для недавняго настроенія, когда идея личнаго самоусовершенствованія затемнила на время вопросъ о важности общественныхъ реформъ и общественныхъ условій. Первый пустилъ въ оборотъ легенду какой-то г. М—фель, сообщившій въ «Русск. Вѣд.», что въ Серпуховѣ, на простой больничной койкѣ, скончался князь В. В. Вяземскій, жизнь котораго была сплошнымъ подвигомъ самоотверженной любви къ людямъ «Еще въ 1856 г.,—по словамъ некролога,—князь поселился на живописныхъ берегахъ Нары, одинъ-одинешенекъ, въ дремучемъ лѣсу, въ уютномъ деревянномъ домикѣ и прожилъ здѣсь 30 лѣтъ, занимаясь чтеніемъ и работами, внося всюду свѣтъ, добро и живое человѣческое чувство. Князь былъ глубоко-гуманный человѣкъ съ самой нѣжной, отзывчивой душой, которая неотразимо вліяла на всѣхъ и привлекала къ себѣ

каждаго. Уважая выше всего человѣческую личность, ненавидя произволъ, хотя бы и легальный, князь еще въ началѣ пятидесятыхъ годовъ отпустилъ на волю всѣхъ своихъ крестьянъ Бронницкаго и Серпуховскаго уѣздовъ, взявъ съ нихъ небольшой посильный выкупъ, который немедленно роздалъ бѣднѣйшимъ крестьянамъ, входя во всѣ ихъ нужды. Зато и крестьяне боготворили своего батюшку-князя, они за счастье почитали поработать на него, дать ему пріютъ, накормить его въ хатѣ. Когда у князя не было пищи, онъ спускался къ берегамъ Нары и громко кричалъ: «хлѣба нѣтъ!» И всѣ наперерывъ спѣшили къ нему, такъ что князь шутя сравнивалъ себя съ пророкомъ Иліей, котораго кормили вороны, и считалъ это высшей своей гордостью. Онъ былъ геніальныхъ способностей какъ ко всякому мастерству, такъ и къ наукамъ. При феноменальной памяти обладалъ огромными познаніями въ естественныхъ наукахъ, ревностно слѣдилъ за всѣми успѣхами въ области химіи, физики, анатоміи и проч., удивляя своими познаніями спеціалистовъ и профессоровъ. Либиха, Менделѣева, Функе зналъ наизусть... До конца жизни жилъ съ простымъ народомъ душа въ душу. Чистый и дѣвственный во всѣхъ помыслахъ и дѣйствіяхъ, онъ не понималъ прелести богатства и собственности, и все раздавалъ друзьямъ и нуждающимся. Когда онъ умеръ, на похороны явилось духовенство, земцы и думцы, огромная толпа народа, даже маленькія дѣти проливали слезы о праведникѣ».

За первымъ извѣстіемъ вскорѣ появилась статья небезъизвѣстнаго г. Обнинскаго, которую,—по словамъ г. Меньшикова,—утомительно читать, до того въ ней великолѣпно расписанъ идеальный князь. Прошелъ годъ послѣ этой статьи, но извѣстій и новыхъ сообщеній о замѣчательномъ праведникѣ не появлялось, и лишь въ 1894 г. явилась цѣлая біографія князя въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ», написанная г. Корсаковымъ—торжественная и не менѣе высокопарная, чѣмъ статья г. Обнинскаго. О князѣ заговорили, перепечатывали выдержки, стали сравнивать съ графомъ Л. Н. Толстымъ, даже превозносить его, какъ предвосхитившаго на практикѣ теоріи графа. Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» то же не безъизвѣстный публицистъ г. Сементковскій воспарилъ по этому поводу духомъ и посвятилъ цѣлую статью, въ которой доказывалъ, что «графъ Толстой списалъ точка въ точку все свое ученіе» съ Вяземскаго.

Такъ обстояло дѣло до тѣхъ поръ, пока г. Меньшиковъ, заинтересованный всѣмъ тѣмъ шумомъ, не рѣшилъ произвести разслѣдованія на мѣстѣ жизни и дѣйствія праведнаго князя и то, что собралъ, не опубликовалъ къ великому удивленію однихъ и горькому разочарованію другихъ. Дѣйствительность превзошла всѣ подозрѣнія автора—до того она рѣзко расходилась съ некрологомъ г. М-феля, статьями гг. Обнинскаго, Корсакова, Сементковскаго и другихъ легковѣрныхъ распространителей свѣже созданной легенды. Слѣдить за подробнымъ и мелочнымъ разслѣдованіемъ автора утомительно, но нельзя не привести нѣкоторые отзывы бывшихъ крестьянъ князя, его современниковъ и очевидцевъ его подвижнической жизни. Г. Меньшиковъ оговаривается, что нѣкоторыхъ разсказовъ онъ не могъ привести, въ виду ихъ совершенно невозможнаго для печати содержанія.

«— Правда ли,—спрашиваю одного бывшаго крѣпостного,—будто князь жилъ какъ святой?

— Святой? Съ рогами, вотъ какой святой. Чортъ былъ, одно слово.

— Говорятъ, онъ любилъ своихъ крестьянъ, отпустилъ ихъ на волю...

— Любилъ! Хуже собакъ мы были у него... Я князя помню, когда мнѣ было 9 лѣтъ и до 23-хъ все при нихъ состоялъ. Меня, правда, онъ не билъ— разъ только отодралъ, да зубъ вышибъ, когда я еще совсѣмъ маленькимъ былъ. А другихъ и дня не было, чтобы не билъ...

— Кажинный день дралъ,—говорила бабка Анна.—Тутъ же передъ домомъ,

на травѣ, и самъ смотритъ, какъ дерутъ. Ѳедора, отца Прокопьева, засѣкъ до смерти. Драли такъ, что на рогожахъ уносили. И дѣвокъ драли, которыя ему не сдавались. Бѣгали отъ него, дѣвки то... Озорникъ былъ, хуже пьянаго... Мучитель былъ... Вотъ какъ измывался надъ нами... Дѣвокъ всѣхъ портилъ, ни одна не миновала, постоянно мѣнялъ... Малолѣтнихъ...»

Словомъ, картина, нарисованная бывшими крѣпостными, оказалась даже для того времени выдающеюся по безобразію и дикости. Послѣ освобожденія князь одичалъ окончательно, спился, промоталъ все, что получилъ при выкупѣ, и превратился въ бродягу, шляясь по округѣ, нищенствуя и прокармливаясь то у сосѣднихъ помѣщиковъ, то у бывшихъ своихъ крѣпостныхъ. Все поведеніе его вплоть до смерти,—умеръ онъ 82 лѣтъ,—было проникнуто открытымъ и наглымъ цинизмомъ, не щадившимъ ничего святого. Изъ массы собранныхъ свидѣтельствъ и показаній совершенно ясно, что это былъ выродившійся субъектъ, ненормальный во всѣхъ отношеніяхъ, задорливый, развратный, необыкновенно высокаго о себѣ мнѣнія, готовый всегда на любой скандалъ. Отсутствіе «задерживающихъ» центровъ довело-бы его до каторги, если бы не спасала вначалѣ безгласность крѣпостного времени, а потомъ добродушіе и распущенность русской провинціи, гдѣ многое сходитъ съ рукъ, въ особенности, когда бездѣльникъ осѣненъ столь громкимъ титуломъ, невольно импонирующимъ окружающимъ.

Какъ же, тѣмъ не менѣе, могла возникнуть легенда? Оказывается, что исключительно благодаря легковѣрію однихъ и недобросовѣстности другихъ. Одинъ изъ авторовъ легенды г. Корсаковъ, еще въ концѣ 70-хъ годовъ пустилъ статейку въ «Недѣлѣ» о нѣкоемъ добродѣтельномъ князѣ-крестьянинѣ, котораго онъ называетъ Пряниковымъ. По словамъ самого г. Корсакова (въ «Сѣв. Вѣстникѣ»), онъ имѣлъ намѣреніе этою статьей о князѣ Пряниковѣ вызвать большой шумъ въ печати и ослабить тогдашнее революціонное броженіе. Шума, однако, не вышло, и черезъ 18 лѣтъ г. Корсаковъ и К°. поднимаютъ старую затѣю, на этотъ разъ болѣе удачно, — почва была подготовлена, и ихъ сочиненная легенда о князѣ-праведникѣ совпала съ извѣстнымъ настроеніемъ.

Такое объясненіе успѣха легенды намъ кажется вполнѣ правильнымъ, что отчасти подтверждается курьезнымъ результатомъ разоблаченій г. Меньшикова. Противъ него возстали любители «насъ возвышающаго обмана», и одинъ изъ нихъ послалъ ему отчаянное письмо. «Зачѣмъ это разслѣдованіе? Для чего? Чтобы искать правду? Но кому нужна эта правда? И что пользы отъ этой правды? Одна правда, бѣдная, всѣми заѣзженная, всевыносящая правда! Знаете ли вы, какое впечатлѣніе произвели на насъ статьи Мантейфеля, Корсакова, Обнинскаго? Вѣдь они ободрили, подняли насъ духомъ, привели въ умиленіе, оживили нашу вѣру въ человѣка, окрылили надеждами на лучшее будущее, открыли предъ омраченнымъ, затосковавшимъ взоромъ такія чудныя перспективы... И вдругъ... вдругъ все разсыпалось въ прахъ передъ нами! Только ложь, значитъ, осталась, наглая, вопіющая ложь, возведенная на пьедесталъ чуть ли не святого подвижничества! Тяжко, тоскливо, обидно!.. Это называется спасительнымъ отрезвленіемъ, молъ, правда прежде всего, а не иллюзія! Правда житейская, пошлая, реальная правда, правда ограниченнаго пошлаго разсудка даже тамъ, гдѣ все неуловимо, иллюзіи, мечты и чудные сны, подвластные совершенно инымъ законамъ, чѣмъ наша мизерная, ограниченная, жалкая жизнь! Ахъ, эта правда, правда Писаревская, правда Базарова, правда, вся проникнутая бездушіемъ, желчью и злобою!.. Чѣмъ мѣшала вамъ эта хорошая, чудная иллюзія въ жизни? Что бы и мы, и оберегаемая вами госпожа Истина потеряли бы, если бы этотъ «насъ возвышающій обманъ» и остался бы обманомъ?»..

Этотъ вопль удрученнаго правдой сердца лучше всего доказываетъ, насколько лживая и сознательная выдержка сочинителей легенды о князѣ-праведникѣ совпала съ опредѣленнымъ настроеніемъ, которое по существу не выноситъ истины.

разъ она разбиваетъ его, мѣшаетъ предаваться духовному квіэтизму. Правда требуетъ борьбы во имя свое со всѣмъ тѣмъ, что противорѣчитъ ей, легенда умиротворяетъ, баюкаетъ, какъ сказка, позволяетъ смотрѣть на окружающую гнусность сквозь розовые очки вымысла. Значитъ, думаетъ очарованное легендой обывательское сердце, не все такъ плохо, если возможны такіе очаровательные мужи, какъ князь Пряниковъ, и радуется обывательское сердце, что ему можно пребывать въ покоѣ, не терзаясь мучительными думами о разныхъ текущихъ злобахъ.

Отповѣдь, данная г. Меньшиковымъ, подчеркиваетъ одну особенность русской жизни, сближающую насъ съ китайцами, именно «лживость русскихъ людей». Онъ приводитъ любопытные отзывы по этому поводу Лѣскова, Достоевскаго, Аксакова, Тургенева и другихъ видныхъ писателей. Самъ онъ не рѣшается дать объясненіе этому факту, указывая только на долголѣтнее рабство, въ которомъ пребывалъ весь народъ. Пожалуй, правъ г. Меньшиковъ, и боязнь правды, какъ продуктъ нашей общественности, долго еще будетъ мѣшать всякаго рода «дознанію», и много еще разныхъ легендъ будутъ жить долго въ нашемъ сознаніи, огражденныя страхомъ—разсѣять возвышающую душу иллюзію. Китайщина вообще сидитъ прочно и вышибить ее дѣло не легкое. Г. Меньшиковъ считаетъ «дознаніе» величайшимъ дѣломъ литературы, и онъ тысячу разъ правъ, но именно въ этомъ дѣлѣ ей и приходится преодолѣвать величайшія трудности. Какъ на образчики такихъ дознаній, онъ указываетъ на двѣ превосходныя книги—«Голодный годъ» г. Короленки и «Островъ Сахалинъ» г. Чехова. Книги, дѣйствительно, удручающія своею правдой, но, смѣемъ думать, въ нихъ далеко не вся правда, которую эти писатели хотѣли и могли бы сказать.

Въ іюльскомъ нумерѣ англійскаго «Атенеумъ» находимъ снова отчетъ г. Бальмонта о русской литературѣ за годъ. По обыкновенію, г. Бальмонтъ преподноситъ англичанамъ рядъ откровеній, весьма оригинальныхъ для русскаго читателя, хотя, надо замѣтить, на этотъ разъ г. Бальмонтъ много скромнѣе.

Свой отчетъ авторъ начинаетъ съ вылазки противъ русской критики, слишкомъ «филистерской», чтобы достойно оцѣнить новыя теченія въ литературѣ. Коснувшись небрежно пушкинскихъ празднествъ прошлаго года и съ снисходительной похвалой отозвавшись о «Воскресеніи» Толстого, г. Бальмонтъ останавливается на «Ѳомѣ Гордѣевѣ» г. Горькаго, къ которому относится съ нѣкоторымъ даже почтеніемъ, сравнивая его съ Чеховымъ. Но едва ли польститъ г. Горькому сопоставленіе его съ г. Ясинскимъ, котораго г. Бальмонтъ вообще превозноситъ неоднократно и многообразно. По его отзыву, г. Ясинскій, это авторъ, обладающій «богатыми красками и поэтическимъ чувствомъ». Столь же лестно выражается онъ и о г. Минскомъ, «талантливомъ авторѣ философскаго произведенія «Въ свѣтѣ совѣсти», написавшемъ драму «Альма», интересную по содержанію, но вызвавшую нападки «либеральной» критики, которая никогда не упускаетъ случая щипнуть этого высоко образованнаго и интереснаго писателя, идущаго всегда своей собственной дорогой». Что г. Минскому досталось за его «Альму», это правда. Но при чемъ тутъ «либерализмъ»? Ни одинъ критикъ не разсматривалъ этого удивительнаго произведенія съ либеральной или реакціонной точки зрѣнія, а исключительно съ художественной стороны. Что послѣдняя не удовлетворительна, косвенно подтверждаетъ и самъ г. Бальмонтъ, ограничившись отзывомъ объ «Альмѣ»—«интересная», хотя для «своихъ» онъ не щадитъ красокъ вообще.

Далѣе мы узнаемъ, что «въ жизни современныхъ русскихъ поэтовъ замѣтна нѣкоторая перемѣна, выразившаяся въ томъ, что въ Петербургѣ возникъ поэтическій клубъ, основанный К. К. Случевскимъ, лучшимъ изъ современныхъ русскихъ поэтовъ. Въ Москвѣ возникло общество для изданія книгъ, называемое «Скорпіонъ», вокругъ котораго сгруппировались молодые поэты. Клубъ г. Случевскаго рѣшилъ, по его мысли, издавать каждый годъ литературный альманахъ, составляемый изъ произведеній членовъ клуба. Въ прошломъ году былъ

выпущенъ сборникъ подъ названіемъ «Денница». Къ сожалѣнію, содержаніе по большей части слабо. Единственно, что заслуживаетъ нашего вниманія, это поэмы Соллогуба и Ясинскаго, разсказъ послѣдняго и нѣкоторыя страницы повѣсти въ стихахъ М. Лохвицкой... Вокругъ «Скорпіона», стремящагося къ новому теченію въ литературѣ, группируются слѣдующіе молодые поэты и переводчики: Валерій Брюсовъ, Балтрушайтисъ, Поляковъ и другіе. Они посвятили себя созданію оригинальныхъ и переводу иностранныхъ произведеній, имѣющихъ отношеніе къ символизму и импрессіонизму, которые русская публика находитъ интересными, не смотря на нападки журналистовъ». Самое интересное для насъ здѣсь—это извѣщеніе о «Скорпіонѣ». Къ великому стыду своему, мы должны признаться, что нарожденіе «Скорпіона» прозѣвали, и имена знаменитыхъ молодыхъ поэтовъ Балтрушайтисъ и Поляковъ ничего не говорятъ нашему сердцу. Г. Брюсова мы помнимъ: кажется, это ему принадлежитъ безсмертное произведеніе, заключающееся всего въ одномъ, но по выразительности несравненномъ стихѣ: «О, закрой твои блѣдныя ноги». Писалъ ли что потомъ этотъ авторъ, или, создавъ это, никѣмъ еще не превзойденное твореніе, онъ изнемогъ и ослабѣлъ,—не знаемъ. Изъ этого признанія г. Бальмонтъ можетъ усмотрѣть, что далеко не вся журналистика повинна въ нападкахъ на «Скорпіона», которому да сулятъ боги долгіе дни и всяческое процвѣтаніе, не смотря на ядовитое имя его.

Затѣмъ г. Бальмонтъ сообщаетъ, что «привлекалъ вниманіе также новый журналъ «Ежемѣсячныя сочиненія», издаваемый г. Ясинскимъ. Онъ посвященъ литературнымъ вопросамъ, и одинъ тотъ фактъ,—увѣряетъ англичанъ г. Бальмонтъ,—что руководитъ имъ такой прекрасный художникъ слова, какъ г. Ясинскій, служитъ его лучшей рекомендаціей». И опять приходится констатировать наше литературное невѣжество: ни одна книга «Ежемѣсячныхъ сочиненій» г. Ясинскаго не попала намъ въ руки. Жалѣемъ, поэтому, что г. Бальмонтъ не даетъ болѣе подробной характеристики этого журнала. Можетъ быть, мы бы и соблазнились тогда. Для англичанъ, простодушно вѣрящихъ каждому слову г. Бальмонта, его отзыва о журналѣ, пожалуй, достаточно, но русскіе читатели не разъ имѣли случай подивиться «богатству красокъ» и «поэтическому чувству» г. Ясинскаго и потому такая сжатая характеристика можетъ имѣть какъ разъ обратное значеніе.

Перечисливъ къ концѣ разныя научныя и публицистическія сочиненія, вышедшія въ теченіе года, г. Бальмонтъ заключаетъ отчетъ радостнымъ возгласомъ: «Вообще говоря, я нахожу, что закончившійся сезонъ проявилъ больше жизни, чѣмъ предъидущій. Неизбѣжная рознь между «отцами» и «дѣтьми» повышала температуру журнальной жизни. Къ несчастью, противники всего новаго въ литературѣ, видящіе смертный грѣхъ въ созданіи новыхъ формъ поэтическаго творчества, продолжаютъ быть умственно убогими и встрѣчаютъ вѣчную борьбу идей градомъ нападокъ. Но молодость должна быть молода, и никакіе крики не помѣшаютъ намъ праздновать нашъ поэтическій май».

Отчеты г. Бальмонта хороши въ одномъ отношеніи: изъ нихъ всегда узнаешь что-либо новенькое по части русскаго литературнаго міра. Мы бы такъ и прозѣвали «поэтическій май», наступившій въ истекшемъ году на русскомъ Парнасѣ,—событіе немаловажное и обѣщающее столь много въ будущемъ. Но еще болѣе надеждъ возбуждаетъ «Скорпіонъ», руководимый столь именитыми и достославными поэтами, какъ гг. Балтрушайтисъ и Поляковъ. Русскіе журналисты, занятые вѣчными спорами о своихъ «матеріяхъ важныхъ», ни однимъ словомъ не обмолвились о нарожденіи этого новаго созвѣздія на нашемъ небосклонѣ, и не будь г. Бальмонта, мы такъ и не знали бы ничего, что творится въ предѣлахъ русской музы.

Большое спасибо г. Бальмонту за эти открытія, за «Скорпіона» въ особенности.

А. Б.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Высшіе женскіе курсы въ Москвѣ. Въ текущемъ году въ сентябрѣ открываются высшіе женскіе курсы, объ устройствѣ которыхъ «Русск. Вѣд.» сообщаютъ слѣдующія свѣдѣнія.

На высшіе женскіе курсы въ Москвѣ принимаются слушательницами лица, окончившія курсъ въ восьмиклассной женской гимназіи министерства народнаго просвѣщенія или въ женской гимназіи вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи или въ институтѣ, а также въ равномъ съ оными по правамъ женскомъ учебномъ заведеніи. Слушательницы, не имѣющія возможности жить въ своей семьѣ, должны жить въ общежитіи. На курсахъ два отдѣленія: историко-филологическое и физико-математическое. Курсъ четырехлѣтній. Плата 100 р. въ годъ, а годовая плата въ общежитіи 300 р. Лица, желающія поступить на курсы, должны прислать по почтѣ заявленіе объ этомъ на имя директора курсовъ не позднѣе 1-го августа, съ указаніемъ: 1) въ какомъ учебномъ заведеніи онѣ получили образованіе; 2) въ какомъ году окончили курсъ, 3) какое получили свидѣтельство или аттестатъ; 4) на какое отдѣленіе курсовъ желаютъ поступить и 5) точное обозначеніе своего адреса. Заявленія должны быть адресованы въ канцелярію попечителя учебнаго округа съ надписью «На высшіе женскіе курсы» и съ приложеніемъ почтовой марки для отвѣта.

Лица, которыя на основаніи этихъ заявленій будутъ приняты на курсы, получатъ объ этомъ извѣщеніе къ 20-му августа, съ указаніемъ, какія бумаги и куда онѣ должны представить. Число ежегодно вновь принимаемыхъ опредѣляется въ 150 человѣкъ.

Помѣщеніе для курсовъ нанято въ домѣ Гиршъ, въ Мерзляковскомъ пер., гдѣ была прежде 4-я женская гимназія. Тамъ же будетъ и общежитіе для лицъ, не имѣющихъ возможности жить въ семьѣ. По положенію, плата въ общежитіи установлена въ 300 р. за учебный годъ, но въ дѣйствительности ежемѣсячная плата можетъ быть понижена до 22 руб.,—что въ 9 учебныхъ мѣсяцевъ составитъ 200 р.,—благодаря попеченіямъ особаго общества, которое взялось за это дѣло.

Что касается до программы чтеній, то полныя свѣдѣнія о ней могутъ быть сообщены лишь по утвержденіи ея. Какъ мы слышали, при составленіи ея были приняты въ руководство слѣдующія три педагогическихъ соображенія: соразмѣрность ея съ силами слушательницъ, строгая послѣдовательность въ расположеніи предметовъ чтеній и концентрація ихъ для того, чтобы всѣ части общаго плана были въ тѣсной связи и взаимно помогали пониманію ихъ. Въ первомъ отношеніи нормальнымъ числомъ признаны три лекціи въ день, 18 въ недѣлю. Лекціи будутъ читаться отъ 10 до 1 часа. Но слушательницамъ

придется тратить, кромѣ того, не мало времени на изученіе языковъ и на домашнія занятія, для руководства которыми имѣются въ виду въ послѣобѣденное и вечернее время особыя практическія занятія (семинаріи) по исторіи и литературѣ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ директора. Что касается до послѣдовательнаго расположенія преподаванія, то на историческомъ отдѣленіи оно обусловливается хронологическимъ отношеніемъ частей программы: три главныя эпохи въ исторіи человѣчества — древность, средніе вѣка и новое время—будутъ составлять предметъ изученія на трехъ первыхъ курсахъ, четвертый—будетъ предоставленъ изученію спеціальностей. Такимъ образомъ занятія на первомъ курсѣ будутъ сосредоточены на изученіи древняго міра, что въ педагогическомъ отношеніи признается удобнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ни одна сторона жизни древняго міра не будетъ упущена изъ вниманія. Такъ какъ жизнь народовъ, кромѣ ихъ политической исторіи, выражается въ ихъ духовномъ творчествѣ, то исторія грековъ и римлянъ будетъ обставлена исторіей ихъ религіи, философіи, искусства и литературы; каждому изъ этихъ предметовъ отводится по два часа (миѳологіи 1, итого 11 лекцій). Къ этому присоединяется еще на первомъ курсѣ изученіе русской исторіи и литературы—4 часа. Всего съ богословіемъ и логикой—18 часовъ. На физико-математическомъ отдѣленіи преподаваніе (за исключеніемъ языковъ) займетъ 21—22 часа. Но въ это число войдетъ нѣсколько часовъ практическихъ занятій. Въ первомъ полугодіи будетъ обращено особенное вниманіе на то, чтобы укрѣпить познанія въ элементарныхъ свѣдѣніяхъ и подравнять въ этомъ отношеніи слушательницъ—необходимое условіе дальнѣйшаго научнаго преподаванія. На первомъ курсѣ будутъ преподаваться слѣдующіе университетскіе предметы: введеніе въ анализъ, физика и неорганическая химія. О преподаваніи естественныхъ наукъ на дальнѣйшихъ курсахъ состоится особое обсужденіе и ходатайство. Мы слышали, что преподаваніе на курсахъ предложено профессорамъ московскаго университета и что никто изъ нихъ отъ него не отказался.

Дѣти рабочихъ и городскія попечительства о бѣдныхъ въ Москвѣ. Подъ такимъ заглавіемъ русское техническое общество издало брошюру И. Ѳ. Горностаева, въ которой собраны весьма поучительныя данныя о положеніи дѣтей рабочихъ въ Москвѣ. Заимствуемъ изъ этой брошюры нѣкоторыя свѣдѣнія, имѣющія несомнѣнно общій интересъ, такъ какъ рисуемое г. Горностаевымъ положеніе вовсе не представляетъ чего-либо исключительнаго, присущаго только Москвѣ.

Дѣти рабочихъ живутъ и воспитываются при крайне неблагопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ. Наиболѣе пагубными для дѣтей являются *жилища*, въ коихъ протекаетъ ихъ жизнь, находящіяся въ самомъ ужасномъ состояніи; это, поистинѣ, *трущобы*, какъ мѣтко характеризуетъ ихъ Басманное попечительство.

Въ отчетахъ едва ли не всѣхъ попечительствъ изъ года въ годъ констатируется мрачная картина этихъ трущобъ. «Весь этотъ бѣдный людъ ютится по смраднымъ, сырымъ, большею частью подвальнымъ помѣщеніямъ, не удовлетворяющимъ самымъ примитивнымъ санитарнымъ и гигіеническимъ требованіямъ». «Наибольшая часть (48,1%) бѣдныхъ жила на койкахъ и въ углахъ сырыхъ и холодныхъ подваловъ, платя отъ 1 до 4 р. за койку и отъ 2 до 5 р. въ мѣсяцъ за уголъ. Многіе изъ бѣдныхъ, вслѣдствіе высокихъ для нихъ цѣнъ за такія помѣщенія, вынуждены бываютъ ютиться съ цѣлой семьей въ какомъ-нибудь темномъ и зловонномъ углу или довольствоваться одной койкой на нѣсколько человѣкъ». «Жизнь всѣхъ ихъ (бѣдняковъ) обставлена особенно плохо, благодаря отсутствію сносныхъ квартиръ; углы и каморки въ домахъ, въ которыхъ они ютятся по берегу рѣки Москвы, разстраиваютъ ихъ здоровье, демора-

лизуютъ нерѣдко нравственно, особенно дѣтей». «Живутъ такія семьи въ тѣсныхъ, темныхъ и грязныхъ, часто сырыхъ углахъ, съ малымъ количествомъ воздуха и дневного свѣта, внѣ всякихъ санитарныхъ условій; оборванныя, голодныя, больныя дѣти представляютъ собой самое печальное зрѣлище». «Дѣтямъ приходится расти въ до-крайности дурныхъ условіяхъ какъ въ гигіеническомъ, такъ и нравственномъ отношеніяхъ». «На долю бѣдняковъ во 2-мъ и 3-мъ уч. Сущевской части приходится «совершенно неустроенныя заокраины города, въ которыя не проникалъ еще свѣтъ керосиноваго фонаря (Ямское поле и Слободка), гдѣ нѣтъ ни мостовыхъ, ни тротуаровъ и постовъ городовыхъ».

Нельзя обойти молчаніемъ удручающую картину жизни на Хитровомъ рынкѣ; она уже много разъ воспроизводилась въ повременной печати по даннымъ извѣстнаго изслѣдованія Хитрова рынка 1897 г.; поэтому, ограничимся конечнымъ выводомъ изслѣдованія, что «Хитровъ рынокъ представляетъ самую ужасную язву всего города. Все хитровское населеніе переполняетъ мѣстные ночлежные дома до невѣроятной степени и находится въ бѣдственномъ состояніи, претерпѣвая лишенія вслѣдствіе крайней недостаточности воздуха и антисанитарныхъ условій жилищныхъ помѣщеній, питаясь недоброкачественными продуктами и проживая при условіяхъ, вызывающихъ порчу нравовъ, потерю работоспособности и пониженіе качества труда».

Питаніе бѣдныхъ дѣтей, какъ и ихъ родителей, крайне неудовлетворительное. Больно отзывается на сердцѣ такая, къ несчастью, заурядная картина: «дѣти оборванныя, голодныя, въ квартирѣ не топлено, ѣсть нечего»... Въ особенности плохо питаніе хитровскихъ дѣтей («огольцовъ»). «Обѣдать имъ приходится въ рѣдкихъ случаяхъ, когда благотворители заказываютъ обѣды въ харчевняхъ. Большею частью огольцы ѣдятъ то, что другими выбрасывается, и зачастую отнимаютъ у пьяныхъ нищихъ собранные ими куски хлѣба; вообще же они бываютъ вѣчно голодными».

Въ особенности горька участь дѣтей, брошенныхъ родителями на произволъ судьбы. Вотъ характерная исторія мальчика-скитальца. «Днемъ, по выраженію сосѣдей, онъ живетъ на Москвѣ рѣкѣ, ночью же скитается по квартирамъ бѣдняковъ; бывали случаи, что его не пускалъ къ себѣ никто, и тогда ему оставалось ночевать въ холодныхъ корридорахъ... Одинъ разъ его нашли утромъ почти совсѣмъ закоченѣвшимъ». На время его пріютила въ корыстныхъ цѣляхъ одна женщина, которая посылала его работать въ театръ Омона, «но когда онъ одинъ разъ не принесъ ей пятиалтыннаго, она выгнала его на улицу». Надо замѣтить, что изъ Проточнаго и смежнаго съ нимъ переулковъ много мальчиковъ набирается въ театръ Омона въ статисты. Мальчики должны являться въ театръ въ опредѣленномъ числѣ и взамѣнъ кого-либо отказавшагося должны найти другого; въ вечеръ имъ платятъ по 15 к.

Никто не повѣритъ, какъ велико число матерей съ незаконнорожденными дѣтьми, брошенными на произволъ судьбы отцомъ, который проживаетъ иногда невдалекѣ съ хорошимъ заработкомъ или даже въ довольствѣ. Такихъ дѣтей, напр., въ Басманномъ попечительствѣ въ 1898 г. было 101 изъ 803, т.-е. 12% общаго числа дѣтей просителей.

По-истинѣ, «горькую скорбь и ужасъ» вызываетъ участь дѣтей, погибающихъ въ мрачныхъ трущобахъ Хитрова рынка. Невыразимо тяжелое впечатлѣніе остается послѣ посѣщенія хитровскихъ берлогъ, когда видишь несчастныхъ дѣтей затерянными въ развращающей толпѣ ночлежнаго люда, среди самой удручающей обстановки.

Въ ночлежныхъ домахъ Хитрова рынка было зарегистрировано около 220 дѣтей. Легко представить, что при постоянномъ притокѣ новыхъ лицъ цифра всѣхъ дѣтей, которыя перебываютъ въ этой средѣ въ теченіе цѣлаго года, получится огромная, внушительная. По причинамъ появленія дѣтей можно сгруп-

пировать въ 3 категоріи. «Одни изъ нихъ родились на Хитровкѣ и, не будучи отданы въ Воспитательный домъ, остались при своихъ родителяхъ и продолжаютъ жить здѣсь вмѣстѣ съ ними или съ родственниками, а иногда и съ чужими людьми, принявшими ихъ на свое попеченіе, по большей части изъ корыстныхъ видовъ, напримѣръ, ради удобнѣйшаго сбора подаяній «на ребеночка». Другія убѣжали отъ родителей, изъ мастерскихъ и изъ прислуги, «чаще всего вслѣдствіе жестокаго и дурного обращенія съ ними». Третьи появились здѣсь «какъ-то случайно: они даже не помнятъ, откуда пришли, или не хотятъ о томъ сказать, или же, быть можетъ, въ самомъ дѣлѣ не знаютъ, кто ихъ родители». Къ одной изъ указанныхъ категорій слѣдуетъ отнести и мальчика N, убѣжавшаго изъ музыкантской команды, по его словамъ, въ виду суроваго режима. Какъ видно изъ текста условія (отгектографированнаго), заключаемаго родителями дѣтей съ полкомъ, учащіяся въ музыкантской командѣ дѣти до 17 лѣтъ могутъ быть наказываемы розгами до 15 ударовъ *).

Прослѣдимъ, чему учитъ ребенка хитровская жизнь. «Утромъ онъ видитъ пьянство, въ полдень и вечеромъ то же, и даже ночью отъ пьяныхъ нѣтъ покоя. Передъ нимъ постоянно происходятъ сцены самаго разнузданнаго разврата, самаго безшабашнаго распутства. Никто изъ живущихъ не обращаетъ на то никакого вниманія, какъ будто все это такъ и нужно, такъ и должно быть. Воры называютъ кражи «покупками», краденое—«товаромъ». Совершенно понятно, что ребенокъ, воспитанный «такой матерью»—окружающей его хитровской средой, получаетъ свойственное ей представленіе о жизни и понятія, не сходящіяся съ обычной этикой, не различаетъ добра отъ зла, а если онъ раньше умѣлъ это дѣлать, то сбивается съ толку и перестаетъ отличать хорошее отъ дурного, дозволенное отъ недозволеннаго. Для такого воспитанника удачная кража—это только ловкое и легкое пріобрѣтеніе». Обыкновенно, «старый воръ дружится съ какимъ-нибудь мальчикомъ, потомъ беретъ его съ собой... Ребенокъ, подчиняясь своему руководителю, совершаетъ кражу и все похищенное передаетъ въ руки учителя. Такъ вырабатывается изъ ребенка настоящій воръ, которыхъ такъ много на Хитровкѣ».

Еще быстрѣе совершается паденіе дѣвочекъ. «Минотавровъ слишкомъ много на Хитровкѣ, какъ и внѣ ея. Конечно, все совершается въ пьяномъ видѣ, но

---

*) Приводимъ это весьма характерное условіе полностью. «189 года дня, я, нижеподписавш заключил сіе условіе съ (такимъ-то) полкомъ въ томъ, что отдаю моего въ (такой-то) полкъ для обученія его въ музыкантской командѣ игрѣ на одномъ изъ инструментовъ, срокомъ на лѣтъ, безъ всякой платы отъ полка, но съ тѣмъ, чтобы въ теченіе всего времени продовольствіе и одежда его были бы отъ полка, я же съ своей стороны не имѣю права взять своего изъ полка ранѣе истеченія полныхъ лѣтъ. При переводѣ полка на другія квартиры (кромѣ военнаго похода) онъ мой обязанъ слѣдовать за полкомъ всюду. Въ случаѣ желанія моего взять изъ полка ранѣе окончанія лѣтъ, я обязан заплатить полку неустойку по разсчету девяносто рублей за каждый годъ, проведенный моимъ въ полку, и не имѣю права взять его изъ полка, пока не внесу всѣхъ денегъ. мой обязанъ жить въ казармѣ музыкантской команды и отлучаться изъ команды можетъ только съ разрѣшенія своего начальства. Всѣ правила военной дисциплины и всѣхъ военныхъ порядковъ обязательны для моего наравнѣ съ находящимися на дѣйствительной службѣ. За всякое нарушеніе этихъ правилъ Полковой Адъютантъ можетъ наложить на моего взысканіе, которому послѣдній обязанъ подчиниться безропотно. Полкъ же, найдя почему-либо неудобнымъ содержать моего , имѣетъ право во всякое время вернуть его ко мнѣ и контрактъ нарушить безъ всякой отвѣтственности съ своей стороны. При неисправно-дурномъ поведеніи моего, или при его поступкѣ, выходящемъ изъ ряда обыкновенныхъ, мой можетъ быть подвергнутъ ударамъ розогъ до 17-лѣтняго возраста, но не болѣе, какъ до 15 ударовъ, каждый разъ властью Командира полка; въ случаѣ самовольной отлучки изъ команды моего я обязуюсь добровольно доставить его обратно, въ противномъ случаѣ издержки полка я обязуюсь заплатить».

главнымъ виновникомъ является та подготовка къ разврату, которую волей-неволей приходится получать питомцамъ Хитровки. Ежедневныя сцены разнузданнаго распутства мало-по-малу убиваютъ чувство отвращенія къ нему, если таковое и было у ребенка. А тутъ еще спѣшатъ на погибель ребенку разныя «благодѣтельницы», въ родѣ квартирныхъ хозяевъ или старыхъ проститутокъ, которыя наглядными примѣрами докажутъ ему, что развратъ вовсе не порокъ, а самое обычное житейское явленіе, что послѣднее необходимо и неизбѣжно, что иначе и жить нельзя. И только впослѣдствіи, по понятіямъ внѣ-хитровскимъ, это дѣтище узнаетъ, что нѣкоторыя вещи считаются безнравственными, дурными, хотя на самой Хитровкѣ дурными ихъ не признаютъ».

Статистическія данныя о дѣтяхъ неимущихъ классовъ въ Москвѣ крайне не полны; цифры переписи 1882 г. совершенно устарѣли, а за 1897 г. ихъ еще нѣтъ. Имѣются лишь данныя о дѣтскомъ населеніи, коечно-каморочныхъ квартиръ по городскому обслѣдованію въ 1898—1899 г.: изъ 181.000 всѣхъ жителей этихъ квартиръ дѣтей моложе 14 лѣтъ 39.700 чел., т.-е. почти 22%. Но эта цифра еще не даетъ представленія о численности всего интересующаго насъ контингента, такъ какъ изслѣдованіе не коснулось ни фабричныхъ, живущихъ на фабрикахъ и заводахъ, ни ремесленниковъ и ихъ рабочихъ, живущихъ при ремесленныхъ заведеніяхъ.

Большой интересъ представляютъ *результаты спеціальнаго изслѣдованія Пречистенскаго попечительства о положеніи народнаго образованія* среди бѣдныхъ жителей Пречистенской части въ 1896 г., такъ какъ полученныя данныя могутъ быть признаны до нѣкоторой степени типичными и для другихъ частей Москвы. Всѣхъ *получившихъ образованіе*—1.095 чел. Большинство училось внѣ Москвы—57,8%, въ Москвѣ же остальные 42,2%. Сравненіе отдѣльныхъ категорій учившихся показываетъ, что «городскія и земскія школы, наиболѣе хорошо поставленныя и наиболѣе правильно функціонирующія, далеко не удовлетворяютъ всего спроса населенія на начальное образованіе». Въ первыхъ обучалось лишь 29,1% и во вторыхъ 33,9%. «Цѣлые 37% должны были ограничиваться обученіемъ въ школахъ большею частью низшаго типа (церковно-приходскихъ 18,5%, пріютскихъ и благотворительныхъ 4,3%), или же принуждены были отдавать своихъ дѣтей въ частныя школы (3,4%) или обучать ихъ дома и у частныхъ лицъ (9,4%). Очевидно, что качество образованія, полученнаго этими 37%, по крайней мѣрѣ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, очень не велико».

Время обученія, въ среднемъ, составляетъ около 2½ л., что для сельскихъ школъ, при ихъ краткосрочномъ учебномъ періодѣ, въ сущности, сводится къ одному году съ небольшимъ. «Легко можно себѣ представить, какъ ничтожны тѣ знанія, которыя могутъ быть пріобрѣтены въ такой краткій періодъ времени».

Съ цѣлью выяснить условія труда и быта *учениковъ ремесленныхъ заведеній* и тѣмъ самымъ опредѣлить, насколько они нуждаются въ помощи попечительства, Пречистенское попечительство въ концѣ 1897 года произвело въ своемъ районѣ изслѣдованіе въ 241 заведеніи съ 692 ремесленными учениками. Огромная часть заведеній оказалась въ антисанитарномъ состояніи: сырость, мало свѣта, спертый воздухъ; притомъ многія помѣщаются въ подвалахъ—24,6%. Въ 46% случаевъ ученики ѣдятъ въ самыхъ мастерскихъ, а въ 56,2% и спятъ въ мастерскихъ: на столахъ, верстакахъ и т. п. Здѣсь они подвергаются вредному вліянію удушливыхъ испареній, угару и металлической пыли отъ работы. Въ 43,8% заведеній ученики спятъ въ особыхъ спальняхъ или въ случайныхъ помѣщеніяхъ (въ кухнѣ, коррядорѣ, подъ лѣстницей и т. п.), конечно, безусловно негигіеничныхъ, съ крайне недостаточ-

*

нымъ количествомъ воздуха, спускающимся до поразительно ничтожныхъ цифръ, какъ 3,4 куб. метра (у полотеровъ) и 2,6 (у прачекъ).

Рабочій день учениковъ длится вообще 13,4 ч., а за вычетомъ всѣхъ паузъ—11,7 часа; это среднее число колеблется по роду работы отъ 9,8 ч. (у полотеровъ) до 15 ч. (у бондарей, рамочниковъ и токарей). Въ булочныхъ констатируются наиболѣе тяжелыя условія труда: 17-ти-час. рабочій день, а за вычетомъ паузъ 14 час., отягчаемыхъ ночной работой. 16-ти-час. рабочій день (14—14,5 час. чистой работы) встрѣчается весьма нерѣдко, чаще всего въ сапожныхъ и прачечныхъ заведеніяхъ. Въ 22,2% заведеній работа бываетъ и по праздникамъ. Кромѣ того, передъ праздниками Рождества и Пасхи и въ началѣ сезона происходитъ усиленная работа (въ 44,4% заведеній, преимущественно модныхъ и портновскихъ). Тѣмъ ученикамъ, у которыхъ родители живутъ внѣ Москвы или умерли (а такихъ 56,2%), «поневолѣ приходится и въ праздники оставаться въ заведеніи».

Принимаются ремесленные ученики въ заведенія обыкновенно по словесному условію, на 4—5 лѣтъ и обучаются безплатно; по окончаніи ученія нерѣдко дается «на выходъ» 15—25 руб. «Это доказываетъ, что, несмотря на частыя увѣренія хозяевъ въ противномъ, трудъ учениковъ является для нихъ во всякомъ случаѣ выгоднымъ, какъ даровая рабочая сила».

Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ привести интересныхъ данныхъ о дѣятельности попечительствъ по охранѣ несчастныхъ дѣтей. Отсылаемъ, поэтому, читателей къ самой брошюрѣ, высоко интересной во многихъ отношеніяхъ, тѣмъ болѣе, что цѣль изданія благотворительная и весь доходъ идетъ на тѣхъ же дѣтей. Цѣна 35 к.

Посемейное призрѣніе душевнобольныхъ въ г. Балахнѣ. Вопросъ о посемейномъ призрѣніи душевнобольныхъ былъ возбужденъ нѣсколько лѣтъ назадъ въ нижегородскомъ губернскомъ земствѣ. Какъ дѣло новое и въ Россіи еще не практиковавшееся, это возбуждало много опасеній. Въ концѣ концовъ рѣшено было въ видѣ опыта устроить колонію душевнобольныхъ въ городѣ Балахнѣ. Въ «Ниж. Листкѣ» помѣщено описаніе этого опыта, имѣющаго огромное значеніе для губернскихъ земскихъ домовъ для душевнобольныхъ. Дома эти переполнены и содержаніе больныхъ просто ужасно, вслѣдствіе невозможности содержать хорошо огромное количество больныхъ, за тѣснотою и плохимъ вообще устройствомъ помѣщеній, старыхъ, перешедшихъ еще отъ бывшихъ приказовъ призрѣнія. Выселеніе значительной части больныхъ въ колонію представляется во всѣхъ отношеніяхъ выгоднымъ. Весь вопросъ въ томъ, насколько поселеніе такихъ больныхъ на свободѣ окажется безопаснымъ и для нихъ, и для мѣстнаго населенія.

Пріемный покой балахнинской колоніи устроенъ въ городѣ Балахнѣ и служитъ центромъ, откуда идутъ распоряженія врача и ведется наблюденіе за больными, прежде чѣмъ отдать ихъ на руки. Больные размѣщаются въ пригородѣ, с. Кубинцевѣ. Лѣтъ 15-ть назадъ Балахна была оживленнымъ и промышленнымъ городомъ, благодаря заводу минеральныхъ маслъ товарищества Рагозинъ и К°. Съ прекращеніемъ дѣятельности завода Балахна пришла въ упадокъ, и теперь только останки завода—красныя трубы среди заросшей зеленою порослью площади завода—напоминаютъ о минувшемъ оживленіи. Отъ времени его въ низшихъ слояхъ населенія уцѣлѣли кое какія привычки зажиточной жизни, захватившія и пригородъ Балахны село Кубинцево. Живутъ здѣсь довольно чисто, хотя и бѣдно. Мужское населеніе Балахны работаетъ лѣтомъ на Волгѣ, а изъ Кубинцева расходятся на плотничныя работы въ разныя стороны, между прочимъ и въ Сибирь. Женское населеніе и въ Балахнѣ и въ Кубинцевѣ занято стариннымъ, но теперь совершенно упавшимъ

кустарнымъ промысломъ плетенья кружевъ. Пашутъ землю здѣсь немногіе. Тихая, однообразная жизнь, вслѣдствіе экономическаго упадка этой мѣстности просторные пустующіе дома; согласіе самихъ жителей, близость къ Нижнему и удобство сообщенія (2 часа ѣзды на пароходѣ)—заставили признать Балахну подходящимъ мѣстомъ для опыта посемейнаго призрѣнія.

Въ наше посѣщеніе въ пріемномъ покоѣ оказалось пять человѣкъ больныхъ: 4 женщины, одинъ мужчина. Одна изъ нихъ молодая женщина, спокойная и покорная слабоумная, очень располнѣвшая, усердно шила во дворѣ подушки. Въ качествѣ особенно кроткой и безобидной особы, она предназначена для призрѣнія въ самой Балахнѣ. Для города вообще выбираются особенно смирные и тихіе больные. Пока въ Балахнѣ помѣщены двое мужчинъ и двѣ женщины въ двухъ семьяхъ. Остальные больные переведены въ покой временно, вслѣдствіе ухудшенія ихъ состоянія.

Въ Кубинцевѣ въ нашъ пріѣздъ находилось всего тридцать два человѣка больныхъ: пять женщинъ въ 4 домахъ и 27 мужчинъ въ 13 домахъ. Будь эти больные—главнымъ образомъ врожденные и вторичные слабоумные—собраны вмѣстѣ въ больницѣ или богадѣльнѣ, они производили бы своими душевными и физическими немощами (идіоты, старики, одинъ слѣпой и глухой) крайне тяжелое впечатлѣніе. Будучи разъединены, находясь подъ присмотромъ, болѣе или менѣе тщательнымъ и участливымъ, хозяекъ дома, они кажутся счастливцами въ сравненіи съ тѣмъ, что дѣлается въ корпусахъ больницъ.

Плата за каждаго больного 6 руб. въ мѣсяцъ и на стирку ½ ф. мыла. Одежда казенная. Больнымъ полагается отъ хозяина два раза чай, обѣдъ и ужинъ Въ среднемъ стоимость содержанія больного въ годъ опредѣлилась около 74 р., что гораздо дешевле содержанія тѣхъ же больныхъ въ больницѣ.

Удачный выборъ «кормильцевъ» является, конечно, самою существенною стороною дѣла призрѣнія. Обстановка помѣщенія, столъ, развитіе и характеръ хозяина—все должно быть принято во вниманіе и взвѣшено, сообразно больному, его психическому состоянію и привычкамъ до болѣзни. Какъ въ больницѣ больной находится главнымъ образомъ подъ надзоромъ сидѣлокъ и служителей, такъ въ колоніяхъ онъ находится на попеченіи своихъ кормильцевъ. Крестьянинъ или крестьянка лучше услѣдитъ за однимъ-двумя больными, чѣмъ служитель или сидѣлка, выгнанные нуждой изъ деревни въ городъ, слѣдятъ за ввѣреннымъ имъ десяткомъ и болѣе больныхъ.

При внимательномъ отношеніи къ дѣлу, выборъ кормильцевъ и подборъ больныхъ другъ по другу могутъ быть сдѣланы, конечно, вполнѣ удовлетворительно. Поверхностное впечатлѣніе отъ теперешнихъ «кормильцевъ» безспорно въ ихъ пользу. Въ обстановкѣ больныхъ видно болѣе или менѣе участливое отношеніе къ нимъ со стороны хозяевъ. Въ случаѣ надобности хозяева, по указанію врача, дѣлаютъ необходимыя перестройки въ помѣщеніи для больныхъ. Обѣ стороны привыкаютъ другъ къ другу и хорошо ладятъ между собою. Въ одной изъ избъ содержащіеся въ ней двое идіотовъ и третій больной со вторичнымъ слабоуміемъ оставляютъ по себѣ впечатлѣніе вполнѣ благодушествующихъ субъектовъ, которые дружатъ и ссорятся какъ дѣти.

День больные проводятъ различно. Встаютъ—по крестьянски поздно—часовъ въ семь, ложатся рано—въ восьмомъ часу. Кто можетъ—работаетъ, но работы пока еще не вполнѣ организованы. Нѣкоторыя изъ женщинъ шьютъ бѣлье для больницы. Мужчины, кто можетъ, исполняютъ кое-какія надворныя работы, колютъ дрова, роются въ огородахъ и т. д. Нѣкоторые немного читаютъ: библіотечка для нихъ была бы не лишнею. Одинъ, прежде сельскій учитель, ведетъ дневникъ пребыванія въ колоніи, тщательно записывая всѣ внѣшніе факты жизни въ селѣ: когда встали, какъ обѣдали, пріѣздъ врача или надзирательницы и проч.

По праздникамъ многіе изъ больныхъ ходятъ въ церковь, нѣкоторые съ хозяйками или ихъ дѣтьми, другіе безъ провожатыхъ.

Намъ приходится говорить теперь объ отношеніи населенія къ поселеннымъ среди него душевнобольнымъ. Первое время больные, конечно, возбуждали чувство любопытства, смѣшаннаго со страхомъ. Суевѣрный порою взглядъ на душевнобольныхъ вѣдь вообще среди народа носитъ характеръ нѣкотораго добродушія: о слабоумныхъ, которыхъ нѣсколько среди кубинцевскихъ больныхъ, говорятъ вообще, какъ о блаженныхъ, обидѣть которыхъ грѣхъ... Теперь въ Кубинцевѣ къ больнымъ пригладѣлись и видятъ, что вреда отъ нихъ нѣтъ. Имъ охотно приносятъ подаяніе, особенно если гдѣ-нибудь есть поминъ, и натурой, и деньгами, по нѣскольку копѣекъ. Дѣти кормильцевъ иногда провожаютъ больныхъ въ церковь. Случаевъ дурного обращенія съ больными со стороны дѣтей не наблюдалось. Видя, что взрослые ухаживаютъ и дорожатъ больными, и дѣти привыкаютъ относиться къ нимъ ласково.

При обѣднѣніи Кубинцева и дешевизнѣ части естественныхъ продуктовъ (у кормильцевъ свои огороды), содержаніе двухъ-трехъ больныхъ составляетъ для кормильцевъ не малое подспорье. Теперь охотниковъ взять къ себѣ больныхъ найти не трудно.

Опасность отъ душевнобольныхъ въ отношеніи возможности пожара въ Кубинцевѣ нисколько не больше, если не гораздо меньше, чѣмъ опасность въ любой деревнѣ отъ пьяныхъ. За тѣми, вѣдь, нѣтъ уже никакого присмотра.

Если добавить, что колонія постоянно посѣщается врачомъ и надзирателемъ, то, кажется, будутъ исчерпаны всѣ болѣе существенныя стороны жизни ея. Укажемъ еще, что, на нашъ взглядъ, желательно было бы установленіе между врачебнымъ персоналомъ колоніи и населеніемъ Кубинцева болѣе простыхъ, близкихъ отношеній, при которыхъ были бы случаи хотя бы для бесѣдъ съ крестьянами объ отношеніи къ душевнобольнымъ.

Въ общемъ обстановка колоніи производитъ пріятное впечатлѣніе внимательно налаживаемаго дѣла, окончательная судьба котораго пока въ будущемъ. Отчаяваться въ успѣхѣ пока нѣтъ никакихъ основаній, а можно думать, что опытъ заграницы, говорящій въ пользу этой формы призрѣнія душевнобольныхъ, не разойдется съ опытомъ на русской почвѣ.

Библіотека-читальня въ фабричномъ селѣ. Въ «Сѣверномъ Краѣ» г. Бѣловъ, корреспонденція котораго о бытѣ кустарей въ с. Черкизовѣ была напечатана у насъ недавно, даетъ живое описаніе библіотеки-читальни въ фабричномъ с. Тейковѣ, Владимірской губ., и объ отношеніи къ ней населенія.

«Вечеръ. Пронзительно гудитъ фабричный свистокъ. Рабочая смѣна кончаетъ работу. Одни изъ «блузниковъ» усталые, измученные спѣшатъ домой, другіе—прямо изъ корпуса, грязные и неумытые направляются въ безплатную библіотеку-читальню, которая пріютилась въ фабричномъ дворѣ, недалеко отъ фабричныхъ воротъ, въ двухэтажномъ зданіи, гдѣ обрѣтается и публичная библіотека...

«Тейковская безплатная библіотека-читальня помѣщается въ небольшой комнаткѣ: вправо отъ входа помѣщаются книжные шкафы, слѣва—столы, на которыхъ лежатъ журналы и газеты, разрѣшенные для безплатныхъ библіотекъ: тутъ и «Русскій садъ и огородъ», рядомъ съ «Паломникомъ» и «Свѣтомъ»; тутъ и синяя обложка «Нови», тутъ и «Нива» и «Вокругъ свѣта»... За столами сидятъ рабочіе, подростки-ученики фабричной и земской школъ. Одни просматриваютъ телеграммы «Свѣта», но самой газетой мало интересуются. Другіе изъ сидящихъ за столомъ перелистываютъ иллюстрированные журналы: картинки нравятся, особенно дѣтворѣ. Какой-нибудь мальчуганъ, блестя глазенками, впивается въ картинку и толкаетъ въ бокъ товарища, спѣша съ нимъ подѣлиться впечатлѣніемъ.

«Около книжныхъ шкафовъ толчется толпа: тутъ и одинъ изъ тейковскихъ патріарховъ, убѣленный сѣдинами, пришедшій за «душеспасительной» книжкой, здѣсь и молодой фабричный лѣтъ 20—25-ти, окончившій полный курсъ наукъ въ фабричной школѣ и предъявляющій къ книгѣ серьезные запросы, зачастую выходящіе за предѣлы жалкаго каталога книгъ. Въ толпѣ же вы видите и оживленныя лица, искрящіеся глазки подростка-мальчика или дѣвочки, которые уже давно, еще до библіотекаря, пришли сюда, и ждутъ не дождутся, когда имъ перемѣнятъ книгу!..

«— Сергѣй Иванычъ, перемѣните мнѣ, я давно пришелъ,—обращается къ библіотекарю двѣнадцатилѣтній мальчуганъ.

«— Ладно!.. Давай!.. Тебѣ что?—спрашиваетъ библіотекарь.

«— Я «Князя Серебрянаго» хочу взять!.. Сенька!—кричитъ онъ въ толпу,—давай-ка книжку-то... У него, Сергѣй Иванычъ, «Князь Серебряный»-то, онъ прочиталъ... сдавать принесъ...

«— Ладно, бери.

«Сергѣй Иванычъ обращается къ Сенькѣ:

«— Ну, а тебѣ что?

«— Изъ «Майнъ-Рида» что-нибудь, Сергѣй Иванычъ... Братишка мой читалъ, такъ очень хвалитъ... Нѣтъ ли у васъ «Всадника безъ головы»?

«Библіотекарь начинаетъ рыться въ шкафу.

«Къ Сергѣю Ивановичу протягивается рука фабричнаго, которому можно дать лѣтъ тридцать; въ рукѣ—томъ «Анны Карениной».

«— Продолженіе-то есть, Сергѣй Иванычъ?—спрашиваетъ онъ.

«— Нѣтъ ли господина Салтыкова, Сергѣй Иванычъ?—слышится изъ толпы.

«— Нѣтъ... Коли хотите, можете достать въ публичной библіотекѣ.

«— Ну, а Некрасовъ—имѣется?

«— Тоже нѣтъ...

«Рабочій разочарованно смотритъ на Сергѣя Ивановича, вглядывается въ книги, стоящія на полкахъ книжныхъ шкафовъ, вглядывается долго, пристально, что-то обдумываетъ и, наконецъ, говоритъ, но говоритъ какъ-то неувѣренно, смущенно:

«— Можетъ, есть сочиненія Короленко?

«— Ни-нѣ-ѣтъ!..

«— Э-э-эхъ!. Что же есть? — Сергѣй Ивановичъ начинаетъ предлагать Гончарова, Тургенева, Л. Н. Толстого, Достоевскаго.

«— Читалъ все, Сергѣй Ивановичъ!—съ какимъ-то огорченіемъ въ голосѣ восклицаетъ рабочій,—Ну, да ужъ ладно!.. Дайте мнѣ «Преступленіе и наказаніе»... Прочту еще разъ...

«Въ средѣ этихъ «блузниковъ», работающихъ за ткацкимъ станкомъ или прядильной машиной девять часовъ, вы встрѣтите истинную интеллигенцію, встрѣтите тѣхъ, въ головѣ у которыхъ горитъ мысль, а въ молодой, чуткой и отзывчивой душѣ рождаются стремленія и запросы—серьезные и важные; духовные голодъ и жажда растутъ и требуютъ духовной пищи, свѣжей, доброкачественной, хорошей пищи.—Къ сожалѣнію, ея-то въ народныхъ библіотекахъ-читальняхъ пока еще очень мало».

Лѣсной сплавъ по рѣкамъ Ветлугѣ и Волгѣ. «Костромской Листокъ» сообщаетъ интересныя данныя объ одномъ изъ самыхъ старыхъ русскихъ промысловъ, лѣсномъ сплавѣ по Ветлугѣ и Волгѣ. Ветлужскій край до сихъ поръ представляетъ великій глухой уголъ, гдѣ главный или, лучше, сказать единственный заработокъ мѣстному крестьянину даетъ лѣсъ: вырубка его, вывозъ, нагрузка, сплавъ. Нанимается, обыкновенно, къ извѣстному промышленнику партія мужиковъ, снимаетъ у него подрядъ вырубить, очистить, подвести къ

сплавной рѣкѣ и сплотить лѣсъ. Чистый барышъ отъ всего этого дѣла и составляетъ обыкновенно единственный заработокъ мужика во весь годъ. Если лѣсъ не сплавной, а мелкій для бѣлянъ—дѣло нѣсколько усложняется. Выбранный для вырубки лѣсъ этотъ долженъ быть подвезенъ на большую рѣку—Ветлугу или Усту, къ пристани, гдѣ обыкновенно выстраивается бѣляна или двѣ для перевозки его до мѣста назначенія, преимущественно въ Дубовку. Снявшіе на отрядъ все дѣло мужики должны, прежде всего, выбирать на извѣстномъ участкѣ соотвѣтствующій требованію хозяина лѣсъ (дручекъ, подтоварникъ и прочее), причемъ необходимо смотрѣть, чтобы дерево не было съ изъяномъ: криво, напр., или съ гнилью, чтобы оно было извѣстнаго размѣра въ длину и въ толщину. Выбранный лѣсъ очищается, скоблится и послѣ этого уже везется къ мѣсту нагрузки, къ бѣлянѣ. Здѣсь его осматриваютъ особые браковщики, наблюдающіе за доброкачественностью вывозимаго лѣса, причемъ за каждое вывезенное дерево съ изъяномъ на мужика налагается штрафъ. Эти штрафы бываютъ далеко не рѣдки, хотя мужикъ уже и привыкъ къ своему дѣлу и достаточно оснаровился, чтобы по одному взгляду на дерево, видѣть его недостатки, а также и мѣру. Произволъ и притѣсненія находятъ себѣ здѣсь достаточно мѣста.

Въ выработкѣ лѣса для бѣляны участвуетъ иногда до 200 конныхъ рабочихъ. Плату они получаютъ сдѣльно причемъ высшій заработокъ мужика за время работы съ осени до весны (до сплава) простирается до 60—70 руб. Но тутъ и весь заработокъ мужика за зиму, больше никакихъ промысловъ нѣтъ у него, а слѣдовательно нѣтъ и дохода. Лѣтомъ къ зимнему заработку присоединяется еще плата за сгонъ лѣса или бѣлянъ на Волгу, т. е. руб. 10, 20, 25.

Тронулся ледъ на Ветлугѣ, и вслѣдъ за половодьемъ начинается сплавъ бѣлянъ и плотовъ. Картина сплава плотовъ представляетъ, особенно для человѣка новаго, довольно интересное зрѣлище: плоты разныхъ владѣльцевъ длинною вереницею, въ теченіе двухъ недѣль, медленно двигаются по водѣ. На каждомъ плоту имѣется свой штатъ рабочихъ сгонщиковъ изъ мѣстныхъ крестьянъ; для послѣднихъ процедура сгона заманчива, такъ какъ даетъ имъ возможность каждое лѣто выбраться, хотя на время, изъ лѣсной глуши, какъ бы на волю, побывать по дорогѣ въ попутныхъ селеніяхъ и въ Козмодемьянскѣ, гдѣ предъ ними широко растворяются двери заведеній съ хмельными напитками, а въ Козмодемьянскѣ пріурочивается ярмарка съ новыми увеселеніями. Вообще путешествіе сгонщиковъ сопровождается обильнымъ угощеніемъ виномъ, какъ со стороны хозяевъ, такъ и на артельныхъ началахъ. Вино обыкновенно закупается на всѣхъ пристаняхъ; попойки на самыхъ плотахъ иногда принимаютъ солидные размѣры и оканчиваются ссорами и драками между собою сгонщиковъ, во время которыхъ слабѣйшій сталкивается съ плота въ воду и, конечно, отправляется преждевременно къ праотцамъ. Такъ какъ подобные случаи бываютъ въ то время, когда вся артель перепивается, то исчезнувшаго человѣка хватаются только на другой или на третій день, когда плотъ успѣетъ отплыть отъ мѣста катастрофы на далекое разстояніе. Впрочемъ, о пропавшемъ стараются молчать и такія преступленія открываются впослѣдствіи, по всплывшему гдѣ-нибудь трупу утонувшаго и то только, когда будетъ установлена его личность. Несмотря на веселое времяпровожденіе, трудъ сгонщиковъ нельзя отнести къ легкимъ, если принять во вниманіе тѣ гигіеническія условія, при которыхъ приходится жить. Находясь цѣлыя сутки на водѣ, подъ открытымъ небомъ, подвергаясь всѣмъ невзгодамъ непогоды, они постоянно рискуютъ потерять свое здоровье. Многіе изъ сгонщиковъ возвращаются домой безъ копѣйки, оставивъ свой скудный денежный заработокъ въ придорожныхъ кабакахъ.

Одна изъ особенностей сплава бѣлянъ, это—обиліе несчастныхъ случаевъ при

неудачномъ управленіи воротомъ. Дѣло въ томъ, что движеніе бѣляны регулируется огромнымъ лотомъ, который, гдѣ слѣдуетъ, волочится по дну рѣки и задерживаетъ ходъ бѣляны. Лотъ то опускается, то снова подымается живою силою десятковъ «рабочихъ рукъ», мужчинъ, женщинъ и подростковъ, которые «ходомъ, ходомъ, всѣмъ народомъ» вертятъ ручки ворота. Попалъ лотъ неожиданно на глубокое мѣсто, и воротъ—онъ самаго первобытнаго устройства—начинаетъ вертѣться въ обратную сторону съ бѣшеною быстротою. Кто зазѣвался и во-время, по командѣ, не легъ—ручки ворота бьютъ того на смерть. Такой несчастный случай имѣлъ, напримѣръ, мѣсто 2-го мая противъ деревни Хозиково. Съ верховьевъ Ветлуги спускалась бѣляна, принадлежащая удѣльному вѣдомству. Во время подъема лота, вслѣдствіе недружной работы, бурлаки не совладали съ ручкой, и послѣдняя очень быстро завертѣлась. Всѣ тотчасъ же легли; не успѣли только лечь — крестьянка дер. Высоковки, Богородской волости, Анна Артемьева Баранова, 24 лѣтъ, и крестьянская дѣвица дер. Мошлей, Моисѣевской волости, Варнавинскаго уѣзда, Костромской губ., Александра Иванова Глухова, 18 лѣтъ. Ручкой убило ихъ наповалъ. Кромѣ того, одному крестьянину Костромской губерніи оторвало руку. Убитые похоронены въ селѣ Богородскомъ.

Много несчастій бываетъ и при грузкѣ бѣлянъ. По разсказу «Костромского Листка», напр., на пристани лѣсопромышленника Т. нагружали бѣляну. Къ бѣлянѣ были подстроены двое мостковъ: по однимъ входили, по другимъ сходили. Случилось такъ, что тѣ и другіе одновременно подломились, а всѣ бывшіе на нихъ полетѣли внизъ. Нѣкоторые отдѣлались только испугомъ, другіе ушибами и болѣе или менѣе серьезными поврежденіями членовъ, вслѣдствіе чего должны были лечь въ больницу; а двое, мать съ дочерью, упали въ воду и утонули; къ спасенію ихъ мѣръ не было принято. Всѣхъ такъ или иначе пострадавшихъ при этомъ несчастіи было болѣе десятка и большинство изъ нихъ—женщины.

Но все это молчаливо проходитъ, какъ бы въ порядкѣ вещей: никто особенно не возмущается. До суда дѣло рѣдко доходитъ, какъ будто такъ и нужно, чтобы ежегодно гибло въ жертву рѣкѣ и лѣсной промышленности опредѣленное количество «рабочихъ рукъ»...

О страхованіи рабочихъ на этомъ опасномъ промыслѣ никто, конечно, изъ лѣсопромышленниковъ не думаетъ; идутъ ветлугари на сплавъ—значитъ сами за себя отвѣчаютъ. Вышепереданный случай на бѣлянѣ удѣльнаго вѣдомства послужилъ, однако, поводомъ къ доброму почину. Въ «Ниж. Листкѣ» было уже сообщено, что удѣльное вѣдомство, дабы избѣжать разныхъ недоразумѣній и претензій со стороны рабочихъ, застраховало всю постоянную команду на бѣлянахъ, на волжскую путину—до Астрахани, отъ всѣхъ несчастныхъ случаевъ, могущихъ произойти не по винѣ рабочихъ. Какъ оказывается, такое страхованіе обходится вовсе не Богъ знаетъ, какъ дорого. Страховое общество беретъ по коллективному страхованію судорабочихъ 26 руб. 35 к. съ тысячи руб. изъ заработка. За эту цѣну, въ случаѣ смерти пострадавшаго, выдается его семьѣ единовременное пособіе въ размѣрѣ тысячекратнаго суточнаго заработка покойнаго, а при инвалидности—пенсія. Но врядъ ли можно разсчитывать, чтобы наши лѣсопромышленники по собственному почину послѣдовали благому примѣру удѣльнаго вѣдомства. Со страхованіемъ неизбѣжно связано соблюденіе нѣкоторыхъ условій, которыя, конечно, будутъ поставлены со стороны страховыхъ обществъ: улучшенія въ устройствѣ судовъ, подача медицинской помощи и т. п. Все это потребуетъ расходовъ, а лѣсопромышленники, привыкшіе, чтобы все у нихъ было дешево и сердито, едва ли добровольно пожелаютъ принять на себя новые расходы. Страхованіе сплавщиковъ лѣса и бѣлянъ, подобно страхованію рабочихъ вообще, должно быть сдѣлано обязатель-

нымъ, и ближе всего за возбужденіе вопроса объ этой важной мѣрѣ взяться земству, по примѣру владимірскаго губернскаго земства.

Санаторіи на южномъ берегу Крыма. Въ «Русск. Вѣдомостяхъ» г. Савей-Могилевичъ даетъ описаніе санаторій для чахоточныхъ на южномъ берегу Крыма. Санаторіи для этихъ больныхъ признаны теперь единственно дѣйствительнымъ средствомъ противъ этой ужасной болѣзни. Между тѣмъ, ихъ пока такъ мало, что уже по этому одному каждая изъ нихъ заслуживаетъ возможно широкой извѣстности. Вотъ что пишетъ упомянутый авторъ о двухъ санаторіяхъ въ Гастріи и Массандрѣ.

Санаторія въ Гастріи занимаетъ въ $1^1/_2$ верст. отъ Ялты и моря, на высотѣ 450 фут. надъ уровнемъ моря, юго западный склонъ плоскогорія, защищаемый съ востока и сѣвера отрогомъ Яйлы, высотой 1.600 фут. надъ уровнемъ моря. Такое положеніе Гастріи охраняетъ ее отъ сѣверныхъ и восточныхъ вѣтровъ, а расположеніе среди садовъ, виноградниковъ и табачныхъ плантацій избавляетъ ее отъ шума и пыли города, давая при этомъ все, что свойственно приморской горной мѣстности и прикрывая въ знойные дни отъ палящихъ лучей солнца. Санаторія представляетъ собою небольшую, скромную барскую усадьбу, хорошо приспособленную для зимняго жилья. Устроитель только заново отдѣлалъ ее, устроилъ правильно отопленіе и вентиляцію, окрасилъ всѣ помѣщенія внутри и обратилъ, согласно новому назначенію дачи, самое тщательное вниманіе на устройство всего того, что необходимо для ея спеціальнаго назначенія, устранивъ то, что можетъ загрязнить ее. Ковры онъ почти выбросилъ, драпировки и мягкую мебель оставилъ въ очень ограниченномъ количествѣ, обивъ ее клеенкой, полы покрылъ линолеумомъ, который ежедневно протирается. Онъ завелъ ажурныя тумбочки для кроватей, а чтобы не загрязнять помѣщеній и почвы, устроилъ на высотѣ $1^1/_2$ арш. отъ земли цѣлую систему маскированныхъ плевательницъ по Кнопфу и не только въ комнатахъ, но въ садахъ и по дорожкамъ, въ стѣнахъ, въ цвѣточныхъ корзинахъ и на массивныхъ подставкахъ. Эти плевательницы, съ карболовымъ растворомъ, опорожняются ежедневно въ особо устроенную яму. Для болѣе широкаго пользованія воздухомъ во всякую погоду въ санаторіи устроены галлереи, закрытыя и открытыя террасы съ кушетками, гдѣ могутъ проводить время какъ болѣе чувствительные, такъ и слабые больные. При этомъ на глазахъ у больныхъ какъ въ помѣщеніяхъ, такъ и на террасахъ стоятъ термометры, а также размѣщены и другіе инструменты, указывающіе направленіе и силу вѣтра и влажность воздуха,—слѣдовательно, дано то, что такъ необходимо для больныхъ слабогрудыхъ, такъ чуткихъ ко всевозможнымъ атмосферическимъ перемѣнамъ, и чѣмъ необходимо имъ руководиться при прогулкахъ. Нечего и говорить о больныхъ, которые въ этомъ крайне нуждаются именно при остромъ теченіи болѣзни, когда ихъ лихорадитъ, при кровохарканіи и проч., когда невольная ихъ неосторожность можетъ стоить имъ жизни. Для больныхъ, которымъ запрещается говорить, устроены поодаль парусинные павильоны. Для больныхъ слабыхъ, при выздоровленіи, чтобы постепенно пріучить ихъ къ ходьбѣ, разбиты среди виноградника, съ живописнымъ видомъ на море и горы, восходящія дорожки съ однимъ и тѣмъ же уклономъ (1 саж. на 15 саж.), со скамейками для отдыха на каждыя 10 саженъ. Для развлеченія больныхъ имѣется библіотека, піанино, площадки для игръ и проч.

Но чему я придаю особенное значеніе и чего недостаетъ въ нашихъ курортахъ, это—что въ санаторіи Гастріи пять разъ въ день, для поддержанія душевной энергіи, собираются больные по звонку въ общую столовую, гдѣ подъ руководствомъ врачей въ семейной обстановкѣ за чаемъ и общей трапезой имѣется въ виду занять ихъ общей бесѣдой, чтобы теснѣе сблизить ихъ между собою и такимъ образомъ насколько возможно извлечь ихъ изъ состоянія одиночества,

которое, за рѣдкими исключеніями, такъ склонно у каждаго поддерживать угнетенное настроеніе и фиксировать тѣ или другія печальныя идеи. А это имѣетъ преимущественное значеніе у такихъ больныхъ, которые, какъ и грудные больные, вынуждены на долгое время оставить свою родину, семью и изъ которыхъ многіе отдаютъ слишкомъ много вниманія своей болѣзни.

При помѣщеніи больныхъ въ Гастріи имъ даются особые печатные бланки, въ которые, смотря по индивидуальности больного и ходу болѣзни, вносится все то, чего долженъ больной держаться, а именно: когда больному слѣдуетъ вставать и ложиться, какъ проводить время, какую температуру держать въ комнатѣ, когда выходить на воздухъ, какъ пользоваться прогулками, какъ питаться, сколько пить молока и проч.

При санаторіи, само собою разумѣется, имѣются необходимые аппараты для изслѣдованія и лѣченія. Имѣется постоянный врачъ. Гастрія устроена въ скромныхъ размѣрахъ, всего на 20 человѣкъ, и потому въ настоящее время, по ограниченности помѣщеній, она можетъ принимать только болѣе острыхъ, вообще же такихъ больныхъ, которые нуждаются въ немедленной и своевременной помощи.

Въ Массандрѣ тоже проектирована санаторія на 19-ти десятинахъ, но пока только на 30 человѣкъ. А развѣ этого достаточно для всего южнаго берега Крыма, этого чуднаго уголка, какъ будто свыше отведеннаго для страждущаго человѣчества? Конечно, нѣтъ. Чѣмъ доступнѣе сталъ Крымъ для небогатаго люда, тѣмъ все бо́льшая и бо́льшая масса стала стекаться сюда и грудныхъ больныхъ для исцѣленія ихъ отъ тяжкаго недуга. И дѣйствительно, по свойственнымъ Крыму климатическимъ особенностямъ, по его гористой природѣ и близости моря, здѣсь даны чуть ли не всѣ выгодныя условія для облегченія и исцѣленія этихъ больныхъ. А между тѣмъ, не находя санаторій, цѣлая масса особенно недостаточныхъ изъ нихъ вынуждена искать для себя пріюта по гостиницамъ, меблированнымъ комнатамъ и пансіонамъ; здѣсь, за исключеніемъ какого-нибудь десятка хорошихъ пансіоновъ, больные не могутъ найти удобствъ, необходимыхъ санитарныхъ условій, душевнаго и физическаго покоя; нерѣдко они попадаютъ въ загрязненныя помѣщенія шумныхъ и пыльныхъ улицъ и тамъ обречены бываютъ не безъ лишеній и душевныхъ тревогъ влачить длинные и монотонные дни».

Вмѣстѣ съ авторомъ остается пожелать, чтобы развитіе санаторій на этомъ благословенномъ южномъ берегу Крыма шло возможно успѣшнѣе и скорѣе, чтобы за это дѣло взялись не только частныя лица, но главнымъ образомъ государство и общественныя учрежденія, думы, земства и различныя благотворительныя общества.

Изъ русскихъ журналовъ.

«Вѣстникъ Европы», іюль. *Г. Сукенниковъ*, пользуясь новѣйшими статистическими изслѣдованіями промысловаго труда дѣтей въ Германіи, произведенными школьными учителями путемъ опроса учениковъ, рисуетъ довольно неприглядную картину. Несмотря на цѣлый рядъ законовъ, запрещающихъ дѣтей школьнаго возраста употреблять на работы при фабрикахъ и заводахъ, статистика обнаруживаетъ, что до 50 проц. дѣтей этого возраста, поднимаясь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ до 90 проц., занимались промысловымъ трудомъ. Есть область примѣненія рабочей дѣтской силы, на которую не простирается дѣйствіе ограничительныхъ законовъ и куда не имѣетъ доступа глазъ фабричной инспекціи, — это область домашняго труда и работы въ мелкихъ мастерскихъ. Нашъ ремесленный съѣздъ вскрылъ уголокъ этого темнаго царства

произвола и эксплуатаціи дѣтей, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обнаружилъ неприступность этой позиціи и то, какъ цѣпко держатся за нее хозяйскіе инстинкты ремесленниковъ. А между тѣмъ въ этой промежуточной полосѣ между домашнимъ и фабричнымъ трудомъ ютится масса видовъ тяжкаго, утомительнаго труда, подтачивающаго неокрѣпшій дѣтскій организмъ. Въ Германіи, при дѣйствіи обязательнаго школьнаго закона, удерживающаго ребенка въ школѣ отъ 6 до 14 лѣтъ, родители и хозяева ухитряются широко пользоваться дѣтскимъ трудомъ и въ школьный періодъ: именно, они поднимаютъ маленькихъ ребятишекъ ночью и въ 4 часа, иногда даже и раньше, отправляютъ уже ихъ на работу—на разноску газетъ и булокъ, такъ что до начала школьныхъ занятій эти малыши успѣваютъ пробѣгать отъ 2 до 4 часовъ; при этомъ надо принять во вниманіе высоту жилыхъ домовъ, ту массу ступенекъ, по которымъ они должны взобраться: нѣкоторымъ, напримѣръ, приходится продѣлать восхожденіе на 120 лѣстницъ, отъ 20 до 24 ступеней каждая. Удивительно-ли, что, придя въ школу послѣ этакой бѣготни, ребенокъ не можетъ слѣдить за урокомъ и сплошь и рядомъ засыпаетъ отъ усталости. По произведенному въ Ганноверѣ изслѣдованію успѣшности въ занятіяхъ, оказалось, что успѣхи половины тѣхъ школьниковъ, которые занимались промысловымъ трудомъ, ниже нормальныхъ. Но утренними часами не ограничивается трудъ школьниковъ: по возвращеніи изъ школы, для многихъ изъ нихъ начинается новая работа: въ кегельбанѣ, въ пекарнѣ, одни склеиваютъ коробки, бумажные мѣшки, другіе пришиваютъ пуговицы, приготовляютъ искусственные цвѣты и т. п. Есть особаго рода трудъ: ребятишки, которыхъ окрестили характерной кличкой«Rollmops», по цѣлымъ днямъ лежатъ на ящикахъ и тюкахъ, которыми нагружены фургоны,--въ качествѣ сторожей. Особенно тяжела и вредна въ нравственномъ отношеніи служба дѣтей въ кегельбанахъ, продолжающаяся иногда до 12 час. ночи. Школьный возрастъ начинается въ Германіи съ 6 лѣтъ, но рабочій—раньше: иногда съ 4 лѣтъ и часто съ 5 лѣтъ дѣти уже нанимаются разносить булки. Вознагражденіе за дѣтскій трудъ самое ничтожное—въ среднемъ отъ 20 пфениговъ до 1 марки въ недѣлю; иногда вмѣсто денегъ они получаютъ пищу, платье или подарки,—по усмотрѣнію работодателя. И любопытно, что далеко не всѣ родители нуждаются въ дѣтскомъ заработкѣ: многіе изъ нихъ вполнѣ обезпечиваютъ себя собственнымъ трудомъ. Въ сельскохозяйственной области къ корыстной эксплуатаціи дѣтей родителями присоединяется алчность юнкеровъ. Извѣстны прошлогодніе дебаты въ прусской палатѣ по поводу предложенія юнкеровъ о томъ, чтобы при назначеніи школьныхъ занятій сообразовались съ мѣстными условіями сельскаго хозяйства,—иными словами, чтобы школа сократила учебное время и освободила побольше дешевыхъ дѣтскихъ силъ для юнкерскаго хозяйства, причемъ предложенія эти замаскированы были разумными или даже филантропическими мотивами: «полуграмотность вреднѣе безграмотности», «сельскій трудъ требуетъ выносливости и физическихъ силъ, а не выносимыхъ изъ школы познаній и смѣтливости» и т. п. Имперское правительство еще ничего не предпринимало для устраненія этихъ злоупотребленій дѣтскимъ трудомъ; но зато по отдѣльнымъ городамъ кое-что было сдѣлано городскими общественными управленіями при содѣйствіи полиціи; напримѣръ, въ Шпандау запрещенъ всякій промысловый трудъ дѣтей школьнаго возраста отъ 7 час. вечера до 7 час. утра, подъ угрозой штрафа; въ Бромбергѣ запрещена вечерняя работа дѣтей въ ресторанахъ и кабакахъ и т. п. Кромѣ того, разнаго рода спеціальныя общества занялись выработкой положеній по отношенію къ дѣтскому труду, завершившихся на цюрихскомъ конгрессѣ по охранѣ труда рабочихъ въ 1897 г. радикальнымъ постановленіемъ, чтобы дѣтямъ моложе 15-ти лѣтъ воспрещенъ былъ всякаго рода трудъ за вознагражденіе.

«Русская Мысль», іюнь. *Проф. Мензбиръ* на этотъ разъ посвящаетъ свой очеркъ Гэккелю, какъ представителю дарвинизма. Въ Германіи вообще и въ рукахъ Гэккеля въ частности дарвинизмъ принялъ особую форму. Научная работа въ Германіи въ эпоху появленія дарвинизма находилась еще подъ сильнымъ вліяніемъ натурфилософіи, выражавшимся въ пренебреженіи къ опыту и наблюденію и выставлявшимъ чистое мышленіе единственнымъ правильнымъ путемъ для познанія природы. Поэтому, среди натуралистовъ господствовало стремленіе не *изучать* природу, а *строить* ее помощью произвольныхъ и отвлеченныхъ комбинацій. Такое направленіе грозило убить науку, если бы, съ одной стороны, не было истинныхъ тружениковъ, которые, наперекоръ своимъ философскимъ взглядамъ, все-таки изучали природу, и, съ другой стороны, если бы противъ крайностей натурфилософіи не возникла реакція. Но, несмотря на это, традиціи натурфилософіи не вполнѣ были подавлены въ нѣмецкой наукѣ, и хотя Гэккель воспитался подъ вліяніемъ убѣжденнаго противника натурфилософіи и строгаго послѣдователя экспериментальнаго метода, І. Мюллера, тѣмъ не менѣе на его общихъ трудахъ, несомнѣнно, отражается размашистая манера натурфилософскаго конструированія природы. Осторожный, опирающійся па факты и исходящій отъ фактовъ дарвинизмъ въ рукахъ Гэккеля обратился въ цѣлый рядъ широкихъ и смѣлыхъ обобщеній, произвольныхъ теорій, пренебрегающихъ фактами; въ увлеченіи созданной имъ соблазнительной и цѣльной картиной эволюціи органическаго міра, Гэккель доходитъ даже до произвольнаго измѣненія рисунковъ, изданныхъ другими зоологами, затрудняется выдавать догадки за несомнѣнные факты *). Открытые Гэккелемъ законы и теоріи (важнѣйшій изъ нихъ біогенетическій законъ состоитъ въ утвержденіи, что индивидуальное, или онтогенетическое развитіе повторяетъ въ сокращенномъ видѣ весь процессъ развитія типа, или филогенетическое развитіе) давно отвергнуты наукой, но, несмотря на это, имя Гэккеля остается однимъ изъ блестящихъ именъ въ развитіи естествознанія. Его заслуга заключается въ томъ удивительномъ подъемѣ, который онъ сообщилъ научному движенію въ области естествознанія въ Германіи. Энтузіастъ-ученый, искренно вѣровавшій во всѣ свои научныя фантазіи (надо сказать, нерѣдко оправдывавшіяся по частямъ дальнѣйшими учеными изысканіями), обладавшій, притомъ, крупнымъ, прямо художественнымъ талантомъ изложенія, гораздо больше сдѣлалъ для насажденія дарвинизма въ Германіи, чѣмъ могли сдѣлать десятки кропотливыхъ и осторожныхъ изслѣдователей. Увлеченія и крайности, конечно, были скоро замѣчены серьезными изслѣдователями, но импульсъ, сообщенный имъ вдохновеннымъ словомъ учителя, не пропалъ безслѣдно, да и гипотезы его, какъ методологическое средство, съиграли свою роль въ ученой работѣ. Изъ его общихъ сочиненій наибольшей популярностью пользуется «Естественная исторія міроздапія», выдержавшая девять изданій. Кромѣ того, онъ далъ нѣсколько цѣнныхъ монографій въ области спеціальныхъ изслѣдованій.

Г. *М. Протопоповъ* въ статьѣ, озаглавленной «Не отъ міра сего», подвергаетъ разбору «Воскресеніе» Толстого. Онъ констатируетъ огромный внѣшній успѣхъ романа, но отказывается признать за нимъ внутренній успѣхъ, глубокое и прочное вліяніе. Объясняется это тѣмъ, что «въ своемъ романѣ Толстой такъ далеко отошелъ отъ *міра сего*, смотритъ на нашу жизнь съ такой головокружительной высоты, что намъ, людямъ по землѣ ходящимъ и на землѣ живущимъ, очень трудно войти съ нимъ въ непосредственное общеніе. Съ большой высоты люди кажутся какими-то крошечными букашками, но это не значитъ,

*) Необходимо, впрочемъ, замѣтить, что о какой-нибудь сознательной фальсификаціи при этомъ не можетъ быть и рѣчи: Гэккель руководился глубокимъ убѣжденіемъ, что это непремѣнно такъ должно быть, но пока еще неизвѣстно наукѣ.

что люди и въ самомъ дѣлѣ букашки и что человѣкъ, наблюдающій ихъ съ высоты, имѣетъ право презирать изъ за ихъ малость и слабость. Никакого такого права онъ не имѣетъ, потому что ростъ его не больше или чуть-чуть больше нашего роста... Онъ коритъ насъ и презираетъ насъ за то именно, что мы куда ниже ростомъ, нежели величественный Монбланъ, на который онъ взобрался..., но влѣзть на Монбланъ не значитъ уподобиться Монблану, не значитъ сравняться съ нимъ ростомъ и величиною». Далѣе слѣдуютъ изліянія возмущеннаго чувства, критика «анархическихъ» идей Толстого съ точки зрѣнія буржуазной морали. Г. Протопопова возмущаетъ особенно абсолютность нравственныхъ догматовъ Толстого и радикализмъ его разрушительныхъ идей, отрицающихъ всю нашу культуру, всѣ учрежденія. Въ противовѣсъ нѣсколько разъ приводятся слова Христа, указывающія на то, что Онъ снисходилъ къ человѣческимъ слабостямъ, допускалъ компромиссы и признавалъ государственныя учрежденія. Насъ крайне изумляетъ вся эта постановка вопроса. Сражаться съ субверсивными идеями Толстого съ помощью общихъ мѣстъ представляется намъ довольно наивною и безплодною задачею, и уже менѣе всего умѣстно оскорбляться ими, какъ дѣлаетъ г. Протопоповъ; можно даже признать за ними извѣстную заслугу въ возбужденіи художественнаго творчества Толстого, въ той силѣ, которую онѣ сообщаютъ его обличительнымъ изображеніямъ жизни; съ другой стороны, онѣ никогда не насилуютъ его художественнаго творчества и не вынуждаютъ жертвовать ради нихъ художественной правдой. Далѣе, переходя къ частностямъ, г. Птроопоповъ до крайности раздражается нападками на судъ, приводитъ банальные аргументы въ защиту нашего суда, хотя тутъ же замѣчаетъ, что Толстой, какъ индивидуалистъ-моралистъ, нападаетъ не на *организацію* суда, а на *дѣятелей* суда, какъ на слабыхъ, несовершенныхъ людей. Приводя характеристику предсѣдателя суда, съ его адюльтерными помыслами, г. Протопоповъ укоризненно восклицаетъ: «Не намъ судить, графъ!» «Судьею можетъ быть только Тотъ, Кто преподалъ намъ заповѣди». Приводя другую характеристику члена суда, поссорившагося съ женой изъ-за денегъ на хозяйственные расходы, г. критикъ восклицаетъ по адресу Толстого: «Вѣдь послѣ *такихъ* сатирическихъ изобличеній остается отъ васъ ожидать упрековъ судьямъ за то, что у нихъ желудокъ не въ порядкѣ».

Итакъ, наполнивъ всю статью полемикой съ Толстымъ и усовѣщиваніемъ его помощью ходячихъ истинъ, притомъ часто въ довольно недостойномъ тонѣ, на послѣдней страницѣ г. Протопоповъ замѣчаетъ: «Читатель замѣтилъ, конечно, что я ничего не говорю о психологической сторонѣ романа. Но дѣло въ томъ, что никакой психологіи въ романѣ нѣтъ, да нѣтъ и никакого вообще романа, а есть страстный, соціально-моральный памфлетъ, направленный противъ нашихъ культурно-общественныхъ идеаловъ и стремленій. Нехлюдовъ и Маслова отнюдь не характеры, не типы,—это не болѣе, какъ маріонетки, изготовленныя авторомъ для произнесенія нужныхъ *ему* словъ, для совершенія нужныхъ *ему* поступковъ». Вотъ какого приговора удостоиваетъ критикъ это глубокое произведеніе, потрясающее душу и близостью, и трагизмомъ своего содержанія. Въ концѣ этого мутнаго потока жалобъ, ругательствъ, поученій г. Протопоповъ не можетъ отказать себѣ въ патріотическомъ самохвальствѣ, совершенно не вяжущемся со всѣмъ предъидущимъ: «Во всякомъ случаѣ, русская литература можетъ гордиться тѣмъ, что изъ всѣхъ міровыхъ литературъ именно на ея долю выпала честь имѣть въ своихъ нѣдрахъ пророка, къ голосу котораго прислушиваются всѣ цивилизованные люди».

«Русское Богатство», іюнь. *Г. Л. Шейнисъ* вскрываетъ любопытную подкладку столь прогремѣвшей въ послѣднее время педагогической системы Демолэна, особенно у насъ, гдѣ она выставлялась «лучомъ свѣта въ педагогическомъ мракѣ». Для оцѣнки общественныхъ и педагогическихъ идеаловъ Де-

молэна, г. Шейнисъ пользуется не только его «Новымъ воспитаніемъ», но и другими книгами и брошюрами. Прежде всего, непріятно выступаетъ рекламный характеръ реформаторской дѣятельности Демолэна. Два года тому назадъ онъ выпустилъ книжку подъ заглавіемъ: «Отъ чего зависитъ превосходство англосаксовъ?» Понятно, какъ это пикантное заглавіе, разсчитанное на то, чтобы и уколоть національное самомнѣніе французовъ, и подзадорить ихъ любопытство,—составило успѣхъ книгѣ: она читалась на расхватъ. Указывая на превосходство англосаксонской расы, Демолэнъ тутъ же сообщалъ своимъ соотечественникамъ наиважнѣйшее средство для достиженія этого превосходства: «послѣднее не монополія, и если мы захотимъ, міръ вынужденъ будетъ въ одинъ прекрасный день признать и провозгласить превосходство французовъ». Въ чемъ же заключается это превосходство? На этотъ вопросъ весьма краснорѣчиво отвѣчаетъ помѣщенная на обложкѣ книги карта, гдѣ красной краской отмѣчены области, занятыя англичанами, и розовой—тѣ, которымъ, какъ, напр., Египту или Аргентинской республикѣ, пока только *угрожаетъ* эта перспектива! Итакъ, превосходство націи, по мнѣнію этого идеолога, опредѣляется не высотой культуры, а размѣрами владѣній, какими бы средствами они ни были пріобрѣтены. Нужно ли говорить о моральной цѣнности такого превосходства, да и потаканіе завоевательнымъ инстинктамъ соотечественниковъ очень плохо рекомендуетъ провозвѣстника новыхъ педагогическихъ идеаловъ. Соціальный вопросъ рѣшается просто; по его мнѣнію, онъ въ сущности сводится къ вопросу о воспитаніи: «все дѣло въ томъ, чтобы приспособиться къ новымъ условіямъ жизни, требующимъ, чтобы человѣкъ умѣлъ самостоятельно пробить себѣ дорогу». Бѣдная обстановка русскаго крестьянскаго хозяйства очень просто объясняется тѣмъ, что русскіе крестьяне *не дорожатъ* хорошимъ устройствомъ своего очага. Если нѣкоторые видятъ главную помѣху къ улучшенію домашней обстановки въ недостаточности ресурсовъ, то «это мнѣніе вовсе не оправдывается фактами», и въ качествѣ «фактовъ» фигурируетъ одна знакомая ему рабочая семья, которая несмотря на хорошій заработокъ, продолжала жить въ самой жалкой обстановкѣ. Преклоненіе передъ англійской школьной системой мѣшаетъ Демолэну видѣть ея недостатки: неограниченную власть директоровъ въ ущербъ независимости учителей, безразборчивый выборъ учителей, чрезмѣрное увлеченіе всякаго рода спортомъ и др. Демолэнъ цѣнитъ англійскую школу главнымъ образомъ, за развитіе индивидуализма; главная цѣль воспитанія у него сводится къ подготовкѣ людей, способныхъ собственными силами завоевать себѣ мѣсто на жизненномъ пиру. Во Франціи педагогическими реформами Демолэна заинтересовались, какъ реакціей противъ бюрократическихъ тенденцій буржуазіи, мечтавшей для своихъ сынковъ только о доходныхъ мѣстахъ на государственной службѣ. Между тѣмъ, самостоятельное пробиваніе дороги есть тотъ же карьеризмъ. Какъ поклонникъ индивидуализма, Демолэнъ вооружается противъ нравственной солидарности и коллективизма, такъ какъ, по его мнѣнію, «идея солидарности своимъ успѣхомъ обязана свойственному людямъ желанію жить на счетъ другихъ. Идеей солидарности увлекаются только въ разсчетѣ извлечь изъ нея выгоду для себя, но никакъ не въ надеждѣ быть полезнымъ для другихъ. Словомъ, солидарность есть одна изъ формъ эгоизма, постыдный эгоизмъ!» Единственно, что есть здороваго во всей этой фанфаронадѣ,—это критика недостатковъ теперешней школьной системы, все прочее—претенціозное домогательство на роль «учителя жизни».

«Жизнь», іюнь. Воспользуемся письмомъ изъ Англіи «Индія и ея горе», чтобы обрисовать современное положеніе Индіи; добавимъ также сюда тѣ данныя, которыя въ «Русскомъ Богатствѣ» сообщаетъ Діонео въ своемъ письмѣ изъ Англіи. Индія занимаетъ особое положеніе среди британскихъ владѣній: она не колонія, а завоеванная страна, и притомъ завоеванная почти исключительно при

помощи дипломатіи, сѣявшей раздоры между индійскими принцами. Англичане не колонизовали Индію; они пріѣзжаютъ туда только въ качествѣ чиновниковъ, банкировъ, фабрикантовъ и купцовъ и, наживъ милліоны и выслуживъ большія пенсіи, уѣзжаютъ обратно. Широковѣщательныя заявленія англійскаго правительства, повторяющіяся изъ года въ годъ, о заботахъ на благо индійскихъ подданныхъ очень плохо гармонируютъ съ тою картиною, которую представляетъ страна. Особенности ея составляютъ періодическія голодовки, въ зависимости отъ дождей, приносимыхъ муссонами; отъ этихъ голодовокъ люди мрутъ въ ужасающемъ количествѣ, опредѣляемомъ не тысячами, а милліонами жертвъ. Но, помимо періодовъ интенсивнаго голода, по оффиціальнымъ вычисленіямъ постоянно двѣ пятыхъ населенія живутъ на «недостаточной пищѣ». Чѣмъ далѣе, тѣмъ голодъ поражаетъ все большее количество душъ, и въ настоящемъ году сила бѣдствія дошла до исключительныхъ размѣровъ, выражаясь оффиціально 85 милліонами голодающихъ и по неоффиціальному подсчету даже суммой въ 93.500.000 голодающихъ. Къ неурожаю присоединилась засуха, къ страданіямъ отъ голода—страданія отъ жажды. «Деканъ представляетъ теперь выжженную пустыню,—пишетъ очевидецъ.—Земля высохла и растрескалась. Каждый порывъ вѣтра поднимаетъ тучи ѣдкой пыли. Колодцы и рѣки пересохли». «Очень часто—пишетъ другой очевидецъ,—на улицахъ деревень и на большой дорогѣ можно видѣть собакъ, грызущихъ трупы умершихъ отъ голода крестьянъ. Разъ, въ теченіе часа, я насчиталъ 40 такихъ труповъ. Въ поляхъ всюду валяются обглоданные человѣческіе костяки». «Никогда Индія не переживала еще такого кризиса, какъ теперь. Болѣе четверти всего населенія имперіи голодаетъ. Крестьяне потеряли свой скотъ. Около 800 тысячъ рабочей скотины пало уже». Къ голоду присоединилась чума; всюду учреждены карантины, которые мѣшаютъ передвиженію нуждающихся въ менѣе пострадавшія мѣстности для заработковъ. Англійскія власти приписываютъ эти страшныя бѣдствія недостатку дождей, между тѣмъ просвѣщенные индусы даютъ иное объясненіе. «Недостатокъ дождей есть только поводъ къ голоду, но не причина его. У насъ раньше были запасы хлѣба про черный день, но мало-по-малу мы распродали эти запасы, чтобы добыть деньги на уплату становящейся все тяжелѣе поземельной и подушной подати и соляного налога»... Прежде въ Индіи была развита кустарная промышленность; но англійское правительство сдѣлало изъ Индіи рынокъ для англійскихъ фабрикантовъ, и мѣстная промышленность была быстро подавлена. Вслѣдствіе этого, единственнымъ источникомъ существованія осталось земледѣліе съ его невѣрнымъ урожаемъ. Далѣе индусы жалуются, что громадныя суммы, составляющіяся отъ непомѣрно обременительнаго обложенія населенія, расходуются произвольно имперскимъ правительствомъ на далекія и чуждыя индійскимъ интересамъ цѣли. Такъ, на средства Индіи содержится армія въ Китаѣ и Занзибарѣ, также въ Афганистанѣ, Персіи, Сіамѣ и Малайскомъ полуостровѣ, поддерживается африканскій телеграфъ; кромѣ того, изъ этихъ же средствъ выдаются высокіе оклады жалованья и пенсій англійскимъ чиновникамъ въ Индіи, устраиваются желѣзныя дороги и т. п. Какія же мѣры принимаетъ англійское правительство для борьбы съ голодомъ? Въ этомъ отношеніи любопытна судьба такъ называемаго «Голоднаго фонда», или спеціальныхъ средствъ для помощи голодающимъ. Съ 1880 г. по 1895 г. въ Индіи не было голода, и въ кассѣ «Голоднаго фонда» должны были скопиться солидныя суммы—220 мил. рублей, не считая процентовъ на капиталъ; но когда въ 1896 году наступилъ снова голодъ, эти суммы оказались постыдно растраченными — на экспедицію противъ ашантіевъ, на кампанію въ Гитралѣ, на занятіе Египта и войну съ дервишами! Въ прошломъ году англійское правительство организовало въ Индіи общественныя работы, состоящія въ раздробленіи щебня, съ очень низкой сдѣльной платой. Но испугавшись наплыва на эти работы, оно предпи-

сало администраціи «затруднить доступъ на работы лицамъ, привлекаемымъ легкимъ трудомъ и высокимъ заработкомъ!» Въ виду этого, заработная плата была понижена до 5—8 к. въ день для мужчинъ и до 4—6 к. для женщинъ. На этихъ работахъ заняты въ настоящее время шесть милліоновъ, т.-е. 7—8°/₀ всего голодающаго населенія. Не смотря на безпримѣрно бѣдственное положеніе населенія, правительство все-таки «рѣшило собрать во что бы то ни стало земельный налогъ, и въ настоящій моментъ (въ мартѣ 1900 г.) вся податная машина пущена съ этой цѣлью въ ходъ»: лордъ Керзонъ, вице-король Индіи, предписалъ взыскивать подати со всею строгостью закона.

За границей.

Щедрость американцевъ. Ни въ одной странѣ, повидимому, университеты не пользуются такою популярностью, какъ въ сѣверной Америкѣ. Во многихъ европейскихъ государствахъ, напримѣръ во Франціи, университетамъ часто приходится испытывать финансовыя затрудненія. Такъ, напримѣръ, первымъ актомъ парижскаго университета, превращеннаго въ самостоятельное учрежденіе, былъ заемъ. Ничего подобнаго въ Америкѣ не бываетъ и президентамъ американскихъ университетовъ чаще всего приходится заботиться не о томъ, гдѣ бы достать денегъ, а о томъ, чтобы придумать, куда употребить доллары, которые сыпятся на нихъ «золотымъ дождемъ». Дабы наши читатели не подумали, что мы преувеличиваемъ, мы приведемъ нѣсколько цифръ. Только одинъ гарвардскій университетъ получилъ за истекшій годъ 6.184.927 франковъ различныхъ пожертвованій. Къ этому университету примыкаетъ коллегія молодыхъ дѣвушекъ, называемая «Коллегіею Ратклифъ». Связь между этими двумя воспитательными учрежденіями носитъ совершенно особый характеръ. Студентки коллегіи посѣщаютъ университетскіе курсы, принимаютъ участіе въ университетской жизни, но живутъ внѣ стѣнъ университета и не могутъ получить степень доктора. Въ этомъ отношеніи еще не произведено реформы въ духѣ женскаго движенія, но, по слухамъ, она уже готовится, и въ этомъ году былъ такой случай: одна изъ студентокъ коллегіи Ратклифъ, миссъ Пуфферъ, представила ученую работу въ совѣтъ университета. Университетское жюри пришло въ сильное волненіе, такъ какъ изъ всѣхъ работъ кандидатовъ, представленныхъ на соисканіе докторской степени, работа миссъ Пуфферъ оказалась наилучшей. Долго совѣщались профессора университета, какъ имъ поступить. По всей справедливости, слѣдовало бы удостоить кандидатку ученой степени, которой она вполнѣ заслуживала, но университетскій совѣтъ не рѣшился идти наперекоръ традиціямъ и создавать прецедентъ. Такъ, миссъ Пуфферъ и не получила ученой степени, но этотъ фактъ возбудилъ много толковъ въ обществѣ и печати и заявленій о необходимости реформировать университетскій уставъ въ болѣе либеральномъ и современномъ духѣ, и, конечно, это будетъ сдѣлано въ самомъ скоромъ времени.

Коллегія Ратклифъ въ финансовомъ отношеніи независима отъ своего патрона, гарвардскаго университета, и обладаетъ собственными средствами, которыя также составляются пожертвованіями. Въ этомъ году на эти пожертвованія выстроено при коллегіи—гимнастическое заведеніе со всѣми современными приспособленіями, заломъ для дѣтей и бассейномъ для плаванія. Кромѣ того, на такія же пожертвованія выстроенъ прекрасный отель для студентокъ. Отдѣльныя денежныя пожертвованія, полученныя колоніей въ прошломъ году, достигаютъ также довольно почтенной суммы—574.000 фр.

Возьмемъ теперь другой университетъ—Колумбія, въ Нью-Іоркѣ. Замѣчательно, что во главѣ этого университета, т.-е. президентомъ его, состоитъ чело-

вѣкъ, не имѣющій никакого отношенія къ міру науки, но избранный на этотъ высокій постъ благодаря своей репутаціи безукоризненной честности и прямоты и своему практическому уму. Это нѣкто Сидней Лоу, избранный кандидатомъ на должность нью-іоркскаго мэра и горячо возстававшій противъ всякихъ злоупотребленій. Подъ его управленіемъ университетъ Колумбія достигъ высокаго процвѣтанія и развитія. Благодаря ему, университетъ переведенъ за городъ, гдѣ для него выстроены комфортабельныя зданія на возвышенностяхъ Морнингсайда, откуда открывается прелестный видъ на всѣ окрестности Нью-Іорка, на Гудзонъ и его берега и на самый городъ.

Университетъ переведенъ въ новое помѣщеніе недавно и это обстоятельство словно усилило рвеніе жертвователей. Дары такъ и посыпались на него, и въ теченіе года онъ получилъ не меньше 1.772.000 фр. Очень много жертвуется на стипендіи и научныя пособія. На улучшеніе обсерваторіи пожертвовано 25.000 фр. На организацію научной геологической экспедиціи въ Африку пожертвовано 625.000 фр. Бывшіе ученики университета Колумбія также находятся въ числѣ жертвователей. Нѣкоторые изъ нихъ, напримѣръ скульпторъ Френчъ, жертвуютъ свои произведенія, статуи, картины, бронзу. Одинъ изъ жертвователей подарилъ университету подъемную машину, а другой—локомотивъ, оцѣненный въ 50.000 фр. Что касается научныхъ коллекцій, то ихъ всегда получается множество. Къ чести американцевъ слѣдуетъ сказать, что они считаютъ своимъ непремѣннымъ долгомъ и обязанностью поддерживать всякое воспитательное и общественное учрежденіе, и между ними въ этомъ отношеніи существуетъ чрезвычайно благородное соревнованіе. Если какая-нибудь коллегія или университетъ нуждается въ деньгахъ для расширенія своей дѣятельности или постройки новыхъ зданій, то стоитъ только объявить объ этомъ въ газетахъ—«кличъ кликнуть»—чтобы немедленно нашлись жертвователи и внесли необходимую сумму; каждый изъ американскихъ милліардёровъ непремѣнно считаетъ своимъ долгомъ связать свое имя съ какимъ-нибудь общественнымъ учрежденіемъ и преимущественно университетомъ. Извѣстный американскій милліардёръ Корнеджи—«желѣзный король», какъ его называютъ, опять сдѣлалъ въ этомъ году огромныя пожертвованія тремъ университетамъ—Чикаго, Филадельфіи и Берклея. Большія суммы жертвуются также на выдачу всякаго рода премій за лучшія литературныя произведенія, стихи и т. п. Пожертвованія эти вносятся обыкновенно въ редакціи наиболѣе распространенныхъ газетъ.

Конференція Анатоля Франса объ армянахъ. Въ парижскомъ театрѣ «Водевиль» извѣстный французскій писатель Анатоль Франсъ, членъ французской академіи, прочелъ лекцію въ пользу армянскихъ сиротъ, привлекшую многочисленную и избранную публику.

Колесо жизни вертится быстро и объ армянахъ уже успѣли позабыть. Тѣни несчастныхъ жертвъ солунскихъ убійствъ поблекли, такъ какъ новыя событія выдвинули на сцену европейской жизни новые интересы и новыя жертвы. Анатоль Франсъ захотѣлъ проявить своею конференціей интересъ французской публики къ армянамъ и напомнить, что армянскій вопросъ все еще ждетъ своего разрѣшенія, а тысячи армянскихъ сиротъ нуждаются въ помощи.

— Вамъ извѣстно,—сказалъ Анатоль Франсъ,—какимъ образомъ кровавое намѣреніе, зародившееся во дворцѣ на берегахъ Босфора, было приведено въ исполненіе въ горахъ Арарата арміей разбойниковъ, подъ благосклонными взорами вали и пашей и было произведено методическое избіеніе цѣлой человѣческой расы. Я приведу вамъ одинъ маленькій фактъ, который можетъ освѣтить всю картину. Я разскажу вамъ исторію одного курдскаго убійцы.

Спустя нѣсколько времени послѣ избіенія армянъ, докторъ Диллонъ, находясь въ Эрзерумѣ, узналъ, что одинъ курдъ, по имени Мостиго, убійца очень

многихъ христіанъ, приговоренъ къ повѣшенію. Это извѣстіе чрезвычайно удивило доктора Диллона, такъ какъ онъ зналъ, что, по турецкому обычаю, убійцы христіанъ обыкновенно осыпаются различными гражданскими и военными почестями и ужъ ни въ какомъ случаѣ не приговариваются къ повѣшенію. Ему захотѣлось повидать человѣка, который составлялъ такое исключеніе изъ общаго правила. Сдѣлать это было не трудно. Онъ заплатилъ хорошій «бакшишъ» (взятку) и его впустили въ тюрьму, гдѣ сидѣлъ Мостиго.

Курдъ, повидимому, нисколько не былъ подавленъ своею участью и съ величайшею гордостью говорилъ доктору о своихъ подвигахъ: «Мы грабили дома и уносили деньги, ковры, уводили скотъ и женщинъ,—говорилъ онъ.—Мы грабили путешественниковъ. Молва о нашихъ смѣлыхъ и великихъ подвигахъ распространялась далеко. Мы совершали такія дѣла, которыя изумили бы всѣ двѣнадцать державъ, если бы онѣ услышали о нихъ!»

Онъ похвалялся, такимъ образомъ, выражая надежду, что его имя будетъ увѣковѣчено и что вся Европа знаетъ о немъ. «Мы нападали на армянскія деревни,—прибавилъ онъ,—и убивали людей, которые, иначе, убили бы насъ!»

— Значитъ, армяне вамъ сопротивлялись, когда вы уводили у нихъ скотъ и женщинъ?—спросилъ докторъ Диллонъ.

Мостиго отвѣчалъ съ полною искренностью.

— Большею частью они намъ не оказывали никакого сопротивленія. У этихъ христіанскихъ народовъ не было оружія; имъ запрещено было имѣть его. Притомъ же они отлично знали, что если бы даже у нихъ и было оружіе, то это не составило бы разницы. Если бы они убили кого-нибудь изъ насъ, то явились бы турки и отплатили бы имъ, потому что турки ихъ ненавидятъ, а не мы; курды хотятъ только денегъ и добычи, а турки хотятъ отнять у нихъ и землю, и жизнь.

— Хорошо,—возразилъ докторъ, — но вы-то, значитъ, совершили черезъ чуръ много преступленій, ограбили и разорили слишкомъ много деревень, слишкомъ много убивали и насиловали. И вотъ теперь вы сами поплатились за это; не правда-ли?

Мостиго презрительно улыбнулся и пожалъ плечами.

— Какое это имѣетъ отношеніе къ моему приговору!—сказалъ онъ.—Я наказанъ вовсе не за то, что грабилъ и убивалъ армянъ. Вѣдь это всё мы дѣлаемъ, притомъ же я убивалъ рѣдко, только тогда, когда мнѣ оказывали сопротивленіе.

— Такъ армяне не причемъ въ вашей судьбѣ!—воскликнулъ докторъ съ удивленіемъ. — Вы, значитъ, не за убійства армянъ приговорены теперь къ повѣшенію?

— Конечно, нѣтъ,—отвѣчалъ спокойно курдъ. — Армяне только выдали меня. Если я буду повѣшенъ, то лишь за то, что я ограбилъ турецкій постъ и изнасиловалъ жену турецкаго полковника, который находился тутъ въ Эрзерумѣ. Не за армянъ же я стану страдать!

Въ этихъ словахъ Мостиго заключается все. Если бы онъ ограничился армянами, то его, разумѣется, не тронули бы турецкія власти и онъ даже получилъ бы награду за «священное убійство». Исторія Мостиго поучительна и выясняетъ то, что произошло въ 1895 году, когда были убиты 300.000 армянъ. Но не всѣ армяне выказывали покорность курдамъ и были перебиты жесточайшимъ образомъ. Нѣкоторые изъ армянъ напримѣръ, армянское горное племя въ Зейтунѣ, побѣдоносно выдержало нападеніе цѣлой турецкой арміи, снабженной артиллеріей. Правда, ихъ городокъ на вершинѣ горы представлялъ настоящую неприступную крѣпость и они долго выдерживали осаду, согласившись капитулировать лишь тогда, когда послы шести великихъ державъ гарантировали имъ безопасность. Въ большинствѣ же армянскихъ деревень жи-

тели были безжалостно перебиты словно скотъ. Иностранныя державы отправили по этому поводу коллективную ноту Блистательной Портѣ и въ этой нотѣ указывали на ужасныя преступленія, жертвою которыхъ были несчастные армяне.

Тѣмъ не менѣе преступленія эти остались безнаказанными и въ настоящее время положеніе армянъ въ Турціи крайне бѣдственное; 60.000 сиротъ буквально умираютъ съ голоду. Пріютовъ недостаточно, да и тѣ, которые есть, очень бѣдны. Вотъ что пишетъ, напримѣръ, докторъ Барнумъ изъ Харпута: «Два маленькихъ мальчика пришли изъ Кеги въ Харпутъ и просили меня помѣстить ихъ въ пріютъ. У нихъ нѣтъ ни отца, ни матери. Они съ тревогою смотрѣли мнѣ въ глаза и одинъ изъ нихъ сказалъ мнѣ: «Возьми меня въ свой пріютъ, хоть только на годъ, чтобы я могъ выучиться читать и могъ бы сдѣлаться человѣкомъ. Я знаю, что никогда не сдѣлаюсь человѣкомъ, если не выучусь читать и писать. Я бы могъ вмѣстѣ съ этимъ выучиться также чинить башмаки и тогда я всегда могу найти себѣ кусокъ хлѣба.»

«Въ пріютѣ у насъ совершенно нѣтъ мѣста,—прибавляетъ докторъ.—Но развѣ можно отказать этимъ бѣднымъ созданіямъ и бросить ихъ на произволъ судьбы?»

Другой американскій миссіонеръ пишетъ: «Эти малютки словно взрослые люди. У насъ есть мальчуганы 8—9 лѣтъ, у которыхъ уже въ эти годы развито чувство отвѣтственности. Одинъ мальчуганъ, чувствовавшій себя прекрасно въ нашемъ пріютѣ, объявилъ мнѣ, что онъ не долженъ больше оставаться въ немъ, такъ какъ у него есть бабушка и ему надо работать, чтобы кормить ее. Этому мальчику было всего только 8 лѣтъ.

«Дѣти въ пріютѣ нѣсколько разъ отказывались отъ пищи, прося, чтобы то, что имъ предназначалось, было отдано голодающимъ. Имъ случалось въ теченіе цѣлой недѣли питаться только разъ въ день рисомъ и хлѣбомъ, отдавая все остальное тѣмъ, кого они считали несчастнѣе себя.»

Докторъ Рейнольдсъ разсказываетъ слѣдующій трогательный фактъ: «Получивъ извѣщеніе, что въ одной деревнѣ армяне погибаютъ отъ голода и, не имѣя никакихъ средствъ помочь имъ, я призвалъ 300 сиротъ изъ своего пріюта и спросилъ ихъ: согласны-ли они поголодать одинъ день для того, чтобы предназначенную для нихъ пищу можно было бы отправить въ деревню, гдѣ народъ умираетъ съ голоду. Тотчасъ же 300 маленькихъ ручекъ поднялись вверхъ, въ знакъ согласія!...»

«Въ настоящее время,—закончилъ свою рѣчь Анатоль Франсъ, — триста тысячъ жертвъ взываютъ къ намъ съ вершины Арарата: «Вы не пришли къ намъ на помощь. Мы погибли и теперь погибаютъ наши дѣти. Для того, чтобы мы могли покоиться съ миромъ, дайте хлѣба нашимъ сиротамъ!»

Взрывъ аплодисментовъ былъ отвѣтомъ на эти заключительныя слова.

Пекинъ и Тянь-Цзинь. Въ данный моментъ взоры всего цивилизованнаго міра обращены на два китайскихъ города: столицу Пекинъ и гавань Пекина Тянь-Цзинь, гдѣ разыгрывается кровавая драма, давно уже подготовляемая китайцами, но явившаяся все-таки неожиданностью для неподготовленныхъ къ ней европейцевъ.

Тайное общество «Большіе кулаки», «боксеры» или «лига патріотовъ»—какъ бы ни называли его—проникнутое ненавистью къ иностранцамъ и втайнѣ поощряемое китайскимъ правительствомъ и властями, достигло громаднаго могущества въ Китаѣ и вступило въ борьбу съ цивилизованными государствами. Волненіе началось какъ разъ въ тѣхъ провинціяхъ, гдѣ европейцы рѣзче всего проявляли свою дѣятельность, понастроили желѣзныхъ дорогъ или же только задумали настроить, пооткрывали фабрики и начали эксплуатацію копей. Без-

порядки начались въ Шантунгѣ, гдѣ нѣмцы завладѣли кускомъ территоріи—Кіабтау и оттуда начали пробираться вглубь страны, затѣмъ они перешли въ сосѣднюю провинцію Чжили, гдѣ находится столица и ея гавань Тянь-Цзинъ, и въ провинціи Хуней и Хоннанъ, гдѣ бельгійскіе инженеры, павшіе жертвами возстанія, прокладывали желѣзную дорогу изъ гавани Ханькоу на Янгтсекіангѣ къ Пекину. Постройка желѣзныхъ дорогъ, повидимому всего больше волновала китайцевъ, всячески старавшихся препятствовать этому и съ ненавистью взиравшихъ на «парового коня», появленіе котораго должно было совершенно измѣнить экономическое положеніе страны. Европейцы, ослѣпленные взаимнымъ соперничествомъ и стремленіемъ обогнать другъ друга, не замѣчали или не обращали вниманія на глухую вражду, которая все возрастала въ китайскомъ народѣ, съ ненавистью взиравшемъ на то, какъ распоряжались «бѣлые варвары» въ его отечествѣ. Наконецъ эта вражда вспыхнула яркимъ пламенемъ и, подстрекаемыя тайнымъ обществомъ патріотовъ, китайцы ринулись на европейцевъ.

Пекинъ, гдѣ произошли страшныя, кровавыя событія, одинъ изъ старѣйшихъ городовъ Китая. Онъ лежитъ въ очень плодородной равнинѣ, между двумя большими рѣками: Пейхо и Хунхо. Если смотрѣть на городъ съ горъ, окружающихъ его полукругомъ, то Пекинъ кажется потонувшимъ въ зелени. Это происходитъ отъ массы садовъ и рощъ на кладбищахъ и прилегающихъ къ столицѣ деревень и монастырей. Въ самомъ же городѣ прежде всего поражаютъ громадныя стѣны, которыя его окружаютъ со всѣхъ сторонъ. Городъ раздѣляется на манчжурскій или татарскій городъ и на китайскій городъ. И тотъ, и другой окружены стѣнами. Стѣны, окружающія манчжурскій городъ, очень высоки и широки и у вершины имѣютъ 36 футовъ ширины, такъ что наверху стѣны могли бы свободно проѣхать въ рядъ нѣсколько экипажей. Это излюбленное мѣсто прогулки высшаго китайскаго общества—оттуда открывается прелестный видъ на весь городъ и на императорскіе дворцы съ ихъ разноцвѣтными глазированными крышами, на причудливые павильоны, храмы и пагоды. Дорога на верху стѣны удобная, потому что она вымощена. Въ стѣнахъ, окружающихъ Пекинъ, находится шестнадцать воротъ; семь въ китайскомъ городѣ, шесть въ манчжурскомъ и три въ стѣнѣ, отдѣляющей оба эти города другъ отъ друга. Китайцамъ до послѣдняго времени не позволялось селиться въ манчжурскомъ городѣ, такъ какъ манчжурское племя считалось господствующимъ и большинство китайскихъ придворныхъ и сановниковъ—манчжуры, смотрящіе на китайцевъ свысока. Внутри манджурскаго города находится заповѣдный «желтый» или императорскій городъ, также окруженный высокими стѣнами, за которыми находятся сады и дворцы императора. Лишь очень немногимъ европейцамъ, да и то преимущественно принадлежащимъ къ дипломатическому корпусу, удавалось переступать порогъ заповѣднаго города. Только въ 1873 году въ первый разъ китайскій императоръ принялъ въ торжественной аудіенціи иностранныхъ посланниковъ. До этого времени всѣ попытки устроить такую аудіенцію разбивались о требованіе китайцевъ, считающихъ, что всѣ народы подвластны Китаю, чтобы иностранные посланики становились на колѣни передъ императоромъ и кланялись ему въ землю. Наконецъ, послѣ долгихъ переговоровъ китайскій дворъ согласился отступить отъ этого требованія придворнаго этикета и посланники были приняты императоромъ безъ такихъ церемоній. Но тѣмъ не менѣе, «Пекинская газета» (оффиціальный отдѣлъ правительства) возвѣстила на другой день населенію, что аудіенція состоялась въ павильонѣ «вассальныхъ народовъ» и что посланники были такъ ослѣплены видомъ сына неба, что пали ницъ, дрожа отъ ужаса и страха, какъ только онъ показался. Послѣ этого аудіенціи посланниковъ стали болѣе обыкновеннымъ дѣломъ и вдовствующая китайская императрица принимала даже европейскихъ дамъ въ своемъ дворцѣ. Тѣмъ не менѣе, китайцы всегда стараются подчеркнуть, во всѣхъ такихъ случаяхъ, свое

презрительное отношеніе къ иностранцамъ, которыхъ называютъ «карварами» и поэтому аудіенція посланниковъ происходитъ въ одной изъ самыхъ простыхъ залъ дворца и не обставлена никакою особенною пышностью. Въ 1861 году, послѣ англо-французско-китайской войны, была учреждена особая иностранная колонія—Цзунгъ-Ли-Яменъ для сношеній съ представителями иностранныхъ державъ. Цзунъ-Ли-Яменъ представляетъ нѣчто вродѣ китайскаго министерства иностранныхъ дѣлъ и вѣдаетъ все, что касается внѣшнихъ сношеній Китая.

Къ числу достопримѣчательностей Пекина принадлежитъ императорская обсерваторія и библіотека, въ которой собраны всѣ лучшія произведенія китайской литературы. Тамъ же хранится знаменитая китайская энциклопедія, состоящая изъ 78.308 томовъ, начатая въ 1773 году и продолжающаяся до сихъ поръ. Эта энциклопедія можетъ служить самымъ лучшимъ доказательствомъ прилежанія китайцевъ. Рядомъ съ библіотекой находится экзаменаціонный корпусъ, заключающій въ себѣ 12.000 камеръ для кандидатовъ, являющихся держать экзаменъ. Китай—это классическая страна экзаменовъ, такъ какъ только посредствомъ экзамена китаецъ достигаетъ высшихъ степеней и получаетъ ученое званіе. Чтобы получить какой-нибудь высшій служебный постъ, китаецъ долженъ сдать высшій экзаменъ и такимъ только образомъ онъ можетъ сдѣлать служебную карьеру. Литературный титулъ, получаемый кандидатами послѣ экзамена, замѣняетъ въ Китаѣ наслѣдственные дворянскіе титулы, существующіе въ другихъ странахъ и каждый китаецъ настолько гордится этимъ титуломъ, что обыкновено прибиваетъ надъ воротами своего дома доску, гдѣ написанъ этотъ титулъ, служащій ему вмѣсто герба. Что бы мы ни думали о китайской системѣ экзаменовъ, но во всякомъ случаѣ результатомъ ея было то, что такъ стараются вводить у себя всѣ современныя культурныя государства, а именно: всеобщее народное образованіе. Въ Китаѣ образованіе является такимъ необходимымъ условіемъ жизненной карьеры каждаго человѣка, что родители волей-неволей заботятся о томъ, чтобы дать своимъ дѣтямъ образованіе, такъ какъ иначе для нихъ будутъ закрыты всѣ пути.

На экзамены, происходящіе въ Пекинѣ, иногда являются до 14.000 кандидатовъ, которые считаются гостями императора и получаютъ отъ него содержаніе, только путевыя издержки они уплачиваютъ сами. Въ Пекинѣ экзамены труднѣе, чѣмъ въ провинціи, и продолжаются три дня. Высшіе экзамены, которые сдаютъ только избранные кандидаты, происходятъ въ «заповѣдномъ городѣ» на глазахъ самого императора и кандидаты сдавшіе ихъ, получаютъ званіе «поэта и историка императорскаго двора» и получаютъ высшія государственныя должности. Имена такихъ счастливцевъ, сдавшихъ благополучно трудные экзамены, возвѣщаются особенными гонцами во всѣхъ провинціяхъ Китая.

Въ китайской части Пекина интереснѣйшимъ мѣстомъ является такъ называемый «Мостъ нищихъ», прозванный такъ европейцами, не смотря на его красоту и богатство, такъ какъ онъ весь сдѣланъ изъ мрамора. Названіе это мостъ получилъ не безъ основанія; тамъ происходятъ собранія и совѣщанія нищихъ, сплотившихся въ союзъ, основанный на коммунистическихъ началахъ и представляющій могущественную организацію, члены которой разсѣяны по всѣмъ окрестностямъ Пекина. Эта «армія нищихъ» несомнѣнно примкнула теперь къ арміи боксеровъ или большихъ кулаковъ и принимала не послѣднее участіе въ пекинскихъ событіяхъ.

Другой китайскій городъ, привлекающій теперь взоры всего цивилизованнаго міра, съ тревогою взирающаго на развитіе китайской драмы—это Тянь-Цзинь, одинъ изъ важнѣйшихъ портовыхъ городовъ Китая. Всякія нашествія съ моря и походы европейцевъ на Пекинъ направлялись изъ Тянь-Цзиня, такъ что городъ этотъ можно смѣло назвать ключомъ къ Пекину. Въ новѣйшей исторіи Китая Тянь-Цзинь играетъ большую роль. Въ 1853 году онъ чуть не

былъ взятъ тайпингами и только благодаря непомѣрнымъ усиліямъ китайскимъ войскамъ удалось отбить городъ отъ тайпинговъ, уже стоявшихъ подъ его стѣнами. Спустя пять лѣтъ послѣ этого подъ стѣнами Тянь-Цзиня стояли союзныя войска англичанъ и французовъ. Послѣ того, какъ адмиралы англо-французской эскадры, стоявшей у устья Пейхо, въ маѣ 1858 года, получили въ отвѣтъ на свой ультиматумъ слѣдующее категорическое заявленіе: «Никогда сынъ Неба не потерпитъ, чтобы европейскіе посланники проживали въ Пекинѣ! Также точно и большія рѣки страны никогда не могутъ быть открыты для европейской торговли!»—соединенные отряды тотчасъ же произвели нападеніе на форты Таку и англійскія и французскія канонерки отправились вверхъ по неизвѣстной имъ рѣкѣ до Тянь-Цзиня. Китайцы считали совершенно неприступными свои форты у устья Пейхо и поэтому не думали о нападеніи на Тянь-Цзинь, который былъ совсѣмъ не защищенъ. Когда у Тянь-Цзиня появились европейскія военныя суда, то китайцы пошли на уступки и начались переговоры, завершившіеся заключеніемъ тянъ цзинскаго мира, послѣ чего, въ іюлѣ 1858 г. союзные отряды оставили городъ. Но затрудненія этимъ не кончились; китайцы не хотѣли исполнять договора и европейцы возобновили свои враждебныя дѣйствія. Только послѣ вступленія союзныхъ отрядовъ въ Пекинъ, въ 1860 году, былъ заключенъ уже настоящій миръ и Тянь-Цзинь былъ открытъ для торговыхъ сношеній съ европейцами.

Прошло десять лѣтъ послѣ этого, но никакого сближенія между китайцами и европейцами не произошло. И тѣ и другіе оставались другъ другу чужими, если не прямо врагами. Однако до открытыхъ враждебныхъ дѣйствій пока еще дѣло не доходило. Въ 1870 г. начали распространяться въ народѣ разные тревожные слухи; европейцевъ обвиняли въ томъ, что они похищаютъ маленькихъ дѣтей, умерщвляютъ ихъ и монахини приготовляютъ изъ ихъ крови разныя волшебныя снадобья. Народъ началъ волноваться и открыто выказывать враждебность миссіонерамъ, которые нѣсколько разъ обращали вниманіе французскаго консула на грозившую опасность, но консулъ не слушалъ предостереженій и даже запретилъ доносить себѣ объ этомъ. Консулы другихъ націй хотя и замѣчали опасность, но не считали ее настолько грозной и поэтому никакихъ мѣръ не было принято, что и привело въ концѣ концовъ къ избіенію христіанъ въ Тянь-Цзинѣ, извѣстному подъ названіемъ «тянь-цзинской кровавой бани».

21-го іюня 1870 г., въ 9-ть часовъ утра несмѣтныя толпы народа собрались у зданій французской миссіи и французскаго консульства. Толпа бросала каменья въ окна и хотѣла пробиться во внутрь зданія. Китайскія власти, какъ всегда, держались въ сторонѣ и не приняли никакихъ мѣръ къ защитѣ иностранцевъ. Бушующая толпа, разломавъ ворота миссіи, кинулась въ церковь, все уничтожая на пути, къ ризницѣ, куда спрятались два священника. Между тѣмъ французскій консулъ, наканунѣ еще написавшій французскому посланнику слѣдующее донесеніе: «Нашъ маленькій, всегда спокойный городокъ, пришелъ въ волненіе. Толпы народа шумятъ и производятъ безпорядки, но губернаторъ обѣщалъ мнѣ, что онъ издастъ прокламацію для успокоенія умовъ»,—убѣдившись теперь, что дѣло принимаетъ болѣе серьезный оборотъ, чѣмъ онъ думалъ раньше, отправился въ сопровожденіи своего секретаря къ главному мандарину, съ которымъ у него произошла бурная сцена, и на обратномъ пути его закололи китайцы, также какъ и его секретаря. Смертельно раненые, они дотащились все-таки до воротъ консульства, но тутъ упали, истекая кровью. Тогда началось настоящее избіеніе иностранцевъ и спаслись только дѣти сиротскаго пріюта, которыя успѣли спрятаться. Къ шести часамъ вечера уже ни одного иностранца не оставалось въ Тянь-Цзинѣ.

Такое избіеніе иностранцевъ, происшедшее тридцать лѣтъ тому назадъ, представляетъ типичный случай, иллюстрирующій взаимныя отношенія китай-

цевъ и иностранцевъ и ту ненависть, которая то вспыхиваетъ яркимъ пламенемъ, то какъ будто стихаетъ, но, тѣмъ не менѣе, всегда живетъ въ душѣ китайца, не могущаго видѣть въ европейцахъ никого кромѣ враговъ. Съ другой стороны, этотъ фактъ указываетъ, до какой степени иностранные дипломаты плохо знаютъ и понимаютъ китайскую жизнь и какъ мало они въ состояніи угадать окружающія ихъ опасности. Теперь, по прошествіи 30-ти лѣтъ, мы видимъ повтореніе того же самаго въ Пекинѣ.

Замѣчательно, что ненависть къ европейцамъ всего сильнѣе выражается въ большихъ торговыхъ городахъ, гдѣ европейцевъ всего больше и гдѣ сношенія съ ними существуютъ уже давно. Внутри страны, въ земледѣтьческихъ провинціяхъ, гдѣ европейцы представляютъ рѣдкое явленіе, они возбуждаютъ большею частью только любопытство, которое порою бываетъ имъ въ тягость, но лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ наталкиваются на прямо враждебныя отношенія.

Самый городъ Тянь-Цзинь раздѣляется рѣкою Пейхо и вливающимся въ нее большимъ императорскимъ каналомъ на три части. Собственно китайскій городъ отличается своею нечистоплотностью. Единственное представляющее интересъ мѣсто въ этой части города — храмъ «наказаній господнихъ», гдѣ изображены различныя кары, постигающія преступниковъ. Тутъ китайская фантазія разъигралась во всей своей ужасающей свирѣпости и одинъ видъ этихъ картинъ и пластическихъ изображеній всевозможныхъ казней и пытокъ приводитъ въ содроганіе и указываетъ, чего можно ожидать отъ китайцевъ, когда чувство ненависти и жестокости разрушитъ всѣ преграды и овладѣетъ народомъ. Неудивительно, что мысль о тѣхъ сценахъ, которыя должны были происходить въ Пекинѣ, заставляетъ насъ содрогаться отъ ужаса.

Нынѣшнія китайскія событія, застигшія европейцевъ врасплохъ, подготовлялись, впрочемъ, давно и только еще разъ подтвердили полную несостоятельность близорукой и эгоистической политики европейцевъ, ревниво подстерегающихъ другъ друга и алчно набрасывающихся на Китай, какъ на лакомую добычу. Китай по прежнему остался «неизвѣстной величиной» для европейцевъ и они не нашли ключа къ китайскому характеру. Любопытно, что, 14 лѣтъ лѣтъ тому назадъ, въ Парижѣ китайскій военный аташе Ченгъ-Ки-Тонгъ, высказалъ предостереженіе европейцамъ, которое теперь получаетъ пророческій характеръ. Ченгъ-Ки-Тонгъ былъ однимъ изъ блестящихъ представителей молодого Китая и получилъ европейское образованіе. Онъ прочелъ публичную лекцію въ аристократическомъ парижскомъ клубѣ «St.-Simon» и произвелъ огромную сенсацію въ высшемъ свѣтѣ, гдѣ говорили, что его лекція звучала словно вызовъ, брошенный желтою расой бѣлой. Это было 14-го іюня 1886 г. Ченгъ-Ки-Тонгъ началъ съ того, что извинился передъ блестящимъ собраніемъ, которое почтило его лекцію своимъ присутствіемъ, за свой «неизящный китайскій видъ, тонко подсмѣиваясь надъ своею китайскою наружностью, своею косой и т. д.». Затѣмъ онъ разсыпался въ похвалахъ,—въ которыхъ также звучала тонкая иронія,—парижскому изящному вкусу, парижскимъ портнымъ, поварамъ, театрамъ и парижскимъ красавицамъ. Каждый мандаринъ почелъ бы себя счастливымъ, еслибъ могъ броситься къ ногамъ прекрасной парижанки, хотя ножки ея не такъ малы, какъ ножки китаянки. Развивая далѣе свою мысль, китаецъ, все подъ видомъ похвалы, началъ высказывать горькія истины французамъ. Онъ далъ имъ понять, что ихъ, такъ называемая, блестящая цивилизація прикрываетъ тщеславіе, легкомысліе и глубокую испорченность націи. Продолжая любезно извиняться передъ своею аудиторіей въ своей «китайской неловкости» и неумѣньи выражаться, онъ наговорилъ ей много непріятныхъ вещей и въ концѣ концовъ, коснувшись отношеній европейцевъ къ Китаю, сказалъ: «Вы не знаете Китай! Онъ слишкомъ великъ. Мы сами, ки-

тайцы, не вполнѣ знаемъ его. Европа, вообще не отличающаяся познаніями другихъ, въ особенности она плохо знаетъ китайцевъ и дѣлаетъ большую ошибку, рѣшаясь такъ легкомысленно разсуждать о Китаѣ, который ей издали представляется какою-то крохотною вещью. Но Китай—это громадный резервуаръ скрытыхъ и еще дремлющихъ силъ, китайцы — консервативный, мирный, земледѣльческій народъ. Европейцы обращаются съ ними, какъ будто они отстали въ умственномъ развитіи, а между тѣмъ, китайцы все-таки «выдумали порохъ» и сами считаютъ европейцевъ варварами и непрошенными пришельцами. Уже въ теченіе многихъ столѣтій китайцы не помышляютъ о войнѣ, они не одержимы воинственнымъ духомъ и неохотно станутъ воевать. Но кто знаетъ? Быть можетъ, въ ближайшемъ будущемъ произойдутъ удивительныя вещи. Желтая раса еще не сказала своего послѣдняго слова. Въ тотъ день, когда китайцы нѣсколько позабудутъ о своемъ Конфуціи и подобно вамъ начнутъ изучать теорію войны, въ тотъ день, когда у нихъ появятся европейскіе инструкторы и они пріобрѣтутъ—средства имъ позволяютъ это!—за свой опіумъ и чай крупповскія пушки, броненосцы и миноноски, и вооружатъ всѣ свои боевыя силы, въ тотъ день Европѣ придется считаться съ ними и, пожалуй, не легко будетъ свести эти счеты!»

Возможно, что этотъ день, предсказанный китайцемъ 14 лѣтъ тому назадъ, наступилъ теперь.

Профессоръ Мазарыкъ и чехи. Извѣстный пражскій профессоръ Мазарыкъ, навлекшій на себя столько непріятностей и преслѣдованій со стороны антисемитовъ, своимъ вмѣшательствомъ въ пресловутый полненскій процессъ, надѣлавшій въ прошломъ году столько шума, недавно былъ проѣздомъ въ одномъ маленькомъ чешскомъ городкѣ и по просьбѣ обывателей прочелъ тамъ лекцію о школѣ и ея значеніи для народа. По окончаніи лекціи, въ которой профессоръ говорилъ о великомъ значеніи образованія для народа, начались пренія по поводу важнѣйшихъ вопросовъ дня. Профессора обступили его слушатели, среди которыхъ было много рабочихъ и крестьянъ, и начали задавать ему вопросы. Прежде всего рѣчь зашла о религіи, профессоръ высказался въ пользу самой абсолютной и широкой религіозной терпимости. «Религія не должна служить ни для политическихъ цѣлей, ни для гегемоніи,—сказалъ онъ,—иначе она будетъ не проповѣдью слова Господа, а проповѣдью ненависти и стремленія къ власти. Каждый можетъ молиться Богу такъ, какъ онъ хочетъ, лишь бы молитва его была искренняя. Религія должна удерживать отъ человѣконенавистничества и учить быть снисходительными и справедливыми».

Отъ религіи профессоръ перешелъ къ вопросу о языкѣ, который является источникомъ такихъ затрудненій въ Австріи и въ особенности среди чеховъ вызываетъ столько волненій и смутъ. Одинъ изъ присутствующихъ обратился къ профессору съ вопросомъ, что онъ думаетъ объ изгнаніи нѣмецкаго языка изъ обращенія въ Чехіи.—«Я думалъ,—воскликнулъ профессоръ,—что съ этимъ вопросомъ о языкахъ связано величайшее недоразумѣніе! Позвольте мнѣ, въ свою очередь, задать вамъ вопросъ: кто изъ васъ можетъ сказать, положа руку на сердце, что онъ можетъ совершенно обойтись безъ нѣмецкаго языка? Скажите откровенно, нуженъ намъ нѣмецкій языкъ или нѣтъ?»—обратился профессоръ къ присутствующимъ.

Въ залѣ произошло какъ бы минутное замѣшательство, но затѣмъ раздались голоса: «Ну да, конечно, намъ нуженъ нѣмецкій языкъ. Безъ него трудно обойтись. Мы должны обучать своихъ дѣтей нѣмецкому языку!»

— Когда такъ,—сказалъ профессоръ Мазарыкъ,—то развѣ мы повредимъ себѣ, если сознаемся открыто, что намъ дѣйствительно нуженъ нѣмецкій языкъ, что безъ него мы не можемъ обойтись, но пользоваться имъ мы должны въ извѣст-

ныхъ границахъ. Эти границы надо установить посредствомъ публичнаго обсужденія этого вопроса. Во всякомъ случаѣ этотъ споръ о языкахъ наноситъ ущербъ странѣ и тормозитъ ея дальнѣйшее развитіе. Обѣ стороны должны постараться найти исходъ, который прекратилъ бы такое невыносимое положеніе дѣлъ».

Коснувшись затѣмъ полненскаго процесса, профессоръ Мазарыкъ сказалъ, что ему дѣйствительно пришлось вынести много непріятностей только вслѣдствіе того, что онъ выступилъ въ защиту справедливости и хотѣлъ предостеречь христіанъ отъ опаснаго суевѣрія. «Вѣру въ ритуальныя убійства я считаю опаснымъ суевѣріемъ,—прибавилъ онъ,—и не разъ въ своихъ брошюрахъ предостерегалъ христіанъ отъ этого. Клерикальные и радикальные антисемиты теперь выходятъ изъ себя, потому что чешскій медицинскій совѣтъ подтвердилъ мой взглядъ на полненское убійство и отвергнулъ его ритуальный характеръ. Но я писалъ свои брошюры не противъ юристовъ и врачей, а противъ юридическихъ и медицинскихъ суевѣрій, которыя приносятъ такой вредъ обществу».

По окончаніи собранія профессору Мазарыку была устроена восторженная овація и въ числѣ привѣтствовавшихъ его замѣчены были многіе изъ тѣхъ, которыхъ считали до сихъ поръ антисемитами. Ярые противники нѣмецкаго языка точно также не возражали профессору на его заявленіе, что «безъ нѣмецкаго языка обойтись невозможно!» Спокойная и преисполненная достоинства рѣчь профессора, не побоявшагося высказать прямо свой взглядъ, произвела впечатлѣніе на его многочисленную аудиторію, состоявшую изъ 400 человѣкъ, такъ что полицейскія мѣры, принятыя мѣстными властями, оказались совершенно лишними.

Изъ области женскаго движенія. Австрія, отставшая отъ другихъ европейскихъ странъ, въ области женскаго движенія, которое выражалось въ ней гораздо слабѣе, нежели въ сосѣдней Германіи, сдѣлала теперь большой шагъ впередъ въ этомъ отношеніи. Министерство просвѣщенія, собирающееся произвести реформы высшаго женскаго образованія, пригласило на совѣщаніе объ этихъ реформахъ нѣсколькихъ женщинъ, начальницъ школъ, предсѣдательницу женскаго промышленнаго союза и др. На обсужденіе собранія были представлены нѣсколько пунктовъ, касающихся организаціи высшихъ женскихъ школъ, единства программы, обязательныхъ и необязательныхъ предметовъ и цѣли учрежденія женскихъ лицеевъ (Mädchen Lyceum). Въ Австріи высшими женскими школами называются собственно гимназіи и программа этихъ школъ соотвѣтствуетъ гимназической программѣ. Австрійское министерство просвѣщенія имѣло въ виду произвести нѣкоторое измѣненіе въ существующей программѣ, расширить ее и увеличить число женскихъ лицеевъ или гимназій, которыхъ до сихъ поръ было очень мало. Важнымъ является въ данномъ случаѣ офиціальное приглашеніе женщинъ къ участію въ совѣщаніяхъ, что произошло въ первый разъ. Въ своей заключительной рѣчи министръ просвѣщенія благодарилъ присутствующихъ и «въ особенности дамъ», причемъ, какъ водится, выразилъ надежду, что работы коммиссіи приведутъ къ хорошимъ результатамъ и вопросъ объ организаціи высшихъ женскихъ школъ въ Австріи получитъ удовлетворительное рѣшеніе во всѣхъ отношеніяхъ.

Въ Вѣнѣ образовался союзъ съ цѣлью организаціи свободныхъ университетскихъ курсовъ для женщинъ. Союзъ этотъ называется «Athaeneum» и стоитъ въ непосредственной связи съ народными университетами (университетскимъ движеніемъ) и самимъ университетомъ и при этомъ, какъ говорятъ, пользуется негласнымъ покровительствомъ министерства просвѣщенія. Организаторы курсовъ имѣютъ въ виду приспособить ихъ программу къ программѣ преобразованныхъ казенныхъ женскихъ гимназій или лицеевъ. Кромѣ того, союзъ имѣетъ въ виду дать возможность желающимъ приготовиться къ экзаменамъ на аттестатъ зрѣ-

лости и разсчитываетъ оказать большую помощь учительницамъ, нуждающимся въ пополненіи и расширеніи своихъ свѣдѣній. Открытіе курсовъ произойдетъ въ октябрѣ, но желающіе получить какія-либо свѣдѣнія или записаться могутъ адресовать свои требованія въ «Athaeneum» (Wien. Bezirk, Hessgasse, № 7. Dr. I. Landsberger). Австрійскія женщины, видимо, желаютъ наверстать потерянное время и догнать женщинъ Германіи въ своемъ движеніи впередъ.

Въ Германіи женщины мало-по-малу получаютъ доступъ во многія учрежденія, которыя были закрыты для нихъ. Въ Гамбургѣ новооткрытый «Гетевскій союзъ» рѣшилъ принимать членами женщинъ на такомъ же основаніи, какъ и мужчинъ, хотя первоначально организаціонный комитетъ союза высказался самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ женщинъ. Но самую большую сенсацію въ Берлинѣ вызвало вступленіе г-жи Маріи Рашке, доктора правъ, въ число членовъ юридическаго общества. Правда, президентъ общества, объявляя объ избраніи г-жи Рашке, прибавилъ, что этотъ исключительный случай не долженъ представлять изъ себя прецедента, на основаніи котораго женщинамъ долженъ быть открытъ свободный доступъ въ юридическое общество. Каждый такой случай подлежитъ отдѣльному обсужденію комитета, который можетъ высказаться за или противъ вступленія женщины въ число членовъ. Какъ бы тамъ ни было, но такая уступка юридическаго общества разсматривается, какъ знаменіе времени, и получаетъ особенное значеніе, если принять во вниманіе, что германскія коллегіи и ученыя общества отличаются чрезвычайнымъ консерватизмомъ и неохотно отказываются отъ своихъ традицій. Медицинское общество, напримѣръ, ни за что не хочетъ принимать въ число своихъ членовъ женщинъ-врачей и, вообще, гдѣ только можно, старается воздвигнуть препятствія медицинской дѣятельности женщинъ.

Новый членъ германскаго юридическаго общества, г-жа Марія Рашке собирается издавать популярный юридическій журналъ («Zeitschrift für populäre Rechtskunde») для мужчинъ и женщинъ всѣхъ классовъ общества съ цѣлью, распространить въ публикѣ юридическія познанія, столь необходимыя въ частной и общественной жизни. Журналъ будетъ выходить четыре раза въ годъ и первый номеръ его выйдетъ въ октябрѣ.

Стремленія къ высшему образованію и самостоятельности обнаруживаются уже и у восточныхъ женщинъ. Въ Индіи, напримѣръ, число женщинъ, добивающихся высшаго образованія, постоянно возрастаетъ. Въ женской медицинской коллегіи въ Іовѣ (Соединные Штаты) кончаетъ теперь курсъ корейка, г-жа Кимъ-Пакъ, пріѣхавшая въ Америку вмѣстѣ съ мужемъ съ цѣлью изучать медицину. Но мужъ ея умеръ и теперь г-жа Кимъ-Пакъ одна возвращается въ Корею, гдѣ будетъ заниматься медицинскою практикой и, вѣроятно, явится піонеркой женскаго движенія въ Кореѣ.

Женскій митингъ въ Іоганнесбургѣ. Одинъ изъ нѣмецкихъ журналистовъ, пріѣхавшій въ южную Африку какъ только началась война и находившійся въ Іоганнесбургѣ до занятія его англійскими войсками, описываетъ очень любопытный женскій митингъ, который состоялся въ этомъ городѣ въ концѣ мая.

«Въ большой залѣ, гдѣ по торжественнымъ днямъ происходило обыкновенно голландское богослуженіе, должно было состояться на этотъ разъ собраніе африкандерскихъ женщинъ, которыя хотѣли обсудить вопросы, касающіеся войны, и постановить резолюціи. «Зала была еще пуста, когда я пришелъ туда,—разсказываетъ журналистъ,—и только священникъ, который обыкновенно совершаетъ здѣсь богослуженіе, задумчиво прогуливался между скамьями. Наконецъ, появились «бурскія амазонки». Я съ любопытствомъ смотрѣлъ на нихъ. Съ рѣшительнымъ видомъ занимали онѣ мѣста на скамьяхъ. Тутъ были совсѣмъ молодыя дѣвушки, высокія и тонкія, въ жилахъ которыхъ текла смѣсь гол-

ландской и англійской крови, и матери многочисленныхъ семействъ, уже отяжелѣвшія, но сохранившія энергичное выраженіе лица и, видимо, твердо рѣшившіяся высказать на этомъ митингѣ правду въ лицо «малодушнымъ мужчинамъ». Тутъ были и старухи, помнящія еще то время, когда онѣ вмѣстѣ со своими мужьями участвовали въ сраженіяхъ съ непріятелемъ и которыя вынесли на своихъ плечахъ много невзгодъ кочевой жизни. Большинство женщинъ было въ траурѣ по своимъ близкимъ, павшимъ на войнѣ, однако, какъ въ отношеніи наряда, такъ и въ отношеніи наружности, женщины, собравшіяся на митингъ, представляли чрезвычайно рознообразное зрѣлище. Рядомъ съ изящно одѣтыми женщинами, носящими на себѣ явный отпечатокъ лондонскаго или парижскаго воспитанія, сидѣли толстыя матроны, фермерши, одѣтыя безвкусно въ платье изъ грубой, но прочной матеріи домашняго издѣлія. На лицахъ у всѣхъ было серьезное и сосредоточенное выраженіе. Когда всѣ размѣстились, то священникъ взошелъ на каѳедру, произнесъ благословеніе собранію и привѣтствовалъ женщинъ, которыя, подобно «женамъ израиля», хотятъ оставаться вѣрными своему отечеству и рядомъ со своими мужьями защищать его. Послѣ священника къ собранію обратился городской фильдкорнетъ съ просьбою не давать слишкомъ большой воли своему краснорѣчію и не затягивать собранія, извинившись тѣмъ, что у него нѣтъ времени, и просилъ ораторшъ говорить по возможности кратко и не болѣе двухъ разъ. Затѣмъ онъ уступилъ мѣсто ораторшамъ. Первою говорила молодая женщина, извинившаяся передъ собраніемъ въ томъ, что она лучше владѣетъ англійскимъ языкомъ, нежели голландскимъ, и начавшая по-англійски метать громы противъ англичанъ. Но она много высказала вѣныхъ и правильныхъ мыслей и заслужила горячее одобреніе слушательницъ. Между прочимъ, она указала на то, что очень много должностей, въ различныхъ коммиссіяхъ, канцеляріяхъ, на почтѣ, телеграфѣ и т. д., занимаютъ въ настоящее время молодые и годные къ военной службѣ мужчины. Не лучше ли было бы замѣнить ихъ стариками и женщинами, которые могли бы справиться съ ихъ служебными обязанностями, а ихъ отправить на войну, гдѣ они такъ нужны? Затѣмъ, ораторша сказала, что женщины должны стараться поддерживать мужество своихъ родственниковъ и мужей на войнѣ и требовать, чтобы они вели себя, какъ подобаетъ мужчинамъ, иначе они будутъ недостойны ихъ любви, заботъ и вниманія. Ораторша напомнила о прежнихъ временахъ, когда бурамъ приходилось завоевывать каждую пядь земли. Въ борьбѣ съ врагами закалялись энергія и мужество и женщины были храбрыми помощницами, мужественно перенося вмѣстѣ съ мужчинами всѣ лишенія и опасности странствованія по африканской степи въ поискахъ за новою родиной. Какъ часто жена, придерживая одною рукою ребенка у груди, подавала другою рукой заряженое ружье своему мужу! Но теперь недостаточно обладать физическою силой и мѣткостью удара, чтобы имѣть успѣхъ на войнѣ. Война сдѣлалась болѣе сложной и требуетъ большого искусства; кромѣ того, городская жизнь не можетъ приготовить хорошихъ воиновъ и, поэтому, очень многіе изъ горожанъ, вполнѣ способныхъ къ военной службѣ, оказываются въ дѣйствительности мало къ ней пригодными. При такихъ условіяхъ вполнѣ естественно, что среди женщинъ возникла мысль объ учрежденіи корпуса амазонокъ, для того, чтобы пополнить недостатокъ въ мужчинахъ воинахъ. Ораторша, впрочемъ, только вскользь коснулась вопроса объ амазонкахъ и не высказывалась ни за, ни противъ нихъ, зато другая ораторша, вдова одного бурскаго командира, самымъ рѣшительнымъ образомъ высказалась въ пользу этой идеи. Она говорила по-голландски и въ сильныхъ выраженіяхъ разсказала присутствующимъ, какъ погибъ ея мужъ, пожертвовавшій жизнью за свою страну. Теперь на войнѣ у нея находится братъ, который раненъ, но остался въ строю, и сынъ, который, вѣроятно, погибнетъ также, какъ его отецъ. «Что же я буду дѣлать одна, безъ моихъ близ-

кихъ,—воскликнула она,—и безъ моего отечества! И развѣ мало найдется такихъ женщинъ какъ я, у которыхъ война отняла все? Зачѣмъ же мы будемъ сидѣть, сложа руки! Женщины могутъ и должны сражаться съ врагомъ своей родины, должны защищать свою родину, также, какъ и мужчины. Мое ружье и патроны готовы! Развѣ женщинамъ не нужно оружіе, чтобъ защищаться отъ кафровъ? Правительство должно снабдить женщинъ оружіемъ, сформировать женскій корпусъ. Женщины могутъ отправлять административную и полицейскую службу, имъ не хватаетъ только организаціи. Выберите меня своимъ командиромъ и я поведу васъ къ славѣ и побѣдѣ!»

Эти заключительныя слова ораторши были покрыты оглушительными аплодисментами, долго не умолкавшими.

Всѣ остальныя рѣчи ораторшъ проникнуты были такою же энергіею и пылкимъ стремленіемъ поддержать слабѣющія силы мужчинъ-воиновъ. «Съ какою бы насмѣшкой ни относились въ Европѣ къ этой идеѣ организаціи корпуса амазонокъ,—говоритъ журналистъ,—но тутъ она получаетъ серьезное значеніе. Въ этой залѣ смѣхъ застываетъ на устахъ. Чувствуется, что эти женщины, и старыя и молодыя, не ради шутки собрались сюда; онѣ не играютъ роли и въ душѣ ихъ созрѣло твердое рѣшеніе. При взглядѣ на нихъ становится ясно, что о покорности не можетъ быть и рѣчи. Быть можетъ, дѣйствительно, послѣднія неудачи, занятіе Оранжеваго государства, потеря столькихъ воиновъ лишили буровъ мужества и это обстоятельство заставило женщинъ такъ энергично выступить на сцену и объявить о своемъ рѣшеніи взяться за оружіе. Это должно подѣйствовать и удержать ихъ бѣгство съ поля битвы. Такъ или иначе, но несомнѣнно, что бурскія женщины совершенно серьезно относятся къ этой идеѣ. Бурскія женщины и дѣвушки не уступаютъ въ храбрости мужчинамъ и, вообще, обнаруживаютъ такую самостоятельность, которой могли бы позавидовать европейскія передовыя женщины—борцы за равноправность женщины!»

Въ заключеніе митинга вотирована была резолюція, предлагающая правительству роздать оружіе женщинамъ, назначить ихъ на различныя полицейскія и другія должности и образовать корпусъ амазонокъ. Тутъ же составленъ былъ списокъ женщинъ и дѣвушекъ, изъявившихъ желаніе поступить на военную службу. Записались болѣе ста женщинъ и митингъ объявленъ былъ закрытымъ. Женщины разошлись по своимъ домамъ, къ своимъ домашнимъ обязанностямъ, какъ ни въ чемъ не бывало, и хотя правительство, быть можетъ, опасаясь насмѣшекъ, не сочло возможнымъ удовлетворить требованіе женщинъ, но несомнѣнно, что этотъ женскій митингъ оказалъ-таки свое дѣйствіе и поднялъ упавшее мужество мужчинъ.

Проэктъ народнаго дворца въ Парижѣ. Неутомимый Дегермъ, учредитель народныхъ университетовъ въ Парижѣ, задумалъ новый грандіозный планъ и уже пропагандируетъ свою идею всѣми способами. Онъ хочетъ устроить народный дворецъ во французской столицѣ, по образцу тѣхъ, которые существуютъ въ Бельгіи. Успѣхъ его созданія народныхъ университетовъ, конечно, долженъ былъ подѣйствовать на него поощряющимъ образомъ и побудить его расширить свою дѣятельность въ этомъ направленіи. Одному изъ французскихъ журналистовъ, который бесѣдовалъ съ нимъ объ этомъ, Дегермъ въ слѣдующихъ словахъ изложилъ свой планъ: «Что будетъ представлять изъ себя народный дворецъ? Огромный домъ, который будетъ совмѣщать въ себѣ всѣ элементы физической и нравственной гигіены высшаго разряда. Въ этомъ домѣ будетъ всего понемногу: ванныя, кафе и ресторанъ общества трезвости, гимнастическое заведеніе, рекреаціонный залъ для дѣтей, фехтовальный залъ, затѣмъ театръ и садъ, въ которомъ лѣтомъ будетъ играть музыка, конечно будутъ устроены

залы для чтенія, библіотека, мастерскія, гдѣ желающіе могутъ получать профессіональное образованіе, лабораторіи, при которыхъ будутъ устроены техническіе курсы, музей и залы для выставки. Кромѣ того, въ верхнемъ этажѣ будутъ устроены комнаты для рабочихъ».

На замѣчаніе журналиста, что у него планы очень широкіе, Дегермъ сказалъ, что «не слѣдуетъ ставить въ рамки свои честолюбивыя стремленія, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы сдѣлать добро. Надо дѣлать какъ можно больше и какъ можно лучше!»

— Эта идея народнаго дворца многимъ кажется нѣсколько смѣлой и, пожалуй, даже опасной,—замѣтилъ журналистъ.

— Ничуть не бывало! — воскликнулъ Дегермъ.—У свѣтскихъ людей есть свои клубы, гдѣ они получаютъ тѣ же удовольствія и развлеченія, часть которыхъ мы хотѣли бы доставить парижскимъ рабочимъ. Дѣлая болѣе или менѣе большой взносъ, свѣтскіе люди обезпечиваютъ себѣ извѣстныя удобства и удовольствія, которыя стоили бы имъ гораздо дороже, если бы они не образовали ассоціаціи, которая доставляетъ имъ все это съ меньшими издержками. Почему бы и народу не имѣть своихъ клубовъ Онъ будетъ также платить, конечно, какіе-нибудь пустяки, такъ какъ учредители должны взять на себя часть расходовъ, но за это онъ получитъ то, чего не въ состояніи имѣть въ своей домашней обстановкѣ. Въ Парижѣ есть католическіе клубы рабочихъ, почему бы не быть тамъ клубамъ безъ такой спеціальной окраски? Но, приравнивая народный дворецъ къ обыкновеннымъ клубамъ, мы умаляемъ его значеніе,— прибавилъ Дегермъ.—Цѣли этого учрежденія болѣе широкія. Народный дворецъ будетъ доставлять нетолько удовольствіе и комфортъ своимъ членамъ, но также средства къ пополненію и расширенію своихъ познаній; онъ пріобщитъ своихъ членовъ къ умственной жизни и научитъ ихъ понимать искусство и красоту, но рядомъ съ этимъ онъ дастъ имъ возможность пріобрѣсти нужныя имъ профессіональныя свѣдѣнія и усовершенствоваться въ своемъ мастерствѣ. Было такое время въ нашей исторіи, когда находили опаснымъ пробуждать къ умственной жизни народныя массы, но теперь оно прошло и я не думаю, чтобы кто-нибудь изъ моихъ соотечественниковъ рѣшился теперь высказать подобныя мысли, тѣмъ болѣе, что исторія показала намъ, что вся эта осторожность далеко не была безкорыстной. Если народный дворецъ будетъ тѣмъ, чѣмъ мы желали бы, чтобы онъ былъ, то онъ не будетъ помогать какой нибудь партіи, но будетъ содѣйствовать прогрессу человѣчества».

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Дегерму удастся привести въ исполненіе свою идею, такъ какъ онъ умѣетъ хотѣть и умѣетъ добиваться желаемаго.

Недавно состоялось торжественное открытіе памятника другому дѣятелю на поприщѣ народнаго образованія во Франціи, Жану Масе. Это торжество совпало съ обычнымъ ежегоднымъ конгрессомъ «Лиги просвѣщенія», обязанной своимъ существованіемъ почтенному дѣятелю, автору многочисленныхъ популярно-научныхъ произведеній для юношества и дѣтскаго возраста. Кому неизвѣстны, напримѣръ, «Исторія кусочка хлѣба», «Слуги желудка» и т. д. Но Масе стяжалъ себѣ вѣчную благодарность французскаго народа своими стараніями сдѣлать образованіе общедоступнымъ. Казалось такая простая мысль, что «каждый французскій гражданинъ долженъ умѣть читать и писать», не должна бы встрѣчать возраженія—нигдѣ, но на самомъ дѣлѣ Масе пришлось выдержать упорную борьбу. Противъ него возстали клерикалы; однако, никакія интриги и гоненія и никакая оппозиція не могли заставить Масе отказаться отъ своей идеи и созданная имъ лига не только насадила просвѣщеніе во Франціи, но содѣйствовала развитію въ народѣ сознанія своихъ политическихъ правъ и обязанностей.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

«Revue de Paris».—«Revue des Revues».—«The Humanitarian».

Французскій консулъ Франсуа въ Юннанъ-Сенѣ, подвергавшійся, вмѣстѣ съ прочими иностранцами, серьезной опасности, когда вспыхнуло возстаніе въ южномъ Китаѣ, но успѣвшій во время добраться до Тонкина, прибылъ па свой постъ только въ октябрѣ прошлаго года, пропутешествовавъ 11 мѣсяцевъ по Китаю, изъ Кантона, черезъ Ліаочефу, въ Юннанъ-Сенъ. Этотъ трудный и долгій путь онъ описалъ въ письмахъ къ другу, напечатанныхъ теперь въ «Revue de Paris». Изъ этихъ писемъ можно вывести заключеніе, что Франсуа умѣлъ обращаться съ китайцами, которымъ онъ внушалъ уваженіе своею военною наружностью и своимъ искусствомъ въ стрѣльбѣ. Китайцы вездѣ встрѣчали его радушно. Въ Кантонѣ Франсуа пригласилъ своимъ спутникомъ одного ученаго манджура, спеціальность котораго была находить лучшія мѣста для устройства могилъ. Китайцы, какъ извѣстно, придаютъ громадное значеніе выбору мѣста для погребенія своихъ умершихъ. Если предки будутъ погребены не въ надлежащемъ мѣстѣ, то потомки ихъ не могутъ разсчитывать ни на какія удачи въ жизни. Вполнѣ естественно поэтому, что китаецъ старательно выбираетъ мѣсто для могилы своихъ ближайшихъ родственниковъ. Къ спутнику Франсуа, ученому манджуру, очень часто обращались за совѣтомъ разныя лица и онъ указывалъ имъ благопріятныя мѣста для устройства могилы. «Если я обращалъ его вниманіе на какой-нибудь красивый пейзажъ, говоритъ Франсуа,—то онъ, непремѣнно, дѣлалъ замѣчаніе, годится или нѣтъ это мѣсто для погребенія. Однажды онъ пришелъ въ такое сильное возбужденіе, что я опасался, какъ бы онъ не оторвалъ себѣ свою собственную косу. На мой вопросъ онъ отвѣчалъ мнѣ, что открылъ необыкновенно благопріятное мѣсто для могилы и еслибъ на этомъ мѣстѣ онъ похоронилъ своего отца, то кто-нибудь изъ его потомковъ былъ бы имераторомъ. Но увы! Онъ уже похоронилъ своего отца въ другомъ мѣстѣ, и слѣдовательно, не могъ извлечь пользу изъ своего открытія»!

Этотъ разсказъ Франсуа указываетъ, какое громадное значеніе придаютъ китайцы могиламъ своихъ предковъ и какъ неправильно поступали европейцы, не обращая вниманія на эти чувства китайцевъ и присвоивая себѣ землю, на которой находились китайскія могилы. Нарушеніе покоя умершихъ считается у китайцевъ величайшимъ преступленіемъ и пренебрежительное отношеніе европейцевъ къ тому, что китаецъ считаетъ святыней, могло содѣйствовать укрѣпленію ненависти ихъ къ европейцамъ.

Какъ всѣ европейскіе путешественники Франсуа съ ужасомъ отзывается о нечистоплотности китайцевъ и грязи, среди которой они живутъ. По словамъ Франсуа европеецъ можетъ рискнуть провести ночь во дворцѣ даже какого-нибудь высокопоставленнаго мандарина лишь въ такомъ случаѣ, если онъ захватилъ съ собою свою собственную кровать и можетъ вполнѣ изолировать себя отъ окружающихъ. Франсуа, конечно, позаботился объ этомъ, но описывая своему пріятелю ночлеги въ китайскихъ гостинницахъ, онъ не могъ, повидимому, вспоминать о нихъ безъ содроганія. Такое же чувство содроганія и отвращенія онъ вызываетъ и у читателя своими описаніями китайской гостинницы со всѣми ея атрибутами, грязью, насѣкомыми и невыносимымъ запахомъ. Въ самомъ дѣлѣ, трудно себѣ представить европейца въ такой обстановкѣ.

Китайскіе кули, которыхъ Франсуа долженъ былъ нанять для доставки своего багажа, поразили его своею удивительною способностью переносить, несмотря на свой крайне истощенный видъ, всѣ трудности пути и лишенія. Эти несчастные почти ничего не ѣдятъ и только опіумъ, медленно убивающій ихъ,

даетъ имъ временно силы для исполненія ихъ тяжелой работы. Во время каждой остановки они бросаются на цыновки, постланныя на полу китайской гостинницы, и закуриваютъ свои трубочки съ опіумомъ. Двѣ-три затяжки поднимаютъ ихъ упавшую энергію. Опіумъ замѣняетъ имъ пищу и они тратятъ на него все, что получаютъ. Кули—настоящій вьючный скотъ, но только положеніе ихъ еще хуже, такъ какъ никто не заботится о нихъ. Это бродяги, вѣчно странствующіе изъ одной провинціи въ другую въ ожиданіи работы, одѣтые въ самыя разнообразныя лохмотья и не имѣющіе никакихъ другихъ ресурсовъ, кромѣ ношенія тяжестей, никакого постояннаго заработка и часто понуждаемые голодомъ просить милостыню или превращаться въ грабителей. У кули нѣтъ постояннаго мѣстожительства и все его имущество составляетъ трубка для опіума и стеклянная лампочка. Если онъ падаетъ на дорогѣ вслѣдствіе истощенія силъ или болѣзни, дизентеріи или лихорадки, то ему не отъ кого ожидать состраданія. Ни его хозяинъ, ни его товарищи не обратятъ на него вниманія; его грузъ возьметъ кто-нибудь изъ свободныхъ кули, всегда сопровождающихъ караванъ въ ожиданіи работы, и его бросятъ умирать на дорогѣ безъ малѣйшаго чувства состраданія и жалости.

Франсуа пришлось познакомиться съ китайскими пиратами и притомъ довольно курьезнымъ образомъ. Онъ просилъ китайскаго префекта въ Кингъ-Юангѣ дать ему конвой, такъ какъ надо было проходить черезъ ущелья и онъ могъ опасаться нападенія разбойниковъ. Каково же было его удивленіе, когда, миновавъ опасное мѣсто и собираясь отпустить конвой, Франсуа узналъ, что это и были разбойники, которые служили ему тѣлохранителями. Предводитель конвоя нашелъ сумму, которую ему заплатилъ Франсуа, слишкомъ ничтожной и сказалъ ему: «Великій господинъ не думалъ о томъ, какъ я объясню своимъ людямъ такую невыгодную сдѣлку? Великій господинъ, самъ хорошо видѣлъ внизу, у входа въ ущелье, что тамъ были 60 человѣкъ, которые занимали высоты, кромѣ тѣхъ, которые были его проводниками. Ну, я имъ сдѣлалъ знакъ, чтобы они не трогали великаго господина и не причиняли ему вреда. Вы видѣли узкій проходъ? У великаго господина страшныя ружья; онъ цѣлится такъ, какъ китаецъ не умѣетъ цѣлиться. Послѣ каждаго выстрѣла одинъ человѣкъ былъ бы мертвъ. Но все-таки, что могъ бы сдѣлать великій господинъ противъ 60 въ такомъ мѣстѣ? Я не могу принять такого маленькаго вознагражденія; мои люди стали бы упрекать меня за то, что я не позволилъ имъ разграбить ящики, которые мы охраняли».

— А я-то воображалъ, что меня конвоировали люди префекта! — восклицаетъ Франсуа. — Мой другъ, сказалъ я предводителю, — это твое дѣло. Жалуйся губернатору, который тебя заставилъ сопровождать меня, но я предупреждаю тебя, что теперь, если ты захочешь произвести на меня нападеніе, то старайся не промахнуться. Ты вѣдь хорошо знаешь мое ружье.

— О нѣтъ,—возразилъ разбойникъ.—Теперь мѣстность неудобна для нападенія, да и люди мои остались въ ущельи. Мнѣ ничего больше не остается, какъ вознаградить себя другими способами, чтобы не даромъ потратить время. Я слышалъ, что черезъ два дня пройдетъ здѣсь караванъ съ опіумомъ. Придется его ограбить!

— Желаю тебѣ удачи, мой милый разбойникъ,—сказалъ ему Франсуа.— Но такъ какъ ты мнѣ доставилъ большое удовольствіе своимъ обществомъ, то я тебѣ удваиваю плату.

Такимъ образомъ мы разстались вполнѣ довольные другъ другомъ —говоритъ Франсуа Точно также поступилъ и префектъ Туюнфу, но тутъ атаманъ разбойниковъ, взявшій нашъ караванъ подъ свое покровительство, дѣйствовалъ еще откровеннѣе. Передъ отправленіемъ въ путь онъ произносилъ на всѣхъ площадяхъ и публичныхъ мѣстахъ города рѣчи, напоминавшія поэтическую

декламацію, и въ этихъ рѣчахъ обращался ко всѣмъ своимъ друзьямъ, ворамъ китайскаго государства, съ просьбою не трогать людей, находящихся подъ его покровительствомъ и не похищать у нихъ ничего. Самъ онъ былъ воплощенная честность, прибавляетъ Франсуа, и даже не выпилъ у меня ни одной чашки чая.

Опасенія, что женщина потеряетъ свою женственность, лишится своихъ спеціальныхъ привлекательныхъ качествъ лишь только она начнетъ заниматься наукой и сдѣлается равноправной, больше всего тревожитъ французовъ и немедленно выплываютъ наружу, какъ только заходитъ рѣчь о женскомъ вопросѣ. Но не одно только увлеченіе наукой и идеями равноправія французы считаютъ вредными для женщины, съ точки зрѣнія женственности и красоты; въ настоящее время возникаютъ даже опасенія, что увлеченіе различными видами современнаго спорта также окажетъ дурное вліяніе на женщину и лишитъ ее прелести въ глазахъ мужчины. Вопросъ этотъ представляется имъ настолько серьезнымъ и важнымъ, что журналъ «Revue des Revues» рѣшилъ даже организовать «enquête» по этому поводу и запросить разныхъ знаменитостей обоего пола, что они думаютъ о занятіи женщины спортомъ различнаго рода. Вопросы, которые почтенный журналъ предложилъ на всеобщее обсужденіе, были слѣдующаго рода: 1) Перестаетъ ли женщина *быть женщиной*, если она начинаетъ предаваться физическимъ упражненіямъ, извѣстнымъ подъ общимъ именемъ спорта? 2) Можно ли считать занятіе спортомъ полезнымъ развлеченіемъ для современной женщины, или же увлеченіе спортомъ подвергаетъ опасности ея будущность?

На кличъ редакціи откликнулись не одни только поэты и беллетристы и дамы (Карменъ Сильва, M-me Альфонсъ Додэ, Клемансъ Ройе, баронесса Зуттнеръ, герцогиня д'Юзесъ и др.), но также почтенные ученые, очевидно находящіе вопросъ о вліяніи спорта на женственность подлежащимъ серьезному обсужденію. Однако, изъ присланныхъ отвѣтовъ трудно сдѣлать какой-нибудь окончательный выводъ, до такой степени расходятся взгляды авторовъ. Большинство женщинъ высказывается въ пользу спорта, за исключеніемъ г-жи Додэ, которая, вообще, не въ первый уже разъ выступаетъ противницей равноправія женщинъ въ какомъ бы то ни было отношеніи. «Пусть молодыя дѣвушки занимаются спортомъ и посредствомъ физическихъ упражненій подготовляютъ себя къ радостнымъ испытаніямъ, которыя готовитъ имъ материнство, — говоритъ она,—но у женщины есть другія занятія. Я опасаюсь всего, что отрываетъ женщину отъ ея очага и т. д.» Отвѣты многихъ мужчинъ также выражаютъ подобныя же опасенія. Любопытно, что мнѣнія врачей также расходятся. Одинъ изъ нихъ говоритъ: «Пусть женщина занимается спортомъ, только бы она дѣлала это красиво, изящно и какъ можно менѣе походила бы на мужчину». Другой, докторъ. Герикуръ, самымъ рѣшительнымъ образомъ возстаетъ противъ спорта съ физіологической, эстетической и соціальной точки зрѣнія. «Идеальное общество,—говоритъ докторъ,— это такое, гдѣ женщина не будетъ работать, такъ какъ у нея будетъ достаточно дѣла у своего очага, среди своихъ дѣтей. Мы, правда, очень далеки отъ такого идеала. Мы встрѣчаемъ женщинъ повсюду, въ мастерскихъ, въ администраціи, на поприщѣ либеральныхъ профессій. Намъ говорятъ, что для нея тутъ дѣло идетъ о жизни и смерти и, слѣдовательно, не время теперь заниматься обсужденіемъ этого вопроса». Далѣе докторъ доказываетъ, что физическія упражненія, составляющія обычную принадлежность дѣятельности мужчины, не только вредны для женщины, но даже безнравственны. Онъ заканчиваетъ свое письмо воззваніемъ къ молодымъ дѣвушкамъ и женщинамъ; первыя должны помнить, что они ничего не выиграютъ, предаваясь такимъ занятіямъ, которыя могутъ нанести имъ ущербъ,

какъ будущимъ женамъ и матерямъ, а вторыя не должны забывать, что вся ихъ сила заключается въ томъ очарованіи, которыя онѣ имѣютъ, какъ жены и матери, и только въ этомъ.

Извѣстный французскій писатель Марсель Прево прислалъ коротенькій отвѣтъ. Онъ воздержался отъ разсужденій насчетъ «великаго очарованія женственности» и только сказалъ: «Я все больше прихожу къ заключенію, что женщина будетъ дѣлать то же самое, что и мужчина, во всемъ, въ наукахъ, въ искусствахъ, въ сферѣ физическихъ и умственныхъ упражненій. И я думаю, что міръ приспособится къ этому, какъ ко всякой необходимой эволюціи».

Профессоръ Роменъ Дуттъ, занимающій каѳедру по исторіи Индіи въ Лондонскомъ университетѣ, печатаетъ въ журналѣ «Humanitarian» статью о религіяхъ древней Индіи. Онъ обращаетъ вниманіе на то, что только въ Индіи вѣра и традиціи отдаленнаго прошлаго продолжаютъ существовать и проникнуты жизненною силой. Древнія религіи Египта теперь уже составляютъ достояніе прошлаго, а религія древнихъ грековъ и римлянъ сохранилась только въ поэзіи и искусствѣ. Доктрины древнихъ мидянъ и персовъ сохранились только среди индусовъ, проживающихъ въ Индіи, но только у индусовъ звенья цѣпи, соединяющія прошлое съ настоящимъ, сохранились въ цѣлости и хотя формы и обряды религіознаго культа претерпѣли нѣкоторыя измѣненія, но основная доктрина осталась та же, которую мы находимъ въ древнихъ Ведахъ.

Религіи Индіи давно уже служатъ предметомъ изученія, но изслѣдователи преимущественно обращали вниманіе на внѣшнія стороны индусской религіи, упуская изъ вида заложенныя въ ея основу идеи и философію, объединяющія населеніе обширной индійской территоріи и давшія ему возможность противостоять всякому вліянію извнѣ, греческому или персидскому, мусульманскому или христіанскому. Когда индусы потеряли свою національную независимость въ концѣ XV вѣка и подчинились мусульманскимъ завоевателямъ, то все же это не имѣло никакого вліянія на ихъ вѣру, и она пережила это завоеваніе, продолжая горѣть такъ же ярко какъ прежде въ сердцахъ индусовъ. Начиная съ XI-го до XIX-го столѣтія, въ Индіи былъ цѣлый рядъ религіозныхъ реформаторовъ, повторявшихъ милліонамъ благоговѣйныхъ слушателей великія уроки прошлаго и поучавшихъ ихъ истинной вѣрѣ. Во главѣ этой славной серіи индусскихъ реформаторовъ стоитъ Романуя, жившій въ южной Индіи въ XI-мъ вѣкѣ. Онъ проповѣдывалъ единство Бога въ лицѣ Вишну и любовь къ Богу, какъ путь къ спасенію. Однако, противодѣйствіе, которое онъ встрѣтилъ въ странѣ, вынудило его бѣжать изъ нея, но внѣ своей страны онъ нашелъ массу приверженцевъ и устроилъ около семисотъ монастырей, посвященныхъ культу, который онъ проповѣдывалъ. Послѣ него великій Рамананда также проповѣдывалъ монотеизмъ въ сѣверной Индіи. Его главною резиденціей былъ Бенаресъ, но онъ странствовалъ по всѣмъ мѣстамъ и проповѣдывалъ религію Вишну. Предшественникъ его, Романуя, писалъ свои религіозныя сочиненія на санкритскомъ языкѣ, а Рамананда проповѣдывалъ народу и писалъ свои сочиненія на народномъ языкѣ, доступномъ для всѣхъ, и благодаря его проповѣди въ сѣверной Индіи возникало большое религіозное движеніе.

Но самымъ блестящимъ представителемъ индійскихъ религіозныхъ реформаторовъ былъ Кабиръ, ученикъ Рамананды. Онъ лелѣялъ смѣлую идею объединить индусовъ и мусульманъ въ религіозномъ культѣ, такъ какъ и тѣ и другіе поклоняются только единому Богу. «Храмъ индусскаго Бога находится въ Бенаресѣ, а храмъ мусульманскаго Бога въ Меккѣ,—говорилъ онъ, обращаясь къ своимъ слушателямъ,—но поищите въ своихъ сердцахъ и вы найдете тамъ единаго Бога для индусовъ и мусульманъ».

То, что Кабиръ пробовалъ добиться въ центральной Индіи, то Нанакъ пы-

тался достигнуть въ Пэнджабѣ. Онъ приглашалъ индусовъ и мусульманъ соединиться вмѣстѣ и прославлять единаго Бога. Онъ основалъ великое братство сикковъ, которое въ теченіе многихъ лѣтъ оставалось мирною религіозною общиной и только неразумныя преслѣдованія мусульманскихъ императоровъ превратили сикковъ въ самую воинственную расу современной Индіи.

Религіозный реформаторъ въ Бэнгалѣ также хотѣлъ объединить мусульманъ и индусовъ. Но всѣ эти попытки были неуспѣшны; мусульмане и индусы остаются до нѣкоторой степени врагами, но мусульманамъ, несмотря на ихъ старанія, не удалось подчинить себѣ индусовъ. Индусъ остается вѣренъ прошлому. Всѣ мыслители въ Индіи, всѣ реформаторы всегда обращаютъ взоры къ прошлому и въ немъ ищутъ указаній какъ для религіозныхъ, такъ и для соціальныхъ реформъ. Эта вѣрность Индіи своему прошлому, своей древней философіи и религіи, сохранившихъ жизненныя силы по сіе время, составляютъ загадку, которую до сихъ поръ не могутъ удовлетворительно разрѣшить современные изслѣдователи и мыслители.

Съ парижской выставки.

Конгрессъ французской лиги просвѣщенія и народное просвѣщеніе на выставкѣ.

Французская лига просвѣщенія представляетъ полуоффиціальное учрежденіе. Она получаетъ субсидіи отъ государства, и президентъ республики — ея почетный предсѣдатель, въ комитетъ ея входятъ высшіе государственные чиновники, а конгрессы ея заключаются торжественными рѣчами министра народнаго просвѣщенія. Частная иниціатива является, въ данномъ случаѣ, продолжательницей и помощницей правительства республики въ дѣлѣ образованія французской молодежи. Такое близкое сотрудничество приводитъ къ тому, что лига находится подъ вліяніемъ преобладающихъ въ правительственныхъ кругахъ вѣяній. Если въ правительственныхъ кругахъ преобладаетъ уступчивость по отношенію къ клерикаламъ, лига также дѣлается уступчивой; если нужды момента выводятъ правительство изъ его пассивнаго положенія и вынуждаютъ его къ воинственной антиклерикальной политикѣ, то и лига начинаетъ вспоминать, что ея задача—бороться противъ вліянія конгрегацій. Несмотря на все это, дѣятельность лиги представляетъ все-таки живой интересъ, такъ какъ является самой сильной во Франціи частной организаціей, ставящей себѣ цѣлью демократическое воспитаніе французской молодежи. По докладамъ ея коммиссій и по преніямъ на ея засѣданіяхъ читатель можетъ составить себѣ довольно полное понятіе о состояніи народнаго просвѣщенія во Франціи.

Засѣданія лиги происходили въ маломъ амфитеатрѣ Ришелье. Въ залѣ этой мы находимся подъ тройнымъ покровительствомъ Греціи, Рима и средневѣковой Франціи: Платона, Виргилія и Ришелье. Въ серединѣ полукруглой стѣны помѣщается статуя знаменитаго кардинала; онъ одѣтъ въ костюмъ рыцаря и сидитъ въ креслѣ въ непринужденной позѣ. Справа помѣщается фигура Платона, въ простомъ греческомъ костюмѣ и въ сандаліяхъ. Лобъ философа, на который небрежно спадаютъ волосы, изборожденъ морщинами старости и постояннаго напряженія мысли; его выразительные глаза смотрятъ пытливо, стремясь проникнуть въ тайну мірозданія. Глаза зрителя съ удовольствіемъ переходятъ къ красивой нѣсколько женственной фигурѣ Виргилія, также сидящей, но устремившей глаза къ небу. Благородное, дышащее радостью лицо принимаетъ особенный, почти божественный характеръ отъ лавроваго вѣнка, лежащаго на этой головѣ.

*

Комитетъ лиги собрался на эстрадѣ. Здѣсь вы найдете людей всѣхъ возрастовъ: старыхъ, сѣдыхъ республиканцевъ, еще носящихъ въ себѣ остатки вѣры въ будущее, вдохновлявшей республиканцевъ подъ имперіей, и молодыхъ энтузіастовъ, стремящихся спасти то, что осталось отъ разныхъ крушеній республиканской партіи: дѣло народнаго образованія.

Предсѣдатель лиги Жакенъ—человѣкъ лѣтъ около пятидесяти, тихій и скромный; онъ прочелъ коротенькую рѣчь, состоявшую изъ словъ привѣтстія и краткаго очерка развитія лиги и ея парижскаго кружка, предсѣдателемъ котораго является онъ же, Жакенъ. Этотъ парижскій кружокъ игралъ важную роль въ развитіи лиги. Его вдохновлялъ Гамбетта; изъ него въ 1881 году и вышла инициатива созданія самой лиги, то-есть соединенія разныхъ обществъ для распространенія свѣтскаго воспитанія французской молодежи. Лига постоянно расширяла кругъ своихъ задачъ. Идеалъ лиги — наставлять французскихъ гражданъ не только въ школѣ, но и до поступленія ихъ въ школу и послѣ выхода ихъ оттуда, на торномъ жизненномъ пути.

Рѣчь предсѣдателя особенно получила характеръ современности, когда онъ заговорилъ о борьбѣ лиги противъ клерикализма. Послѣ дѣла Дрейфуса въ республиканскихъ кругахъ Франціи снова началъ повторяться старый пароль: «Клерикализмъ—вотъ врагъ!»

Въ этой новой борьбѣ противъ стараго врага лига занимаетъ почетное мѣсто.

Послѣ предсѣдателя слово взялъ секретарь Робленъ, необыкновенно мелодраматическимъ голосомъ прочитавшій намъ докладъ о настоящемъ положеніи лиги. И секретарь имѣлъ причины плакать. Прежде всего, онъ прочиталъ списокъ умершихъ членовъ, проливъ слезы скорби. Потомъ со слезами радости онъ прочелъ списокъ пожертвованій. Потомъ явилось на сцену неизбѣжное воспоминаніе о Жанѣ Масе и его предсмертныхъ словахъ. Потомъ нѣсколько стереотипныхъ фразъ были посвящены выставкѣ, и все это, какъ говорятъ французы, въ «Style pompier».

Можетъ быть, то, отсутстіе чего поразило меня—явилось бы лишнимъ, такъ какъ исторія движется въ рамкахъ посредственности и пользуется обыкновенными средствами, но я все-таки отмѣчу, что въ группѣ людей, выступавшихъ въ качествѣ докладчиковъ или дѣятелей лиги, я не замѣтилъ ни одного энергичнаго и преданнаго человѣка, который составлялъ бы то, что называютъ обыкновенно душою дѣла, который сообщалъ бы свою вѣру и свой энтузіазмъ во всѣ концы Франціи, какъ сердце, заставляющее биться всѣ артеріи въ тѣлѣ.

Жанъ Масе представлялъ именно такую личность; съ вѣрой и воодушевленіемъ онъ соединялъ терпѣніе и настойчивость настоящаго крестьянина. Но, повидимому, за послѣднія десять лѣтъ своей жизни Жанъ Масе слабо интересовался лигой и довольствовался сенатскимъ мандатомъ.

Жанъ Масе остался безъ преемниковъ, и зритель выноситъ изъ засѣданій конгресса впечатлѣніе, что у его центральной администраціи имѣется въ запасѣ много трогательныхъ словъ и трогательныхъ слезъ, которыя, можетъ быть, и свидѣтельствуютъ о преданности дѣлу, но что преданность эта въ данномъ случаѣ совершенно неактивна. То, что было сдѣлано до сихъ поръ, достигнуто исключительно усиліями анонимной массы сельскихъ и городскихъ учителей и учительницъ и отдѣльныхъ сочувствующихъ людей.

Изъ доклада секретаря Робелена мы узнаемъ, что въ 1882 г. лига насчитывала 1.248 обществъ въ разныхъ концахъ Франціи; теперь ихъ 2.242. Въ прошломъ году, въ ноябрѣ, во время Тулузскаго конгресса число ихъ было 2.012. Съ тѣхъ поръ, за 8 мѣсяцевъ, къ лигѣ присоединилось еще 230 новыхъ обществъ, причемъ въ одномъ только іюнѣ мѣсяцѣ ихъ было 59. Въ настоящую минуту лига не имѣетъ отдѣленія только въ одномъ департаментѣ «Les

Hautes Alpes». Еще недавно былъ и другой департаментъ «Mayenne» безъ отдѣленія лиги, но теперь пропаганда туда проникла.

Нужно замѣтить, что мы считаемъ здѣсь только центральныя и руководящія общества, члены которыхъ—взрослые, а существуютъ еще тысячи другихъ обществъ, среди школьниковъ, ставящія себѣ самыя разнообразныя цѣли.

Но большое число обществъ еще не служитъ гарантіей ихъ активности. Изъ доклада кассира Левилье мы видимъ, что членскіе взносы парижскаго кружка уменьшились на 400—500 франковъ. Общій балансъ лиги заключается съ активомъ въ 414.603 франка въ деньгахъ и цѣнныхъ бумагахъ. Сюда входятъ бюджеты отдѣльныхъ обществъ. Но, какъ ни велика эта сумма, она—капля, въ сравненіи съ *милліардами,* которыми располагаютъ конгрегаціи.

Послѣ доклада кассира слово взялъ г. Дессуа. Онъ прочиталъ докладъ о судьбѣ очень важной резолюціи, принятой на прошлогоднемъ конгрессѣ въ Тулузѣ и направленной противъ конгрегацій. Текстъ этой резолюціи слѣдующій: «Конгрессъ обращается къ пропагандистской дѣятельности соединенныхъ обществъ, чтобы противодѣйствовать вреду, наносимому нравственному и общественному единенію Франціи, развитіемъ конгрегаціонныхъ среднихъ учебныхъ заведеній и обращаетъ вниманіе правительства на опасность назначенія чиновниками молодыхъ людей, получившихъ образованіе не въ государственныхъ учрежденіяхъ».

Нужно замѣтить, что число учениковъ, посѣщающихъ гимназіи конгрегацій, растетъ въ ужасающихъ пропорціяхъ. Въ 1865 году среднія учебныя заведенія конгрегацій посѣщались 35.000 учениковъ; черезъ 35 лѣтъ число учениковъ удвоилось, а въ 1898 году ихъ насчитывалось 67.643 ученика. Сюда не входятъ ученики такъ называемыхъ «petits séminaires». Въ то же время свободныя, т.-е. частныя свѣтскія среднія учебныя заведенія теряютъ учениковъ. Въ 1865 году такихъ учебныхъ заведеній было 657 и они насчитывали 43.009 учениковъ, въ 1876 г. ихъ только 494—съ 31.249 учениками, а въ 1898 г. число ихъ падаетъ до 202, съ 9.725 учениками *).

Сами конгрегаціи не могутъ скрыть торжества отъ своего успѣха. Вотъ какъ высказывается отецъ Борнишонъ въ іезуитскомъ журналѣ: «Процвѣтаніе нашихъ заведеній возрастаетъ. Мы воспитываемъ въ нашихъ домахъ половину молодыхъ людей, принадлежащихъ къ такъ называемымъ правящимъ классамъ; они выходятъ изъ зажиточныхъ и часто даже богатыхъ семей и занимаютъ высокое, иногда даже очень вліятельное общественное положеніе».

Воспитаніе, получаемое въ школахъ конгрегацій, вполнѣ отвѣчаетъ духу и нравамъ аристократіи; поэтому не удивительно, что послѣдняя посылаетъ туда своихъ дѣтей, а буржуазія предпочитаетъ туда же посылать своихъ дѣтей, потому что, въ этихъ заведеніяхъ, дѣти избавлены отъ «дурного сосѣдства» дѣтей бѣдныхъ классовъ. Отвращеніе къ народу даже сильнѣе у этихъ вчерашнихъ разночинцевъ, чѣмъ у аристократіи. Кромѣ того, благодаря большимъ связямъ и широкому вліянію, которыми пользуется католическое духовенство, воспитанники конгрегацій гораздо легче пробиваютъ себѣ дорогу во всевозможныхъ карьерахъ, а особенно въ военной. А эта карьера и до сихъ поръ больше всего льститъ тщеславію тысячъ французскихъ юношей.

Резолюція Тулузскаго конгресса на пути къ тому, чтобы стать закономъ. Еще въ прошломъ году, 14-го ноября, черезъ нѣсколько дней послѣ конгресса лиги въ Тулузѣ, кабинетъ Вальдека-Руссо внесъ въ палату законопроектъ,

---

*) L'enseignement secondaire et la République. Communication de M. Dessoye. Въ 1897 г., въ государственныхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ воспитывалось 84.839 учениковъ, а въ конгрегаціонныхъ, (включая и семинаріи) 84.865 («Revue parlementaire» 1898, p. 135).

по которому отъ кандидатовъ на государственную службу, или въ высшія государственныя учебныя заведенія, требовалось по меньшей мѣрѣ трехгодичное пребываніе въ государственныхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Но парламентская коммиссія по народному просвѣщенію, избранная раньше, и въ большей своей части оппортюнистско-клерикальная, во главѣ съ своимъ предсѣдателемъ, однимъ изъ вождей оппортюнистской партіи, Рибо, слабымъ большинствомъ отбросила правительственное предложеніе. Ея докладчикъ, богатый ліонскій фабрикантъ Эйнаръ, заявилъ, что правительственное предложеніе есть нарушеніе личной свободы и сигналъ къ гражданской войнѣ.

Республиканское демократическое большинство палаты было недовольно докладомъ Эйнара и выразило свое недовольство, принявъ 323 голосами противъ 133, предложеніе радикальнаго депутата Рабле, чтобы недозволенныя оффиціально конгрегаціи были лишены права открывать учебныя заведенія. Коммиссія, занимающаяся закономъ объ ассоціаціяхъ, который долженъ урегулировать отношенія государства къ конгрегаціямъ, обѣщала внести въ свой проектъ новое голосованіе относительно этого вопроса. Предложеніе Рабле было голосовано 14-го іюня, такъ что будущей осенью законопроектъ объ ассоціаціяхъ поступитъ на очередь въ палатѣ.

Какъ санкцію всѣхъ этихъ голосованій, конгрессъ выразилъ слѣдующія пожеланія:

1. Чтобы предложеніе г. Рабле, сдѣланное 14-го іюня и принятое коммиссіей ассоціацій, запрещающее членамъ неразрѣшенныхъ конгрегацій принимать участіе въ преподаваніи, было принято обѣими палатами.

2. Чтобы была учреждена настоящая инспекція надъ свободнымъ образованіемъ и чтобы были приняты мѣры, гарантирующія дѣйствіе закона.

3. Чтобы государственныя стипендіи въ правительственныхъ высшихъ заведеніяхъ выдавались только кандидатамъ, получившимъ образованіе въ государственныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Слѣдующее засѣданіе было полно интересныхъ сообщеній. Работы конгресса были формулированы въ пяти докладахъ, представляющихъ заключенія пяти коммиссій. Коммиссіи эти слѣдующія: 1) patronage militaire, докладчикъ г. Дюванъ; 2) роль частной иниціативы въ дѣлѣ послѣ-школьнаго образованія, докладчикъ Дессуа; 3) общественное воспитаніе и его методъ (развитіе духа солидарности), докладчикъ Таламасъ; 4) народное образованіе, докладчикъ Бризеръ; 5) средства обезпечить ненормальнымъ дѣтямъ обязательное обученіе, докладчикъ г. Камелакъ.

Первая коммиссія о patronage militaires доложила, что еще на прошлогоднемъ конгрессѣ въ Тулузѣ было принято рѣшеніе потребовать содѣйствія военнаго министра для продолженія среди солдатъ той антиклерикальной пропаганды, которую лига ведетъ внѣ школъ. Съ этою цѣлью лига добивалась отъ министра разрѣшенія солдатамъ присутствовать на вечернихъ курсахъ и на конференціяхъ, организуемыхъ лигой, участвовать въ «petites A» и, наконецъ, разрѣшенія организовать полковыя библіотеки. Эти требованія были формулированы въ письмѣ отъ 4-го декабря 1899 г.; въ своемъ отвѣтѣ отъ 12-го января 1900 г. военный министръ сообщаетъ, что разрѣшеніе по этимъ пунктамъ входитъ въ компетенцію начальниковъ гарнизоновъ разныхъ городовъ. Г. Дюванъ, докладчикъ коммиссіи, и совѣтуетъ разнымъ обществамъ обращаться къ военнымъ начальникамъ своихъ городовъ. Кромѣ того онъ выражаетъ и пожеланіе, чтобы отдѣленія лиги обращали большее вниманіе на физическое воспитаніе молодежи, гимнастику и стрѣльбу, которыя будутъ подготовлять эту молодежь къ военной службѣ. Это заключеніе единодушно принимается. Заключеніямъ этимъ предшествовали нѣсколько прекрасныхъ ввод-

ныхъ словъ, которыя мы позволяемъ себѣ привести, считая ихъ заслуживающими вниманія:

«Армія, въ большой демократической странѣ, у народа свободнаго, и иниціатора цивилизаціи, какъ нашъ, стоитъ на стражѣ не только національной независимости, но и на такой же священной стражѣ свободы. Тѣ, кто составляетъ эту армію, завтрашніе граждане, должны имѣть полное сознаніе великой миссіи, которая имъ ввѣрена, и высокаго долга, который они выполняютъ. Тѣсная дисциплина, возлагаемая на нихъ и дѣйствительно необходимая, будетъ тѣмъ легче переноситься и соблюдаться, чѣмъ больше они поймутъ важныя причины, дѣлающія ее необходимой и законной. Говорятъ, что армія—это школа отреченія и самопожертвованія; она можетъ и должна быть также школой гражданскаго чувства. Пусть будетъ принята программа лиги, и скоро армія взамѣнъ сильныхъ и образованныхъ молодыхъ людей, которыхъ мы будемъ ей давать, будетъ возвращать намъ людей, вполнѣ сознающихъ свои общественныя обязанности. Въ эпохи завоеваній и угнетенія практика военной жизни легко соединяется съ самыми худшими привычками. Теперь добродѣтели солдата уже не могутъ быть въ противорѣчіи съ добродѣтелями человѣка. Онѣ не только не исключаютъ другъ друга, но должны, наоборотъ, дополнять другъ друга».

Докладчикъ второй коммиссіи Дессуа представилъ докладъ о «роли частной иниціативы въ внѣшкольной пропагандѣ». Это была скорѣе короткая диссертація о демократической и антиклерикальной задачѣ лиги, чѣмъ докладъ. Дессуа высказалъ похвалу преданности учителей и учительницъ своему дѣлу и предложилъ резолюцію въ этомъ смыслѣ, которая и была принята среди всеобщихъ одобрительныхъ возгласовъ.

Г. Таламасъ, отъ имени третьей коммиссіи, предложилъ резолюцію въ томъ смыслѣ, что въ вечернихъ лекціяхъ и вообще въ пропагандѣ лиги должно обращаться вниманіе на гражданское и политическое воспитаніе дѣтей. На засѣданіяхъ коммиссіи г. Таламасъ настаивалъ на томъ, что программы французскихъ народныхъ школъ не стоятъ на высотѣ нуждъ демократической республики, что онѣ проникнуты националистическимъ духомъ.

Отъ имени четвертой коммиссіи г. Бизене предложилъ слѣдующія мѣры для поощренія народнаго образованія внѣ школъ: должно быть установлено закономъ, чтобы при каждой народной школѣ были и курсы для взрослыхъ; руководителямъ этихъ курсовъ должно платиться особое жалованье, въ размѣрѣ 100 франковъ учителю и 60 франковъ—учительницѣ. Это—минимумъ учебнаго года; тѣмъ, кто будетъ правильно посѣщать курсы, должно выдаваться свидѣтельство; свидѣтельство это должно давать своему обладателю извѣстныя преимущества, или при поступленіи въ арміи, или въ разныхъ государственныхъ администраціяхъ.

Шумныя пренія вызвало предложеніе, сдѣланное Бизене отъ имени коммиссіи и состоявшее въ томъ, чтобы на посѣтителей вечернихъ курсовъ была наложена извѣстная небольшая плата. Эта плата должна идти, съ одной стороны, на вознагражденіе учителей, а съ другой—она должна тѣснѣе привязать слушателей къ курсамъ. «Если слушатели будутъ платить, то они будутъ аккуратнѣе и прилежнѣе».

Пятая коммиссія приглашаетъ государство приняться болѣе энергично за воспитаніе глухонѣмыхъ.

Послѣ закрытія конгресса, на площади Арманъ Карель, при большомъ стеченіи публики состоялось освященіе памятника Жану Масе. На пьедесталѣ поднимается фигура женщины, которая лѣвой рукой какъ будто отбрасываетъ отъ себя окутывавшую ее пелену невѣжества, а въ правой рукѣ, высоко-высоко держитъ раскрытую книгу. Въ камнѣ, гдѣ вырѣзанъ медальонъ, изображающій Жана Масе, направо отъ него стоитъ Франція, опирающаяся лѣвой рукой на вѣнокъ, обвивающій

медальонъ Масе, а лѣвой—указывающая дорогу двумъ дѣтямъ, которые стоятъ на пьедесталѣ, подъ самымъ медальономъ Масе; эти дѣти застыли въ позѣ смѣлаго и энергическаго движенія впередъ, головы ихъ слегка обернуты къ раскрытой книгѣ. Лучи знанія, падающіе съ нея, освѣщаютъ имъ путь къ будущему.

Русская публика имѣла, конечно, много разъ случай узнать, кто былъ Жанъ Масе. Мнѣ даже кажется, что Жанъ Масе пользуется въ Россіи особаго рода культомъ, и имя его связано со всякимъ добрымъ начинаніемъ во Франціи. Недавно одна русская, осматривавшая бельгійскій отдѣлъ по народному образованію, спросила у пишущаго эти строки, не былъ ли Жанъ Масе основателемъ открывшихся въ этомъ году народныхъ университетовъ? Увы, со дня его смерти прошло уже 6 лѣтъ. Съ нимъ умиралъ послѣдній представитель того доблестнаго поколѣнія народныхъ учителей, которые при второй имперіи испустили боевой призывъ противъ родившагося 2-го декабря, въ ночь оргіи и насилія, режима.

Къ этому поколѣнію принадлежалъ и учитель Рожаръ, знаменитые «Propos de Labienus», котораго дали сигналъ къ пробужденію. Масе посвятилъ себя болѣе спеціальнымъ образомъ дѣлу народнаго образованія, которому остался вѣренъ до конца своей жизни.

«Les humbles, les petit, pisqu'à ta dernière heure
«Tu les a confondus dans un commun amour
«Toi, sui, voulant pour eux une existence meilleure
«Aimais à répétér: Le Peuple aura son tour

«Et pour réaliser le rêne magnifique:
«La revanche du droit sur l'égoisme humain,
«O, Peuple, il te forgea cetto armo pacifique
«Redoutable pourtant: un livre dans ta main!»

(До своего послѣдняго часа ты любилъ слабыхъ и малыхъ. Ты, желая для нихъ лучшаго существованія, любилъ повторять: чередъ народа настанетъ. И чтобы осуществить эту великолѣпную мечту: побѣду права надъ человѣческимъ эгоизмомъ, о, народъ, онъ выковалъ тебѣ это мирное оружіе, мирное и страшное—книгу въ твоей рукѣ!).

Но вернемся снова къ народному образованію. На этотъ разъ мы пройдемъ съ читателемъ выставку по народному образованію, расположенную въ одномъ изъ дворцовъ Марсова поля. Дѣлать обзоръ народнаго просвѣщенія всѣхъ странъ мы, конечно, не станемъ и ограничимся лишь главнѣйшими государствами: Франціей, Соединенными Штатами и Россіей.

Французскій отдѣлъ представленъ лучше всѣхъ въ смыслѣ матеріала, но очень бѣденъ въ смыслѣ таблицъ и статистическихъ данныхъ. Въ выставкѣ принимали участіе какъ частныя конгрегаціонистскія и другія, такъ и государственныя учебныя заведенія. Спеціальныя школы земледѣлія, архитектуры и изящныхъ искусствъ выставили множество рисунковъ, плановъ, картинъ и статуй. Университеты представлены своей литературой, издаваемыми ими научными журналами, замѣчательными библіографическими рѣдкостями, находящимися въ ихъ библіотекахъ, богатыми коллекціями по археологіи, естественнымъ наукамъ, медицинѣ и т. д. Въ нѣсколькихъ картограммахъ, выставленныхъ въ отдѣльной комнатѣ, мы находимъ слѣдующія статистическія данныя относительно высшаго образованія во Франціи.

15-го января 1900 г. во французскихъ государственныхъ университетахъ было 29.377 студентовъ, изъ которыхъ 9.709 на юридическомъ факультетѣ и 8.781—на медицинскомъ. Въ общей цифрѣ университетскаго населенія женскій элементъ представленъ 965 студентками. Чтобы читатель видѣлъ, какъ

растетъ университетское населеніе во Франціи, мы приводимъ цифру студентовъ отъ 1-го января 1899 г.—28.254 человѣка; черезъ годъ эта цифра увеличилась еще на 1.133 человѣка. 1-го января 1900 г. во Франціи было 1.779 студентовъ-иностранцевъ. Большая часть изъ нихъ (около 800) записана на медицинскомъ факультетѣ, около 400 изучаютъ право, а остальные учатся на другихъ факультетахъ. Всего больше иностранныхъ студентовъ въ Парижѣ (1.118), затѣмъ въ Монпелье (231), Лиллѣ (96), Нанси (92) и т. д. По національностямъ: 397 изъ этихъ иностранныхъ студентовъ — русскіе подданные, 252 — румынскіе, 216 — болгарскіе, 184 — турецкіе (это — болгаре, греки и армяне изъ Турціи), а остальное число распредѣляется между всѣми государствами міра, но всѣ эти страны представлены сравнительно небольшимъ числомъ студентовъ; ни на одну не приходится даже и сотни.

Другой замѣчательный отдѣлъ на французской выставкѣ по народному просвѣщенію, это — выставка разныхъ научныхъ миссій въ Греціи, Египтѣ, Индо-Китаѣ, Восточной Азіи и т. д. На широкихъ полотнахъ, покрывающихъ всю стѣну, видны снимки съ раскопаннаго въ Дельфахъ храма Аполлона. Во французскомъ же отдѣлѣ нужно еще упомянуть выставку разныхъ частныхъ институтовъ и богатыхъ парижскихъ книжныхъ магазиновъ.

Несомнѣнно, самая систематическая литература по народному образованію находится въ отдѣлѣ Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ, кромѣ того, представлены всѣ университеты съ своими прекрасными и богатыми коллекціями по всѣмъ наукамъ. Каталогъ Соединенныхъ Штатовъ состоитъ изъ девятнадцати монографій, обнимающихъ всѣ отрасли народнаго просвѣщенія въ Америкѣ, какъ общественнаго, такъ и частнаго. Каждая изъ этихъ монографій составлена спеціалистомъ и сопровождается необходимыми цифрами и дополненіями.

Изъ второй монографіи: «Kindergarten Education» (Воспитаніе въ дѣтскихъ садахъ) мы узнаемъ слѣдующее: больше всего дѣтскихъ садовъ въ штатѣ Филадельфіи (201 заведеніе), потомъ въ Сенъ-Луи (115), Нью-Іоркѣ (100), Бостонѣ (67), Чикаго (63). А если сосчитаемъ и общественные, и частные дѣтскіе сады, то первое мѣсто будетъ принадлежать Нью-Іорку (600 садовъ), потомъ идутъ штаты Массачузетъ, Мичиганъ, Иллинойсъ, Калифорнія и т. д.

Статистика дѣтскихъ садовъ начинается съ 1873 года. Въ этомъ году было всего 42 дѣтскихъ сада съ 73 учителями и учительницами и 1.252 дѣтьми, въ 1882 году—348 садовъ съ 814 учителями и учительницами, посѣщаемыхъ 16.916 дѣтьми; въ 1892—1.311 садовъ, 2.535 учителей и учительницъ и 65.296 дѣтей, и наконецъ въ 1898 г.—4.363 сада, учительскій персоналъ которыхъ выражался цифрой 8.937 и которые посѣщались 189.604 дѣтьми. Изъ всего этого числа садовъ 1.365 заведеній съ учебнымъ персоналомъ въ 2.532 человѣка и 95.867 дѣтей, поддерживаются штатами или городами; остальные содержатся на частныя средства. Для подготовки необходимаго персонала существуютъ 36 нормальныхъ училищъ (7 въ Нью-Іоркѣ, 5 въ Мичиганѣ, 4 въ Пенсильваніи, 4 въ Калифорніи и т. д.) первоначальное образованіе. Изъ монографій № 3 (Elementary Education), № 4 (Secondary Education—среднее образованіе), № 5 (The American College) и № 6 (The American University) мы извлекаемъ слѣдующія данныя.

Число учащихся въ 1897—1898 г. достигало 16.687.643 и распредѣлялось слѣдующимъ образомъ: на народныя начальныя школы приходилось 15.838.701 человѣкъ (изъ нихъ 14.589.036 посѣщали общественныя школы, а 1.249.665 дѣтей—частныя). На среднее образованіе приходилось 626.115 человѣкъ; сюда же входятъ и разныя подготовительныя для вступленія въ университетъ заведенія. Изъ этихъ учащихся 459.813 посѣщаютъ общественныя гимназіи, а 166.302—частныя. На высшее, спеціальное, нормальное и университетское образованіе приходилось 222.827 учащихся. Изъ нихъ

34.069 человѣкъ посѣщали общественныя высшія школы, а 138.758 человѣкъ—частныя. По категоріямъ занятій эти учащіеся распредѣляются такъ: 101.058 человѣкъ учатся въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ агрономическихъ и инженерныхъ высшихъ училищахъ; 54.231 изучаютъ право, медицину и теологію, и наконецъ 67.583 человѣка учатся въ нормальныхъ школахъ. Извѣстно, что въ срединѣ учебнаго года число учениковъ бываетъ меньше, чѣмъ въ началѣ учебнаго года. Такъ, въ концѣ 1897—1898 учебнаго года цифра училищнаго населенія была, приблизительно, въ 15.038.636 человѣкъ, что составляетъ 20,68% всего населенія штатовъ (72.737.000 жителей) и 70,08% и всего населенія въ возрастѣ отъ 5 до 18 лѣтъ (21.488.294).

Въ отдѣлѣ Financial Statistics мы находимъ, что за 1897—1898 г. на школы израсходовано 194.020.470 долларовъ; на одну душу населенія приходится по 2,67, а на ученика по 18,86 долларовъ.

Какъ извѣстно, въ Америкѣ придается большое значеніе физическому воспитанію молодежи. Въ программахъ начальныхъ училищъ опредѣляется по меньшей мѣрѣ полдня въ недѣлю на «manuel training»—ручную работу.

Тѣлесное наказаніе дѣтей запрещено въ большей части штатовъ. Для учителей, нарушающихъ этотъ законъ, полагаются тяжкія наказанія. Только въ штатѣ Аризона учителямъ предоставляется право прибѣгать къ тѣлеснымъ наказаніямъ для поддержанія школьной дисциплины. Но фактически тѣлесное наказаніе примѣняется еще во многихъ городахъ.

Въ Соединенныхъ Штатахъ учительскій персоналъ насчитываетъ гораздо больше женщинъ, чѣмъ мужчинъ — такъ же, какъ и въ Швеціи, и это не удивительно, такъ какъ высшее женское образованіе тамъ поставлено на надлежащую высоту. Увеличеніе женскаго элемента въ университетахъ идетъ пропорціонально быстрѣе увеличенія мужского элемента. Въ монографіи № 7, «Edukation of women», мы находимъ, что за періодъ 1890—1898 г. число студентовъ, изучающихъ медицину, увеличилось на 51,1%, тогда какъ число женщинъ, занимающихся той же наукой, возросло на 64,2% за то же время.

То же самое явленіе замѣчается и въ другихъ прикладныхъ наукахъ. Число студентовъ, изучающихъ зубоврачебное искусство, увеличилось, за тотъ же періодъ, на 180,2%, а число студентокъ въ этой же области увеличилось на 205,7%; число студентовъ фармацевтовъ возросло на 25,9%, а число женщинъ, изучающихъ фармацевтику, увеличилось, за то же время, на 194,7%. Въ штатахъ есть исключительно мужскіе университеты и на ряду съ ними— смѣшанные. Въ 1890 г. женщинъ не принимали въ учебныхъ заведенія, гдѣ изучаются теологія и право; въ 1899 г. было еще 97 учебныхъ заведеній, гдѣ старое запрещеніе было въ силѣ, но есть уже 68 смѣшанныхъ заведеній, куда принимаются женщины; въ 1899 г. на 69 мужскихъ медицинскихъ заведеній существуетъ уже 80 смѣшанныхъ. Въ настоящее время въ Нью-Іоркѣ есть высшее юридическое училище только для женщинъ, основанное г-жей Кемпенъ, окончившей Цюрихскій университетъ. За 1897—1898 годъ женскій элементъ въ смѣшанныхъ учебныхъ заведеніямъ достигалъ 17.338 учащихся, а въ спеціально женскихъ учебныхъ заведеніяхъ училось 4.959 женщинъ.

Русскій отдѣлъ выставки по народному просвѣщенію занимаетъ много мѣста и отличается тщательностью, съ которой отдѣльныя общественныя и частныя учрежденія представляютъ свое дѣло, по возможности наглядно, множествомъ статистическихъ сборниковъ, картограммъ, фотографій; выставлены письменныя работы учениковъ, ихъ чертежи, рисунки; и несмотря на все это, когда посѣтитель выходитъ изъ русскаго отдѣла, ему хочется сказать: «все это хорошо, но нѣтъ порядка». Напримѣръ, въ отношеніи литературы и документовъ русскій отдѣлъ самый богатый. Но чтобы извлечь изъ этого матеріала самое существенное, нужно было бы страшно много времени. Мы думали, что все

это сдѣлают сами оффиціальные представители, которые въ краткой брошюркѣ могли бы дать всѣ необходимыя свѣдѣнія и помочь разобраться въ матеріалѣ. Одна такая брошюрка, подъ названіемъ «Народное образованіе въ Россіи», дѣйствительно существуетъ. Она занимаетъ всего 22 страницы, и, однако, въ ея составленіи принимало участіе шесть научныхъ силъ. Во главѣ ихъ стоитъ профессоръ Деру, потомъ идутъ Е. П. Ковалевскій, А. Н. Бенуа, С. С. Григорьевъ, Б. П. Овсянниковъ и В. Галецкій. Каждый изъ этихъ сотрудниковъ долженъ былъ написать ровно по $3^1/_2$ страницы.

Въ этой брошюркѣ не указывается на отношеніе числа учениковъ народныхъ школъ къ другимъ даннымъ; въ ней не говорится, сколько учениковъ посѣщаютъ среднія учебныя заведенія, въ ней выпущены также цифровыя данныя бюджета Министерства Народнаго Просвѣщенія. Вообще, эта ничтожная брошюрка крайне бѣдна данными.

1-го января 1899 г. во всѣхъ девяти университетахъ Россійской Имперіи было 16.497 студентовъ и 1.109 вольнослушателей, на населеніе въ 130 милліоновъ. Всего больше студентовъ въ Московскомъ университетѣ (4.407), затѣмъ идутъ Петербургскій (3.788), Кіевскій (2.604), Харьковскій (1.387), Юрьевскій (1.218) и Варшавскій (1.114). Какъ читатель видитъ, свѣдѣній о трехъ другихъ университетахъ нѣтъ совсѣмъ. По отдѣльнымъ факультетамъ 7.109 студентовъ изучали право. Это относится ко всѣмъ девяти университетамъ. По медицинѣ (въ 7 университетахъ) занималось 4.638 студентовъ; на физико-математическомъ факультетѣ (въ 8 университетахъ) было 3.772 студента; на историко-филологическомъ (въ 8 университетахъ)—648 студентовъ. На факультетѣ восточныхъ языковъ, при С.-Петербургскомъ университетѣ, 182 студента, и богословіе изучали (при Юрьевскомъ университетѣ) 148 студентовъ. Объ успѣхахъ университетскаго образованія можно судить по слѣдующимъ цифрамъ:

Въ 1873 г. во всѣхъ университетахъ было 6.145 студентовъ; въ 1880 г.—8.193; въ 1885 г.—12.939 и въ 1894 г.—13.944.

Къ высшимъ учебнымъ заведеніямъ нужно причислить еще основанный въ 1811 году Императорскій лицей въ Царскомъ Селѣ, съ 242 воспитанниками (1898); Императорское училище правовѣдѣнія, относительно котораго брошюра не сообщаетъ никакихъ данныхъ; Демидовскій юридическій лицей въ Ярославлѣ, съ 281 студентомъ (9-го января 1899 г.). Точно также не сообщено никакихъ цифръ относительно Петербургскаго историко-филологическаго института, Московскаго Лазаревскаго института восточныхъ языковъ и Петербургскаго археологическаго института. Въ четырехъ духовныхъ академіяхъ (Кіевъ, Москва, Петербургъ и Казань) учится около 800 студентовъ, въ 10 учительскихъ институтахъ около 700 студентовъ, въ 62 учительскихъ семинаріяхъ и школахъ—4.500 студентовъ и, наконецъ, въ 14 церковно-учительскихъ школахъ съ двухгодичнымъ курсомъ—1.100 учащихся.

Изъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній: Петербургская военно-медицинская академія имѣла 1-го января 1899 г. 750 студентовъ и 18 вольнослушателей; ветеринарный институтъ: въ Варшавѣ—151 студентъ, въ Харьковѣ—297, въ Казани—436 и въ Юрьевѣ—262 студента. Цифры эти относятся ко времени до 1899 г. Не упомянуто въ брошюрѣ и число учениковъ въ 8-ми акушерскихъ и 6-ти фельдшерскихъ училищахъ. На женскихъ курсахъ въ Петербургѣ 1-го января 1898 г. было 916 слушательницъ и 44 вольнослушательницы. Изъ нихъ 719 были на историко-филологическомъ и 214 на физико-математическомъ отдѣленіяхъ. Въ женскомъ медицинскомъ институтѣ было 1-го января 1899 г. 386 слушательницъ. Въ брошюрѣ упоминается, что закрытые въ 1882 г. женскіе врачебно-акушерскіе курсы дали медицинское образованіе 1.309 женщинамъ.

Относительно техническихъ и ремесленныхъ заведеній мы находимъ слѣдующія данныя. С.-Петербургскій практическій технологическій институтъ Николая I, съ пятилѣтнимъ курсомъ, насчитывалъ 1-го января 1899 г. 1.011 студентовъ и 5 вольнослушателей (изъ нихъ на общемъ курсѣ было 280 человѣкъ, на механическомъ отдѣленіи—605 и на химическомъ 131 человѣкъ). Въ Харьковскомъ практическомъ техническомъ институтѣ Александра III 1-го января 1899 г. было 290 студентовъ, на механическомъ отдѣленіи, 84—на химическомъ и 437 на общемъ курсѣ. Императорское Московское техническое училище насчитывало въ томъ же году 865 студентовъ (механическое отдѣленіе—738 и химическое—127). Рижскій политехническій институтъ имѣлъ въ томъ же 1899 г. 1.446 студентовъ, изъ которыхъ 83—на строительномъ отдѣленіи, 229—на инженерномъ, 352—на механическомъ, 348—на химическомъ, 180—на сельскохозяйственномъ, 294—на коммерческомъ. Кіевскій политехническій институтъ Александра II, открытый въ 1898 г. для техниковъ-инженеровъ по разнымъ спеціальностямъ, насчитываетъ теперь 598 студентовъ. Варшавскій политехническій институтъ Николая II, основанный также съ 1898 г., насчитываетъ теперь 431 студента. Горный институтъ Екатерины II насчитывалъ 1-го января 1899 г. 480 студентовъ. Въ институтѣ инженеровъ путей сообщенія Александра I въ настоящемъ учебномъ году насчитывается 883 студента, въ институтѣ гражданскихъ инженеровъ Николая I—353 студента, въ электро-техническомъ институтѣ Александра III—300 студентовъ. По агрономіи существуютъ четыре высшихъ учебныхъ заведенія: 1) Московскій сельскохозяйственный институтъ съ 198 студентами, 2) Лѣсной институтъ имѣетъ 501 учащагося, 3) институтъ сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи—260 студентовъ, 4) высшіе курсы винодѣлія въ Крыму.

Относительно высшей художественной школы при С.-Петербургской Императорской академіи художествъ, относительно Московской школы живописи и ваянія, Строгановскаго училища техническаго рисованія отсутствуютъ всякія статистическія свѣдѣнія, также какъ и для высшихъ военныхъ и морскихъ учебныхъ заведеній

Состояніе средняго образованія въ Россіи представляется слѣдующимъ образомъ: 1-го января 1899 г. была 191 гимназія, 53 прогимназіи и 115 реальныхъ училищъ на населеніе въ 130 милліоновъ. Число учащихся неизвѣстно. Къ среднимъ общеобразовательнымъ мужскимъ учебнымъ заведеніямъ нужно прибавить еще четырехклассныя духовныя училища, которыхъ 185, съ 31.000 учениками, и 55 духовныхъ семинарій съ 18.000 учениками. Это все для мужскихъ учебныхъ заведеній, подъ рубрикой. Женскія учебныя заведенія, мы находимъ, что въ Россіи подъ вѣдомствомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія есть 346 женскихъ гимназій и прогимназій съ 94.078 учащимися; Маріинскихъ женскихъ гимназій 30 и женскихъ институтовъ 32. Въ тѣхъ и другихъ вмѣстѣ есть 20.246 учащихся, а считая и женскія епархіальныя школы съ 15.138 учащимися, въ Россіи всего 477 среднихъ учебныхъ заведенія съ 129.462 учащимися. Для спеціальнаго средняго образованія существуютъ среднія техническія учебныя заведенія, которыхъ 18. Съ прогимназіями могутъ быть ассимилированы лучшія техническія учебныя заведенія, которыхъ 20; ремесленныя училища нормальнаго типа, числомъ 22, 75 училищъ ремесленныхъ учениковъ, 66 промышленныхъ школъ, 35 низшихъ ремесленныхъ школъ, 158 техническихъ желѣзнодорожныхъ училищъ, 44 мореходныхъ класса для подготовки штурмановъ и шкиперовъ каботажнаго и дальняго плаванія; 6 горныхъ школъ и, наконецъ, деревенскія ремесленныя учебныя мастерскія (15), находящіяся въ вѣдомствѣ Министерства Финансовъ. Нужно упомянуть еще Петербургскую школу пивоваренія и Мо-

сковское прядильноткацкое училище. Среднихъ сельскохозяйственныхъ учебныхъ заведеній 11—съ 1.449 учащимися; а низшихъ—101 (1898). Изъ нихъ:

1) общихъ сельскохозяйственныхъ училищъ 68, съ 2.491 учениками;

2) школъ садоводства и огородничества—19, съ 611 учащимися;

3) 10 школъ по молочному хозяйству;

4) четыре женскія школы сельскаго хозяйства и домоводства, съ 148 учащимися;

5) 8 практическихъ школъ для обученія рабочихъ и одна школа овцеводства.

Кромѣ того, существуетъ 28 низшихъ лѣсныхъ школъ.

Относительно первоначальнаго народнаго образованія мы находимъ слѣдующія цифры изъ статистическихъ свѣдѣній по народному образованію въ Россійской Имперіи (1898 г.). Изданіе М. Н. П. Текстъ русскій и французскій.

1-го января 1899 г. подъ вѣдомствомъ разныхъ министерствъ и главнаго управленія въ Россіи было 78.699 первоначальныхъ народныхъ училищъ съ 154.652 преподавателями и 4.203.246 учениками на 130 милліоновъ населенія и 18.704.785 квадратныхъ верстъ пространства.

Въ этотъ подсчетъ не входятъ 30.000 еврейскихъ, магометанскихъ и другихъ училищъ. По вычисленію министерства выходитъ, что одна школа приходится на 237 квадратныхъ верстъ и на 1.652 человѣка населенія. Но въ то время, какъ въ Тульской губерніи одна школа приходится на 14 кв. верстъ, въ Подольской 1—на 17, Московской 1—на 18, Кіевской 1—на 21, въ Эриванской губерніи одна школа приходится на 10.059 квадр. метровъ, въ Семирѣченской, 1—на 23.023, Самаркандской, 1—на 40.849, Ферганской, 1—на 70.927 кв. метровъ. Изъ общей цифры школъ 78.669 нужно вычесть 1.378, т.-е. 2,3% школъ для взрослыхъ. Такъ что для малолѣтнихъ остается 76.914 школъ.

10% всѣхъ этихъ школъ, т. е. 7.736 школы, приходится на города, и 69.147, т. е. 90%—на деревни, но такъ какъ въ Россіи городское населеніе составляетъ 12,5% общей цифры населенія, то выходитъ, что въ городахъ школъ пропорціонально меньше, чѣмъ въ деревняхъ. Но учениковъ въ городахъ пропорціонально больше, чѣмъ въ деревняхъ (15% къ 85%). Во всѣхъ 78.699 первоначальныхъ школахъ Россійской Имперіи обучаются 4.203.246 учениковъ, изъ которыхъ 3.136.163 мальчиковъ и 1.057.431 дѣвочекъ. По отношенію къ всей цифрѣ населенія всѣ учащіеся составляютъ 3,2%, а въ частности мальчики—4,8% всего мужского населенія, а учащіяся дѣвочки—1,6% всего женскаго населенія. Учащихся взрослыхъ только 89.045 человѣкъ.

Преподавателей въ начальныхъ школахъ 154.652 человѣка. Численное отношеніе учителей къ учительницамъ извѣстно только для школъ, находящихся подъ вѣдомствомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, гдѣ въ 1898 г. женщины составляли 29,8% общей цифры преподавателей (25.075 на 84.121). Въ городскихъ школахъ число ихъ превышаетъ половину. Въ городскихъ одноклассныхъ школахъ они составляютъ 62,8% всего контингента преподавателей (5.616 на 8.937), въ двухклассныхъ—54,1% (916 на 1.692), а въ воскресныхъ школахъ—67,7% (1.512 на 2.235). Въ 1898 г. было израсходовано на поддержаніе начальныхъ училищъ всего 40.616.149 рублей. Государственное казначейство участвовало въ этой суммѣ только 8.665.274 рублями или 21,3%; земскій сборъ далъ 8.940.200 рублей, т. е. 21,8%, а остальныя суммы были даны сельскими обществами (18%), городскими обществами (13,5%) частными пожертвованіями (12,5%) платой учениковъ (6,8%) и 6.1% изъ разныхъ другихъ источниковъ.

«При Садовѣ побѣдилъ нѣмецкій учитель». Эти слова невольно приходятъ на память, когда переходишь изъ русскаго отдѣла въ японскій, гдѣ неимовѣрные успѣхи, сдѣланные этой страной въ области народнаго просвѣщенія, поражаютъ

посѣтителя. Изъ прекрасныхъ картограммъ, развѣшанныхъ по стѣнамъ японскаго отдѣла, мы узнаемъ, что страна эта, съ населеніемъ въ $3^1/_2$ раза меньшимъ, чѣмъ въ Россіи (38 милліоновъ), насчитываетъ приблизительно такое же число учащихся въ народныхъ школахъ (4.062.418—въ Японіи и 4.203.246—въ Россіи). Число ея начальныхъ школъ достигаетъ 26.824, съ учительскимъ персоналомъ въ 83.566 человѣкъ. Но сдѣланный прогрессъ всего яснѣе виденъ изъ сравненія цифръ за прошлые года. Въ 1873 году число учениковъ начальныхъ школъ было 1.320.000 (1.000.000 мальчиковъ и 320.000 дѣвочекъ); въ 1880 г.—2.360 000 (1.760.000 мальчиковъ и 6.000.000 дѣвочекъ); въ 1890 г.—3.120.000 (2.200.000 мальчиковъ и 920.000 дѣвочекъ) и, наконецъ, въ 1898 г.—4.062.418 (2.580.018 мальчиковъ и 1.482.400 дѣвочекъ). Изъ всѣхъ дѣвочекъ школьнаго возраста посѣщаютъ школы 53,73%, а 46,27% не посѣщаютъ; изъ всѣхъ мальчиковъ школьнаго возраста 82,42% посѣщаютъ школу и только 17,58% не посѣщаютъ. Расходы по первоначальному образованію возрасли въ 1897 г. съ 8.018.000 японскихъ іенъ на 18.068.000 іенъ. Я не говорю уже объ образцовыхъ университетахъ, высшихъ нормальныхъ и техническихъ школахъ.

За недостаткомъ мѣста я не могу говорить о состояніи народнаго образованія въ мелкихъ Балканскихъ государствахъ, которыя, правда въ различной степени, но всѣ дѣлаютъ самыя похвальныя усилія, чтобы поднять дѣло народнаго образованія; они уже ввели у себя принципъ обязательнаго всеобщаго обученія. Отовсюду, со всѣхъ материковъ и острововъ свѣта, изъ устъ народовъ всѣхъ расъ и всѣхъ вѣроисповѣданій, вырывается одинъ и тотъ же могучій крикъ: «Licht! Mehr Licht!» Свѣта! Больше свѣта!

Хр. Георгіевичъ.

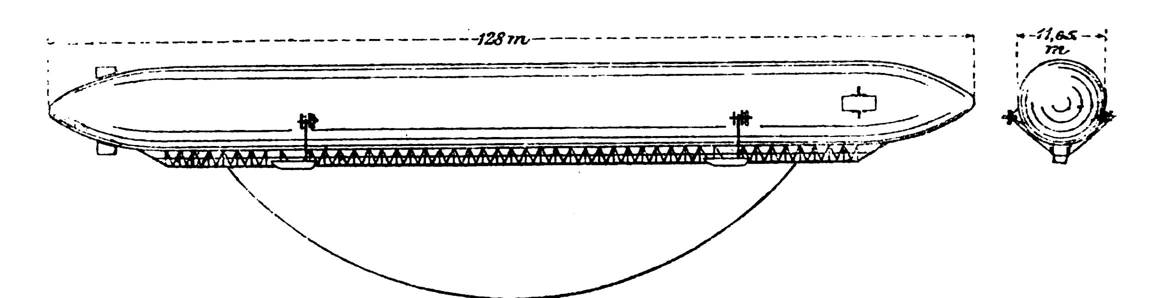
НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Техника. 1) Управляемый воздушный шаръ графа Цеппелина. 2) Телеграфонъ.—**Метеорологія.** О зеленомъ лучѣ.—**Ботаника.** О зернахъ пшеницы и ячменя, найденныхъ въ египетскихъ могилахъ.—**Физіологія.** 1) Распредѣленіе областей воспріятія вкусовыхъ ощущеній въ ротовой полости. 2) Объ усвоеніи бѣлковъ.—**Медицина.** 1) Объ отравленіи аэронавтовъ газомъ. 2) Новый способъ дезинфекціи ранъ.—**Біологія.** О подражательной окраскѣ одного ракообразнаго. **Д. Н.—Астрономическія извѣстія. К. Покровскаго.**

Техника. I. *Управляемый воздушный шаръ графа Цеппелина.* «Рос. Телегр. Агентство» разослало въ газеты телеграммы изъ Фридрихсгафена (на Боденскомъ озерѣ), отъ 19-го и 20-го іюня, въ которыхъ сообщалось, «что воздушный корабль Цеппелина вечеромъ былъ пущенъ черезъ Боденское озеро и присталъ прямо у Иммерстада», и далѣе, что онъ «прошелъ на высотѣ 400 метровъ въ 17$^1/_2$ минутъ 6 километровъ; управленіе имъ удалось въ совершенствѣ». Нѣсколько времени спустя въ «Прав. Вѣстн.» была помѣщена замѣтка объ этомъ аэростатѣ, въ которой сказано, что «при пробной поѣздкѣ воздушный корабль маневрировалъ одинаково легко и проворно, подвигаясь то взадъ, то впередъ; онъ въ бурю плаваетъ въ воздухѣ такъ же спокойно и свободно, какъ рыба въ водѣ; при быстромъ опусканіи аэростатъ падалъ со скоростью 3 метровъ въ секунду и садился на воду съ ловкостью, напоминавшею утку; оффиціальная экспертиза подтвердила, что полетъ состоялся при неблагопріятныхъ условіяхъ, тѣмъ не менѣе онъ совершился вполнѣ удачно». Судя по этимъ извѣстіямъ, можно думать, что корабль Цеппелина вполнѣ разрѣшаетъ задачу полета въ воздухѣ по любому направленію при всякомъ состояніи атмосферы, — задачу, теоретически далеко еще не рѣшенную — что дальше въ этомъ направленіи нечего искать и остается только изучить движеніе новаго аэростата; что же касается возможнаго улучшенія устройства его, то, повидимому, усилія должны быть направлены главнымъ образомъ къ тому, чтобы уменьшить его стоимость. Для полученія средствъ на постройку этого воздушнаго корабля были выпущены акціи на сумму въ 1.250.000 франковъ, большая часть которыхъ была пріобрѣтена вюртембергскимъ королемъ. Корабль строился въ громадномъ плавучемъ сараѣ на Боденскомъ озерѣ. Зимою бурей сорвало съ привязей этотъ сарай и строившійся воздушный корабль сильно пострадалъ, компанія понесла большіе убытки, пришлось выпустить новыя облигаціи, и постройка была закончена. 19-го іюня графъ Цеппелинъ въ сопровожденіи 4 лицъ совершилъ пробный полетъ отъ Манцеля, около котораго строился воздушный корабль, до Иммерстада, на пути успѣшно были выполнены различныя эволюціи, но все же аэростатъ потерпѣлъ небольшую аварію: канатъ съ передвижною тяжестью (о назначеніи этого приспособленія далѣе будетъ сказано) запуталась вокругъ руля, которымъ производятся повороты вправо и влѣво, такъ что онъ пересталъ дѣйствовать; къ тому же наступилъ вечеръ, испытаніе пришлось прекратить, воздушный корабль опустился вполнѣ

благополучно у Иммерстада, былъ привязанъ и остался плавать, какъ корабль на якорѣ; издали онъ и производитъ впечатлѣніе громаднаго броненосца. Небольшая аварія, случившаяся съ воздушнымъ кораблемъ, на будущее время можетъ быть предвидена и заранѣе устранена. По описаніямъ пробнаго полета аэростатъ Цеппелина выдержалъ испытаніе съ честью, и такимъ образомъ съ постройкой его мы получили, повидимому, возможность передвигаться въ воздухѣ по любому направленію, не считаясь съ вѣтромъ. Поэтому подробности устройства этого воздушнаго корабля представляютъ большой интересъ. Довольно подробно онъ описанъ въ статьѣ Медебека, помѣщенной въ №№ 548 и 549 журнала «Prometheus»; этими свѣдѣніями я главнымъ образомъ и буду пользоватьса при дальнѣйшемъ изложеніи.

По идеѣ, воздушный корабль Цеппелина представляетъ собой аэростатъ, снабженный двигателемъ и рулями. Чтобы аэростатъ, снабженный двигателемъ, могъ успѣшно бороться съ сопротивленіемъ воздуха, онъ долженъ имѣть форму сигары; такіе аэростаты устраивались и раньше, такова форма и воздушнаго корабля Цеппелина, но онъ имѣетъ одну весьма важную особенность: благодаря твердому остову, форма его не мѣняется, такъ что своими острыми концами онъ легко разсѣкаетъ воздухъ. Остовъ его, сдѣланный изъ алюминія, рѣшетчатый, на подобіе желѣзно-дорожныхъ мостовъ новой конструкціи, и пред-



Схематическое изображеніе аэростата Цеппелина.

ставляетъ собой 24-гранную призму съ заостренными концами. Промежутки между тонкими алюминіевыми балками, образующими остовъ, затянуты рѣдкой сѣтью изъ стальной проволоки. Поперечными перегородками, также рѣшетчатыми, остовъ раздѣленъ на 17 камеръ. Снутри камеры выстланы сѣтью изъ веревокъ (приготовленныхъ изъ волоконъ рами, т. е. лубяныхъ волоконъ растенія, называемаго китайской травой, Boehmeria nivea). Назначеніе этой сѣти—предохранить отъ поврежденій воздушные шары, заключенные въ камерахъ по одному въ каждой, совершенно соотвѣтствующіе по формѣ этимъ камерамъ; воздушные шары не сообщаются между собою. Раздѣленіе остова поперечными перегородками имѣетъ слѣдующее значеніе: во первыхъ, оно увеличиваетъ крѣпость его во-вторыхъ, даетъ возможность сохранить равномѣрное и постоянное распредѣленіе газа въ аэростатѣ; при отсутствіи перегородокъ, если почему-нибудь одинъ конецъ аэростата поднимется, весь почти газъ перейдетъ въ него, и противоположный конецъ спадется, такъ что условія равновѣсія совершенно измѣнятся (аэростатъ же, не имѣющій твердаго остова, приметъ и форму совершенно иную), что должно отразиться весьма неблагопріятно и на управленіи имъ. Снаружи остовъ цеппелиновскаго аэростата также обтянутъ сѣтью изъ волоконъ рами и, кромѣ того, особой оболочкой, которая состоитъ вверху изъ пегамоида, внизу изъ шелковой матеріи. Эта оболочка, дѣлая поверхность аэростата гладкою, уменьшаетъ треніе при движеніи его въ

воздухѣ, а также служитъ и для того, чтобы форма отдѣльныхъ воздушныхъ шаровъ, заключенныхъ въ камерахъ, не мѣнялась подъ вліяніемъ вѣтра, который, разумѣется, сквозь рѣшетчатыя стѣнки остова могъ бы легко проникнуть. Размѣры аэростата слѣдующіе: длина 128 метровъ (нѣсколько меньше 60 саж.), діаметръ поперечнаго сѣченія—11,6 метровъ (около $5^1/_2$ саж.), площадь поперечнаго сѣченія—103,56 кв. метр., а вся поверхность сопротивленія, т.-е. кромѣ площади и поперечнаго сѣченія аэростата еще и площадь сопротивленія гондолъ и продольной ажурной галлереи подъ нимъ—110,45 кв. метр. Снизу почти по всей длинѣ шара проходитъ также какъ остовъ построенная изъ рѣшетокъ галлерея въ 2 метра высотою и 92 метра длиною; къ ней прикрѣплены двѣ алюминіевыя гондолы, имѣющія форму плоскихъ ящиковъ, черезъ вышеописанную галлерею можно переходить изъ одной гондолы въ другую. Подъ аэростатомъ свѣшивается канатъ, прикрѣпленный концами почти къ концамъ галлереи; на этомъ канатѣ имѣется подвижная тяжесть, при помощи которой можно регулировать положеніе аэростата относительно горизонтальной плоскости. По сторонамъ аэростата надъ гондолами на высотѣ центра поверхности сопротивленія находятся по 2 пропеллера, имѣющихъ форму четырехлопастнаго пароходнаго винта, діаметръ пропеллеровъ 1,15 метр. (немного больше $1^1/_2$ арш.). Пропеллеры приводятся въ движеніе двумя бензиновыми двигателями, по 16 лошадиныхъ силъ каждый, находящимися въ гондолахъ. Такимъ образомъ корабль Цеппелина для передвиженія имѣетъ 32 лош. силы. Его машины и абсолютно, и относительно размѣровъ аэростата далеко превосходятъ всѣ примѣнявшіяся раньше для той же цѣли, но слѣдуетъ замѣтить, что по вычисленію на основаніи данныхъ, полученныхъ ранѣе при помощи аэростатовъ, снабженныхъ пропеллерами, для Цеппелиновскаго корабля, чтобы онъ могъ бороться съ вѣтрами средней силы, нужна машина въ 37 лош. силъ, хотя, правда, такая цифра получается, если не принимать въ разсчетъ формы конца аэростата (т.-е. считать конецъ плоскимъ). Результаты испытанія какъ будто показываютъ, что выгодная форма восполняетъ недостатокъ силы. Моторы Цеппелиновскаго воздушнаго корабля сжигаютъ въ часъ по 6 килогр. (около 15 ф.) бензина. Сосуды для бензина въ каждой гондолѣ вмѣщаютъ по 60 килогр., т. е. корабль имѣетъ съ собой запасъ бензина на 10 часовъ пути, или считая скорость движенія корабля по 8 метровъ въ секунду, какъ это было вычислено и какъ оказалось при испытаніи, на 288 километровъ (около 262 верстъ). На одномъ концѣ аэростата находятся два вертикальныхъ руля, на другомъ—два горизонтальныхъ. Подъемная сила аэростата Цеппелина равняется, приблизительно, 11.300 килогр., а вѣсъ его съ машинами, запасомъ бензина и пятью пассажирами—около 10.000 килогр. (т. е. 625 пудовъ), такъ что онъ можетъ еще взять балласта отъ 1.200 до 1.300 килогр.; въ качествѣ балласта служитъ вода, впрочемъ только часть ея имѣетъ это назначеніе; вода необходима бензиновымъ двигателямъ для охлажденія, такъ что все указанное количество воды не можетъ быть удалено съ аэростата безъ того, чтобы машины не остановились.

Пробный полетъ аэростата Цеппелина, совершившійся при неблагопріятныхъ условіяхъ, далъ блестящіе результаты. Тѣмъ не менѣе, ознакомившись съ его устройствомъ и качествами, можно придти къ заключенію, что далеко не при всѣхъ обстоятельствахъ онъ будетъ двигаться также успѣшно по любому направленію и ужъ, конечно, никакъ нельзя думать, чтобы «въ бурю онъ плавалъ въ воздухѣ такъ же спокойно и свободно, какъ рыба въ водѣ». Мы видѣли, что скорость движенія аэростата Цеппелина равна 8 метрамъ въ секунду или 28,8 километр. въ часъ, между тѣмъ какъ наблюденія надъ скоростью вѣтра въ высотѣ (напр., на вершинѣ Эйфелевой башни) показали, что управляемый аэростатъ, чтобы бороться съ обыкновенными вѣтрами, не говоря объ

ураганахъ, долженъ имѣть возможность двигаться со скоростью 12—15 метр. въ секунду или около 50 килом. въ часъ; скорость же вѣтра во время бури (какъ сообщаетъ «Monthly Meteorog. Magaz.») достигаетъ 120, 134 и даже 290 километр. въ часъ. Далѣе—и это обстоятельство особенно важно—свѣдѣнія о вліяніи формы поверхности сопротивленія при движеніи въ воздухѣ весьма недостаточны, поэтому разсчетъ формы воздушнаго корабля, повидимому, производится въ предположеніи, что онъ движется въ спокойной атмосферѣ, всѣ полученныя такимъ путемъ соображенія и выводы сохраняютъ свою силу, если аэростатъ будетъ двигаться по одному направленію съ вѣтромъ, хотя бы и на встрѣчу ему; въ послѣднемъ случаѣ лишь скорость вѣтра уменьшаетъ соотвѣтствующимъ образомъ скорость аэростата; но если онъ направится подъ угломъ къ направленію достаточно сильнаго вѣтра, то врядъ ли мы въ состояніи предсказать, какой получится эффектъ, такъ какъ при поворотѣ поверхность сопротивленія будетъ все время измѣняться, а вліяніе этихъ измѣненій еще не изучены. Насколько недостаточны въ этомъ отношеніи свѣдѣнія, можетъ показать слѣдующій примѣръ. На основаніи данныхъ, полученныхъ при наблюденіи надъ полетомъ управляемаго аэростата Кребса и Ренара *), предполагаемая скорость Цеппелиновскаго аэростата должна равняться, по вычисленію Общества для содѣйствія воздухоплаванію—8,33 метра, а по вычисленію майора Баденъ-Пауэля — 11,5 метра въ секунду; разница происходитъ, разумѣется, не отъ ошибки, а отъ того, что вліяніе поверхности было различно оцѣнено.

Все же самый фактъ остается: аэростатъ Цеппелина леталъ и управленіе имъ вполнѣ удалось. Это показываетъ, что задача, хотя и въ извѣстныхъ предѣлахъ, рѣшена; новой идеи для устройства управляемаго аэростата не нужно, если не гнаться за возможностью справиться съ сильнымъ вѣтромъ: вѣдь предугадать за нѣсколькъ часовъ сильный вѣтеръ на основаніи метеорологическихъ данныхъ можно, слѣдовательно, можно избѣжать и опаснаго полета. Самое важное въ управляемомъ аэростатѣ того же типа, какъ цеппелиновскій, это сильный и легкій двигатель; съ развитіемъ производства автомобилей техника въ этомъ направленіи сдѣлала большіе успѣхи; можно надѣятся, что Демлеровскій двигатель, примѣненный Цеппелиномъ, не представляетъ собой предѣла совершенства, такъ что, во всякомъ случаѣ, теперь можно съ увѣренностью сказать, что мы будемъ летать въ любомъ направленіи, отправляясь и останавливаясь по желанію, хотя пока еще съ большой осторожностью и не во всякую погоду.

2) *Телеграфонъ*. Этотъ новый аппаратъ, изобрѣтенный датскимъ электротехникомъ Паульсеномъ и демонстрируемый на парижской выставкѣ, представляетъ собою соединеніе телефона и фонографа. Паульсенъ поставилъ себѣ задачей устроить такой аппаратъ, который бы могъ записывать звуки, чтобы затѣмъ воспроизводить ихъ, подобно фонографу, но на всякомъ разстояніи. Подобный аппаратъ былъ изобрѣтенъ еще въ 1889 году Геммеромъ, но телеграфонъ Паульсена гораздо совершеннѣе этого перваго аппарата и притомъ основанъ на новомъ, ранѣе не примѣнявшемся принципѣ, что и придаетъ ему особенный интересъ; въ телеграфонѣ звуки записываются и воспроизводятся безъ посредства иглы и соотвѣтствующихъ вибраціямъ воздуха углубленій на дискѣ или валикѣ. Паульсену удалось фиксировать измѣненія тока въ телефонѣ во время передачи звука. Въ общихъ чертахъ устройство телеграфона слѣдующее. Въ токъ отъ сухой батареи изъ двухъ или трехъ элементовъ введенъ микрофонъ (какъ въ воспринимающемъ аппаратѣ телефона) и миніатюрный электро-

*) Этотъ аэростатъ имѣлъ почти такую же форму и устройство, какъ и Цеппелиновскій, но безъ твердаго остова; при первомъ испытаніи онъ леталъ со скоростью 6,5 м. въ секунду, при второмъ потерпѣлъ аварію.

магнитъ. Какъ извѣстно, въ микрофонѣ вибраціи воздуха, вызываемыя звуками, соотвѣтствующимъ образомъ увеличиваютъ и уменьшаютъ сопротивленіе току. Этимъ увеличеніемъ и уменьшеніемъ сопротивленія вызывается измѣненіе въ токѣ отъ батареи, а слѣдовательно, также измѣненія въ электромагнитѣ: онъ намагничивается то сильнѣе, то слабѣе. Если передъ этимъ электромагнитомъ помѣстить кусокъ мягкаго желѣза (какъ это сдѣлано въ телефонѣ), то онъ поочередно будетъ также намагничиваться и размагничиваться, но эти измѣненія также быстро исчезаютъ, какъ и вызывающія ихъ звуковыя вибраціи. Если мягкое желѣзо замѣнить сталью, то она будетъ намагничиваться гораздо труднѣе, но зато гораздо дольше будетъ сохранять въ себѣ пріобрѣтенный магнетизмъ. Поэтому-то до сихъ поръ въ подобныхъ аппаратахъ сталь избѣгалась, ея свойства, очевидно, неудобны. Паульсену пришла геніальная идея воспользоваться сталью, чтобы фиксировать измѣненія электромагнита. Въ его аппаратѣ вышеописанный миніатюрный электромагнитъ двигается вдоль цилиндра, на которомъ намотана стальная проволока. Электромагнитъ установленъ такъ, что оба конца его прикасаются съ двухъ сторонъ къ поверхности проволоки. Во время дѣйствія аппарата цилиндръ вращается, а электромагнитъ передвигается съ одного конца цилиндра до другаго, такимъ образомъ концы его пробѣгаютъ по всей проволокѣ. Соотвѣтственно измѣненіямъ въ электромагнитѣ, которыя вызываются звуковыми вибраціями, воспринимаемыми микрофономъ, отдѣльные участки стальной проволоки различно намагничиваются, т. е. проволока какъ будто превращается въ цѣпь безконечнаго количества магнитиковъ, расположенныхъ поперекъ проволоки. Такая магнитная запись сохраняется почти безъ измѣненій въ проволокѣ очень долго.

Если затѣмъ, вмѣсто микрофона, соединить электромагнитъ съ воспроизводящимъ звуки аппаратомъ телефона и снова провести его по длинѣ всей проволоки, то онъ послѣдовательно встрѣтитъ неодинаково намагниченныя мѣста въ томъ порядкѣ, какъ они имъ самимъ были произведены. При всякомъ измѣненіи степени намагничиванія напряженія тока въ обмоткѣ электромагнита будутъ измѣняться и вызовутъ соотвѣтствующія звуковыя вибраціи въ телефонѣ, т. е. будутъ воспроизводиться звуки, вызвавшіе ранѣе измѣненія магнетизма. Несмотря на весьма неблагопріятныя условія, въ которыхъ находится аппаратъ на выставкѣ—въ галлереѣ машинъ среди всевозможнаго шума—телеграфонъ дѣйствуетъ прекрасно, если электрическій моторъ, приводящій въ движеніе цилиндръ съ проволокой, идетъ правильно. Фразы разговора и аріи телеграфонъ воспроизводитъ безъ непріятнаго шипѣнія обыкновеннаго фонографа, главнымъ образомъ потому, что онъ дѣйствуетъ безъ помощи иглы, треніе которой о пластинку или валикъ и вызываетъ это шипѣніе.

По желанію, закрѣпленныя въ стальной проволокѣ магнитныя измѣненія могутъ быть уничтожены, для этого черезъ обмотку электромагнита пропускаютъ постоянный токъ, но въ обратномъ направленіи, чѣмъ тотъ, которымъ эти измѣненія были вызваны, при чемъ, разумѣется, электромагнитъ проводится по всей проволокѣ. Кромѣ того, нѣсколько измѣненнымъ телеграфонъ можетъ служить вмѣсто телефона, причемъ передаваемые звуки, по желанію могутъ быть сохранены. Измѣненія эти состоятъ въ слѣдующемъ. Описанный выше телеграфонъ дѣйствуетъ въ теченіе 50-ти секундъ, слѣдовательно, для продолжительнаго разговора нужно или постоянно уничтожать записанное или возобновлять цилиндры. Чтобы избѣжать этого, Паульсенъ придумалъ замѣнить проволоку стальной лентой, навернутой спиралью, какъ бумажная лента въ обыкновенномъ телеграфѣ, на которой одинъ электромагнитъ записываетъ слова, а другой, помѣщенный на нѣкоторомъ разстояніи послѣ него, такъ сказать, читаетъ ихъ и передаетъ обыкновенному телефону. По окончаніи разговора, по желанію, эту ленту можно сохранить съ записью. Какъ было выше упо-

*

мянуто, магнитныя измѣненія въ проволокѣ и въ лентѣ сохраняются очень долго: по истеченіи года звуки воспроизводились ими также вполнѣ отчетливо, несмотря на то, что за это время онѣ употреблялись по 500, 600 и даже 1.200 разъ. Телеграфонъ можетъ быть примѣненъ еще и къ тому, чтобы одновременно передавать звуки большому числу воспроизводящихъ аппаратовъ. Для этого нужно только на вышеописанной лентѣ помѣстить желаемое количество «читающихъ» электромагнитовъ и соединить ихъ съ телефонами. Если при этомъ ленту сдѣлать въ видѣ безконечнаго ремня и за «читающими» электромагнитами помѣстить электромагнитъ съ постояннымъ токомъ, который бы уничтожалъ записанное, то такая лента можетъ служить неопредѣленно долгое время для передачи звуковъ отъ одного источника большому числу воспроизводящихъ звуки аппаратовъ («La Nature»).

Метеорологія. *О зеленомъ лучѣ.* Послѣдній лучъ заходящаго солнца, опускающагося за горизонтъ довольно быстро, долженъ преломляться, проходя черезъ земную атмосферу, и образовать спектръ, расположенный на касательной къ поверхности земли. Этотъ спектръ быстро проходитъ передъ глазами наблюдателя и поэтому изъ семи его цвѣтовъ обыкновенно воспринимается только зеленый, какъ наиболѣе рѣзко отличающійся и достаточно интенсивный, а иногда и синій, по яркости слѣдующій за зеленымъ. Зеленый лучъ солнца наблюдался неоднократно. Нужно думать, что и другія свѣтила при захожденіи также образуютъ зеленый лучъ, и дѣйствительно въ январѣ нынѣшняго года пассажиры парохода «Saint Laurent» наблюдали прекрасный зеленый лучъ при захожденіи планеты Венеры. Они прислали въ редакцію «Revue Scientifique» за подписью семи лицъ письмо слѣдующаго содержанія. «Позвольте сдѣлать вамъ слѣдующее заявленіе относительно зеленаго луча, часто наблюдавшагося при закатѣ солнца, но появленіе котораго при захожденіи другихъ свѣтилъ оспаривается. Сегодня, 7-го января 1900 года, въ 7½ час. вечера, на пути отъ Сантандера на Мартинику, находясь на 20° сѣв. шир. и 57° вост. долг., мы наблюдали захожденіе планеты Венеры при совершенно чистомъ небѣ, и мы утверждаемъ, что въ тотъ самый моментъ, когда планета скрылась за горизонтомъ воды, она послала намъ великолѣпный зеленый лучъ. Наше утвержденіе подкрѣпляется еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что нижеподписавшіеся находились не вмѣстѣ, а двумя группами, изъ которыхъ одна была на носу корабля, другая на кормѣ, причемъ до того мы ни разу не имѣли разговора о зеленомъ лучѣ».

Ботаника. *О зернахъ пшеницы и ячменя, найденныхъ въ египетскихъ могилахъ.* Въ журналахъ неоднократно появлялись и опровергались извѣстія о томъ, что зерна хлѣбныхъ злаковъ, найденныя въ египетскихъ могилахъ, способны проростать. На основаніи имѣющихся свѣдѣній относительно того состоянія покоя, въ которомъ находятся зрѣлыя сухія сѣмена, трудно предположить, чтобы они могли сохранить всхожесть въ теченіе нѣсколькихъ тысячелѣтій; дѣйствительно, опыты показали, что зерна изъ египетскихъ могилъ не проростаютъ, но, разумѣется, испробованы были не всѣ найденныя сѣмена, такъ что все же можетъ еще оставаться нѣкоторое сомнѣніе: вѣдь, отрицательные результаты не убѣдительны; можетъ быть, неудача была случайной. Поэтому большой интересъ представляетъ анатомическое изслѣдованіе этихъ сѣмянъ, произведенное Эдмондомъ Геномъ, результаты котораго онъ сообщаетъ въ «Comptes rendus» Парижской академіи. Матеріаломъ ему послужили многочисленные образцы этихъ сѣмянъ, присланные ему Масперо, который самъ собралъ ихъ по большей части, такъ что въ подлинности сѣмянъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Въ настоящее время эти коллекціи находятся въ музеѣ Булака. Изслѣдовано было 12 образцовъ пшеницы и ячменя. Зерна были найдены при раскопкахъ въ Джебелейнѣ, Гурна, Саккара, Дендера и Ѳивахъ.

Онѣ относятся къ различнымъ эпохамъ, а именно къ пятой, девятой, восемнадцатой, двадцатой и двадцать первой династіи. Отсюда видно, что образцы, наиболѣе древніе, относятся ко времени, отстоящему, приблизительно, на 41 вѣкъ отъ начала нашего лѣтоисчисленія. Зерна, имѣющіяся въ продажѣ, такъ называемаго blé de momie (пшеницы изъ мумій) совершенно не могутъ считаться подлинными. Поэтому никто не придаетъ значенія опытамъ Штернберга, у котораго два изъ такихъ зеренъ проросли. Впрочемъ, Альфонсъ Де-Кандоль не считаетъ невозможнымъ, чтобы какое-нибудь зерно въ теченіе 40 или 50 вѣковъ сохранило способность проростать. При этомъ, само собою разумѣется, онъ полагаетъ, что зерна изъ египетскихъ могилъ не были предварительно подвергнуты какой-либо обработкѣ, которая могла бы уничтожить ихъ всхожесть. Генъ поставилъ себѣ задачей изслѣдовать при помощи микроскопа на большомъ числѣ образцовъ, сохранилось ли въ такихъ зернахъ ихъ внутреннее строеніе настолько, чтобы можно было предполагать, что онѣ сохранили способность проростанія. Слѣдуетъ замѣтить, что по наружному виду эти зерна превосходно сохранились. Единственно, что бросается въ глаза, это—краснокоричневый цвѣтъ ихъ. Это было замѣчено всѣми изслѣдователями, тѣмъ не менѣе оказалось, что въ египетскихъ могилахъ во многихъ растеніяхъ нѣкоторыя вещества сохранили вполнѣ свои химическія свойства; такъ, напримѣръ, крахмалъ остался неизмѣненнымъ, судя по его реакціи на іодъ. Это было замѣчено еще Бонастромъ въ 1828 году. Генъ нашелъ, кромѣ того, что крахмалъ сохранилъ способность образовать клейстеръ и превращаться въ декстринъ, и что какъ самыя зерна крахмала, такъ и содержащія ихъ клѣтки въ бѣлкѣ сѣмени вполнѣ сохранили свою форму. Вообще организація бѣлка осталась такою, что питательныя запасныя вещества его вполнѣ могли бы быть утилизированными способнымъ къ жизни зародышамъ. Впрочемъ, еще фанъ-Тигемъ показалъ, что сохраненіе организаціи бѣлка не является необходимымъ для проростанія: въ его опытахъ зародыши прекрасно питались тѣстомъ, приготовленнымъ изъ крахмала. Вещество (энзимъ), при помощи котораго зародышъ растворяетъ предоставленныя ему питательныя вещества (крахмалъ), образуется въ клѣткахъ его самого и распространяется по поверхности прикосновенія его съ бѣлкомъ. Такимъ образомъ, чтобы зерно могло прорости, необходимы слѣдующія условія: во-первыхъ, конечно, чтобы самъ зародышъ былъ способенъ къ жизни, т. е. чтобы онъ сохранилъ свою организацію и могъ бы вырабатывать энзимъ, необходимый для растворенія (перевариванія) предоставленныхъ ему запасовъ; во-вторыхъ, чтобы запасныя вещества остались химически неизмѣненными (какъ это и есть въ данномъ случаѣ) и, въ-третьихъ, чтобы зародышъ находился въ соприкосновеніи съ бѣлкомъ. На продольныхъ и поперечныхъ разрѣзахъ сѣмянъ, предварительно размоченныхъ въ водѣ, оказалось вполнѣ ясно, что зародышъ отстаетъ отъ бѣлка. Зародышъ цѣликомъ отдѣляется отъ бѣлка такъ легко, что въ образцахъ у нѣкоторыхъ сѣмянъ онъ отпалъ еще во время перевозки. Зародышъ сохранилъ свое клѣточное строеніе, но всѣ его клѣтки подверглись весьма ясному химическому измѣненію, которое свидѣтельствуетъ, что у всѣхъ изслѣдованныхъ сѣмянъ зародыши давно уже отмерли. И щитокъ, и зародышъ имѣютъ густую красновато-коричневую окраску. Многочисленныя химическія реакціи, испробованныя надъ этими зародышами, дали совершенно иные результаты, чѣмъ получаемые съ зародышами современныхъ сѣмянъ, хотя бы и пролежавшихъ 50 лѣтъ. Всѣ зародыши необычайно хрупки даже послѣ пропитыванія глицериномъ. Кромѣ указаній, полученныхъ при помощи микрохимическихъ реакцій, еще одно обстоятельство обнаруживаетъ неспособность къ жизни этихъ зародышей: клѣтки ихъ весьма часто бываютъ отдѣлены другъ отъ друга. Такъ, напримѣръ, въ продольномъ направленіи цѣлые ряды клѣтокъ корешка всегда бываютъ раз-

дѣлены. Нерѣдко и въ этихъ рядахъ клѣтки отдѣляются другъ отъ друга вслѣдствіе измѣненія срединной пластинки между оболочками клѣтокъ. Такимъ образомъ цѣлость органовъ зародыша всегда оказывается нарушенной. Заключеніе относительно жизнеспособности зародышей въ зернахъ, по крайней мѣрѣ, у ржи и ячменя, изслѣдованныхъ Геномъ, должно быть противоположнымъ тому, которое было принято Альфонсомъ Де-Кандолемъ, а вслѣдъ за ними и нѣкоторыми классическими курсами ботаники: зерна хлѣбныхъ злаковъ изъ египетскихъ могилъ, несмотря на то, что по внѣшнему виду они хорошо сохранились, по внутреннему строенію оказываются неспособными къ проростанію. Запасныя вещества въ нихъ химически не измѣнены и могли бы оказаться пригодными для жизнеспособнаго зародыша, но зародыши подверглись глубокимъ химическимъ измѣненіямъ и къ жизни болѣе не способны. Эти измѣненія показываютъ, что и та пониженная жизнодѣятельность, которая обнаруживается въ покоящемся зернѣ, давно уже прекратилась. Итакъ, зерна изъ египетскихъ могилъ безъ всякаго сомнѣнія къ проростанію неспособны и мертвы.

Физіологія. 1. *Распредѣленіе областей воспріятія вкусовыхъ ощущеній въ ротовой полости.* Относительно размѣровъ той области, въ которой происходятъ вкусовыя ощущенія, существуетъ еще большое разнорѣчіе въ зависимости отъ того, что вкусовыя волокна приписываются различнымъ нервамъ. Различаютъ четыре рода вкусовыхъ ощущеній: ощущеніе сладкаго, горькаго, кислаго и соленаго; физіологи полагаютъ, что для каждаго рода вкусовыхъ ощущеній существуютъ особыя волокна, которыя только данное ощущеніе и могутъ воспринимать. Кромѣ того, нѣкоторые полагаютъ, что эти волокна локализированы въ различныхъ областяхъ ротовой полости. Въ виду разнорѣчій изслѣдованія Тулуза и Вашиде, которые давно уже занимаются изученіемъ органовъ чувствъ, всегда примѣняя вновь изобрѣтенные ими весьма точныя методы, представляютъ большой интересъ. Результаты своихъ изслѣдованій они сообщаютъ, какъ всегда, въ «Comptes rendus» Парижской академіи. Результаты изслѣдованія, произведенные надъ четырьмя мужчинами и семью женщинами въ возрастѣ 23—30 лѣтъ, получились слѣдующіе:

1) Всѣ части слизистой оболочки рта способны къ воспріятію вкусовыхъ ощущеній. Однако губы, десна, внутренняя сторона щекъ, зубы, дно полости рта и нёбо участвуютъ только въ воспріятіи ощущенія кислаго. Ощущенія соленаго, сладкаго и горькаго воспринимаются остальными частями слизистой оболочки и въ особенности корнемъ языка и краями глотки. Край и верхняя поверхность языка болѣе воспріимчивы, чѣмъ нижняя поверхность и уздечка. На верхней поверхности языка средняя часть менѣе воспріимчива, чѣмъ боковыя. Язычекъ менѣе воспріимчивъ, чѣмъ языкъ, но даже и миндалинамъ доступно воспріятіе всѣхъ четырехъ вкусовыхъ ощущеній.

2) Если по этимъ новымъ наблюденіямъ, въ противоположность мнѣнію большинства авторовъ, весь языкъ и каждый изъ его сосочковъ, такъ же, какъ край нёба, повидимому, могутъ воспринимать всѣ вкусовыя ощущенія, то тѣмъ не менѣе вѣрно и то, что отдѣльныя части ихъ лучше воспринимаютъ одни вкусовыя ощущенія, чѣмъ другія. Такъ, передняя треть языка яснѣе всего чувствуетъ сладкій, кислый и соленый вкусъ, корень же языка—горькое, равнымъ образомъ край мягкаго нёба лучше всего ощущаетъ вкусъ соленаго и горькаго.

3) Кончикъ языка иннервируется волокнами язычнаго нерва, тогда какъ корень языка и глотка—волокнами языкоглоточнаго, но качественнаго различія въ воспріятіи вкусовыхъ ощущеній на всемъ протяженіи языка нѣтъ, слѣдовательно—языкоглоточный нервъ можетъ служить для воспріятія всѣхъ вкусовыхъ ощущеній. Это обстоятельство говоритъ въ пользу мнѣнія Урбанчича и Дюваля (раздѣляемаго и извѣстнымъ физіологомъ Ландуа), что кончикъ языка также снабженъ волокнами языкоглоточнаго нерва, которыя (черезъ посредство

chorda tympani) присоединяются къ вѣтвямъ язычнаго нерва, такъ что вкусовымъ нервомъ является одинъ только языкоглоточный.

2. *Объ усвоеніи бѣлковъ.* До сихъ поръ все еще нельзя считать законченными изслѣдованія надъ перевариваніемъ бѣлковыхъ веществъ, что однако врядъ ли покажется удивительнымъ, если мы вспомнимъ чрезвычайную сложность химическаго состава бѣлковъ и тѣ трудности въ методѣ изслѣдованія, которыя приходится преодолѣть, чтобы прослѣдить ходъ переваривавія бѣлковъ въ животномъ организмѣ; трудности эти такъ велики, что часто приходится довольствоваться выводами, полученными при изученіи про-дуктовъ искусственнаго переваривавія. Все же казалось, что важнѣйшія стороны этого процесса извѣстны и разъяснены. А именно раньше принималось, что усвоенію бѣлковыхъ веществъ должна предшествовать ихъ пептонизація въ кишечномъ каналѣ, другими словами: это значитъ, что сущность переваривавія бѣлковъ состоитъ въ слѣдующемъ: бѣлковыя вещества, не способныя диффундировать черезъ животную перепонку (что необходимо, чтобы проникнуть изъ кишечника въ кровь) подъ вліяніемъ выдѣляемыхъ въ желудкѣ и кишкахъ энзимовъ (неорганизованныхъ ферментовъ) превращаются въ новыя вещества, такъ называемые пептоны. Пептоны отличаются по химическому составу отъ бѣлковъ—въ чемъ именно состоитъ существенное отличіе, выяснено — и легко диффундируютъ, путемъ осмоза они проникаютъ черезъ стѣну кишечника и вступаютъ въ кровеносные сосуды. Поэтому больнымъ, у которыхъ кишечникъ очень ослабленъ, и даютъ въ видѣ питательнаго вещества прямо пептоны, полученные искусственно. Однако цѣлый рядъ болѣе тщательныхъ изслѣдованій показалъ, что на-ряду съ этимъ очень многіе бѣлки (вѣдь существуетъ много бѣлковыхъ веществъ, различающихся по химическимъ свойствамъ) могутъ усваиваться и безъ предварительнаго превращенія въ пептоны, и даже что за извѣстными исключеніями растворы бѣлковъ въ значительныхъ количествахъ могутъ быть введены прямо въ кровеносные сосуды безъ того, чтобы за этимъ послѣдовало выдѣленіе ихъ къ мочѣ, что, безъ сомнѣнія, произошло бы, если бы они представляли въ крови инородное тѣло, потому что почки, какъ извѣстно, являются превосходнымъ регуляторомъ состава крови. Эти наблюденія впрочемъ не уничтожаютъ существующихъ представленій о роли энзимовъ. Вѣдь, въ кишечникъ въ видѣ пищи попадаютъ обыкновенно нерастворенныя и даже свернувшіеся бѣлки, которые нужно перевести въ растворъ или, еще лучше, въ способные быстро диффундировать пептоны; далѣе плазма клѣтокъ состоитъ не изъ пептоновъ, а (преимущественно) изъ бѣлковъ, такъ что если растворы бѣлковъ, введенные въ кровеносные сосуды, переходятъ въ ткани, которыя въ бѣлкахъ нуждаются, потому что въ нихъ постоянно происходитъ распаденіе бѣлковъ,—въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Но вотъ что оказывается совершенно неожиданнымъ и на первый взглядъ непонятнымъ. Если ввести непосредственно въ кровеносные сосуды не бѣлки, а вырабатываемые изъ нихъ въ кишечномъ каналѣ, слѣдовательно, казалось бы, болѣе удобные для организма, пептоны, то они, точно инородное вещество, цѣликомъ выдѣляются черезъ почки, а въ большомъ количествѣ дѣйствуютъ даже вредно. Повидимому это абсурдъ: въ кишечникѣ пептоны вырабатываются и оттуда неизбѣжно путемъ осмоза проникаютъ въ кровь, если кишечникъ не вырабатываетъ необходимыхъ для это превращенія энзимовъ (пепсина и трипсина), то пищевареніе нарушается, приходится давать больному эти энзимы, полученные отъ животныхъ,—а введенные прямо въ кровь пептоны не усваиваются и даже оказываются ядовитыми. Но вспомнимъ, что вѣдь тканямъ-то организма нужны бѣлки, а не пептоны, слѣдовательно, гдѣ-нибудь на пути до своего вступленія въ живое вещество плазмы въ видѣ составной его части пептоны должны обратно превратиться въ бѣлки; стѣнки кишечнаго канала имѣютъ весьма

сложное строеніе; сообщенныя изслѣдованія и приводятъ къ естественному выводу, что обратное превращеніе пептоновъ въ бѣлки совершается въ стѣнкахъ кишечника передъ вступленіемъ въ кругъ кровообращенія. Изслѣдованія К. Людвига и Гаэтано Сальвіоли, а также Франца Гофмейстера показали, что это дѣйствительно такъ и есть, что пептоны на пути изъ кишечника въ кровеносные сосуды претерпѣваютъ какое-то превращеніе, такъ что въ крови пептоновъ уже совершенно не оказывается. Чѣмъ же вызывается это измѣненіе пептоновъ? Какъ смотрѣли до послѣдняго времени на это физіологи, можно видѣть изъ слѣдующихъ цитатъ. Въ весьма цѣнимомъ учебникѣ физіологической химіи Неймейстера (изд. 1897 г.) сказано: «Измѣненіе пептоновъ въ этихъ изслѣдованіяхъ (т. е. Людвига и Сальвіоли), вѣроятно, сводится къ проявленію неизвѣстныхъ жизненныхъ силъ, которыя присущи клѣтками эпителія слизистой оболочки». «Относительно природы превращенія пептоновъ эпителіемъ слизистой оболочки ничего вѣрнаго не извѣстно. Слѣдуетъ думать, что оно состоитъ въ обратномъ превращеніи пептоновъ въ бѣлки, однако прямыхъ доказательствъ тому не имѣется». Работа д-ра Окунева, опубликованная еще въ 1895 г., доказала, что растворъ пептона подъ вліяніемъ сычужнаго фермента (Labferment) даетъ бѣлокъ. Извѣстно, что желудочный, а вѣроятно и кишечный сокъ содержитъ сычужный ферментъ; поэтому надо думать, что въ дѣйствительности обратное превращеніе пептоновъ въ бѣлки и совершается подъ вліяніемъ этого фермента, а не особыхъ жизненныхъ силъ въ клѣткахъ эпителія. Изслѣдованіе В. В. Завьялова надъ ходомъ этого превращенія и свойствами получаемаго продукта (бѣлка), весьма обстоятельное, показываетъ, въ чемъ именно заключается значеніе этого процесса для организма.

Сычужный ферментъ всѣ пептоны, вырабатываемые въ кишечникѣ, превращаетъ въ бѣлки, а пептонизаціи подвергаются, вѣроятно, почти всѣ бѣлки, принимаемые въ видѣ пищи, казалось бы производится совершенно безцѣльная работа. Но есть два обстоятельства, которыя значеніе этого превращенія вполнѣ выясняютъ. Во-первыхъ, извѣстно, что не всѣ бѣлки, введенные прямо въ кровь, могутъ усваиваться организмомъ, что, напр., бѣлокъ куринаго яйца, казеинъ, даже гемоглобинъ (красный пигментъ крови), искусственно введенные, выдѣляются безъ измѣненія черезъ почки. Слѣдовательно, указанныя бѣлковыя вещества являются для организма инородными тѣлами и въ неизмѣненномъ видѣ для цѣлей питанія служить не могутъ. Измѣненія, которымъ они подвергаются, чтобы сдѣлаться доступными тканямъ организма, состоятъ въ слѣдующемъ: бѣлокъ распадается, превращаясь сначала въ альбумозу, затѣмъ въ пептонъ, изъ пептона же вновь образуется бѣлокъ, но уже совершенно иныхъ химическихъ свойствъ, чѣмъ исходное бѣлковое вещество; этотъ новый бѣлокъ по своимъ свойствамъ уже вполнѣ соотвѣтствуетъ цѣлямъ питанія и новообразованія живого вещества. Во-вторыхъ, какъ показываютъ опыты Завьялова, какой бы бѣлокъ ни взять для превращенія его въ пептонъ и затѣмъ обратно въ бѣлокъ, получается продуктъ всегда одинъ и тотъ же. Въ его опытахъ яичный бѣлокъ, міозинъ (бѣлковое вещество мышцъ), казеинъ и фибринъ были пептонизированы при помощи желудочнаго сока, полученная смѣсь альбумозъ и пептоновъ была подвергнута дѣйствію сычужнаго фермента. Изслѣдованіе химическихъ свойствъ полученныхъ продуктовъ показало, что изъ всѣхъ этихъ различныхъ бѣлковыхъ веществъ образовались совершенно тожественныя между собою бѣлковыя же вещества. Это новое вещество ближе всего къ глобулинамъ. По своимъ физическимъ свойствамъ (прозрачность, студенистая или полужидкая консистенція) оно напоминаетъ бѣлокъ протоплазмы. Оно весьма легко переходитъ изъ растворимаго состоянія въ нерастворимое и обратно, что представляетъ весьма важное свойство для пластическихъ процессовъ организма. Поэтому Завьяловъ не безъ основанія предлагаетъ назвать его пластиномъ; но уже одно изъ бѣл-

ковыхъ веществъ, полученныхъ изъ плазмы, носитъ это названіе, такъ что его можно будетъ удержать за новымъ соединеніемъ только въ томъ случаѣ, если оно окажется тожественнымъ съ тѣмъ, прежде открытымъ.

Итакъ, для переваривания бѣлковъ на основаніи изслѣдованій Завьялова устанавливается такая схема: бѣлки—альбумозы и пептоны—пластинъ. («Naturwiss. Wochenschrift»).

Медицина. 1) *Объ отравленіи аэронавтовъ газомъ.* Въ маѣ и іюнѣ прошлаго года докторъ Мальжанъ имѣлъ случай наблюдать въ воздухоплавательномъ паркѣ у служащихъ появленіе желтухи, сопровождавшейся необычными симптомами. Страданія больныхъ не подходили подъ извѣстные типы болѣзни (головная боль, слабость, обмороки, рвота и поносъ), подъ конецъ въ мочѣ появлялся гемоглобинъ и на другой день желтуха. Гемоглобинурія и желтуха продолжались въ теченіе 4-хъ или 5 ти дней и затѣмъ исчезали. Несмотря на то, что видимое выздоровленіе наступало довольно быстро, больные нѣкоторое время оставались блѣдными и подвергались сильному исхуданію. У нѣкоторыхъ изъ нихъ болѣзнь ограничивалась простымъ недомоганіемъ безъ измѣненія окраски кожи или мочи. Болѣзнь характеризуется еще однимъ важнымъ признакомъ, а именно тѣмъ, что она появлялась внезапно у людей совершенно здоровыхъ и не подверженныхъ разстройству пищеваренія.

Истинная природа заболѣванія въ первыхъ двухъ случаяхъ ускользнула отъ Мальжана, но позднѣе не трудно было установить, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ отравленіемъ мышьяковистымъ водородомъ. Этотъ газъ, весьма ядовитый, постоянно присутствуетъ въ водородѣ, который служитъ для наполненія воздушныхъ шаровъ и для приготовленія котораго употребляются, разумѣется, не чистые реактивы. Непосредственныя изслѣдованія показали, что въ данномъ случаѣ было отравленіе мышьякомъ. Мышьякъ былъ найденъ въ мочѣ больныхъ. Большое количество мышьяковистаго водорода въ газѣ, служившемъ для наполненія шаровъ, было обнаружено слѣдующими опытами: кусокъ фильтровальной бумаги, намоченной крѣпкимъ растворомъ ляписа, приведенный въ соприкосновеніе съ этимъ газомъ, по истеченіи часа покрылся пятнами кирпично-краснаго цвѣта, т.-е. на нихъ образовался осадокъ мышьяковистаго серебра. Далѣе оказалось, что оболочка шара, при наполненіи котораго заболѣли нѣкоторые служащіе, по всей поверхности снутри была покрыта мелкимъ темнобурымъ порошкомъ. Небольшой кусокъ тряпки, которой была вытерта эта оболочка, а также и малое количество этого порошка дали въ аппаратѣ Марша широкія кольца мышьяка. Чтобы избѣжать этихъ отравленій, слѣдовало бы примѣнить способы очищенія водорода болѣе дѣйствительные, чѣмъ тѣ, которые примѣняются въ настоящее время. Но даже и при существующихъ условіяхъ, по мнѣнію Мальжана, можно избѣжать отравленія, обращая вниманіе лицъ, производящихъ наполненіе шара, на ту опасность, которой они подвергаются и о которой ихъ предупреждаетъ непріятный чесночный запахъ газа. Мальжанъ замѣтилъ, что заболѣванія произошли при слѣдующихъ обстоятельствахъ: три раза у тѣхъ лицъ, которыя вдыхали газъ у отверстія шара; одинъ разъ во время наполненія и одинъ разъ во время выпусканія газа изъ шара. Опредѣлять присутствіе газа по его запаху, какъ это вошло въ привычку, крайне неблагоразумно. Во время наполненія весьма труднымъ пріемомъ является соединеніе рукава шара съ трубой, приводящей газъ, и въ этотъ именно моментъ газъ обыкновенно вырывается и можетъ причинить отравленіе рабочихъ. Выпусканіе газа по окончаніи полета производится обыкновенно при помощи случайно находящихся вблизи лицъ. Аэронавты, конечно, должны позаботиться о томъ, чтобы эти лица, по доброй волѣ оказывающія имъ помощь, не пострадали. Они не должны буквально понимать слѣдующее указаніе оффиціальной инструкціи: «аэронавтъ помѣщаетъ у отверстія шара трехъ или четырехъ помощниковъ и

настоятельно проситъ ихъ не обращать вниманія на запахъ газа (чесночный запахъ, свойственный мышьяковистому водороду), когда онъ будетъ выходить изъ аэростата и не покидать своего поста; такое же наставленіе онъ дѣлаетъ лицамъ, находящимся у рукава».

Во время полета запахъ мышьяковистаго водорода постоянно чувствуется въ гондолѣ, такъ какъ по мѣрѣ восхожденія шаръ теряетъ часть газа, выходящаго черезъ постоянно открытый рукавъ, что происходитъ вслѣдствіе расширенія газа, который при наполненіи находился подъ атмосфернымъ давленіемъ, а по мѣрѣ поднятія подвергается все меньшему и меньшему давленію со стороны окружающаго воздуха. Этотъ запахъ, въ большинствѣ случаевъ, не особенно безпокоитъ аэронавтовъ, хотя у нѣкоторыхъ лицъ онъ вызываетъ легкую степень недомоганія, чего легко было бы избѣжать, укорачивая рукавъ шара. («Revue gén. des sciences»).

2) *Новый способъ дезинфекціи ранъ.* Де-Парвилль въ своемъ журналѣ «La Nature» сообщаетъ о новомъ способѣ дезинфекціи ранъ, который, впрочемъ, выдержалъ испытаніе въ клиникахъ въ теченіе уже двухъ лѣтъ. Способъ состоитъ въ томъ, что дезинфицирующія вещества, въ видѣ мельчайшей пыли, сильной струей газа направляются въ рану. Аппаратъ представляетъ собою прочный цилиндръ съ краномъ, заключенный въ ящикъ, непроницаемый для воды. Въ цилиндръ наливается хлористый этилъ, къ которому прибавлено желаемое дезинфецирующее вещество. Хлористый этилъ называютъ также «ипсилосъ», поэтому докторъ Гильметъ, изобрѣтатель аппарата, назвалъ его ипсилёзой (ipsileuse). Въ помѣщеніе вокругъ трубки съ хлористымъ этиломъ, который кипитъ при 10° (слѣдовательно, только при болѣе низкой температурѣ можно и прибавлять къ нему дезинфицирующія вещества и наливать его въ аппаратъ), вливаютъ теплую воду, хлористый этилъ превращается (хотя не весь) въ газъ, который собирается подъ большимъ давленіемъ въ трубкѣ; если открыть кранъ, то онъ вырывается сильной струей, ее направляютъ на рану, въ которой такимъ образомъ вся поверхность со всѣми ея неровностями покрывается слоемъ распыленнаго дезинфицирующаго вещества (обыкновенно іодоформа, къ которому прибавляется эвкалиптовое масло, чтобы уничтожить непріятный запахъ). Особенно пригоденъ этотъ аппаратъ для глубокихъ ранъ. Хлористый этилъ примѣнялся и раньше зубными врачами для мѣстной анестезіи: направляя пульверизаторомъ струю хлористаго этила, вызываютъ такое пониженіе температуры (вслѣдствіе быстраго испаренія его), что чувствительность почти утрачивается. Для этой пульверизаціи его нагрѣваютъ до 50°—55°, но оказывается, что при дезинфекціи ранъ слишкомъ сильная струя газа, вызываемая большимъ давленіемъ, причиняетъ болевыя ощущенія, поэтому для нагрѣванія хлористаго этила употребляется вода не теплѣе 25°—30°. Струя газа механически очищаетъ рану и вмѣстѣ съ тѣмъ отлагаетъ на ней равномѣрный слой дезинфицирующаго вещества, которое плотно прилегаетъ къ поверхности раны. Опытъ показалъ, что этотъ способъ гораздо дѣйствительнѣе, чѣмъ промываніе антисептическими растворами.

Новый аппаратъ нашелъ себѣ еще одно весьма интересное примѣненіе, а именно для возстановленія костной ткани. Докторъ Кудре пульверизировалъ хлористымъ этиленомъ, къ которому былъ прибавленъ порошокъ фосфорнокислаго и углекислаго кальція, глубокую рану въ нижнемъ концѣ бедряной кости. Рана вскорѣ была залѣчена, при чемъ недостатокъ кости восполнился; впрочемъ, Кудре замѣчаетъ, что онъ не сдѣлалъ искусственную костную ткань, а лишь возбудилъ возстановляющую дѣятельность сосѣднихъ, здоровыхъ частей кости. Это примѣненіе новаго аппарата особенно обращаетъ на себя вниманіе и, хотя нельзя сомнѣваться въ сообщеніи доктора Кудре, все же было бы очень интересно

произвести цѣлый рядъ опытовъ надъ животными, чтобы выяснить, какъ именно и почему при этомъ происходитъ регенерація костной ткани.

Біологія. *О подражательной окраскѣ одного ракообразнаго.* Извѣстно, что многія водяныя животныя, рыбы и ракообразныя, обнаруживаютъ способность измѣнять окраску и принимать цвѣтъ окружающей среды или предметовъ, вблизи которыхъ они находятся. На подводныхъ скалахъ или среди зеленыхъ, бурыхъ и красныхъ водорослей они принимаютъ окраску и рисунокъ, которые дѣлаютъ ихъ незамѣтными по сходству съ окружающими предметами. Маленькій ракъ, живущій въ европейскихъ моряхъ, Hippolytes varians, повидимому, превосходитъ въ этомъ отношеніи всѣхъ другихъ морскихъ животныхъ и даже рака, прозваннаго хамелеономъ (Mysis Chamaelco). Hippolytes var. можетъ сдѣлаться ярко-краснымъ, зеленымъ, синимъ, чернымъ и безцвѣтнымъ, прозрачнымъ, какъ стекло; нерѣдко случается видѣть его въ водѣ окрашеннымъ въ прекрасный синій цвѣтъ, а поймавъ и принеся домой, найти краснымъ или безцвѣтнымъ. Этотъ рачекъ былъ обстоятельно изслѣдованъ англійскими учеными, Киблемъ и Гэмблемъ, въ теченіе двухъ лѣтъ на берегахъ Нормандіи, причемъ они вполнѣ разъяснили механизмъ измѣненія окраски.

Эти ученые нашли у Hippolytes var. троякаго рода измѣненія цвѣтовъ. Во-первыхъ, періодическое измѣненіе—соотвѣтственно смѣнѣ дня и ночи. Вечеромъ появляется красная окраска, за нею слѣдуетъ зеленая, которая распространяется, начиная съ середины тѣла, впередъ и назадъ. Зеленый цвѣтъ переходитъ въ синій, который представляетъ собою характерную ночную окраску и сопровождается увеличеніемъ прозрачности тѣла животнаго; въ такомъ видѣ рачекъ остается до утра, когда онъ вновь становится темнымъ. Замѣчательно, что эта періодичность строго сохраняется, если даже держать рачковъ въ совершенной темнотѣ. Хотя свѣтъ чрезвычайно быстро вызываетъ смѣну ночной окраски на дневную, но нарушить послѣдовательность измѣненій онъ не можетъ. Второй родъ измѣненій окраски вызывается измѣненіемъ яркости свѣта. Если помѣстить Hippolytes въ бѣлый фарфоровый сосудъ, то темная окраска въ нѣсколько минутъ исчезаютъ и рачекъ становится прозрачнымъ и безцвѣтнымъ. Вообще днемъ ослабленіе свѣта вызываетъ красную окраску, усиленіе и особенно разсѣяннаго свѣта — голубую. Третьяго рода измѣненія окраски, происходящія гораздо медленнѣе, совершаются въ зависимости отъ мѣстообитанія животнаго. Слѣдуетъ замѣтить, что различные индивидуумы вида Hippolytes var. при одинаковыхъ условіяхъ (днемъ) отличаются цвѣтомъ и соотвѣтственно ему живутъ на тѣхъ или другихъ видахъ водорослей, зеленыхъ, бурыхъ, синеватыхъ. Каждая разновидность упорно держится даже ночью водорослей, подходяще окрашенныхъ, и если нѣсколько разновидностей помѣстить вмѣстѣ въ сосудъ, въ которомъ находятся различнаго цвѣта водоросли, то рачки очень скоро распредѣляются по тѣмъ самымъ растеніямъ, на которыхъ они живутъ въ естественныхъ условіяхъ. Вообще они предпочитаютъ тѣнь свѣту, но разновидность, живущая на зеленыхъ водорсляхъ, легче переноситъ его, чѣмъ темные рачки, которые держатся въ расщелинахъ скалъ. Самцы меньшихъ размѣровъ и менѣе ярко окрашены, чѣмъ самки, которыя и по рисунку обнаруживаютъ гораздо большую степень приспособленія, что вполнѣ понятно, такъ какъ самки менѣе подвижны и поэтому больше нуждаются въ охранительной окраскѣ. Если разновидность, живущую на зеленыхъ водорсляхъ, помѣстить въ акваріумъ съ бурыми водорослями, то она лишь очень медленно, иногда въ теченіе нѣсколькихъ недѣль измѣняетъ свою окраску, тогда какъ, будучи затѣмъ вновь помѣщена съ зелеными водорослями, возвращается къ прежней зеленой окраскѣ очень быстро. Взаимодѣйствіемъ этихъ трехъ различныхъ причинъ измѣненія окраски и объясняются всѣ наблюдавшіяся до того явленія.

Свѣтъ, какъ было выше упомянуто, вызываетъ измѣненіе окраски, но качество свѣта не оказываетъ вліянія, важна только яркость его, потому что помѣщенные за различными цвѣтными стеклами рачки измѣняли свою окраску совершенно также, какъ и при бѣломъ свѣтѣ.

Непосредственною причиною измѣненія окраски является измѣненіе въ распредѣленіи пигментовъ въ тѣлѣ животнаго. Hippolytes имѣетъ особыя клѣтки, содержащія различные пигменты. Первая серія этихъ клѣтокъ (хроматофоръ) находится подъ эпидермой (слѣдовательно, наиболѣе близко къ поверхности), вторая между мышечными волокнами и третья вокругъ кишечника, нервной системы и другихъ внутреннихъ органовъ. Въ хроматофорахъ содержится три пигмента: красный, желтый и синій. Иногда всѣ три пигмента могутъ содержаться въ одной и той же клѣткѣ, въ такомъ случаѣ при измѣненіи окраски пигменты внутри клѣтки размѣщаются иначе, чѣмъ до того: одинъ изъ нихъ занимаетъ середину хроматофора, тогда какъ остальные собираются въ его отросткахъ. Вообще измѣненіе цвѣта достигается сокращеніемъ однихъ пигментовъ и болѣе диффузнымъ распредѣленіемъ другихъ; само тѣло животнаго прозрачно. Повидимому, эти явленія находятся въ связи съ нервной системой и органомъ зрѣнія, хотя не всецѣло зависятъ отъ нихъ. Въ темнотѣ, а также и у экземпляровъ, лишенныхъ глазъ, смѣна окраски все-таки совершается, хотя въ послѣднемъ случаѣ не такъ скоро и менѣе правильно. Замѣчательно, что отрѣзанная часть животнаго нѣкоторое время сохраняетъ способность измѣнять окраску.

Хроматофоры, притомъ уже способные своимъ сокращеніемъ и расширеніемъ вызывать измѣненіе окраски, появляются у Hippolytes очень рано, еще когда онъ находится въ стадіи личиночнаго развитія (Zoëa). Иногда ихъ можно замѣтить у личинокъ тотчасъ по выходѣ изъ яйца и уже въ это время, помѣщая ихъ попеременно въ сосудъ темный или съ бѣлыми стѣнками, можно вызвать желто-зеленую или красную окраску. Въ это время синяя, ночная окраска у нихъ еще не появляется, и пока не удалось опредѣлить, на какой стадіи развитія образуется этотъ пигментъ. **Д. Н.**

Астрономическія извѣстія.

Сжатіе Нептуна. Послѣдняя планета въ нашей солнечной системѣ — Нептунъ, вслѣдствіе громаднаго разстоянія, на которое она удалена отъ солнца, является для насъ звѣздочкой восьмой величины, ее не только не видно невооруженнымъ глазомъ, но даже и съ трубой не легко отыщешь, если нѣтъ подъ руками подробной карты соотвѣтствующей части неба. Въ большія трубы замѣтенъ, конечно, дискъ, но неравномѣрность діаметровъ послѣдняго констатировать трудно, тѣмъ не менѣе она существуетъ. Это фактъ. Въ 1886 году астрономъ *Marth* указалъ на медленное смѣщеніе плоскости орбиты спутника Нептуна. Это могло быть непосредственнымъ слѣдствіемъ сжатія планеты, какъ учитъ «Небесная механика». Теперь не такъ давно *Stimson J. Brown* обработалъ послѣднія наблюденія Барнарда, произведенныя послѣднимъ съ помощью 40-дюймоваго гиганта рефрактора Іеркской обсерваторіи (близь Чикаго) надъ спутникомъ, и могъ съ достаточной степенью вѣроятности вычислить сжатіе Нептуна, которое оказалось равнымъ $^1/_{40}$. Этому результату соотвѣтствуетъ время вращенія приблизительно четырнадцать часовъ. Интересно, что бывшій пулковскій астрономъ Германъ Струве изъ непосредственныхъ измѣреній на 30-ти-дюймовомъ рефракторѣ замѣтилъ трудно поддающуюся воображенію раз-

ницу въ діаметрахъ диска Нептуна. Для полярнаго діаметра онъ даетъ въ среднемъ 2,183″, а для экваторіальнаго 2,238″, т. е. разница равняется 0,055″, это такой малый уголъ, подъ которымъ мы должны бы были видѣть 1 миллиметръ съ разстоянія приблизительно въ 40 верстъ. И какъ разъ эта разность соотвѣтствуетъ сжатію 1/40. Результатъ Brown'а свидѣтельствуетъ, насколько велико искусство г. Струве въ микрометрическихъ измѣреніяхъ.

Спектръ сѣвернаго сіянія. Астроному Сикорѣ—одному изъ участниковъ нашей геодезической экспедиціи на Шпицбергенъ, во время зимовки на станціи «Константиновка» въ Горнзундѣ удалось получить интересный снимокъ спектра сѣвернаго сіянія. Какъ оказалось, спектръ состоитъ изъ трехъ характерныхъ свѣтлыхъ линій, интенсивность которыхъ почти одинакова. Одна изъ этихъ линій, зеленая, другая голубая, лежитъ приблизительно около линіи G солнечнаго спектра, третья находится за кальціевыми линіями H и K въ ультрафіолетовой части спектра.

Затѣмъ, видна слабая линія между первой и второй изъ указанныхъ, двѣ слабыя между второй и третьей и двѣ сзади третьей. Эти пять линій также приблизительно одинаковы по интенсивности, но очень слабы.

Наконецъ, между первой слабой и второй характерной линіей есть еще цѣлый рядъ слабѣйшихъ.

За неимѣніемъ въ экспедиціи точнаго прибора для измѣреній фотограммъ, положеніе всѣхъ этихъ линій еще не опредѣлено. Это будетъ сдѣлано по возвращеніи Сикоры въ Россію. Возможно, что при тщательномъ изслѣдованіи снимка будутъ замѣчены и другія интересныя подробности спектра.

Кромѣ фотографій спектра, Сикора получилъ нѣсколько снимковъ самого явленія сѣвернаго сіянія, причемъ на нѣкоторыхъ замѣтна интересная структура.

Фотографированіе туманностей и звѣздныхъ скопленій на обсерваторіи Лике. Фотографія особенно пригодна для изученія звѣздныхъ кучъ и туманностей. Можно даже сказать, что ихъ систематическія изслѣдованія, собственно, и начались только съ примѣненіемъ этого метода. Видѣть звѣздное скопленіе на небѣ для астронома мало, для него интересно подмѣтить измѣненія въ этомъ скопленіи, перемѣщенія звѣздъ, входящихъ въ составъ его. Для этого надо точно измѣрить взаимныя положенія всѣхъ звѣздъ для даннаго момента. Въ нѣкоторыхъ скопленіяхъ звѣздъ цѣлыя тысячи. Если измѣрять ихъ микрометромъ непосредственно на трубѣ, то придется потратить массу ночей, измѣренія будутъ неравноточны, потому что произведены при различныхъ атмосферныхъ условіяхъ, различномъ положеніи объекта надъ горизонтомъ. Другое дѣло фотографическій снимокъ. Онъ запечатлѣваетъ навѣкъ то относительное положеніе всѣхъ звѣздъ, которое было во время съемки, его измѣренія могутъ быть сдѣланы послѣ, когда угодно, въ теплой комнатѣ, при удобномъ положеніи наблюдателя.

Вотъ почему за послѣдніе годы появляются работа за работой по измѣренію различныхъ звѣздныхъ скопленій, тогда какъ до примѣненія фотографіи измѣренія были случайными, одиночными и касались только небольшого числа главнѣйшихъ звѣздъ въ скопленіи.

По отношенію къ туманностямъ фотографія необычайно выгодна, главнымъ образомъ, въ силу основнаго свойства фотографической пластинки суммировать дѣйствія свѣтовыхъ лучей. Сколько бы ни смотрѣлъ нашъ глазъ на слабый предметъ, онъ не увидитъ его болѣе свѣтлымъ. Наоборотъ, на фотографической пластинкѣ свѣтовые лучи, падая на одно и то же мѣсто, производятъ все большее и большее дѣйствіе, подобно тому, какъ въ камнѣ капля воды, падая за каплей, выбиваетъ ямку, такъ что при достаточно долгой экспозиціи можно фотографировать и очень слабый предметъ, яркость котораго даже не достигла

такой степени, чтобы быть воспринятой глазомъ. Съ помощью фотографіи было открыто нѣсколько туманностей, которыхъ не видно даже въ самые могучіе телескопы. Самое строеніе извѣстныхъ туманностей выступило съ поразительной ясностью, съ интересными подробностями. Въ свое время большое впечатлѣніе произвели наблюденія лорда Росса съ помощью его гигантскаго 6-ти футоваго рефлектора такъ называемыхъ спиральныхъ туманностей. Открытіе туманностей такого строенія имѣло громадное значеніе для космогоніи, для построенія гипотезъ о созданіи міровъ. Но наблюденія лорда Росса остались почти единичными. Съ другими трубами тонкихъ интересныхъ подробностей не видѣли. Только фотографія опять засвидѣтельствовала ихъ несомнѣнное существованіе. Работы англійскаго любителя Робертса производятъ сенсацію въ ученомъ мірѣ. На его фотографіяхъ необычайно отчетливо выступаютъ спирали и не только въ тѣхъ туманностяхъ, которыя были указаны лордомъ Россомъ, но и во многихъ другихъ. Особенно интересенъ оказался снимокъ извѣстной большой туманности въ созвѣздіи Андромеды. Благодаря тому, что спектръ этой туманности непрерывный, мы знали, что она представляетъ звѣздное скопленіе, лишь удаленное отъ насъ на громадное разстояніе, такъ что отдѣльныхъ звѣздъ различить нельзя. На снимкѣ Робертса вмѣсто обычнаго своего вида сплошной чечевицы съ уплотненіемъ блеска въ центрѣ, она явилась состоящей изъ цѣлаго ряда концентрическихъ колецъ. Многія и другія болѣе мелкія туманности оказались такого же строенія. Здѣсь мы имѣемъ подобіе нашей звѣздной системы, разсматриваемой съ громаднаго разстоянія. Возможно, что и она состоитъ изъ ряда колецъ, которыя въ перспективѣ обусловливаютъ эту странную, прерывную форму Млечнаго пути.

На обсерваторіи Лика съ самаго ея основанія начали фотографировать туманности. Астрономъ Барнардъ вскорѣ послѣ Робертса также получилъ снимокъ туманности Андромеды, на которомъ ея кольца выступили чрезвычайно отчетливо, было открыто много и другихъ спиральныхъ и винтообразныхъ объектовъ. Позднѣе астрономъ *Keeler*, нынѣшній директоръ обсерваторіи, ставитъ себѣ спеціальной задачей сфотографировать при помощи превосходнаго рефлектора Crossley, съ 3 хъ-футовымъ зеркаломъ, всѣ тѣ туманности, въ которыхъ лордъ Россъ открылъ или заподозрилъ спиральную форму. Описанія Росса нашли себѣ почти безъ исключенія полное подтвержденіе и, кромѣ того, было найдено такъ много другихъ подобныхъ туманностей, что иная форма является исключеніемъ. Въ большинствѣ случаевъ матерія въ центральныхъ частяхъ такихъ туманностей выступаетъ изъ плоскости такъ, что со стороны онѣ имѣютъ форму веретена, а иногда и просто тонкой ниточки.

Давно извѣстна интересная кольцевая туманность въ созвѣздіи «Лира». Но, кромѣ общей формы, многочисленные рисунки ничего почти не даютъ. Въ 36-ти-дюймовый рефракторъ обсерваторіи Лика внутри туманности видно 12 звѣздъ, изъ которыхъ раньше была извѣстна только одна. Въ 1893 г. Барнардъ указалъ вблизи еще маленькую туманность. Границы кольца никогда не казались рѣзкими, но всегда размытыми, мѣстами съ небольшими отростками, какъ замѣтилъ лордъ Россъ. Хорошіе фотографическіе снимки получены были съ помощью прекрасныхъ трубъ, имѣющихъ большое фокусное разстояніе, но при этомъ время экспозиціи было чрезвычайно длинно. Такъ, нашъ астрономъ Стратоновъ въ Ташкентѣ фотографировалъ туманность одинъ разъ впродолженія 10, а другой разъ впродолженіи 20 часовъ. Но новыя попытки Keeler'а съ рефлекторомъ Crossley показали, что уже при двухчасовой экспозиціи и даже получасовой получаются передержки. Его свѣтосильный инструментъ далъ прекрасное изображеніе всего въ 10 минутъ, но, конечно, очень малаго размѣра (2 миллиметра). Благодаря, впрочемъ, своему качеству оно могло быть доста-

точно увеличено. Границы кольца туманности являются скорѣе овальной формы, а не эллиптической, съ неправильными слабыми придатками въ родѣ бахромы на обѣихъ концахъ большой оси. Самое кольцо имѣетъ очень путанное строеніе. Оно, повидимому, состоитъ изъ нѣсколькихъ болѣе узкихъ свѣтлыхъ колецъ, которыя переплетены нѣсколько неправильно, въ то время какъ промежутки наполнены менѣе плотной матеріей. Одно изъ этихъ колецъ составляетъ внѣшнюю границу на западѣ, загибаясь къ сѣверному концу малой оси; оно дѣлается очень свѣтлымъ, вѣроятно, потому, что проектируется здѣсь на болѣе широкое главное кольцо туманности. Пересѣкши послѣднее наискось, оно выдѣляется, какъ внутренняя граница, на восточномъ концѣ. Остальную часть кольца прослѣдить труднѣе потому, что въ южной половинѣ туманности пересѣкаются еще нѣсколько другихъ колецъ. Внутреннее пространство, какъ замѣтилъ еще лордъ Россъ, пронизывается цѣлымъ рядомъ темныхъ и свѣтлыхъ полосъ приблизительно по направленію большой оси. Въ 36-ти-дюймовый рефракторъ при непосредственномъ наблюденіи эти полосы замѣтны только по временамъ благодаря меньшему контрасту между ихъ яркостью.

Центральная звѣздочка также на фотографической пластинкѣ ярче, чѣмъ при непосредственномъ наблюденіи. Keeler получилъ уже при минутной экспозиціи вполнѣ ясное ея изображеніе. Она слабо видна даже при экспозиціи въ 30 секундъ. Она является на пластинкѣ такъ же, какъ и въ трубѣ, совершенно рѣзко очерченной безъ туманной оболочки. При двухъ-минутной экспозиціи появляется еще вторая звѣздочка, являющаяся для силы 36-ти-дюймоваго рефрактора предѣльной. Вѣроятно, она даетъ изображеніе на пластинкѣ благодаря обилію фіолетовыхъ лучей. Много и другихъ подробностей обнаруживаетъ снимокъ Keeler'а. Даже въ маленькой туманности Барнарда оказалось возможнымъ разглядѣть налѣво двойную закрученную спираль.

Другая кольцевая туманность въ созвѣздіи Лебедя приблизительно вдвое меньше туманности Лиры, но она очень слаба. Для того, чтобы получить хорошее изображеніе, нужна экспозиція въ два часа даже для рефлектора Crossley. Кольцо эллиптично, почти круговое, наружу довольно рѣзко очерчено, внутри постепенно ослабѣваетъ, въ центрѣ звѣзда на пластинкѣ достаточно яркая, но для непосредственнаго наблюденія всего 16 величины. Она является какъ разъ предѣльной для 36-ти-дюймоваго рефрактора. Повидимому, раньше, во времена Росса, звѣзда эта была ярче. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отъ кольца тянутся къ центру свѣтлыя полосы, подобно спицамъ въ колесѣ.

Съ тѣмъ же рефлекторомъ Crossley астрономъ Palmer сфотографировалъ извѣстное звѣздное скопленіе въ Геркулесѣ. На его снимкѣ вышло всего 5.482 звѣзды, изъ нихъ 1.016 отнесены къ свѣтлымъ, 4.466 къ слабымъ. Свѣтлыя звѣзды преобладаютъ въ центральной области скопленія, ихъ здѣсь такъ же много, какъ и слабыхъ, между тѣмъ какъ въ поясѣ на половинѣ радіуса одна яркая звѣзда приходится на 17 свѣтлыхъ. Туманныя мѣста въ центрѣ указываютъ ясно, что и здѣсь слабыя звѣзды очень тѣсны. Въ 36-ти дюймовый рефракторъ линія изъ этихъ пунктовъ разложено на отдѣльныя звѣздочки. Palmer, вообще, думаетъ, что въ скопленіи Геркулеса нѣтъ никакого повода подозрѣвать присутствія туманныхъ массъ, вопреки мнѣнію Шейнера, нѣсколько лѣтъ тому назадъ сфотографировавшаго эти скопленія съ помощью потсдамскаго астрографа и утверждавшаго, что въ немъ встрѣчаются всѣ стадіи развитія небесныхъ свѣтилъ отъ простого тумана до вполнѣ сформировавшейся звѣзды и что оно еще богато относительно плотнымъ туманомъ. Интересно, что Keeler'у почти всегда удавалось при тщательномъ изученіи снимка той или другой туманности открыть вблизи еще нѣсколько другихъ. Иногда на одну извѣстную приходилось 12—15 неизвѣстныхъ, новыхъ. Изъ нихъ нѣкоторыя имѣли спи-

ральную форму. Другія же, которыя оказывались или очень малыми, или очень слабыми для точнаго изслѣдованія, имѣли видъ спиральныхъ туманностей, разсматриваемыхъ или съ малымъ увеличеніемъ, или при неблагопріятныхъ атмосферныхъ условіяхъ. Онѣ, очевидно, также принадлежатъ къ тому классу небесныхъ тѣлъ. Въ настоящее время въ каталогахъ туманностей и звѣздныхъ скопленій такихъ объектовъ занесено до 12.000.

Удивительную картину представляетъ одна изъ послѣднихъ работъ Keeler'а снимокъ такъ называемой «Тройной» туманности въ созвѣздіи Стрѣльца, полученной при трехчасовой экспозиціи; какъ будто видишь предъ собой блестящую туманность Оріона, съ какими подробностями, съ какой рѣзкостью выступаютъ отдѣльныя части, какъ далеко раскинулось чудное образованіе.

К. Покровскій.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ
ЖУРНАЛА
„МІРЪ БОЖІЙ“.
Августъ. 1900 г.

Содержаніе:—Беллетристика.—Публицистика.—Политическая экономія.—Философія.—Антропологія.—Географія и путешествія.—Новыя книги, поступившія въ редакцію.—Новости иностранной литературы.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

К. Бальмонтъ. «Горящія зданія».—*Максимъ Горькій.* «Полное собраніе сочиненій». т. I—IV.

К. Бальмонтъ. «Горящія зданія». Лирика современной души. Спб. 1900. Ц. 1 р. Если бы на Парнасѣ поэты оцѣнивались по плодовитости, то, несомнѣнно, г. Бальмонтъ получилъ бы первую премію. Шутка сказать, что ни годъ, то новый томикъ стихотвореній, не считая переводовъ, въ стихахъ и прозѣ, которые такъ и летятъ изъ-подъ пера неутомимаго труженика. «Подъ сѣвернымъ небомъ», «Въ безбрежности», «Тишина», «Горящія зданія», шесть томовъ Шелли, весь Гауптманъ — по истинѣ, если все это и не есть плодъ неутолимаго вдохновенія, то, во всякомъ случаѣ, воловьяго терпѣнія и той усидчивости, которую Щедринъ такъ мѣтко окрестилъ «желѣзнымъ днищемъ». Въ примѣненіи къ творчеству г. Бальмонта эта характеристика получаетъ прямой смыслъ, чуждый всякой иносказательности, ибо только желѣзное днище можетъ выдержать этотъ безконечный трескучій потокъ словъ, подъ бременемъ которыхъ любой поэтъ обычной организаціи давно бы разсыпался въ прахъ. Господинъ же Бальмонтъ «костью дебелой стоитъ на крѣпкозданной землѣ» и, крѣпко уповая на изреченіе Мефистофеля, что гдѣ не хватаетъ понятій, тамъ выручатъ слова, источаетъ потоки словъ, трескучихъ и гремящихъ, какъ «мѣдь звенящая и кимвалъ бряцающій».

«Горящія зданія,—лирика современной души», одно заглавіе уже прямо по рецепту Мефистофеля. Трудно было бы подобрать болѣе таинственное и непонятное сочетаніе словъ. Смысла, повидимому, нѣтъ, но г. Бальмонтъ меньше всего гонится за смысломъ, какъ за вещью для его поэзіи давно устарѣлой и сданной въ архивъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ первое же стихотвореніе, служащее введеніемъ, предисловіемъ и всѣмъ, чѣмъ угодно. Оно—«Крикъ часового», въ лицѣ котораго поэтъ несомнѣнно изображаетъ самого себя, если только онъ что-нибудь имѣлъ въ виду изобразить, въ чемъ мы сильно сомнѣваемся.

Пройдя луга, лѣса, болота, горы,
Завоевавъ чужіе города,
Солдаты спятъ. Потухнувшіе взоры—
Въ предѣлахъ думъ. Снуетъ ихъ череда.

Таковъ первый куплетъ, и если кто—«рыцарь-ли знатный, иль латникъ простой»—проникнетъ въ сокровенный смыслъ этихъ строфъ, то, навѣрное, и самъ г. Бальмонтъ сильно изумится. Какъ можетъ «череда» сновать? «Снуетъ челнокъ», «снуютъ люди»—но череда, очередь, сновать не можетъ. «Пройдутъ

года своею чередою»,—говорилъ старый поэтъ, еще наивный и не искусившійся въ прелести безсмыслицы, которая уже тѣмъ однимъ очаровательна, что надъ нею всякій судъ безсмысленъ. Безсмыслица сама себѣ довлѣетъ, она неуязвима, и съ какой стороны къ ней ни подойди — она есть безсмыслица и только. Какое отношеніе имѣютъ солдаты къ потухнувшимъ взорамъ, и обратно, о какихъ чужихъ городахъ и о какихъ солдатахъ рѣчь идетъ,—все это покрываетъ безсмыслица своимъ таинственнымъ покровомъ, объединяя съ слѣдующими куплетами, столь же ясными, какъ и первый:

Сады, пещеры, замки изо льда,
Забытыхъ словъ созвучные узоры,
Невинность чувствъ, погибшихъ навсегда,—
Солдаты спятъ, какъ нищіе, какъ воры.

На завтра бой. Поспѣшенъ бѣгъ минутъ.
Всѣ спятъ. Все спитъ. И пусть. Я—вѣрный—тутъ.
До завтра сномъ беспечно усладитесь.

Но чу! Во тьмѣ—чуть слышные шаги.
Ихъ тысячи. Все ближе. А! Враги!
Товарищи! Товарищи! Проснитесь!

Наша гипотеза, что здѣсь заключается аллегорическое изображеніе г. Бальмонта, который крикомъ своимъ будитъ декадентскую рать,—не знаемъ только, гдѣ и кто враги, — подтверждается дальнѣйшимъ разборомъ «Горящихъ зданій». Вездѣ г. Бальмонтъ выступаетъ въ страшно воинственномъ настроеніи. Въ слѣдующемъ, напр., стихотвореніи онъ вопитъ: «Я хочу кинжальныхъ словъ и предсмертныхъ восклицаній!» Далѣе взываетъ къ сердцу: «Мчитесь ко мнѣ буря и громъ! Сердце мое, гибни въ огнѣ!» Къ человѣку обращается съ мрачнымъ совѣтомъ: «О человѣкъ, живи, какъ звѣрь, безъ колебаній!» Онъ кокетничаетъ своею лютостью, увѣряетъ, что его предокъ былъ «честнымъ палачомъ», а въ другомъ мѣстѣ, что онъ—испанецъ, жаждущій «мѣди, золота, брилліантовъ и рубиновъ, крови, брызнувшей изъ груди побѣжденныхъ властелиновъ»,—словомъ, не знаетъ, какъ стать «еще чуднѣй, еще страшнѣй», лишь бы превзойти всѣ безсмыслицы, какія до сихъ поръ были сочинены. И стремленія его не безъ успѣха.

Странная и жалкая въ сущности судьба г. Бальмонта, какъ писателя. Его погубила логоррея,—особая болѣзнь, заключающаяся въ какомъ то странномъ дефектѣ задерживающихъ центровъ: одержимый этою болѣзнью не можетъ удержать словъ, которыя льются непрерывной струей, безъ логической связи и всякаго смысла. Попавъ въ струю декадентскаго увлеченія странными сочетаніями словъ, г. Бальмонтъ, благодаря своему деффекту, занялъ въ лагерѣ декадентовъ видное мѣсто, не могъ выбиться изъ этой струи и потопилъ въ ней ту каплю таланта, которая чувствовалась въ его раннихъ стихотвореніяхъ. Будучи по темпераменту несомнѣннымъ флегматикомъ, что подтверждается водянистостью его переводовъ и обиліемъ ненужныхъ словъ, столь имъ излюбленныхъ, которыя онъ словно цѣдитъ сквозь зубы, онъ во что бы то ни стало силится изобразить себя пламеннымъ, какъ Байронъ, воздушнымъ, какъ Шелли, мрачнымъ какъ Эдгаръ Поэ, и терпитъ всякій разъ жалкое фіаско. Вѣчно рисующійся, вѣчно неискренній, всегда равнодушный и холодный, г. Бальмонтъ не въ силахъ написать ни одного стиха, вырвавшагося изъ сердца.

Жалкая это поэзія, если дозволено такъ профанировать это слово,—и кому она нужна?

М. Горькій. «Полное собраніе сочиненій», т. I — IV. Ц. каждаго тома 1 р. Спб. 1900 г. Изд. товарищ. «Знаніе». Полное собраніе сочиненій г. Горькаго, издаваемое товариществомъ «Знаніе», подвигается очень быстро, и съ

выходомъ нѣсколько запоздавшаго второго тома оно, въ сущности, закончено. Правда, вышло пока четыре тома, а предполагается ихъ издать, какъ читаемъ въ объявленiи, пять.

Но и вышедшiе четыре тома даютъ достаточно для оцѣнки таланта г. Горькаго и полной обрисовки его литературной физiономiи. Читатели найдутъ въ этихъ четырехъ томикахъ свѣжiй и бодрый талантъ, нѣсколько узкiй въ сферѣ своихъ наблюденiй, съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ романтизма, подчасъ хватающiй, какъ говорится, черезъ край, но всегда яркiй и смѣлый въ описанiяхъ, иногда удивительно сильныхъ и блестящихъ по формѣ. Попадаются тутъ вещи и претенцiозныя, какъ, напр., «Пѣсня о соколѣ», и прямо неудачныя, каковы двѣ публицистическаго характера замѣтки «О чортѣ» и «Еще о чортѣ», которыя убѣдительно говорятъ, что автору не слѣдуетъ пускаться въ публицистику и «вѣщать» разныя «откровенiя». Ни къ чему всѣ эти вѣщанiя, одинъ самообманъ, пустая игра словъ. Для этого и безъ него есть достаточно охотниковъ. Роль автора въ литературѣ вполнѣ выяснилась. Онъ — превосходный художникъ-бытописатель той среды, которую знаетъ, какъ никто. Его лучшiя произведенiя — это разсказы изъ мiра пролетарiата, его «Челкашъ», «Супруги Орловы», «Коноваловъ», «Бывшiе люди», «Озорникъ» и другiе той же категорiи. Самое большое его произведенiе, повѣсть «Ѳома Гордѣевъ», показываетъ, какъ сразу измѣняетъ талантъ автору, когда онъ берется описывать то, что знаетъ поверхностно, по наслышкѣ, словомъ, когда пускается сочинять. Въ этой повѣсти на-ряду съ великолѣпными описанiями Волги, рабочихъ сценъ, жизни на пароходахъ, въ судовомъ караванѣ, на плотахъ — есть десятки страницъ томительной скуки, предлинныхъ разговоровъ, яко-бы заключающихъ бездну премудрости, а въ сущности просто вялыхъ и скучныхъ, какъ все придуманное, не настоящее, присочиненное. Оживляетъ эти разговоры одна фигура Маякина, дѣйствительно выхваченная изъ жизни и настолько яркая, что ее можно сопоставить съ купеческими персонажами Островскаго.

Есть у г. Горькаго одно только произведенiе не изъ мiра пролетарiата, которое, тѣмъ не менѣе, не уступаетъ его лучшимъ произведенiямъ. Это столь обруганная нѣкоторыми не въ мѣру цѣломудренными критиками повѣсть «Варенька Олесова». Читая ее, невольно поражаешься, до чего можетъ доходить предвзятость мнѣнiя, такъ какъ ничѣмъ инымъ нельзя объяснить такое презрительное отношенiе къ этому превосходному во всѣхъ отношенiяхъ произведенiю, выдержанному, сжатому, свѣжему. Фигура Вареньки выписана изумительно, она производитъ впечатлѣнiе античной статуи — своей гармонiей, сiянiемъ мощности и жизни, которое окружаетъ ее на всемъ протяженiи повѣсти. Не менѣе хороша, хотя и въ совершенно другомъ смыслѣ, личность приватъ-доцента, несчастнаго книжнаго червя, въ которомъ книга вытравила всякую жизнь, изсушила его, какъ вяленую волжскую воблу, превративъ его въ какую-ту пародiю на человѣка. Столкновенiе этого гомункула съ сверкающей жизнью, ослѣпительной въ своей простотѣ и естественности Варенькой ведетъ, конечно, къ самому постыдному для доцента пораженiю, и заключительная сцена повѣсти великолѣпна, хотя она-то и вызвала противъ автора злобное и злорадствующее шипѣнiе своимъ яко бы сверхнатурализмъ. Кстати отмѣтимъ, что въ новомъ изданiи авторъ значительно отдѣлалъ ее, и въ своемъ настоящемъ видѣ эта сцена не возмутитъ больше болѣзненной щекотливости такихъ проповѣдниковъ чистоты, какъ г.г. Буренины, Ольдджентльмэны и прочая нововременская клика.

Новое изданiе, — большая часть разсказовъ и повѣстей г. Горькаго уже была издана гг. Чарушниковымъ и Дороватовскимъ и редакцiей журнала «Жизнь», — служитъ лучшимъ доказательствомъ той симпатiи, съ какою читатели встрѣтили молодого талантливаго автора. И мы вполнѣ понимаемъ, что, помимо та-

*

ланта, привлекаетъ нашего читателя къ г. Горькому. Прежде всего и главнымъ образомъ—бодрый и жизнерадостный тонъ его разсказовъ, тотъ всепроникающій духъ свободы, которымъ вѣетъ отъ каждой строчки его произведеній. Какъ бы ни были мрачны и темны порой описанныя авторомъ стороны жизни, а въ жизни пролетаріата такихъ сторонъ достаточно,— но авторъ съумѣлъ выразить ту силу, которою дышитъ, не смотря ни на что, его «босякъ», которая подымаетъ его надъ этою жизнью и влечетъ въ невѣдомую, но тѣмъ не менѣе достижимую страну лучшаго будущаго, гдѣ найдутъ себѣ удовлетвореніе и его справедливыя требованія. Вотъ почему *никогда* его герои не производятъ впечатлѣнія чего-то жалостнаго, жалкаго, требующаго опеки или «жалѣнія»; напротивъ, они сами какъ бы съ сожалѣніемъ относятся къ читателю, удивляются, какъ это онъ не можетъ понять, что они, босяки, избрали въ сущности лучшую участь, потому что они—свободны. И это чувство свободы заражаетъ въ концѣ концовъ и читателя, какъ будто его подняли на вершину горы, откуда открывается видъ на широкіе горизонты, гдѣ такая масса воздуха и свѣта, гдѣ необъятная ширь и раздолье. Герои г. Горькаго, его Челкашъ, Макаръ Чудра, старуха Изергиль, Мальва, Коноваловъ, озорникъ и даже пьяный и злобствующій Орловъ—сильные и смѣлые люди, которые не могутъ, если бы даже того хотѣли, заплѣсневѣть въ стоячей сытой жизни. Они не продали за чечевичную похлебку своего первенства и сохранили потому лучшую часть своего человѣческаго существа—стремленіе къ свободѣ, безъ чего жизнь теряетъ свѣтъ и тепло, смыслъ и значеніе, превращаясь въ жалкое и томительное прозябаніе, въ вѣчныя сѣрыя будни. Жизнь по существу есть вѣчный праздникъ, сіяющій и роскошный, но лишь для того, кто, какъ Макаръ Чудра, понялъ, что для этого жизнь должна быть свободна, свободна отъ тысячи мелкихъ условностей, жалкихъ будничныхъ интересовъ, мелочныхъ страстишекъ и униженій, которыми люди себя опутали и бьются въ нихъ, какъ рыба въ сѣтяхъ, не видя выхода и даже отказываясь отъ него, когда имъ указываютъ на возможность выхода. Читая г. Горькаго, мы проникаемся этимъ жизнерадостнымъ и смѣлымъ настроеніемъ автора, что и объясняетъ освѣжающее впечатлѣніе его произведеній. Г. Горькій великій оптимистъ, онъ любитъ жизнь, вѣритъ въ людей, вѣритъ въ себя, и эту бодрую вѣру внушаетъ и читателю. Въ этомъ его талантъ, его сила и значеніе. *А. Б.*

Ек. Лѣткова. Мертвая зыбь. Повѣсти и разсказы. I. Отдыхъ. Повѣсти и разсказы. II. Спб. 1900 г. 2 тома. Стр. 311+314 in 8°. «Ни одна твоя радость, ни одно твое горе, ни одна твоя мысль не минуютъ меня»... говоритъ Дмитрій Александровичъ Львовъ любимой женщинѣ, когда она объявляетъ ему, что свободна, и слова его глубоко западаютъ ей въ душу: «Тутъ только я поняла, какъ меня любитъ этотъ человѣкъ», говоритъ она въ дневникѣ. Конечно, она чувствовала такъ и раньше, потому что въ тотъ же дневникъ уже занесены тѣ же мысли: «я видѣла, какъ онъ жилъ моею жизнью, точно у насъ была одна душа съ нимъ». Но въ эту рѣшающую минуту ея жизни она почувствовала съ полной силой и яркостью эту сторону его отношенія къ ней,—сторону, которая всегда привлекала ее. Здѣсь было то, что до тѣхъ поръ она такъ мало видѣла и чего вообще въ жизни немного: вниманіе одного человѣка къ другому.

«Невниманіе» проходитъ красною нитью черезъ всѣ разсказы г-жи Ек. Лѣтковой, начиная съ самаго большого—повѣсти «Мертвая зыбь», откуда взяты приведенныя выше слова Львова, и кончая самымъ маленькимъ—картинкой изъ деревенской жизни «Лушка». Та жизнь, которую рисуетъ большинство разсказовъ, самая обыденная, будничная жизнь, безъ яркихъ красокъ, безъ силы, со всей щемящей тоской безконечныхъ, ненужныхъ, но все же въ этой жизни, въ сущности, неизбѣжныхъ, мелочей, съ горемъ и даже съ несчастіями. И ко

всѣхъ отношеніяхъ въ этой жизни у людей чувствуешь все одно и то же—невниманіе: люди живутъ рядомъ, одинъ *возлѣ* другого, но *не вмѣстѣ*. Кое-гдѣ есть проблески вниманія, но они только еще ярче, еще рѣзче оттѣняютъ общее невниманіе. Въ этой основной чертѣ несомнѣнная особенность и большое достоинство разсказовъ, хотя не всѣ они, конечно, одинаково выдержаны и жизненны. Съ высказанной нами точки зрѣнія «вниманія и невниманія» мы и постараемся разобраться въ разсказахъ г-жи Ек. Лѣтковой и разсмотрѣть, какъ складываются мірскія отношенія, затронутыя ими.

Прежде всего, конечно, рѣчь о тѣхъ отношеніяхъ, гдѣ яснѣе всего должно сказываться «вниманіе и невниманіе», объ отношеніяхъ двухъ людей, сошедшихся по любви, по свободному выбору. У г-жи Лѣтковой о нихъ говорится въ нѣсколькихъ разсказахъ. Въ «Мертвой зыби» это Бармины, мужъ и жена, и Львовъ, въ «Лишней» Ловцовы и Софроновъ, въ «Счастіи» художникъ Трубчинскій и жена его, Меричка. Эти фигуры очерчены опредѣленно и подробно; въ другихъ разсказахъ тѣ же темы затронуты вскользь, но такъ, что отношеніе автора тоже вполнѣ ясно. Въ общемъ картина отрицательная, за исключеніемъ короткаго періода въ отношеніяхъ Елены Борисовны Барминой и Львова, и отношеній Софіи Николаевны Ловцовой и Софронова—всюду невниманіе и отчужденность. Прежде всего это сказывается въ отношеніяхъ между мужемъ и женою, хотя два, выведенныхъ въ разсказахъ, мужа, Барминъ и Ловцовъ, и одна жена, Меричка Трубчинская, въ сущности, добрые и въ общемъ вполнѣ порядочные люди и даже по своимъ понятіямъ любятъ.

Бармины женились по любви, оба были молоды, оба хотѣли жить, не раздумывая, не задумываясь. Сначала имъ жилось хорошо и весело, но очень скоро, незамѣтно для нихъ самихъ, жизнь пошла врозь. У Бармина было свое дѣло, которымъ онъ увлекался, были товарищи, съ которыми онъ любилъ видѣться, и во всей этой жизни жена не занимала какъ-то никакого мѣста; жена была собственностью, драгоцѣнной, правда, и *за которую* онъ и жизнь былъ готовъ отдать, но не человѣкомъ, *которому* онъ бы отдалъ эту жизнь. Назначеніе жены, по мнѣнію Бармина, принести счастіе мужу. Онъ счастливъ, вѣренъ женѣ, чего же больше? Когда жена говоритъ ему о значеніи любви въ жизни, о томъ, «какъ любовь пронизала и освѣтила всѣ великія произведенія человѣческаго генія», онъ ее не понимаетъ; для него любовь—это «романы да свиданія», которые только потеря времени. «Жена и любовь къ женѣ совсѣмъ другое дѣло»; для жены онъ беретъ опредѣленіе—«ноша, привязанная къ спинѣ: и нести можно, и руки развязаны». И жизнь его идетъ, по этимъ взглядамъ, простая и ясная; а жена его въ это время заноситъ въ свой дневникъ: «Да, я счастлива, конечно, очень счастлива. Почему же мнѣ такъ грустно и тяжело жить?» Про мужа она пишетъ: «я искренно люблю его, только... мнѣ скучно съ нимъ». Часто чувствуетъ она потребность выйти изъ своего одиночества, съ кѣмъ-нибудь разобраться въ тѣхъ чувствахъ недовольства жизнью, которыя ей не даютъ покоя и противъ которыхъ она не можетъ найти сама средствъ. Но всѣ ея попытки, правда, слабыя, ни къ чему не приводятъ. По мнѣнію мужа, это блажь отъ ничего недѣланія; одинъ разъ онъ, впрочемъ, какъ будто пытается указать на дѣло—копать клумбы и сажать цвѣты. Часто онъ отдѣлывается просто шуткой—въ его ясной, довольной, рабочей жизни нѣтъ мѣста сомнѣніямъ, не можетъ, значитъ, быть сомнѣній и у жены; онъ и не думаетъ поэтому обратить вниманіе на то, что дѣлается въ ея душѣ. Когда она была дѣвушкой, мать воспитывала ее по своимъ взглядамъ, не считаясь ни съ ея наклонностями, ни съ ея желаніями; при первомъ же появленіи человѣка другихъ взглядовъ, другого настроенія—Бармина, Еленѣ Борисовнѣ стало легче—она нашла отвѣтъ своему молодому желанію веселья, личнаго счастья. Теперь послѣ нѣсколькихъ лѣтъ личнаго счастья ей прихо-

дится убѣждаться, что она ошиблась, что, какъ тогда мать проглядѣла то, что происходило въ ней, такъ теперь мужъ проглядываетъ ея душу. Сперва она сама не можетъ отдать себѣ вполнѣ отчета въ томъ, чего ей собственно недостаетъ и только появленіе другого человѣка, совсѣмъ другого, чѣмъ тѣ, кого она привыкла видѣть вокругъ себя, открываетъ ей глаза. Ее тянетъ къ нему, потому что его тянетъ къ ней, потому что съ первой же поры ихъ знакомства она чувствуетъ, что она много, очень много въ его жизни, потому что она увидѣла, что есть жизнь, гдѣ люди заняты не своимъ только дѣломъ или самими собой, а и другими, что чувство, мысль, поступокъ другого человѣка имѣютъ для нихъ не меньшее, а часто и большее значеніе, чѣмъ ихъ собственные чувства, мысли и поступки. И вотъ это ее и увлекаетъ—жизнь стала не пустой и одинокой, явилась возможность жить одной, общей жизнью съ другимъ человѣкомъ, а не только рядомъ съ другимъ человѣкомъ вести свою жизнь. Но и тутъ ее скоро должно было постичь разочарованіе: Львовъ, съ которымъ она сошлась, хотѣлъ, конечно, вполнѣ соединить ея жизнь и свою, но такъ, чтобы общее было такимъ, какъ ему хотѣлось; онъ былъ всегда готовъ ввести Елену во все, что его волновало и интересовало, съ тѣмъ, чтобы и она увлекалась тѣмъ же, чѣмъ увлекался и онъ, но ему и въ голову не приходило, что можно было Еленѣ увлекаться и другимъ, и что, какъ онъ вводилъ ее въ свою жизнь, такъ и она должна была его вводить въ свою; онъ былъ полонъ любви и вниманія, пока чувства, желанія и мысли Елены были тѣ же, что и его, но какъ только въ ней заговорили ея собственныя чувства и мысли, онъ тотчасъ отходитъ, недовольный и скучающій. И Еленѣ опять пришлось убѣдиться, что она не нашла того, что искала: общей жизни съ другимъ человѣкомъ; однимъ непосредственнымъ чувствомъ, которое не раздумываетъ и находитъ удовлетвореніе въ самомъ себѣ, жить она не могла, и она уходитъ отъ Львова туда, куда-то на работу, на дѣло, которое, какъ часто думаютъ истерзанные жизнью люди, можетъ служить хотя бы нѣкоторой замѣною личной жизни.

Можно, конечно, сказать, что требованія Елены Борисовны Барминой отъ жизни очень велики и что она потерпѣла крушеніе оттого, что хотѣла невозможнаго. Но неужели невозможна настоящая жизнь вмѣстѣ двухъ людей, неужели невозможно вниманіе одного человѣка къ другому достаточно полное для того, чтобы одинъ человѣкъ думалъ о другомъ не менѣе, чѣмъ о самомъ себѣ? Г-жа Лѣткова на этотъ вопросъ въ другомъ разсказѣ отвѣчаетъ утвердительно.

Когда оставившая мужа, выгнанная имъ изъ дома, Софія Николаевна Ловцова («Лишняя») нашла себѣ домъ у Сергѣя Николаевича Софронова, то она нашла не только пріютъ, тепло, ласку, участіе,—она нашла любовь и вниманіе. Раньше въ жизни она и не помнила «ни одного разу, чтобы мужъ пожелалъ войти въ ея душу, узнать, о чемъ она думаетъ, чего ей не достаетъ, отчего она грустная. Тогда, въ сущности, и Софья Николаевна не сознавала этого и только позже поняла, какъ мужъ просмотрѣлъ ея душевную жизнь». Здѣсь все стало иначе. Когда она тосковала по дѣтямъ, Софроновъ понималъ это, хотя и страдалъ, оттого что не могъ всею своею любовью замѣнить ей дѣтей. Видя его страданія, она старалась скрывать свои, но не выдержала и заболѣла. Во время болѣзни она поняла, что Софронову все понятно и что скрываться отъ него нехорошо.

«Разъ, когда уже Софьѣ Николаевнѣ стало лучше, она, увидя, какъ измѣнился Софроновъ за время ея болѣзни, прошептала:

«— Сережа, прости!.. Не могла я...

«— Полно... за что прощать?

«— Измучила я тебя... Незачѣмъ мнѣ было врываться въ твою жизнь.

«— Оставь, Софьюшка... Себя измучила, правда... Вотъ поправишься, все устроимъ вмѣстѣ... Ему оставимъ Соню, а Лильку—намъ».

Она увидала, что онъ прочелъ въ ея душѣ всю правду, и скрывать больше не могла. Къ сожалѣнію, г-жа Лѣткова не остановилась дольше на положительной сторонѣ затронутаго ею большого вопроса о вниманіи во взаимныхъ отношеніяхъ людей; можетъ быть, впрочемъ, сама жизнь дала ей въ этомъ отношеніи слишкомъ ничтожный матеріалъ? На это какъ будто указываютъ и другіе ея разсказы.

Въ «Чудачкѣ», разсказѣ, немного растянутомъ и съ нѣсколько искусственнымъ концомъ, съ той же точки зрѣнія нарисованы отношенія матери къ дочери—тутъ тоже невниманіе къ жизни и взглядамъ другого человѣка, желаніе кроить жизнь какъ самому кажется лучше, не считаясь съ желаніями, мыслями, чувствами другого человѣка, хотя бы и близкаго.

Во всѣхъ разсказахъ ярко выступаетъ это основное наблюденіе автора, и въ маленькомъ очеркѣ «Лушка», съ совершенной простотой и естественностью, пересказанъ случай, самый съ виду обыденный, гдѣ небрежность, отсутствіе вниманія были толчкомъ, поведшимъ къ трагической развязкѣ.

Конечно, не одинъ вопросъ о вниманіи и невниманіи затронутъ г-жею Лѣтковой, но намъ онъ показался самымъ характернымъ для ея разсказовъ и наиболѣе полно освѣщеннымъ: такъ и чувствуется всюду, что сѣрая жизнь изображенныхъ здѣсь людей могла бы стать совсѣмъ другой, если бы у этихъ людей было другъ къ другу немного больше—вниманія. *Сергѣй Ольденбургъ.*

ПУБЛИЦИСТИКА.

С. Проппер «Казенная продажа питей и общественное мнѣніе».—*А. Уоллесъ.* «Чудесный вѣкъ».

«Казенная продажа питей и общественное мнѣніе». Изслѣдованіе С. М. Проппера. Спб., 1900 г. Изданіе редакціи «Биржевыхъ Вѣдомостей». Цѣна не обозначена. Изслѣдованіе г. Проппера представляетъ сводъ мнѣній 3.764 корреспондентовъ, отвѣчавшихъ на различные вопросы, связанные съ питейной реформой. Хотя предложенные корреспондентамъ вопросы были однородны и, такимъ образомъ, разслѣдованіе намѣченнаго вопроса совершалось повсюду по однородной программѣ, тѣмъ не менѣе произведенная г. Проппером enquête могла бы получить значеніе и представляла бы цѣнность лишь въ томъ случаѣ, если бы нельзя было усумниться въ «цѣнности» самихъ корреспондентовъ. Между тѣмъ, изъ приложенной къ книгѣ таблицы распредѣленія корреспондентовъ по профессіямъ видно слѣдующее: изъ 3.764 корреспондентовъ на первомъ мѣстѣ стоятъ чиновники, которыхъ было 438, затѣмъ идутъ купцы — 415, крестьяне — 314, безъ обозначенія профессій—299, учителя — 265, землевладѣльцы — 261, духовныя лица—260, врачи, фельдшера и аптекаря— 187, офицеры—119 и т. д. Здѣсь мы не можемъ не обратить вниманія на то, что таблица эта во многихъ пунктахъ представляется довольно туманной. Таблица, напр., говоритъ, что чиновниковъ среди корреспондентовъ было 438. Но мы не знаемъ, какіе это чиновники, даже не знаемъ ихъ отношенія къ табели о рангахъ. Далѣе, относительно 299 лицъ мы ровно ничего не знаемъ, такъ какъ профессія ихъ вовсе не обозначена. Въ рубрикѣ «врачи, фельдшера и аптекаря» показано общее число—187, но сколько среди нихъ было врачей, сколько фельдшеровъ и сколько аптекарей въ отдѣльности, мы объ этомъ ничего не знаемъ.

При такомъ положеніи дѣла, трудно судить о достоинствахъ собранныхъ г. Проппером свѣдѣній. Между тѣмъ вопросы, предложенные для разрѣшенія

гг. корреспондентамъ, очень интересны и важны. На слѣдующіе вопросы большинство корреспондентовъ дало утвердительные отвѣты: отдаетъ ли населеніе предпочтеніе новой системѣ, довольно ли населеніе казенной продажей, вліяетъ ли казенная продажа на уменьшеніе пьянства, уменьшилось ли дѣтское пьянство, есть ли переносъ пьянства на улицы, уменьшилось ли количество преступленій, улучшилась ли семейная жизнь вообще и т. д. На слѣдующіе вопросы большинство отвѣтило отрицательно: есть ли переносъ пьянства въ семьи и вліяютъ ли сидѣльцы на уменьшеніе пьянства. Такой утвердительный и отрицательный отвѣтъ ничего не рѣшаетъ по существу, и вопросъ о монополіи попрежнему остается открытымъ.

Не можемъ пройти молчаніемъ нѣкоторыя положенія, высказанныя авторомъ во введеніи къ его книгѣ. На стр. XXVIII авторъ говоритъ: «Реформа введена уже въ 35 губерніяхъ, каждый годъ почти расширяется ея районъ и вскорѣ во всей Россіи акцизная система отойдетъ въ область преданія». Напрасно авторъ думаетъ, что казенная продажа отмѣнила акцизную систему взиманія питейнаго налога. Казенная монополія сохраняетъ въ основѣ своей тотъ же акцизъ, установленіе размѣра котораго попрежнему всецѣло зависитъ отъ правительства, а все то новое, что даетъ реформа, сводится къ тому, что казна оставляетъ за собою исключительное право на выдѣлку и продажу спирта, водки и водочныхъ издѣлій.

Далѣе, на стр. XXVI введенія встрѣчается неточность. Казенную продажу вина, говоритъ авторъ, положено ввести съ 1-го января 1895 г. въ четырехъ восточныхъ губерніяхъ, въ видѣ опыта, въ силу Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта 8-го іюня 1893 г. Но изъ указаній, находящихся въ докладѣ министра финансовъ о росписи на 1895 г., видно что проектъ казенной продажи вина получилъ движеніе не въ обычномъ, установленномъ для такихъ проектовъ порядкѣ, а по непосредственному докладу министра финансовъ покойному Государю (см. «Вѣстникъ Европы», 1895 года февраль, стр. 854). **Э. М—исъ.**

Проф. А. Р. Уоллесъ. «Чудесный вѣкъ». Перев. Л. Лакіера. Съ приложеніемъ ст. проф. В. Зомбарта. Соціализмъ и соціальное движеніе въ девятнадцатомъ вѣкѣ. Перев. Х. Раппопорта. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1900. Ц. 1 р. 25 к. Знаменитый англійскій ученый на порогѣ новаго столѣтія поставилъ цѣлью дать оцѣнку тому вѣку, въ теченіе большей части котораго прошла его собственная, богатая наблюденіями и плодотворная жизнь, подвести итоги успѣхамъ, достигнутымъ человѣчествомъ за этотъ періодъ времени, какъ въ области научнаго познанія, такъ и въ области практическихъ изобрѣтеній и усовершенствованій. Выводъ, къ которому онъ приходитъ въ результатѣ своего труда, тотъ, что и въ томъ, и въ другомъ отношеніи девятнадцатый вѣкъ можетъ быть признанъ исключительнымъ, «чудеснымъ», удивительнымъ столѣтіемъ. «Наше столѣтіе нетолько выше любого изъ ему предшествующихъ, но его можно смѣло противупоставить даже всей предъидущей исторической эпохѣ». Успѣхи, достигнутые въ знаніи міровыхъ силъ, доставили человѣчеству такую власть надъ природой, что практическое примѣненіе этой власти отчасти уже измѣнило, отчасти обѣщаетъ глубоко измѣнить весь характеръ повседневной жизни. Такихъ изобрѣтеній и практическихъ приложеній науки, которыя, открывъ людямъ совершенно новые горизонты, развивались такъ быстро, что оказали глубокое вліяніе на наши обычаи, на наши мысли, даже на нашъ языкъ, авторъ насчитываетъ тринадцать: желѣзныя дороги, пароходство, электрическій телеграфъ, телефонъ, спички, газовое освѣщеніе, электрическое освѣщеніе, фотографія, фонографъ, рёнтгеновскіе лучи, употребленіе анестезирующихъ средствъ въ медицинѣ, употребленіе антисептическихъ средствъ при хирургическихъ операціяхъ, и спектральный анализъ, который, по нашему

мнѣнію, съ бо́льшимъ основаніемъ можетъ быть отнесенъ къ числу теоретическихъ открытій нашего времени, чѣмъ къ практическимъ приложеніямъ науки. Этимъ 13 или 12 первоклассньымъ изобрѣтеніямъ нашего вѣка въ прошломъ могутъ быть противупоставлены только пять такихъ же первоклассныхъ изобрѣтеній: телескопъ, печатный станокъ, морской компасъ, арабскія цифры и письменная азбука, или самое большее—семь, если прибавить къ этому перечню паровую машину и барометръ. Такимъ же образомъ авторъ перечисляетъ главнѣйшія научныя теоріи или принципы, расширившія наши познанія или представленія о вселенной и приходитъ къ выводу, что одинъ девятнадцатый вѣкъ далъ болѣе, чѣмъ всѣ предъидущіе. Авторъ не скрываетъ, что въ оцѣнкѣ роли и значенія того или другого открытія или научной теоріи онъ допускаетъ нѣкоторый произволъ, но полагаетъ, что даже при всѣхъ частичныхъ измѣненіяхъ разница въ сопоставляемыхъ имъ итогахъ такъ велика, что ихъ никакъ нельзя привести къ равенству.

Однако, никакія оговорки не могутъ устранить въ сужденіяхъ автора большой доли субъективизма. Органическій ростъ научнаго знанія и стоящей отъ него въ тѣсной зависимости изобрѣтательности не позволяетъ придавать такую исключительную заслугу въ ходѣ прогресса именно девятнадцатому столѣтію, и утвержденіе Уоллеса, что «наиболѣе важныя изъ существующихъ наукъ и искусствъ явились не просто дальнѣйшимъ развитіемъ и усовершенствованіемъ наукъ и искусствъ прежняго времени, но положительно народились впервые, благодаря накопившемуся знанію міровыхъ силъ и умѣнью господствовать надъ ними», требуетъ провѣрки. Что наше столѣтіе, въ особенности вторая половина его, ознаменовалась особенно ускореннымъ темпомъ въ дѣлѣ открытій и изобрѣтеній, это не подлежитъ сомнѣнію, но указанное явленіе есть результатъ процесса накопленія знаній, который нельзя включить въ узкіе предѣлы одного столѣтія. Автору удается, однако, оставить внушительное впечатлѣніе въ умѣ читателя той сводкой научныхъ и техническихъ успѣховъ девятнадцатаго вѣка, которую онъ даетъ въ рядѣ краткихъ описательныхъ очерковъ, и они-то и составляетъ главную цѣнность его книги.

Не ограничиваясь перечисленіемъ однихъ положительныхъ итоговъ конца вѣка, А. Уоллесъ раскрываетъ и оборотную сторону медали. Во второй части книги онъ останавливается на такихъ явленіяхъ въ сферѣ научнаго движенія и въ развитіи современнаго общества, которыя являются глубокимъ противорѣчіемъ указаннымъ раннѣе успѣхамъ. Здѣсь прежде всего мы встрѣчаемъ болѣе чѣмъ странное для такого точнаго и осторожнаго ученаго, какъ Уоллесъ, увлеченіе френологіей. Какъ это увлеченіе, такъ и самые пріемы защиты важности и значенія френологіи, какъ науки, употребляемые Уоллесомъ, отзываются чѣмъ-то старческимъ. Въ настоящее время, когда даже болѣе развитая теорія локализаціи функцій головного мозга не вполнѣ выдерживаетъ нападки опытной критики, возвращеніе къ грубымъ представленіямъ френологіи было бы очевиднымъ регрессомъ *).

Гораздо большую цѣну представляютъ указанія автора на такія отрицательныя стороны современнаго общества, какъ продолжающійся и даже возрастающій гнетъ милитаризма, какъ существованіе на-ряду съ неимовѣрнымъ возрастаніемъ богатствъ нищеты, физическаго и моральнаго упадка низшихъ слоевъ общества, возрастаніе числа умопомѣшательствъ, самоубійствъ и преступленій, этихъ показателей глубоко ненормальныхъ условій жизни. Эти страницы хотя и не заключаютъ въ себѣ чего-либо новаго, но дышутъ искренностью и энергіею мысли, не останавливающейся передъ внѣшними препятствіями. Авторъ

*) См. «М. Б.» 1899 г., сентябрь, октябрь, проф. Челпанова. «Ученіе о локализаціи умственныхъ способностей».

развиваетъ даже свой планъ борьбы съ бѣдностью, планъ, набросанный въ общихъ чертахъ и заключающійся въ организаціи труда для производства продуктовъ, потребляемыхъ самими рабочими. Въ заключеніи авторъ является тѣмъ же оптимистомъ, какимъ заявляетъ себя неоднократно въ теченіе изложенія. «Если это столѣтіе представило столь много примѣровъ нашей несостоятельности, оно же дало намъ и надежду на лучшее будущее. Истинная гуманность, твердое намѣреніе уничтожить вопіющее соціальное зло нашего времени, твердая увѣренность, что это зло можетъ быть уничтожено, и наконецъ—непоколебимая вѣра въ человѣческую природу, все это никогда не чувствовалось такъ сильно, такъ бодро и не возрастало такъ быстро, какъ въ настоящее время» (стр. 254). Авторъ указываетъ на то движеніе, которое за послѣднія десять лѣтъ захватываетъ молодое поколѣніе какъ въ высшемъ и наиболѣе развитомъ слоѣ средняго класса, такъ и въ рядахъ рабочихъ. «Народъ начинаетъ понимать дѣйствительныя причины соціальныхъ золъ, которыя теперь вредятъ всѣмъ классамъ одинаково, превращая многіе дары науки изъ благословеній въ проклятія».

Съ ходомъ и принципами этого быстраго воспитательнаго прогресса массъ знакомитъ насъ статья Вернера Зомбарта, приложенная къ книгѣ Уоллеса въ русскомъ изданіи. Ея изложеніе такъ сжато и такъ содержательно, что по отношенію къ ней мы ограничимся лишь тѣмъ, что предложимъ ее особому вниманію читателей. Можно не соглашаться съ нѣкоторыми положеніями или оцѣнками, даваемыми авторомъ, но слѣдуетъ признать, что, обѣщая оставаться въ теченіи изложенія «въ роли объясняющаго и разъясняющаго явленіе теоретика, который не стремится вліять на направленіе вашей воли, а заботится лишь объ увеличеніи вашего знанія и пониманія, который является къ вамъ не съ факеломъ агитаціи, а со свѣтильникомъ знанія въ рукахъ», авторъ строго выполняетъ свое обѣщаніе. Причисливъ себя къ буржуазнымъ критикамъ Маркса, проф. В. Зомбартъ даетъ примѣръ чисто научнаго отношенія къ тѣмъ тенденціямъ, которыхъ не раздѣляетъ. **М. П—въ.**

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

Б. Брандтъ. «Иностранные капиталы».—*А. Гинкманъ и А. Марксъ.* «Всеобщій атласъ».—*Э. Дюркгеймъ.* «Методъ соціологіи».

Б. Ф. Брандтъ. «Иностранные капиталы. Ихъ вліяніе на экономическое развитіе страны». Часть вторая. Иностранные капиталы въ Россіи. Металлургическая и каменноугольная промышленность. Спб. 1899. Цѣна 2 р. 50 к. Неоднократно на страницахъ различныхъ органовъ нашей періодической печати обсуждался вопросъ о томъ значеніи, какое можетъ имѣть у насъ приложеніе иностранныхъ капиталовъ, какъ для экономическаго, такъ и для общественнаго развитія. И рѣшался онъ, въ положительную или отрицательную сторону, не на основаніи строго-провѣренныхъ и достаточно-изобильныхъ фактическихъ данныхъ, а въ зависимости отъ общаго міросозерцанія и симпатій того или иного автора. Если и приводились кое-какія данныя, то они служили скорѣе иллюстраціей апріорно составленныхъ положеній, чѣмъ ихъ доказательствомъ. Заслуга г. Брандта и состоитъ въ томъ, что, въ своей работѣ, рѣшеніе этого важнаго для экономической политики вопроса онъ переноситъ изъ сферы болѣе или менѣе общихъ соображеній на строго-фактическую почву.

Еще въ 1898 г. авторъ выпустилъ въ свѣтъ I часть разбираемаго нами сочиненія, гдѣ онъ выясняетъ теоретическія основанія вопроса и приводитъ данныя объ опытахъ въ этомъ отношеніи иностранныхъ государствъ.

Свое изслѣдованіе авторъ начинаетъ краткимъ историческимъ очеркомъ желѣзнаго производства въ Россіи. Всѣ попытки правительства насадить у насъ эту важную для хозяйственнаго быта страны отрасль производства очень долгое время не приводили къ положительнымъ результатамъ: хотя Петръ Великій и велъ, при помощи иностранцевъ, заграничную торговлю русскимъ желѣзомъ, но о крупномъ значеніи и о расцвѣтѣ желѣзодѣлательной промышленности у насъ можно говорить лишь начиная съ 1880 г., когда, благодаря необычайнымъ усиліямъ и энергіи екатеринославскаго помѣщика, А. Н. Поля, возникло на югѣ «Французское общество криворогскихъ рудъ». Съ этого времени начинаетъ быстро расти производство чугуна, желѣза, стали. До восьмидесятыхъ годовъ производство чугуна въ Россіи прогрессировало очень медленно, между тѣмъ какъ за послѣднія 15 лѣтъ оно увеличилось болѣе, чѣмъ въ четыре раза, поднявшись съ 32,48 мил. пуд. въ 1886 г. до 133,13 м. п. въ 1898 г. Благодаря этому, Россія, по производству чугуна, занимаетъ въ настоящее время пятое мѣсто среди другихъ государствъ, приближаясь по своей производительности къ Франціи.

Этимъ гигантскимъ ростомъ своей чугуноплавильной промышленности Россія обязана, главнымъ образомъ, производительности юга и Царства Польскаго, т.-е. именно тѣхъ двухъ районовъ, въ которыхъ, главнымъ образомъ, и участвуютъ иностранные капиталы, и которые все болѣе и болѣе оттѣсняютъ на задній планъ Уралъ, когда-то безраздѣльно царившій въ этомъ отношеніи. То же самое имѣетъ мѣсто и въ прозводствѣ желѣза и стали. Но этотъ громадный ростъ производства чугуна, желѣза и стали далеко еще недостаточенъ, чтобы вполнѣ удовлетворить имѣющуюся въ нихъ потребность: это съ очевидностью доказывается какъ еще значительнымъ ввозомъ къ намъ этихъ продуктовъ изъ-за границы, такъ и сравнительно высокой цѣной на нихъ и ничтожнымъ процентомъ потребленія чугуна на одного жителя (1,31 пуда). Въ этомъ отношеніи Россія занимаетъ послѣднее мѣсто среди другихъ европейскихъ государствъ, уступая даже Испаніи.

Столь же крупное значеніе имѣлъ приливъ иностранныхъ капиталовъ и для развитія каменноугольной промышленности. И въ этомъ отношеніи сферой приложенія для нихъ явились югъ и Царство Польское. Добыча угля въ Россіи въ 1860 г. не превышала 20 мил. пуд., а въ 1896 г. она достигла уже крупной цифры въ 569 м. пуд., увеличившись, такимъ образомъ, за 36-лѣтній періодъ въ 28 разъ. Несмотря, однако, на этотъ громадный ростъ добычи угля, Россія до сихъ поръ занимаетъ послѣднее мѣсто среди другихъ государствъ какъ по абсолютной производительности минеральнаго топлива, такъ и по количеству потребленія послѣдняго на одного жителя.

Основаніе иностранцами крупныхъ предпріятій, часто въ совершенно пустынныхъ до того мѣстахъ, само собою разумѣется, не можетъ не отражаться на интересахъ различныхъ группъ населенія, такъ или иначе прикосновенныхъ къ нимъ. Авторъ очень подробно останавливается на выясненіи этого пункта, стараясь учесть приблизительно доходъ землевладѣльцевъ, желѣзныхъ дорогъ, рабочихъ, государства и самихъ предпринимателей. Подробно анализируя собранныя ими данныя, онъ приходитъ къ тому заключенію, «что, въ среднемъ, иностранныя предпріятія даютъ прибыль, меньшую той, какая обычна у насъ въ другихъ предпріятіяхъ». Совершенно невѣрно также ходячее мнѣніе, что затраченные въ Россіи иностранцами капиталы успѣваютъ вернуться на родину въ теченіе 3—4 лѣтъ.

Особенно подробно останавливается г. Брандтъ на выясненіи вліянія иностранныхъ капиталовъ на интересъ рабочаго класса: онъ приводитъ детальныя данныя о заработной платѣ, жилищахъ рабочихъ, о различныхъ учрежденіяхъ, создаваемыхъ предпринимателями для рабочихъ, какъ-то: церквахъ, школахъ, клубахъ, би-

бліотекахъ, столовыхъ, баняхъ, потребительныхъ обществахъ и т. п. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ иностранныя предпріятія стоятъ далеко впереди крупныхъ русскихъ предпріятій, не говоря уже о мелкихъ. «На югѣ и въ Царствѣ Польскомъ,—говоритъ авторъ,—рабочая плата довольно высока, и едва ли найдется въ Россіи еще какой-нибудь промышленный центръ, гдѣ бы существовали такія же высокія рабочія платы». Автору, въ данномъ случаѣ, можно сдѣлать упрекъ: почему онъ, констатируя, за извѣстный промежутокъ времени, ростъ заработной платы на различныхъ заводахъ, не выяснилъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и, несомнѣнно, происшедшаго за то же время вздорожанія жизни.

Въ то же время слѣдуетъ отмѣтить, что и въ техническомъ отношеніи иностранныя предпріятія стоятъ очень высоко, нисколько не уступая аналогичнымъ предпріятіямъ за-границей. Такимъ образомъ, и здѣсь вновь подтверждается установленная Шульце Геверницемъ зависимость экономическаго и соціальнаго прогресса отъ прогресса техническаго.

Въ заключительной главѣ своей книги авторъ показываетъ, какъ, подъ вліяніемъ и въ связи съ крупными иностранными предпріятіями, возникъ у насъ цѣлый рядъ новыхъ вспомогательныхъ и побочныхъ отраслей дѣятельности, возникли новыя поселенія, мѣстечки и даже города, и какъ благотворно было ихъ вліяніе на ростъ и благосостояніе многихъ уже существовавшихъ ранѣе городовъ.

Вообще, книга г. Брандта служитъ хорошимъ отвѣтомъ на рѣчи тѣхъ «истинно-русскихъ» публицистовъ, которые, въ своемъ чрезмѣрномъ рвеніи оградить Россію отъ «нашествія иностранцевъ», не стѣсняются смѣшивать воедино Wahrheit und Dichtung, создавая, такимъ образомъ, въ умахъ широкой публики крайне превратное представленіе о той роли, какую могутъ играть и въ дѣйствительности играютъ иностранныя предпріятія, въ дѣлѣ экономическаго и культурнаго преобразованія Россіи въ европейскую страну.

І. Давыдовъ.

Проф. А. Л. Гикманъ и А. Ф. Марксъ. «Всеобщій географическій карманный атласъ». Спб. Изданіе А. Ф. Маркса. 1900. Цѣна 2 р. Этотъ небольшой, красиво изданный томикъ содержитъ въ себѣ рядъ географическихъ картъ и статистическихъ діаграммъ, изображающихъ въ наглядной, а иногда и остроумной формѣ нѣкоторыя изъ наиболѣе важныхъ сторонъ общественной жизни различныхъ европейскихъ и нѣкоторыхъ внѣ-европейскихъ странъ.

Приведемъ нѣкоторыя изъ наиболѣе интересныхъ данныхъ. Вооруженный міръ обходится Европѣ не дешево: всѣ государства Европы затрачиваютъ въ общемъ итогѣ крупную сумму въ 61.855,9 мил. р., пальма первенства въ этомъ отношеніи принадлежитъ Россіи (361,1 м. р.); за ней слѣдуетъ Франція (340,3), Великобританія (328,7) и Германія (293,1). Если отнести эти затраты на душу населенія, то первое мѣсто займетъ Франція (8,9 рубл.); за ней слѣдуетъ Великобританія (8,3), Нидерланды (6), Германія (5,6), а Россія занимаетъ лишь девятое мѣсто (3,4). Само собою разумѣется, что приведенныя цифры далеко еще не выражаютъ истинной тяжести милитаризма для европейскихъ государствъ, такъ сказать, его удѣльнаго вѣса: для этого необходимо было бы опредѣлить платежную способность жителей различныхъ государствъ.

Съ милитаризмомъ тѣсно связаны государственные долги европейскихъ государствъ. Въ этомъ отношеніи первое мѣсто занимаетъ Франція (11.660 мил. р.), за ней слѣдуетъ Россія (6.133 мил. р.), Великобританія (6.037 мил. р.), Германія (5 843 мил. р.) и т. д. На душу населенія больше всего приходится въ Португаліи (311 р.); во Франціи—303, въ Россіи—58 р. Ежегодныхъ процентовъ Россія уплачиваетъ 272 мил. р., уступая въ этомъ отношеніи только Франціи.

Отъ отрицательныхъ сторонъ современной культуры перейдемъ къ положительнымъ. По числу учениковъ народныхъ школъ на 1.000 жителей первое мѣсто занимаетъ Великобританія (176), за ней слѣдуетъ Норвегія (174), Швеція (164), а Россія занимаетъ послѣднее мѣсто (26), уступая даже Сербіи. На 1.000 принятыхъ на службу новобранцевъ не умѣли читать и писать: въ Швеціи—1, Германіи—1,1, Даніи—4, Швейцаріи—22, Россіи—617. Ниже ея въ этомъ отношеніи стоитъ Сербія—793. Такъ же невыгодно положеніе Россіи и въ дѣлѣ средняго и университетскаго образованія: одно среднее учебное заведеніе приходится слишкомъ на 100 тыс. жит., одинъ университетъ—слишкомъ на $10^1/_2$ милліоновъ.

По количеству почтовыхъ отправленій на одного жителя первое мѣсто занимаетъ Швейцарія — 110, Россія же (4,8) занимаетъ четвертое отъ конца мѣсто, превосходя въ этомъ отношеніи только Бразилію, Британскую Индію и Турцію.

Мы ограничимся этими немногими извлеченіями изъ «Атласа». Жаль, что составители не помѣстили діаграммъ о потребленіи, напр., мяса въ различныхъ государствахъ, о распредѣленіи богатства.

На отдѣльныхъ картахъ помѣщены прекрасно выполненные разноцвѣтными красками флаги главнѣйшихъ государствъ на земномъ шарѣ, оттиски монетъ, гербовъ. Атласъ снабженъ краткимъ объясненіемъ содержанія помѣщенныхъ въ немъ картъ и діаграммъ.

Цѣна 2 р. не низкая, и издателю можно поставить въ упрекъ, что онъ снабдилъ «Атласъ» очень непрочнымъ переплетомъ. *I. Давыдовъ.*

Эмиль Дюркгеймъ. Методъ соціологіи. Переводъ съ французскаго. Южно-русское книгоиздательство Ф. А. Іогансона. Кіевъ-Харьковъ. 1899. Цѣна 60 коп. Много усилій затратилъ пытливый человѣческій умъ, чтобы положить основы науки объ обществѣ, науки, которая должна завершить собой и объединить въ одномъ непротиворѣчивомъ гармоническомъ цѣломъ всю совокупность такъ называемыхъ общественныхъ дисциплинъ, изучающихъ различныя стороны одной и той же цѣлостной общественной жизни человѣка. Но до сихъ поръ попытки эти далеко не увѣнчались желательнымъ успѣхомъ: мы не только не имѣемъ какихъ-либо соціологическихъ законовъ, выражающихъ собой необходимую послѣдовательность въ развитіи и сосуществованіи общественныхъ явленій, но до сихъ поръ даже нѣтъ строго установленнаго и общепризнаннаго опредѣленія понятія «общества», т. е. не выясненъ даже въ точности и самый объектъ науки. Не меньше разногласій вызываетъ и методъ изученія.

Мы не думаемъ, чтобы работѣ Дюркгейма суждено было внести ясность и опредѣленность въ это безбрежное и туманное море соціологіи, гдѣ лишь коегдѣ, съ большими усиліями, можно разсмотрѣть слабо мерцающіе огоньки одиноко разбросанныхъ маяковъ. Уже самая исходная точка автора далеко не удовлетворительна: трудно, да и невозможно обойтись въ настоящее время безъ того или иного теоретико-познавательнаго анализа основъ трактуемой области знанія: наощупь, эмпирическимъ путемъ, невозможно придти къ ясному, отчетливому и непротиворѣчивому представленію о задачахъ и характерѣ науки. Это отсутствіе гносеологическаго анализа особенно даетъ себя чувствовать у Дюркгейма въ неясной разграниченности областей соціологіи и психологіи. *Соціальнымъ фактомъ* авторъ считаетъ «всякій образъ дѣйствія, рѣзко опредѣленный или нѣтъ, но способный оказывать на индивида внѣшнее принужденіе»; или иначе: «распространенный на всемъ протяженіи даннаго общества, но имѣющій въ то же время свое собственное существованіе, независимое отъ его индивидуальныхъ опредѣленій».

Отъ этихъ строкъ невольно получаешь впечатлѣніе, словно соціальное явленіе существуетъ какъ-то само собой, независимо отъ живой психологіи че-

ловѣка: тогда какъ въ дѣйствительности единственнымъ носителемъ «соціальнаго» можетъ являться и является лишь эта игнорируемая Дюркгеймомъ индивидуальная психологія человѣка.

Въ дальнѣйшихъ главахъ своей книги Дюркгеймъ преподаетъ рядъ практическихъ правилъ, какими долженъ руководствоваться соціологъ, анализируя общественныя явленія. Онъ вполнѣ правильно указываетъ на то, что «соціальные факты нужно разсматривать, какъ предметъ (des choses)», т. е., какъ нѣчто объективно данное; что необходимо избѣгать всякихъ напередъ составленныхъ представленій о характерѣ и сущности изучаемыхъ явленій.

Такой же характеръ носять и его сужденія о правилахъ, которыми необходимо руководствоваться при составленіи соціальныхъ типовъ, о правилахъ относительно доказательствъ и объясненія соціальныхъ явленій.

Въ третьей главѣ, трактующей о «правилахъ, относящихся къ различенію нормальнаго и патологическаго», авторъ высказываетъ нѣсколько рискованное положеніе, что преступленіе не только есть явленіе нормальной соціологіи,—что едва ли можетъ подлежать сомнѣнію,—но что оно въ то же время «*есть факторъ общественнаго здоровья*», составная часть всякаго здороваго общества» (курсивъ нашъ).

Хотя характеръ и содержаніе *преступнаго* и измѣняется, въ зависимости отъ условій мѣста и времени, но едва ли можно считать «факторомъ общественнаго здоровья» *всякій* видъ преступленія. Очень жаль, что авторъ не проанализировалъ, вмѣсто наказуемаго, а слѣдовательно, и преступнаго, при извѣстныхъ общественныхъ условіяхъ, свободомыслія, напримѣръ, кражи. Быть можетъ, тогда онъ пришелъ бы къ нѣсколько инымъ выводамъ.

Что касается перевода книги, то, какъ вообще переводы въ изданіи г. Іогансона, онъ не отличается положительными качествами. Мѣстами трудно бываетъ даже понять мысль автора. *І. Давыдовъ.*

ФИЛОСОФІЯ.

Эрнестъ Геккель. «Міровыя загадки».

E. Gaeckel «Die Welträthsel». (I) «Міровыя загадки» 1899 г. «Возростающее стремленіе къ познанію истины характеризуетъ наше столѣтіе,—говоритъ авторъ въ предисловіи.—Оно объясняется большими успѣхами которые сдѣлало познаніе природы, и противорѣчіями между данными точной науки и многими старыми представленіями, перешедшими къ намъ по традиціи». Но прогрессу точной науки далеко не соотвѣтствуетъ содержаніе и характеръ нашего міросозерцанія, такъ какъ до самаго послѣдняго времени точная наука и чистая философія почти совершенно игнорировали другъ друга. Банкротство такъ называемой «натурфилософіи» начала нашего столѣтія, построенной на чисто спекулятивномъ методѣ, надолго отбило у философовъ и естествоиспытателей охоту къ соединенной работѣ для рѣшенія великихъ «міровыхъ загадокъ».

Но въ послѣднее время наступилъ поворотъ къ лучшему и на нашихъ глазахъ выдающимися представителями обоихъ до сихъ поръ враждебныхъ лагерей дѣлаются попытки соединенія эмпирическаго и спекулятивнаго методовъ для выработки цѣльной, стройной картины міра, для разрѣшенія послѣднихъ, основныхъ вопросовъ бытія. Къ числу такихъ попытокъ принадлежитъ и названная книга Геккеля. Имя Геккеля, какъ апостола дарвинизма и монистической философіи, какъ выдающагося зоолога и блестящаго популяризатора естествознанія, извѣстно и у насъ въ Россіи. Въ этой книгѣ авторъ, 66-ти-лѣтній старикъ, подводитъ

какъ бы итоги свой полувѣковой неустанной работы, итоги честныхъ порывовъ къ познанію міра, къ познанію самого себя. И появленіе этой книги не случайно совпадаетъ съ наступленіемъ новаго столѣтія; будучи и оставаясь сыномъ XIX вѣка, однимъ изъ лучшихъ носителей его научно-философскихъ идеаловъ, авторъ хочетъ дать наступающему новому вѣку отчетъ за всю свою жизнь, хочетъ дать въ этой книгѣ свое литературное завѣщаніе. Онъ пытается отвѣтить на вопросы: какой ступени въ познаніи истины достигли мы въ концѣ XIX столѣтія? И насколько приблизила насъ напряженная работа нашего столѣтія къ этой отдаленной цѣли—къ рѣшенію «міровыхъ загадокъ»?

Бросивъ взглядъ на культурную жизнь нашего вѣка, какъ среду, въ которой совершается развитіе научной мысли, Геккель приходитъ прежде всего къ неутѣшительному заключенію: познаніе единства всей природы, эволюціонная точка зрѣнія еще слишкомъ мало распространена даже среди образованной публики, среди представителей тѣхъ свободныхъ профессій, которыя задаютъ тонъ нашей общественной жизни—юристовъ, теологовъ, педагоговъ и т. д. А между тѣмъ правильное представленіе о единствѣ природы и мѣстѣ человѣка въ ней, полная эмансипація отъ «маніи величія» антропоцентрическаго взгляда, является необходимымъ условіемъ для правильнаго опредѣленія самихъ «міровыхъ загадокъ». Въ одной изъ своихъ знаменитыхъ академическихъ рѣчей Дюбуа Реймонъ помѣчаетъ семь такихъ міровыхъ загадокъ, въ нижеслѣдующемъ порядкѣ: I. Сущность матеріи и силы; II. Возникновеніе движенія; III. Возникновеніе жизни; IV. Цѣлесообразность въ природѣ; V. Возникновеніе ощущеній и сознанія; VI. Разумное мышленіе и возникновеніе языка, и VII. Вопросъ о свободѣ воли.

Нашъ авторъ коренпымъ образомъ расходится съ Дюбуа Реймономъ въ формулировкѣ «міровыхъ загадокъ», для него какъ мы увидимъ ниже, существуетъ лишь одна загадка—это универсальный всеобъемлющій «законъ вещества» (Substanz Gesetz).

Итакъ, прежде всего необходимо избавиться отъ «антропистическихъ» предразсудковъ, необходимо уяснить себѣ мѣсто человѣка въ природѣ. Этому посвящена первая часть книги, носящая заголовокъ: «Der Mensch». Здѣсь въ четырехъ главахъ производится бѣглый обзоръ данныхъ сравнительной анатоміи и физіологіи, эмбріологіи и палеонтологіи, добытыхъ изслѣдованіемъ за послѣднія нѣсколько десятилѣтій и отводящихъ человѣческому роду—Homo sapiens—скромное мѣсто въ системѣ животнаго міра. Но какое же положеніе отводится въ этой системѣ человѣческой душѣ, человѣческому разуму, являющемуся, по мнѣнію многихъ исключительнымъ достояніемъ и отличительной чертой человѣка? На этотъ вопросъ авторъ отвѣчаетъ во второй части — «Die Seele». Указавъ на положеніе психологіи въ ряду другихъ наукъ, авторъ посвящаетъ цѣлый рядъ главъ выясненію своего взгляда на сущность и ходъ развитія психической жизни въ органическомъ мірѣ. Душевная жизнь, какъ одна изъ формъ проявленія жизни вообще состоитъ изъ ряда измѣненій, протекающихъ въ матеріальномъ субстратѣ жизни—въ протоплазмѣ. Сущность психическихъ процессовъ во всемъ органическомъ мірѣ одна и та же, разница—только количественная—въ степени сложности этихъ процессовъ, зависитъ отъ различной степени дифферцировки ихъ носителей. На низшей ступени жизни, въ мірѣ простѣйшихъ, носителемъ душевной жизни является вся протоплазма—по Геккелю—психоплазма. Поднимаясь выше по лѣстницѣ живыхъ существъ, мы находимъ, что одна изъ разновидностей протоплазмы — «нейроплазма» становится преобладающимъ и подъ конецъ исключительнымъ субстратомъ душевной жизни. Итакъ уже протоплазматическіе простѣйшіе обладаютъ психикой—психика не возникаетъ, а только развивается. Но на этомъ нельзя остановиться: «живое» вещество возникло изъ «мертваго»—не тутъ ли началась

психическая жизнь? На это Геккель отвѣчаетъ: нѣтъ; психика свойственна уже атомамъ первичной матеріи—она составляетъ основу всѣхъ космическихъ процессовъ. Безконечное міровое пространство наполнено первичной матеріей, состоящей изъ атомовъ; атомы эти обладаютъ «ощущеніемъ и волей», въ простѣйшемъ видѣ, конечно. Взаимное сближеніе этихъ атомовъ связано для нихъ съ «чувствомъ пріятнаго»—«Lustgefühl»—вотъ почему въ первобытной матеріи возникаютъ центры сгущенія, являющіеся зародышами будущихъ міровыхъ тѣлъ. Премежутки между этими скопленіями матеріи заняты эфиромъ, являющимся продуктомъ разрѣженія первичной матеріи и представителемъ четвертаго состоянія матеріи—«эфирнаго» состоянія. Взаимодѣйствіе этихъ двухъ дериватовъ первичной матеріи—массы (вѣсомой) и эфира (невѣсомаго) представляетъ собою основу всѣхъ процессовъ космоса. Благодаря такому опредѣленію психики, цѣлый рядъ «міровыхъ загадокъ», передъ которыми Дюбуа-Реймонъ склонился со своимъ покорнымъ «Ignorabimus», для Геккеля давно рѣшенъ. Остается лишь одна загадка, это—сущность матеріи и энергіи; то, что Геккель называетъ единымъ всеобъемлющимъ, всемогущимъ «закономъ вещества», есть только точная формулировка этой «загадки»—не больше.

Не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы передать въ короткой рецензіи содержаніе книги, трактующей столь разнообразные предметы. Мы хотѣли только указать основную концепцію и точку зрѣнія автора. Невозможно также, говоря о такомъ общемъ сочиненіи, указывать на мелкіе пробѣлы и погрѣшности. Здѣсь можно говорить только объ общемъ впечатлѣніи. Общее же впечатлѣніе, вынесенное изъ основательнаго ознакомленія съ этой книгой, надѣлавшей большого шума и пережившей въ полгода 5 изданій, слѣдующее: поскольку авторъ даетъ смѣло набросанную общую картину результатовъ космологическихъ и антропологическихъ наукъ и нѣкоторыхъ непосредственныхъ выводовъ изъ накопившагося матеріала точныхъ наукъ,—цѣль автора достигнута вполнѣ. Но построеніе на этихъ данныхъ цѣлой философской системы не удалось автору: изъ за его «реалистическаго монизма» повсюду между строками проглядываетъ плохо загримированный матеріализмъ; кое гдѣ авторъ самъ сознается въ этомъ; такъ, напримѣръ, во взглядѣ своемъ на сущность психической жизни онъ чистый матеріалистъ. но оправдываетъ это необходимостью противодѣйствія идеалистической школѣ. Мѣстами давно забытыя тѣни Фохта и Бюхнера возстаютъ предъ читателемъ. Монизмъ Геккеля въ основѣ своей догматиченъ—онъ не проводитъ границы между чистымъ опытомъ и метафизикой и кладетъ въ основу свего построенія недоказанную гипотезу—матеріализмъ. Да, правду говоритъ Геккель въ своемъ послѣсловіи: послѣдовательное мышленіе есть рѣдкое явленіе природы! При этомъ авторъ «украдкою киваетъ на Петра»—на критическую философію.

Для будущаго историка эта книга представитъ большой интересъ: читая ее, онъ убѣдится въ томъ, что научный матеріализмъ, пользовавшійся въ серединѣ нашего вѣка такимъ престижемъ, къ концу вѣка настолько пошатнулся что даже предъ самой широкой публикой его приходится наряжать въ новую терминологическую одежду, чтобы имѣть успѣхъ. Законъ приспособленія сказывается и здѣсь, и глубокомысленный историкъ скажетъ: «sic transit gloriam mundi»!

С. Ч—хъ.

АНТРОПОЛОГІЯ.

Л. Кржевицкій. «Физическая антропологія».

Л. Кржевицкій. «Физическая антропологія. Съ 70-ю рисунками въ текстѣ. Переводъ съ польскаго (при содѣйствіи автора) С. Д. Романько-Романовскаго. Изд. О. Н. Поповой. («Образовательная библіотека». Серія третья. № 6). Спб. 1900 г. (16° VI+168 стр.). Цѣна 80 к. Г. Кржевицкій уже извѣстенъ русской читающей публикѣ, какъ авторъ «Антропологіи», появившейся въ русскомъ переводѣ въ 1896 году и представляющей одинъ изъ томовъ Павленковской «Популярно-научной библіотеки». Появившаяся теперь «Физическая антропологія», какъ показываетъ уже самое заглавіе, не преслѣдуетъ тѣхъ широкихъ цѣлей, которыя ставилъ себѣ авторъ въ «Антропологіи», и это обстоятельство, на нашъ взглядъ, благопріятно отразилось на его новой книжкѣ. Поставивъ себѣ болѣе скромную задачу, авторъ смогъ гораздо обстоятельнѣе выяснить вопросы физической антропологіи. Конечно, при небольшомъ объемѣ книжки онъ не имѣлъ возможности познакомить читателя со всѣми подробностями сравнительно новой науки (да этой задачи онъ и не преслѣдовалъ), но онъ наглядно показалъ, какъ ставятся и разрѣшаются вопросы физической антропологіи и въ какомъ положеніи находится эта наука въ настоящее время. Въ предисловіи (I—VI) авторъ выясняетъ значеніе термина «антропологія», даетъ краткія характеристики различныхъ частей этой науки и краткій историческій очеркъ ея развитія. Первая глава книжки занимается методами антропологіи; вторая глава—современнымъ положеніемъ антропологіи; третья глава даетъ обзоръ расовыхъ типовъ, существующихъ въ настоящее время; четвертая трактуетъ о расовыхъ типахъ въ прошломъ; пятая—о классификаціи расъ и, наконецъ, шестая говоритъ о будущемъ расъ. Рисунки, карты и діаграммы иллюстрируютъ текстъ, а довольно многочисленныя указанія литературы даютъ возможность желающимъ подробнѣе познакомиться съ тѣмъ или другимъ вопросомъ. Таковъ общій планъ этой книжки, выполненіе котораго можно признать въ общемъ довольно успѣшнымъ, но нельзя не пожалѣть, что книжка въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ носитъ слѣды спѣшной, небрежной обработки.

Отмѣтимъ замѣченные нами недостатки въ этой сторонѣ дѣла. Во-первыхъ, стараясь быть краткимъ, авторъ часто неясно формулируетъ свою мысль; такъ, указывая способы измѣренія прогнатизма, авторъ говоритъ (стр. 27 сл.): «Плоскость зубномыщелковая (?) служитъ основаніемъ, затѣмъ проводятъ линію, смотря по системѣ, къ различнымъ точкамъ, лежащимъ посрединѣ лица, напр., носовой, подглазной и т. д., и отмѣчаютъ градусы угла между этой линіей и названной плоскостью» (см. рис. 9 и 10). Какъ извѣстно, изъ одной точки къ плоскости можно провести сколько угодно линій подъ весьма различными углами, слѣдовательно описаніе автора неясно. Могъ бы помочь этому дѣлу рисунокъ, но, къ сожалѣнію, и на немъ никакихъ линій не проведено, такъ что читателю предоставляется догадываться самому. На стр. 113 мы читаемъ: «Пространство между Варшавою и Вислою (?) изрѣзано полосами, идущими съ сѣвера. Онѣ являются результатомъ вторженія бѣлокурыхъ германскихъ элементовъ, вслѣдствіе чего на прилагаемой антропологической картѣ эти полосы свѣтлѣе остального пространства, болѣе темнаго, населеннаго поляками». На указанной картѣ мы, при всемъ стараніи, не нашли никакихъ полосъ въ «пространствѣ между Варшавою и Вислою». Далѣе читаемъ: «Вообще, гдѣ живутъ въ большомъ числѣ славяне и бокъ-о-бокъ съ ними нѣмцы, мы это можемъ сейчасъ же констатировать на антропологическихъ картахъ. Съ помощью послѣднихъ мы въ состояніи прослѣдить ростъ славянскихъ элементовъ въ Австріи. (Вирховъ)». Я не думаю,

чтобы Вирховъ вѣрилъ въ такое таинственное значеніе антропологическихъ картъ. Во всякомъ случаѣ, слѣдовало бы указать, какія это должны быть карты, а то читателю опять приходится догадываться самому.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ неясность обусловлена отсутствіемъ объясненій къ рисункамъ и картамъ. Такъ, на стр. 95 говорится о распредѣленіи коротко-головыхъ и длинноголовыхъ въ центральной Европѣ и указывается на то, что оно «совпадаетъ (?) съ великими переселеніями германцевъ, происходившими въ IV—VIII столѣтіяхъ, и съ разселеніемъ древнихъ кельтовъ. Иллюстраціей этому могутъ послужить приведенныя карты». Эти двѣ карты даютъ свѣдѣнія о разселеніяхъ германцевъ и кельтовъ, но ничего не говорятъ объ антропологическихъ типахъ. На стр. 162 читаемъ: «Изъ новѣйшихъ классификацій расъ заслуживаетъ особеннаго вниманія классификація I. Деникера. Фиг. 70 представляетъ его схему взаимнаго родства расъ». Эта фигура представляетъ глазамъ читателя различной, неправильной формы большіе и малые кружки, овалы и другія фигуры съ римскими цифрами внутри. Внизу объясненіе, какую расу обозначаетъ каждая изъ 13-ти римскихъ цифръ. Почему эта классификація заслуживаетъ особеннаго вниманія и какъ этотъ рисунокъ выражаетъ родство расъ, читателю такъ и остается неяснымъ.

На стр. 19 (табл. 5) и стр. 100 (фиг. 48) мы замѣтили несоотвѣтствіе между текстомъ и діаграммами. На 92 стр. въ объясненіи знаковъ на картѣ цѣлыхъ три опечатки въ цифрахъ, которыя, однако, возможно исправить по догадкѣ. Нерѣдко авторъ приводитъ въ ковычкахъ слова, очевидно чужія, но не указываетъ, кому они принадлежатъ (стр. 76, 77, 97).

Кромѣ того, мы отмѣтили слѣдующія неточности. На стр. 96 и 97 поляки причисляются къ восточнымъ славянамъ. При всей относительности дѣленія славянъ на группы по странамъ свѣта, мнѣ кажется, невозможно отнести поляковъ къ восточнымъ славянамъ. Кто же тогда западные славяне?

На стр. 151, говоря о значеніи различныхъ способовъ погребенія у различныхъ народовъ для антропологіи, авторъ замѣчаетъ: «...не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы у одного и того же «народа», т. е. племени, имѣющаго своеобразную политическую организацію, существовали въ одно и то же время различные погребальные обряды». На стр. 152 читаемъ: «Львовскій районъ представляетъ смѣшанный характеръ: слѣды обряда трупосожженія существуютъ здѣсь на-ряду съ могилами, въ которыхъ покоится весь скелетъ». Наконецъ на стр. 154: «...если окажется, что обрядъ трупосожженія существовалъ на ряду съ обрядомъ погребенія умершихъ (какъ это въ дѣйствительности происходило во многихъ мѣстностяхъ)...» Какъ же, спрашивается, соединить всѣ эти заявленія автора? Если трупосожженіе «во многихъ мѣстностяхъ» существовало на-ряду съ погребеніемъ, то на какомъ основаніи можно утверждать, что одновременное существованіе различныхъ погребальныхъ обрядовъ у одного народа невозможно? Или авторъ полагаетъ, что существующія рядомъ могилы различныхъ формъ погребенія должны принадлежать непремѣнно различнымъ народамъ? Намъ кажется это невозможнымъ въ виду того, что международныя границы въ первобытныя времена очерчиваются рѣзче, чѣмъ въ историческія, и допустить совмѣстную жизнь двухъ народовъ для этихъ временъ врядъ ли возможно. Во всякомъ случаѣ, мы знаемъ, напр., что у индусовъ въ древнѣйшія времена уже существовало и трупосожженіе, и погребеніе, при чемъ мы не имѣемъ никакихъ данныхъ для того, чтобы утверждать, что эти виды погребенія были въ употребленіи у различныхъ народовъ, даже въ смыслѣ «племенъ, имѣющихъ своеобразную политическую организацію». Во всякомъ случаѣ и здѣсь мысль автора выражена не вполнѣ ясно.

Всѣ эти недочеты, какъ мы уже сказали, представляютъ на нашъ взглядъ результатъ какой-то поспѣшной небрежности и наводятъ иногда даже на мысль,

что книжка возникла какъ будто изъ разбросанныхъ замѣтокъ, то болѣе полныхъ, то представляющихъ намеки, вполнѣ ясные только для самого автора. Тѣмъ болѣе досадно это обстоятельство, что немного нужно было бы труда, чтобы устранить эти недочеты и сдѣлать книжку очень хорошей. И въ теперешнемъ своемъ видѣ, она можетъ быть очень полезной для первоначальнаго знакомства съ антропологіей. Она требуетъ отъ читателя нѣкотораго вниманія, а при этомъ условіи онъ, конечно, самъ сможетъ разгадать нѣкоторые намеки автора, подробно не развитые. Впрочемъ, за многое въ этихъ недомолвкахъ, быть можетъ, авторъ и не долженъ, и не можетъ быть отвѣтственнымъ...

Д. Кудрявскій.

ГЕОГРАФІЯ И ПУТЕШЕСТВІЯ.

Л. Василевскій. «Современная Галиція».—*А. Булатовичъ.* «Съ войсками Менелика».—*К. Богдановичъ.* «Геологическое описаніе южной оконечности Ляо-Дунскаго полуострова».

Л. Василевскій «Современная Галиція». Изд. С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. Ц. 80 к. Спб. 1900 г. Съ содержательными и живыми очерками г. Василевскаго читатели нашего журнала уже знакомы. Такъ, у насъ въ разное время были напечатаны его очерки «Изъ жизни мелкихъ культурныхъ народовъ», о чешской матицѣ, о народномъ образованіи въ Чехіи и Галиціи, а также одинъ изъ самыхъ интересныхъ очерковъ, вошедшихъ въ его книгу «Современная Галиція»,—«Земледѣльческіе кружки». Помимо талантливой литературной формы, дѣлающей очерки г. Василевскаго доступными для самой широкой публики, авторъ обладаетъ рѣдкой наблюдательностью и умѣньемъ освѣтить каждое явленіе въ жизни чуждаго намъ народа съ надлежащей точки зрѣнія, наиболѣе важной для русскаго читателя. Въ «Современной Галиціи» эта точка зрѣнія проведена очень ярко, освѣщая огромное значеніе, какое въ развитіи любого народа получаетъ свободная иниціатива, не стѣсняемая попечительностью хотя бы самой благожелательной бюрократіи. Исторія Галиціи въ этомъ отношеніи представляетъ примѣръ особо доказательный и наглядный. Съ начала текущаго столѣтія и до второй половины 60-хъ годовъ Галиція была всецѣло во власти нѣмецкой, и притомъ самой худшей — австрійской бюрократіи, которая подавляла не только всякую попытку со стороны кореннаго населенія къ политической жизни, но и къ жизни вообще. «Все, что только имѣло національно-польскій характеръ, подвергалось гоненію. Польскій языкъ былъ устраненъ изъ школъ, судопроизводства и администраціи. Австрійское правительство ничего не дѣлало, чтобы содѣйствовать развитію Галиціи въ хозяйственномъ или культурномъ отношеніи. Совершенно напротивъ, оно прямо тормазило ея развитіе и искусственнымъ образомъ убивало въ зародышѣ всѣ благія начинанія ея жителей». Страна была доведена до глубочайшаго упадка, какъ экономическаго, такъ и духовнаго. Невѣжество народа было сплошное, поголовное. Высшее и среднее образованіе подавлено, прессы не существовало, экономической свободы — никакой. Малѣйшее предпріятіе требовало стольких разрѣшеній и эти разрѣшенія были такъ обставлены, что не являлось возможности ничего дѣлать. Страна превратилась въ сплошной разсадникъ нищеты и невѣжества. Такъ было до 1866 года, когда австрійская бюрократія, послѣ цѣлаго ряда пораженій, дипломатическихъ и военныхъ, завершившихся разгромомъ при Садовой, была вынуждена признать свою полную несостоятельность управлять огромной разноплеменной имперіей путемъ предписаній и отношеній. Благодаря энергіи венгровъ, подавленной, но не сломленной русскими штыками,

у австрійскаго чиновничества была вырвана свобода самоуправленія и для несчастной Галиціи. Результаты свободы сказались сразу, и злополучная Галиція воспрянула отъ вѣкового гнета съ необычайной силой и рѣдкой энергіей. Онѣмеченіе, къ которому такъ усиленно стремились нѣмцы въ теченіе почти ста лѣтъ, было сметено и уничтожено въ нѣсколько лѣтъ. Страна покрылась сѣтью школъ, безчисленнымъ количествомъ разнообразнѣйшихъ обществъ самодѣятельности и самопомощи, поднявшихъ культуру страны на общеевропейскій уровень. Въ общеимперскомъ сеймѣ поляки заняли выдающееся мѣсто, и очень часто во главѣ общеимперской политики стоятъ представители того самаго племени, одна принадлежность къ которому была лѣтъ тридцать назадъ уже преступленіемъ въ глазахъ слѣпой реакціонной бюрократіи.

Интереснѣйшія страницы книги г. Василевскаго посвящены дѣятельности многочисленныхъ обществъ и кружковъ самодѣятельности. Въ нихъ интеллигенція и представители сѣрой народной массы дружно работаютъ надъ общимъ просвѣщеніемъ и экономическимъ подъемомъ страны. Работы этой, высококультурной въ истинномъ значеніи, масса, такъ какъ страшная разрушительная дѣятельность бюрократіи оставила послѣ себя такія силы, надъ уничтоженіемъ которыхъ придется поработать еще цѣлымъ поколѣніямъ. Довольно указать хотя бы на польско-русинскія отношенія, надъ обостреніемъ которыхъ бюрократія поработала не мало, стараясь возстановить обѣ народности другъ противъ друга елико возможно. Теперь уже обѣ народности открыли глаза и поняли, что ихъ соединяетъ не только ненависть къ нѣмецкой бюрократіи, но и масса общихъ интересовъ, и плоды этого пониманія съ каждымъ днемъ ощутительнѣе. Конецъ популярности разныхъ ложныхъ благодѣтелей народа, въ родѣ пресловутыхъ отцовъ Наумовичей, лучше всего доказываетъ, что русины и поляки стоятъ на вѣрномъ пути къ взаимному сближенію и пониманію. Борьба, какая ведется лучшими представителями обѣихъ народностей противъ клерикаловъ, говоритъ о томъ же, и равноправность, какою пользуются и русины, и поляки теперь, поможетъ довершить освобожденіе массы народа отъ гибельныхъ послѣдствій клерикально-бюрократическаго режима, сто лѣтъ угнетавшаго Галицію.

А. К. Булатовичъ. «Съ войсками Менелика. Дневникъ похода изъ Эѳіопіи къ озеру Рудольфа». Спб. 1900 г. Ц. 3 р. Вотъ книга, которая не мало порадовала бы бѣднаго «вольнаго казака» Ашинова, если бы этотъ злополучный представитель «вольнаго казачества» могъ ее прочитать. Къ сожалѣнію для автора ея, г. Булатовича, его собратъ по оружію и предшественникъ въ странствіяхъ по Эѳіопіи обрѣтается нынѣ въ домѣ для сумасшедшихъ и не въ силахъ оцѣнить плодовъ своей дальновидной предпріимчивости. Вмѣсто Ашинова, честь оцѣнить подвиги поручика г. Булатовича, его «политическую» программу и ученость, выпала на нашу долю. Заранѣе оговариваемся, что въ нашихъ ничтожныхъ замѣчаніяхъ нами руководитъ одно лишь почтительное уваженіе къ автору, удостоившему насъ своимъ вниманіемъ, и, быть можетъ, безсознательное стремленіе погрѣться въ лучахъ великой славы, добытой г. Булатовичемъ при поголовномъ истребленіи разныхъ негритянскихъ селеній совмѣстно съ «арміей» негуса-негусти Менелика II, который да здравствуетъ вѣчно.

Авторъ, пылая воинственнымъ жаромъ, присоединился къ одной изъ армій этого достославнаго владыки, которыя отъ времени до времени высылаются имъ «на кормленіе» въ смежныя области. Такъ, по крайней мѣрѣ, самъ г. Булатовичъ характеризуетъ цѣль такихъ походовъ воинственныхъ эѳіоповъ, этихъ, по словамъ Гомера, любимыхъ дѣтей солнца. «Въ своихъ военныхъ дѣйствіяхъ,— говоритъ г. Булатовичъ, —вожди эти придерживались одинаковой тактики: каждый изъ нихъ, придя въ новую землю, выбиралъ наиболѣе удобный стратегическій пунктъ и строилъ крѣпость или, вѣрнѣе, лагерь, а затѣмъ начиналъ

производить набѣги на окружающія области... Покорявшимся оставляли ихъ самоуправленіе и царька... области же распредѣляли на *«кормленіе»* (курсивъ и ковычки г. Булатовича) между частями войскъ, причемъ желающимъ изъ солдатъ отводили земельные участки и давали изъ покоренныхъ жителей по нѣскольку крѣпостныхъ. Ради популярности у войска, военачальники, въ свободное отъ военныхъ дѣйствій время, устраивали при своемъ дворѣ нескончаемыя пиршества, отбитые у непріятеля быки закалывались ежедневно десятками, медъ лился рѣкой,—слава вождей росла съ каждымъ днемъ, а съ нею вмѣстѣ увеличивалась и численность ихъ войскъ... средства же завоеваннаго края, разумѣется, истощались» (стр. 54—55). Такую упрощенную политику г. Булатовичъ не только одобряетъ, но и противопоставляетъ ее «растлѣвающей» политикѣ англичанъ и другихъ цивилизованныхъ народовъ. Мало того, во введеніи онъ приглашаетъ и насъ, русскихъ, сочувствовать работѣ Менелика по истребленію окружающихъ Абиссинію народностей, «не только вслѣдствіе политическихъ соображеній, но и изъ чисто человѣческихъ побужденій» («Введеніе»). Политическихъ соображеній поручика г. Булатовича мы не осмѣливаемся касаться,—они намъ, что называется, не по чину. Да и онъ самъ не считаетъ нужнымъ раскрыть читателю свою поручичью политику. Вѣримъ ему на слово, что она высока и плодотворна. Но относительно человѣческихъ побужденій мы не согласны съ г. Булатовичемъ. По крайней мѣрѣ, далеко не «человѣческое» впечатлѣніе выносишь изъ описаній того «цивилизаторскаго» похода, въ которомъ принималъ участіе авторъ. Надо замѣтить, что абиссинскіе солдаты вооружены теперь, благодаря политическимъ соображеніямъ послѣдователей Ашинова, скорострѣльными дальнобойными ружьями и ихъ шайки снабжены крупповскими орудіями, тогда какъ племена, къ которымъ они ходятъ на кормленіе, ничего не имѣютъ, кромѣ луковъ и плохихъ копій доисторическаго производства. И вотъ армія, въ нѣсколько тысячъ (та, въ походѣ которой участвовалъ и нашъ авторъ, имѣла 16.000 регулярныхъ войскъ, вооруженныхъ превосходнымъ европейскимъ оружіемъ), врывается въ первое попавшееся на пути поселеніе негровъ, и здѣсь разыгрываются слѣдующія сцены. Послѣ «аттаки» негры бѣгутъ, абиссинцы ихъ преслѣдуютъ. «Очень часто за однимъ шуро (негрское племя, уничтоженное въ началѣ похода) гналось нѣсколько абиссинцевъ, ни одному не хотѣлось отдать приза сопернику, и они спѣшили другъ передъ другомъ пристрѣлить бѣгущаго. Чтобы укрыться отъ абиссинскихъ пуль шуро влѣзали на высокія деревья, но пули находили ихъ и тамъ, и негры, какъ подстрѣленныя птицы, летѣли оттуда на землю, а побѣдители пронзительными радостными кликами извѣщали товарищей о побѣдѣ. Одинъ старикъ шуро тоже влѣзъ на дерево, но, увидѣвъ, что его замѣтили, быстро спустился на землю и пустился бѣжать. Нѣсколько абиссинцевъ бросились за нимъ въ погоню, но старикъ замѣчательно ловко пробирался сквозь густые колючіе кустарники, перепрыгивая черезъ поваленные стволы деревьевъ... Мы кричали солдатамъ, чтобы они его не убивали, а взяли въ плѣнъ, но вопросъ, кто именно убьетъ или возьметъ въ плѣнъ старика, былъ такъ важенъ для абиссинцевъ, что они, не взирая на наши крики, посылали въ догонку бѣгущему выстрѣлы, къ счастью для него не вѣрные. Наконецъ, старикъ зацѣпился за ліану, упалъ и на него насѣлъ абиссинецъ... Преслѣдовать было больше некого, такъ какъ враги, какъ говорится обыкновенно въ абиссинскихъ реляціяхъ: «кто убитъ былъ—убитъ, а кто бѣжалъ—бѣжалъ», и къ намъ стали возвращаться побѣдители. Въ геройскомъ речитативѣ приходили они повѣствовать начальнику о своей побѣдѣ и, выражая ему свою преданность, кланялись до земли, на что начальникъ отвѣчалъ обычной поздравительной формулой: наконецъ тебѣ повезло»... (стр. 126).

Описаніе такихъ подвиговъ составляетъ все содержаніе книги. Перебивъ

народа «смѣты нѣту», храбрая армія вернулась назадъ, уведя массу плѣнныхъ, преимущественно женщинъ и дѣтей, которыя во время обратнаго «геройскаго» похода гибли сотнями отъ изнуренія, такъ что казакъ, бывшій деньщикомъ у г. Булатовича, не зараженный «политическими соображеніями» своего начальника и, повидимому, чуждый его «человѣческихъ побужденій», не выдержалъ и заявилъ автору: «страсть какъ жалко смотрѣть на шанкалихъ (шанкала—негръ по абиссински), ваше высокоблагородіе,—идетъ себѣ, качается, потомъ упадетъ и лежитъ. Хозяинъ поднимаетъ, бьетъ, да ужъ силы въ ней, видно, нѣтъ: подняться не можетъ—бросить онъ и пойдетъ» (стр. 238—239).

Повторяемъ, мы недостаточно свѣдущи въ политикѣ поручика Булатовича и потому не въ силахъ достойно оцѣнить политическое значеніе такихъ «завоевательныхъ дѣйствій» Менелика и его присныхъ. Но, признавая и за собой право судить о человѣческихъ побужденіяхъ вообще, не можемъ не выразить сочувствія деньщику автора, ибо и намъ «страсть жалко шанкалихъ». И намъ стыдно не за негуса-негусти Менелика II,—да царствуетъ вѣчно,—а за насъ, русскихъ читателей, которыхъ авторъ, бывъ свидѣтелемъ всего имъ описаннаго, тѣмъ не менѣе, не краснѣя, приглашаетъ «сочувствовать» намѣреніямъ абиссинской политики, «не только вслѣдствіе политическихъ соображеній, но и изъ чисто человѣческихъ побужденій» («Введеніе»). Спрашивается, какого же мнѣнія г. Булатовичъ о своихъ русскихъ читателяхъ? Истребленіе тысячъ негровъ съ помощью усовершенствованнаго оружія, охота за людьми, какъ за дикими звѣрями, сотни плѣнныхъ «шанкалихъ», падающихъ жертвами этихъ походовъ,—развѣ все это не имѣетъ никакого отношенія къ нашимъ человѣческимъ чувствамъ? Можетъ быть, къ чувствамъ г. Булатовича и не имѣетъ,—это его дѣло. Но «насъ, русскихъ», право, не дурно бы оставить въ покоѣ гг. Булатовичамъ, Леонтьевымъ и прочимъ послѣдователямъ злополучнаго Ашинова.

К. И. Богдановичъ. «Геологическое описаніе южной конечности Ляо-Дунскаго полуострова въ предѣлахъ Квантунгской области и ея мѣсторожденія золота». Спб. 1900 г. Буря на Дальнемъ Востокѣ, такъ неожиданно для всѣхъ разыгравшаяся, привлекаетъ общее вниманіе къ нашимъ владѣніямъ на берегу Великаго Океана. Поэтому особое значеніе получаетъ каждое свидѣтельство, каждое изслѣдованіе, безпристрастно и научно знакомящее насъ съ характеромъ этой отдаленной мѣстности, ея населеніемъ, съ разными сторонами жизни и проч. Къ числу такихъ изслѣдованій безспорно принадлежитъ работа горнаго инженера К. И. Богдановича, обслѣдовавшаго Квантунгскую область, вблизи Портъ-Артура, въ цѣляхъ изысканій мѣсторожденій золота. Работы велись имъ въ концѣ 1898 г. и захватили всю южную оконечность Ляо-Дунскаго полуострова, самую южную часть котораго составляетъ Квантунгъ съ городомъ Портъ-Артуромъ. Г. Богдановичъ, не смотря на спеціальный характеръ своей задачи, даетъ на-ряду съ чисто-геологическими описаніями, которыхъ мы, конечно, не станемъ касаться, и очень интересные очерки мѣстной жизни. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ онъ прошелъ экспедиціоннымъ порядкомъ всю южную оконечность Ляо-Дуна, въ сопровожденіи нанятаго имъ китайскаго переводчика и двухъ казаковъ съ вьючными лошадьми, находясь все время среди китайскаго населенія, заглядывая по ходу работъ въ мѣста, вполнѣ уединенныя и далекія отъ русскихъ военныхъ постовъ.

Какъ можно судить по его многочисленнымъ отзывамъ, все время онъ встрѣчалъ наилучшее отношеніе со стороны мѣстныхъ жителей, оказывавшихъ ему очень цѣнныя услуги при развѣдкахъ своими указаніями и охотнымъ предложеніемъ работать при шурфовкѣ и промывкѣ песковъ. Онъ пишетъ, напр., что «китайцы деревни Тхань-дя-тунь, заинтересовавшись моею работой (промывалъ я самъ въ ковшѣ), разговорились, и одинъ изъ нихъ замѣтилъ что по этой рѣчкѣ теперь трудно найти золото, что они сами ищутъ здѣсь только лѣтомъ,

когда обильными дождями намываетъ по косамъ немного золота; этотъ же китаецъ предложилъ свои услуги для промывки бортовыхъ пробъ въ китайскомъ лоткѣ, который онъ находилъ болѣе практичнымъ, чѣмъ мой ковшъ; немедленно былъ принесенъ китайскій лотокъ; оказалось, что у многихъ крестьянъ этой деревни имѣются лотки. Одна изъ пробъ дала ничтожную золотинку, чрезвычайно обрадовавшую китайцевъ... Эти же китайцы первые указали мнѣ, чтобы я ѣхалъ искать золото въ деревню Пао-лян-дза, гдѣ мѣстные жители давно уже добываютъ золото много успѣшнѣе, чѣмъ они. Дружески простившись съ чрезвычайно привѣтливыми ко мнѣ крестьянами, я направился къ вечеру мимо западнаго склона Та-ку-шаня» (стр. 25). Всѣ сношенія г. Богдановича съ мѣстнымъ населеніемъ, по большей части *никогда* или очень мало не видавшимъ европейца, были для обѣихъ сторонъ, повидимому, очень пріятны. Присутствіе казаковъ, необходимыхъ для маленькаго каравана ученаго изслѣдователя въ качествѣ работниковъ при лошадяхъ и вьюкахъ, изрѣдка, и то лишь временно, вызывало смущеніе. «Въ Синг-пинь-дао,—пишетъ г. Богдановичъ,—мнѣ хотѣлось остановиться именно въ селеніи Бей-ко-коу, гдѣ постоялаго двора не было. Такъ какъ самъ хозяинъ дома былъ въ отсутствіи на базарѣ въ Синг-пинь-дао, то мужчины китайцы стѣснялись пустить насъ въ домъ, видя со мною двухъ казаковъ, которые уже къ этому времени не пользовались особой симпатіей населенія; когда же женщины увидали, что со мною ѣдетъ также женщина, моя жена, онѣ стали упрашивать остановиться именно у нихъ въ домѣ; женщины проявили столько гостепріимства, что когда вечеромъ вернулся хозяинъ, то онъ, кажется, не сразу узналъ обстановку своего дома,—такъ гостепріимныя хозяйки, отъ древней старухи, матери хозяина, до послѣдней дѣвочки подняли все вверхъ ногами изъ желанія угодить намъ» (стр. 66).

Заканчивая свой отчетъ, г. Богдановичъ дѣлаетъ общее замѣчаніе, очень любопытное и характерное. Слѣдуетъ помнить, что его работы велись всего за годъ съ небольшимъ до начала общаго движенія китайцевъ противъ европейцевъ. «Вообще, знакомство съ китайцемъ на мѣстѣ въ различныхъ случаяхъ его жизни не оправдываетъ представленія о немъ, какъ о сухомъ эгоистѣ, какое составляется по описаніямъ многихъ путешественниковъ. Не могу не упомянуть, что ни разу на Ляо-Дунѣ я не слышалъ по своему адресу даже извѣстнаго ругательства «заморскимъ чортомъ», хотя часто китайцы принимали меня не за русскаго чиновника, а за миссіонера. Послѣднему обстоятельству надо, по всей вѣроятности, приписать и то, что почти въ каждомъ селеніи къ намъ обращались больные за лѣкарствами. Вѣра въ европейскія лѣкарства здѣсь настолько уже сильна, что раза два невозможность помочь прямо приписывалась больными моему нежеланію, что съ грустью и высказывалось ими» (стр. 228).

Какъ все это далеко отъ категорическихъ заявленій нашихъ доморощенныхъ «китайцевъ» изъ «Новаго Времени», «Свѣта» и прочихъ патріотическихъ газетъ, будто современное движеніе направлено противъ европейской цивилизаціи именно за ея *цивилизацію!* Мы склонны думать, что въ настоящемъ движеніи проявляется скорѣе то самое чувство, которое г. Богдановичъ осторожно отмѣчаетъ относительно казаковъ, не пользовавшихся «особыми симпатіями» китайцевъ, и надо полагать—не безъ основанія. Дружескія отношенія автора къ рабочимъ-китайцамъ, между прочимъ, тоже имѣли весьма реальную подкладку,— онъ «счелъ необходимымъ повысить имъ поденную плату до 40 к., а также повысить плату за одинъ *ченъ* (78 долей) золота до 4 р.» Такой путь всегда и вездѣ ведетъ къ миру и сближенію, и современныя событія только напоминаютъ эту старую истину тѣмъ, кто ее забылъ. *А. Б.*

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

(съ 15-го іюня по 15-е іюля 1900 года).

Сборникъ статистич. свѣд. по Уф. губ. Т. VII. Ч. I. Изд. Уф. губ. зем. упр. Уфа. 1900 г. Ц. 1 р. 50 коп.

П. Богдановичъ. Изъ уроковъ по русской словесности. Кіевъ. 1900 г. Ц. 2 руб.

А. А. Русовъ. Описаніе Черниговской губ. Т. I и II. Изд. ред. «Земск. сборника Черниг. губ.». Черниговъ. 1898 г.

Арсеній Яриловъ. Въ защиту науки и приговоренныхъ къ смерти. Юрьевъ. 1900 г. Ц. 1 руб.

И. И. П—скій. Трагедія чувства. Критическій этюдъ. Спб. 1900 г. Ц. 25 к.

Проф. А. В. Пель. Теорія спермина. Спб. 1899 г. Изд. журн. Медецинской химіи и органотерапіи.

Проф. Е. Бобровъ. Литература и просвѣщеніе въ Россіи XIX в. Т. I. Казань. 1900 г. Ц. 1 руб.

Матеріалы къ выясненію вопроса объ обезпеченіи горнорабочаго населенія Перм. губ. въ продовольственномъ отношеніи. Пермь. 1900 г. Ц. 1 р. 50 коп.

П. Лафаргъ. Умственный трудъ и машина. Перев. съ франц. Изд. А. Ю. Маноцковой М. 1900 г. Ц. 45 коп.

В. Г. Бажаевъ. Крестьянское травопольное хозяйство въ нечерноземной полосѣ Европ. Россіи. Изд. К. Тихомирова., М. 1900 г. Ц. 1 р. 35 к.

В. Кв. Новое русское правописаніе. I. Введеніе. Орелъ. 1900 г. Ц. 15 коп.

Ѳ. В. Езерскій. Какъ легче изучить счетоводство. Изд. Об—ва счетоводовъ. Спб. 1900 г.

Н. И. Тезяковъ. I. Заболѣваемость населенія Ворон. губ. въ 1898 г. II. Частный обзоръ главнѣйшихъ заразныхъ заболѣваній. Сост. Тезяковымъ, Успенскимъ и Сергіевскимъ. Изд. Ворон. губ. земства. Воронежъ. 1900 г.

Н. И. Тезяковъ. Объ основаніяхъ и формахъ участія губернскихъ земствъ въ борьбѣ съ эпидеміями. Изд. Медецинск. департамента мин. внут. дѣлъ. Спб. 1900 г.

I. Клаузнера. Ново-еврейская литература XIX вѣка. Изд. «Тушія». Варшава. 1900 г. 50 коп.

Н. А. Полетаевъ. Шекспиръ и Іерингъ или что такое борьба за право? Спб. 1900 г. Ц. 40 коп.

Отчетъ Нижегородской городской общ. библ. за 1899 г. Нижній-Новгородъ. 1900 г.

В. Заболотный. Опытъ къ раціональному разрѣшенію вопроса что такое война? Варшава. 1900 г. Ц. 70 коп.

В. С. Шевича. О повѣренныхъ. Статья. Спб. 1900 г.

Описаніе двухкласснаго училища при ст. Екатеринославъ. Екатеринославъ. 1899 г.

Отчетъ о дѣятельности правленія Ставропольскаго Общ—ва помощи бѣднымъ за 1898 г. Ставрополь. 1900 г.

Проф. Е. Бобровъ. Философія въ Россіи. Вып. IV. Казань. 1900 г. Ц. 1 р. 70 к.

Д-ръ Бубисъ. Очеркъ составлен. къ юбилею 50-ти-лѣт. дѣятельности лабораторіи проф. докт. химіи А. В. Пеля, бывш. В. В. Пеля. Спб. 1900 г.

Дугласъ Арчибальдъ. Атмосфера. Перев. съ англ. подъ ред. В. А. Герда. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1900 г. Ц. 80 коп.

Сборникъ статей по вопросамъ, относящимся къ жизни русскихъ и иностран. городовъ. Вып. XI. М. 1900 г.

Н. Іорданскій. Краткій очеркъ развитія начальн. образ. въ Н.-Новгородѣ. Н.-Новгородъ. 1900 г.

Ѳ. Курти. Исторія народн. законодательства и демократіи въ Швейцаріи. Перев. съ нѣм. Г. Ѳ. Львовича. Спб. Изд. т—ва «Знаніе». 1900 г. 1 руб.

Ф. О. Гертцъ. Аграрные вопросы. Съ предисловіемъ Э. Бернштейна. Перев. А. Ильинскаго. Ред. Д. Протопопова. Спб. Изд. т—ва «Знаніе». 1900 г. Ц. 80 коп.

Сборникъ статистич. свѣдѣній по Уфимской губ. Т. VI. Златоустовскій уѣздъ. Изд. Уфим. губ. зем. управы, подъ ред. Ве-

лецкаго. Ц. 2 р. 50 коп. съ перес. Самара. 1900 г.

Сборникъ статистич. свѣдѣнiй по Уф. губ. Прилож. къ III-му тому. Мензелинскiй уѣздъ. Изд. губ. зем. упр. Ц. 1 р. 50 к. съ пересылкой. Самара. 1900 г.

Обзоръ Уфим. губ. въ сельскохозяйств. отнош. за 1898 и 1899 г. Вып. Изд. Уфимск. губ. зем. упр. Ц. 1 руб. Уфа. 1900 г.

Отчетъ Рязанскаго Об—ва устройства народныхъ развлеченiй 1899—1900 г. Рязань. 1900 г.

Густавъ Карпелесъ. Всеобщая исторiя литературы. Перев. съ нѣм. С. Гринберга. Вып. 1-ый. 1900 г. Ц. 30 к.

Казенная продажа вина. Изд. Главн. управл. неокладн. сборовъ и казен. продажи питей. Спб. 1900 г.

Художн. Верещагинъ. Въ Севастополѣ. Разсказъ. М. 1900 г. Ц. 40 коп.

Эмиль Фагэ. Политическiе мыслители и моралисты XIX вѣка. Перев. съ франц. Л. И. Коганъ и П. А. Рождественскаго. М. 1900 г. Ц. 1 р. 50 коп.

Гербертъ Спенсеръ. Цѣломудрiе, бракъ и и родительство. Перев. и изд. Л. А. Золотарева. М. 1900 г. Ц. 30 коп.

Л. А. Золотаревъ. Этика брака. М. 1900 г. Ц. 30 коп.

Бьернстьерне-Бьернсонъ. Единобрачiе и многобрачiе. Изд. Л. А. Золотарева. М. 1900 г.

Воспоминанiя о Карлѣ Брюлловѣ. Князя Гагарина. Спб. 1900 г. Ц. 40 коп.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«Travels through the Alps». By the late James D. Forbes. New edition, revised and annotated by W. A. Coolidge. London. (A and C. Black). (Странствованія по Альпамъ). Автора этой книги называютъ «отцомъ англійскихъ горныхъ туристовъ», такъ какъ онъ былъ первымъ англичаниномъ, совершившимъ восхожденіе на нихъ въ 10.000 футъ высоты. Онъ ежегодно отправлялся на Альпы, изслѣдовалъ и изучалъ ихъ во всѣхъ направленіяхъ. Его книга объ Альпахъ не только заключаетъ въ себѣ интересныя описанія его восхожденій и приключеній, но также много научныхъ наблюденій, касающихся движенія ледниковъ, атмосферныхъ явленій и т. д.

(Daily News).

«Social and political pioneers» by Ramsden Balmforth. London. (Sonnenschein and C°). (Соціальные и политическіе піонеры). Въ своемъ предисловіи авторъ выражаетъ надежду, что его книга будетъ полезна всѣмъ, интересующимся соціальными вопросами и въ особенности тѣмъ, кто спеціально занимается соціальными и промышленными движеніями XIX вѣка. «Руководствуясь этою точкою зрѣнія, авторъ помѣщаетъ въ своей книгѣ одиннадцать краткихъ біографій такъ подобранныхъ, что онѣ всѣ вмѣстѣ представляютъ историческій очеркъ важнѣйшихъ соціальныхъ реформъ нашего столѣтія и развитія тѣхъ идей, которыя дали толчокъ къ этимъ реформамъ. Книга раздѣлена на двѣ части, первая—чисто біографическая, вторая заключаетъ въ себѣ обзоръ дѣятельности человѣка въ области соціальныхъ вопросовъ. Историческій очеркъ чартистскаго движенія и трэдъ-юніонизма занимаетъ добрую половину второй части. Надо отдать справедливость автору, что онъ составилъ очень интересную и полезную книгу во всѣхъ отношеніяхъ.

(Daily News).

«Sociale Rundschau», herausgegeben vom arbeitsstatistischen Amte im österreichischen Handelsministerium. Jährlich 12 Hefte. Wien. (Соціальное обозрѣніе). Подъ этимъ заглавіемъ статистическое отдѣленіе министерства торговли въ Вѣнѣ издаетъ ежемѣсячное обозрѣніе съ очень широкою программой, такъ какъ въ нее входитъ изслѣдованіе соціальнаго движенія не только въ Австро-Венгріи, но и въ другихъ странахъ.

(Frankfurter Zeitung).

«Schopenhauer, Hamlet. Mephistopheles» Von Friedrich Faulsen, prof. der Philosophie und Pädagogik an der Berlines Universität (Hertz). (Шопенгауэръ. Гамлетъ, Мефистофель). Извѣстный профессоръ Берлинскаго университета Паульсенъ издалъ три очерка, посвященные исторіи пессимистическаго движенія, воплотившагося въ двухъ литературныхъ образахъ: Гамлетѣ и Мефистофелѣ и наиболѣе яркимъ выразителемъ котораго Паульсенъ считаетъ Шопенгауэра.

(Frankfurter Zeitung).

«Dokumente der Frauen» Halbmonatschrift. Herausgegeben Wien von Auguste Fickert, Marié Lang und Rosa Mayreder. (Документы женщинъ). Въ этомъ журналѣ, выходящемъ тетрадками два раза въ мѣсяцъ, заключаются не только всѣ данныя и свѣдѣнія, касающіяся женскаго движенія, но и статьи по разнымъ соціальнымъ вопросамъ. (Frankfurter Zeitung).

«Les chinois chez eux» par. E. Bard. Paris. (Armand Colin). (Китайцы у себя дома). Авторъ дѣлится съ читателями своими личными наблюденіями и впечатлѣніями во время поѣздки по Китаю. Побывавъ въ Шанхаѣ, Пекинѣ, Нингно, Кантонѣ и Тянь-Цзинѣ, авторъ вынесъ оттуда довольно основательное знакомство съ китайскимъ бытомъ, который чрезвычайно заинтересовалъ его. Очерки Китая написаны очень живо и читаются съ большимъ интересомъ. (Temps).

«Superstition, crime et misère en Chine» (Souvenir de biologie Sociale) par le docteur I. I. Matignon. Paris. (Masson). Суевѣріе, преступленіе и нищета въ Китаѣ). Въ этой книгѣ авторъ, состоявшій врачомъ при французскомъ посольствѣ въ Пекинѣ, изображаетъ тотъ Китай, который обыкновенно ускользаетъ отъ взгляда путешественниковъ и европейцевъ, живущихъ въ Ки-

таѣ. До сихъ поръ еще Китай представляетъ закрытую книгу для европейца и авторъ отчасти раскрываетъ ее передъ читателемъ, рисуя ему картины соціальной жизни Китая, суевѣрій и преступленій.

(Temps).

«*Government or Human Evolution*» *by Edmond Kelly. London.* (*Longmans, Greenand C°*). (*Правительство или человѣческая эволюція*). Авторъ дѣлаетъ попытку установить научныя основы соціологіи на различіи между сознательною жизнью человѣка и жизнью остальной вселенной, которую онъ именуетъ «природой» (Nature). Въ одной изъ главъ, озаглавленной «Is Society an Organism?» (представляетъ ли общество организмъ?) авторъ разбираетъ органическую теорію, заимствуя у Спенсера его основныя положенія. Аргументація автора очень искусна, но во многихъ случаяхъ недостаточно убѣдительна.

(Daily News).

«*La vie sociale de notre temps*» *notes, opinions et rèveries d'un positiviste, par Antonie Baumann.* (*Соціальная жизнь нашего времени*). Авторъ,—явный послѣдователь Тэна, и идеи этого французскаго писателя отражаются въ его соціологическихъ очеркахъ, въ которыхъ онъ изображаетъ французскую провинціальную жизнь.

(Temps).

«*An Itroduction to Englisch Politics*» *by John Robertson. London.* (*Grant Rihards*). (*Введеніе въ англійскую политику*). Въ цѣломъ рядѣ бѣглыхъ, но мастерски написанныхъ историческихъ очерковъ авторъ даетъ картину соціальной и политической эволюціи націи. Многое вызываетъ осужденіе автора, который въ особенности возстаетъ противъ «мегаломаніи въ политикѣ» и злоупотребленія «священнымъ правомъ раціональности», которое является источникомъ войны, а не братства народовъ. (Daily News).

«*Philosophie der Fahrrades*» *von Eduard Betz. Leipzig* (*Reissues*). (*Философія велосипедной ѣзды*). Подъ такимъ вычурнымъ и не совсѣмъ удачнымъ названіемъ авторъ издалъ весьма интересную книгу, представляющую какъ бы естественную исторію велосипеда и исторію развитія этого спорта въ наше время. Авторъ говоритъ о тѣхъ важныхъ открытіяхъ, которыя связаны были съ изобрѣтеніемъ велосипеда и затѣмъ пускается въ весьма пространныя, но въ то же время осторожныя разсужденія о вліяніи велосипеда на теченіе современной жизни, политику, общественные вопросы и т. д. (Frankfurter Zeitung).

«*Politics and Administration*» *A study in government. By Frank I. Goodwon, Professor of administrative Law in Columbia University. New York.* (*MacmillanCompany*). (*Политика и администрація*). Книга американскаго професора представляетъ цѣнный вкладъ въ исторію политическихъ системъ и администрацій. Профессоръ подвергаетъ критическому разбору господствующую политическую и административную систему въ Соединенныхъ Штатахъ.

(Manchester Guardian).

«*More Colonial Homestead's and their Stories*» *by Marion Harland. New York.* (*Putnam's Sons*). (*Колоніальныя поселенія и ихъ исторія*). Это очень замѣчательная книга. Авторъ сообщаетъ свои личныя воспоминанія и приводитъ разсказы и свѣдѣнія, заимствованныя изъ достовѣрнаго источника, касающіяся первоначальнаго устройства и возникновенія многихъ колоніальныхъ поселеній въ Америкѣ. Книга прекрасно иллюстрирована.

(Manchester Guardian).

«*The School and Society*» *Being three Lectures by John Dewey Professor of Pedagogy in the University of Chicago. London.* (*King and son*). (*Школа и общество*). Въ книгѣ заключаются три лекціи выдающагося американскаго писателя по философскимъ вопросамъ и профессора педагогики въ Чикагскомъ университетѣ. При университетѣ Чикаго три года тому назадъ была открыта элементарная школа со спеціальною цѣлью дать возможность профессору примѣнять на практикѣ свои педагогическія теоріи, основанныя на результатахъ психологической и этической науки. Эта школа является какъ бы лабораторіей для демонстраціи и опытовъ и профессоръ въ своихъ лекціяхъ излагаетъ результаты своихъ изслѣдованій и свои взгляды на проблему школьной жизни.

(Manchester Guardian).

«*Village Life in China*» *a Stydy in Sociology by Arthur Smith. London.* (*Oliphant*). (*Деревенская жизнь въ Китаѣ; соціологическій очеркъ*). «Никогда еще такъ много не говорили о Китаѣ, какъ теперь,—замѣчаетъ авторъ въ предисловіи къ своей книгѣ, и интересъ къ этой странѣ вѣроятно продлится долго. Все, что можетъ способствовать лучшему пониманію китайскаго народа, должно въ то же время помочь разрѣшенію китайскаго вопроса». Съ этою именно цѣлью авторъ предлагаетъ читателямъ свою характеристику китайцевъ. Авторъ долго жилъ въ Китаѣ и изучилъ его. По его словамъ, деревня—это микрокозмъ китайскаго государства. Въ деревнѣ, какъ въ зеркалѣ, отражается вся жизнь этой громадной страны, но только въ миніатюрѣ. Авторъ чрезвычайно живо рисуетъ жизнь сельскаго населенія и хотя онъ ловко подмѣчаетъ комическія стороны и порою заставляетъ смѣяться читателя, но общій тонъ картины, которую онъ изображаетъ въ своихъ очеркахъ, производитъ грустное впечатлѣніе. Въ ряду сочиненій о Китаѣ,

появившихся въ послѣднее время, книга эта по своей занимательности должна занять одно изъ первыхъ мѣстъ.

(Literary World).

«*Thomas Paine (1737 — 1809) et la Révolution dans les deux Mondes*» *par Daniel Conway*. (*Томасъ Пэнъ и революція въ двухъ мірахъ*). Чрезвычайно интересная личность героя этой книги, энергичнаго борца за независимость сѣверо-американской республики, обрисована очень живо и мѣтко авторомъ, имѣвшимъ въ своемъ распоряженіи большой историческій матеріалъ. (Journal des Débats).

«*In European Settlements in the Far East*» (*Sampson Low*). (*Въ европейскихъ поселеніяхъ на дальнемъ востокѣ*). Анонимный авторъ этой книги описываетъ въ ней поселенія европейцевъ на берегахъ и островахъ дальняго востока. Онъ начинаетъ съ Владивостока и Николаевска, затѣмъ переходитъ къ Японіи и Формозѣ, корейскимъ портамъ и Китаю. Далѣе идутъ Сіамъ, Малакка, голландскія поселенія въ Малайскомъ архипелагѣ, Борнео и Филиппины. Къ книгѣ приложены прекрасныя иллюстраціи изображающія разныя характерныя сцены въ главныхъ центрахъ европейскихъ торговыхъ сношеній. (Manchester Guardian).

«*Les Curiosités de la Médécine*» *par Le docteur Cabanès* (*Maloine*). (*Курьезы медицины*). Авторъ собралъ въ своей книгѣ всѣ диковинные факты, относящіеся къ области медицинскаго искусства. Свой трудъ авторъ раздѣлилъ на три части: въ первой сгруппированы всѣ факты, относящіеся къ происхожденію медицины и ея различныхъ отдѣловъ, вторая часть посвящена различнымъ органамъ человѣческаго тѣла, всевозможнымъ извращеніямъ вкуса и особенностямъ строенія, а въ третьей авторъ описываетъ разныя уклоненія и особенности нервной системы, болѣзненныя эмоціи, ложныя ощущенія и т. д.

(Journal des Débats).

Издательница А. Давыдова. **Редакторъ Викторъ Острогорскій.**

собности матеріализма, иначе какъ при помощи слѣпого случая, объяснить цѣлесообразность въ природѣ, въ особенности органической. Этимъ уже Аристотель обнаружилъ несостоятельность античнаго матеріализма Демокрита: этимъ оружіемъ бряцали также и теперь противники матеріализма противъ современнаго его обновленія. Также и «спецификація природы», какъ ее назвалъ Кантъ, казалось, опять-таки указывала на телеологическій принципъ,—если только продолжали вѣрить въ постоянство видовъ органической природы. Но ни приверженцы, ни противники телеологіи не принимали въ разсчетъ того, что вѣдь цѣль не является такимъ основаніемъ для объясненія, какъ, напр., механическая причинность, а есть только субъективный руководящій принципъ нашей способности сужденія. Поэтому книга Чарльза Дарвина подѣйствовала въ концѣ пятидесятыхъ годовъ изъ Англіи какъ освобожденіе отъ тягостнаго asylum ignorantiae, — традиціоннаго взгляда на происхожденіе міра. Книга эта не появилась вдругъ, какъ выстрѣлъ изъ пистолета. Еще въ началѣ XIX столѣтія Ламаркъ развилъ основныя черты теоріи происхожденія видовъ; точно также слѣдуетъ назвать среди предвозвѣстниковъ дарвинизма—Гёте и Шеллинга. Эти мысли, однако, не проникли въ общее сознаніе, какъ мы видѣли даже напримѣръ у Либиха: даже еще и теперь (или снова теперь?) нѣкоторые думаютъ, что «исторія животнаго міра вообще не принадлежитъ зоологіи»!. Но эти мысли, однако, никогда не забывались совершенно и не были брошены навсегда. Историческій духъ столѣтія проникалъ все рѣшительнѣе и въ область естествознанія, стремился повсюду къ генетическому пониманію и оперировалъ также и въ этой области съ понятіемъ развитія, сдѣлавшимся и безъ того, благодаря философіи Гегеля, общимъ достояніемъ. Противоположность между природою и исторіей, между естественно-научнымъ и историческимъ пониманіемъ вещей стремилась быстро сгладиться. Формулированная въ понятіяхъ—механическаго и телеологическаго—эта противоположность казалась непримиримой. Тогда явился Дарвинъ и попробовалъ цѣлесообразное—тоже объяснить естественнымъ путемъ. Заслуга его ученія, во всякомъ случаѣ,—ново оно или нѣтъ—заключается, говоря словами Гете, въ томъ, что «оно сдѣлало очевидной истинность теоріи происхожденія». Въ постепенномъ развитіи произошли другъ отъ друга разнообразные роды и виды животнаго царства, и при этомъ дѣйствующими были два принципа: наслѣдственность общей родительской организаціи и неограниченная измѣнчивость организмовъ; въ борьбѣ за существованіе, при помощи полового подбора и естественнаго подбора, путемъ приспособленія организмовъ къ все новымъ условіямъ жизни, образовались въ теченіе тысячелѣтій наши теперешніе виды; и что имѣло силу для животныхъ, можно было, естественно, примѣнить и къ міру растеній. Шумъ, произведенный этимъ ученіемъ, былъ огромный, свѣтъ, имъ распространенный, былъ воспринятъ какъ откровеніе; но именно вслѣдствіе того, что къ нему отнеслись какъ къ откровенію и стали безъ оглядки переносить во всѣ сферы науки, оно, въ концѣ концовъ, вводило въ заблужденіе. Но здѣсь мы говоримъ только о помощи, оказанной дарвинизмомъ въ моментъ своего появленія матеріализму; благодаря дарвинизму, былъ заполненъ пробѣлъ, ибо теперь стало извѣстно, по словамъ Гельмгольца, «какъ можетъ произойти цѣлесообразность въ образованіи организмовъ даже безъ всякаго вмѣшательства разума, при помощи слѣпого господства законовъ природы». Точно также, благодаря Дарвину, былъ перекинутъ мостъ и черезъ вторую бездну, лежавшую между животнымъ и человѣкомъ, причемъ осно-

ваніемъ въ данномъ случаѣ послужили не скороспѣлыя заключенія его послѣдователей-матеріалистовъ, а собственныя слова учителя, пользовавшагося репутаціей въ высшей степени осторожнаго изслѣдователя: «большая часть естествоиспытателей, слѣдуя Блюменбаху и Кювье, причисляла человѣка къ особому классу животнаго царства, подъ названіемъ двурукихъ. Теперь, напротивъ, многіе изъ нашихъ лучшихъ натуралистовъ вернулись къ высказанному Линнеемъ взгляду и помѣстили человѣка въ одинъ классъ съ четырерукими подъ общимъ названіемъ приматовъ. Великій анатомъ и философъ Гёксли обстоятельно разобралъ этотъ вопросъ и пришелъ къ заключенію, что человѣкъ по всему строю своей организаціи менѣе отличается отъ высшихъ обезьянъ, чѣмъ послѣднія отъ низшихъ членовъ той же группы. Слѣдовательно нѣтъ основанія ставить человѣка въ особый классъ. Напротивъ, большинство зоологовъ выдѣляетъ человѣкоподобныхъ обезьянъ въ особую подгруппу отъ другихъ обезьянъ Стараго Свѣта. Если съ этимъ согласиться, то можно, пожалуй, придти къ заключенію, что какой-нибудь старый членъ этой антропоморфной подгруппы далъ происхожденіе человѣку. Безспорно, человѣкъ, въ сравненіи съ родственными животными, испыталъ гораздо больше внутреннихъ измѣненій, главнымъ образомъ въ силу своего значительно развитого мозга и вертикальнаго положенія. Тѣмъ не менѣе, мы не должны забывать, что онъ является представителемъ одного изъ наиболѣе усовершенствованныхъ типовъ приматовъ. Очень вѣроятно, что Африка прежде была населена теперь уже вымершими обезьянами, находившимися въ близкомъ родствѣ съ гориллою и шимпанзе; а такъ какъ оба эти вида являются теперь ближайшими родственниками человѣка, то болѣе чѣмъ вѣроятно, что наши прежніе прародители жили на африканскомъ материкѣ, и именно здѣсь раньше, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Но мы не должны впадать въ ошибку, предполагая, напримѣръ, что прародитель всего поколѣнія человѣкоподобныхъ обезьянъ, включая сюда и человѣка, идентиченъ съ какимъ-нибудь семействомъ существующихъ теперь обезьянъ или же къ нему близокъ».

Въ Германіи именно этотъ выводъ изъ дарвиновской теоріи—происхожденіе человѣка отъ обезьяно-подобнаго животнаго—особенно сильно возбудилъ умы. Онъ стоялъ въ прямой противоположности къ библейскому сказанію о сотвореніи человѣка и къ антропоцентрическому воззрѣнію на исключительное положеніе человѣка въ животномъ мірѣ, и потому онъ съ такою страстностью оспаривался и высмѣивался съ амвона и каѳедры. И самоувѣренность, съ которой Геккель, наиболѣе энергичный приверженецъ Дарвина въ Германіи, построилъ свои родословныя классификаціи, основываясь отчасти на открытомъ имъ біогенерическомъ законѣ, возбудила даже въ средѣ натуралистовъ недовѣріе и напоминанія объ осторожности. Но, во всякомъ случаѣ, ученіе Дарвина расчистило путь матеріализму. Геккель называлъ себя, правда, охотнѣе монистомъ, чѣмъ матеріалистомъ, и на самомъ дѣлѣ даже постепенно выбрался изъ ходячаго матеріализма къ пантеистическому пониманію природы, причемъ въ его систему все-таки вкрались остатки матеріализма. И въ основѣ не иначе думалъ также Д. Фр. Штраусъ съ своимъ «матеріалистическимъ исповѣданіемъ вѣры». Ему казалось, что законъ Майера о сохраненіи силы и ученіе Дарвина о происхожденіи видовъ при помощи естественнаго подбора принесли съ собой разрѣшеніе великой міровой загадки. Онъ пытается приложить законъ сохраненія силы къ проблемѣ чувствованія и представленія: «Если при извѣстныхъ условіяхъ движеніе превращается въ теплоту, почему же

не можетъ существовать такихъ условій, при которыхъ движеніе превратилось бы въ ощущеніе? Условія, необходимыя для этого,—аппаратъ, мы имѣемъ въ мозгу и въ нервной системѣ высшихъ животныхъ, а въ низшихъ классахъ—въ тѣхъ органахъ, которые замѣняютъ ихъ. На одномъ концѣ происходитъ прикосновеніе къ нерву, которое производитъ въ немъ внутреннее движеніе; на другомъ—возникаетъ ощущеніе, представленіе, появляется мысль; и наоборотъ, при противоположномъ процессѣ мысль и чувство превращатюся въ движеніе членовъ». Тутъ мы имѣемъ дѣло съ «наивнымъ, грубымъ матеріализмомъ», съ его извѣстнымъ ошибочнымъ умозаключеніемъ и съ его смѣшеніемъ внѣшняго и внутренняго міра. Скоро, однако, Штраусъ отклоняется въ сторону, называетъ противоположность между матеріализмомъ и идеализмомъ споромъ о словахъ, говоритъ о двухъ способахъ созерцанія, изъ коихъ одинъ отправляется сверху, другой—снизу, каждый, однако, пытается объяснить всю совокупность явленій, міръ и жизнь изъ одного принципа; съ этой точки зрѣнія онъ протестуетъ какъ противъ высокомѣрнаго и инквизиторскаго тона нѣкоторыхъ философовъ, возстающихъ противъ матеріалистическаго изслѣдованія природы, такъ и «противъ грубыхъ нападокъ на философію, что для насъ, матеріалистовъ, развѣ только занимательно, но совсѣмъ не поучительно». Ясная, общедоступная форма изложенія его книги сдѣлала ее очень популярной и потому особенно опасной; въ виду этого, другому философу Иберверу ставили въ особенную заслугу, что онъ свой переходъ къ матеріалистическому міросозерцанію, совершившійся подъ вліяніемъ Цольбе, скрывалъ до самой смерти и признавался въ немъ только во время интимныхъ разговоровъ.

Для опроверженія Штрауса можно было, конечно, ссылаться на всѣхъ тѣхъ естествоиспытателей, которые тогда еще оттрицали дарвинизмъ. Теперь «съ нимъ соглашается въ общемъ большинство зоологовъ и ботаниковъ, хотя въ частностяхъ мнѣнія расходятся», или говоря другими словами: ученіе о происхожденіи видовъ съ небольшими оговорками получило всеобщее признаніе, но теорія наслѣдственности и приспособленія, на которыхъ оно основывается, многими оспариваются. Во всякомъ случаѣ уже давно нельзя считать всѣхъ послѣдователей Дарвина матеріалистами. Штраусъ пришелъ со своимъ «Матеріалистическимъ исповѣданіемъ вѣры» слишкомъ поздно, и только поэтому его книга оказалась неудачной. Въ ней подводился итогъ міросозерцанію, которое уже начало сходить со сцены и составляло въ сущности уже пройденную ступень.

Но самое заглавіе книги Штрауса можетъ указать намъ еще на то, что матеріализмъ, какъ система, догматиченъ и гипотетиченъ, и въ дѣйствительности является не дѣломъ науки, но только одной вѣрой. Какъ только это было признано, матеріализмъ немедленно долженъ былъ отказаться отъ всѣхъ своихъ притязаній, особенно въ тотъ моментъ, когда философія снова воспрянула и подняла наверхъ того, кто уже издавна, какъ всесокрушающій геній, положилъ конецъ всякому догматизму и всякой догматической метафизикѣ. Можно ли поэтому считать матеріализмъ устраненнымъ на всѣ времена или хотя бы для нашего времени—едва ли это можно утверждать. Онъ напротивъ продолжаетъ жить еще въ различныхъ сферахъ: во первыхъ, среди многихъ естествоиспытателей, которые всякій разъ смѣшиваютъ принципъ изслѣдованія съ общимъ и всеохватывающимъ объясненіемъ міра. Положительнымъ результатомъ спора о матеріализмѣ можно считать тотъ методологическій пріемъ, по которому при объясненіи природы исходятъ изъ

*

предположенія, будто существуетъ только матерія и сила. Но нѣкоторые психофизики нарушаютъ правила научной осторожности, когда для объясненія духовныхъ явленій изъ точнаго изслѣдованія экспериментальной психологіи строятъ матеріалистическія заключенія. Во-вторыхъ, существуетъ масса полуобразованныхъ лицъ, которыя еще и теперь основываются на книгѣ Бюхнера «Сила и матерія» и не замѣчаютъ ни ея поверхностности, ни ея противорѣчій. И наконецъ, въ-третьихъ, матеріализмъ особенно сильно распространяется въ широкихъ слояхъ рабочаго класса, которые вообще видятъ въ старой вѣрѣ одинъ изъ главныхъ оплотовъ стараго міроваго порядка и хватаются за самую радикальную противоположность старой вѣры, за матеріалистическое міросозерцаніе, какъ французскіе энциклопедисты въ прошломъ столѣтіи, пытавшіеся при помощи той же матеріалистической доктрины ниспровергнуть старый порядокъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ естественно-научный матеріализмъ соотвѣтствуетъ ихъ занятію—непосредственной работѣ надъ веществомъ, причемъ онъ вполнѣ ясно и вразумительно объясняетъ свойства и законы матеріи, съ которыми они имѣютъ дѣло: для ремесленника матеріализмъ является самымъ понятнымъ и наиболѣе подходящимъ научнымъ міросозерцаніемъ.

Матеріалистическія тенденціи эпохи.

Но и объ этомъ еще не время здѣсь говорить. Насъ больше интересуетъ теперь вопросъ, какъ это случилось, что въ пятидесятые годы матеріализмъ нашелъ такъ много приверженцевъ и пропагандировался и защищался съ такою страстностью? Отвѣтъ на это можно дать слѣдующій: все настроеніе эпохи было матеріалистическое, отрицательно относившееся ко всякому идеализму. 1848 годъ довелъ, такъ сказать, до абсурда идеализмъ и идеалистовъ и вывелъ ихъ на свѣтъ какъ непрактическихъ мечтателей, и потому долой все, что напоминаетъ этотъ обманъ и что привело къ нему! Ни въ чемъ, можетъ быть, такъ ясно не сказывается это стремленіе сбросить съ себя все, что повело къ пораженію и къ разочарованіямъ, какъ въ пѣсняхъ, которыя распѣвали студенты въ тѣ или другіе реакціонные періоды столѣтія. Когда въ 1819 г. карлсбадскія постановленія какъ громъ грянули надъ юношескимъ идеализмомъ того времени и повергли его въ прахъ, тогда молодежь распѣвала о томъ, что если величественный храмъ, который они выстроили Богу, развалится — что за бѣда: «Духъ живетъ внутри насъ. Наше прибѣжище—Богъ!» Въ пятидесятые годы были похоронены всѣ эти идеалистическія надежды на свободу и отечество, люди «блаженствовали какъ дикари», придерживаясь безсодержательнаго и грубаго матеріализма, и наслаждались тонкимъ юморомъ, съ какимъ Шеффель въ своихъ застольныхъ и посвященныхъ попойкамъ пѣсняхъ воспѣвалъ этотъ матеріализмъ, и упивались его шутовскимъ и пьянымъ остроуміемъ. Мнѣ кажется, что мы теперь съ болѣе легкимъ сердцемъ могли бы наслаждаться этимъ юморомъ, чѣмъ создавшее его поколѣніе, ибо тогда это служило печальнымъ признакомъ убожества эпохи. Но во всемъ этомъ отвращеніи къ идеальному вина, и вполнѣ сознательная, лежитъ на реакціи. Говорить или пѣть о нѣмецкомъ отечествѣ и нѣмецкой свободѣ было запрещено и сдѣлалось опаснымъ. Между-тѣмъ нѣмецкіе князья и министры переняли у новаго цезаря по ту сторону Рейна — великаго мастера на мелкіе фокусы—правило, что, взамѣнъ отнятой свободы и единства, народъ

необходимо чѣмъ-нибудь занять и вознаградить—лучше всего завлечь его матеріальными благами и интересами. Скорѣе, ближе и удобнѣе они могли бы, впрочемъ, научиться этому у нѣмецкаго князя, Вильгельма I вюртембергскаго, пользовавшагося этимъ способомъ еще до 1848 года.

Германія въ то время еще не была промышленнымъ государствомъ; на всемъ востокѣ и также на югѣ въ Баваріи и Вюртембергѣ занимались преимущественно земледѣліемъ, только около Магдебурга, благодаря производству свекловицы и далѣе къ востоку, благодаря винокуренію, само земледѣліе начинало служить интересамъ индустріи и соединяться съ фабричнымъ производствомъ. На первой всемірной выставкѣ въ Лондонѣ въ 1851 г. и на второй въ Парижѣ въ 1855 г. была однако уже представлена нѣмецкая индустрія, причемъ первое мѣсто занимали рейнскія провинціи и Саксонія. Но на всемірномъ рынкѣ Германія не играла еще никакой роли, и попытка Фридриха Листа при помощи охранительныхъ тарифовъ создать національную нѣмецкую торговую систему и основать нѣмецкій флотъ имѣла такъ мало успѣха, что этотъ великій агитаторъ-экономистъ 30-го ноября 1846 г. въ отчаяніи покончилъ съ собой. Германіи не доставало внѣшнихъ рынковъ сбыта, она не имѣла никакихъ колоній, ни флота, который защищалъ бы ея торговлю. Во главѣ позорныхъ поступковъ реакціи стоитъ продажа перваго нѣмецкаго флота, создавшагося благодаря національному подъему 1848 г., но еще довольно убогаго: онъ попалъ подъ молотокъ акціонера каковымъ явился Аннибалъ Фишеръ, потерявшій, благодаря этому, доброе имя, хотя онъ при этомъ поступалъ лишь какъ исполнитель порученій нѣмецкаго союзнаго собранія. Зато безпрерывно расширялась въ Германіи сѣть желѣзныхъ дорогъ. Первая желѣзная дорога была построена въ 1835 г. между Нюрнбергомъ и Фюртомъ, а въ пятидесятые годы протяженіе желѣзно-дорожнаго пути равнялось уже 11.633 километрамъ, почта и телеграфъ облегчали и ускоряли сношенія съ отдаленными краями; въ 1857 г. было основано въ Бременѣ сѣверно-нѣмецкое пароходное общество «Ллойдъ», и когда въ 1862 г. окончательно былъ заключенъ прусско-французскій торговый договоръ, тогда наконецъ также и нѣмецкая промышленность вступила, какъ равноправный членъ, въ промышленный районъ западно-европейской свободной торговли. Въ связи съ этимъ промышленнымъ подъемомъ все болѣе сознавалась потребность и необходимость въ нѣмецкомъ таможенномъ союзѣ, и если даже порою происходили несогласія между югомъ и сѣверомъ въ вопросѣ объ охранительныхъ пошлинахъ или свободной торговлѣ, дѣло все-таки не дошло до часто угрожавшаго разрыва союза; матеріальные интересы рѣшительно принуждали въ этой области къ взаимному согласію и единенію и—что и съ политической точки зрѣнія было почти также важно—пребываніе внѣ союза Австріи съ ея особыми совсѣмъ не нѣмецкими потребностями и интересами признавалось, какъ и прежде, необходимымъ. Поэтому и Пруссія оставалась стойкой при попыткахъ Австріи вторгнуться и стать во главѣ союза. Ученіе Мати, что за таможеннымъ единствомъ должно послѣдовать національное объединеніе, было забыто,—изъ-за матеріальныхъ интересовъ отошли на задній планъ политическіе и національные. Отвращеніе отъ политики сдѣлалось еще разъ лозунгомъ времени.

Мы уже знаемъ, что надъ возбужденіемъ матеріальныхъ вкусовъ и интересовъ очень искусно и систематически работали нѣмецкія пра-

вительства изъ реакціонныхъ побужденій: если народъ будетъ чувствовать себя хорошо матеріально, то онъ забудетъ идеологическія мечты и стремленія! А между-тѣмъ такое одностороннее развитіе матеріально-хозяйственной стороны жизни и дѣятельности естественно благопріятствовало распространенію и торжеству матеріалистическаго міросозерцанія и матеріалистическихъ принциповъ. И такимъ образомъ, главную вину въ распространеніи и упроченіи матеріализма несутъ тѣ реакціонныя власти, партіи и направленія, которыя громче всѣхъ кричали противъ него, его преслѣдовали и запрещали. Точно также оффиціальная господствующая церковь ничего не предприняла противъ матеріализма, такъ какъ она сама не допускала развитія духа, и все болѣе впадала въ жалкое состояніе скудоумія, въ мертвую матеріалистическую вѣру въ догму, но даже; благодаря своему крайнему византинизму, она работала прямо въ руку матеріализму, подавляя въ своей средѣ истинный идеализмъ и возбуждая къ себѣ презрѣніе, злобу и вражду.

Шопенгауеръ.

Итакъ, идеализмъ, который всегда подъ той или другой формой ютился въ средѣ нѣмецкаго народа, бывшаго до сихъ поръ преимущественно народомъ поэтовъ и мыслителей, теперь окончательно былъ вытѣсненъ. Съ поэзіей дѣло обстояло печально, мышленіе въ безплодномъ спорѣ о матеріализмѣ потеряло съ обѣихъ сторонъ прежнюю остроту и глубину. Распространившееся также въ видѣ эпидеміи и занесенное изъ сѣверной Америки безумное занятіе столоверченіемъ и вызываніемъ духовъ показываетъ, какъ оскудѣлъ творчествомъ и духомъ этотъ народъ философовъ, тѣмъ болѣе, что именно образованные круги главнымъ образомъ попались на удочку этому глупому шарлатанству. Но среди политическаго унынія и разврата съ одной стороны, матеріалистическаго подъема и спиритическаго безумія съ другой, наступилъ всетаки благопріятный моментъ для философа,—моментъ, котораго Артуръ Шопенгауеръ, съ страстнымъ нетерпѣніемъ и муками честолюбія ожидалъ почти 40 лѣтъ.

Въ философіи Шопенгауера заключаются четыре основныхъ положенія, которыя оказали сильное вліяніе на свое время; онѣ не свободны отъ противорѣчій и черезчуръ формально связаны въ одну систему; какъ самъ онъ былъ человѣкомъ, полнымъ противорѣчій, такъ и система его является точнымъ отраженіемъ его духовной личности. Шопенгауеръ—кантіанецъ, онъ всегда считалъ себя истиннымъ и единственнымъ наслѣдникомъ Канта и открыто это заявилъ. Поэтому его философія есть познавательно-теоретическій идеализмъ. Міръ—есть мое представленіе или—нѣтъ объекта безъ субъекта: такъ онъ коротко и рѣзко его формулировалъ. Но Шопенгауеръ далеко ушелъ отъ Канта и Фихте въ томъ отношеніи, что онъ этотъ чувственный міръ, который существуетъ прежде всего въ представленіи субъекта, слишкомъ близко сопоставляетъ съ видѣніями нашихъ сновъ, такъ что между тѣмъ, что мы видимъ во снѣ и переживаемъ на яву, нельзя провести точной разграничительной линіи. Уже это свидѣтельствуетъ о томъ, что входящая въ моду философія въ дѣйствительности гораздо старше, она есть дитя романтическаго періода и выросла изъ одного корня съ магическимъ идеализмомъ Новалиса. На это происхожденіе указываетъ также все возростающій мистицизмъ Шопенгауера и некритическое отношеніе

къ «явленію духовъ и ко всему, сюда относящемуся», а между тѣмъ эта сторона, въ эпоху верченія столовъ, создала успѣхъ его системѣ.

Перейдемъ теперь ко второму положенію. Не есть-ли видимый міръ только представленіе? Нѣтъ ли чего нибудь внѣ его и позади него дѣйствительно существующаго, вещи въ себѣ? И если да, что это можетъ быть? Чтобы разрѣшить эту метафизическую загадку, Шопенгауеръ обращается за помощью не къ кому иному, какъ къ такъ жестоко имъ самимъ обруганному Фихте: нужно погрузиться въ свое «я», и если вообще возможно гдѣ нибудь найти вещь въ себѣ, то только внутри насъ, а не внѣ, какъ думаетъ Кантъ. Наше тѣло мы сознаемъ не только какъ представленіе или какъ объектъ среди объектовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ также, какъ нѣчто непосредственно каждому извѣстное, обозначаемое словомъ «воля»; тѣло есть не что иное какъ объективированная, то есть, сдѣлавшаяся представленіемъ воля, объективація самой воли. Итакъ, «я» — это воля. Но теперь является скачекъ. Не можетъ ли только одно мое тѣло быть въ одно и то же время волей и представленіемъ, всѣ же другія тѣла только представленіемъ? Это утвержденіе является «теоретическимъ эгоизмомъ» или, какъ мы теперь выражаемся, солипсизмомъ, который, по словамъ Шопенгауера, нельзя опровергнуть никакими доводами, но какъ серьезное убѣжденіе его можно встрѣтить развѣ только въ сумасшедшемъ домѣ. Въ противоположность тому, Шопенгауеръ, безъ дальнѣйшихъ разсужденій принимаетъ, что обо всѣхъ объектахъ нужно судить по аналогіи съ нашимъ собственнымъ тѣломъ, что, слѣдовательно, весь тѣлесный міръ по своей внутренней сущности долженъ быть тѣмъ же, что мы называемъ въ себѣ волей. Все есть воля, сущность всѣхъ явленій, вещь въ себѣ есть воля. Путемъ смѣлыхъ и рискованныхъ аналогій, напоминающихъ рѣшительныя сужденія и смѣлыя сравненія натурфилософіи Шеллинга и вскрывающихъ прямую генетическую связь между этими системами, Шопенгауеръ примѣняетъ свои положенія къ животнымъ и растеніямъ, даже къ неорганической природѣ и повсюду видитъ господство воли. Онъ видитъ ее въ напорѣ, съ которомъ воды стремятся въ низкія мѣста, въ настойчивости, съ которой магнитъ непремѣнно обращается къ сѣверному полюсу, въ неизмѣнной правильности образованія кристалловъ, въ химическомъ сродствѣ и т. п. Такимъ образомъ въ эту, повидимому, совершенно идеалистическую систему попадаетъ матеріалистическій элементъ. Вмѣстѣ съ Шеллингомъ вся природа представляется ему снизу до верху постепенно все болѣе усложняющимся царствомъ; на высотѣ стоитъ человѣкъ съ его развитымъ мозгомъ, и, благодаря этому вспомогательному орудію, міръ какъ представленіе сразу готовъ, ибо функція мозга есть интелектъ, изъ котораго воля заимствуетъ свѣтъ и пламень. Такимъ образомъ міръ есть не только воля и представленіе, но какъ представленіе онъ есть феноменъ мозга; по основнымъ же принципамъ системы выходитъ также наоборотъ: мозгъ какъ тѣло есть не что иное, какъ представленіе. Такъ стоитъ Шопенгауеръ въ одно и то же время въ рѣзкомъ противорѣчіи и къ матеріалистамъ, и къ идеалистамъ.

Третье положеніе: воля, не имѣющая ни принциповъ, ни цѣли, вѣчно не удовлетворена среди безпрерывной горячки стремленій и порывовъ. Всякое желаніе рождается изъ лишенія и неудовлетворенности; если оно достигло удовлетворенія, тогда это удовлетвореніе представляется обманомъ и разочарованіемъ и служитъ ступенью къ новому желанію, и такъ до безконечности. Но какъ только стремленіе

прекращается, въ видѣ противоположнаго полюса, выступаетъ новый демонъ, скука, и такъ колеблется, подобно маятнику, человѣческое существованіе между страданіемъ и скукою. Въ этомъ заключается пессимизмъ Шопенгауера, который изливается въ жалобахъ и обвиненіяхъ на ничтожество жизни, на обиліе страданій и болей, на глупость и порочность людей; обосновываетъ онъ свой пессимизмъ по скольку дѣло не ограничивается сильными словами и одностороннимъ подборомъ фактовъ, на утвержденіи, что всякое желаніе только отрицательно и есть освобожденіе отъ какого-нибудь страданія или нужды. Оптимизмъ,—по его мнѣнію,—не только ложный, но прямо зловредный образъ мышленія. Однако, не одинъ человѣкъ является такимъ несчастнымъ существомъ, для котораго было бы гораздо лучше не родиться, но вездѣ въ природѣ свирѣпствуетъ безпощадная борьба за существованіе, господствуетъ вѣчное смятеніе, смертельная вражда между тварями, которыя оспариваютъ другъ у друга мѣсто и пожираютъ, и уничтожаютъ другъ друга, лишь бы самимъ удержаться. Какъ согласовать эти послѣднія мысли съ его ученіемъ о consensus naturae, о внѣшней и внутренней цѣлесообразности въ природѣ, и какъ общая и единая воля можетъ вмѣстѣ съ тѣмъ быть самое себя пожирающей волей,—этихъ вопросовъ мы не будемъ касаться здѣсь такъ же, какъ и вопроса о томъ, пережилъ и перечувствовалъ ли самъ Шопенгауеръ житейскія бѣдствія или въ качествѣ простого наблюдателя-эстетика созерцалъ всемірную трагедію или трагикомедію.

Но этотъ пессимизмъ необходимо требовалъ какого-нибудь исхода: ученіе объ этомъ и составляетъ четвертый пунктъ философіи Шопенгауера. Если всякое желаніе, всякая жизнь есть страданіе, то естественно, что Шопенгауеръ не могъ видѣть цѣли и назначенія человѣка въ сильномъ развитіи воли и дѣятельности, въ серьезномъ отношеніи къ жизни и ея задачамъ. Разъ стремленіе воли къ жизни является источникомъ всякихъ бѣдствій, то единственный возможный выходъ изъ этого — есть отрицаніе воли. Это возможно осуществить, даже тремя способами. Воля успокаивается при созерцаніи прекраснаго, что является безкорыстнымъ познаваніемъ; объектомъ этого познаванія служатъ идеи, которыя Шопенгауеръ заимствовалъ у Платона. Этотъ способъ созерцанія учитъ насъ познавать внутреннюю сущность міра и такимъ образомъ выводитъ насъ за предѣлы явленій, не спрашиваетъ, «откуда, куда и почему, но спрашиваетъ всегда и повсюду «что»», разсматриваетъ вещи не въ какомъ-либо отношеніи, не какъ существующія и преходящія, но, наоборотъ, выдѣляетъ среди всѣхъ отношеній непреложное и неизмѣнное, всегда себѣ равную сущность міра, его идеи». Это, однако, недоступно обыкновеннымъ людямъ, но лишь отдѣльнымъ избраннымъ умамъ, однимъ словомъ, это дѣло геніевъ. Если же еще прибавить, что изъ этого способа познаванія должны исходить какъ искусство и теорія искусства, такъ и философія, то въ этомъ эстетицизмѣ, аристократизмѣ и культѣ геніевъ передъ нами раскрывается крайне романтическій духъ Шопенгауеровской системы, для которой, какъ и для системы Шеллинга, философія и искусство, философское и эстетическое пониманіе міра составляютъ одно и происходятъ изъ одного корня; оба покоятся на геніальности, которая,—по словамъ Шопенгауера,—«есть ничто иное, какъ совершеннѣйшая объективность», и тотъ, кто ею владѣетъ, является «полнымъ отраженіемъ міровой сущности». Подобный объективный міровой фокусъ когда-то въ его глазахъ воплощалъ собою

Гете. Въ особенности же глубоко романтическимъ духомъ вѣетъ отъ того исключительнаго положенія, въ которое онъ ставитъ музыку, наиболѣе романтическое изъ всѣхъ искусствъ.

Въ то время, какъ другія искусства объективируютъ волю только посредственно, посредствомъ идей,—музыка есть такая же непосредственная объективація и образъ всей воли, какъ и самъ міръ, и какъ идеи; музыка не есть выраженіе идей, какъ другія искусства, она стоитъ на одной ступени съ идеями и представляетъ непосредственный образъ самой воли. Поэтому-то ея вліяніе гораздо могущественнѣе и глубже, чѣмъ вліяніе другихъ искусствъ, ибо послѣднія говорятъ только объ отраженіяхъ, музыка же говоритъ о самой сущности; только одна музыка говоритъ о внутренней сущности, о мірѣ въ себѣ. Поэтому, если бы удалось найти вполнѣ вѣрное, совершенное и детальное объясненіе музыки, то она должна была бы сейчасъ же стать точнымъ воспроизведеніемъ и объясненіемъ міра въ понятіяхъ, слѣдовательно, стать истинной философіей. Въ этой теоріи ясно чувствуются личные вкусы и особенности ея автора. Въ философствованіи и въ эстетическомъ, преимущественно, музыкальномъ наслажденіи Шопенгауеръ, вѣчно томящійся и неудовлетворенный, находилъ на время покой и полное удовлетвореніе, его геніальная душа чувствовала себя здѣсь въ наиболѣе сродной стихіи. Какъ въ прошломъ понятна связь его теоріи съ романтизмомъ и романтическою философіею, такъ и въ будущемъ понятенъ тотъ сочувственный пріемъ, который должно было найти ученіе Шопенгауера у Рихарда Вагнера и его сторонниковъ: значитъ, оно явилось какъ разъ во-время. И опять мы наталкиваемся на одно изъ безчисленныхъ противорѣчій: индивидуальное, которое въ морали Шопенгауера цѣнилось такъ высоко, именно, какъ геніальное, вдругъ получило совершенно другое, неблагопріятное освѣщеніе. Быть плотно покрытымъ покрываломъ Майи, разсматривать свою личность, какъ абсолютно отличную отъ всѣхъ другихъ и отдѣленную отъ нихъ глубокою пропастью—въ этомъ корень зла. Въ глубинѣ сознанія невольно возникаетъ при этомъ тайное предчувствіе, что такой порядокъ вещей есть только призракъ; какъ бы время и пространство ни отдѣляли человѣка отъ другихъ индивидуумовъ и ихъ безчисленныхъ страданій, которыя они несутъ отчасти по его винѣ, какъ бы они ни представлялись ему чуждыми, все-таки желаніе жить обще имъ всѣмъ; однимъ словомъ, въ немъ пробуждается состраданіе, которое, въ противоположность эгоизму, есть нравственный двигатель. На этомъ чувствѣ, на этой мысли при видѣ всякаго чужого страданія: это ты самъ! покоится вся нравственность, замыкающаяся, съ одной стороны, справедливостью, съ другой—любовью къ людямъ. Но эта обычная мораль сострадавія предназначается для непосвященныхъ и имѣетъ лишь подготовительное значеніе. Когда передъ глазами человѣка приподымается покрывало Майи, когда человѣкъ перестаетъ чувствовать свое превосходство передъ другими, но въ чужомъ страданіи принимаетъ такое же участіе, какъ въ своемъ собственномъ,—тогда воля отворачивается отъ жизни, доходитъ до состоянія добровольнаго отреченія, покорности, равнодушія и совершеннаго безволія, происходитъ полное отрицаніе воли. Формой этого отрицанія воли является аскетизмъ; образцомъ могутъ служить средневѣковые монахи и еще болѣе индійскіе подвижники. Добровольное, строгое цѣломудріе, добровольная и преднамѣренная бѣдность, посты, бичеваніе, самоистязаніе, медленная голодная смерть—въ этомъ состоятъ нравственныя задачи; цѣль есть—нирвана, возвращеніе въ

ничто, которое однако не есть абсолютное ничто. Чтобы дать какое-нибудь болѣе положительное опредѣленіе, можно указать на то состояніе, которое испытали и пережили всѣ, достигшіе отрицанія воли, именно мистики и святые, и которое извѣстно подъ именемъ экстаза, самозабвенія, просвѣтлѣнія и сліянія съ Богомъ; ибо здѣсь исчезаетъ различіе между субъектомъ и объектомъ. Этимъ полумракомъ между религіознымъ мистицизмомъ и нигилистическимъ иллюзіонизмомъ и заканчивается система.

Сорокъ лѣтъ выжидала философія Шопенгауера своего момента, и все-таки, когда она выступила на свѣтъ, далеко не во всѣхъ отношеніяхъ она оказалась по-плечу своему времени. Въ одномъ пунктѣ даже она стала въ рѣшительное противорѣчіе съ воззрѣніями и тенденціями столѣтія, и будущее покажетъ, привьется ли это ученіе XX-му столѣтію подъ вліяніемъ Ницше и въ его противоположной мотивировкѣ. Философія Шопенгауера стоитъ внѣ исторіи. Это проявляется прежде всего въ его взглядахъ на природу. Тѣ идеи, съ которыми мы выше познакомились, какъ съ составною частью и объектомъ эстетическаго воззрѣнія, имѣютъ также метафизическое значеніе, онѣ вѣчны и неизмѣнны, они опредѣленныя ступени объективаціи воли. Поэтому для этихъ силъ природы, формъ и типовъ бытія нѣтъ развитія, и Шопенгауеръ рѣшительно отвергаетъ «рѣдкое заблужденіе» Ламарка о постепенномъ развитіи органическихъ формъ въ животномъ царствѣ. Шопенгауеръ умеръ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда появилась надѣлавшая столько шума книга Дарвина о *происхожденіи* видовъ; но если бы онъ даже былъ съ ней знакомъ, все-таки—мы вполнѣ согласны въ этомъ съ Куно Фишеромъ,—«это ученіе оттолкнуло бы его, такъ какъ онъ разсматривалъ виды, какъ платоническія идеи, Дарвинъ же, напротивъ, представилъ ихъ, какъ естественно-историческіе продукты, и намѣтилъ пути ихъ постепеннаго образованія».

Какъ къ царству природы, такъ же относится Шопенгауеръ и къ царству людей. XIX вѣкъ является по преимуществу историческимъ, Шопенгауеръ же не признаетъ никакого значенія за исторіей. Для него исторія не наука, ибо ея матеріаломъ служитъ «единичное въ своей отдѣльности и случайности, что только разъ случилось и затѣмъ навсегда исчезаетъ, преходящія сплетенія движущагося какъ облака по вѣтру человѣчества, измѣняющіяся при самой ничтожной случайности. Съ этой точки зрѣнія предметъ исторіи кажется намъ не достойнымъ серьезнаго и кропотливаго изученія для человѣческаго духа, который потому именно, что онъ самъ преходящъ, долженъ избрать для своего созерцанія непреходящее». Но здѣсь снова находимъ рѣшительное противорѣчіе. Значеніе исторіи все-таки не равно нулю: оно заключается въ томъ, что исторія, какъ разумное и осмысленное самосознанія человѣческаго рода, должна связывать единичныя самосознанія въ нѣчто цѣлое—въ одно человѣчество. Къ такой задачѣ могла отнестись только сочувственно современная «историческая» эпоха и даже отважиться на подобную попытку.

Пессимизмъ.

Интересно прослѣдить, какъ различныя положенія шопенгауеровской философіи, одно за другимъ, стали входить въ духовную жизнь нѣмецкаго народа. Раньше всего, какъ уже было сказано, былъ воспринятъ пессимизмъ, наиболѣе соотвѣтствовавшій настроенію пятидесятыхъ го-

довъ. Врядъ ли какой-нибудь народъ въ теченіе пятидесяти лѣтъ претерпѣлъ столько жестокихъ оскорбленій, столько разъ постыдно былъ обманутъ въ своихъ юношескихъ мечтахъ и надеждахъ, выносилъ столько злоупотребленій отъ своихъ князей и государственныхъ людей, сколько нѣмецкій народъ въ періодъ времени съ 1815 по 1866 г. Уже одинъ тотъ фактъ, что многіе изъ его лучшихъ и величайшихъ сыновъ въ эти годы были заподозрѣны и находились подъ политическимъ надзоромъ, что ихъ преслѣдовали и осуждали, сажали въ тюрьмы и ссылали,—говоритъ достаточно краснорѣчиво. И нечему удивляться, что народъ наконецъ потерялъ мужество и вѣру въ лучшее будущее. Нѣмцы перестали бы быть самими собой, если бы и на этотъ разъ не пожелали имѣть соотвѣтствующую теорію и систему и нашли таковую уже готовую въ философіи франкфуртскаго отшельника. Но по остроумному выраженію Гегеля, сова Минервы начинаетъ всегда летать при наступленіи сумерекъ, т. е. философія всегда является поздно и опредѣляетъ то, что уже наступило и даже, пожалуй, что прошло; поэтому пессимизмъ продолжалъ оказывать могущественное вліяніе на философію и поэзію еще долго въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ, когда настроеніе, его породившее, было давно забыто.

Какъ знаменіе времени, я могу назвать вышедшую въ 1857 г. книгу Рудольфа Гайма «Гегель и его время». Лекціи о происхожденіи, развитіи, сущности и значеніи гегелевской философіи. Въ ней гегелевская философія, поскольку съ ней связывается и отождествляется политическая реакція, подвергается самымъ страстнымъ обвиненіямъ и ожесточеннымъ нападкамъ. Центромъ этихъ нападокъ служитъ фраза Гегеля: что разумно, то дѣйствительно, что дѣйствительно, то разумно: «классическая фраза духа реставраціи, абсолютная формула политическаго консерватизма, квіетизма и оптимизма». Такимъ образомъ нападки на Гегеля являются вмѣстѣ съ тѣмъ нападками на реакцію; и потому мнѣніе Гайма о Гегелѣ одностороннеи во многомъ несправедливо; въ общемъ же книга вполнѣ вѣрно отражаетъ настроеніе эпохи, а потому является характерной для своего времени. Лѣвое крыло гегелевской философіи, съ ея либеральными и прогрессивными тенденціями, было разсѣянно реакціоннымъ давленіемъ и распалось, и въ тотъ моментъ отъ гегеліанства осталась только реакціонная и квіэтическая партія,—противъ нея-то вполнѣ заслуженно Таймъ направилъ изящно отточенное оружіе своего остроумнаго смѣха. Удачно направленные удары противъ Гегеля попали въ реакцію, и въ этой борьбѣ Таймъ дѣйствовалъ не какъ профессоръ философіи, а какъ политикъ. Въ этомъ отрицаніи философіи Гегеля Таймъ вполнѣ сходился съ Шопенгауеромъ, который всячески, въ самыхъ ожесточенныхъ выраженіяхъ выступалъ противъ шарлатана и лжефилософа. Но когда мы слышимъ, что Шопенгауеръ нападаетъ именно на ту сторону гегелевской философіи, въ которой выражаются ея прогрессивныя и свободолюбивыя тенденціи, то онъ самъ выступаетъ передъ нами какъ реакціонеръ и представитель вѣчнаго застоя. Поэтому вполнѣ правъ Таймъ въ своемъ отрицательномъ отношеніи къ Шопенгауеру въ шестидесятыхъ годахъ: онъ видѣлъ въ немъ философа реакціи, въ его пессимизмѣ—опасность для смѣлаго и полнаго надеждъ движенія впередъ.

Знаменательно однако же то, что мы нѣмцы, хотя имѣемъ много пессимистической поэзіи, но не имѣемъ ни одного настоящаго классика пессимизма. Конечно, здѣсь можно еще разъ назвать Гейне съ его поэзіей, полной терзаній и міровой скорби, такъ какъ Гейне, такъ же

какъ и Шопенгауеръ, есть отпрыскъ романтизма, а пессимизмъ выросъ на романтической почвѣ. Но въ этой-то области Гейне наименѣе оригиналенъ, онъ копируетъ Байрона, и то, что онъ говоритъ въ пессимистическомъ духѣ, написано съ чужого голоса, вымышленно, искусственно. И почти буквально то же самое можно сказать о полной унынія поэзіи Ленау. Поэтому и Шопенгауеръ не указываетъ на этихъ нѣмецкихъ поэтовъ, но на итальянца Джіакомо Леопарди. О немъ онъ говоритъ: «Никто въ наше время не изобразилъ такъ полно и основательно бѣдствія человѣческаго существованія, какъ Леопарди; онъ глубоко проникнутъ ими; повсюду его тема—то иронія, то скорбь объ этомъ существованіи, на каждой страницѣ онъ выставляетъ эти бѣдствія, однако въ такомъ разнообразіи формъ и съ такимъ богатствомъ образовъ, что не только никогда не наскучиваетъ, но, наоборотъ, постоянно поддерживаетъ интересъ и возбужденіе». И дѣйствительно, Леопарди воспѣвалъ то, чему училъ Шопенгауеръ, но только болѣе глубоко и страстно, переживая все личнымъ опытомъ:

Къ самому себѣ.

Теперь отдохнешь навсегда,
Усталое сердце мое.
Исчезъ и послѣдній обманъ,
Который я вѣчнымъ считалъ,
Исчезъ, и я знаю отнынѣ
Уже нѣтъ дорогихъ обольщеній:
Не только надежда во мнѣ,
Но даже желанье угасло.
Усни же теперь навсегда:
Довольно ты билось, о сердце.
Уже нѣтъ ничего, что бы было
Достойно біеній твоихъ,
И вздоховъ не стоитъ земля.
Жизнь—горечь и скука, и только.
Міръ грязенъ. Отнынѣ умолкни,
Въ послѣдній отчаявшись разъ.
Судьба дала нашему роду
Единственный даръ: это смерть.
Отнынѣ себя презирай,
Природу, ужасную силу,
Которая въ тайнѣ царитъ
На гибель всеобщую и
Тщету безпредѣльнаго міра *).

Въ шестидесятые годы эта итальянская книга, «это евангеліе пессимизма, эта кодификація міровой скорби», была два раза переведена на нѣмецкій языкъ, и еще въ 1878 году Поль Гейзе, при изданіи своего классическаго перевода стихотвореній и діалоговъ Леопарди, между прочимъ заявляетъ, что, «пессимизмъ, какъ философская доктрина, съ каждымъ днемъ пріобрѣтаетъ все большую цѣну въ Германіи, какъ единственное удовлетворительное разрѣшеніе всѣхъ практическихъ и философскихъ вопросовъ». Но этотъ пессимизмъ Леопарди былъ не только личнымъ и индивидуальнымъ—самъ поэтъ представлялъ собою «одинъ изъ рѣдкихъ примѣровъ человѣческаго несчастья»,—но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ продуктомъ политическихъ условій его родины—Италіи, которая вплоть до 1859 г. представляла досадное сходство съ

*) Прим. пер. съ итальянск. Помяна.

Германіей: обѣ были «недосягаемо несчастны». Но почему пессимизмъ и послѣ 1871 г. распространился въ Германіи и даже достигъ высшей степени процвѣтанія? Причина заключается, съ одной стороны, въ его философскомъ характерѣ, къ чему нѣмцы вообще питаютъ пристрастіе, и въ свойствѣ всякой философіи всегда запаздывать; съ другой же стороны—въ особыхъ обстоятельствахъ, съ которыми мы еще познакомимся.

Эдуардъ фонъ-Гартманъ.

Слѣдуетъ указать также на философовъ, которые восприняли ученіе Шопенгауера, углубили, измѣнили и отчасти исказили его. Эдуардъ фонъ-Гартманъ въ своей «Философіи безсознательнаго», вышедшей въ 1869 г., сближаетъ Шопенгауера не только съ Шеллингомъ, но и съ его антиподомъ Гегелемъ; онъ пытается приспособить ученіе Шопенгауера къ исторической эпохѣ, включивъ въ него эволюціонизмъ, и съ помощью оптимистическихъ прибавокъ онъ дѣлаетъ его менѣе мрачнымъ и потому доступнымъ болѣе широкимъ кругамъ. По Гартману, также воля есть міръ въ себѣ, но только основа его бытія. Когда міровое хотѣніе безпричинно, свободно и случайно возвышается изъ простой потенціи въ актъ, она увлекаетъ въ этомъ своемъ подъемѣ представленіе или идею, опредѣляющее «что» и «какъ» міра — міровое содержаніе. Но такъ какъ хотѣніе по своей природѣ всегда ведетъ за собой избытокъ неудовольствія, то оно осуждаетъ міръ, какъ бы онъ ни былъ созданъ, на мученіе. Поэтому идея, логическій элементъ сознаетъ кардинальную ошибку слѣпой неразумной воли въ томъ, что она создала міръ. Но исправить эту ошибку, освободить міръ отъ гибельнаго дѣйствія воли, идея не въ состояніи, ибо она не свободна и безсильна, и не имѣетъ никакой власти надъ бытіемъ. Но при помощи сознанія представленіе можетъ освободиться отъ воли и такимъ образомъ постепенно привести ее къ бездѣйствію, «обративъ все активное желаніе въ ничто, при этомъ прекращается всякій процессъ и погибаетъ міръ, не оставляя послѣ себя ничего, въ связи съ чѣмъ этотъ процессъ могъ бы когда-нибудь возстановиться».

Пришлось бы далеко зайти въ глубь философіи исторіи, чтобы найти параллель для подобныхъ причудливыхъ фантазій. Едва ли можно указать на Шеллинга, который мыслилъ все-таки болѣе разумно и болѣе просто, но развѣ на гностиковъ второго столѣтія христіанской эры, когда, по мудрому изреченію Гегеля, «всѣ люди врали», и значеніе философіи Гартмана не больше этой забытой теогонической системы. Допуская въ основѣ міра соединеніе другъ съ другомъ неразумной слѣпой воли съ безвольнымъ и безсильнымъ представленіемъ, Гартманъ изъ этого создаетъ свое безсознательное, какъ субстанцію съ двумя—NB другъ другу противорѣчащими—аттрибутами; съ одной стороны, ему кажется міръ и существованіе въ немъ основнымъ несчастьемъ, хотя лучшій изъ всѣхъ возможныхъ міровъ, но «вообще крайне бѣдственный и хуже, чѣмъ ничего!», и съ другой стороны, онъ пріобрѣтаетъ такимъ образомъ основаніе для телеологическаго процесса развитія этого міра. Ради какой же цѣли, ради какого конца? Не для чего другого, какъ для того, чтобы обратить бытіе въ небытіе. Сознаніемъ завершается міровой процессъ, слѣдовательно, все міровое развитіе служитъ для созданія сознанія. Какъ это происходитъ, остается и здѣсь полной загадкой. Но далѣе, въ сознательномъ разумѣ дана возможность познать

гибельность воли и потому на немъ лежитъ обязанность низвести эту противоразумную волю, виновную въ созданіи міра, въ ничто, и такимъ образомъ сдѣлать хорошимъ то, что неразумная воля сдѣлала плохимъ. Между тѣмъ какъ у Шопенгауера эта обязанность лежала на каждой личности въ отдѣльности, здѣсь все человѣчество въ его историческомъ развитіи призывается поднять борьбу съ нелогическимъ, и съ помощью «одновременнаго всеобщаго рѣшенія», или, по крайней мѣрѣ, рѣшенія большинства, уничтожить волю, а вмѣстѣ съ тѣмъ бытіе міра! Изъ этого, конечно, вытекаетъ совершенно иное пониманіе нравственныхъ вопросовъ, чѣмъ у Шопенгауера. Каждый долженъ принимать участіе въ историческомъ развитіи и въ историческомъ прогрессѣ для того, чтобы человѣчество поднималось все выше и выше и, наконецъ, отважилось на великое освободительное рѣшеніе большинства. «Мы, которые видимъ въ природѣ и въ исторіи единый величественный и чудный процессъ развитія,—мы вѣримъ въ конечную побѣду все свѣтлѣе и ярче сіяющаго разума надъ торжествующею слѣпою и неразумною волею; мы вѣримъ въ цѣль процесса, который принесетъ намъ освобожденіе отъ мукъ бытія; и для осуществленія и ускоренія этого процесса мы можемъ внести и нашу лепту, служа разуму». Такимъ образомъ пессимизмъ незамѣтно переходитъ въ оптимизмъ и завершается вѣрою и надеждою. Но ликованіе становится сильнѣе, цѣль гораздо выше. Не только намъ самимъ, людямъ и сверхчеловѣкамъ, то рѣшеніе должно оказать большую услугу но, благодаря ему, долженъ также Богъ, т.-е. абсолютное, освободиться отъ злосчастья, въ которое онъ впалъ когда-то, благодаря неразумному стремленію его воли къ бытію. Вся нравственность поэтому заключается въ совмѣстной работѣ для сокращенія пути страданія, въ который вовлеченъ былъ Богъ въ міровомъ процессѣ; за міровою скорбью стоитъ, какъ болѣе глубокое, скорбь Бога, за спасеніемъ міра стоитъ, какъ болѣе высокое, спасеніе Бога.

Въ этихъ заключительныхъ мысляхъ, высказанныхъ Гартманомъ еще въ 1879 г. въ «Феноменологіи нравственнаго сознанія» видѣли богохульство, но въ философіи нѣтъ богохульства; напротивъ я нахожу ихъ только смѣшными, это водевиль послѣ трагедіи пессимизма Дѣйствительно, большинство существъ въ одинъ прекрасный день приходитъ къ рѣшенію, что оно не хочетъ болѣе жить и надѣется, что отъ этого рѣшенія міръ какъ бы по волшебному мановенію исчезнетъ и обратится въ ничто,—такое большинство, конечно, сдѣлало бы лучше, если бы перестало существовать, ибо оно годится только для дома сумасшедшихъ. Такой конецъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ лучшая самокритика системы, которая съ самаго начала была полна противорѣчій: безсознательное, которое въ одно и тоже время разумно и неразумно, этому затѣмъ соотвѣтствуетъ пессимизмъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ оптимистиченъ, нравственная совмѣстная работа и нравственный прогрессъ, — pro nihilo, — историческій ходъ развитія, подобный дѣянію Пенелопы, которая тketъ въ сумеркахъ иллюзіи покрывало Майи, чтобъ его затѣмъ ночью при украденномъ свѣтѣ сознанія распустить и уничтожить, — вотъ цѣль, о которой можно сказать: такъ много работы изъ-за савана!.. И кто же дастъ намъ гарантію, что когда такимъ путемъ игра будетъ доведена до конца, она рано или поздно снова не начнется, что неразумная воля опять не поднимется и въ союзѣ съ «дѣвственной» идеей опять не произведетъ урода— міръ? Какимъ надменнымъ и тщеславнымъ представляется мышленіе

философа, охваченнаго маніей величія, не желающаго удовольствоваться скромнымъ выполненіемъ обязанностей по дѣлу искупленія людей, но бредящаго о божеской скорби и искупленіи Бога, чтобы занять эффектную позицію и придать себѣ совершенно исключительную важность. За этимъ опять-таки скрывается старое романтическое возвеличеніе своего собственнаго «я», гибкость романтическихъ принциповъ нравственнаго нигилизма и романтическое же самомнѣніе геніальности вмѣстѣ съ его магическимъ идеализмомъ.

Между тѣмъ, Гартманъ своими произведеніями по эстетикѣ и философіи религіи и, главнымъ образомъ, своимъ ученіемъ о категоріяхъ и своимъ участіемъ въ самыхъ жгучихъ вопросахъ современности показалъ, что съ нимъ необходимо считаться. Но слава его покоится главнымъ образомъ на философіи безсознательнаго, на чемъ же она основывается? Необходимо замѣтить, что никогда ни для какого философа и его произведеній не дѣлалось такихъ громкихъ рекламъ, какъ для философіи безсознательнаго и Эдуарда фонъ Гартмана; въ этомъ, во всякомъ случаѣ, онъ вполнѣ современный человѣкъ. Точно также нѣкоторая пикантность въ главахъ о половой любви и рожденіи заставили наброситься на эту книгу многихъ такихъ, которые вообще не имѣли никакого отношенія къ философіи. Поэтому для меня не совсѣмъ ясна заслуга, о которой всего громче кричали приверженцы Гартмана: въ то время, какъ философія вообще и метафизика въ особенности глубоко пали въ общественномъ мнѣніи, онъ имѣлъ мужество быть философомъ и метафизикомъ и благодаря этому оказалъ философіи большую услугу. Между тѣмъ метафизика въ философіи безсознательнаго есть, въ сущности, миѳологія, чтобы не употребить болѣе сильнаго выраженія. Нѣтъ, философія Гартмана удовлетворяла своему времени другимъ, во-первыхъ, пессимизмомъ съ тѣми уступками оптимизму, которыя требовались въ данное время, и, во-вторыхъ, дополненіемъ шопенгауеровской философіи принципами дарвинизма, что онъ развилъ спеціально въ цѣломъ рядѣ мелкихъ произведеній. Матеріализмомъ успѣли пресытиться, и вдругъ является писатель, который признаетъ выводы естествознанія и принимаетъ ихъ въ самой послѣдней научной обработкѣ, но на мѣсто безсознательной матеріи онъ ставитъ безсознательный и абсолютный духъ и такимъ образомъ расчищаетъ путь для телеологіи. Но все-таки это былъ мнимый успѣхъ, какъ самъ Гартманъ наивно констатируетъ въ 1889 г. въ предисловіи къ третьей части «Философіи безсознательнаго». «Между тѣмъ, какъ до 1877 г. «Философія безсознательнаго» довольно часто упоминалась въ естественно-научныхъ работахъ и подвергалась критическому разбору и во многихъ отдѣльныхъ сочиненіяхъ служила предметомъ нападенія со стороны матеріалистовъ, съ тѣхъ поръ какъ бы по какому то уговору (!) голоса стихли. Если же когда-нибудь о ней упоминается въ работахъ натуралистовъ, то это дѣлается съ снисходительной улыбкой, какъ надъ лопнувшимъ мыльнымъ пузыремъ, о которомъ нынѣ никто, т.-е. никакой осторожный естествоиспытатель, болѣе не говоритъ». Здѣсь слѣдуетъ «зарегистрировать этотъ фактъ», хотя и въ другомъ смыслѣ, чѣмъ разсчитываетъ Гартманъ.

Поворотъ къ Канту.

Почему метафизика Гартмана съ 1877 г. не привлекала болѣе ничьего вниманія и не принималась серьезно, объясненіе этого обстоятельства

тельства не нуждается ни въ какомъ уговорѣ или заговорѣ естествоиспытателей и профессоровъ философіи, ни въ какой «кастовой замкнутости нашей университетской философіи». Въ дѣйствительности, философія снова собралась съ духомъ и согнала со своихъ глазъ догматическую дремоту, въ которую ее убаюкали матеріалисты вмѣстѣ съ теистами, и этимъ обязана она возрожденію Канта и его антидогматическаго критицизма. Въ данномъ случаѣ сказывается одна изъ тенденцій шопенгауеровской философіи. Шопенгауеръ признавалъ себя наслѣдникомъ Канта, и не безъ основанія. Поэтому, когда, начиная съ пятидесятыхъ годовъ, Шопенгауеръ сдѣлался предметомъ вниманія и почитанія, то изъ этого обстоятельства какъ-то само собой вытекало требованіе: назадъ къ Канту! Итакъ, послѣ пессимистической стороны ученія Шопенгауера, получаетъ признаніе и интересъ идеалистическая или кантіанская сторона его.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ философія походитъ на поле сраженія, усѣянное обломками и трупами. Еще сохранились нѣкоторые гегеліанцы, но они давали работы только въ области исторіи философіи, и здѣсь, слѣдуетъ отмѣтить почтенные труды Эрдмана, Целлера и Фишера. Рядомъ съ ними школа Гербарта начинала завоевывать мѣсто въ психологіи и педагогикѣ, но только ей недоставало философскаго творчества и производительной силы. Между тѣмъ, въ спорѣ о матеріализмѣ эклектики сильнѣе всѣхъ поднимали голосъ и въ «Журналѣ философіи и спекулятивной теологіи» всячески старались оправдать и философски обосновать христіанское міросозерцаніе и въ особенности теизмъ. Это безпринципное и безплодное спекулированіе о трансцендентныхъ предметахъ, игравшее въ руку матеріализму, вызвало мысль вернуться къ тому, кто давно уже своей критикой положилъ конецъ всякому спекулированію о трансцендентномъ. Итакъ, почти одновременно съ различныхъ сторонъ раздался крикъ: назадъ къ Канту! Эдуардъ Целлеръ, гегеліанецъ и какъ теологъ примыкавшій къ тюбингенской школѣ, еще въ 1862 г. въ своей извѣстной гейдельбергской вступительной лекціи «о значеніи и задачахъ теоріи познанія», въ виду явнаго распаденія и застоя въ нѣмецкой философіи, призывалъ «вернуться къ тому моменту, съ котораго началось ея теперешнее развитіе, т.-е. къ критицизму Канта, и снова начать изслѣдованіе съ того пункта, до котораго онъ его довелъ». За нимъ выступилъ Альбертъ Ланге, авторъ «Исторіи матеріализма». Ланге предоставилъ матеріализму полныя права въ естественно-научной области, но тѣмъ энергичнѣе онъ указывалъ на его границы и предѣлы и старался отстранить его притязанія дать полное міросозерцаніе. При этомъ онъ воспользовался теоріей познанія Канта и объявилъ міръ продуктомъ нашего сознанія; при этомъ онъ включалъ сюда съ большею послѣдовательностью, чѣмъ Шопенгауеръ, также нашу физическую организацію, значитъ и мозгъ, такъ что, слѣдовательно, и наше представленіе есть также объектъ нашего сознанія. Извѣстный скептицизмъ сказывается у него въ томъ, что онъ считаетъ всю метафизику окончательно устраненной Кантомъ и во всѣхъ метафизическихъ системахъ видитъ только творчество идей и идеаловъ, а послѣдніе считаетъ только символами. Однако же онъ признаетъ созданіе подобнаго міра идеаловъ необходимымъ и практически очень цѣннымъ. Но особенно настойчиво рекомендовалъ Канта Отто Либманъ въ своей книгѣ «Кантъ и его эпигоны», заканчивая каждую главу восклицаніемъ: назадъ къ Канту! И наконецъ, блестящее изложеніе кантовской системы въ исторіи новѣйшей философіи Куно

Фишера способствовало возобновленію знакомства и пониманію ея. Точно также его полемика съ Тренделенбургомъ о пробѣлѣ у Канта въ доказательствахъ объ исключительной субъективности понятій пространства и времени привела умы въ сильное возбужденіе.

Къ этимъ голосамъ, призывающимъ къ Канту, съ начала или съ середины шестидесятыхъ годовъ примкнулъ все болѣе возрастающій хоръ кантіанцевъ, и мы еще нынѣ стоимъ подъ знаменемъ этого движенія, хотя самый высокій приливъ его уже начинаетъ убывать. Вліяніе этого движенія не вездѣ дало благопріятные результаты. Съ одной стороны, благодаря работѣ надъ Кантомъ, развилась сухая и философски безплодная кантовская филологія, спорящая о разночтеніяхъ, о запятыхъ и опечаткахъ. Съ другой стороны, критицизмъ выступилъ слишкомъ осторожно и несмѣло, изъ страха, какъ бы не впасть въ метафизику и изъ излишняго скептицизма, онъ ограничивался только вопросами о теоріи познанія, и казалось, что весь философскій подъемъ и сведется исключительно къ этимъ проблемамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ стали заниматься тонкостями, которыя напоминали споръ средневѣковой схоластики о реализмѣ и номинализмѣ и черезчуръ обезличили субъектъ философскими схемами. Выходило такъ, по мѣткому выраженію Дильтея, какъ будто въ жилахъ этого познающаго субъекта «течетъ не настоящая кровь, но особый тонкій сокъ разума, орудія мыслительной дѣятельности». Но, чтобы устранить эту опасность, должны были выступить на сцену другія силы и дать философіи новые импульсы и новыя темы.

Дальнѣйшее вліяніе философіи Шопенгауера.

Вліяніе философіи Шопенгауера и ея послѣдствія не исчерпываются прослѣженными нами здѣсь вплоть до 1870 г. нитями развитія. Когда нѣмецкій народъ увидѣлъ въ Бисмаркѣ великаго и сильнаго человѣка за работою, и, благодаря ему, самъ былъ привлеченъ къ дѣятельности, затѣмъ достигъ побѣды и единенія,—тогда пришла очередь для ученія о волѣ, для волюнтаризма. Куно Фишеръ въ подобномъ смыслѣ толковалъ самого Канта и такимъ образомъ перекинулъ мостъ между Шопенгауеромъ и новокантіанствомъ; другіе, какъ Вундтъ и Паульсенъ, положили волю въ основу психологіи и метафизики. И еще раньше Рихардъ Вагнеръ нашелъ въ Шопенгауерѣ философа для своей музыки будущаго, воспринявъ охотно не только его метафизическую теорію музыки, но также и мораль состраданія съ ея метафизически-пессимистической основой, и пытался провести внутреннее вліяніе этой морали на созданіе своихъ музыкальныхъ драмъ и на характеристику своихъ героевъ. И, наконецъ, отъ нихъ обоихъ, отъ Шопенгауера и Вагнера, какъ отъ своихъ «воспитателей», вышелъ Ницше съ тѣмъ, чтобы далеко шагнуть отъ нихъ обоихъ какъ своими мнѣніями объ искусствѣ и культурѣ, такъ и аристократическимъ культомъ геніевъ, и при этомъ все-таки удержать связь съ ними и общіе корни въ романтикѣ.

Но объ этомъ рѣчь впереди. Здѣсь же слѣдовало указать, какимъ сильнымъ ферментомъ умственной жизни Германіи оставался Шопенгауеръ въ теченіе сорока лѣтъ, какое вліяніе онъ оказывалъ на всѣ стороны жизни и какъ жизнь съумѣла воспользоваться всѣми тенденціями его философіи и сдѣлать ихъ своимъ достояніемъ. Что это вліяніе во всѣхъ отношеніяхъ было полезно и благодѣтельно, я не стану, конечно, утверждать, да и это выяснится въ дальнѣшемъ изложеніи. Долгое время безплодно лежавшее въ землѣ сѣмя праздновало теперь

запоздалый, но зато тѣмъ болѣе богатый всходъ и расцвѣтъ. Но не должно забывать: это былъ отпрыскъ отъ стараго романтическаго волшебнаго дерева, и романтиченъ потому также пессимизмъ, романтична музыка Рихарда Вагнера, романтиченъ индивидуализмъ и аристократизмъ Ницше; романтичны не только мистицизмъ и сказочное волшебство нашей современной литературы, но даже въ нашей философіи проносится при случаѣ дуновеніе романтизма. Наконецъ, наше пристрастіе къ исторіи, нашъ историзмъ находится также въ связи съ обращеннымъ назадъ окомъ романтизма. О немъ Гете, какъ мы знаемъ, сказалъ: все классическое здорово, все романтическое болѣзненно. И дѣйствительно, боленъ былъ нѣмецкій народъ, въ особенности въ пятидесятые годы, когда онъ сталъ воспріимчивымъ къ пессимистической идеѣ о томъ, что лучше было бы совсѣмъ не существовать.

Во всѣхъ этихъ бѣдахъ церковь оказалась совершенно безсильной. Въ спорѣ о матеріализмѣ она ограничивалась громкими жалобами и проклятіями,— это отчасти объясняется тѣмъ, что въ это реакціонное время она направила всю свою дѣятельность на внѣшнее развитіе своей силы и укрѣпленіе своего господства. По отношенію къ пессимизму она съ самаго начала поставлена была въ неудобное положеніе. Само христіанство заключало въ себѣ несомнѣнные пессимистическіе элементы, а философія «атеиста» Шопенгауера подъ конецъ впала почти въ религіозный мистицизмъ; и это пошло на пользу если не христіанской, то во всякомъ случаѣ буддійской религіи, на которую начали обращаться подъ его вліяніемъ взоры европейскаго міра. Такимъ образомъ церкви не приходится ставить себѣ въ заслугу ни подавленіе матеріализма, ни подавленіе пессимизма. Для этого нужны были другія силы, только послѣ реакціи освободившіяся отъ оковъ. Первый ударъ былъ нанесенъ политикой, но вѣдь и реакція по своему происхожденію была политической.

IV. Съ 1871 г. до конца вѣка.

Дать характеристику своему собственному времени и, значитъ, до извѣстной степени подняться надъ нимъ—представляется и мнѣ довольно смѣлой задачей. Въ такомъ случаѣ очень легко смѣшать личныя настроенія съ общественными теченіями, и такъ какъ стоишь близко къ людямъ и событіямъ, то мелкое и ничтожное легко принять за крупное и значительное, и наоборотъ: среди преходящихъ и мелкихъ явленій рискуешь проглядѣть болѣе важное и постоянное. И все-таки періодъ времени отъ 1871 г. до 1890 г. въ этомъ отношеніи находится еще въ сравнительно благопріятныхъ условіяхъ: это время Бисмарка и Вильгельма I. Эти люди на нашихъ глазахъ переживаютъ самихъ себя и, благодаря этому, въ ихъ время нарождается много новаго; это новое выростаетъ независимо отъ ихъ вліянія и терпѣливо выжидаетъ наступленія благопріятнаго момента. Поэтому границы этого періода такъ рѣзко обозначены: съ 1890 г. происходитъ рѣшительный и крутой поворотъ во всемъ. Мы уже знаемъ, что новое появилось раньше, но рѣшилось выступить открыто лишь тогда, когда все старое вмѣстѣ съ великимъ старцемъ отошло въ вѣчность. Поэтому объ этомъ новомъ мы будемъ говорить лишь въ концѣ книги,

fin de siècle можно считать періодъ времени отъ 1890 года до настоящаго момента. Между тѣмъ, эра Бисмарка, какъ законченная, представляется уже теперь въ общемъ вполнѣ ясной; ее почти всецѣло можно отнести къ прошлому. Она распадается на два рѣзко различные періода: на либеральный съ 1871 г. до 1878 г. и на второй, который не такъ легко опредѣлить однимъ словомъ; въ извѣстномъ смыслѣ, конечно, его можно было бы назвать ретроградным. Но на-ряду съ консервативнымъ режимомъ въ этотъ періодъ могуче выступало нѣчто новое, до чего либерализмъ не доросъ и чего онъ не одобрялъ. И эти два элемента—консервативно-аграрный и романтически-ультрамонтанскій съ одной стороны, соціалистическій и соціальный—съ другой переживаютъ эру Бисмарка и продолжаютъ оказывать сильное дѣйствіе и въ настоящее время. Но все-таки я не хочу разсматривать эту эпоху по періодамъ въ хронологическомъ порядкѣ, а постараюсь выдѣлить тѣ два теченія, которыя наиболѣе ярко выступаютъ, именно уже законченное теченіе Kulturkampf'a и находящееся на высшей точкѣ развитія—теченіе соціалистическое. Все же остальное мы можемъ частью включить въ эти рамки, частью разсмотрѣть вмѣстѣ съ новыми движеніями послѣдняго десятилѣтія въ отдѣльной заключительной главѣ.

Kulturkampf.

Новая имперія.—Бисмаркъ и націоналъ-либералы.

Въ шестидесятые годы политическіе интересы поглотили всѣ остальные. Никогда еще нѣмецкій народъ не жилъ такою односторонней жизнью и не былъ такъ равнодушенъ къ литературѣ. Дѣйствительно, великія событія быстро слѣдовали другъ за другомъ: военный конфликтъ въ Пруссіи, разрѣшеніе шлезвигъ-голштинскаго вопроса съ помощью нѣмецко-датской войны и включеніе Эльбскихъ герцогствъ въ составъ Пруссіи, война 1866 г. и, какъ награда за побѣду, прусскія пріобрѣтенія и основаніе сѣверно-нѣмецкаго союза, наконецъ франко-прусская война и утвержденіе имперіи. За всѣмъ этимъ слѣдили съ затаеннымъ дыханіемъ, и для всего другого не оставалось ни времени, ни интереса. Такимъ образомъ, нѣмцы изъ націи поэтовъ и мыслителей переродились въ политическую націю, изъ народа все еще идеалистически настроеннаго—въ чисто-реалистическій народъ.

Осуществились наконецъ страстныя желанія, мечты и надежды нѣмецкаго народа: у насъ былъ свой государь и государство; всеобщее радостное оживленіе охватило всѣхъ, и едва-ли какой нибудь народъ съ большими надеждами и смѣлѣе глядѣлъ на будущее, чѣмъ нѣмцы въ началѣ семидесятыхъ годовъ. Однако ветераны 1848 г., приверженцы демократической народной партіи на югѣ и оставшіеся непримиримыми прогрессисты сѣвера, происходившіе изъ поколѣнія періода конфликта, не могли примириться съ совершившимся: для однихъ государство было слишкомъ монархическимъ и прусскимъ, для другихъ слишкомъ бисмарковскимъ. Что большинство нѣмецкаго народа всетаки было довольно такимъ разрѣшеніемъ нѣмецкаго вопроса, видно не только изъ ликованія отдѣльныхъ лицъ, выразившагося напримѣръ въ произведеніи Баумгартена «Какъ мы стали снова народомъ», но главнымъ образомъ, это несомнѣнно доказываютъ выборы въ рейхстагъ въ семидесятые годы. Националъ-либеральная партія, какъ представительница этого радостнаго оптими-

стическаго настроенія, получила значительное большинство; число ея голосовъ во второмъ германскомъ рейхстагѣ возрасло до 155. Вмѣстѣ съ тѣмъ это служитъ показателемъ того, что нѣмецкая буржуазія была носительницей національнаго движенія, ибо преимущественно изъ ея рядовъ были набраны члены этой партіи. Въ ея составъ вступила также та часть прусской прогрессивной партіи и партіи конфликта, которая пошла на примиреніе, и многіе депутаты изъ присоединенныхъ провинцій и изъ оставшихся самостоятельными государствъ Саксоніи, Бадена и Вюртемберга.

Такъ какъ эта партія, составлявшая уже сама по себѣ большинство въ парламентѣ, поставила себѣ ближайшей задачей работать надъ организаціей государства вмѣстѣ съ Бисмаркомъ, и такъ какъ и консерваторы не отказывались отъ этой работы, то дѣло шло сравнительно гладко и быстро. Хотя министерство въ общемъ оставалось консервативнымъ, и король самъ лишь съ трудомъ разставался съ такими реакціонерами, какъ министръ исповѣданій фонъ-Мюлеръ,—въ парламентѣ все-таки довольно энергично выставлялись либеральныя требованія и предложенія, и Бисмаркъ такъ охотно шелъ имъ на встрѣчу, что даже позднѣе, изъ за законодательства о Kulturkampf'ѣ, пришелъ въ столкновеніе и разорвалъ съ озлобленными и оставшимися вѣрными старо-прусскимъ традиціямъ консерваторами. Чего такъ сильно боялись—именно наступленія реакціи послѣ побѣдоносной войны—это опасеніе въ семидесятые годы не оправдалось; напротивъ, то была вполнѣ либеральная эра, правда, почти исключительно направляемая рукой Бисмарка и не имѣвшая въ основаніи ни конституціонной доктрины ни парламентской организаціи. Изъ «англійскаго конституціоннаго и административнаго строя», по изслѣдованію Гнейста, вошло кое-что въ законодательство Германской имперіи и Пруссіи, хотя право часто приносилось при этомъ въ жертву политикѣ. Въ разгарѣ работы пренебрегали теоріей и системой, за работой люди другъ съ другомъ сталкивались, сговаривались и дѣлали взаимныя уступки. А работы было, разумѣется, не мало. Ибо это новое государство, такъ же какъ и императорскій титулъ, было вначалѣ пусто и мертво: нужно было внести въ него жизнь и содержаніе. Въ то же время это было довольно искусственное зданіе, не укладывавшееся ни въ какія существующія рамки государственнаго устройства, и, казалось, скрывавшее въ себѣ безконечныя трудности въ вопросѣ о разграниченіи компетенціи различныхъ органовъ власти: дѣйствительно, задача соединить въ себѣ единство и множество, старое и новое казалась почти неразрѣшимой; для унитаристовъ было слишкомъ мало единства, а для партикуляристовъ его было слишкомъ много. Что же мы видимъ? Пустыя формы стали быстро заполняться, сѣверно-нѣмецкій союзъ уже много поработалъ въ этомъ направленіи, и при общемъ дружномъ содѣйствіи, за которое можно похвалить даже и нѣмецкихъ князей, хаосъ очень быстро разсѣялся, разграниченіе совершилось легко, и тамъ, гдѣ оно было проведено слишкомъ искусственно, «дѣйствительность радостно перешагнула черезъ ненадежныя границы».

Оставалось несомнѣннымъ, однако, что связь Бисмарка съ націоналъ-либералами, была неравнымъ бракомъ. Какъ извѣстно, величіе подавляетъ и обезсиливаетъ, и такимъ образомъ гигантская фигура Бисмарка заслонила опять парламентъ и угрожала свести его къ нулю. Очень часто, благодаря своему личному давленію, онъ вынуждалъ отъ либеральной партіи такія уступки, которыя были несовмѣстимы

ни съ ея принципами, ни съ программой. Напротивъ, очень рѣдко удавалось либеральной партіи провести свои предложенія, вопреки желанію Бисмарка. И именно потому, что сопротивленіе такъ часто ослабѣвало при третьемъ чтеніи, уваженіе Бисмарка къ партіи стало уменьшаться. Частое противорѣчіе Ласкера казалось ему скорѣе докторальнымъ стремленіемъ поучать, чѣмъ послѣдовательной оппозиціей, и потому раздражало и озлобляло его сверхъ мѣры. Особенно противны были ему въ этомъ оптимистическомъ либерализмѣ извѣстный сантиментальный гуманизмъ и филантропизмъ, который они пытались провести, напримѣръ, въ борьбѣ за уголовное законодательство; все это ему, крутому человѣку, вылитому изъ стали и желѣза, должно было казаться смѣшнымъ, какъ проявленіе слабости и мягкости, и, напримѣръ, въ борьбѣ съ либеральнымъ доктринерствомъ, ему пришлось пустить въ ходъ всѣ свои силы, чтобы добиться сохраненія смертной казни. Все это давало новую пищу насмѣшкамъ противниковъ съ лѣвой и съ правой стороны и недовѣрію старыхъ враговъ Пруссіи и дискредитировало прежде всего самую націоналъ-либеральную партію, которой не безъ основанія ставили въ упрекъ излишнюю готовность къ компромиссамъ, слишкомъ большую уступчивость и недостатокъ стойкости.

Въ противникахъ, которые подстерегали каждый промахъ и старались имъ воспользоваться, недостатка не было ни у новой имперіи, ни у націоналъ-либеральной партіи, но больше всего ихъ было, конечно, у Бисмарка, который самъ въ свое время не щадилъ враговъ и умѣлъ съ лихвою дать сдачи. Вельфы въ Ганноверѣ, довольно незначительная правая партія въ старомъ Гессенъ-Касселѣ, поляки съ ихъ никогда не старѣющимися національными воздыханіями и безпокойной злобой, вновь пріобрѣтенные жители Эльзасъ-Лотарингіи, которыхъ двухсотлѣтняя совмѣстная жизнь сдѣлала гораздо больше французами, чѣмъ это угодно было ревнителямъ германизаціи, горсть датчанъ на сѣверѣ Шлезвига—всѣ они были недовольны новою организаціею нѣмецкаго государства. Партикуляристическая ненависть къ Пруссіи продолжала держаться въ Баваріи и Швабіи, во Франкфуртѣ и Саксоніи и находила обильную пищу въ рѣзкой заносчивости многихъ сѣверныхъ германцевъ, въ особенности же въ дерзкой манерѣ зазнавшагося и самоувѣреннаго берлинца. Часто раздававшаяся фраза: «этого не понимаютъ южные германцы» очень затрудняла взаимныя отношенія. Но въ сущности приспособленіе къ новымъ условіямъ и сознаніе своей взаимной связи развивалось гораздо быстрѣе, чѣмъ можно было предполагать, и мѣстныя особенности мало по-малу перестали разъединять людей. Партикуляризмъ вскорѣ потерялъ всякую опасность для нѣмецкаго государства; здѣсь еще разъ слѣдуетъ вспомнить о заслугѣ нѣмецкихъ князей въ этомъ процессѣ слiянія.

Догматъ о непогрѣшимости.

Какъ разъ въ моментъ основанія государства во внутренней жизни нашего народа возникъ вопросъ, который грозилъ самыми серьезными осложненіями. Вопросъ этотъ самымъ страстнымъ образомъ волновалъ и занималъ насъ цѣлыя десятилѣтія и теперь еще оказываетъ неотразимое давленіе на нашу національную и политическую жизнь—это вопросъ о томъ, какъ отнесется нѣмецкое государство къ провозглашенному 18-го іюля 1870 г. догмату о папской непогрѣшимости со всѣми его послѣдствіями.

Собственно говоря, этотъ догматъ не былъ новостью. Послѣ того какъ епископальная система одержала въ пятнадцатомъ столѣтіи непродолжительныя побѣды въ Констанцѣ и въ особенности въ Базелѣ, въ шестнадцатомъ вѣкѣ папство вышло изъ тяжелаго потрясенія, нанесеннаго ему реформаціей, снова окрѣпшимъ и сильнымъ, такъ что на Тридентскомъ соборѣ оно явилось уже рѣшающей силой во всѣхъ постановленіяхъ, и тогда іезуитами было выставлено ученіе о личной непогрѣшимости папы; съ тѣхъ поръ іезуиты поставили себѣ задачей все болѣе и болѣе возвышать пріоритетъ папы. Во второй половинѣ XIX-го столѣтія сочли, наконецъ, возможнымъ публично провозгласить этотъ папскій абсолютизмъ и закрѣпить его въ неприкосновенной формѣ догмата. Папа Пій IX, встрѣченный, при вступленіи на престолъ въ 1846 г., съ самыми горячими ожиданіями—національными и либеральными, послѣ бурь 1848 г. быстро и рѣшительно порвалъ съ юношескими мечтами, какъ съ наивными заблужденіями. Послѣ своего возвращенія въ Римъ, онъ отдался всецѣло въ руки іезуитовъ и, подъ ихъ вліяніемъ, 8-го декабря 1854 г. торжественно провозгласилъ уже давно имъ проповѣдуемое ученіе о непорочномъ зачатіи Маріи, хотя орденъ доминиканцевъ, въ противоположность францисканцамъ, основываясь на авторитетѣ святого Ѳомы Аквинскаго, все время энергично возражалъ противъ этого ученія и опровергалъ его. Теперь объявили ex cathedra: «въ честь святой Троицы, для прославленія Дѣвы Богородицы, для возвышенія католической вѣры и для укрѣпленія христіанской религіи именемъ Господа нашего Іисуса Христа, святыхъ апостоловъ Петра и Павла и нашимъ собственнымъ, объявляемъ и постановляемъ: ученіе, которое утверждаетъ, что Пресвятая Дѣва Марія въ моментъ зачатія, благодаря особенной милости и благоволенію всемогущаго Бога, и въ виду заслугъ Іисуса Христа, спасителя человѣчества, была освобождена отъ всякія скверны наслѣдственнаго грѣха,—это ученіе есть откровеніе Божіе и потому всѣ вѣрующіе должны твердо и непоколебимо его признавать. Если же нѣкоторые, сохрани Богъ, осмѣлятся думать иначе, то пусть они знаютъ, что они сами осудили себя на проклятіе, потерпѣли крушеніе въ вѣрѣ, и отпали отъ единой церкви. Кромѣ того, они понесутъ наказанія, опредѣляемыя закономъ, если осмѣлятся словесно или письменно, или какимъ бы то ни было внѣшнимъ образомъ обнаружить то, что таятъ въ сердцѣ своемъ». Это былъ пробный выстрѣлъ, успѣхъ котораго долженъ былъ поощрить къ дальнѣйшимъ шагамъ. И дѣйствительно, католическій міръ, благодаря полувѣковой работѣ надъ нимъ, такъ глубоко впалъ въ индиферентизмъ и покорность, что догматъ могъ быть проведенъ безъ особеннаго сопротивленія. Одинъ нѣмецкій профессоръ изъ Вюрцбурга разразился даже высокопарными, далеко не соотвѣтствующими положенію словами: «Весь христіанскій міръ торжествуетъ въ честь своей Царицы и Матери. Вплоть до лѣсовъ Америки черезъ пустыни, вплоть до темницъ отдаленнѣйшей Азіи черезъ орудія пытокъ и желѣзныя двери достигаетъ священная радость и преображаетъ лицо какъ дикаря, такъ и европейца, какъ монгола, такъ и негра; и только еретики скрежещутъ зубами отъ ярости, что не могутъ помѣшать тріумфу дѣвственницы». Простой народъ понялъ это ученіе почти сплошь невѣрно, и «еретики» равнодушно пожимали плечами при этомъ, казавшемся безобиднымъ, анахронизмѣ.

Годъ спустя католической церкви удалось заключить съ Австріей тотъ конкордатъ, который предоставлялъ куріи значительныя права

верховной власти, а Австрію снова отчуждалъ отъ нѣмецкой культуры и былъ одной изъ причинъ катастрофы 1866 года.

Въ шестидесятые годы папа, вслѣдствіе войнъ итальянской, нѣмецко-австрійской и нѣмецко-французской, потерялъ свѣтскую власть. Послѣ того, какъ Наполеонъ III, въ августѣ 1870 г., принужденъ былъ вывести изъ Рима войска, при помощи которыхъ онъ держался нѣсколько лѣтъ, итальянцы воспользовались своими побѣдами и ввели, 20-го сентября, своихъ солдатъ черезъ Porta Pia. Это положило конецъ папскому королевству въ Италіи. Но среди этой неудачной борьбы изъ-за внѣшняго господства, Пій IX тѣмъ настойчивѣе опирался на свою духовную власть, и дѣйствительно, ему удалось ее укрѣпить и расширить. 8-го декабря 1864 г. онъ обнародовалъ энциклику и силлабусъ— два документа, въ которыхъ онъ объявлялъ войну всякому прогрессу и либерализму, всей современной культурѣ и цивилизаціи и отрицалъ всякую терпимость по отношенію къ иновѣрцамъ, всякую свободу вѣры и совѣсти. Это было вмѣстѣ съ тѣмъ объявленіемъ войны протестантизму и всякому государству, не подчиняющемуся безусловно церкви, или какъ Гогенлоэ выразился въ 1869 г., объявленіемъ войны «многимъ важнымъ аксіомамъ государственной жизни, какъ онѣ сложились у всѣхъ культурныхъ народовъ». Въ слѣдующемъ году проклятіе обрушилось, на давно уже ставшихъ безвредными масоновъ, какъ на «преступную секту, посягающую противъ божественныхъ и общественныхъ установленій». Масоновъ католическая церковь считала орудіемъ діавола для борьбы съ орденомъ іезуитовъ, поэтому она ихъ боялась и не упускала случая на нихъ нападать: это была прелюдія къ извѣстному конгрессу противъ массоновъ въ Тріэнтѣ въ 1896 году. Теперь долженъ былъ послѣдовать главный ударъ: ученіе о непогрѣшимости папы въ дѣлахъ вѣры должно было быть публично провозглашено и санкціонировано, какъ догматъ, авторитетомъ вселенскаго собора. Однако, если разсматривать съ чисто догматической точки зрѣнія, это ученіе являлось частнымъ дѣломъ католической церкви, совершенно не касавшимся лицъ, стоявшихъ внѣ ея, и если епископы охотно шли на такое самозакланіе, то католикамъ нечего было обращать вниманія на то, что протестанты глубоко возмущались и протестовали противъ такого богохульнаго обоготворенія человѣка. Но совсѣмъ иное значеніе имѣло оно для современнаго государства, ибо въ непогрѣшимомъ папѣ естественно пробуждались всѣ тѣ притязанія на господство, какія заявлялись папами, начиная съ Григорія VII и кончая Бонифаціемъ VIII. Рѣшительнѣе всего, впрочемъ, этотъ догматъ измѣнялъ положеніе епископовъ, лишая ихъ всякой самостоятельности и порождая массу конфликтовъ, которые могъ бы, конечно, обойти самостоятельный епископъ, мѣстный уроженецъ, но въ которые волей-неволей впутывался безличный органъ непогрѣшимаго владыки, находящагося ultra montes. Въ этомъ отношеніи католикъ и выросшій въ католической Баваріи Гогенлоэ оказался болѣе проницательнымъ, чѣмъ происходящій изъ восточной Эльбы Бисмаркъ: еще въ апрѣлѣ 1869 г. онъ въ качествѣ баварскаго министра-президента указалъ на высокополитическое значеніе этого акта и вытекающія изъ него опасности. Но не только извнѣ появились сомнѣнія и оппозиція: въ самомъ католическомъ обществѣ, въ образованныхъ кругахъ его извѣстіе о римско-іезуитскомъ планѣ—заставить при помощи ватиканскаго собора объявить папу непогрѣшимымъ, вызвало крайне тяжелыя недоумѣнія. Епископы, которые присоединялись къ догмату, тѣмъ самымъ отрека-

лись навсегда отъ своей самостоятельности и своего вліянія на церковь и ея ученіе въ пользу абсолютнаго папы. Но въ особенности смущало католическихъ ученыхъ то, что это ученіе нельзя было основать ни на священномъ писаніи, ни на церковныхъ преданіяхъ, и что его нельзя было примирить съ извѣстными фактами церковной и догматической исторіи. Наконецъ, наиболѣе разумные представители церкви, если даже они фактически и не могли возразить ничего противъ догмата, съ тяжелымъ сердцемъ предвидѣли тѣ осложненія, въ которыя провозглашеніе догмата поставитъ церковь по отношенію къ государству и ко всей современной культурѣ.

И на этотъ разъ простестъ и противодѣйствіе исходятъ отъ нѣмцевъ. Такъ роттенбургскій епископъ Гефеле въ одномъ ученомъ сочиненіи «Causa Honorii Papae» доказывалъ, что Гонорій I ex cathedra провозгласилъ еретическую формулировку догмата о Богочеловѣкѣ и его волѣ; шестой вселенскій соборъ предалъ этого папу анаѳемѣ, какъ еретика, уже послѣ его смерти; осужденіе это было подтверждено его преемниками и повторено позднѣйшими соборами. Изъ этого было ясно, что и папа можетъ учить ереси, слѣдовательно, не можетъ быть непогрѣшимымъ. Даже ревностный майнцскій епископъ Кеттелеръ, находя новый догматъ только опаснымъ и несвоевременнымъ, въ послѣднюю минуту палъ на колѣни передъ Піемъ IX и умолялъ его отъ имени большинства нѣмецкихъ епископовъ отказаться отъ провозглашенія его. Точно также католическіе ученые, въ особенности Дёллингеръ, Фридрихъ и Губеръ изъ Мюнхена старались воспрепятствовать его провозглашенію и вооружить противъ него общественное мнѣніе. На самомъ соборѣ австрійско-кроатскій епископъ Штроссмайеръ поддерживалъ упорную оппозицію и употребилъ всѣ усилія, чтобы образовать противъ догмата большинство. Но напрасно. Съ согласія 533 членовъ собора было утверждено постановленіе о неограниченной всеобщей епископской власти римскаго папы, и Богомъ откровенное ученіе о непогрѣшимомъ авторитетѣ говорящаго ex cathedra папы въ вопросахъ, касающихся вѣры или нравственности. Не дали своего согласія именно тѣ епископы, которые являлись представителями наиболѣе образованной части католицизма; изъ нѣмецкихъ епископовъ только четверо примкнули къ голосованію. Это было 18 іюля 1870 г., т.-е. въ тотъ самый день, когда Франція объявила Германіи войну изъ-за кандидатуры гогенцоллернскаго принца на испанскій престолъ. По возвращеніи домой, нѣмецкіе епископы нашли свой народъ вооруженнымъ противъ католической Франціи, и два мѣсяца спустя положенъ былъ конецъ свѣтскому господству непогрѣшимаго папы,—итальянскія войска прогнали изъ Рима послѣдніе остатки собравшагося на соборъ духовенства. И въ данномъ случаѣ подтверждалось изреченіе: «всемірная исторія есть вмѣстѣ съ тѣмъ всемірный судъ».

Здѣсь, на родинѣ, передъ нѣмецкими епископами, принадлежавшими оппозиціи, выступилъ вопросъ, будутъ ли они стойко держаться своихъ убѣжденій и рѣшатся ли такимъ образомъ поколебать и нарушить единство церкви. Но ни одинъ изъ нихъ не рѣшился на такой шагъ. Многіе подчинились немедленно и между ними Кеттелеръ изъ Майнца. Ихъ пастырское посланіе изъ Фульды, назвавшее продолженіе разногласія «начинаніемъ, несовмѣстнымъ съ основными постановленіями католической церкви», является документомъ, производящимъ самое безотрадное впечатлѣніе. Дольше всѣхъ медлилъ Гефеле; еще въ ноябрѣ 1870 г. онъ назвалъ новый догматъ «лишеннымъ настоящаго, би-

блейскаго и традиціоннаго основанія и глубоко вредящимъ церкви». Но въ апрѣлѣ 1871 г., послѣ того, какъ вюртембергское правительство его покинуло, онъ также сдался и обнародовалъ догматъ въ своей епархіи. Нужно было его видѣть, какъ я его видѣлъ, передъ соборомъ и непосредственно послѣ его подчиненія, чтобы понять и измѣрить ту душевную борьбу, которая въ короткое время превратила этого сильнаго человѣка въ разбитаго старика. Епископъ задушилъ въ немъ, по выраженію Газе, не только ученаго, но и человѣка. Къ безконечному количеству упрековъ за подобную слабость, я, даже съ моральной точки зрѣнія, не могу присоединить своего голоса. Въ данномъ случаѣ борьба происходила въ сознаніи долга, и разрѣшеніе ея всецѣло зависѣло отъ индивидуальности. Сильный въ подобномъ случаѣ послѣдуетъ своему убѣжденію и подниметъ знамя протеста; кто же не чувствуетъ въ себѣ подобныхъ силъ, кто боится возможныхъ послѣдствій, тотъ не имѣетъ для этого не только мужества, но даже и нравственнаго права; а Гефеле вовсе не былъ смѣлымъ новаторомъ и активнымъ борцомъ, но кабинетнымъ ученымъ, рѣшительнымъ въ теоріи и боязливымъ на практикѣ; понятно, что онъ не отважился взять на себя отвѣтственность за отпаденіе отъ церкви и расколъ. Въ немъ не было ни единой искры того пламеннаго темперамента и той могучей вѣры въ Бога, которыя воодушевляли Лютера: можно ли его за это упрекать?

Большинство народа, и не только простые люди, но и образованные, какъ свѣтскіе, такъ и духовные, безпрекословно послѣдовали за своими епископами: этотъ фактъ доказываетъ, какъ энергично работала іезуитско-ультрамонтанская партія, со временъ романтизма. Мы уже видѣли, какъ искусно церковь умѣла пользоваться обстоятельствами для своихъ цѣлей, напр., эпохой 1848 г. Она усвоила себѣ въ то время демократическіе пріемы и, несмотря на свою связь съ реакціей и съ реакціонными принципами легитимности и авторитета, она продолжала ихъ держаться. Такъ особенно энергично принялись за устройство ферейновъ: въ апрѣлѣ 1848 г. было основано «общество Пія» (Piusverein) для «оживленія католическаго духа»; за нимъ слѣдовали общества Винченца и Бонифація; къ существовавшимъ уже прежде союзамъ подмастерьевъ стали относиться съ удвоеннымъ вниманіемъ. Но для того, чтобы эти общества имѣли какую-нибудь общую связь, въ томъ же 1848 г. впервые былъ произведенъ общій смотръ, повторявшійся съ тѣхъ поръ ежегодно на большихъ сентябрскихъ собраніяхъ; наконецъ, всѣ эти общества были объединены въ одинъ католическій народный союзъ, насчитывавшій около 180.000 членовъ. Но гораздо важнѣе всякихъ спеціальныхъ задачъ, преслѣдуемыхъ подобными союзами, рѣчей и постановленій собраній, было воспитаніе и дисциплинированіе народа въ извѣстномъ направленіи, откуда недалеко было и до фанатизированія массъ, если бы это понадобилось. На эти союзы, которые должны были «мало-по-малу охватить всѣ стороны народной жизни» и подчинить ее іезуитской дисциплинѣ, можно было безусловно положиться, какъ позже при выборахъ въ парламентъ, такъ и въ 1870 г., когда дѣло шло объ іезуитскомъ догматѣ непогрѣшимости. Сѣмя взошло, церковь прекрасно выдержала испытаніе въ своей замкнутой солидарности и въ своей могучей и гибкой организаціи.

Старо-католицизмъ.

Но дѣло не обошлось безъ противодѣйствія. Въ кругу католическихъ ученыхъ существовало и безъ того сильное раздраженіе противъ

іезуитовъ, вслѣдствіе ихъ оскорбительнаго обращенія и злоупотребленія индексомъ (спискомъ запрещенныхъ книгъ) и цензурой. Осужденіе австрійца Гюнтера, подобно тому, какъ и раньше Гермеса, озлобило его многочисленныхъ приверженцевъ. То обстоятельство, что Дёллингеръ долженъ былъ терпѣть всевозможныя подозрѣнія и насилія, и за свою оппозицію принужденъ былъ каждый разъ объясняться и оправдываться, глубоко оскорбляло и его самого, и его друзей. Тогда опять пробудился среди нѣмцевъ духъ свободы личности и научнаго изслѣдованія. Во имя этихъ принциповъ рѣшились, хотя и съ тяжелымъ сердцемъ, протестовать и бороться противъ новаго догмата. Руководство взяли на себя Дёллингеръ, Фридрихъ, Рейшъ, Шульте, Рейнкенсъ; наряду съ оппозиціоннымъ Бонномъ, главнымъ пунктомъ мятежа, сталъ теперь Мюнхенъ. Въ какомъ направленіи поднятъ былъ протестъ, лучше всего поймемъ изъ слѣдующаго заявленія. «Принимая во вниманіе, что засѣдавшее въ Ватиканѣ собраніе не съ полной свободой обсуждало вопросы и что важныя рѣшенія были приняты не съ надлежащимъ единодушіемъ, мы, нижеподписавшіеся католики, заявляемъ, что не признаемъ декретовъ относительно абсолютной власти папы и его личной непогрѣшимости постановленіями вселенскаго собора, но напротивъ, отвергаемъ ихъ, какъ нововведеніе, стоящее въ противорѣчіи съ общепризнаннымъ ученіемъ церкви». Среди протестанства было, не мало такихъ, которые думали, что послѣ того, какъ католики въ девятнадцатомъ столѣтіи такъ много вынесли съ римско-іезуитской стороны, и между прочимъ позволили себѣ навязать новый догматъ о непорочномъ зачатіи Маріи, ихъ сопротивленіе является уже непослѣдовательнымъ и приходитъ слишкомъ поздно: кто сказалъ отъ *A* до *Y*, тотъ можетъ и долженъ сказать *Z*, можетъ и долженъ также получить въ придачу и этотъ послѣдній догматъ. Но какъ бы ни казалось это справедливымъ съ протестантской точки зрѣнія, всюду предъявляющей требованіе на свободное личное сужденіе, совсѣмъ иначе представляется это въ средѣ католицизма съ его слѣпымъ подчиненіемъ внѣшнимъ велѣніямъ, съ его ссылкой на авторитетъ и традицію. И если люди, въ родѣ Дёллингера, правовѣрность котораго до того времени стояла внѣ всякаго сомнѣнія и который считался мужественными борцами и красой церкви,—если они именно въ этомъ вопросѣ рѣшились оказать сопротивленіе, то значитъ въ догматѣ о непогрѣшимости заключался особенно дерзкій вызовъ. Поэтому, возмущеніе нѣмецкой совѣсти и нѣмецкаго чувства свободы противъ римско-іезуитскаго насилія должно быть оправдано съ нравственной точки зрѣнія и признано необходимымъ, а протестъ нѣмецкой науки долженъ быть привѣтствуемъ съ уваженіемъ. И если нѣмецкіе епископы до окончательнаго рѣшенія видѣли въ этомъ догматѣ опасность для мирныхъ отношеній между церковью и государствомъ, то этому сопротивленію слѣдуетъ радоваться еще и съ патріотической точки зрѣнія. Во всякомъ случаѣ, этимъ движеніемъ нельзя было пренебрегать потому, что оно могло повести къ осложненіямъ въ отношеніяхъ между церковью и государствомъ. Профессора теологіи и духовныя лица, не пожелавшіе признать догмата, должны были епископами быть отлучены отъ церкви и лишены права преподаванія, а это повело бы къ вмѣшательству въ права государства, которое назначало профессоровъ. Когда же вскорѣ послѣ того образовались цѣлыя общины «старо-католиковъ», выставлявшихъ себя правовѣрными католиками, не признававшими только новаго догмата, тогда государство должно было стать въ извѣстное отношеніе къ этимъ

вновь образовавшимся церковнымъ общинамъ. Въ особенности вопросъ о совмѣстномъ пользованіи церквами повелъ къ трудно разрѣшимымъ спорамъ. Когда же, наконецъ, въ 1873 г. представители старо-католиковъ избрали своего собственнаго епископа въ лицѣ бреславльскаго профессора Рейнкенса и когда онъ былъ по всѣмъ правиламъ посвященъ въ Роттердамѣ епископомъ старой янсенистской церкви въ Голландіи, тогда и правительство должно было его признать, взять подъ свою защиту и назначить ему извѣстные доходы.

По своимъ размѣрамъ, движеніе старо-католиковъ было и осталось незначительнымъ. Газе насчитываетъ едва 100.000 старо-католиковъ въ Имперіи и въ Швейцаріи; въ 1878 г. число ихъ доходило въ Германіи до 52.000, затѣмъ оно постепенно спустилось ниже 30.000. Казалось страннымъ, что никто изъ епископовъ, принадлежавшихъ къ оппозиціи, не сталъ во главѣ движенія и даже впослѣдствіи не примкнулъ къ нему. Въ такой строго дисциплинированной церкви, какъ католицизмъ, паства безпрекословно слѣдуетъ за пасторомъ туда, куда онъ ее ведетъ. Съ теченіемъ времени и въ этой маленькой общинѣ старо-католиковъ произошли разногласія. Въ то время, какъ одни рѣшили ограничиться отреченіемъ отъ новаго догмата и въ остальномъ остаться вѣрными католиками, другіе стояли за болѣе коренныя реформы. Когда же эта партія «реформы церковныхъ порядковъ, какъ во внѣшнемъ устройствѣ, такъ и во внутренней жизни церкви», одержала верхъ, тогда многіе немедленно отшатнулись отъ старо-католицизма, другіе же предпочли сдѣлать еще одинъ шагъ впередъ и перешли въ протестантизмъ. Упраздненіе безбрачія, принятое старо-католиками, какъ ни было оно справедливо, также подѣйствовало въ первый моментъ не вполнѣ благопріятно и дало поводъ ко всевозможнымъ толкамъ. Но главную силу новой церкви «старо-католиковъ» составляло моральное вліяніе лицъ, стоявшихъ во главѣ; ихъ высокая репутація возмѣщала ихъ малочисленность и не могла пострадать отъ нѣсколькихъ недостойныхъ, примкнувшихъ къ этому движенію. Съ другой стороны, католическая церковь не могла скрыть того, что она лишилась людей, наиболѣе сильныхъ духомъ и наиболѣе честныхъ, мужественныхъ и независимыхъ. Движеніе было гораздо серьезнѣе и въ нравственномъ отношеніи выше, чѣмъ движеніе нѣмецкаго католицизма. Оно, конечно, ни по глубинѣ, ни по силѣ не можетъ идти въ сравненіе съ реформаціей XVI столѣтія; наиболѣе оно напоминаетъ янсенизмъ съ его протестомъ противъ іезуитскаго духа и папскаго абсолютизма. Такимъ образомъ, возникновеніе старо-католицизма обличаетъ внутреннее ослабленіе католической церкви—такихъ людей, какъ Дёллингеръ, нельзя потерять безнаказанно,—хотя съ внѣшней стороны именно въ связи съ старо-католической распрей послѣдовало значительное усиленіе ея могущества и сплоченіе ея силъ.

Приготовленіе къ борьбѣ.

Я уже упомянулъ, что еще до принятія рѣшенія въ Римѣ тогдашній баварскій министръ-президентъ, князь Гогенлоэ, въ своемъ циркулярѣ отъ 9-го апрѣля 1869 года, указалъ на тѣ опасности, которыя могутъ произойти для государства отъ догмата непогрѣшимости, и взывалъ къ общимъ мѣрамъ отпора. Но Бисмаркъ, какъ истинный сынъ восточно-эльбскаго края, не понималъ значенія, силы и намѣреній католической церкви и потому не поддержалъ предложенія, раз-

считывая предупредительными «напоминаніями и увѣщаніями» предотвратить угрожающій конфликтъ между государствомъ и церковью. Такимъ образомъ, онъ жилъ въ полномъ мирѣ съ католиками Пруссіи вплоть до 1870 г. и не думалъ о борьбѣ съ ними. Таковы были до извѣстной степени традиціи въ Пруссіи со времени вступленія на престолъ Фридриха-Вильгельма IV, а консервативное правительство пятидесятыхъ годовъ вмѣняло себѣ въ обязанность, особенно въ вопросѣ о назначеніи на мѣста, сообразоваться съ желаніями католиковъ. Католическая церковь находила покровительство и въ высшихъ сферахъ, именно со стороны прусской королевы. Само собою разумѣется, это должно было усилить самоувѣренность въ руководящихъ и вліятельныхъ католическихъ кругахъ и значительно затруднить положеніе евангелической церкви. Такъ далеко были въ то время въ правительственныхъ сферахъ Пруссіи отъ всякой мысли о конфликтѣ съ церковью.

Однако уже упомянутая катастрофа, вступленіе итальянцевъ въ Римъ и полное уничтоженіе свѣтскаго господства папы, разрушила эти мирныя отношенія. Мы знаемъ уже, что папство, какъ предсказалъ Дёллингеръ еще въ 1861 г., вслѣдствіе этой утраты, не лишилось своего духовно-моральнаго престижа, но лишь освободилось отъ бремени и позора выставлять на показъ всему свѣту свое поразительно-дурное управленіе въ церковномъ государствѣ. Но въ первый моментъ однако курія сама вѣрила, и до настоящаго времени поддерживаетъ эту фикцію, что это было для нея серьезнымъ ущербомъ, deminutio capitis и подняла поэтому страшнѣйшій крикъ. А между тѣмъ для нея наступили какъ разъ въ это время дни гордаго тріумфа, какіе она рѣдко переживала. Во время франко-прусской войны польско-нѣмецкій архіепископъ Ледоховскій отправился въ Версаль и потребовалъ отъ побѣдителей, чтобы новое нѣмецкое государство помогло римскому папѣ, котораго итальянцы лишили Рима и свѣтской власти. Онъ и его союзники ни мало не стѣснялись тѣмъ, что это повело бы за собой при неоконченной войнѣ съ Франціей еще войну съ Италіей; вполнѣ естественно поэтому, что Бисмаркъ отказалъ въ ихъ требованіи. Вслѣдъ затѣмъ, уже въ ноябрѣ 1870 года, при выборахъ въ прусскій ландтагъ, затѣмъ въ мартѣ 1871 г., при выборахъ въ первый нѣмецкій рейхстагъ, католики начали дѣйствовать сообща, и избранные ими депутаты образовали особенную католическую фракцію. Въ то же время послѣдовало основаніе въ Берлинѣ ультрамонтанской «Германіи», первый нумеръ которой вышелъ 1-го января 1871 г. Еще болѣе опасеній внушало то, что руководительство партіей принялъ на себя вельфъ Людвигъ Виндгорстъ, съ 1866 г. враждебно относившійся къ преобразованію Германіи и лично обиженный пренебрежительнымъ отношеніемъ правительства. Этотъ опасный человѣкъ вскорѣ оказался совершеннымъ мастеромъ въ политическомъ искусствѣ. Ему удалось, что казалось почти невозможнымъ, изъ разнородныхъ элементовъ создать одну сплоченную, замкнутую партію. Тутъ были, съ одной стороны, ганноверскіе вельфы и антипрусскіе партикуляристы изъ Баваріи, съ другой же стороны, патріотически настроенные пруссаки, далѣе свободомыслящіе, почти демократы—жители Рейна, рядомъ съ феодальными помѣщиками изъ Силезіи. Притомъ, это не было господствомъ надъ нулями. Люди въ родѣ обоихъ Рейхеншпергеровъ и Малинкродта, или Шорлемеръ-Альста и Франкенштейна впродолженіи многихъ лѣтъ подчинялись его руководительству. Такимъ образомъ, вооружавшійся безпрерывно съ 1848 г. католицизмъ былъ готовъ къ борьбѣ, и без-

спорно въ лицѣ его вождя новое нѣмецкое государство пріобрѣтало сильнаго противника. Несмотря на все это, Бисмаркъ, по его собственному выраженію, былъ пораженъ этимъ «бряцаніемъ оружія» и пытался, по возможности, задержать наступленіе борьбы. Борьба съ церковью могла только повредить его дѣлу, ближайшимъ задачамъ государства и работѣ надъ его организаціей; она противорѣчила также его личнымъ взглядамъ и склонностямъ и, кромѣ того, должна была натолкнуться на противодѣйствіе со стороны короля Вильгельма и еще болѣе со стороны его жены, императрицы Августы, глубоко погрузившейся въ міръ романтики. Притомъ и личность министра исповѣданій—реакціоннаго и въ строго церковномъ духѣ настроеннаго фонъ-Мюлера служила гарантіей того, что правительство доведетъ свои уступки клерикальной партіи до крайнихъ предѣловъ возможнаго. Во всякомъ случаѣ, борьба начата была не со стороны правительства, ибо для него она была только нежелательна. И центръ также не особенно охотно шелъ на борьбу. Самое существованіе центра уже указывало на боевое положеніе; но вмѣстѣ съ тѣмъ возникновеніе партіи центра было необходимостью, обусловливавшеюся силою вещей, всѣмъ развитіемъ католической церкви въ XIX столѣтіи. Между нею и вновь основаннымъ государственнымъ зданіемъ, создавшимся, благодаря паденію католической Австріи и католической Франціи, и имѣвшимъ во главѣ протестантскаго короля, должно было произойти столкновеніе. Образованіе новаго государства представляло уже само по себѣ пораженіе ультрамонтанской церкви, созданіе же партіи центра являлось попыткой вырвать у государства побѣду, а это значило—вступить въ борьбу.

Борьба.

Борьба немедленно и началась. Центръ въ первомъ же нѣмецкомъ рейхстагѣ голосовалъ противъ адреса въ отвѣтъ на тронную рѣчь, ибо въ немъ очень ясно оттѣнялось нежеланіе Германіи вмѣшиваться во внутреннюю жизнь другихъ народовъ: значитъ, высказывалось неодобреніе средневѣковой политикѣ нѣмецкихъ императоровъ въ Германіи и ставился конецъ послѣднимъ надеждамъ съ помощью Германіи возстановить свѣтское владычество папы. Въ противовѣсъ этому, центръ выставилъ требованіе, чтобы въ имперскую конституцію были внесены неясно редактированные 15 и 18 параграфы прусской конституціи, гарантировавшіе церкви самыя широкія права на самостоятельное устройство и управленіе.

Такимъ образомъ, боевое положеніе создано было центромъ и съ самаго начала обострило отношенія. Къ тому же, вопросъ о старокатолицизмѣ въ Баваріи, Баденѣ и Пруссіи необходимо долженъ былъ вызвать затрудненія и столкновенія, и самъ министръ фонъ-Мюлеръ не могъ уклониться отъ обязанности защищать своихъ чиновниковъ отъ нападокъ епископовъ. Такъ разгорѣлась борьба, которую, по выраженію Вирхова, называютъ Kulturkampf. Въ Баваріи борьба велась очень осторожно, зато тѣмъ энергичнѣе велъ ее въ Баденѣ Жолли, въ Пруссіи, призванный въ качествѣ министра исповѣданій на мѣсто Мюлера, боевой министръ Фалькъ, и въ Германіи самъ Бисмаркъ неоднократно бралъ ее въ руки. Одинъ за другимъ слѣдовали майскіе законы 1873—1874 г.: былъ введенъ параграфъ, по которому духовные должны быть подвергнуты наказанію, «если, состоя на службѣ, въ

проповѣдяхъ или изслѣдованіяхъ, будутъ трактовать о государственныхъ дѣлахъ въ формѣ, представляющей опасность для общественнаго спокойствія»; орденъ іезуитовъ, по примѣру Швейцаріи, былъ изгнанъ изъ государства; былъ введенъ гражданскій бракъ; въ Пруссіи были уничтожены тѣ два знаменитыхъ параграфа конституціи; былъ введенъ законъ о надзорѣ за школами, по которому школа совершенно освобождалась отъ вліянія церкви; были изданы постановленія о подготовкѣ и назначеніи священниковъ, былъ изданъ законъ объ управленіи упраздненными епископствами и учрежденъ королевскій судъ по церковнымъ дѣламъ. Въ Баденѣ, кромѣ того, были введены ненавистныя ультрамонтанамъ общія школы для католиковъ и протестантовъ. И когда прусскіе епископы и многіе священники отказались подчиниться, то однихъ лишили доходовъ, другихъ смѣстили съ должностей, заключили въ тюрьму или выслали. И такъ какъ государство не признавало тѣхъ священниковъ, которые не подавали заявленія о своемъ вступленіи на службу, и запрещало имъ совершеніе требъ, а общины въ то же время совершенно не пользовались дарованнымъ имъ правомъ выбора священниковъ, то въ результатѣ большая часть епископствъ и почти четверть приходовъ оказались безъ священнослужителей.

Съ напряженіемъ слѣдилъ народъ за горячими дебатами въ рейхстагѣ и въ различныхъ отдѣльныхъ ландтагахъ, въ особенности въ прусскомъ. Здѣсь разбирались великіе міровые вопросы одинаково сильными противниками, и съ большой страстностью и ожесточеніемъ защищались различныя точки зрѣнія. Не касаясь другихъ сторонъ, можемъ сказать, что на такой умственной высотѣ никогда, ни прежде, ни послѣ, не стоялъ нѣмецкій парламентаризмъ, хотя ораторамъ правительственной стороны иногда и не хватало необходимыхъ для этой борьбы знаній. Церковные историки своей ученостью могли бы очень пригодиться тогдашнему парламенту. Этой словесной борьбѣ вторила пресса: въ ежедневныхъ газетахъ, въ еженедѣльныхъ и ежемѣсячныхъ журналахъ, въ летучихъ листкахъ, въ большихъ ученыхъ сочиненіяхъ очень усердно дебатировали pro и contra, пріискивали, и приводили новые аргументы и новыя точки зрѣнія. Изъ партій наиболѣе опредѣленное положеніе занималъ центръ, какъ носитель католическихъ притязаній и противникъ государственнаго церковнаго законодательства; на противоположной сторонѣ стояла національно-либеральная партія, съ помощью которой преимущественно Бисмаркъ и Фалькъ провели вышеупомянутые законы въ имперіи и въ Пруссіи, а Жолли въ Баденѣ. Въ нѣдрахъ консервативной партіи происходило разногласіе.

Какъ правительственная партія, консерваторы и здѣсь готовы были слѣдовать призыву правительства; какъ строго церковно-конфессіональная партія, они не безъ сочувствія смотрѣли на сопротивленіе центра, смущенные и озабоченные тѣми послѣдствіями, которыя могли имѣть эти законы и для протестантской церкви: обязательный гражданскій бракъ и законъ о надзорѣ за школами противорѣчили также ортодоксально-протестантскому міросозерцанію, а общія школы въ Баденѣ являлись и въ ихъ глазахъ такимъ же ужасомъ, какъ и въ глазахъ ультрамонтановъ. Напротивъ, лѣвыя партіи прекрасно поняли культурное значеніе этой борьбы противъ стремящейся къ господству церкви, глава которой издалъ силлабусъ и энциклику (поэтому Вирховъ назвалъ эту борьбу «великой культурной борьбой человѣчества»). Но и въ этомъ великомъ дѣлѣ имъ было непріятно созданное борьбою

укрѣпленіе политическаго положенія и тріумфъ ненавистнаго имъ государственнаго мужа. Ихъ доктрина «laisser aller laisser faire» была противъ всякаго расширенія «границъ государственнаго вмѣшательства»; ученіе объ отдѣленіи церкви отъ государства, сведенное Кавуромъ къ короткой формулѣ «chiesa libera in libero stato», заставило ихъ усомниться въ правѣ государства вмѣшиваться въ дѣла церкви и ея органовъ.

Но и въ рядахъ тѣхъ, которые не сомнѣвались въ правѣ государства самостоятельно регулировать въ своихъ интересахъ отношенія къ церкви, не могло не появиться извѣстнаго опасенія относительно правильности и практичности избраннаго пути, тѣмъ болѣе, что послѣдствія уже успѣли сказаться въ довольно грозной формѣ. Національнымъ несчастьемъ было, во всякомъ случаѣ, уже то, что религіозныя страсти освободились отъ всякихъ оковъ, и конфессіональныя противоположности обострились въ государствѣ, объединенномъ пока только чисто внѣшнимъ образомъ. Католическій народъ долженъ былъ считать «гоненіемъ на церковь», когда его священниковъ тащили въ тюрьмы за то, что они крестили, въ присутствіи членовъ общины совершали богослуженіе, причащали святыхъ тайнъ, совершали надъ умирающими таинство елеосвященія». Подобныя «преслѣдованія» заставили католическій народъ съ истинно-нѣмецкою преданностью тѣснѣе сплотиться вокругъ своихъ духовныхъ вождей, которые, помимо общаго лучезарнаго вѣнца католическаго духовенства, пріобрѣли еще въ ихъ глазахъ болѣе высокій ореолъ мученичества: католики съ своей стороны не стѣснялись никакими средствами, чтобы раздуть и разжечь народныя страсти, не стѣснялись даже самое грубое суевѣріе употреблять на службу церкви. Печать заговорила самымъ рѣзкимъ языкомъ.

Изъ Рима также разжигали страсти. Пій IX, и безъ того виртуозъ въ способности проклинать и осуждать, прибѣгалъ къ самымъ сильнымъ выраженіямъ; органъ іезуитовъ Civilita cattolica заговорилъ неслыханно-дерзкимъ тономъ. Особенно неблагопріятно отражалась борьба на католическихъ пограничныхъ частяхъ государства, на польскихъ и вновь пріобрѣтенныхъ эльзасскихъ провинціяхъ, а также на всей партикуляристической Баваріи.

Самый главный вопросъ, однако, состоялъ въ томъ, удастся ли на избранномъ пути сломать могущество церкви. Въ этомъ отношеніи нельзя было предаваться никакимъ иллюзіямъ, дѣло шло о власти: Ватиканъ постарался, чтобы живучая въ средневѣковомъ католицизмѣ идея о міровомъ господствѣ, снова съ особенною силою возродилась и стала основнымъ лозунгомъ католической церкви. И въ данномъ случаѣ оправдалась старая истина, что ничто такъ не помогаетъ движенію, какъ мученичество: преслѣдованія принесли большія услуги борющейся католической партіи въ Германіи. Здѣсь, конечно, не можетъ быть и рѣчи о тѣхъ преслѣдованіяхъ и мученіяхъ, которымъ въ средніе вѣка церковь такъ безжалостно подвергала еретиковъ при помощи государственной власти. Но въ наше время люди гораздо болѣе воспріимчивы и чувствительны къ страданіямъ, они тяжело ощущаютъ матеріальныя лишенія, поэтому достаточно было обвиненій и осужденій, смѣщенія съ должностей и заключенія епископовъ въ тюрьму, лишенія доходовъ и наложенія штрафовъ на политиканствующихъ каплановъ за преступленія противъ законовъ о печати,—чтобы вызвать чувство дѣйствительнаго гоненія и настоящаго мученичества. Лишенныя своихъ

пастырей, общины въ Пруссіи и въ Баденѣ возлагали вину, конечно, не на противленіе своихъ священниковъ, а на правительственную политику преслѣдованія. Естественнымъ послѣдствіемъ всего этого было громадное возростаніе силъ католической партіи: число депутатовъ центра въ рейхстагѣ увеличилось до 100 слишкомъ. Въ самой партіи различные элементы—вельфы, партикуляристы, демократы и аристократы, смыкались все тѣснѣе и тѣснѣе: росли не только страстность и фанатизмъ, но и нравственная сила: благодаря этимъ событіямъ проснулась присущая католицизму глубокая искренняя религіозность и вѣра въ спасающую церковь, и это придало церкви громадную силу.

Походъ въ Каноссу.

Въ виду этого, передъ государствомъ предсталъ вопросъ, въ состояніи ли оно устоять передъ столь энергично-наростающимъ сопротивленіемъ и можетъ ли оно и пожелаетъ ли довести борьбу до конца. Въ данномъ случаѣ можно повторить то, что обыкновенно говорится при каждомъ спорѣ изъ-за власти: или необходимо рѣшиться на самое крайнее сопротивленіе и выдерживать борьбу, по крайней мѣрѣ, «въ теченіе одной человѣческой жизни, пока живо то поколѣніе, при которомъ она была начата», ибо эти люди, озлобленные борьбой, не пойдутъ на примиреніе; или, въ противномъ случаѣ, вообще не слѣдуетъ начинать борьбы. Кого бы не считали отвѣтственнымъ за неудачу, на какіе бы промахи ни указывали, ошибка заключалась или въ томъ, что начали борьбу, или въ томъ, что не довели ее до конца, а вовсе—не въ тѣхъ или другихъ пріемахъ борьбы.

Но какъ бы то ни было, правыми оказались скоро тѣ, которые съ самаго начала утверждали, что государство не выдержитъ такого продолжительнаго напряженія силъ, и въ этомъ отношеніи церковь, въ концѣ концовъ, его превзойдетъ. Дѣйствительно, Бисмаркъ—не въ качествѣ побѣдителя—заключилъ миръ съ церковью и пошелъ въ Каноссу, отъ чего онъ зарекался еще 14-го мая 1872 г. Исторія заключенія мира еще не написана. При ретроспективномъ взглядѣ на прошедшія событія, самому Бисмарку казалось, что съ самаго начала и во все время этой войны онъ себя чувствовалъ не по себѣ; однако, этому противорѣчитъ и его боевой пылъ и искреннее увлеченіе борьбой, продолжавшееся все время; слова, срывавшіяся съ его устъ, то кипѣли бѣшеной злобой, то дышали увѣренностью въ побѣдѣ. Но король, несомнѣнно, чувствовалъ себя плохо. Его природѣ, его религіозному чувству претила эта борьба съ церковью, и рѣзкое поведеніе Бисмарка и Фалька вызывало въ немъ рѣшительное неудовольствіе. Какъ и всѣ князья, онъ вѣрилъ въ тѣсную связь, существующую между трономъ и алтаремъ, и поэтому ихъ разъединеніе казалось ему несчастьемъ. И такъ какъ главными борцами Kulturkampf'а явились либералы, а къ политическому либерализму въ этомъ вопросѣ присоединился также церковный, то король при своемъ консервативномъ и съ годами все болѣе усиливавшемся религіозномъ настроеніи, видѣлъ и въ этомъ нѣчто мучительное и тяжелое. Этимъ настроеніемъ пользовались съ церковно-ортодоксальной стороны: дворъ императрицы Августы, симпатіи которой къ католицизму въ это время становились все рѣшительнѣе, готовилъ Бисмарку и Фальку большія затрудненія. Въ Баденъ-Баденѣ можно было услышать отъ царедворцевъ и придворныхъ дамъ самые рѣзкіе отзывы объ нихъ обоихъ, и подобные отзывы доходили затѣмъ до

слуха короля черезъ его супругу. Но суть дѣла лежала совсѣмъ въ другомъ. Бисмарку казалось необходимымъ измѣнить экономическую политику—перейти отъ свободной торговли къ покровительственной сисистемѣ; и на первый разъ онъ требовалъ монополіи на табакъ въ интересахъ государственной казны, но въ томъ и другомъ ему отказали націоналъ-либералы, которые, въ качествѣ руководящей партіи, и безъ того были ему въ тягость. Когда же они обнаружили желаніе въ болѣе широкихъ размѣрахъ принять участіе въ управленіи и поставили условіемъ вступленіе нѣкоторыхъ членовъ своей партіи въ министерство, то это ему показалось возвращеніемъ доктрины о парламентаризмѣ, ограничивающемъ права короны. Съ этого момента онъ отвернулся отъ нихъ и заключилъ за ихъ спиной и противъ нихъ договоръ съ центромъ. Это тѣмъ легче удалось ему сдѣлать, что 7-го февраля 1878 г. скончался Пій IX, а съ его преемникомъ Львомъ XIII гораздо легче было заключить миръ. Онъ не раздавалъ такъ легко проклятій, какъ его предшественникъ, былъ, по крайней мѣрѣ, съ внѣшней стороны болѣе покладистымъ и, дѣйствительно, желалъ «устраненія всѣхъ препятствій и заключенія истиннаго, прочнаго и продолжительнаго мира». Но это была только болѣе тонкая паутина, которую онъ плелъ, нити были тѣ же; по своей хитрости онъ былъ даже гораздо опаснѣе, и поэтому не оставалось другого пути для скорѣйшаго заключенія мира, какъ путь въ Каноссу. Дѣйствительно, на этотъ путь и вступили. Боевой министръ Фалькъ былъ лѣтомъ 1879 г. удаленъ, и мало-по-малу одинъ за другимъ были отмѣнены майскіе законы. Были сохранены лишь два закона—обязательный гражданскій бракъ, который за это время такъ укоренился и упрочился, что католическая церковь, привыкшая до извѣстной степени къ нему въ области дѣйствія Code Napoléon, мало-по-малу перестаетъ ему противиться, и борьбу противъ него, какъ безплодную, охотно предоставляетъ консервативной партіи и ортодоксальнымъ пасторамъ евангелической церкви. Зато съ тѣмъ большимъ ожесточеніемъ набрасывается она на другой остатокъ майскихъ законовъ—законъ объ іезуитахъ, пуская въ ходъ противъ него весь прежній боевой аппаратъ Kulturkampf'а. На собраніяхъ католиковъ законъ о іезуитахъ неизмѣнно возбуждаетъ самый живой интересъ и горячіе толки. Можно ли объ этомъ остаткѣ сказать: «Онъ уже имѣетъ много трещинъ и можетъ вдругъ лопнуть» — это покажетъ будущее. Въ сущности католическая церковь настолько проникласъ іезуитскимъ духомъ, что, право, фактически нѣтъ большой разницы, разгуливаютъ ли члены ордена открыто среди насъ, или нѣтъ,—въ дѣйствительности, мы ихъ имѣемъ въ своей средѣ. Но при отмѣнѣ этого закона католики будутъ торжествовать полный тріумфъ, а протестанты увидятъ въ немъ доказательство окончательнаго пораженія государства, такъ что это представляется очень серьезнымъ вопросомъ. Между тѣмъ большинство рейхстага, которое центръ съумѣлъ уже не разъ склонять въ пользу своего предложенія о возвращеніи іезуитовъ, очевидно не имѣетъ объ этомъ надлежащаго представленія; напротивъ, его либеральные союзники видятъ въ этомъ только устраненіе исключительнаго закона, какъ будто испоконъ вѣка даже въ самыхъ либеральныхъ государствахъ не существовали collegia illicita. Безспорно, нѣмецкія государства и нѣмецкая имперія, и вмѣстѣ съ ними и изъ-за нихъ протестантизмъ, потерпѣли пораженіе въ этомъ Kulturkampf'ѣ. Католическая церковь въ общемъ вышла побѣдительницей и, что имѣетъ еще гораздо больше значенія, внутренно окрѣпшей. Итакъ, католики царятъ въ нѣмецкомъ государствѣ; центръ является

рѣшающей партіей въ парламентѣ, ультрамонтанинъ съ 1895 года состоитъ президентомъ рейхстага. Принятіе оговорки Франкенштейна, по которой отдѣльнымъ государствамъ былъ предоставленъ доходъ отъ пошлинъ и налога на табакъ въ 1879 году, послужило началомъ господства центра, и еще въ 1898 году центръ явился рѣшающей партіей въ принятіи закона о флотѣ. Однако, разногласіе, наступившее при этомъ и впервые обнаружившее трещины въ этомъ высокомъ зданіи, позволяетъ заключить о глубокихъ противоположностяхъ, скрытыхъ въ нѣдрахъ этой партіи. Бюрократически-правительственная политика этой партіи гораздо быстрѣе произведетъ разложеніе ея, чѣмъ это когда-то случилось съ націоналъ-либералами, такъ какъ подобное поведеніе совершенно не соотвѣтствуетъ ни характеру партіи, ни всему ея прошлому. Впрочемъ, конецъ столѣтія застанетъ еще центръ дружнымъ и единодушнымъ, и епигонъ Виндгорста, Либеръ, если онъ доживетъ, будетъ еще и тогда чувствовать себя въ силѣ и задавать тонъ.

Слѣдствія побѣды.

Однако, побѣдителямъ не удалось чувствовать себя безусловными господами: это доказывается, между прочимъ, крушеніемъ консервативно-клерикальнаго школьнаго закона въ 1892 г. и паденіемъ въ 1895 г. редактированнаго ультрамонтанами предложенія о переворотѣ. Въ обоихъ случаяхъ дѣло шло о захватахъ въ духовной области, о посягательствѣ на школу и на свободу науки. Пожалуй, изъ этого можно заключить, что государство главнымъ образомъ потому понесло пораженіе въ Kulturkampf'ѣ, что оно въ лицѣ Фалька слишкомъ юридически вело борьбу, а въ лицѣ Бисмарка на черезчуръ реальной почвѣ отвоевывало власть при помощи органовъ власти и не подумало о томъ, что въ «культурной борьбѣ» нужно дѣйствовать главнымъ образомъ духовнымъ оружіемъ, силами разума и убѣжденія, и только этими средствами можно добиться успѣха. И, наоборотъ, церковь только потому вышла побѣдительницей, что борьба вдохнула въ нее сильное религіозное одушевленіе, которое и сослужило ей важную службу въ борьбѣ. Однако, если мы даже признаемъ это внутреннее усиленіе католицизма результатомъ Kulturkampf'а, мы не должны преувеличивать его размѣровъ. Во всякомъ случаѣ перевѣсъ остается на противоположной сторонѣ. Никогда католицизмъ не имѣлъ такого рѣзко политическаго характера, никогда не былъ такимъ воинствующимъ, т. е. никогда такъ далеко не отступалъ отъ истиннаго духа христіанства, какъ въ семидесятые годы. Его епископы стали дипломатами и вождями партіи, его священники — партійными политиками, его капланы — агитаторами и и журналистами. Даже церковными каѳедрами постоянно злоупотребляли ради избирательной агитаціи и демагогическаго разжиганія страстей. Вслѣдствіе этого, церковь уклонилась отъ своихъ религіозно нравственныхъ задачъ—духовенство предалось совсѣмъ другимъ интересамъ. И подобное гражданско-политическое пониманіе своихъ обязанностей по сію пору еще живетъ въ католическомъ духовенствѣ; глухая непріязнь и недовѣріе къ государству, которое въ продолженіе многихъ лѣтъ принуждено было преслѣдовать католическую церковь, до сихъ поръ еще не исчезло въ католическомъ народѣ. Въ концѣ концовъ все это приходится поставить на счетъ Ватикану, который сдѣлалъ папу неограниченнымъ господиномъ церкви, а послѣднюю, такимъ образомъ, интернаціональнымъ государствомъ, охватывающимъ всѣ національныя

государства. Это интернаціональное государство ставитъ всегда нѣмецкаго католика передъ трудною дилеммою—слушаться ли императора или папу. Точно также религіозная вражда обострилась подъ вліяніемъ Kulturkampf'а. Это не была, конечно, борьба между католиками и протестантами, а между церковью и государствомъ: но во главѣ этого государства стоялъ протестантъ и протестантскіе министры, и большинство депутатовъ, принимавшихъ участіе въ Kulturkampf'ѣ, были протестантами. Къ этому присоединилось знаменитое безтактное письмо Пія IX къ императору Вильгельму отъ 7 го августа 1873 г. Въ немъ было сказано: «всякій принявшій крещеніе принадлежитъ въ какомъ бы то ни было отношеніи, или какимъ бы то ни было образомъ, о чемъ не мѣсто здѣсь говорить, принадлежитъ, говорю я, папѣ». Въ этотъ моментъ это должно было до крайней степени возбудить и раздражить протестантовъ, и потому съ рѣдкимъ энтузіазмомъ привѣтствованы были слова императора Вильгельма, отклонявшія эти притязанія на основаніи «евангелической вѣры, которую я, какъ вашему святѣйшеству должно быть извѣстно, исповѣдую наравнѣ съ моими предками и большинствомъ моихъ подданныхъ». И вплоть до 1879 г. католики жаловались на преслѣдованія и жалуются еще теперь на недостаточно равноправное положеніе. И, наоборотъ, въ цѣломъ рядѣ нѣмецкихъ государствъ протестанты жалуются на слишкомъ большую уступчивость и непростительную слабость, обнаруживаемую часто правительствами по отношенію къ католической церкви, на всякаго рода рискованныя поблажки ей и нѣкоторыя личныя преимущества, оказываемыя ея приверженцамъ. Такимъ образомъ взаимныя отношенія исповѣданій таятъ въ себѣ много горючаго матеріала.

Но разрывъ идетъ еще глубже: характеръ образованія у тѣхъ и у другихъ совершенно различенъ; объ этомъ свидѣтельствуетъ очень ясно исторія литературы XIX столѣтія. Среди протестантовъ существуетъ также не мало суевѣрій, но систематически ихъ культивируетъ только католическая церковь. Мошенничество Воганъ, въ которое попалась большая часть католическаго міра вмѣстѣ съ непогрѣшимымъ папой, обнаружило цѣлую бездну суевѣрныхъ представленій о царствѣ сатаны и о культѣ чорта. Это опять таки стоитъ въ прямой связи съ католическимъ принципомъ полнаго подчиненія міранъ непогрѣшимому авторитету церкви и папы: самостоятельно изслѣдовать и доискиваться истины запрещено. Сообразно съ этимъ, для церкви нѣтъ никакого интереса поднимать и расширять народное образованіе, Тотъ фактъ, что народная школа есть дѣло и созданіе государства и должно, поэтому, развиваться свободно и независимо отъ церкви, — это является для нея бѣльмомъ на глазу, и во что бы-то ни стало должно быть устранено.

Но еще труднѣе католической церкви, договорившейся въ XIX столѣтіи до непогрѣшимости папы, признать свободу науки и позволить ей спокойно заниматься своимъ дѣломъ—изслѣдованіемъ истины. Разъ папа непогрѣшимъ, то въ католическомъ мірѣ нѣтъ никакой свободной науки. Дѣйствительно, Левъ XIII въ своей энцикликѣ Aeterni patris отъ 4-го августа 1879 г. объявилъ, что теологія и философія Ѳомы Аквинскаго должны служить основаніемъ для всѣхъ научныхъ работъ католическаго христіанства. Вполнѣ понятно, что эти дисциплины вернулись къ точкѣ зрѣнія средневѣковой схоластической науки, и для нихъ стало невозможнымъ никакое самостоятельное движеніе впередъ, ибо оно вызывало немедленно обвиненіе въ нечестіи. По-

слѣдствія этого уже ощущаются. Усердное воздѣлываніе томизма и аристотелизма и отбрасываніе, какъ ошибки и заблужденія, всего, что лежитъ за предѣлами этихъ двухъ системъ, тяготѣетъ страшнымъ бременемъ на теологическихъ и философскихъ изслѣдованіяхъ католиковъ и дѣлаетъ ихъ работу безплодной, часто совсѣмъ ложной и превратной. Вполнѣ типичнымъ образчикомъ этого можетъ служить появившійся въ 1897 г. третій томъ «Исторіи идеализма» пражскаго профессора Вильмана, который Паульсенъ вполнѣ вѣрно назвалъ «новѣйшимъ инквизиціоннымъ судомъ надъ современной философіей». Въ параллель съ «реализмомъ» святаго Ѳомы, вся нѣмецкая философія, составляющая нашу гордость, изображается здѣсь негоднымъ «номинализмомъ», ея идеализмъ въ лучшемъ случаѣ получаетъ названіе «не настоящаго»; Спинозу и Канта этотъ памфлетистъ позволяетъ себѣ безпрерывно • обзывать «софистами», называя также перваго «фальсификаторомъ», а второго «провозвѣстникомъ крушенія вѣры нравственности и науки». Въ противоположность этому, выдвигаются всякія темныя личности, какъ проповѣдники «настоящаго» идеализма, и въ заключеніе восхваляется энциклика папы о Ѳомѣ Аквинскомъ, какъ «актъ мудрости, какъ зрѣлый плодъ внутренняго стремленія христіанской науки къ возрожденію». Въ такой рѣзкой формѣ никогда не выступала противоположность между католической и протестантской наукой.

Характеренъ также специфически-католическій методъ писанія исторіи. Образцомъ можетъ служить исторія нѣмецкаго народа отъ среднихъ вѣковъ Янсена и продолженіе ея, написанное Пасторомъ. Безспорно, здѣсь опубликовано много новаго матеріала который значительно дополнилъ наши свѣдѣнія. Въ этой заслугѣ нельзя отказать названному произведенію, такъ же какъ и цѣлому ряду изслѣдованій, исходившихъ изъ іезуитскихъ круговъ. Но разработка источниковъ и пользованіе ими безусловно тенденціозны: картина систематически извращается, путемъ пропусковъ, произвольнаго расположенія и сопоставленія фактовъ, и всегда въ пользу церкви и въ ущербъ простетантизму.

Отпоръ со стороны претестантизма.

Какъ относился ко всему этому протестантизмъ? Сила его заключается въ свободѣ, а послѣдняя безусловно исключаетъ подчиненіе авторитету непогрѣшимаго, и поэтому пропасть между обѣими церквами, благодаря Ватикану, увеличилась въ принципіальной области, а благодаря Kulturkampf'у и въ практической. Но въ существѣ свободы лежитъ опасность разногласія и раздробленія, и этой опасности поддался протестантизмъ въ наше время болѣе чѣмъ когда-нибудь. Онъ производитъ иногда теперь впечатлѣніе полнаго распаденія и разложенія, отражающагося и въ парламентѣ, гдѣ кромѣ церковной правой и лѣвой, существуетъ еще много промежуточныхъ партій. Это парализовало еще во время «Kulturkampf'а» не только его собственныя силы, но и силы государства. Ортодоксальные протестанты, за одно съ консерваторами, съ которыми они сблизились въ эпоху реакціи, относились къ «Kulturkampf'у» со смѣшанными чувствами: какъ протестанты они были обязаны поддерживать государство въ его борьбѣ съ властолюбивыми тенденціями римской церкви; съ другой стороны, какъ строго ортодоксальные приверженцы религіи, они не могли равнодушно

гели; неодинаково только названіе неизвѣстной причины. Признавая, наконецъ, наслѣдственность только не *прямого* измѣненія и совершенно отвергая наслѣдственность *прямого* или дѣйствительнаго приспособленія, онъ тѣмъ самымъ отказывается, на мой взглядъ, отъ механическаго объясненія важнѣйшихъ явленій трансформизма.

V. *Теорія интрацеллюлярнаго пангенезиса* (1889), недавно предложенная ботаникомъ Гюго де-Фризомъ, непосредственно примыкаетъ къ дарвиновской гипотезѣ (стр. 119), съ тѣмъ, однако, отличіемъ, что въ ней нѣтъ принимаемаго Дарвиномъ переноса тѣломъ зародышковъ. Фризъ допускаетъ его только *внутри* каждой отдѣльной клѣтки; онъ опредѣляетъ болѣе точно эти зародышки или геммулы (называемыя имъ *пангенами*) и принимаетъ, что всякая наслѣдственная способность связана съ такимъ матеріальнымъ носителемъ, невидимымъ *пангеномъ*. Вся живая протоплазма составлена изъ пангеновъ, и въ клѣточномъ ядрѣ находятся всѣ роды пангеновъ соотвѣтствующаго индивида.

Заслуживающій вниманія трудъ де-Фриза превосходно написанъ и содержитъ много поучительныхъ мыслей о наслѣдственности. Но дѣйствительнаго объясненія послѣдней или возможнаго представленія о молекулярномъ процессѣ ея здѣсь мы не находимъ, такъ же, какъ и въ четырехъ предшествующихъ гипотезахъ. «Отдѣльныя наслѣдственныя закладки» возвращаютъ насъ къ преформаціонной теоріи. Кромѣ того, строеніе и развитіе животныхъ тканей представляетъ въ этомъ случаѣ такія непреодолимыя трудности, на которыя не наталкивался ботаникъ Фризъ при разсмотрѣніи значительно болѣе простыхъ и относительно самостоятельныхъ растительныхъ клѣтокъ.

Кромѣ пяти приведенныхъ здѣсь теорій наслѣдственности, въ послѣднее время также другими естествоиспытателями были сдѣланы попытки объяснить эти удивительныя явленія. Но онѣ или представляютъ только видоизмѣненія одной изъ этихъ пяти гипотезъ, или настолько отдаляются отъ извѣстныхъ основъ нашего эмпирическаго знанія, что нѣтъ нужды входить въ разсмотрѣніе ихъ. Дальнѣйшій вопросъ о томъ, является ли при размноженіи носителемъ наслѣдственныхъ свойствъ только *ядро* клѣтокъ или также и ихъ *протоплазма*, рѣшается въ настоящее время въ пользу перваго (ядро). Но я уже въ 1866 году утверждалъ въ моей Общей морфологіи» (т. I, стр. 288), «что внутреннее *ядро* завѣдуетъ *наслѣдственной передачей* наслѣдственныхъ особенностей, внѣшняя *плазма*, напротивъ,—приспособленіемъ къ условіямъ окружающаго міра». Въ недавнее время превосходныя изслѣдованія братьевъ Гертвигъ, Е. Страсбургера и другихъ доставили весьма убѣдительныя доводы въ сторону вѣроятности такого представленія.

Такимъ образомъ, наше знаніе о наслѣдственности и размноженіи было сильно подвинуто въ послѣднее тридцатилѣтіе этимъ и множествомъ другихъ изслѣдованій. Конечно, ни одна изъ пяти приведенныхъ молекулярныхъ гипотезъ не открываетъ намъ тайны этихъ удивительныхъ процессовъ; скорѣе онѣ служатъ къ тому, чтобы привести насъ къ ясному сознанію чрезвычайной сложности невидимо совершающихся здѣсь процессовъ и нашей неспособности понять ихъ. Но тѣмъ не менѣе, благодаря имъ, мы отбросили прежнія мистическія представленія о природѣ ихъ и пріобрѣли, вообще, то убѣжденіе, что здѣсь дѣло идетъ о *физіологическихъ функціяхъ*, о той жизнедѣятельности клѣтокъ, которая, подобно всякому другому жизненному явленію, можетъ быть сведена къ физико химическимъ процессамъ, т.-е. можетъ быть *механически* объяснена.

ДЕСЯТАЯ ЛЕКЦІЯ.

Приспособленіе и питаніе. Законы приспособленія.

Приспособленіе и измѣнчивость.—Зависимость приспособленія отъ питанія (обмѣнъ веществъ и ростъ).—Различеніе непрямого и прямого приспособленія.—Законъ непрямого или потенціальнаго приспособленія.—Индивидуальное приспособленіе.—Уродливое или скачкообразное приспособленіе.—Половое приспособленіе.—Законы прямого или актуальнаго приспособленія.—Общее или универсальное приспособленіе.—Накопленное или совокупное приспособленіе.—Накопленное воздѣйствіе внѣшнихъ условій существованія и накопленное противодѣйствіе организма.—Свободная воля.—Употребленіе или неупотребленіе органовъ.—Привычка и упражненіе.—Функціональное приспособленіе.—Взаимное или соотносительное приспособленіе.—Взаимныя отношенія развитія.—Соотношеніе органовъ.—Объясненіе непрямого или потенціальнаго приспособленія соотношеніемъ органовъ размноженія и прочихъ частей тѣла.—Маскировка или миметическое приспобленіе (мимикрія).—Уклоняющееся или расходящееся (дивергентное) приспособленіе.—Неограниченное или безконечное приспособленіе.

Изложивъ въ двухъ послѣднихъ лекціяхъ главнѣйшіе законы и теоріи наслѣдственности, обратимся теперь къ другому ряду явленій, именно къ *приспособленію* или измѣнчивости. Разсматриваемыя въ цѣломъ, эти явленія стоятъ въ нѣкоторомъ противорѣчіи съ явленіями наслѣдственности, и затрудненіе, встрѣчаемое при разсмотрѣніи этихъ двоякаго рода явленій, состоитъ въ томъ, что они весьма тѣсно связаны и переплетены другъ съ другомъ. Поэтому, мы рѣдко бываемъ въ состояніи съ увѣренностью сказать, какія измѣненія формъ надо отнести къ наслѣдственности, какія къ измѣнчивости. Всѣ особенности формъ, отличающія различные организмы, создаются или наслѣдственностью, или приспособленіемъ; но такъ какъ всѣ функціи находятся въ постоянномъ взаимодѣйствіи, то уже систематически представляется необычайно труднымъ опредѣлить степень участія каждой изъ обѣихъ функцій въ образованіи отдѣльныхъ формъ. Трудность эта въ настоящее время тѣмъ болѣе велика, что огромное значеніе этого факта весьма мало еще сознано и теоріи приспособленія и наслѣдственности остаются въ пренебреженіи у большинства натуралистовъ. Изложенные передъ этимъ законы наслѣдственности и приспособленія, по всей вѣроятности, составляютъ только небольшую долю по большей части еще не изслѣдованныхъ явленій въ этой области; и такъ какъ каждый изъ этихъ законовъ находится во взаимодѣйствіи съ каждымъ изъ прочихъ, то отсюда вытекаетъ безконечная сложность физіологическихъ фактовъ, обусловливающихъ образованіе формъ.

Что касается теперь вообще явленій измѣненія или приспособленія, то мы должны разсматривать ихъ, также какъ и факты наслѣдственности, какъ общее основное физіологическое свойство всѣхъ, безъ исключенія, организмовъ, какъ жизнедѣятельность, нераздѣльно связанную съ понятіемъ организма. Строго говоря, мы должны здѣсь такъ же, какъ и въ наслѣдственности, различать приспособленіе само по себѣ и способность къ приспособленію. Подъ *приспособленіемъ* (adoptatio) или *измѣнчивостью* (variatio) мы должны разумѣть тотъ фактъ, что организмъ подъ вліяніемъ условій внѣшняго міра получаетъ нѣкоторыя новыя особенности въ своей жизнедѣятельности, размноженіи и въ своей формѣ, не унаслѣдованныя имъ отъ его родителей; эти *пріобрѣтенныя* индивидуальныя свойства могутъ быть противопоставлены *унаслѣдованнымъ*, полученнымъ ими, благодаря наслѣдственной

передачѣ со стороны родителей и прародителей. Напротивъ, *способностью къ приспособленію* (adoptabilitas) или измѣнчивостью (variabilitas) мы называемъ скрытую внутри всѣхъ организмовъ *способность* пріобрѣтать новыя свойства подъ вліяніемъ внѣшняго міра.

Неоспоримый фактъ органическаго приспособленія или измѣнчивости общеизвѣстенъ и каждую минуту можетъ быть замѣченъ въ тысячѣ совершающихся вокругъ насъ явленій. Тѣмъ не менѣе, благодаря тому, что явленіе измѣнчивости подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій кажутся сами собой понятными, до послѣднихъ поръ они почти совсѣмъ не подвергались болѣе точному научному изслѣдованію. Сюда относятся всѣ явленія, разсматриваемыя нами какъ результатъ привыканія или отвыканія, упражненія или неупражненія, или какъ послѣдствія дрессировки, воспитанія, акклиматизаціи, гимнастики и т. д. Также какъ многія устойчивыя измѣненія благодаря болѣзнетворнымъ причинамъ, и многія болѣзни не что иное, какъ опасное приспособленіе организма къ губительнымъ условіямъ жизни. У культурныхъ растеній и у домашнихъ животныхъ явленіе измѣненія, столь сильно и рѣзко обнаруживается, что разводитель животныхъ и растеній всю свою дѣятельность основываетъ на нихъ или, скорѣе, на томъ взаимномъ отношеніи, въ которомъ онъ ставитъ эти явленія къ наслѣдственности. Точно также всѣмъ извѣстно, что растенія и животныя и въ дикомъ состояніи измѣняются или варіируютъ. Всякая систематическая обработка животной или растительной группы, стремящаяся къ исчерпывающей полнотѣ, должна привести для каждаго вида множество разновидностей, болѣе или менѣе уклоняющихся отъ господствующей типической главной формы вида. И дѣйствительно, въ каждомъ болѣе тщательно обработанномъ спеціальномъ произведеніи по систематикѣ для большинства видовъ приводится нѣкоторое число такихъ разновидностей или видоизмѣненій, обозначаемыхъ то какъ индивидуальныя отступленія, то какъ породы, расы, разновидности или подвиды. Часто послѣдніе чрезвычайно далеко удаляются отъ основного вида, и тѣмъ не менѣе, они по большей части произошли, только благодаря приспособленію организма къ внѣшнимъ условіямъ существованія.

Если же мы теперь сдѣлаемъ попытку обосновать общія причины этихъ явленій приспособленія, то придемъ къ тому результату, что эти причины въ дѣйствительности столь же просты, какъ и причины явленій наслѣдственности. Какъ для фактовъ наслѣдственности мы указали, въ качествѣ общей основной причины размноженія, переносъ материнской матеріи въ дѣтское тѣло, такъ для фактовъ приспособленія или видоизмѣненія мы можемъ выставить, какъ общую основную причину, физіологическую дѣятельность *питанія* или *обмѣна веществъ*. Принимая здѣсь «питаніе» за дѣйствующую причину измѣненія или приспособленія, я понимаю подъ этимъ словомъ болѣе широкій смыслъ, именно, всѣ *питательныя измѣненія*, которымъ подвергается организмъ во всѣхъ своихъ частяхъ вслѣдствіе вліянія окружающаго міра. Такимъ образомъ къ питанію относится не только принятіе дѣйствительно питательнаго матеріала и вліяніе разнороднаго питанія, но также и воздѣйствіе, напр., воды и атмосферы, солнечнаго свѣта и температуры на физико-химическія свойства тѣла; короче, вліяніе всѣхъ тѣхъ метеорологическихъ явленій, которыя составляютъ понятіе *климата*. Также относится сюда посредственное или непосредственное вліяніе свойствъ почвы и жилища, затѣмъ крайне важное и многостороннее вліяніе на каждое животное или растеніе окружаю-

щихъ организмовъ, друзей и сосѣдей, враговъ и грабителей, чужеядцевъ или паразитовъ и т. д. Всѣ эти и еще многія другія крайне важныя воздѣйствія, болѣе или менѣе измѣняющія всѣ ткани организма въ ихъ матеріальномъ составѣ, должны быть приняты здѣсь при обмѣнѣ веществъ. Сообразно съ этимъ, *приспособленіе* обращается въ результатъ всѣхъ матеріальныхъ измѣненій, вызываемыхъ внѣшними условіями существованія *въ питаніи элементарныхъ частей* организма, вліяніемъ окружающаго міра въ *обмѣнѣ веществъ* и *въ ростѣ* его.

Насколько сильно зависитъ всякій организмъ отъ всей своей внѣшней обстановки, перемѣна которой отражается на немъ измѣняющимъ образомъ, всѣмъ вамъ въ общихъ чертахъ извѣстно. Подумаемъ только о томъ, въ какой степени зависитъ человѣческая рабочая сила отъ температуры воздуха или настроеніе духа отъ цвѣта неба. Смотря по тому, ясно ли и безоблачно оно, или покрыто густыми темными тучами, наше настроеніе болѣе радостно или болѣе мрачно. Вспомните, насколько различно ощущеніе, испытываемое вами въ лѣсу во время бури въ зимнюю ночь или лѣтомъ, въ солнечный день! Всѣ эти различныя настроенія нашей души основаны на чисто матеріальныхъ измѣненіяхъ нашего мозга, на молекулярныхъ движеніяхъ плазмы, вызываемыхъ при посредствѣ чувствъ разнороднымъ воздѣйствіемъ свѣта, тепла, влажности и т. д. «Мы — игрушка всякаго движенія воздуха!»

Не менѣе сильно дѣйствуетъ на наше тѣло и душу различное количество и качество питательнаго матеріала въ узкомъ смыслѣ слова. Дѣятельность нашего духа, работа нашего ума и фантазіи совершенно различны, смотря по тому, въ это ли время или передъ этимъ мы пили чай и кофе, вино или пиво. Наше настроеніе, желанія и чувства совершенно различны, когда мы голодны или когда мы сыты. Національный характеръ англичанъ и гауховъ въ Южной Америкѣ, питающихся, главнымъ образомъ, мясомъ, пищей, богатой азотомъ, совершенно не сходенъ съ характеромъ ирландцевъ, питающихся картофелемъ, и китайцевъ, питающихся рисомъ—пищей по преимуществу безазотистой. Эти послѣдніе пріобрѣтаютъ также гораздо больше жировыхъ отложеній, чѣмъ первые. Здѣсь, какъ и вездѣ, перемѣны духа идутъ рука объ руку съ соотвѣтствующими измѣненіями тѣла; тѣ и другія обусловливаются чисто матеріальными причинами. Подобно человѣку, и всѣ другіе организмы измѣняются и преобразуются разнороднымъ вліяніемъ питанія. Мы можемъ, напр., по произволу измѣнять форму, величину, цвѣтъ и пр. нашихъ культурныхъ растеній, подвергая ихъ въ различной степени дѣйствію солнечнаго свѣта и влажности. Въ виду того, что эти явленія общераспространены и общеизвѣстны, мы перейдемъ сейчасъ къ разсмотрѣнію различныхъ законовъ видоизмѣненія и приспособленія.

Подобно тому, какъ различные законы наслѣдственности естественно распредѣляются въ два ряда, консервативной и прогрессивной наслѣдственности, и законы приспособленія также можно расположить въ два ряда, рядъ *непрямыхъ* или посредственныхъ и рядъ *прямыхъ* или непосредственныхъ законовъ приспособленія. Послѣдніе можно назвать актуальными, первые потенціальными законами приспособленія.

Первый рядъ, явленія посредственнаго или *непрямого* (потенціальнаго) приспособленія, прежде вообще весьма мало обращалъ на себя вниманія; за Дарвиномъ остается заслуга особеннаго указанія на этотъ рядъ видоизмѣненій. Въ прежнее же время Августъ Вейсманъ весьма

подробно изучалъ ихъ, и приписалъ имъ, наконецъ, столь исключительное значеніе, какъ единственно наслѣдственнымъ видоизмѣненіямъ, что наслѣдственность прямого приспособленія онъ вообще сталъ отвергать. Довольно трудно надлежащимъ образомъ выяснить этотъ предметъ; постараюсь впослѣдствіи сдѣлать его яснымъ при помощи примѣровъ. Выражаясь вообще, непрямое или потенціальное приспособленіе состоянiй въ томъ, что извѣстныя химическія измѣненія организма, вызываемыя перемѣной питанія, измѣняютъ не свои собственныя индивидуальныя свойства формы, но свойства своихъ потомковъ. А именно, у организмовъ, размножающихся половымъ путемъ, система воспроизведенія или половой аппаратъ, благодаря внѣшнимъ воздѣйствіямъ, незамѣтно измѣняется такимъ образомъ, что потомство обнаруживаетъ вполнѣ видоизмѣненныя образованія. Весьма рѣзко это можно видѣть на искусственно полученныхъ чудовищахъ. Эти чудовища или уроды можно получить, подвергая родительскій организмъ опредѣленному необычному условію жизни. Это непривычное условіе жизни вызываетъ измѣненія не этого организма, но его потомковъ. Это явленіе нельзя назвать наслѣдственностью, такъ какъ ни одно изъ свойствъ родительскаго организма не было наслѣдственно передано, какъ таковое, потомству. Скорѣе его можно опредѣлить, какъ незамѣтное измѣненіе родительскаго организма, ясно проявляющееся только въ особенномъ образованіи его потомковъ. Материнское яйцо или отцовское сѣмянное тѣльце передаютъ при размноженіи только толчекъ къ этому новому образованію. Новообразованіе въ родительскомъ организмѣ существуетъ только въ *возможности* (potentia); въ дѣтскомъ же организмѣ оно переходитъ въ дѣйствительность.

Оставляя безъ вниманія это весьма важное и общераспространенное явленіе, до послѣдняго времени обыкновенно склонны разсматривать всѣ замѣчаемыя измѣненія и преобразованія органическихъ формъ, какъ явленія приспособленія второго рода, какъ явленія непосредственнаго или *прямого* (актуальнаго) приспособленія. Сущность этихъ законовъ приспособленія заключается въ томъ, что измѣненіе, касающееся отдѣльнаго организма (въ питаніи и т. д.) становится видимымъ уже въ его собственномъ преобразованіи, а не исключительно въ преобразованіи потомковъ. Сюда принадлежатъ всѣ извѣстныя явленія, въ которыхъ можно непосредственно прослѣдить на соотвѣтственномъ индивидѣ преобразующее вліяніе климата, пищи, воспитанія, дрессировки и т. д.

Какъ оба ряда явленій консервативной или прогрессивной наслѣдственности, вопреки ихъ принципіальному различію, многократно переплетаются и взаимно видоизмѣняются, многоразлично взаимодѣйствуютъ и обоюдно принимаютъ другъ друга, такъ и еще въ большей степени сложности протекаютъ оба противоположныя и вмѣстѣ съ тѣмъ тѣснѣйшимъ образомъ другъ съ другомъ связанныя явленія прямого и непрямого приспособленія. Нѣкоторые натуралисты, именно Дарвина, Карлъ Фохтъ, Вейсманъ, приписываютъ непрямому или потенціальному приспособленію гораздо болѣе значительное, почти исключительное дѣйствіе. Но большинство натуралистовъ до сихъ поръ склонно, соглашаясь съ ученіемъ Ламарка, видѣть центръ тяжести въ прямомъ или актуальномъ приспособленіи. Надобно сказать, что этотъ споръ довольно-таки безполезенъ. Только въ рѣдкихъ случаяхъ видоизмѣненія можно сказать, что̀ происходитъ на счетъ прямого и что̀ на счетъ непрямого приспособленія. Эти чрезвычайно важныя и сложныя отно-

шенія вообще еще очень мало извѣстны намъ и поэтому, мы можемъ только утверждать, что преобразованіе органическихъ формъ обусловливается прямымъ или не прямымъ или, наконецъ, взаимодѣйствіемъ прямого и непрямого приспособленія. Для физіологіи питанія представляется важная задача (по возможности, экспериментальное) ближайшее изслѣдованіе различныхъ дѣйствій этихъ измѣненій и сведеніе ихъ на элементарныя причины, физико-химическіе процессы въ обмѣнѣ веществъ и въ ростѣ органовъ.

Позвольте теперь нѣсколько ближе разсмотрѣть различныя формы этихъ явленій видоизмѣненія, которыя пока можно различать, какъ «законы приспособленія». Прежде всего мы обратимся къ видоизмѣненіямъ перваго рода, непрямого или потенціальнаго приспособленія. Если эти замѣчательныя явленія въ настоящее время весьма темны въ своей сущности и весьма мало изслѣдованы въ своихъ элементарныхъ причинахъ, то, наоборотъ, вообще несомнѣннымъ представляется тотъ *фактъ*, что всѣ органическіе индивиды подвержены преобразованіямъ и могутъ принимать новыя формы вслѣдствіе перемѣны питанія, коснувшейся не ихъ самихъ, но ихъ родительскихъ органовъ. Преобразующее вліяніе внѣшнихъ условій существованія, климата, питанія и т. д. обнаруживаетъ здѣсь свое дѣйствіе не прямо, въ преобразованіи самого организма, но косвенно, въ преобразованіи его потомковъ.

Въ качествѣ высшаго и наиболѣе общаго закона непрямого видоизмѣненія можно поставить *законъ* индивидуальнаго приспособленія, именно то важное положеніе, что всѣ органическіе индивиды съ самаго начала своего индивидуальнаго существованія несходны, хотя нерѣдко и весьма подобны другъ другу. Въ доказательство этого положенія можно указать прежде всего на тотъ фактъ, что у человѣка, съ самаго рожденія дѣти одной родительской пары не сходны между собой. Никто не станетъ утверждать, что двое дѣтей при рожденіи совершенно сходны, что величина всѣхъ отдѣльныхъ частей тѣла, число волосъ, клѣтки верхняго слоя кожи, кровяныя тѣльца вполнѣ одинаковы, что оба принесли въ свѣтъ одни и тѣ же способности и таланты. Совершенно особымъ доказательствомъ этого закона индивидуальнаго различія представляется тотъ фактъ, что у животныхъ, рождающихъ нѣсколько дѣтенышей, напр., у собакъ и кошекъ, всѣ дѣтеныши одного помета отличаются другъ отъ друга то незначительной, то весьма рѣзкой разницей въ величинѣ, масти, длинѣ отдѣльныхъ частей тѣла, силѣ и т. д. Этотъ законъ имѣетъ всеобщее значеніе. Всѣ органическіе индивиды отъ начала своего существованія отличаются нѣкоторыми, часто крайне тонкими особенностями, и причина этихъ индивидуальныхъ отличій, хотя въ отдѣльности обыкновенно и совершенно неизвѣстна, лежитъ частью или исключительно въ нѣкоторыхъ дѣйствіяхъ, которымъ подвергались органы размноженія родительскаго организма.

Иные натуралисты разсматриваютъ индивидуальное видоизмѣненіе, какъ самую важную или даже исключительную причину трансформаціи; таковъ, именно, Августъ Вейсманъ, считающій видоизмѣненіе организмовъ непосредственнымъ слѣдствіемъ полового размноженія. Амфигонная наслѣдственность, по его мнѣнію, непосредственно содѣйствуетъ индивидуальному приспособленію. Однако, какъ ни высоко мы оцѣниваемъ ее, но такого исключительнаго значенія мы не можемъ приписать ей.

Менѣе видимымъ и общимъ сравнительно съ закономъ индивиду-

альнаго видоизмѣненія является законъ не прямого приспособленія, который желательно было бы назвать *закономъ уродливаго или скачкообразнаго приспособленія.* Здѣсь отклоненія дѣтскаго организма отъ родительской формы столь рѣзки, что мы обыкновенно называемъ ихъ уродливостью или чудовищностью. Во многихъ случаяхъ онѣ вызываются, какъ показали опыты, тѣмъ, что родительскій организмъ подвергаютъ опредѣленному уходу, ставя его въ особенныя условія питанія, напримѣръ, лишая его воздуха и свѣта или измѣняя опредѣленнымъ образомъ другія условія, сильно вліяющія на его питаніе. Новое условіе существованія вызываетъ сильное и рѣзкое измѣненіе формы, но только не непосредственно организма, поставленнаго въ это условіе, а его потомства. До сихъ поръ однако представляется невозможнымъ въ отдѣльныхъ случаяхъ распознать способъ и характеръ этого дѣйствія, и мы можемъ только вообще установить причинную связь между чудовищнымъ образованіемъ дѣтеныша и извѣстнымъ измѣненіемъ въ условіяхъ существованія его родителей, а также и вліяніе этого измѣненія на органы размноженія послѣднихъ. Къ ряду чудовищныхъ или скачкообразныхъ измѣненій, повидимому, относятся также раньше упомянутыя явленія альбинизма, равно какъ и отдѣльные случаи людей съ шестью пальцами на рукахъ и ногахъ, безрогаго скота, а также овецъ и козъ съ четырьмя и шестью рогами. По всей вѣроятности, во всѣхъ этихъ случаяхъ чудовищное видоизмѣненіе обязано своимъ происхожденіемъ причинѣ, прежде поразившей материнское яйцо или отцовское сѣмя.

Въ видѣ третьяго особеннаго проявленія непрямого приспособленія можно указать *законъ полового или сексуальнаго приспособленія.* Такъ называемъ мы тотъ замѣчательный фактъ, что опредѣленныя вліянія, дѣйствовавшія на мужскіе органы размноженія, проявляются только въ мужскомъ потомствѣ, такъ же какъ другія вліянія, касавшіяся женскихъ органовъ размноженія, обнаруживаютъ свое дѣйствіе только въ женскомъ потомствѣ. Это замѣчательное явленіе еще весьма темно и мало обращаетъ на себя вниманіе, но, по всей вѣроятности, представляетъ громадное значеніе для происхожденія прежде разсмотрѣнныхъ «вторичныхъ сексуальныхъ признаковъ».

Всѣ приведенныя здѣсь явленія полового, скачкообразнаго или индивидуальнаго приспособленія, принимаемыя нами за «законы непрямого или посредственнаго (потенціальнаго) приспособленія», въ своей сущности, въ своей глубокой причинной связи еще крайне мало намъ извѣстны. Съ увѣренностью можно только утверждать, что весьма многочисленныя и важныя преобразованія органическихъ формъ обязаны своимъ происхожденіемъ этому процессу. Многія поразительныя измѣненія формы и исключительно обусловливаются причинами, прежде дѣйствовавшими на питаніе родительскаго организма и тѣмъ самымъ и на органы размноженія его. Очевидно при этомъ, что тѣ важныя взаимныя отношенія, въ которыхъ органы размноженія стоятъ къ прочимъ частямъ тѣла, представляютъ громадное значеніе. Объ этомъ мы скажемъ еще, говоря о законѣ взаимнаго приспособленія. Насколько мощно дѣйствуютъ на размноженіе организмовъ вообще измѣненія въ жизненныхъ условіяхъ, въ питаніи, видно уже изъ того замѣчательнаго факта, что многочисленныя дикія животныя, содержимыя нами въ нашихъ зоологическихъ садахъ, точно такъ же, какъ и многія перенесенныя въ наши ботаническіе сады экзотическія растенія, теряютъ способность размножаться; примѣромъ можетъ служить большинство

хищныхъ птицъ, попугаевъ и обезьянъ. Также слонъ и медвѣдеобразныя хищныя почти никогда въ плѣну не даютъ приплода. Также безплодны въ культурномъ состояніи и многія растенія. Хотя и происходитъ соединеніе обоихъ половъ, но не наступаетъ оплодотворенія или развитія оплодотвореннаго зародыша. Отсюда несомнѣнно слѣдуетъ, что измѣненный культурнымъ состояніемъ способъ питанія совершенно уничтожаетъ способность размноженія и обладаетъ поэтому величайшимъ вліяніемъ на органы размноженія. Подобнымъ образомъ и другія приспособленія или измѣненія питанія родительскаго организма, хотя и не уничтожаютъ всего потомства, но вызываютъ значительныя измѣненія въ ихъ структурѣ и формѣ.

Гораздо болѣе извѣстны намъ сравнительно съ явленіями непрямого или потенціальнаго приспособленія явленія *прямого или актуальнаго приспособленія*, къ ближайшему разсмотрѣнію которыхъ мы перейдемъ сейчасъ. Сюда относятся всѣ видоизмѣненія организмовъ, являющіяся результатомъ упражненія, привычки, дрессировки, воспитанія и т. д., а также преобразованія, непосредственно вызываемыя вліяніемъ пищи, климата и другихъ внѣшнихъ условій существованія. Какъ уже упомянуто было раньше, здѣсь, въ случаѣ прямого или непосредственнаго, приспособленія преобразующее вліяніе внѣшнихъ причинъ сказывается въ индивидуальной формѣ или структурѣ соотвѣтственнаго организма, а не исключительно въ его потомствѣ.

Среди различныхъ законовъ прямого или актуальнаго приспособленія въ качествѣ самаго высшаго и наиболѣе обобщающаго, мы можемъ поставить на вершинѣ ихъ *законъ общаго или универсальнаго приспособленія*. Послѣдній коротко можетъ быть выраженъ въ слѣдующихъ словахъ: «Всѣ органическіе индивиды, благодаря приспособленію на своемъ жизненномъ пути къ различнымъ условіямъ существованія, становятся несходными другъ съ другомъ, хотя индивиды одного и того же вида остаются по большей части весьма подобными другъ другу». Нѣкоторое несходство всѣхъ отдѣльныхъ существъ обусловливается уже закономъ индивидуальнаго (непрямого) приспособленія. Но это внезапно явившееся несходство отдѣльныхъ организмовъ еще болѣе возрастаетъ, благодаря тому обстоятельству, что всякій индивидъ въ теченіе своей самостоятельной жизни подчиняется и приспособляется къ особеннымъ условіямъ своего существованія. Всѣ различные организмы каждаго вида, какъ бы подобны они ни были въ первыя стадіи своей жизни, въ дальнѣйшемъ теченіи послѣдней становятся болѣе или менѣе несходными. Эти то слабыя, то весьма значительныя особенности отличаютъ ихъ другъ отъ друга, и это является естественнымъ результатомъ различія условій, среди которыхъ живутъ всѣ индивиды. Безусловно нѣтъ двухъ организмовъ какого-либо вида, ведущихъ свое существованіе при совершенно одинаковой обстановкѣ. Жизненныя условія пищи, влажности, воздуха, свѣта, далѣе жизненныя условія общества, взаимныхъ отношеній къ окружающимъ индивидамъ одного и того же вида, у всѣхъ отдѣльныхъ организмовъ неодинаковы; это различіе прежде всего дѣйствуетъ преобразующимъ образомъ на функціи, затѣмъ на форму каждаго отдѣльнаго организма.

Если дѣти одного и того же человѣческаго семейства ужъ съ самаго начала обнаруживаютъ нѣкоторыя индивидуальныя различія, разсматриваемыя нами, какъ результатъ индивидуальнаго (непрямого) приспособленія, то въ слѣдующіе періоды жизни, когда они подвергаются различнымъ вліяніямъ, приспособляясь при этомъ къ различнымъ

жизненнымъ отношеніямъ, это различіе становится еще болѣе рѣзкимъ. Первоначально заложенное различіе въ ходѣ индивидуальнаго развитія, очевидно, становится тѣмъ сильнѣе, чѣмъ дольше продолжается жизнь, чѣмъ болѣе разнородныя внѣшнія условія оказываютъ свое вліяніе на отдѣльныхъ индивидовъ. Проще всего это можно показать на самомъ человѣкѣ, а также на домашнихъ животныхъ и культурныхъ растеніяхъ, у которыхъ по произволу можно измѣнять условія жизни. Два брата, изъ которыхъ одинъ воспитывается, какъ работникъ, а другой,—какъ пасторъ, совершенно различно развиваются въ отношеніи своего тѣла и духа; точно такъ же, какъ двѣ собаки одного и того же помета, изъ которыхъ одна воспитана для охоты, а другая—для охраны. Но то же самое относится и къ органическимъ индивидамъ въ естественномъ состояніи. Если вы тщательно сравните между собою всѣ деревья сосноваго или буковаго лѣса, то вы никогда не найдете среди сотни или тысячи деревьевъ одного и того же вида двухъ индивидовъ совершенно одинаковыхъ въ отношеніи величины ствола и отдѣльныхъ частей ихъ, числа вѣтвей, листьевъ, плодовъ и т. д. Всюду замѣтите вы индивидуальныя несходства, которыя, по крайней мѣрѣ отчасти, вызваны различіемъ жизненныхъ условій, окружающихъ всѣ деревья. Конечно, никогда нельзя опредѣленно сказать, какая часть этого несходства всѣхъ отдѣльныхъ организмовъ каждаго вида явилась первоначально (будучи вызвана непрямымъ индивидуальнымъ приспособленіемъ) и какая часть его была пріобрѣтена (благодаря содѣйствію прямого универсальнаго приспособленія).

Не менѣе важенъ и общъ, чѣмъ это универсальное приспособленіе, второй рядъ явленій прямого приспособленія, который можно было бы назвать *закономъ накопленнаго или совокупнаго приспособленія.* Подъ этимъ именемъ я разумѣю великое число важныхъ явленій, обыкновенно распредѣляемыхъ въ двѣ группы. Во-первыхъ, обыкновенно различаютъ такія измѣненія организмовъ, которыя создаются *непосредственнымъ* постояннымъ вліяніемъ внѣшнихъ условій (продолжительнымъ дѣйствіемъ пищи, климата, окружающей обстановки и т. д.), и, во-вторыхъ, такія измѣненія, которыя возникаютъ *при посредствѣ* упражненія или привычки къ опредѣленнымъ условіямъ жизни, употребленія или не употребленія органовъ. Эти послѣднія вліянія особенно Ламаркомъ были выдвинуты, какъ важныя причины преобразованія органическихъ формъ, въ то время какъ первыя уже давно были признаны въ широкихъ кругахъ.

Рѣзкое различіе, обыкновенно проводимое между этими обѣими группами накопленнаго или совокупнаго приспособленія и выдвинутое еще Дарвиномъ, тотчасъ исчезаетъ при болѣе тщательномъ и глубокомъ разсмотрѣніи собственной сущности и причиннаго основанія этихъ на видъ весьма различныхъ рядовъ приспособленія. При этомъ приходимъ къ тому убѣжденію, что въ обоихъ случаяхъ имѣемъ дѣло съ двумя различными дѣйствующими причинами, а именно, съ одной стороны, съ *внѣшнимъ воздѣйствіемъ* (action) приспособляюще дѣйствующихъ условій жизни и, съ другой стороны, съ внутреннимъ противодѣйствіемъ (реакціей) организма, подчиняющагося и приспособляющагося къ этимъ условіямъ жизни. Если разсматриваютъ накопленное приспособленіе въ первомъ смыслѣ, исключительно относя его къ преобразующему продолжительному дѣйствію внѣшнихъ условій существованія, то при этомъ односторонне приписываютъ первенствующее значеніе внѣшнему дѣйствію, оставляя безъ вниманія выступающее здѣсь внутреннее противо-

дѣйствіе организма. Если же, наоборотъ, разсматриваютъ накопленное приспособленіе во второмъ направленіи, односторонне выдвигая преобразующую самодѣятельность организма, его противодѣйствіе внѣшнему вліянію, его измѣненіе, благодаря упражненію, привычкѣ, употребленію или неупотребленію органовъ, то при этомъ забываютъ, что это противодѣйствіе или реакція вызвана только дѣйствіемъ внѣшнихъ условіе существованія. Такимъ образомъ, мы имѣемъ здѣсь только различіе въ способѣ содержанія, ведущее къ разграниченію этихъ двухъ группъ, и я думаю, что ихъ съ полнымъ правомъ можно разсматривать совокупно. Самымъ существеннымъ въ этихъ явленіяхъ накопленнаго приспособленія всегда является то, что измѣненіе организма, сперва выражающееся въ его функціи и затѣмъ въ образованіи его формы, вызывается или долго продолжающимися, или часто повторяющимися воздѣйствіемъ внѣшнихъ причинъ. Самая ничтожная причина, благодаря накопленію ея дѣйствія, можетъ привести къ величайшимъ послѣдствіямъ.

Примѣры этого рода прямого приспособленія безконечно многочисленны. Въ какой бы уголокъ растительной или животной жизни вы ни заглянули, всюду вы замѣтите убѣдительныя, яркія, бросающіяся въ глаза измѣненія этого рода. Прежде всего я хотѣлъ бы выдвинуть здѣсь нѣкоторыя явленія приспособленія, непосредственно обусловливаемыя вліяніемъ пищи. Всякій изъ насъ знаетъ, что, разводя домашнихъ животныхъ для извѣстныхъ цѣлей, можно различнымъ образомъ видоизмѣнять ихъ помощью различнаго количества и качества пищи. Сельскій хозяинъ, желающій получить въ овцеводствѣ тонкую шерсть, даетъ овцамъ другой кормъ, чѣмъ тогда, когда онъ хочетъ достигнуть хорошаго мяса или обильнаго жира. Отличныя скаковыя лошади и рысаки получаютъ другой кормъ, чѣмъ рабочія лошади и тяжеловѣсные ломовики. Даже форма человѣческаго тѣла, степень жирового отложенія, напр., совершенно различны, сообразно съ пищей. Богатая азотомъ пища вызываетъ меньше жирового отложенія, бѣдная азотомъ, наоборотъ, больше. Люди, лѣчащіеся отъ полноты, ѣдятъ только мясо и яйца, совершенно не употребляя ни хлѣба, ни картофеля. Всѣмъ извѣстно, какія значительныя измѣненія культурныхъ растеній можно получить исключительно только помощью различнаго количества и качества пищи. Одно и то же растеніе получаетъ совершенно различный видъ, смотря по тому, содержится ли оно въ сухомъ тепломъ мѣстѣ на солнечномъ свѣтѣ, или въ тѣни, въ холодномъ и сыромъ мѣстѣ. Многія растенія, будучи посажены на морскомъ берегу, по истеченіи нѣкотораго времени пріобрѣтаютъ толстыя мясистыя листья; и тѣ же самыя растенія, посаженныя на исключительно сухомъ, накаленномъ мѣстѣ, получаютъ тонкіе, волосатые листья. Всѣ измѣненія формы возникаютъ непосредственно благодаря накопленному вліянію измѣненнаго питанія.

Могущественное измѣняющее и преобразующее вліяніе на организмъ оказываетъ не только количество и качество пищевыхъ средствъ, но и всѣ другія внѣшнія условія существованія, прежде всего ближайшая органическая среда, общество дружественныхъ или враждебныхъ организмовъ. Одно и то же дерево совершенно различно развивается на открытомъ мѣстѣ, гдѣ оно со всѣхъ сторонъ свободно, или въ лѣсу, гдѣ оно должно приспособляться къ окружающей обстановкѣ, гдѣ его тѣснятъ ближайшіе сосѣди, заставляя подниматься вверхъ. Въ первомъ случаѣ широко разростается крона, въ послѣднемъ вытягивается въ вышину стволъ, а крона остается небольшой и сдавленной. Насколько мощно вліяютъ всѣ эти обстоятельства, насколько велико дѣй-

ствіе на всякое животное и растеніе окружающихъ организмовъ, паразитовъ и т. д., всѣмъ такъ извѣстно, что дальнѣйшіе примѣры были бы излишни. Вызываемое такимъ образомъ измѣненіе формы, преобразованіе, никогда не является исключительно непосредственнымъ слѣдствіемъ внѣшняго вліянія, но всегда встрѣчается съ соотвѣтственнымъ противодѣйствіемъ, самодѣятельностью организма, въ видѣ привычки, упражненія, употребленія или неупотребленія органовъ. То обстоятельство, что эти послѣднія явленія обыкновенно разсматриваютъ отдѣльно отъ первыхъ, объясняется, во-первыхъ, уже указанною односторонностью способа созерцанія и, во-вторыхъ, совершенно ложнымъ представленіемъ о сущности и вліяніи дѣятельности воли у животныхъ.

Дѣятельность воли, лежащая въ основаніи привычки, упражненія, употребленія или неупотребленія органовъ, подобно всякой другой дѣятельности животной души, обусловливается матеріальными процессами въ центральной нервной системѣ, особенными движеніями бѣлковой матеріи гангліозныхъ клѣтокъ и связанныхъ съ ними нервныхъ нитей. Воля высшихъ животныхъ, такъ же, какъ и остальныя отрасли душевной дѣятельности, представляетъ въ сравненіи съ человѣкомъ только количественное (а не качественное) отличіе. Воля животнаго, какъ и человѣка, никогда не бываетъ свободною. Широко распространенная догма о свободѣ воли съ точки зрѣнія естествознанія совершенно не выдерживаетъ критики. Каждый физіологъ, строго научно изслѣдуя дѣятельность воли у человѣка и животныхъ, неотразимо приходитъ къ убѣжденію, что *воля на самомъ дѣлѣ никогда не бываетъ свободна*, но всегда обусловлена внѣшними или внутренними вліяніями. Эти вліянія въ большинствѣ случаевъ представленія, пріобрѣтенныя путемъ приспособленія или наслѣдственности, и сводятся къ одной изъ этихъ двухъ физіологическихъ функцій. Стоитъ только строго прослѣдить проявленіе своей собственной воли, оставивъ обычный предразсудокъ о свободѣ воли, чтобы убѣдиться, что всякое, повидимому, свободное движеніе ея вызвано предшествующими представленіями, и эти послѣднія коренятся въ наслѣдственныхъ или какъ-нибудь иначе пріобрѣтенныхъ представленіяхъ; такимъ образомъ, въ послѣднемъ счетѣ они обусловлены законами приспособленія и наслѣдственности. То же самое можно сказать и о дѣятельности воли всѣхъ животныхъ. Тщательно разсмотрѣвъ её въ связи съ образомъ жизни и измѣненіями его въ зависимости отъ внѣшнихъ условій, тотчасъ убѣдимся, что иное пониманіе невозможно. Поэтому, мы должны также внести въ рядъ матеріальныхъ процессовъ накопленнаго приспособленія и измѣненія волевыхъ движеній, вытекающихъ изъ перемѣны питанія и преобразующе дѣйствующихъ въ видѣ упражненія, привычки и т. д.

Приспособляясь къ измѣнившимся условіямъ существованія путемъ продолжительнаго привыканія, упражненія и т. д., животная воля можетъ содѣйствовать весьма значительнымъ преобразованіямъ органическихъ формъ. Можно встрѣтить разнообразные примѣры этого повсюду въ животной жизни. Такъ, напр., нѣкоторые органы у домашнихъ животныхъ, находясь, вслѣдствіе измѣнившагося образа жизни, въ бездѣятельномъ состояніи, теряютъ способность къ функціонированію. Утки и куры, отлично летающія въ дикомъ состояніи, болѣе или менѣе отвыкаютъ отъ этихъ движеній въ культурномъ состояніи. Онѣ привыкаютъ здѣсь больше къ движенію своими ногами, чѣмъ крыльями, и вслѣдствіе этого существенно измѣняются и употребляемыя при этомъ

части мускулатуры и скелета въ своемъ развитіи и въ своей формѣ. Для различныхъ породъ домашней утки, происходящихъ отъ дикой утки (anas boschas), Дарвинъ ясно показалъ это весьма тщательнымъ сравнительнымъ измѣненіемъ и взвѣшиваніемъ соотвѣтственныхъ частей скелета. Кости крыльевъ у домашней утки развиты слабѣе, а кости ногъ, наоборотъ, сильнѣе, чѣмъ у дикой утки. У страусовъ и другихъ бѣгающихъ птицъ, совершенно отвыкшихъ отъ употребленія крыльевъ, послѣднія вслѣдствіе этого недоразвиваются, нисходя при этомъ до «рудиментарныхъ органовъ». У многихъ домашнихъ животныхъ, особенно у многихъ породъ собакъ и кроликовъ, мы видимъ отвисшія уши, пріобрѣтенныя ими въ культурномъ состояніи. Это является просто слѣдствіемъ уменьшеннаго употребленія ушныхъ мускуловъ. Въ дикомъ состояніи они должны были часто напрягать ихъ, стремясь замѣтить приближеніе врага, и благодаря этому развился сильный мышечный аппаратъ, удерживающій уши въ стоячемъ положеніи и поворачивающій ихъ во всѣ стороны. Въ культурномъ состояніи тѣ же самыя животныя не имѣютъ нужды столь внимательно прислушиваться; и они только немного поднимаютъ и шевелятъ своими ушами; ушныя мышцы, вслѣдствіе неупотребленія, постепенно атрофируются, и уши лѣниво отвисаютъ или становятся рудиментарными.

Какъ въ этихъ случаяхъ функціи, а потому и форма органа вслѣдствіе неупотребленія идутъ назадъ въ своемъ развитіи, такъ съ другой стороны при большемъ употребленіи онѣ сильнѣе развиваются. Это особенно ясно выступаетъ, когда мы сравнимъ мозгъ и обусловливаемую имъ душевную дѣятельность у дикихъ животныхъ и происшедшихъ отъ нихъ домашнихъ животныхъ. Въ особенности собака и лошадь, столь удивительно облагороженныя культурой, обнаруживаютъ при сравненіи съ ихъ дикими соплеменниками чрезвычайное развитіе душевной дѣятельности, ихъ очевидно связанное съ нимъ преобразованіе мозга по большей части обусловлено продолжительнымъ упражненіемъ. Всѣмъ извѣстно далѣе, какъ сильно и скоро растутъ мышцы и измѣняется ихъ форма при постоянномъ упражененіи. Сравните, напр., руки и ноги ловкаго гимнаста и неподвижнаго домосѣда.

Насколько могущественно внѣшнія вліянія дѣйствуютъ на привычки животныхъ, ихъ образъ жизни, и благодаря этому, и на ихъ форму, весьма ясно показываютъ нѣкоторые примѣры амфибій и рептилій. Весьма нерѣдко встрѣчающаяся змѣя, кольчатый обыкновенный ужъ, кладетъ яйца, требующія еще три недѣли для своего развитія. Но если его держать въ клѣткѣ безъ песка, то онъ не кладетъ яицъ, но носитъ ихъ съ собой, пока не разовьются дѣтеныши. Столь важное различіе живородящихъ и яйценесущихъ животныхъ здѣсь сглаживается просто измѣненіемъ почвы.

Чрезвычайно интересны въ этомъ отношеніи также водяныя саламандры или тритоны, принужденные сохранять свои первоначальныя жабры. Эти амфибіи близко родственны лягушкамъ и, подобно послѣднимъ, обладаютъ въ своей юности наружными органами дыханія, жабрами. Пока ихъ личинки живутъ въ водѣ, онѣ дышутъ, подобно рыбамъ, жабрами. Позже наступаетъ у тритоновъ метаморфозъ, какъ у лягушекъ. Они выходятъ на землю, теряютъ жабры и привыкаютъ къ дыханію легкими. Если въ этомъ имъ помѣшать, содержа ихъ въ замкнутомъ тазѣ съ водой, то часто они сохраняютъ жабры. Болѣе того, онѣ становятся устойчивыми, и водяная саламандра остается въ теченіе всей жизни на той низшей ступени развитія, которую ниже

ихъ стоящіе родичи, жаберныя саломандры, никогда не переступаютъ; она достигаетъ полнаго своего роста, половой зрѣлости и размножается, не теряя жаберъ.

Нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ вниманіе зоологовъ обратилъ на себя аксолотль (siredon pisciformis), близко родственная тритону саламандра изъ Мексики, уже давно извѣстная и въ большихъ размѣрахъ разводимая въ парижскомъ ботаническомъ саду. Это животное также обладаетъ наружными жабрами, какъ и юная личинка водяной саламандры, но сохраняетъ ихъ обыкновенно въ теченіе всей своей жизни. Но вотъ какъ-то разъ среди сотенъ этихъ животныхъ неожиданно выползли изъ воды на землю нѣсколько штукъ, потеряли свои жабры и обратились въ безжаберную форму саламандры, которая ничѣмъ не отличается отъ сѣверо американскаго рода тритоновъ (amblystoma) и дышитъ только легкими. Оказалось такимъ образомъ, что аксолотль въ другихъ странахъ нормально преобразуется въ безжаберную amblystoma; но въ Мексиканскомъ морѣ, какъ и въ нашихъ акваріяхъ, достигаетъ онъ половой зрѣлости, какъ жаберная рыбоподобная саламандра. Въ этомъ послѣднемъ крайне замѣчательномъ случаѣ мы непосредственно можемъ прослѣдить громадный скачекъ отъ дышащаго водой къ дышащему воздухомъ животному, скачекъ, наблюдаемый ранней весной въ исторіи индивидуальнаго развитія лягушекъ и саламандръ. Но точно такъ же, какъ всякая отдѣльная лягушка и всякая отдѣльная саламандра позже превращаются изъ первоначально дышащей жабрами амфибіи въ дышащую легкими амфибію, такъ и вся группа лягушекъ и саламандръ первоначально произошли изъ дышащихъ жабрами родственныхъ протею животныхъ. Sozobranchia еще до сихъ поръ стоятъ на низшей ступени развитія. Онтогенія выясняетъ здѣсь филогенію, исторія развитія индивидовъ—исторію развитія цѣлаго класса.

Среди явленій накопленнаго или совокупнаго приспособленія особенно важную группу составляютъ видоизмѣненія организаціи, весьма обстоятельно разъясненную Вильгельмомъ Ру, какъ *функціональныя приспособленія*. Его сочиненіе о «борьбѣ частей организма» (1881) въ согласіи съ Ламаркомъ исходитъ изъ морфологическихъ дѣйствій физіологическихъ функцій или жизнедѣятельностей. Онъ показываетъ, въ какой сильной степени упражненіе органовъ укрѣпляетъ ихъ, неупражненіе ослабляетъ; первое содѣйствуетъ гипертрофіи и росту органовъ, послѣднее—атрофіи и недоразвитію ихъ. Съ полнымъ основаніемъ онъ придаетъ главное значеніе несомнѣнной *наслѣдственной передачѣ* этихъ пріобрѣтенныхъ измѣненій, и оттѣняетъ дифференцирующее и преобразующее дѣйствіе функціональныхъ раздраженій. Но особенно важны разъясненія болѣе глубоко идущихъ непосредственныхъ измѣненій, вызываемыхъ увеличеніемъ или уменьшеніемъ упражненія органовъ какъ въ тканяхъ этихъ послѣднихъ, такъ и въ составляющихъ ихъ клѣткахъ. На эти весьма важныя измѣненія я указалъ уже въ 1866 году въ моей общей морфологіи, когда дѣлалъ попытку свести всѣ *приспособленія* на *питаніе* тканей, какъ основную физіологическую дѣятельность (т. II, стр. 193). Ру подробно далѣе излагаетъ вліяніе функціональныхъ побужденій на питаніе, разсматривая при этомъ активно и пассивно дѣйствующія части. Онъ указываетъ на болѣе тонкую структуру костей и мышцъ, железъ и кровеносныхъ сосудовъ, и объясняетъ, какъ могло возникнуть такое въ высокой степени цѣлесообразное устройство непосредственно вслѣдствіе дѣйствія функціональныхъ

раздраженій на питаніе. Отсюда ясно слѣдуетъ, какъ могло возникнуть наивысшее совершенство организаціи непосредственно, благодаря жизнедѣятельности самого организма — телеологическая механика, не предполагающая какой-либо сознательной цѣли или такъ называемаго плана. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ясно, какъ могли прямо передаваться при помощи наслѣдственности новыя цѣлесообразныя образованія, безъ *необходимаго* содѣйствія естественнаго подбора.

Въ послѣднее время, однако, Ру отказался отъ важнѣйшей части своихъ воззрѣній и принялъ противоположную несовмѣстимую съ ними теорію зародышевой плазмы Вейсмана. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отрицаетъ «наслѣдственность пріобрѣтенныхъ свойствъ» и филогенетическое значеніе функціональныхъ измѣненій. Въ самомъ дѣлѣ, если эти измѣненія наслѣдственно не передаются въ потомство, то они совершенно безполезны въ преобразованіи видовъ. Но я долженъ здѣсь тѣмъ сильнѣе отмѣтить высокое значеніе функціональнаго и накопленнаго приспособленія, что послѣднее *въ взаимодѣйствіи съ прогрессивной наслѣдственностью* составляетъ, по моему убѣжденію, одну изъ важнѣйшихъ причинъ филетической трансформаціи.

Въ тѣсной связи съ этими явленіями стоитъ законъ взаимнаго или соотносительнаго (коррелятивнаго) приспособленія. Согласно съ этимъ важнымъ закономъ, актуальное приспособленіе измѣняетъ не только части организма, непосредственно подверженныя его дѣйствію, но и другія, непосредственно не задѣваемыя имъ. Это является результатомъ органической связи, особеннаго отношенія питанія, существующаго между всѣми частями организма. Если напр., у растенія, посаженнаго на сухой почвѣ, увеличивается число волосковъ на поверхности листьевъ, то это измѣненіе можетъ отразиться на питаніи другихъ частей, и привести къ укороченію междуузлій стебля и къ сжатію всего растенія. У нѣкоторыхъ породъ свиней и собакъ, напр., у турецкой собаки, вслѣдствіе приспособленія къ жаркому климату болѣе или менѣе теряющей свою шерсть, регрессируетъ въ то же время развитіе зубовъ. У китовыхъ рыбъ и неполнозубыхъ млекопитающихъ (броненосцевъ и т. д.), болѣе всего отличающихся отъ прочихъ млекопитающихъ характерными образованіями кожи, замѣчаются вмѣстѣ съ тѣмъ величайшія отклоненія въ развитіи зубовъ. Далѣе, породы домашнихъ животныхъ (какъ, напр., рогатый скотъ, свиньи), отличающіяся укороченными ногами, обыкновенно обладаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и короткой сжатой головой. Породы голубей съ весьма длинными ногами въ то же время обладаютъ и весьма длиннымъ клювомъ. Это соотношеніе длины ногъ и клюва вообще проявляется въ порядкѣ голенастыхъ или болотистыхъ птицъ (grallatores), аиста журавля, кулика и т. д. Взаимныя отношенія, существующія между различными частями организма, весьма замѣчательны, и причины ихъ въ отдѣльности по большей части неизвѣстны. Вообще можно только сказать: измѣненія питанія, касающіяся одной части организма, необходимо должны дѣйствовать и на всѣ другія части, такъ какъ питаніе каждаго организма есть связанная централизованная дѣятельность. Но почему та или другая часть находится въ такомъ замѣчательномъ соотношеніи. въ большинствѣ случаевъ намъ неизвѣстно.

Мы знаемъ великое число образованій, упомянутыхъ уже среди другихъ видоизмѣненій животныхъ и растеній, заключающихся въ недостаткѣ пигмента,—альбиносы или какерлакены. Недостатокъ обыкновеннаго красящаго вещества обусловливаетъ здѣсь нѣкоторыя измѣненія

въ образованіи другихъ частей, напр., мускульной системы, костной системы, т. е. тѣхъ органическихъ системъ, которыя во всякомъ случаѣ не находятся въ зависимости отъ системы наружной кожи. Весьма часто онѣ слабѣе развиваются и, поэтому, все тѣло пріобрѣтаетъ болѣе нѣжное и слабое строеніе, чѣмъ у окрашенныхъ животныхъ того же самаго вида. Точно также и органы чувствъ и нервная система своеобразно измѣняются недостаткомъ пигмента. Бѣлыя кошки съ голубыми глазами почти всегда глухи. Бѣлыя лошади отличаются отъ лошадей цвѣтныхъ мастей особенной склонностью къ образованію кожныхъ опухолей. Также и у человѣка степень развитія пигмента въ наружной кожѣ оказываетъ громадное вліяніе на чувствительность организма къ нѣкоторымъ болѣзнямъ. Европейцы съ темной кожей, черными волосами и карими глазами легче могутъ акклиматизироваться въ тропическихъ странахъ и менѣе подвержены господствующимъ тамъ болѣзнямъ (воспаленію печени, желтой лихорадкѣ и т. д.), чѣмь европейцы съ бѣлой кожей, свѣтлорусыми волосами и голубыми глазами.

Среди явленій соотношенія въ развитіи различныхъ органовъ особенно замѣчательны взаимныя отношенія половой системы къ прочимъ частямъ тѣла. Никакое измѣненіе животнаго не оказываетъ такого сильнаго дѣйствія на остальныя части тѣла, какъ опредѣленныя измѣненія половыхъ органовъ. Сельскіе хозяева, желая получить обильное жировое образованіе у свиней, овецъ и т. д., удаляютъ половыя железы путемъ вырѣзыванія (кастрація), и это производится у животныхъ того и другого пола. Благодаря этому, наступаетъ чрезмѣрное жировое развитіе. То же самое производитъ и его святѣйшество «непогрѣшимый» папа съ тѣми кастратами, которые должны пѣть въ соборѣ Петра во славу Господа. Эти несчастные кастрируются въ ранней юности для того, чтобы сохранить свои высокіе дѣтскіе голоса. Вслѣдствіе этого уродованія половыхъ органовъ, головка дыхательнаго горла (адамово яблоко) остается на юношеской ступени своего развитія. Въ тоже время слабо развивается мускулатура всего тѣла, въ то время, какъ подъ кожей скопляется большое количество жира. Но это уродованіе оказываетъ могущественное вліяніе и на развитіе центральной нервной системы, энергіи, воли и т. д.; мужскіе кастраты, или евнухи, подобно кастрированнымъ домашнимъ животнымъ мужского пола, теряютъ опредѣленныя черты мужскаго характера. Мужчина остается мужчиной душой и тѣломъ, только благодаря своимъ мужскимъ половымъ железамъ.

Эти крайне важныя *соотношенія* между половыми органами и прочими частями тѣла, прежде всего, мозгомъ, существуютъ въ равной мѣрѣ у обоихъ представителей половъ. Это можно было бы ожидать уже потому, что у большинства животныхъ эти двоякаго рода органы развиваются изъ одной и той же закладки. У человѣка, какъ и у прочихъ позвоночныхъ, первоначальная закладка половыхъ железъ (гонада) одна и таже. Въ одномъ и томъ же мѣстѣ полости тѣла изъ эпителія возникаютъ клѣтки, изъ которыхъ затѣмъ, путемъ повторнаго дѣленія у дѣвочки развиваются яйцевыя клѣтки, у мальчика—сѣмянныя клѣтки. У юныхъ эмбріоновъ нельзя различать пола. Только мало-помалу появляются въ теченіе эмбріональнаго развитія (у человѣка на девятой недѣлѣ его эмбріологической жизни) различія половъ, причемъ гонада у женщины развивается въ яичникъ, у мужчины—въ сѣмянную железу. Всякое измѣненіе женской яйцевой железы сопровождается болѣе или менѣе значительнымъ уменьшеніемъ всего женскаго орга-

низма, точно такъ же какъ всякое измѣненіе мужской железы отражается на всемъ мужскомъ организмѣ. Вирховъ въ своей превосходной статьѣ «Женщина и клѣтка» въ слѣдующихъ словахъ выражаетъ важность этого соотношенія: «Женщина остается женщиной только благодаря своей половой железѣ; всѣ особенности ея тѣла и духа или ея питанія и нервной дѣятельности: сладостная нѣжность и округлость ея членовъ вмѣстѣ съ своеобразной формой ея таза, развитіе грудей вмѣстѣ съ постоянствомъ голосового органа, эта чудная краса ея волосъ и едва замѣтный мягкій пушокъ ея кожи, и затѣмъ эта глубина чувства, эта ясность непосредственнаго созерцанія, эта кротость, искренняя преданность и вѣрность—короче, все, чему мы удивляемся и что чтимъ мы въ истинной женщинѣ, какъ ея женственность, есть только результатъ ея яичника. Удалите вы яичникъ, и предъ вами предстанетъ мужеженщина въ ея отвратительной половинчатости».

Это внутреннее соотношеніе или взаимная зависимость между половыми органами и прочими частями тѣла у растеній такъ же повсюду наблюдается, какъ и у животныхъ. Если желаютъ получить отъ садового растенія болѣе обильные плоды, то съ этою цѣлью ограничиваютъ ростъ его листвы, отрѣзая нѣкоторую часть листьевъ. Если же, напротивъ, стремятся получить декоративное растеніе съ полной величественностью и красотой его листьевъ, то для этого мѣшаютъ развитію его цвѣтовъ и плодовъ, отрѣзывая его цвѣтковыя почки. Въ обоихъ случаяхъ одна система органовъ развивается на счетъ другой. Также и у дикихъ растеній большинство измѣненій растительнаго (вегетативнаго) развитія листьевъ сопровождается соотвѣтственнымъ преобразованіемъ въ воспроизводительныхъ (генеративныхъ) частяхъ цвѣтка. Высокое значеніе «компенсаціи развитія», этого «соотношенія частей» было признано уже Гёте, Жофруа Сентъ-Илеромъ и другими натурфилософами. Прямое или актуальное приспособленіе можетъ измѣнить только одну единственную часть тѣла, не оказывая въ то же время дѣйствія на цѣлый организмъ.

Соотносительное приспособленіе органовъ размноженія и прочихъ частей тѣла заслуживаетъ особеннаго вниманія потому, что прежде всего способно бросить свѣтъ на разсмотрѣнныя передъ этимъ темныя и загадочныя явленія непрямого или потенціальнаго приспособленія. Въ самомъ дѣлѣ, насколько могущественно дѣйствуетъ всякое измѣненіе органовъ размноженія на остальное тѣло, такъ само собою понятно, и обратно, всякое глубокое измѣненіе какой-либо части тѣла должно болѣе или менѣе сильно отражаться и на органахъ размноженія. Но это отраженное дѣйствіе распространяется только на потомство, которое, происходя изъ измѣненныхъ половыхъ клѣтокъ, ясно обнаруживаетъ его. Эти замѣчательныя, но незамѣтныя измѣненія половой системы, яицъ и спермы, вызванныя такимъ взаимнымъ отношеніемъ, оказываетъ величайшее вліяніе на образованіе потомства; всѣ ранѣе описанныя явленія непрямого или потенціальнаго приспособленія могутъ быть сведены единственно на это взаимно-относительное приспособленіе.

Болѣе обширный рядъ отличныхъ примѣровъ соотносительнаго приспособленія доставляютъ намъ животныя и растенія, регрессировавшія въ своемъ развитіи, благодаря чужеядному образу жизни или паразитизму. Никакое другое измѣненіе образа жизни не дѣйствуетъ столь значительно на образованіе формъ, какъ привычки къ чужеядной жизни. Растенія теряютъ вслѣдствіе этого свои зеленые листья,

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

„МІРЪ БОЖІЙ"

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

(25 листовъ)

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ и редакціи: Лиговка, д. 25—8, кв. 5 и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Въ Москвѣ: въ отдѣленіяхъ конторы—въ конторѣ *Печковской,* Петровскія линіи и книжномъ магазинѣ Карбасникова, Кузнецкій мостъ, д. Коха.

1) *Рукописи,* присылаемыя въ редакцію, должны быть *четко переписаны,* снабжены подписью автора и его адресомъ, а также и указаніемъ размѣра платы, какую авторъ желаетъ получить за свою статью. Въ противномъ случаѣ размѣръ платы назначается самой редакціей.

2) Непринятыя мелкія рукописи и стихотворенія не возвращаются, и по поводу ихъ редакція ни въ какія объясненія не вступаетъ.

3) Принятыя статьи, въ случаѣ надобности, сокращаются и исправляются, непринятыя же сохраняются въ теченіе полугода и возвращаются по почтѣ только по уплатѣ почтоваго расхода деньгами или марками.

4) *Лица,* адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, для полученія отвѣта, прилагаютъ семикопѣечную марку.

5) Жалобы на неполученіе какого-либо № журнала присылаются въ редакцію *не позже двухъ-недѣльнаго срока* съ обозначеніемъ № адреса.

6) ***Иногороднихъ просятъ обращаться исключительно въ контору редакціи.*** Только въ такомъ случаѣ редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала.

7) При переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородные доплачивается 80 копѣекъ; изъ иногородныхъ въ городскіе 40 копѣекъ; при перемѣнѣ адреса на адресъ того-же разряда 14 копѣекъ.

8) Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за комиссію и пересылку денегъ 40 коп. съ каждаго годового экземпляра.

Контора редакціи открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 11 ч. утра до 4 ч. пополудни. Личныя объясненія *съ редакторомъ по вторникамъ,* отъ 2 до 4 час., *кромѣ праздничныхъ дней.*

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ съ доставкой и пересылкой въ Россіи **8** руб., безъ доставки **7** руб., за границу **10** руб. Адресъ: С.-Петербургъ, Лиговка, 25.

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.